ПЕЧАТЬ И РЕВОЛЮЦИЯ

PECHAT' I REVOLIUTSIIA

ZHURNAL LITERATURY ISKUSSTVA KRITIKI I BIBLIOGRAFII

Vol. 7

Nos. 4-6

1924

MOCKBA
KRAUS REPRINT
A Division of
KRAUS-THOMSON ORGANIZATION LIMITED
Nendeln, Liechtenstein
1970

Printed in Switzerland

Р.С.Ф.С.Р.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ

ПЕЧАТЬ
И
РЕВОЛЮЦИЯ

ЖУРНАЛ
ЛИТЕРАТУРЫ ИСКУССТВА
КРИТИКИ И БИБЛИОГРАФИИ

ПРИ БЛИЖАЙШЕМ УЧАСТИИ

А. В. ЛУНАЧАРСКОГО, Н. Л. МЕЩЕРЯКОВА,
М. Н. ПОКРОВСКОГО, В. П. ПОЛОНСКОГО,
И. И. СТЕПАНОВА-СКВОРЦОВА.

ИЮЛЬ-АВГУСТ

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1924

Редакция
номера закончена
1-го июля

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

1. МАНИФЕСТ КОМИНТЕРНА К МИРОВОМУ ПРОЛЕТАРИАТУ (К десятилетию империалистической войны) 1

СТАТЬИ И ОБЗОРЫ.

2. А. В. Луначарский. ЧЕМ МОЖЕТ БЫТЬ ЧЕХОВ ДЛЯ НАС. 19
3. Н. Александров. К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ЧЕЛОВЕКА С ВНЕШНЕЙ ПРИРОДОЙ 35
4. Г. Бамиель. ЛИТЕРАТУРА О ЛЕНИНИЗМЕ 45
5. Л. Н. Гроссман. БАКУНИН В «БЕСАХ» 56

6—7. МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИИ И ЛИТЕРАТУРЫ.

6. ПИСЬМА М. А. БАКУНИНА М. Н. КАТКОВУ ИЗ СИБИРИ. . 78
7. Н. Апостолов. ИЗ МАТЕРИАЛОВ ПО ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Л. Н. ТОЛСТОГО 88
8. И. Ильинский. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА В ТРАКТОВКЕ СОВЕТСКОЙ ЦИВИЛИСТИКИ 100

9—12. ОБОЗРЕНИЕ ИСКУССТВ и ЛИТЕРАТУРЫ.

9. А. Лежнев. „ОКТЯБРЬ“ и „РАБОЧИЙ ЖУРНАЛ“ 113
10. Федоров-Давыдов. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ МОСКВЫ. . . 120
11. Марков. МОСКОВСКАЯ ТЕАТРАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ В 1923—24 г. 130
12. Браудо. ИЗ МУЗЫКАЛЬНОЙ ЖИЗНИ ЗАПАДА 140
13. М. Эйхенгольц. СОВРЕМЕННАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ ПОЭЗИЯ . . 144

ОТЗЫВЫ О КНИГАХ.

I. Социализм и коммунизм. Ц. Фридлянда, С. Кривцова, М. Зеликмана, В. Адоратского, М. Брагинского. 152
II. Литература о Ленине. В. Невского 161
III. Империализм и международная политика. П. Китайгородского, В. Виленского (Сибирякова), Б. Пурецкого, В. Кряжина 163
IV. Иностранцы о России. И. Гливенко, С. Марголина. 169
V. Экономические науки и народное хозяйство. Ф. Капелюша, В. Сарабьянова, А. Кона, Д. Кузовкова, Ю. Спасского, Н. Мещерякова, А. Бессера. 173
VI. Вопросы о текущей жизни. В. Виленского-Сибирякова, Я. Шафира . 188

Стр.

VII. История

1. История революционного движения на Западе. Е. Косминского, Ц. Фридлянда, М. Лукина-Антонова, П. Керженцева. 192

2. История революционного движения в России. Дитякина, В. Невского, Б. Козьмина, П. Лепешинского, А. Шляпникова И. Ильинского, В. Пичеты, М. Клевенского, Д. Фурманова, С. Пионтковского, В. Полянского 198

3. Русская история. В. Дитякина, В. Пичеты, А. Конторовича, М. Клевенского, А. Сергеева. 217

4. История культуры. В. Стоклицкой-Терешкович, Н. Щербакова. 225

VIII. Философия и психология. Ц. Фридлянда, Г. Баммеля, Л. Лернера . 234

IX. Науки о природе. М. Гремяцкого, Н. Кольцова, С. Блажко, С. Вавилова, А. Крубера 234

X. Науки об обществе и государстве. А. Пионтковского, И. Ильинского, С. Минца 240

XI. Народное просвещение. Иоаннисиани, И. Ильинского, М. Пистрака, В. Менжинской, В. Чарнолусского, Ф. Шмидта 245

XII. Теория и история литературы. К. Локса, М. Кенигсберга, Р. Шор, Н. Бродского, Д. Благого, С. Боброва, Г. Винокура, Н. Кашина, Б. Неймана 255

XIII. Художественная литература. А. Лежнева, В. Вешнева, А. Юрлова. Л. Розенталя, Е. Браудо, С. Боброва, В. Волькенштейна 275

XIV. Искусства. В. Кряжина, И. Корницкого, Федорова-Давыдова, М. Горбункова, В. Згура, А. Греча, Г. Жидкова, Н. Тихонова, Е. Браудо, В. Яковлева, С. Бугославского, Н. Лебедева, Н. Щербакова 286

XV. Разные. С. Кипергань 307

Письмо в редакцию. 310

Литературная хроника. 315

В номере 12 иллюстраций, снимок с первой страницы романа «Тысяча восемьсот пятый год» и факсимиле Л. Н. Толстого в тексте.

МАНИФЕСТ

V КОНГРЕССА КОМИНТЕРНА
К МИРОВОМУ ПРОЛЕТАРИАТУ

К ДЕСЯТИЛЕТИЮ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

ПРИНЯТ ЕДИНОГЛАСНО
V ВСЕМИРНЫМ КОНГРЕССОМ КОМИНТЕРНА
5 ИЮЛЯ 1924 ГОДА

МАНИФЕСТ V КОНГРЕССА КОМИНТЕРНА К МИРОВОМУ ПРОЛЕТАРИАТУ.

Против войны!
Против буржуазии!
Против социал-предателей!
За всемирную революцию!
За диктатуру пролетариата!
За коммунизм!

I.

Десять лет прошло с тех пор, как мировая буржуазия разнуздала адские силы милитаризма. 1 августа 1914 года открылась величайшая в истории человеческая бойня. Правящие классы и их военные стратеги считали, что война закончится в несколько месяцев. Однако, вызванные ими события скоро переросли через их головы. Армии, непрерывно возрастая в числе, закапывались в землю друг против друга. Вся трудовая энергия Европы,—и далеко за ее пределами,—направлялась на нужды войны. Созидали, чтобы разрушать, и разрушали, чтобы творить новые орудия истребления. Четыре года три месяца и двадцать шесть дней длился этот подлый и безумный процесс, в котором капиталистическое общество нашло свое законное выражение.

Пролетарии строили машины разрушения. Пролетарии вместе с крестьянами их применяли. Пролетарии и крестьяне разных наций истребляли друг друга. Сейчас, оглядываясь назад, каждый из нас спрашивает себя: каким образом мыслимо было это безумие? Но еще важнее и острее другой вопрос: не грозит ли нам его повторение в будущем?

Военная катастрофа подготовлялась задолго. Передовые рабочие предвидели ее неизбежность и предупреждали об этом трудящиеся массы. Предотвратить надвигавшуюся войну и сделать войну вообще невозможной могла только революционная борьба, только восстание трудящихся против империализма. Такое восстание—какие бы жестокие формы оно ни приняло—не причинило бы и одной сотой, и одной тысячной доли тех человеческих жертв и материальных разрушений, которые вызвала война. Но восстания не произошло. Социалистические партии в подавля-

ющем большинстве своем не только не призывали рабочих к революционной борьбе против войны, но, наоборот, примкнули к своим правительствам, провозгласили войну своего государства правильной, справедливой войной и призвали трудящиеся массы поддерживать войну. Только благодаря этой поддержке социалистов буржуазия получила возможность держать в узде массы и вести войну. Только благодаря измене социалистических партий буржуазия могла длить войну свыше четырех лет. Только благодаря сотрудничеству социал-патриотических вождей с мясниками милитаризма человечество потеряло десять миллионов убитыми и приобрело многие миллионы калек. Только благодаря низкопробному прислужничеству Шейдемана и Эберта, Реноделя и Лонге, Гендерсона и Вандервельде буржуазия получила возможность беспрепятственно разорять и истощать Европу, разрушая то, что создано было усилиями веков.

День 1 августа 1914 года, первый день империалистической войны, день открытой капитуляции социал-демократических вождей перед буржуазией, остается навсегда самым черным, самым зловещим, самым бесчестным днем человеческой истории.

Рабочие и работницы, крестьяне и крестьянки! Вспомните, *что* вам говорили и *что* вам обещали правящие с первых дней войны. Вам говорили, что эта война принесет народу обеспеченное существование. Вам обещали, что в результате войны не будет больше тягот милитаризма. Вас заверяли, что эта война будет последней войной. Так говорили вам короли, президенты, буржуазные министры, журналисты. То же повторяли на свой лад социал-демократы и патриотические вожди профессиональных союзов. Теперь, ко дню десятилетия, вы, трудящиеся, можете полностью подвести итоги. Вы видите, как бесчестно злоупотребили вашим доверием. Даже и победоносные страны стали несравненно беднее, чем были до войны. Но если вас обманула буржуазия—это в порядке вещей: буржуазия—наш непримиримый и беспощадный враг. Вас обманули, однако, и те, которых вы считали вашими вождями. Социал-демократы, завоевавшие доверие рабочих своими речами против буржуазии, в день 4 августа 1914 года перекинулись на ее сторону и весь свой авторитет, весь свой вес обратили на то, чтобы помочь ей довести бойню до конца. Таковы факты! Такова голая правда!

Социал-демократы обещали в результате войны справедливый демократический, честный мир между народами. Они лгали. Они сознательно и рассчитано обманывали вас. Они не могли не знать, что мир будут диктовать победоносные империалисты. Бесчестная война, руководимая буржуазией при бесчестной поддержке социал-демократов могла привести только к бесчестному миру. Он был подписан в Версале, где торжествующий хищник наступил ногой на горло хищнику побежденному. Германию и ее союзников раздавили и расчленили.

Чтобы оправдать порабощение немецкого народа, не менее подлое, чем сама война, социалисты победоносных стран—Гендерсон, Ренодель,

Вандервельде и другие повторяли вслед за своей буржуазией: «Германия наказана за то, что именно она хотела войны и вызвала ее». Какое лицемерие и какое тупоумие! Если бы даже верно было, что только Гогенцоллерн и Габсбург ответственны за войну,—можно ли карать народ за злодеяния давившей его династии? Можно ли душить германский пролетариат за преступления его буржуазии? Социалисты стран Антанты считают справедливым лишать немецких рабочих, их жен и детей хлеба и молока в наказание за то, что немецкая буржуазия истребила и искалечила их братьев, мужей и отцов. Но может ли здравомыслящий и честный человек хоть на минуту допустить, что ответственность за войну ложится исключительно на Германию и Австро-Венгрию? Разве мы не знаем ненасытного империализма английской буржуазии, поработительницы колониальных народов? Разве мы не знаем отвратительной жадности французской биржи? Разве царская Россия, в союзе с Францией и Англией, не стремилась к захвату Константинополя и проливов? Империалистическая война явилась в результате столкновения разнузданных аппетитов обеих сторон. Все они вооружились для войны. Все хотели нового передела мира. Все стремились к захватам. Все рвались к добыче. Правящие классы обоих лагерей ответственны за войну, за ее четырехлетнюю длительность, за ее жертвы и разрушения, за ее безумный версальский исход. Не меньшая ответственность ложится клеймом бесчестья на лицо социал-демократических политиков, патриотических профессионалистов, прислужников буржуазии, наемных и добровольных агентов империализма, социалистических нотариусов версальского мира.

Одна страна не участвовала в версальском позоре ни как побежденная, ни как победительница. Трудящиеся массы революционной России, руководимые коммунистической партией, низвергли буржуазию, взяли в свои руки власть и вывели страну из адского круга войны. Правительство большевиков открыло железные шкафы царской дипломатии и опубликовало тайные документы, обличавшие преступность правительств Антанты наравне с правительствами Гогенцоллерна и Габсбурга. Сейчас уже неоспоримо, что, если бы Россия продолжала вести войну вместе с Антантой, как того хотели социалисты-революционеры и меньшевики, в конец истощенная страна превратилась бы в британско-французскую колонию, в северную Индию. Спасение свое Россия нашла только через Октябрьскую революцию!

Трудящиеся Германии и Австро-Венгрии в результате войны также поднялись на восстание. Старые династии были низвергнуты. Но социал-демократия удержала рабочие массы на первом этапе революции. Если после ноября 1918 года немецкие помещики и капиталисты сохранили богатства и власть, то они этим полностью и целиком обязаны Шейдеману, Эберту, Каутскому и всем другим вождям германской социал-демократии. Те же люди, те же политики, те же предатели, которые в течение четырех лет помогали кровавой гогенцоллернской шайке истреблять немецкий народ, удержали в конце 1918 года трудящихся от низверженья эксплуататоров. Если в потрясенной до самых основ Европе устояла после войны

власть капитала, это полностью и целиком заслуга Второго Интернационала—сторожа, цепной собаки у ворот буржуазии.

Германия экономически отброшена назад. Осколки императорской Австро-Венгрии отделены друг от друга колючей изгородью. Еще хуже на Балканском полуострове. Франция подавлена военными долгами и бременем милитаризма как никогда. Италия ослабла и не выходит из потрясений. Англия может только мечтать о своем довоенном экономическом могуществе. Хроническая безработица, как саркома, разъедает тело Европы. Численность европейской армии и флотов не ниже, чем накануне 1 августа 1914 года, а военные расходы, в соответствии с усложнением техники, несравненно выше.

Война жестоко ударила по крестьянству Европы, Америки и всего мира. Буржуазия каждой страны обещала своему крестьянству в результате войны расцвет сельского хозяйства. Она заверяла крестьянина, что после этой «последней войны» с крестьянских плеч будет снято непосильное бремя милитаризма. Крестьянство оказалось обмануто вдвойне. Если в начале войны зажиточное крестьянство, сбывая свои продукты по высоким ценам и уплачивая стране старые долги дешевыми деньгами, казалось разбогатевшим, то дальнейшее падение валюты превратило крестьянские барыши в мыльные пузыри. Хозяйственный упадок Европы понизил спрос на продукты сельского хозяйства и ударил не только по европейскому крестьянству, но и по американскому фермерству, доведя его до массового разорения. А в то же время милитаризм становится все более требовательным и расточительным. Бремя военных налогов грозит окончательно раздавить позвоночник крестьянину.

II.

Оккупация Рура французскими войсками в январе прошлого года явилась прямым продолжением империалистической войны: победитель добивал побежденного. Оккупация нанесла новый удар хозяйству Европы, и в первую голову стала источником дальнейшего ужасающего разорения Германии, обнищания ее народных масс. Но эта же оккупация, опрокинув франк, обнаружила непосильность для хозяйства Франции поддерживать военную диктатуру тяжелой индустрии над Европой. Каким, однако, образом французская буржуазия, после всех преступлений, которыми она себя покрыла в войне, могла снова бросить свою армию на рурское преступление? Каким образом могло оказаться, что трудящиеся массы Франции и всей Европы не помешали новому разбойничьему нападению? Рабочие, вдумайтесь в это, и вам станет ясно, что только поддержка буржуазии социалистами во Франции, как и в Германии, сделала возможной рурскую военную операцию и, следовательно, дальнейшее разорение Европы. Мы снова повторяем здесь: если бы рабочие массы Франции и Германии решились в революционном восстании принести те жертвы, какие вызвала одна только рурская оккупация, буржуазия была бы опрокинута, милитаризм был бы раздавлен, и в Европе

могли бы восторжествовать мир и труд. Но именно в такие наиболее ответственные часы, когда дело идет о жизни и смерти буржуазии, и о судьбе трудящихся, социал-демократы злостно нарушают единство революционного пролетарского фронта, сеют нерешительность в рабочих рядах, вызывают упадок духа, изолируют коммунистическую партию, подготовляя торжество капиталистической реакции.

Как бы в ознаменование великих заслуг, оказанных капитализму социал-демократией за истекшее десятилетие, европейская буржуазия к близящемуся кровавому юбилею ставит своих заслуженных, доверенных, испытанных меньшевиков у власти то полностью, то частично. В Англии сейчас у кормила—правительство так называемой рабочей партии. Во Франции—министерство левого блока, которое может существовать только при поддержке социалистов. В Германии социал-демократия является одной из опор буржуазного правительства. В Дании у власти стоит социал-демократическое министерство Стаунинга. В Бельгии не исключен приход к власти партии Вандервельде, который усердно расчищает себе путь. Даже в Италии буржуазия начинает тяготиться диктатурой Муссолини и подготовляет ему реформистскую смену. Фашизм временно сходит со сцены,—он как бы выполнил свою задачу. В самые трудные дни, когда пролетариат потрясал основы капиталистического строя, когда аппарат власти выпадал из рук растерянной буржуазии, фашистские банды спасали положение, заменяя собою обанкротившееся государство, отбрасывая прочь все условности парламентаризма и легальности, прибегая на службе буржуазии к резне, стрельбе, поджогам, разгромам. Фашизм есть важнейшее орудие капитала в часы высшего обострения гражданской войны. Другое его орудие—социал-демократия. В решающий момент она мобилизует все свои силы, чтобы помешать натиску пролетариата на буржуазное государство. Осуждая фашизм в длинных и бесплодных речах, укоряя буржуазию за ее жестокость, она в то же время заклинает рабочих воздержаться от «ужасов гражданской войны», обманывает, льстит, усыпляет, отравляет сознанье, парализует волю, духовно разоружает пролетариат и, в конце-концов, выдает его фашистам. Так было в Венгрии. Так было в Италии. Так было в Германии.

Когда буржуазия убеждается, что революционный натиск снова отбит сочетанием усилий фашизма и социал-демократии, тогда она считает своевременным восстановить менее кровавый, менее провокационный, более нормальный, т.-е. прикрытый лохмотьями легальности режим. И мы наблюдаем широкую смену декораций. Вчера еще авансцену занимали фашисты—с револьвером, кинжалом, зажженным фитилем,—а социал-демократы свою подсобную работу выполняли за кулисами; сегодня, когда непосредственная опасность кажется миновавшей, буржуазия торопится фашистов увести за сцену и выводит из-за кулис на переднее место радикалов, реформистов, меньшевиков—апостолов легальности демократии и мира. Буржуа говорит меньшевику: твои фашистские двоюродные братья не соблюли необходимой меры; нужно сгла-

дить и смягчить последствия их работы; нужно замыть слишком яркие кровавые следы, нужно пролить бальзам утешения на зияющие раны; нужно пробудить в наиболее удрученных сердцах новые надежды или старые иллюзии, иначе безнадежность перейдет в отчаяние, а отчаяние — в революционное возмущение. Вот почему и вот для чего у власти ставятся или к власти приближаются Макдональды, Блюмы, Станнинги, Вандервельды, Шейдеманы и Вельсы.

Милитаризм тем временем автоматически продолжает свою работу. При правительстве Макдональда воздвигаются новые крейсера, расширяется строительство танков, растет военный воздушный флот, умножаются химические средства войны. Для чего это? Не для борьбы ли английского пролетариата против капитала? Нет, для поддержания власти английского капитала над Индией, Египтом, над Ирландией и над английским пролетариатом. Не поступаясь ничем в пользу трудящихся, буржуазия укрепляет свою воздушную военную машину руками меньшевиков. Французское министерство Эррио, опирающееся на социалистов, продолжает военную и международную политику Мильерана — Пуанкаре. Когда мы, коммунисты, утверждали, что ответственность за оккупацию Рура ложится не только на буржуазию, но и на социал-демократию, меньшевики протестовали. Теперь весь мир видит, что оккупация Рура сохраняется лишь в результате сделки между Эррио, Макдональдом, Блюмом, Вандервельде, Эбертом и Вельсом. На наших глазах Второй Интернационал стал Интернационалом Рурской Оккупации.

Консерваторы, фашисты, радикалы и меньшевики проходят и уходят, а милитаризм остается. Он восстанавливает и умножает свои запасы, он совершенствует свои орудия, он строит новые планы, он пережидает, пока в памяти народов сгладятся наиболее жгучие воспоминания о последней войне, пока социал-демократии удастся примирить заново рабочие массы с мыслью о незыблемости буржуазного государства. Тогда он снова сможет выйти открыто на дорогу мировых разбоев. Тогда пробьет час новой империалистической войны.

III.

Причины и поводы для новой войны с железной необходимостью вытекают из последней войны и версальского мира. Правящие классы Франции все сильнее чувствуют, что созданный ими в Европе режим террора не может длиться долго. Французский буржуа, и реакционный и радикальный, одинаково боится немецкого реванша и в то же время вызывает и подготовляет его. С своей стороны, германская буржуазия, идя на соглашение за счет народа, нетерпеливо ждет, когда пробьет час реванша. Европейский и колониальный антагонизм Англии и Франции непрерывно обостряется. Дипломатические сделки и соглашения прикрывают этот процесс, но не ослабляют его. Военная программа

обеих союзниц, в особенности программа авиационных и химических сил, строится в расчете на грядущую англо-французскую войну В то время, как Эррио пацифистски воркует с Макдональдом, генеральный штаб Парижа развертывает план будущих авиационных налетов на Лондон, а британский штаб занят разработкой встречного визита.

Второстепенные государства Европы уступают первостепенным в силе, но не в жадности и не в злой воле.

Малые государства, существовавшие уже до войны, утратили последние остатки своей самостоятельности, а новые государства, созданные войною, родились с ядром зависимости на ногах. Средние и мелкие государства сочетаются в различные группировки по указке великих держав. Государства, расположенные в центре европейского континента, тяготеют к Франции,—так же точно, как каторжник тяготеет к тюремщику Мелкие государства европейского побережья гнут спину перед Англией. Таким образом, даже выбор между двумя хлыстами определяется не свободной волей, а общим положением малых государств. Хрупкость нейтралитета достаточно обнаружена последней войной. Нет сомнения, что новая война с первых же дней своих вовлекла бы в кровавый водоворот большинство мелких держав. Милитаризм стран Малой Антанты, балканских или балтийских государств, является вспомогательным рессурсом больших держав и в то же время источником самостоятельной опасности в отношениях мелких государств между собою.

Самый могущественный мировой антагонизм медленно, но упорно прощупывает ту линию, где интересы Великобританской империи сталкиваются с интересами Соединенных Штатов Северной Америки. За последние два года могло казаться, будто между этими гигантами достигнуто прочное соглашение. Но видимость прочности будет сохраняться лишь до тех пор, пока экономический подъем Северо-Американской республики развертывается, главным образом, на основе внутреннего рынка. Ныне этому явно наступает конец. Аграрный кризис, выросший из разорения Европы, явился предвестником уже надвигающегося торгово-промышленного кризиса. Производственные силы Америки должны искать все более широкого выхода на мировой рынок. Внешняя торговля Соединенных Штатов может развиваться прежде всего за счет торговли Великобритании; американский торговый и военный флот—за счет британского флота. Период англо-американских соглашений должен будет уступить место все возрастающей борьбе, которая, в свою очередь, знаменует военную опасность в невиданных миром размерах.

Антагонизм Японии и Соединенных Штатов сохраняет всю свою напряженность. Японское землетрясение изменило соотношение сил, но не смягчило вражды. Запрещение желтой иммиграции в С. Штаты придает борьбе тихоокеанских империалистов окраску расовой борьбы. В случае схватки между Соединенными Штатами и Великобританией роль японского милитаризма будет несравненно активнее, чем во время прошлой империалистической войны.

Неисчислимые богатства буржуазии Соединенных Штатов представляют ныне вообще могущественнейшую взрывчатую силу мировой обстановки. Временная замкнутость Соединенных Штатов, пытавшихся переварить награбленные богатства, приходит к концу. Северо-американскому капиталу нужно расширение по всем направлениям. Один из его путей ведет на юг. Натиск на Мексику должен усилиться, на ряду с дальнейшим проникновением в Южную Америку, вытеснением оттуда европейского капитала и полным ее подчинением. Милитаризм в Соединенных Штатах не только на море, но и на американском континенте примет более активный и наступательный характер.

Рост революционного движения на Востоке, происходивший в течение всего истекшего десятилетия, все больше придает колониальному владычеству империалистических держав характер открытого военного насилия.

Конституционные иллюзии, соглашательские надежды порабощенных масс Индии рушатся. Партии национального либерализма и мелкобуржуазного утопизма сходят на-нет. Революционное движение уходит все глубже, захватывая все более широкие массы. Нужна крепкая централизованная, революционная партия, которая могла бы овладеть этим движением и нанести британскому империализму смертельный удар!

В разодранном на части Китае империалистические державы установили режим, замаскированный военной оккупацией через посредство наемных туземных войск. Стремление китайского народа достигнуть объединения и независимости на каждом шагу наталкивается на сопротивление японского, американского и европейских хищников. Пекинский посланник Макдональда добивается расправы над китайским солдатом, совершившим прогулку по той части города, где дышать воздухом имеют право только белокожие эксплуататоры. Законною ненавистью, еле сдерживаемой злобой трепещут сердца многомиллионных масс Китая. И здесь, как в Индии, в тяжких испытаниях и в повторных попытках сопротивления создается революционная организация, которая призвана освободить Китай от чужеземных и собственных насильников.

Франция, раздвинувшая пределы своих колоний, делает настойчивые попытки расширить источники своего милитаризма, вовлекая не только арабов, но и негров в армию капитала. Военно-обученная цветная масса должна явиться не только резервуаром будущих войн— нет, черные и желтые полки должны стать в руках буржуазии надежным орудием для разгрома пролетарской революции в Европе.

База милитаризма ширится, как и база революции.

IV.

Война и сегодня царит над человечеством в скрытом состоянии. Что такое новое решение вопроса о германских платежах— «план экспертов» — как не применение методов войны к решению основных экономических

вопросов? Америка, которой карманы набиты европейским золотом, опирается на военную силу Франции и предписывает Германии определенный хозяйственный режим в наказание за то, что та дала себя победить. Только отпетые шарлатаны могут говорить, будто решение экспертов есть мирное, демократическое, пацифистское решение вопроса. На самом деле, Антанта диктует свое решение, приставив браунинг к виску Германии. Нам повторяют, будто возрождение европейского хозяйства мыслимо только путем свободной игры капиталистических сил, желая этим осудить идею социалистической организации хозяйства. А на деле основной вопрос европейского хозяйства разрешается при помощи непрерывного военного насилия над Германией, которая еще недавно была руководящей капиталистической страной Европы.

Германская буржуазия идет на эту сделку потому, что она рассчитывает—при помощи иностранного капитала и, если понадобится, иностранной вооруженной силы—совладать с германским пролетариатом. Она постепенно забирает его в тиски, вырывая у него последние завоевания революции, удлиняя рабочий день, повышая интенсивность труда, и таким образом хочет заставить немецкого рабочего, в условиях новой техники и концентрации производства, пройти вторично через все тяготы, лишения и бедствия эпохи первоначального накопления. Обессиление и принижение германского пролетариата должно будет служить европейской буржуазии средством держать под страхом немецкой конкуренции рабочий класс остальных стран. Наконец, американский капитал собирается при помощи своих экспертов «контролировать» Европу, т.-е. фактически управлять ею, как отдельные американские магнаты контролируют десятки трестов и железных дорог. Вместе с тем он рассчитывает при помощи европейских прибылей подкармливать верхушку американского рабочего класса, его аристократию, руководимую самым желтым изо всех изменников—Гомперсом, и беспощадно подавлять десятки миллионов пролетариев, держа их под угрозой новой волны иммиграции из разоряемой Европы.

Этот чудовищный план закабаления европейских трудящихся масс англо-саксонским капиталом через посредство французского милитаризма принят и одобрен партиями Второго Интернационала. Социалисты Антанты получают, таким образом, ханжески-пацифистское прикрытие для грабительской политики своей буржуазии, с которой они идут нога в ногу. Германская социал-демократия рассчитывает на то, что восстановление твердого капиталистического порядка даст ей победу над коммунистической опасностью. В то же время она получает возможность свое сотрудничество с немецкой буржуазией объяснять массам необходимостью совместного отпора внешнему давлению. Под крики и вопли о коммунистических заговорах и международной Че-Ка развертывается на наших глазах гигантский заговор капитала против трудящихся Европы и всего мира. Организатором заговора является финансовый капитал, с генеральным штабом в Нью-Йорке и отделением в Лондоне.

Важнейшая исполнительная работа возложена на маршалов французской биржи. Истолкователями, защитниками, мелкими адвокатами заговора выступают социал-демократы и амстердамские профессионалисты. Экспертам капитала приходят на помощь эксперты измены.

V.

Спросим снова: что же мешает до сего дня рабочим и крестьянам единодушно встать против губящего их милитаризма? Международная социал-демократия, меньшевики, Второй Интернационал, бюрократия амстердамского объединения профсоюзов. Таков главный урок империалистической войны. Таков основной вывод истекшего десятилетия.

Об этом мы, рабочие, организованные в Коммунистический Интернационал, заявляем открыто на весь мир. Мы хотим, чтобы нас услышали трудящиеся всех стран. Мы хотим, чтобы голос наш достиг каждого труженика, каждой труженицы города и деревни. Мы хотим пробудить революционную тревогу в сердцах угнетенных: глядите, буржуазия готовит новую войну, а социал-демократия растлевает вашу мысль, чтобы тем легче предать вас.

Рабочие и работницы! Вслушайтесь, всмотритесь, вдумайтесь. Несколько недель тому назад вожди амстердамского Интернационала профсоюзов обсуждали в Вене между собой и вместе с вождями Второго Интернационала вопрос о военной опасности. Организация, во главе которой стоят Вильямсы, Жуо, Гроссманы, Макдональды, Эберты, Носке, Вандервельде, вынуждена была заняться вопросом о войне только потому, что опасность войны снова носится в воздухе. И вот мы слышим, как эти господа велеречиво обещают бороться против войны всеми средствами вплоть до всеобщей забастовки. Неужели вы поверите этой презренной комедии, в которой те же актеры играют перед вами во второй раз ту же предательскую роль? Ведь на международном съезде в Базеле, в 1912 году, они куда более торжественно клялись не останавливаться ни перед какими средствами для предотвращения войны,—чтобы стать вскоре затем самыми ревностными и самыми надежными помощниками воюющей буржуазии. После войны они служили капиталу в качестве министров, или верных депутатов, или патриотических лидеров профессиональных союзов. Они удерживали и удерживают рабочих даже от экономических стачек. Они голосуют за военный бюджет. И они же обещают бороться против войны! Можно ли поверить, что Макдональд, который строит крейсера, танки и самолеты по поручению своей буржуазии на деньги рабочих масс, призовет рабочих к стачке в тот час, когда буржуазия решит пустить в ход построенные Макдональдом самолеты, танки и крейсера? Можно ли поверить, что Вандервельде, помогавший своему королю вести войну и давший свою подпись под версальским договором, призовет бельгийских рабочих к восстанию в тот час, когда бельгийская буржуазия найдет нужным вмешаться в войну для охраны версальских

завоеваний? Можно ли думать и верить, что Блюм и Жуо, вожди патриотического социализма и синдикализма Франции, поддерживающие сегодня рурскую оккупацию, призовут завтра рабочих ко всеобщей стачке, если французской буржуазии для закрепления оккупации придется прибегнуть к силе оружия? Убийца еще не успел отойти от своей жертвы, еще с ножа его каплет кровь, и он торжественно обещает выступить грозным мстителем за совершонное убийство! Где тот слепец, где тот безумец, который захочет ему поверить?

Трудящиеся и угнетенные, вглядитесь, вслушайтесь, вдумайтесь. Социал-демократы затевают к десятилетию войны маскарад борьбы за мир, комедию протеста против военной опасности. Они хотят рассеять ваше внимание, усыпить вашу бдительность, чтобы тем вернее связать вас по рукам и ногам и предать в руки милитаризма. Не верьте им, изобличайте их. Спрашивайте их на каждом собрании: если они хотят бороться против войны, зачем вотируют они военный бюджет, зачем голосуют за буржуазное правительство, зачем поддерживают капиталистическое государство?

Опыт десяти лет не должен пройти даром. Мы наблюдали за это время пацифистов, социалистических и буржуазных, во всех частях света: они все сто́ят друг друга. Разве мы не имели перед собою пацифистов Америки, которые в первые годы войны проливали благочестивые слезы по поводу кровавых нечестивцев Европы, а затем всеми силами помогали Вильсону добивать Европу, чтобы обеспечить возможность капиталистической Америке усиливаться и жиреть за ее счет? Разве мы не видели за работой французских пацифистов, радикалов и социалистов, которые во франк-масонских ложах проповедывали братство всех людей, а после 4 августа 1914 года стали проповедниками разгрома и расчленения Германии? Разве не насмотрелись мы на немецких социал-пацифистов, как Каутский, Гильфердинг и им подобные, которые во время мира со слезами дожидаются войны, а во время войны с надеждой дожидаются мира. Эти жалкие трусы цеплялись даже за Вильсона, как ныне они цепляются за медоточивую форму империалистических нот Макдональда, который упражняет свой пацифизм на спине Германии. Вместе с французским буржуазным пацифистом Эррио, Макдональд восстанавливает контроль Антанты над разоружением Германии, продолжая в то же время увеличивать вооружение Великобритании. Пацифисты стоят за мир во время мира. Они безоговорочно примыкают к своим правительствам во время войны. В международном масштабе они ползают на брюхе перед сильными и помогают им давить слабых. Социалистические пацифисты в конец развращены этим десятилетием войн и революционных потрясений. От их прежней наивности не осталось и следа. Ныне это—прожженные дельцы, неразрывно связанные с правящей финансовой и военной кликой каждой страны и сознательно пользующиеся пацифистской фразой для обмана простаков.

Главным полем действия пацифистов является ныне борьба против революции и, в частности, против Красной армии. Пацифисты против

революционного насилия, против восстания, против гражданской войны. Но буржуазия вооружена, а рабочий—безоружен. Борясь против вооружения рабочих, пацифисты поддерживают капиталистический милитаризм и тем самым расчищают путь будущим войнам. Тем отвратительнее их ссылки на гуманность и культуру. Когда обличают пацифистов в том, что они поддерживают милитаризм своей буржуазии, они отвечают неизменно ссылкой на Красную армию. Они хотят этим сказать, что существование Красной армии, созданной трудящимися России для обороны от империализма, оправдывает вооружение капиталистических государств с целью мирового хищничества и подавления революции. Пацифисты молчали, когда вооруженные отряды Франции, Англии, Соединенных Штатов и др. стран оккупировали Одессу, Мурманск, Архангельск, Владивосток. Зато они возмущались насилием, которое революция применяла против угнетателей. Пацифисты ссылаются ныне на то, что военные интервенции прекратились, и что одно буржуазное государство за другим видит себя вынужденным признать Советскую республику. Было бы, однако, величайшей глупостью думать, будто военной опасности для государства рабочих и крестьян более не существует. Рост коммунистических партий укрепляет международное положение Советского Союза, но, с другой стороны, тревожит и ожесточает империалистов. В известный момент, когда революционная опасность снова обнаружится более непосредственно, она может толкнуть их на путь грандиозной военной интервенции. Мы видели недавно, как германские власти, ожесточенные коммунистической опасностью, поставили на карту отношения между Германией и Советской республикой. Это служит предзнаменованием для всего дальнейшего развития. Между капиталистическим миром и республикой Советов возможны соглашения, но не примирение. Как правительства Макдональда и Эррио должны будут в известный момент снова уступить свое место более открытой и решительной реакции, так и договоры капиталистических стран с Советским Союзом могут и должны будут в известный момент пресечься новыми интервенциями. Вот почему Красная армия и Красный флот необходимы. Они ограждают величайший плацдарм мировой революции. Если бы Советская республика пала, дело буржуазии было бы выиграно на многие десятки лет. Наступлению капитала на пролетариат не было бы преград. Но этого не будет, ибо рабочие и крестьяне Советского Союза вооружены. Красная армия—щит угнетенных и меч восставших!

VI.

В то время, как производительные силы Европы резко задержаны в своем развитии, военная техника неутомимо продолжает свою работу. Создаются орудия небывалой дальнобойности. Пулеметы и автоматы повышают силу огня пехоты во много раз. Ядовитые газы отодвигают динамит на второй план. Авиация, в сочетании с химией, чудовищно расширяет район истребительного действия войны. Различие между

армией и мирным населением стирается. Береговые укрепления и островное положение уже более не ограждают. Мощные человеческие скопления, как Париж, как Лондон, открыты поражению сверху. Ужасы последней войны кажутся бледными зарницами перед молниями грядушей грозы. Все техническое могущество капиталистического общества и все его социальное варварство, безвыходность его противоречий, ожесточение его правящих классов друг против друга и всех вместе—против пролетариата принимают вид необъятной массы отравляющих и взрывчатых веществ, которые грозят обрушиться на голову злосчастного человечества. Новая война означала бы, прежде всего, массовое разорение крестьян и фермеров, обезлюдение и запустение деревень, превращение земель, культивированных долгим рядом крестьянских поколений, в пустыри и кладбища. Для Европы в целом она означала бы гибель культуры, крушение всех освободительных надежд, за которые уже билось несколько поколений пролетариата.

Все, что творится ныне в человеческом обществе—в области хозяйства, политики, науки, искусства—отступает на задний план перед гигантской задачей—помешать во что бы то ни стало новой войне и тем спасти человечество от вырождения и гибели. Сделать это могут только трудящиеся под руководством революционного пролетариата. Никакие репрессии, никакие силы милитаризма не справятся, если пролетариат единым фронтом поднимется против войны. Машины убийства мертвы, пока их не приводит в движение человек. В подавляющем большинстве своем этот человек—рабочий или крестьянин. Это—вы, трудящиеся! От вас зависит судьба войны, следовательно, и ваша собственная судьба.

Борьбу против милитаризма нельзя откладывать до того часа, когда война разразится, ибо тогда будет поздно. Борьбу против войны нужно вести теперь же, немедленно, изо дня в день. Первое условие такой борьбы—отказать капиталистическому государству в бюджете, в доверии, в поддержке. Тот социалист, который вступает в буржуазное министерство, тот депутат, который помогает буржуазии взимать налоги или привлекать рабочих и крестьян на военную службу—предатель и изменник. Ему не может быть места в рядах рабочего класса. Нужно гнать из профсоюзов таких вождей, которые прямо или косвенно помогают милитаризму, оправдывают его, солидаризируются с ним. Нужно очистить пролетарские организации от политических штрейкбрехеров. Нужно напоминать всем трудящимся мужчинам и женщинам о том, как была подготовлена последняя война, и как социал-демократы помогали генералам империализма четыре года истреблять рабочих и крестьян. Нужно неутомимо обращаться к молодежи города и деревни. Нужно, чтобы нечеловеческие страдания отцов и старших братьев во время империалистической войны превратились у рабочей и крестьянской молодежи в жгучую ненависть к виновникам войны. Нужно, чтобы молодежь входила в капиталистические армии с внутренней готовностью направить оружие не против братьев-пролетариев, а против классового врага—буржуазии.

Нужно неутомимо разрушать ту искусственную стену, которая возводится между армией и рабочим классом. Нужно поддерживать связь с казармой. Нужно, чтобы слова правды доходили до каждого солдата. Нужно объединять сознательных солдат в небольшие группы. Нужно создавать революционные организации на железных дорогах из наиболее преданных и мужественных пролетарских борцов. Нужно обратить особое внимание на военные заводы. На каждом из них должны быть крепкие боевые ячейки, способные в решительный момент повести за собой всю рабочую массу. Буржуазия не боится ни пацифистских проповедей, ни социал-демократических угроз всеобщей забастовкой. Зато буржуазия трепещет от ненависти и страха при вести о каждой мелкой нелегальной ячейке на железных дорогах, на военных заводах и особенно в армии и флоте. Буржуазия знает, что не одни рабочие и крестьяне, но и солдаты не хотят войны, и что только их разобщенность и неуверенность в себе вынуждает их итти покорно на бойню. Буржуазия знает, что небольшое, но крепкое ядро в каждом полку может сыграть решающую роль в решающий момент. Вот почему всякое капиталистическое правительство, под любой демократической вывеской, беспощадно преследует подлинно революционную работу, и вот почему долгом каждого революционера является удвоить и удесятерить свои усилия на этом пути. Только та партия действительно борется против войны, которая изо дня в день ведет непримиримую борьбу против буржуазии, та партия, которая сплачивает трудящихся в этой борьбе, которая учит ненавидеть государство капитала, которая закаляет массы этой ненавистью, которая готовит для борьбы необходимые силы и средства, которая создает для революции опорные пункты в казарме. Такою руководящей силой является коммунистическая партия каждой страны. Боевая совокупность этих партий составляет Коммунистический Интернационал. Мы, делегаты этого Интернационала, собравшись в пятый раз на свой мировой конгресс в Москве, освобожденной усилиями рабочих и крестьян, обращаемся к вам, трудящиеся всего мира, с этим нашим словом напоминания, предостережения и призыва!

Победить можно только желая победы и веря в победу. Победить можно, лишь сплотившись вокруг партии, которая хочет и может вести к победе.

Трудящиеся! Пусть вопрос войны станет оселком, на котором вы будете испытывать верность партий и вождей. Поистине, довольно трудящихся морочили словами, фразами, посулами, звонкой ложью демагогии. Требуйте дела, проверяйте на фактах. Долой шарлатанов пацифизма, которые во время мира ведут словесную войну против войны, а при первом пушечном залпе превращаются в шовинистских шакалов. Долой тех социалистов, которые в газетах и на собраниях обличают гнет буржуазии, а во все трудные для буржуазии дни являются лучшей ее опорой. Долой тех желтых профессионалистов Амстердама, которые получают свои директивы у буржуазных министров и у магнатов капитала. Долой предателей, голосующих за буржуазный бюджет, помогаю-

щих строить капиталистические армии, охраняющих буржуазное государство, поддерживающих колониальное рабство и тем подготовляющих новые войны. Долой меньшевистских вождей политических и профессиональных организаций. Гоните их прочь, обличайте их, бойкотируйте, изгоняйте из рядов рабочего класса. Вглядывайтесь зорко, сравнивайте, не верьте словам, проверяйте на деле,—и вы убедитесь, что есть одна лишь партия, готовая вести вас в бой и способная обеспечить победу: это—коммунистическая партия. Глядите на Россию: в этой отсталой стране, раскинувшейся на необъятных пространствах, созданная гением Ленина революционная партия сумела не только опрокинуть свою буржуазию, но и отстоять власть трудящихся от бесчисленных врагов. Среди величайших трудностей, вызываемых отсталостью страны, низким уровнем культуры и грандиозностью разрушений, произведенных двумя последовательными войнами, рабочие и крестьяне воздвигают кирпич за кирпичом здание социалистического общества.

Вы, пролетарии Европы и Америки, могли бы совершить на этом пути дела несравненно бо́льшие, чем пролетариат России, ибо вы многочисленнее и ваши страны богаче. Для того, чтобы стать несокрушимой силой, вам нужно лишь понять вашу силу и суметь применить ее. Этому вас учит международная коммунистическая партия. Следуйте за ней!

И вы, разоряемые и угнетаемые крестьяне, примыкайте к нашему великому союзу. Созданный в прошлом году Крестьянский Интернационал полностью и целиком отдает свои силы борьбе против милитаризма и опасности новой войны.

Крестьяне Европы! Фермеры Америки! Пахари всего мира! О судьбе вашего хозяйства, о головах ваших сынов идет дело. Поднимайтесь, объединяйтесь, примыкайте к революционному рабочему классу! Другого пути, другого спасенья для вас нет.

Женщины, сестры, жены и матери менее заметно, чем мужчины, но не менее тяжко несут на себе чудовищное бремя милитаризма и войны. Разрушая рабочую семью, подрывая крестьянское хозяйство, четырехлетняя война превратила трудовую женщину во вьючное животное капитала. В сердцах матерей, жен и сестер бойня оставила страшные рубцы. После всего, что трудящаяся женщина испытала за эти годы, она должна быть в первых рядах борьбы против войны и капитала.

Работницы! Крестьянки! Ваше место—с нами, мы ждем и призываем вас.

Революционное просвещение колониальных народов становится вопросом жизни и смерти для пролетариата. Если буржуазия стремится угнетением колоний поддержать и увековечить угнетение пролетариата, то мы должны с своей стороны восстание колоний призвать на помощь восстанию пролетариата.

Национальные и расовые предрассудки суть продукт рабства и питают рабство. Шовинистическое настроение, явное или скрытое, является лучшей опорой милитаризма и верным средством для подготовки будущих войн. Надо объявить беспощадную борьбу национальным предрассудкам

и расовому высокомерию. Не только прямая вражда, издевательство, ироническое отношение, но и покровительственно-снисходительный тон белых по отношению к желтым или черным должны сурово караться общественным мнением трудящихся, как отвратительное нарушение солидарности, как злостное штрейкбрехерство. Нужно, чтобы борьба классов не затемнялась и не искажалась шовинизмом. Нужно научить колониального труженика видеть в белом рабочем своего брата. А для этого белый пролетарий должен научиться по-братски относиться к цветному населению колоний.

Пролетарии Европы! Больше внимания вопросу о колониях, больше сил для революционной работы в колониях. Оттуда, где буржуазия хочет найти свою надежную опору, должен быть нанесен ей один из величайших ударов.

Труженики колоний! Рабы империализма! Наши братья! Пробуждайтесь к борьбе и независимости. Коммунистический Интернационал с вами!

Ближайшей, очередной, неотложной задачей нашей в борьбе против войны является в настоящий момент борьба против того заговора капиталистических насильников, который носит невинное название плана экспертов. И здесь, как везде, первый удар должен быть нанесен социал-демократии. Она пугает рабочих грозной силой Америки, она требует от них подчинения и покорности, она предрекает Европе и, прежде всего, Германии гибель, если та выйдет из-под подчинения американскому капиталу. Мы же, коммунисты, говорим трудящимся Европы: ваше спасение в непримиримой войне против плана экспертов, его проводников и защитников. Надо убрать с пути социал-демократию, надо опрокинуть буржуазию, надо взять в свои руки власть, надо объединить европейское хозяйство, надо направить его по социалистическому пути. Если Советская Россия могла в течение ряда лет победоносно отстаивать себя от капиталистической Европы и Америки, вместе взятых, то тем вернее будет победа пролетариата Европы, если он, овладев властью, объединит европейские государства в Совегскую Федерацию, в Рабоче-Крестьянские Соединенные Штаты Европы. Этим будет не только спасена европейская культура от упадка и гниения, не только будут обеспечены свобода и самостоятельность колониальных и полуколониальных стран, но и нанесен будет смертельный удар мировому самодержавию американского капитала. Революционное движение в Америке получит гигантский размах. Европейская социалистическая федерация станет, таким образом, краеугольным камнем мировой социалистической республики. Только с того времени человечество получит возможность мыслить и действовать по-человечески, мировое хозяйство будет организовано на началах солидарности и разума, мировые связи превратятся в братский обмен материальными и духовными благами между отдельными материками и народами. Войны отойдут в прошлое, ибо для них не будет

более причин. Армии исчезнут вместе с войнами. Все усилия людей будут направлены на обогащение нашей планеты, на улучшение и украшение человеческой жизни.

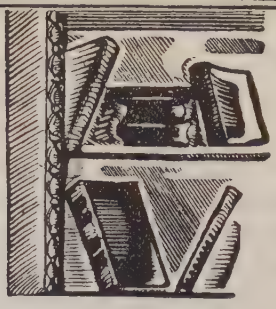
Такова задача Коммунистического Интернационала,—грандиозная, но осуществимая. Путь ее осуществления указан Марксом и Лениным. Это—путь суровой борьбы в каждой стране против национальной буржуазии, это—путь сочетания борьбы пролетариата разных стран во имя захвата власти и установления диктатуры пролетариата. Кто говорит, что есть другие пути—тот лжет вам. Коммунистический Интернационал служит делу пролетариата тем, что говорит ему правду. Пусть эта правда звучит повсюду, как набатный колокол революционной борьбы!

Против войны, против буржуазии, против социал-предателей,—за всемирную революцию, за диктатуру пролетариата, за коммунизм!

ПРЕЗИДИУМ ПЯТОГО ВСЕМИРНОГО КОНГРЕССА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА:

Зиновьев, Клара Цеткин, Сталин, Бухарин, Троцкий, Браун, Гебгард, Трейн, Селье, Бордига, Шмераль, Муна, Шефло, Коларов, Краевский, Катаяма, Рой, Стюарт, Дэнн, Вайнкоп.

СТАТЬИ И ОБЗОРЫ



ЧЕМ МОЖЕТ БЫТЬ А. П. ЧЕХОВ ДЛЯ НАС.

А. В. Луначарский.

I.

Переоценка культурных ценностей, доставшихся нам от прошлого,— процесс в высшей степени сложный и ответственный. По существу мы сейчас могли бы производить его, во-первых, урывками, а во-вторых,— в порядке совершенно предварительном. Почему урывками?—Да просто потому, что мы не имеем еще времени и достаточной свободы для того, чтобы вплотную заняться вопросами культуры.

Конечно, прав Л. Д. Троцкий, когда он говорит, что окончательное свое освещение революция примет именно, когда она отразится в глубоком изменении культурного быта населения; в значительной мере в определяющем внутреннюю сущность этого быта и наиболее ярко его выражающем искусстве. Я с удовольствием прибавлю к этому мнению тов. Троцкого столь ярко выраженные в статьях Владимира Ильича о народном образовании идеи о том, что в сущности-то и закрепиться во всех своих завоеваниях революция может только победой на третьем фронте... Тем не менее, третий фронт есть *третий* фронт, и сознательная переработка быта в творческих актах есть дело, к которому мы придем только в последующие годы и, вероятно, не очень скоро. Очевидно, между нынешними нашими завоеваниями и тем счастливым временем, когда мы будем строить верхние этажи этого нашего культурного здания, лежит еще бурная эпоха европейских и мировых потрясений. Вот почему в течение довольно долгого времени вопросы искусства, а вместе с тем и наиболее тонкие (по-моему, и самые важные) вопросы быта, могут интересовать нас сейчас урывками.

Это не значит, конечно, что ими не следует интересоваться. Наоборот, всякий человек хочет жить более или менее полной жизнью. Недаром Герцен с таким ужасом отвергал служение одних поколений другим и упрекал сторонников идеи прогресса в стремлении целое поколение сделать «навозом» для более счастливых потомков. Нет, если мы революционеры с совершенной убежденностью—и не только как исторический фатализм, а как нашу собственную волю—принимаем это самоотвержение боевых поколений для будущих счастливых граждан со-

циализма,—то, конечно, в значительной степени потому, что мы вовсе не считаем существованием навоза борьбу и строительное творчество в первые годы революционных потрясений. Мы прекрасно знаем, что жертва революционера (относится ли это к личности или к массам) не есть только жертва, что это есть также захватывающий подвиг, что это есть порыв вольной энергии, что это не есть месть рабовладельцам, что это есть предвкушение грядущей победы, через одержание целого ряда частных побед и т. д. и т. п.

Не только жизнь революционера, отдавшего все свои годы предварительной борьбе и не желавшего войти в обетованную землю, не есть жизнь бесцельная и «навозная», но, наоборот, самым тонким мыслителям и поэтам приходила в голову мысль, не позавидуют ли жители обетованной земли тем своим предкам, жизнь которых наполнена была бурями первых схваток и начального строительства? Конечно, чем больше социальная красота, скажем, гражданской войны осознается людьми в песнях, в спектаклях, в празднествах и т. д., тем менее жертва становится унылым делом долга, как часто воспринимали ее народники, тем более она становится добровольным подвигом и воспринимается с энтузиазмом и восторгом.

И то, что верно для сменяющих друг друга поколений, верно и для различных эпох жизни того же поколения.

Быть-может, мы будем настолько счастливы, что те из нас, кто еще не стар, доживет до счастливых времен полной победы и мирного культурного строительства. До него во всяком случае доживут те из нас, кто молод. Но значит ли это, что мы должны все празднования оставлять для тех времен, а сами обрекать себя исключительно на будни? Конечно, нисколько не значит. В самом деле, если эти будни боевые, то какие же это будни? Это, наоборот, самое яркое проявление человеческой энергии. Тут можно сказать: чем больше осознается тобой все величие той войны, в которой ты участвуешь, как рядовой, тем больше чувствуешь ты и слиянность свою с целым. Отсюда потребность армии в маршах, в парадах, в орденах, в знаменах и т. д. Если же это будни торгово-промышленные, в роде тех, которые воцарились с приходом нэпа, то, во-первых, тут более, чем когда-нибудь, нужно бороться с невольным омещаниванием даже отдельных революционеров, а, во-вторых, тут уже создается некоторый досуг для того, чтобы начать создавать украшающие, суммирующие, поднимающие человека стороны быта.

Поэтому, конечно, совершенно правильно поступают т.т. Троцкий и Воронский и другие товарищи, которые берутся за перо беллетриста или кисть художника,—словом, все, кто в качестве теоретика или практика приступает к вопросам художественной культуры в настоящее время. Браться за эти вопросы необходимо, а стало-быть, необходимо браться и за предварительные вопросы о художественном наследии, которое мы получили в свое распоряжение. И однако, повторяю еще раз, это удастся сделать только урывками. Мы можем располагать для этого дела всего лишь часами нашего относительного отдыха, другие, гораздо

более непосредственные, задачи держат нас в своих железных руках. Между тем возьмем хотя бы эту предварительную и не самую важную задачу среди других,—задачу переоценки нашего наследия. Ясно, что она требует большой систематичности. Нужна и выработка критериев такой оценки и очень осторожное их применение ко всему необъятному количеству художественных сокровищ, как созданному русской культурой и культурой других народов, живущих в пределах наших союзов, так и мировой.

Помимо того, что работа эта может быть сделана только *урывками*, она может быть сделана только *в предварительном порядке*.

Вот почему. Если мы станем на точку зрения, которую, между прочим, как будто отвергает Л. Д. Троцкий,—на точку зрения пролетария, как создателя ближайшей к нам культуры, то мы должны прямо сказать: в настоящее время лишь очень небольшое количество пролетариев способно производить подобную переоценку. Скажу даже больше: как раз тот пролетарий, суждения которого особенно важны,—массовик, или, скажем, не очень сильно из массы выдвинувшийся рабкор, хотя и может дать бесценный материал в виде суждения своего непосредственного инстинкта, но является совершенно безоружным исторически и эстетически. Этот же самый человек, лишний год проведя среди произведений искусства, теоретически кое-что подчитав, оглядевшись, выразит, вероятно, совсем другие суждения. Но вместе с тем, если мы возьмем пролетариев, которые достаточно вооружены, чтобы быть критиками любого явления буржуазной культуры, то о них можно сказать с некоторым сомнением: действительно ли они выражают реальные вкусы пролетарской толщи, ибо, конечно, это—объинтеллигентившиеся пролетарии. Окончательное суждение о наследии, ему доставшемся, пролетариат может произвести только тогда, когда создастся массовая и притом в достаточной мере образованная рабочая публика. А в настоящее время этого, конечно, еще нет, хотя, быть-может, появление такой публики в крупных фабрично-заводских центрах и не за горами.

Если же стать на ту точку зрения, что переоценку культурного прошлого произведет не пролетарий, а социалист времени торжества, то уже, несомненно, надо сказать, что в настоящее время мы можем производить только предварительные суждения даже в порядке суждения урывками. В порядке суждения предварительного приходится, однако, время от времени браться за такие задачи.

Может-быть, я лично и не считал бы особенно необходимым, хотя бы в краткой суммарной форме, давать посильно вдумчивые суждения о каком-нибудь Чайковском или Чехове, если бы не видел, что такая переоценка, тоже в порядке работы урывками и предварительной, производится рядом.

Работа этого рода производится большею частью своим братом—интеллигентом-марксистом. Производится вкривь и вкось на основании неправильного применения и марксистского метода и так называемого пролетарского чутья (квази-пролетарского).

В самом деле при переоценке культурного наследия возможно несколько печальных уклонов, о которых я в другом месте уже говорил, но о которых стоит сказать и здесь в этом «предисловии» к краткому этюду о Чехове.

Во-первых, всегда возможно староверчество, старомоляйство, несколько глупое представление о том, что в старину все было лучше, чем теперь. Подобного консерватизма в наших рядах, конечно, немного, но от времени до времени он проявляется. Во-вторых, возможен уклон в футуризм. В данном случае я употребляю слово футуризм не для обозначения той или другой школы, а для обозначения некоторого свежего, но вместе с тем озорного настроения. Настроение свежее, ибо оно говорит так: «Мы начали свою новую строительскую мировую историю, мы, люди, обращенные целиком вперед. Что такое нам старики, жившие в затхлой атмосфере буржуазного общества? Все старое нам не подходит уже потому, что оно старо! Все новое симпатично потому, что, по крайней мере, оно ново!».

Этот уклон встречается весьма часто. Это—уклон, который внушал живейшие опасения Владимиру Ильичу. Не только Владимир Ильич в своей великой речи к комсомольцам определенно заявляет, что каждый коммунист должен считать своей обязанностью в возможно большем объеме изучить всю старую культуру, что без этого движение вперед немыслимо, но даже в отношении искусства он дал в написанной им программе нашей партии исключительное по выпуклости определение художественным задачам Р.К.П.

«Равным образом необходимо открыть и сделать доступными для трудящихся все сокровища искусства, созданные на основе эксплуатации их труда и находившиеся до сих пор в исключительном распоряжении эксплуататоров».

Таким образом, Владимир Ильич отнюдь не полагал, что искусство прошлого есть искусство общечеловеческое, а прямо заявил, что оно носит все черты гнета буржуазии, помещиков, чиновников и т. д., и все же назвал это искусство сокровищем и требовал от Р.К.П. приобщения к нему народных масс.

И это явно ставит перед нами задачу не отмахиваться просто от старого, как это делают футуристы (в моем понимании этого слова), а с величайшей заботливостью пересмотреть это наследие.

Наконец, родственным является и так называемое пролеткультское отношение к этому вопросу. Некоторые изводы пролеткультской мысли, очень типичные для него, представляют собою, в сущности говоря, пролетфутуризм, при этом ударение полагается не на симпатию к тому звону формализма, которым увлекались мелкобуржуазные школы этого типа до революции, а на клеймо чисто пролетарского происхождения и чисто пролетарского духа, которое может быть поставлено на том или другом произведении.

Совершенно ясно, что выше приведенное мнение Владимира Ильича вводит в законные берега и пролеткульт, да к тому же в упомяну-

той мною речи комсомолу Владимир Ильич прямо заявляет, что пролетарская культура не может быть произведена внезапно каким-нибудь гением пролетариата, а может вырасти лишь на почве глубокого усвоения, критического претворения культурного наследия.

Мне кажется, что в последнее время массив партийных и пролетарских кругов, в той его части, которая вообще интересуется вопросами культуры, а в частности искусства, начал выздоравливать от всех этих болезней. Общая линия, несомненно, намечается. Однако, в суждениях некоторых отдельных музыкантов и художников еще сквозит отрыжка всего этого культурного псевдо-октябризма.

Пожалуй, всякому ясно, что открещиваться от Белинского, Гоголя, Некрасова, Пушкина зазорно, но зато не всякий понимает, как нам могут быть полезны Чайковский и Чехов. Иные задумываются не следует ли даже признать художников этого типа вредными? В такого рода суждениях есть, несомненно, зерно истины. К вопросам этого порядка надо подходить с большей осторожностью, вооружившись и критическим методом и достаточным революционным чувством. Здесь всегда можно сделать ошибку.

Я, конечно, занимаясь тоже урывками и—совершенно сознательно—лишь в предварительном порядке этими проблемами, не могу претендовать на безошибочность. Но повторяю, что я слышу и читаю довольно часто суждения размашистые, необоснованные, к которым хотелось бы внести поправку. В конечном счете только организующаяся постепенно пролетарская и вместе с тем достаточно культурная публика, о росте которой я говорил выше, разберется в советах, которые ей дают, и чем продуманнее будут эти советы, тем более ускорится рост этой публики.

II.

Я совершенно сознательно поставил рядом имена Чайковского и Чехова. В значительной мере оба эти художника были произведениями одной и той же эпохи, одних и тех же социальных групп, отразили одни и те же исторические явления и даже искали в искусстве одних и тех же целей,—искали в них именно щита, чтобы заслониться им от царапающей их жизни.

Я сейчас остановлюсь на этом, чтобы раскрыть те черты сходства, которые мне нужны для дальнейшего анализа.

Чехов и Чайковский были представителями русской интеллигенции в самом точном смысле этого слова, были сынами интеллигентов и интеллигентами от колыбели до могилы, интеллигентами, т.-е. людьми интеллигентного (умственного) труда. Будучи такими по методам своей работы, по источникам своего существования, они были интеллигентами в квадрате постольку, поскольку не просто выполняли заурядные интеллигентские обязанности, как если бы, например, Чехов был просто врачом, а Чайковский был просто каким-нибудь преподавателем музыки, а еще и творили идеологию своей группы, т.-е. интеллигенции.

Здесь сейчас же возникает один марксистский вопрос. Если интеллигенция не представляет собою класса, а является междуклассовой группой или, вернее, некоторой специфической частью мелкой буржуазии, то могла ли она создавать «свою собственную» идеологию?

Поставим этот вопрос еще резче. Если интеллигенция оплачивается капиталистами, если она развертывается в мире развертывающегося капитала, может ли она создавать какую-нибудь другую идеологию, чем угодную капитализму?

Ответим сначала на этот второй вопрос. Нет никакого сомнения, что интеллигенция может, в некоторой степени, живя за счет капитализма и развиваясь в эпоху его развития, выражать антикапиталистические тенденции. Примеров этому сколько угодно. Кто же может сомневаться в том, что Диккенс, живший в эпоху развития английского капитала и косвенно, конечно, за его счет (в сущности за счет пролетариата, конечно, потому, что за его счет живет и сам капитал), выражал, тем не менее, антикапиталистические тенденции, в такой мере, что его роман «В тяжелые годы» многими борцами против капитализма цитировался вперемежку с книгой Энгельса «О положении рабочего класса в Англии». Или возьмем другой показательнейший пример: Эмиль Золя, как в эпоху своих дерзких сатирических романов был против расцвета капитализма при Наполеоне III, так и в своих последних мещанско-социалистических романах вел совершенно открытую борьбу с крупной буржуазией. Можно ли отрицать, что в Норвегии, в пору первоначального накопления капитала, популярнейшим писателем был Бьернсон, который создал ряд анархо-антикапиталистических пьес?

Таких примеров из западно-европейской литературы можно привести сколько угодно.

Но зачем ходить так далеко. Кто же может забыть, что Щедрин, Некрасов, Успенский были, в сущности говоря, антикапиталистическими революционерами пера?

Итак, надо установить прежде всего, что интеллигенция в некоторые эпохи, несмотря на давление капитала, может развивать культуру, враждебную капитализму.

Какую же,—«свою собственную»?

Отчасти—да. Наши народники, например, в значительной степени обслуживали себя самих, т.-е. передвижники, кучкисты, народники-литераторы находили себе покупателей, ценителей, почитателей в среде того же студенчества, врачей, учителей и т. д., к среде которых принадлежали сами. Но этого мало. Владимир Ильич в своей замечательной статье «Рабочие и буржуазная демократия», относящейся к 1905 году, точно определил русскую буржуазную демократию.

Передовица № 77 «Искры» анализирует наш либерализм, деля его на группы: 1) крепостники-помещики, 2) либералы-помещики, 3) интеллигенция либеральная, стоящая за цензовую конституцию, и 4) крайняя левая—демократическая интеллигенция. Этот анализ—неполный и путанный, ибо интеллигентские деления смешиваются с делением раз-

ных классов и групп, интересы которых выражает интеллигенция. Кроме интереса широкого слоя помещиков, русский буржуазный демократизм отражает интересы массы торговцев и промышленников, преимущественно средних и мелких, а также (что особенно важно) массы хозяев и хозяйчиков среди крестьянства. Игнорирование этого наиболее широкого слоя русской буржуазной демократии есть первый пробел в анализе «Искры». И т. д.

Это, действительно, до крайности важно. Народники, без всякого сомнения, выражали интересы этих мелких и средних торговцев, промышленников и крестьянства. Не в том дело, чтобы крестьянство или городская беднота, а также промыслово-торговая мелкая буржуазия создавала непосредственную публику интеллигенции, а в том, что интеллигенция являлась их авангардом и выражала сознательно, и притом в идеализированном виде, интересы этой части населения. Итак, для интеллигенции народнической мы можем прямо и определенно сказать, что она являлась выразителем в лице своих идеологов, во-первых, собственной своей массы, довольно компактной и значительной, а во-вторых,— что делало ее сильной,—массы городской и крестьянской мелкой буржуазии, интересы которой отнюдь не совпадали ни с интересами самодержавного помещичьего режима, ни с интересами крупного капитала, хотя для всей толщи этого класса, может-быть, это не было вполне ясно, во всяком случае не так ясно, как для передовой его части—интеллигенции.

Но, как известно, народничество стало выветриваться к концу 70-х и началу 80-х годов. Оно приобрело черты эпигонства. Интеллигенция в то же время численно росла и имущественно крепла (лучше оплачивалась государством и возросшим капиталом). Можно, пожалуй, отметить, что идеология интеллигенции стала в эту пору отходить от крестьянства, и чисто народнические тенденции перестают господствовать. Вместе с тем интеллигенция перестает верить в свои революционные силы, отмирают, таким образом, и революционные тенденции. Интеллигенция чувствует себя в тупике.

Самые лучшие из интеллигентов продолжают биться головой об стену, ища революционных путей и, в конце-концов, обретают марксизм. Самые худшие опускаются в обывательщину, иногда приправленную нейтральным эстетизмом. Посредине остается большая толща, не могущая подняться до марксизма, не желающая предаваться эпигонскому, явно бессильному народничеству, но не желающая также погружаться в тину обывательщины. Такая интеллигенция *тоскует*.

Тоска интеллигенции 80-х и отчасти 90-х годов выражает не только настроение интеллигенции, как группы, эта тоска выражает собою бездорожье всех оппозиционных элементов общества, хотя бы и таких, которые оппозиции своей не сознавали, но в которых она объективно жила. В этом смысле можно сказать, что пессимисты 80-х и 90-х годов выражают собою настроение чрезвычайно широких кругов.

Среди этих пессимистов имеются, конечно, пессимисты абсолютно горькие, которые иногда доходили до самоубийства, до сумасшествия,

до беспробудного пьянства, иногда даже до ренегатства и морального падения. Были и такие, которые своему пессимизму искали какого-нибудь исхода.

Если мы возьмем Чайковского и людей его типа, которых было, вероятно, не мало, то, кратко анализируя их душевное состояние, можно сказать о них так: они, во-первых, потеряли всякую связь с обществом, в виду распада революционного настроения интеллигенции; они оказались совершенно изолированными индивидами, на окружающий мир они смотрели глазами уединенной личности. Это почти не давало им возможности осознать, что основная причина их скорби есть самодержавие, нищета России, ее некультурная дикость, забитость в ней *всякой* личности и т. д. Наоборот, вопрос о бренности всего бытия, о кошмарности смерти, как конца всему, вставал перед такими личностями во всем объеме.

В самом деле всякая человеческая личность не может не поставить перед собою вопроса о смерти, если она достигла известного уровня сознательности. При этом личность социальная легко разрешает вопрос о смерти. Не напрасно же Спиноза еще в XVII веке писал: «Сознательный человек ни о чем не думает меньше, чем о смерти». Но это потому, что тот, кого Спиноза называл сознательным человеком, расценивая явления с точки зрения всего человеческого вида, всего космоса, чувствует себя с ним связанным.

Чайковский, как все люди, лишенные социальной связи (в данном случае, благодаря разгрому общественного движения самодержавием), ничем не мог заслониться от смерти, ничем не мог утешиться. Таким образом, пессимизм Чайковского, являвшийся (как и для десятков тысяч подобных ему, но менее талантливых) результатом победы самодержавия над общественностью, приобрел характер мировой скорби. Это же давало и некоторые пути к выходу. Против общественного зла самодержавия можно было только революционно бороться, и пути такой борьбы оказались отрезанными. А против мировой скорби? Конечно, против несовершенства мира и прежде всего такой пакости, как личная смерть, бороться никак нельзя, поэтому надо к ней приспособляться. Существуют два метода приспособления к идеи смерти: мистицизм и реалистический метод. Худшая часть интеллигенции шла по направлению мистицизма (даже Толстой, о котором должна быть, однако, особая речь). Чайковский к этой худшей части не принадлежал. Он хотел и старался иногда натаскивать себя на православный лад и написал даже превосходную обедню преждеосвященных даров, но заставить себя верить не мог. И большая часть его музыкальных произведений есть борьба со смертью реалистическим путем.

А реалистических путей борьбы со смертью есть два (кроме, конечно, вышеуказанного и единственно победоносного социального пути). Можно *забыть* смерть за праздником жизни и можно *превратить свой ужас перед смертью в красивую печаль*.

Забыть ужас смерти за пиром — это, конечно, разрешение самое вульгарное, но и в высокой степени непрочное. Правда, наслаждения

жизнью как бы даже увеличиваются и приобретают особую пикантность, когда они приправлены страхом смерти. Потому римляне и ставили свой скелет в качестве напоминания о смерти на пирах, поэтому так и любили свое «лови бегущий день». Поэтому в эпоху возрождения утонченные пиры изверившейся в христианство итальянской аристократии сопровождались подобными же песнями (Лоренцо и др.). Но, тем не менее, из этого же следует, что хочешь или не хочешь вспоминать о смерти, а просто отвертеться от нее чревоугодием, винопийством, сладострастием не удастся.

Более прочным способом является способ эстетический. Он давно известен человечеству, создавшему бесчисленное количество траурных маршей, траурных песен, всякого рода заупокойных церемоний, разного рода прекрасных траурных одежд, мавзолеев, гробниц, целый ряд глубоко пессимистических философских систем и т. д., и т. п.

Иному придет в голову, что вряд ли можно утешиться от страха смерти сочинением прекрасных песен на тему о таком страхе. Но даже современная психология и психиатрия изучили это явление, наименованное Фрейдом «сублимацией».

Сублимировать какое-нибудь неприятное ощущение, какое-нибудь чувство недостатка в мечту и грезу, разрешить ее в гармонию, в сказочное творчество,—это чрезвычайно обычный прием всего человечества, на всех ступенях его развития, у всех народов.

Как же делал Чайковский? Он пользовался обоими реалистическими методами. Притом я хочу говорить не о его личной жизни,— это дело сравнительно мало известно, и меня сейчас не касается, а о самой его музыке. В его музыке есть очень много прославления жизни. Однако, Чайковский прославляет жизнь всегда чрез какой-то грустный флер. Музыка Чайковского есть в высшей степени изящный пир человеческих чувств с постоянным memento mori.

Я пишу сейчас не о Чайковском, а о Чехове, и поэтому сказанного достаточно (некоторые подробности в моей специальной небольшой статье о Чайковском). Теперь проведем некоторую параллель между Чеховым и Чайковским.

Чехов принадлежал к той же самой части русской интеллигенции, т.-е. он не был достаточно туп и фанатичен, чтобы итти за волной выветрившегося народничества, он не был достаточно остер и мужественен, чтобы найти марксистские пути, он не был так пошл и зауряден, чтобы найти исход в хрюкающем обывательстве и в простом подчинении действительности. Он был настроен жгуче протестантски по отношению к своему кошмарному времени. Но дальше сходство с Чайковским и разница с ним переплетаются. Чайковский, как я уже сказал, был совершенным индивидуалистом, он мало наблюдал жизнь. Его интересовала природа так называемых «вечных человеческих эмоций (любовь, скорбь, надежда и т. д.) и его собственные субъективные переживания. Чехов не такой. Чехов не является частью какой-нибудь партии, какого-нибудь коллектива, в этом смысле он достаточно индивидуалист, но у него зор-

кий глаз ко всему человеческому, притом конкретно человеческому. Он великолепно подмечает все реалистические черты окружающего быта. Он дает поразительный анализ крестьянства, мелкого мещанства, интеллигенции всех типов, чиновничества и т. д. Нет, пожалуй, ни одного класса, ни одной социальной группы, которую Чехов скорбно или юмористически не отразил бы в волшебном зеркале своего искусства.

На первый взгляд может казаться при этом, что он отражает совершенно объективно, что он только Антоша Чехонтэ с очень бойким карандашом и зарисовывает без всякой задней мысли все, «чему его свидетелем бог поставил». Однако, это отнюдь не так. Чехов чутьем понимает, что силу искусство приобретает особенную, когда оно имеет все внешние аллюры объективности, будто не писатель вам говорит, а сама жизнь вам себя показывает. Но искусство никогда не есть фотография, и тем менее безразличная фотография. Искусство выбирает свой материал, да еще и преображает его. Чехов часто делал вид, что преображает свой материал только в направлении наиболее художественной оформленности, на деле же он неизменно проводил определенные тенденции. Таким образом, Чехов, в сущности говоря, прекрасно понимал, что несет некоторое общественное служение, чувствовал себя через глаза свои, через перо свое крепко связанным со своим временем и в этом смысле был человеком общественным.

Тут, как читатель видит, разница с Чайковским большая. Но дальше следует и сходство. Что же мог Чехов противопоставить этому миру? Чехов не столько боролся с идеей смерти (у него тоже играет известную роль страх смерти, но второстепенную), а с самой жизнью, с ее кошмарностью. В этом сказалась его бо́льшая социальность, чем у Чайковского. Но как же с этим ужасом жизни бороться? Во-первых, можно бороться с ним через сублимацию, как Чайковский, т.-е. через эстетическое его преодоление до преображения этого кошмара в перл искусства. Делает это Чехов или нет? Он это делает. Во-первых, само его стремление (в отличие от других великих скорбников — Гоголя и Глеба Успенского) всегда дать любой своей пьесе, новелле или мелкому рассказу глубоко продуманную художественную форму есть уже такая эстетическая сублимация. Человек увидел гадость (возьмите, например, рассказ «Крыжовник»), но написал ее так чудесно, что заслоняет для вас ужас сюжета мастерством своего искусства; поверьте, что он заслоняет его и для себя.

Есть одна старинная легенда о великом художнике, который заболел проказой. Когда он, после первых страшных приступов болезни, решился, наконец, посмотреть на себя в зеркало, то безумно ужаснулся, но затем он взялся за кисть и написал свое собственное лицо, обезображенное проказой, с таким необыкновенным искусством, в таком прекрасном освещении, что его невеста, которую он из-за болезни своей покинул, при взгляде на этот портрет вскрикнула: «Как это прекрасно». Нечто подобное делает Чехов. Он берет язвы общества из своей собствен-

ной души и необычайно прекрасно их изображает, притом правдиво, но в правдивости этой он гармоничен и красив.

Но это не все. Есть еще другой способ сублимации. Этим способом является юмор, и его родная сестра—лирическая печаль.

В сущности говоря, и юмор и лирическая печаль (она, между прочим, известна и Чайковскому)—одно и то же, только о двух разных концах... Что такое юмор? Это изображение чего-нибудь смешного сквозь призму глубокого снисхождения к этому смешному.

Смех вызывается у нас всегда какой-нибудь нелепостью. При чем, если эта нелепость оскорбительная, тяжкая, то она вызывает гнев, чем она менее значительна, тем скорее реагируем мы на нее только смехом. Возьмем пример: если я вам скажу такую фразу: «сын замахнулся кулаком на свою мать», и спрошу вас после этого, как мать должна реагировать на подобное явление, вы наверное ответите: величайшим негодованием. Но если я поясню, что сыну два года, вы поймете, что мать могла засмеяться на это самым добрым смехом. Юмор и есть реакция человека, считающего себя мудрым и сильным, на жизненные нелепости, за которыми он не признает серьезного значения. Не правда ли, это есть прекрасное разрешение задачи сублимации? Вы увидели мертвецки пьяного человека, которого, как животное, городовой везет в участок. Это—безобразное явление, но вы можете юмористически его описать, т.-е. другими словами отмахнуться от него за разными явно смешными его черточками.

В начале своей деятельности Чехов чрезвычайно много пользовался этим способом, к концу он стал разборчивее употреблять юмор, осмотрительнее, но на его смену пришла лирическая печаль.

Лирическая печаль есть тоже внутреннее преломление гнева. Человек рассердился и говорит: а впрочем, это скорей смешно! Это есть преломление в юмор. Но вот человек рассердился и видит, что явление, возбудившее его гнев, смешным никак нельзя назвать, тогда он говорит: «грустно жить на этом свете, господа».

Что это значит—грустно жить? Если есть причины для этой грусти, если есть какие-то недочеты в жизни, не дающие человеку жить весело, то ведь писатель именно должен был бы кончить описанием этих невзгод, призывом к борьбе с ними. Нет, он не зовет к этому. Может-быть, он призовет нас покончить с жизнью? Этого тоже нет. Он констатирует, что жить грустно, грусть же есть тихое подавленное состояние,—состояние примирения, но не полного, потому что тогда бы получилась душевная ясность, а примирения с внутренно подавленным протестом. Так подавленный протест легко идет рука в руку с сознанием того, что сам носитель этой грусти (гамлетовщина) выше этой среды, лучше ее. Выявлениями этой грусти являются общие философские размышления о бренности бытия, иногда туманные надежды, что когда-то будет лучше, соображения о том, что, в конце-концов, все пройдет, грустные песни, грустная любовь и т. п. атрибуты ставящей себя высоко над действительностью, но пассивной личности. Протест приобретает иногда для своего носителя

настолько увлекательные формы, что перестает даже быть страданием. Гамлеты часто прямо-таки любуются собою. Элементы этого самолюбования великолепно отметили русские писатели на образах русских Гамлетов: Онегина, Печорина, Рудина и, конечно, в особенности на их карикатурах — Грушницких. На такую лирическую печаль и самодрапирование чайльд-гарольдовским плащом Чехов тоже очень часто идет. У Чайковского эта черта преобладает, и музыка есть искусство до такой степени приспособленное к бесконечно разнообразному высокому и захватывающему излиянию лирической грусти, что ценность Чайковского и заключается именно в прославляемой прелести жизни сквозь дымку грусти.

Если взять Чехова только с этой стороны, как художника формы, как юмориста и как печального лирика, то мы имели бы чрезвычайное сходство с Чайковским. Пришлось бы почти сказать, что Чехов может быть нам ценен тем же, чем и Чайковский, т.-е. своеобразным пессимистическим преломлением действительности в красивую печаль или печальную красоту—как хотите.

Но уже отмечено выше, что в то время, как Чайковскому, отчасти потому, что он музыкант, но только отчасти (вспомните Мусоргского), свойственно обрабатывать материал эмоциональный, Чехов — весь в быте, весь в реализме, что̀ делает его гораздо более общественным. Сталобыть, если бы дело обстояло так, как мы только что написали, то и тогда надо было бы сказать: Чехов замечателен тем, что он кошмарную жизнь своего времени отобразил с необыкновенным формальным совершенством, утешал себя от ужаса жизни юмористическим или печально-лирическим отношением к ней; давал нам при этом огромную массу выше указанным способом обработанного богатого материала. Однако, дело не обстоит с Чеховым как сказано выше именно потому, что такой материал *прорывает* всякие рамки юмора и грустной печали.

Чехов, конечно, в высокой степени напоминает Гоголя некоторыми чертами своего дарования. Гоголь тоже был необычайно зорок к действительности, он тоже окружен был кошмаром самодержавия и соответственно уродливого быта, но только не после поражения революции, а до возникновения революционного движения. Он тоже старается справиться с этим кошмаром юмором и печальной лирикой. Но у него точно так же мертвые души, им изображавшиеся, прорвали все рамки юмора и все рамки печали. Куда же прорвались мертвые души у Гоголя? — В тоску.

Тоска это не то, что грусть. Грусть, как было выше сказано, есть настроение, которым человек примиряется с действительностью. Тоска есть гнетущая боль, с которой почти невозможно жить на свете. Тоска есть такой момент, из которого могут быть только три выхода: или борьба, или гибель, или какой-нибудь внешний факт, который пресек бы причину тоски. Правда, Гоголь пытался найти исцеление от своей тоски в запутанной, опиравшейся на авторитет попа, православно-самодержавной ахинее. Это—не единственный случай между русскими писателями. Потом Достоевский, в сущности говоря, повторил его. Но, конечно, ни у Го-

голя, ни у Достоевского из всего их православия ничего не вышло. У того и другого это одинаково искусственно, одинаково ненужно. И Белинский, со всем великолепием своих молний испепеливший исход Гоголя из его тоски, мог теми же самыми молниями испепелить и зосимовские соборы Достоевского.

И у Чехова ужас жизни выступает из берегов. Юмористическая улыбка, с которой вы встречаете чудесные рассказы Чехонтэ или даже самого Чехова, застывает на ваших устах. Жизнь, как медуза, смотрит на вас и заставляет ваше сердце окаменеть. Никакая лирическая печаль не может, в конце-концов, преодолеть режущей остроты такого рассказа, как «Овраг» и ему подобных; несмотря на замечательную красоту фактуры Чехова, и на всяческое стремление окутать их блестящими покрывалами, играющими из юмора в лирическую печаль и обратно, они на действительно чуткого зрителя производят впечатление тоски.

За что любили Чехова его современники? Я думаю как раз за три указанных выше положительных стороны: за формальное совершенство, за юмор и за печальную лирику. А то, что все эти приемы применялись им к живой жизни, еще усугубляло их ценность. Современники Чехова проливали сладкие слезы вместе с дядей Ваней и с Соней под небом из алмазов, или умиленно улыбались над 22-мя несчастиями Епиходова. Но те из современников Чехова, которые были в сущности не современниками его, а предшественниками грядущих десятилетий, уже понимали, что в творчестве Чехова живет *тоска*.

В самом Чехове эта тоска жила, несомненно, сознательно. Это и создавало совершенно особенную симфонию чеховской натуралистической музыки, дающей ей непреходящую прелесть. Чехов от природы тонкий, как всякий художник, должен был до чрезвычайности утончить себя. Во-первых, как реалист, он все вновь и вновь вперяет свои зоркие глаза в окружающее и с какой-то страдальческой жадностью напояет их действительностью. Он до того изощрил свои глаза, свой слух, что равного ему по силе импрессионизма писателя мы не знаем. И, развертывая в себе эту способность бесконечно зоркого наблюдения, он параллельно развернул способность и необычайно четкого выражения. Это делает его крупнейшим русским реалистом-импрессионистом. Стремясь формально преодолеть свой материал, т.-е. в некоторой степени первоначально победить его, заставить эту ведьму — жизнь служить себе в качестве материала для творчества, Чехов изобрел поразительно совершенные методы художественной конструкции. Правда, он не был способен на романы и даже самые пьесы его далеки от архитектурности, но этого ему и не нужно было. Как импрессионист и сын века, живущего уже более быстрым темпом, он сознательно заменял романы новеллами и мелкими рассказами, а пьесы писал с таким расчетом, чтобы максимум впечатления произвело не все целое, а огромное богатство неослабевающей серии отдельных сцен. Во всем этом Чехов опять-таки был непревзойденным мастером. В-третьих, стараясь победить жизнь юмором, Чехов развил в себе необычайную способность подмечать даже в самом мрачном—смеш-

ное. Соединение мрачных и смешных сторон придают огромную глубину чеховским зарисовкам. Я уже сказал, что смех есть в некоторой степени победа над тем, что мы осмеиваем, замена негодования или тяжелой скорби. Чехов дает нам возможность спуститься в ужасающие подземелья жизни, где мы задохнулись бы от негодования или скорби, но он показывает нам эти подвалы при свете факела своего искрящегося юмора и дает этим самым нам возможность не только перенести подобное зрелище, но и почувствовать, что оно преходяще, бегло, что под ним таится что-то лучшее, что человек победит его. Не будучи сатириком (как Щедрин и отчасти Гоголь), Чехов оказывается всегда мягким, правдивым, он бывает неистощимо и захватывающе смешон без всякого перехода в карикатуру. Стремясь овладеть теми элементами тяжкой действительности, которые он сумел претворить в себе юмором, при помощи последнего своего средства—лирической печали, Чехов невольно заимствует краски у мастерицы этой эмоции—музыки и достигает поистине изумительной музыкальной высоты. В «Степи», в «Черном монахе», в пьесах и во многих произведениях Чехова разбросаны эти изумительные, музыкальные по содержанию и внешнему выражению, страницы.

Наконец, приобретя все эти прекрасные свойства, Чехов, влюбленный в жизнь, умерший с бокалом шампанского в руках, который он потребовал у врача после того, как сказал ему: «сейчас я умру», Чехов из всех глубин своего таланта, старавшийся осилить ужас действительности художественными способами, в конце-концов, сам сознавал, что из всех пор его произведений хлещет на самом деле тоска,—тоска, которая завывающими голосами, не слышными для мелких людей, но потрясающими действительно чуткие сердца, призывает к борьбе, к мести и к победе.

В известном письме к Суворину Чехов пишет, что «были писатели в России, великие тем, что имели своего «бога». Конечно, Чехов тут же разъясняет, что дело не в религии, а в служении чему-то, что писатели признают возвышенным, и сейчас же говорит, что теперь нет уже этого «бога», нет такой идеи, такого явления, которому беззаветно служили бы, и что от этого и происходит то, что другой русский великий литератор Щедрин определял словами: «писатель пописывает, а читатель почитывает».

Самую скверную услугу делают Чехову те его критики буржуазного и мелко-буржуазного лагеря, которые хотят превратить его в человека пописывающего и которые хотят его почитывать.

Впрочем, Чехов в вышеупомянутом письме к Суворину как будто и сам причисляет себя к этим писателям «без бога». Однако, прямо он об этом все-таки не говорит. Из письма можно вычитать сомнения: «Не то я пишу для какой-то высокой идеи, не то так себе. Не то искусство для меня просто изящное рукоделие, не то это высокое служение». И подобные признания у Чехова можно найти во многих его письмах и рассказах.

Но как бы ни относился Чехов сам к себе, мы же должны относиться объективно. Нет, он не был писателем пописывающим. И он, как Чайковский, стремился примириться с жизнью в художестве поскольку не видел путей к реальной перестройке ее, но он был настолько честным

реалистом и общественным человеком, что не смог уйти от этой действительности в мистику или философию, или чистую эстетику, а брал ее такой, какая она есть, и с творческим пóтом на своем челе поэта одолевал эту действительность, чтобы дать себе и другим возможность жить на ее лоне, но *не смог* одолеть, и чувствовал, что она все-таки ломит его, и осознавал эту победу пошлости над собою, как тоску, так что эту музыку неизбывной тоски слышит в нем каждый чуткий читатель.

Читатель или критик, который распространяется о том, какая великолепная у Чехова форма юмора или лирики, и который на этом останавливается, еще человека в Чехове не узнал. Тот, кто считает Чехова сильным и победителем, тот превращает его в пописывающего, а себя самого— в почитывающего. Тот же, кто поймет при всей огромной силе Чехова его коренную слабость и его поражение, тот поймет, какой подвиг взял на себя Чехов в годину безвременья и как честно служил он, заявляя каждой строчкой своих произведений, что жизнь безобразна и пошла и что честному человеку перед ней можно только тосковать или объявить ей беспощадную войну.

В чеховское время никому не хотелось попросту тосковать, поэтому цеплялись за его положительные качества и объявляли его «победителем». Ведь объявить войну действительности тогда было нельзя. Лишь очень немногие видели, что война эта имеет шансы на победу. Сейчас совсем другое. Не только мы видим, что война имеет шансы на победу, но мы уже в большей половине одержали победу. Нам тоска не грозит, в наших глазах эта тоска превращается в призыв. Поэтому Чехов ценен для нас.

Хочу ответить еще на второе возможное возражение. Во-первых, те явления, перед которыми тосковал Чехов, отошли в прошлое; основных корней их—самодержавия, и второго, достаточно толстого корня— капитализма в России нет уже, стало-быть, Чехов в значительной степени отжил. Возражение это не годится никуда. Мы живем среди порядочной мещанской духоты, она душит нас и в деревне, и в провинции, и даже в столице. Она держит в своих когтях обывателя, она прочно вцепилась еще и в рабочего, и под ее злым крылом ютится слишком часто личная семейная жизнь даже революционеров. Я сказал, что мы победили на большую половину, но это не значит, что мы победили до конца. А главное, Чехов как раз боролся не в области политики, где победа полная (если говорить в русском масштабе), не в области экономики, где победа вчерне тоже одержана, он работал в области культуры и быта, где мы, пожалуй, ни одной победы еще не одержали.

Допустим на минуту, что Чехов был бы сейчас жив, что он наподобие Пантелеймона Романова или Бориса Пильняка занялся бы изображением темных сторон нашей жизни. Правда, скажу прямо, что Чехов, наверно, нашел бы в себе способности открыть и светлые ее стороны, чего о наших писателях сказать нельзя. Но, конечно, темные стороны ее он тоже отразил бы, только гораздо точнее, гораздо искуснее, и на этот раз ему не нужно было бы прибегать ни к юмору, ни к лирической печали, он писал бы в терминах, напоминающих сатиру, он был бы не врачом, пожимающим

плечами над неизлечимой болезнью, а диагностом, определяющим ее и сейчас же принимающим меры, порой, может-быть, и хирургические.

Но Чехов умер и работал в иной обстановке, тем не менее, он часто попадал в головы гидр, осаждающих еще и нас, значит, возражение с точки зрения устарелости Чехова не попадает в цель.

Конечно, кое-что в Чехове отжило. Например, почти все, что относится к лирической печали, его плаксивая прекраснодушная интеллигенция. «Три сестры» и их 30 тысяч братьев должны, конечно, быть заколочены в гроб. Но разве к этому сводится Чехов?

Второе возражение. Я сказал, что Чехов никогда не впадал в карикатуру, что он не рисовал острых углов, что он не задевал, не издевался, что он был круглый и мягкий, был юморист. Читатель может спросить: а не лучше было бы, если бы он менее был кругл и мягок? Припомним кусательную сатиру великого Щедрина и гротескную карикатуру Гоголя или всхлипывающий и глубоко впивающийся смех Глеба Успенского,—разве все это не выше?

Что же, я отчасти согласен с этим. Я считаю, что Щедрин, Успенский, а до них Гоголь были, пожалуй, общественно острее и целесообразнее Чехова. Я не говорю вовсе, что Чехова нужно поставить в нашем наследии выше Гоголя, Щедрина и Успенского, но, тем не менее, не нужно забывать и положительных сторон круглости и мягкости Чехова. Сатира Щедрина, например, при всем блестящем остроумии тяжела, ее просто трудно читать! Она такая злая, она звенит, как натянутая струна, она готова оборваться. Она надрывает вам сердце. Читать Щедрина долго под ряд просто невыносимо. Даже сейчас, когда мы чувствуем себя победителями, он утомляет самой напряженностью своего карикатурящего карандаша. Это еще в большей мере относится к Успенскому. Конечно, у Успенского, молодого, можно встретить почти чеховские страницы, но большею частью он даже в смехе своем слишком серьезен. Чем дальше, тем больше пересыпает он этот смех умной, но и умствующей публицистикой. И этот надорванный, очень умный, напряженно думающий, публицист незримо присутствует у Успенского почти всегда.

А Гоголь? Гоголь, действительно, сумел в неудержимом своем гротеске быть уморительно забавным, это его огромная честь. Гоголь потрясает. Его приписка: «скучно жить на этом свете, господа», его напоминание о слезах, сквозь которые он смеется,—не фраза. Он нисколько не менее печальник о мире, чем Чехов, вместе с тем и нисколько не менее чем Чехов, приветливо весел, увлекателен. Мало того, если Чехов имеет огромное преимущество перед Гоголем, как импрессионист, то Гоголь имеет еще большее преимущество перед Чеховым, как синтетик.

Эти сходства и эти различия дают Чехову особую физиономию. И разве не значит признать его значение для нас в том наследии, которое досталось нам от прошлого, если мы скажем, что произведения Чехова нужно поместить где-то в ближайшем расстоянии от шедевров Гоголя?

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ЧЕЛОВЕКА С ВНЕШНЕЙ ПРИРОДОЙ.

(В связи с книгой К. Бюхера «Работа и ритм».)

Н. Александров.

В первом томе своего «Капитала» Маркс писал: «Дарвин направил интерес на историю естественной технологии», т.-е. на образование растительных и животных органов, которые играют роль орудий производства в жизни растений и животных. Не заслуживает ли такого же внимания история образования производительных органов общественного человека, история этого материального базиса каждой особой общественной организации? И не легче ли было бы написать ее, так как, по выражению Вико, человеческая история тем отличается от естественной истории, что первая сделана нами, вторая же не сделана нами? Технология раскрывает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а следовательно, и общественных отношений его жизни» («Капитал», т. I., пер. В. Базарова и И. Степанова, отдел IV, гл. XIII, примечание № 89, стр. 349; изд. 1923 г.).

В этих строках содержится очень ценное указание на огромную важность процесса борьбы общественного человека с природой, на неотложность конкретного изучения этого процесса. Вместе с тем в них дано углубленное толкование его сущности, резко отличающееся от прежних, домарксовых (в частности, Спенсеровских), чисто «биологических» представлений о процессе общественного развития. Вместо того, чтобы подыскивать биологические аналогии и параллели к общественным явлениям и трактовать общество как организм, Маркс советует понять его внутреннюю структуру во всем ее не-биологическом, чисто социальном своеобразии, а затем уяснить вопрос о связи характера этой структуры с характером той внешней среды, в которой она развивается. Сущность отличия этого последнего подхода от вульгарного «биологизма» в обществознании ясна: первый ограничивался простым перенесением формул дарвинизма на явления общественной жизни, Маркс рекомендует как раз исследовать вопрос о возможных пределах такого перенесения. Маркс подчеркивает, что общество—часть природы, но с весьма

специфическими свойствами, резко отличающими его от прочей «природы». В каком же отношении находится эта особенная часть природы к остальной природе?—вот к чему сводится, собственно говоря, вопрос, поставленный Марксом.

I.

Известный труд немецкого экономиста К. Бюхера «Работа и ритм», уже давно переведенный на русский язык, но недавно увидевший свет в переводе с 4-го немецкого издания, расширенного и переработанного, дает богатый материал для конкретизации Марксовой постановки вопроса. Полная интересных мыслей и остроумных догадок, книга Бюхера, написанная совсем по другому поводу, с другими целями, представляет собою, однако, один сплошной аргумент в пользу намеченной выше точки зрения Маркса. Но, как всякая конкретизация хотя бы и самой гениальной формулы, эта книга не только показывает справедливость самой формулы, но и наводит на ряд размышлений, раскрывая новые перспективы в указанном направлении. Мы наметим сначала ход мыслей Бюхера по интересующему нас вопросу, а затем очертим те перспективы, которые, на наш взгляд, этим ходом мыслей открываются. Бюхер начинает с установления историчности самой категории «работа». Работа есть действие, направленное на достижение вне его лежащего полезного эффекта,— так можно определить сущность и смысл работы в культурном обществе. Но для работы первобытных народов или людей каменного века такое определение окажется не совсем пригодным по причине его неточности. Работа современного дикаря или нашего палеолитического предка лишь отчасти сознательно направлена на достижение полезной цели; да и самая эта «полезность» носит несколько иной характер, имеет другой смысл. «Полезным» представляется первобытному человеку все доставляющее ему удовольствие: поэтому выдалбливание лодки из древесного ствола, оттесывание каменного оружия и какая-нибудь общественная пляска или игра, с его точки зрения, «одинаково полезны» и одинаково «бесполезны». Еще не проложена резкая грань между «делом» и «развлечением», между занятием «серьезным», приносящим материальную пользу, и занятием «несерьезным», игрой. Человек работает, играя, и играет, работая. Работа есть еще в значительной мере явление чисто психофизическое, удовлетворяющее такой же физиологической потребности, как игра и пляска. Ей присущи уже, конечно, социальные элементы, но они недостаточно ярко выражены. Такой характер работы тесно связан с примитивностью техники, с небольшим числом и малой гибкостью употребляемых в процессе работы орудий. Поэтому выполнение какого-нибудь задания есть дело чрезвычайно сложное и трудное. Но так как сознательная направленность работы еще невелика, потребности соответственно немногочисленны, низки и не принуждают к выполнению задания во что бы то ни стало, под угрозой серьезного непоправимого ущерба, то дикарь работает медленно, с перерывами, принимаясь за работу когда у него есть охота к ней и временно прекра-

щая ее, когда эта охота почему-либо проходит. При этом он смотрит на дело рук своих, как на чисто художественное произведение, которое ему близко и дорого, ибо оно составляет часть его самого, носит на себе отпечаток его индивидуальности. Поэтому он украшает изготовляемый им предмет рисунками, выжженными или вырезанными на дереве или камне, иногда раскрашивает его. Все это, однако, отнюдь не значит, что дикарь от природы своей лентяй, как обычно принято было думать. Напротив, описанный Бюхером характер работы первобытного человека объясняет, в чем сущность этой пресловутой лени дикарей, что̀ такое представляет собою эта лень. При этом оказывается, что она есть не что иное, как своеобразие самой работы дикаря, зависящее от того уровня, на котором находятся приемы и средства его приспособления к окружающей среде. Эти приемы и средства, как мы видели, чрезвычайно примитивны, потому дикарь работает иначе, чем мы; он неспособен к *систематическому* труду, но это не значит, что он вообще неспособен к труду. Напротив, именно благодаря низкому развитию техники, он затрачивает огромное количество труда, подчас требующего большого терпения и уже в силу его утомительности несовместимого с систематичностью. Эта черта—несистематичность труда, неусидчивость дикаря обычно прежде всего бросалась в глаза путешественникам, представлялась им, с точки зрения современных культурных людей, экономически крайне нерациональной и неправильно истолковывалась, как врожденная, свойственная дикарю, психическая особенность — леность. В действительности же она зависит от низкого уровня техники, предполагающего необходимость больших затрат труда при малом эффекте, а также от отсутствия резкой грани между теми двумя видами действий, которые мы теперь называем «работой» и «игрой». Таков характер первобытной работы по Бюхеру, таковы причины ее своеобразия. Обратимся теперь к ритму. Ритм есть первоначально тоже явление чисто-физиологическое. «Ритм», как упорядоченное расчленение движения во времени, «проистекает из самой органической сущности человека. Он управляет всей деятельностью тела животного, являясь элементом, регулирующим наиболее экономное израсходование сил» (стр. 295—296 русского перевода). Еще Аристотель говорил, что «ритм присущ нашей природе». Несомненно, что голый человек имеет бо̀льшую склонность к ритмическим движениям и выполняет их с бо́льшей легкостью, чем одетый, и что на низкой ступени развития преобладали длительные, равномерно-производимые работы» (стр. 28). В этих работах играет, таким образом, большую роль ритм самих телодвижений; поэтому для первобытного человека, не отличающего работы от игры, так характерна склонность к ритмическим пляскам. Впоследствии, в особенности на более высоких ступенях развития, к ритму телодвижений присоединяется звуковой ритм самой работы (напр., звон струи молока, падающей в ведро), а также словесный звуковой ритм—восклицания и песни, игра на музыкальных инструментах. Привхождение этих новых—рабочих и словесных—ритмов к ритму телодвижений сам Бюхер ставит в связь с усложнением

и развитием техники. «Всякая работа,—говорит он,—сводится к изменению вещей окружающего мира в отношении места и формы» (298). «Орудие есть посредник между членами человеческого тела и обрабатываемым материалом» (299). Пока эти орудия представляли из себя «усовершенствование членов тела в том направлении, которое потребно для данной работы» (299), они не препятствовали ее ритмическому строю, а, напротив, способствовали усложнению и разнообразию самих ритмов. Лишь позднейшие орудия, изменившие направление и силу действий, производимых членами человеческого тела, и переставшие быть частью самого работающего, составили начало конца ритмического строя работы. Этот последний окончательно разложился под воздействием машинной техники, которая превратила работника в придаток орудия, уничтожила ритм телодвижений, заменила рабочий звуковой ритм сплошным гулом—и тем самым сделала невозможным словесный звуковой ритм, изгнала из стен фабрики трудовую песню. С возникновением машинной техники исчез «мир веселой работы», как выражается Бюхер. «В нашем воспитании ритм не имеет значения» (стр. 298). «Подобный переворот во взглядах, — говорит Бюхер, — кажется мне тесно связанным с тем влиянием, которое оказывает применение различных искусственных орудий работы на положение и движения тела работающего» (стр. 298). «В первобытную эпоху мы видим, с одной стороны, человека с его прирожденными, но не развитыми еще физическими и духовными силами, с другой стороны...—дикую природу, из которой он посредством работы должен был черпать все необходимое для удовлетворения своих жизненных потребностей» (стр. 298). Бюхер хочет сказать, что процесс замены подобного непосредственного противопоставления человека природе более сложными взаимоотношениями между ними, который есть вместе с тем процесс изменения ритмического строя работы, тесно связан с процессом эволюции орудий работы. В этом он, конечно, глубоко прав. Мы сказали бы даже, что эти оба ряда изменений суть две стороны одного и того же процесса. Однако, нам неизвестны в точности все его стадии. Поэтому Бюхер принужден перейти от стадии чисто-физиологического ритма сразу к гораздо более высокой стадии сочетания этого последнего с ритмом рабочим и словесным. Опираясь на огромный этнологический и этнографический материал, собрав большое количество песен современных первобытных племен, народов Древнего Востока и античного мира, а также современных культурных народов, Бюхер намечает несколько видов работы с соответствующими им формами ритма. Бюхер различает прежде всего работу одиночную и совместную. Работа называется одиночной в том случае, если каждый рабочий независимо от других исполняет свое дело; при этом возможно, что в одном и том же помещении находится несколько лиц. «Но и в этих случаях мы будем называть работу одиночной до тех пор, пока каждый из работающих будет самостоятельно исполнять свое собственное задание» (стр. 41). Примером такой одиночной работы нескольких лиц в одном и том же помещении может служить пряденье. Работу совместную можно раз-

бить на две основных группы работ: 1) работы, выполняемые сообща («Gemeinschaftsarbeit») [1], при чем каждый работник тесно связан со всеми другими и вне этой связи неспособен выполнить ни одной составной части общего задания, и 2) работы, требующие лишь простого соединения большого числа рабочих сил (Arbeitshäufung), при чем задание мог бы выполнить и один человек, но в слишком уж долгий срок и часто с ущербом для качества самого продукта. К первой группе работ относятся работы с равным тактом, требующие одновременного напряжения сил всех участников, и работы с переменным тактом, требующие все время меняющегося напряжения сил многих работников для достижения необходимого ритма. Работы с переменным тактом сводятся к движениям, производимым при ударах и толчении; поэтому здесь звуковой ритм самой работы сочетается с песенным ритмом, и песни поются обычно попеременно, при чем запевало является и руководителем работы. Сюда относятся: молотьба, вытаптывание ржи, утрамбовка мостовой и т. д. В работах с равным тактом задача слова «заключается в том, чтобы дать всем работающим возможность однообразно и одновременно проявлять свои силы» (стр. 127). Поэтому при этих работах поются хоровые песни, в которых значительную роль играют припевы и восклицания. Сюда относятся работы при поднимании и переноске грузов, а также при гребле. К работам, принадлежащим ко второй группе, т.-е. требующим объединения большого числа рабочих единиц, относится жатва полей, косьба и проч. Они часто сопровождаются пением и даже музыкой. Бюхер полагает, что из этого-то сочетания работы с ритмической песней и возникла, путем долгого процесса усложнения и дифференциации, музыка и поэзия. При этом он придает большое значение пляске, которая играла роль и сама по себе при некоторых работах (напр., при давлении винограда). «На низших ступенях своего развития,—говорит Бюхер,—работа, музыка и поэзия представляли собою нечто единое, но... основным элементом этого триединства была работа»... То, что объединяло все составные части этого единства, «был присущий им всем ритм» (стр. 264). Но эти «низшие ступени развития работы» представляют собою уже вторую стадию ее эволюции, более высокую, сравнительно с той, на которой, согласно Бюхеру, главная роль принадлежит ритму телодвижений. Бюхеровская теория происхождения музыки и поэзии, чрезвычайно увлекательная сама по себе, для нас в данной связи имеет лишь второстепенное значение. Для целей настоящей статьи важно было наметить лишь эволюцию самого характера работы, как она совершалась согласно схеме Бюхера. Попытаемся теперь разобраться в том, что дает эта схема для уяснения намеченной выше постановки вопроса об эволюции процесса взаимодействия общественного человека с внешней средой.

---

[1]) См. немецкий текст—издание 6-е, 1924 г., стр. 54.

II.

Бюхер сам делает ряд указаний на то, что переходы от работы-игры к работе, сопровождаемой песенным ритмом, а от этой последней—к работе машинной, не ритмичной, суть этапы какого-то длительного и сложного процесса, в котором играет немаловажную роль эволюция орудий труда. Что же это за процесс? Чтобы ответить на этот вопрос, начнем несколько издалека.

Еще со времен Аристотеля известно, что человек есть «ζῶον πολιτικόν» «общественное животное». Другими словами: человек есть животное, но животное *общественное;* он есть общественное животное, но—*животное*. Аристотелевское определение указывает, таким образом, на очень существенное явление—на одновременную принадлежность человека к двум мирам—к миру социальному и биологическому, на двусторонность человека, как существа социального и зоологического. Во времена Аристотеля трудно было пойти дальше простой констатации этого факта. Но теперь, после Дарвина и Маркса, положивших начало научному истолкованию *процесса развития* каждого из этих миров, аристотелевское определение человека приобретает новый смысл. Маркс уяснил нам специфичность каждой общественной структуры и специфичность самого общества, как структуры; он подметил тенденции развития этих структур, создал метод объяснения процесса превращения одной в другую. После Маркса мы знаем твердо, что общество есть общество, а не организм и не совокупность зоологических видов или индивидуумов. Но члены общественного целого, оставаясь таковыми, не перестают ведь быть частью другого, более обширного целого—природы, не перестают быть «людьми», в смысле биологическом, т.-е. членами вида «Homo sapiens». Только их биологические особенности подверглись колоссальной деформации в общественной среде, которую по отношению к ним можно назвать средой «искусственной». Чисто биологические свойства людей своеобразно *преломились* в этой «искусственной» среде, в обществе.

Это отнюдь не значит, однако, что они вовсе исчезли; напротив, они вступили в чрезвычайно сложные *переплетения* с социальными особенностями человека, так что в современном культурном обществе невозможно выделить из этого переплетения его составные элементы. Многие биологические черты человека не только переплелись с социальными, но и перешли в социальные; однако, вряд ли все они без остатка поглотились таким образом. В современном общественном человеке сошлись, как лучи в фокусе, специфические особенности обоих, столь различных миров,—биологического и социального, естественного и искусственного. Как же и где же, на каком пункте эволюции человеческого общества можно отыскать грань, их разделяющую, и как объяснить происшедшее между ними переплетение? В самой постановке вопроса заключен отчасти метод возможного искания ответа на него. Эту грань надо искать, конечно, там, где связь обоих миров через посред-

ство человека наиболее ясна и проста, наименее усложнена, где этот второй «искусственный» мир, т.-е. общество, находится еще в зачаточном состоянии. Следовательно, для отыскания этой грани надо обратиться к первобытной истории человека. А для объяснения самого процесса развития, приведшего к столь сложному взаимодействию обоих миров, нужно обратиться к тем явлениям, в которых «раскрывается активное отношение человека к природе»,—раскрывается «*непосредственный* процесс производства его жизни», т.-е. к тем явлениям, где взаимодействие этих миров протекает в особенно простой и наглядной форме. Маркс справедливо говорит, что этот «непосредственный процесс производства человеческой жизни» раскрывается в *технологии*. Следовательно, в поисках за ответом на поставленный выше вопрос надо обратиться к *первобытной технике* и ранним формам хозяйства. Генетический подход вытекает, таким образом, с неизбежностью из самой постановки вопроса. Нет сомнения, что было такое время, когда человек, или его зоологический предок, принадлежал всецело к одному из этих миров, т.-е. был существом только биологическим, ибо хотя человеческий предок и выступает повсюду, как член стада (Horde), но в этом смысле он еще почти ничем не отличается от всякого прочего животного вида: ведь у животных встречаются и гораздо более сложные «общественные» образования. Если рассматривать человека со стороны его взаимодействия с внешней природой, то можно сказать, что его воздействие на нее должно обладать следующими тремя признаками, чтобы не быть явлением чисто биологическим:

1) оно должно быть сознательно-направленным,

2) посредственным (человек есть, по Франклину, «животное, делающее орудия») и,

3) наконец, общественным.

Повторяем: *вероятно*, было такое время, когда *ни один* из этих признаков не был характерен для отношения человека к внешней природе; но об этом времени нам, к сожалению, ничего или почти ничего неизвестно. Можно лишь гадательно предполагать, что отсутствие этих признаков характерно для той эпохи, когда зоологический вид «человека» только начал развиваться из предшествовавших ему животных видов. Но с возникновением «человека», как сложившегося вида, возникали и зародыши тех отмеченных выше его особенностей, которые впоследствии сделали его существом социальным «par excellence». Биологические особенности человека стали все более приобретать социальный характер. Бюхеровская первая стадия «работы-игры» (если брать ее в чистом, абстрактном виде, не допускающем возможность отступлений от основного стиля, для нее характерного) отличается именно зародышевым, зачаточным состоянием социальных признаков: сознательная направленность имеет место лишь при каждой данной работе, да и тут слаба; воздействие на внешнюю природу в значительной степени еще протекает непосредственно, ибо каменные орудия немногочисленны, примитивны, а главное, лишь удлиняют

и увеличивают, продолжают органы тела, не видоизменяя их функций; *делание* орудий еще только начинает оттеснять на задний план их *нахождение;* наконец, общественность исчерпывается пределами первобытного рода, реже—племени. Однако, именно эта бюхеровская стадия и ее дальнейшее развитие для наших целей особенно интересны. Ведь это развитие есть процесс все большего усложнения *социальных* особенностей человека. В чем его основы? Во взаимодействии человека и внешней природы. Но какова механика этого взаимодействия, каковы его двигатели? Вначале дикий человек и дикая природа противостоят друг другу,—говорит Бюхер. Потом (может-быть, через тысячелетия) картина несколько меняется: друг другу противостоят дикая природа и первые зародыши общественного человека, организованного в первые, простейшие формы общежития (род, племя). Отчего произошла эта перемена декорации? Или—так как точный ответ на этот вопрос невозможен — *как можно себе мыслить* скрытые пружины этой перемены? Представим себе ход процесса по возможности схематически. Человек—природа; вот первичное противопоставление. Формы человеческой жизни меняются; природа тоже меняется, только неизмеримо медленнее. Относительно к изменению форм человеческой жизни *ее* изменение, особенно на первых порах, настолько незначительно, что природа может быть принята за величину постоянную, а формы человеческой жизни—за величину переменную. Природа есть как бы естественная среда, в которой эти формы развиваются. Но это еще далеко не все: только в этой среде они и могут развиваться, ибо она есть «conditio sine qua non» *самого существования человека, как вида.* В чисто биологической эволюции этого вида рано или поздно наступает этап, на котором человек начинает не просто пассивно пользоваться дарами природы, но и активно добывать средства к существованию. Но такое «добывание» возможно лишь при помощи промежуточных звеньев, вдвигаемых между человеком и природой, ибо органы человеческого, как и всякого животного тела, не приспособлены для этого; *это добывание возможно лишь при помощи орудий.* Поэтому Маркс и указывает на связь «технологии» с «*активным* отношением человека к природе». Этап нахождения орудий знаменует собой важный поворотный пункт в отношении человека к внешней среде, намечает начало перехода от пассивного приспособления к активному воздействию на нее. Этот переход совершается в период делания орудий; «активность» человека безостановочно растет, начиная с первой бюхеровской стадии и до наших дней. Раз началось делание орудий, то человек, «воздействуя на внешнюю природу, начинает изменять и свою собственную природу» (Маркс). И обратно: изменяя свою природу, он меняет и внешнюю природу—но каждый раз уже ранее измененную им и приспособленную к своим надобностям природу. В начале, в эпоху своего чисто-биологического бытия, человек, как и всякий другой животный вид, лишь бессознательно приспособлялся к окружающей среде. Но с тех пор, как он стал делать орудия, это воздействие природы на человека превратилось во взаимодействие человека с природой. Процесс приспособления

человека к внешней среде, конечно, не прекратился, но благодаря своему общественному характеру резко видоизменился: приспособляя себя к природе, человек стал приспособлять природу к себе. При этом каждый новый акт такого двустороннего приспособления все более видоизменял и самую природу, все более усложнял ее «искусственными» элементами, привнесенными из мира социального. Каждое новое завоевание техники, каждый новый переворот в области хозяйства производил переворот и в процессе взаимодействия с внешней природой. Бюхеровские стадии намечают этапы именно этого процесса. Но дальнейшее воздействие на природу, уже усложненную искусственными, социальными элементами, должно было, все более и более видоизменяя ее, постепенно превращать ее из величины постоянной в величину переменную. Взаимодействие общественного человека с внешней природой на высокой стадии развития общественности есть процесс взаимодействия *двух переменных величин* Поэтому импульсы и толчки, вызывающие дальнейшее развитие, исходят на этой стадии уже из обоих миров, хотя самая возможность их и является в конечном счете порождением мира социального. Намеченный ход мыслей указывает и на неизбежность прогрессирующего ускорения *темпа* исторического процесса, которое дано вместе с превращением внешней среды в величину переменную и которое наблюдается в действительности. Процесс взаимодействия общества с внешней средой и есть в сущности то, что Маркс называет процессом развития *производительных сил*. И «производительная сила» есть тоже не вещь, а *отношение* (как и прочие категории Маркса), только не отношение людей друг к другу в процессе производства, а отношения людей к внешнему миру, создающиеся в том же процессе производства их жизни. «Производительная сила» есть не чисто-общественная категория, это не внутри-общественное отношение, а некое пограничное, образующее собой вечно-движущийся мост, перекинутый из общества в природу. Но движение производительных сил сказывается и на внутренней структуре самого общества, развивающегося на его основе. «Технология... раскрывает непосредственный процесс производства его жизни (т.-е. человека. *Н. А.*) а *следовательно*, и общественных отношений его жизни», справедливо говорит Маркс. Бюхер как нельзя лучше конкретизирует этот тезис Маркса на явлениях, взятых из одной области общественной жизни. Вначале—говорит он—работа была игрой и в ней господствовал чисто-физиологический ритм. Потом она стала работой в нашем смысле, производимой при помощи более сложных орудий, появился песенный ритм: работа, музыка и поэзия образовали некое триединство. Процесс дальнейшего развития заключался во все большей дифференциации, в отделении музыки и поэзии от того источника, из которого они возникли. Так сказался процесс развития производительных сил на эволюции искусства, явления чисто-общественного, специфически социального. Идя тем же методом Маркса и Бюхера, мыслимо сделать попытку конкретизации процесса эволюции и прочих сторон общественной жизни. Поэтому нам представляется, что в конкретно-историческом и генетическом (этнологическом) изучении

процесса взаимодействия общественного человека с природой, который и есть процесс развития производительных сил,—ключ к построению марксистской социологии, особенно, если начинать это изучение с ранних ступеней развития. В настоящей заметке мы позволили себе, исходя из Маркса и Бюхера, лишь наметить возможные постановки вопросов, возможные перспективы этого изучения. Оно является одной из самых трудных, но и самых насущных задач современного обществознания.

ЛИТЕРАТУРА О ЛЕНИНИЗМЕ.

Обзор первый.

Григорий Баммель.

Н. Бухарин. Ленин как марксист. «Вестник Коммун. Академии.»—*И. Сталин.* О Ленине и ленинизме. Гос. Изд. 1924.—*Сафаров.* Основы ленинизма. Ленинград. 1924.

В литературе о Ленине, которая растет с огромной быстротой, уже наметились произведения нескольких категорий: произведения о жизни и личности В. И. Ленина, произведения популяризаторского характера, освещающие, главным образом, политические проблемы и произведения научно-исследовательского, теоретического характера, исследующие в систематической форме ленинизм. Мы будем иметь в виду на этот раз произведения последней категории.

Само собою разумеется, что всякий, приступающий к изучению ленинизма, начнет с самого тщательного продумывания и определения термина: «ленинизм». Это тем более необходимо, что в литературе мы уже встречаем несколько различных формулировок сущности основного содержания ленинизма. Строго говоря, эти формулировки не противоречат друг другу, так как одни из них выдвигают лишь некоторые, имеющие, правда, существенное значение, но не выражающие принципиального существа ленинского учения вопросы, а другие из них слишком суммарны, слишком общего характера, чтобы заложить первый камень будущего здания теоретического понимания наследия В.И. Ленина. Некоторые, как, напр., т. М. Лядов, определяют ленинизм как «претворенный в жизнь марксизм». Некоторые специфической сущностью ленинизма считают учение о роли и значении крестьянства в пролетарской революции. Другие (как, напр., т. Н. Крупская) говорят, что ленинизм есть марксизм в применении к условиям русской действительности, или что ленинизм есть возрождение подлинного, т.-е. революционного, марксизма Маркса и Энгельса. Иногда говорят, что ленинизм есть величайший количественный и качественный реализм, постоянно учитывающий действительное соотношение классовых сил (так определяет его, например, т. Л. Троцкий).

Разноречивость формулировок и теоретических обобщений, конечно, нельзя назвать принципиальною—она объясняется в сущности разнообразием методологических подходов к этой обширной теме, к этой великой системе пролетарской теории—ленинизму. Неясность же методологического порядка, именно, неопределенность или двусмысленность терминов легко может подать повод к недоразумениям. Таким вопросом, который требует предварительного разъяснения при изучении ленинизма, является вопрос об отношении ленинизма к марксизму и вопрос об отношении ленинизма к тому, что можно назвать мировоззрением Ленина. Постановка этих вопросов уже указывает на те требования, которые могут быть предъявлены ко всякой попытке дать теоретическую разработку, теоретическое обобщение тех лозунгов, практических советов от случая к случаю, которые разбросаны по всем многочисленным томам сочинений Вл. Ил. Тщательным уточнением термина «ленинизм» выгодно отличаются две теоретические работы:

1) *Н. Бухарина, «Ленин как марксист». «Вестн. Комм. Акад.» № 7, 1924, стр. 22—68,*.

и И. Сталина (о последнем ниже еще будет речь),
которые начинают именно с постановки вышеуказанных вопросов.

«Я должен остановиться на одном, чтобы не было недоразумения,— говорит т. Бухарин.—Что мы можем подразумевать под марксизмом? Под ним можно подразумевать две вещи: или пред нами методология,— система методов исследования общественных явлений, или это определенная сумма идей, скажем, мы сюда включаем теорию исторического материализма, учение о развитии капиталистических отношений и проч..., т.-е. берем марксизм не только как метод или теоретически сформулированную методологию, но берем целый ряд конкретных приложений этого метода, всю сумму идей, которые получились в результате этого приложения. С последней точки зрения совершенно ясно, что ленинский марксизм есть поле, гораздо более широкое, чем марксизм Маркса. Понятно, почему. Потому что к той сумме идей, которая была тогда, прибавилось колоссальное количество новых идей, связанных с анализом и с практикой—на основе этого анализа—совершенно новых явлений, совершенно новой исторической полосы, и в этом смысле это есть выход за грань марксизма, в этом *условном* смысле слова. Но если мы под марксизмом будем подразумевать не сумму идей, какова она была у Маркса, а тот инструмент, ту методологию, которая заложена в марксизме, то само собою разумеется, что ленинизм не есть нечто модифицирующее или ревизующее методологию Марксова учения. Наоборот, в этом смысле ленинизм есть полный возврат к тому марксизму, который был сформулирован самими Марксом и Энгельсом».

Если брать марксизм как «сумму идей», то совершенно ясно, почему и для т. Сталина мировоззрение Ленина и основы ленинизма—не одно и то же.

«Ленин—марксист и основой его мировоззрения является, конечно, марксизм,—говорит он.—Но из этого не следует, что изложение ленинизма должно быть начато с изложения основ марксизма». Достаточно обратить внимание на теоретический характер подобной постановки вопроса, чтобы иметь представление о вышеуказанных книгах. Для них ленинизм есть прежде всего тема не политическая, не историческая, не логическая, не полемическая в прямом смысле этих слов, это—тема систематическая. Другими словами, работы т.т. Бухарина и Сталина стремятся сконцентрировать внимание читателя не на фактах, имеющих биографическое, в широком смысле слова, значение, но на основных *узлах* практических ленинских приемов, на теоретических *обобщениях* тактических и политических лозунгов, на «систематизированных теоретических проблемах», мимо которых мы ранее проходили, которые оставались для нас незаметными и теоретическую обширность которых мы не замечали. И особенно характерное здесь заключается в том, что в то время как современность на известное ненормальное состояние теории в наших вузах и рабфаках реагировала в свое время походом на теорию вообще, нашим лучшим публицистам приходится, для того, чтобы доказать противное, так сказать, перегибать палку. Мысль о необходимости теоретического продумывания всех вопросов, завещанных идейным наследством Ленина, мысль об огромном значении теории в ленинской практике красной нитью проходит через всю работу т. Бухарина, а в книге т. Сталина даже получила самостоятельное выражение в виде особой главы: «Теория».—«Иные думают,—пишет Сталин,—что ленинизм есть примат практики над теорией... что насчет теории ленинизм довольно, будто бы, беззаботен... Известно также, что многие нынешние практики-ленинцы не очень милуют теорию, особенно в виду той бездны практической работы, которую вынуждены они нести по обстановке. Я должен заявить, что это более чем странное мнение о Ленине и ленинизме совершенно не соответствует действительности, что стремление критиков отмахнуться от теории противоречит всему духу ленинизма и чревато большими опасностями для дела». Еще определеннее говорит т. Бухарин:—«В довольно широких кругах нашей партии, да и за ее пределами, обычно считается бесспорным, что Владимир Ильич представлял из себя несравненного и гениальнейшего практика рабочего движения, что же касается его теоретических построений, то оценка здесь обычно делается гораздо более низкая. Мне кажется, что эта недостаточная оценка тов. Ленина, как теоретика, обусловливается известной психологической аберрацией, которая создается у нас всех. То теоретическое, что сделал тов. Ленин, у него не сконденсировано, не спрессовано, не преподнесено в нескольких закругленных томах. Теоретические положения, формулировки, обобщения, которые давал тов. Ленин, делались в значительной мере, на 9/10, от случая к случаю. Они разбросаны по всем многочисленным томам его сочинений и, само собою разумеется, что именно потому, что они разбросаны,—именно поэтому очень многие считают, что тов. Ленин как теоретик в значительной мере уступал Ленину-практику... Ленин еще ждет, как теоретик, своего систе-

матизатора, и впереди, когда эта работа будет проделана и когда все то новое, что дал тов. Ленин в бесконечном количестве разбросанного и рассеянного по его сочинениям, будет систематизировано, — Ленин станет пред нами во весь свой гигантский рост и как гениальный теоретик рабочего коммунистического движения». Т. Бухарин в ходе своего исследования пользуется каждым удобным поводом, чтобы подчеркнуть это теоретическое величие покойного учителя-вождя. И действительно, все эти практические лозунги, которые впоследствии входили в плоть и кровь всей тактической линии революции, которые потом становились настолько ясными, что не сразу бросалось в глаза лежащее в их основе огромное теоретическое продумывание целого ряда теоретических вопросов крупнейшего принципиального значения,—все эти практические прогнозы во всех областях строительства социализма, все эти тончайшие переходные моменты, «которые громаднейшее большинство из нас, если не все мы, увидели а-постериори, когда это стало фактом», как нельзя лучше подтверждают слова т. Бухарина. Во всех своих практических прогнозах Вл. Ил. опирался на огромное теоретическое предвидение, «которое в свою очередь было результатом необычайно продуманного анализа существующих капиталистических отношений во всей их сложности и конкретности». Говоря о лозунге Советской власти, т. Бухарин замечает: «Имейте в виду, что это не есть только практический вопрос, хотя я и говорил, что единственно решающим для нас, в конце-концов, является практика. Это есть и огромный теоретический вопрос». «То, что *только сейчас* для нас представляется (говорит т. Бухарин в другом месте; его же курсив) само собою разумеющейся вещью, то ведь у Ленина было теоретически продумано до самых мелочей».

Я нарочно остановился на этих цитатах, к которым не одну и не две пары новых здесь можно было бы еще добавить. Ибо к *такой* теме, как ленинизм, нам еще будет трудно в течение ближайшего будущего установить научно-исследовательское отношение, подход под углом зрения, который рассматривал бы его как некоторую «теоретическую систему» (стр. 49 у Бухарина). Вот почему работы т.т. Бухарина и Сталина представляют огромный интерес, как первая и очень серьезная попытка дать систематическое, обобщающее изложение теории и практики ленинизма.

Работа т. Бухарина интересна кроме того и в том отношении, что к исследованию ленинизма применяет марксистский метод; автор набрасывает в широкой исторической перспективе очерк развития марксистской теории в свете материалистического понимания истории, анализирует новые социально-экономические факты и затем вскрывает содержащиеся в них проблемы, которые должны быть теоретически схвачены и обобщены, которые должны представлять дальнейшее звено в старой цепи теоретических рассуждений и положений. Вопрос об империализме, вопросы национальный и колониальный, вопрос о государстве в период социалистической революции, вопрос о Советской власти, как государственной форме—вот некоторые из проблем, которые были и являются

практическими, поскольку решающим всегда являлась и является для нас практика, но в основе своей всегда требовали и требуют огромного теоретического продумывания сложнейших социально-экономических отношений. Все эти вопросы были намечены у Маркса как алгебраические формулы, но в ленинизме они расшифровываются и превращаются в формулы арифметические или, как говорит т. Бухарин, «в формулы некоторой категории, которые можно мысленно представить как занимающие некоторое промежуточное положение между алгеброй и революцией». Если марксизм есть некоторая живая величина, как и всякая доктрина, которая развивается и изменяется, то и марксизм в ленинской формулировке есть дитя несколько иной эпохи, которая не может быть простым повторением эпохи, в которую жил Маркс. Основное определение т. Бухарина поэтому гласит, что ленинизм есть синтез троякого порядка: во-первых, это есть возврат к Марксовой эпохе,—«возврат, обогащенный всеми приобретениями на основе применения марксизма к анализу всей нашей эпохи». «Во-вторых, это есть соединение и синтез теории и практики борющегося и побеждающего рабочего класса» и, в-третьих, это есть синтез разрушительной и созидательной работы рабочего класса, при чем последнее обстоятельство (добавляет т. Бухарин) мне кажется наиболее важным».

Строго говоря, здесь еще нет *содержания* ленинизма. В этом исходном пункте очерчена пока лишь его внешняя логическая оболочка, его методологическая характеристика. Только после этого, в ряде великолепных анализов и обобщений автор, раскрывая скобки; наполняет живым содержанием свою формулу, которая, сама по себе, конечно, схватывала только одну—теоретическую—прослойку в ленинизме. Изложение, благодаря своей сжатости, несколько трудное, хотя выводы и формулируются отчетливо, так отчетливо, что мне представляется целесообразным наметить здесь же схему, по которой следует изучать статью т. Бухарина и которая легла в ее основу.

I. Социально-экономические и политические предпосылки ленинизма.

1. Эпоха финансового капитализма и империалистической политики финансового капитала. 2. Мировая война и крах капиталистических отношений. 3. Рост революционного сознания и массовых организаций. 4. Эпоха диктатуры пролетариата.

II. Метод ленинизма.

1. Дефетишизирование теории и логики. 2. Примат практики. 3. Значение теории.

III. Содержание ленинизма.

1. Вопрос об империализме. 2. Национальный и колониальный вопросы. 3. Государство в период социалистической революции.

IV. Основные теоретические проблемы ленинизма.

1. Проблема врастания в социализм после победоносной пролетарской революции. 2. Культурная проблема. 3. Проблема различных типов социализма. 4. Проблема двухклассового общества. 5. Проблема общественных противоречий после диктатуры пролетариата.

Таков логический остов статьи т. Бухарина, освобожденный от сложных анализов и сложных переходных аргументаций. Он имеет целью теоретически подвести читателя к выводам автора, которые по

ясности своей и значению всегда являлись, в сущности, практическими лозунгами.

Если т. Бухарин идет аналитическим путем в своем применении марксистского метода к изучению ленинизма, именно, от единичных, раскрытых во всем своем сложнейшем конкретнейшем содержании, *фактов* социально-экономического и политического порядка, идет к *обобщениям* заключенных в них теоретических проблем, то работа —

2) И. Сталина — «О Ленине и ленинизме», Госуд. Издательство, Москва, 1924, стр. 145,

интересна своим синтетическим подходом к теме, своей смелой прямолинейностью в формулировках, когда арифметике дается широко обобщенное алгебраическое выражение, а всесокрушающая политическая логика ленинизма сводится к системе геометрически прозрачных аксиом. Вдумываясь в план, в ход мысли автора, отдаваясь во власть этой железной логики, непрерывно подымающей сознание, этой теории, устремленной к будущему, невольно нащупываешь тот мощный пласт в недрах партии, из которого вышла эта замечательная книга. Книга т. Сталина — это «просто лозунговая практическая формулировка целого ряда теоретических положений, которые были продуманы звено за звеном»[1]). Подобно тов. Бухарину, тов. Сталин так же рассматривает ленинизм, как, прежде всего, систематическую и, значит, теоретическую тему. Но в то время, как у первого внимание направлено на ленинизм, как предмет исследования, т. Сталин относится к нему, как к методу действия. От этого его работа нисколько не теряет теоретического характера, как и «программа» всякой сколь угодно «практической» партии. Почти полное отсутствие цитат,—обстоятельство, которое следовало бы взять в пример многим нашим авторам, пишущим о Ленине,—или такое умелое пользование ими, при котором они не рассеивают внимания, но *органически сливаются с текстом*, — это также придает книжке т. Сталина значение, которое заставляет ее отметить в числе научно-исследовательской литературы о ленинизме.

Отсюда понятно, почему в своей исходной формулировке сущности ленинизма т. Сталин несколько расходится с т. Бухариным: если последний дал определение методологического содержания ленинизма, его логической оболочки, то т. Сталин пошел дальше и вскрыл все, что находится за этой логической оболочкой, т.-е. задался целью изложить основы ленинизма, как прикладного марксизма эпохи империализма и пролетарской революции. «Точнее,—говорит он, —ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности. Маркс и Энгельс подвизались в период предреволюционный (мы имеем в виду пролетарскую революцию), когда еще не было развитого империализма, в период подготовки пролетариев к революции,— в тот период, когда пролетарская революция не являлась еще прямой

[1]) Слова т. Бухарина о ленинизме в вышеуказанной его статье.

практической неизбежностью. Ленин же, ученик Маркса и Энгельса, подвизался в период развитого империализма, в период развертывающейся пролетарской революции, когда пролетарская революция уже победила в одной стране, разбила буржуазную демократию и открыла эру пролетарской демократии, эру советов. Вот почему ленинизм является дальнейшим развитием марксизма».—Это, мне кажется, наиболее верное и, что̀ особенно важно, наиболее *выдержанное в духе ленинизма*, суждение об его живом содержании, которое также всего лучше соответствует методологической характеристике т. Бухарина.

Основная часть книги т. Сталина, излагающая «основы ленинизма», подразделяется на следующие главы: 1) исторические корни ленинизма, 2) метод, 3) теория, 4) диктатура пролетариата, 5) крестьянский вопрос, 6) национальный вопрос, 7) стратегия и тактика, 8) партия и 9) стиль в работе. Каждая глава подразделяется, в свою очередь, на несколько разделов, напр., скажем, глава о «Теории» подразделяется на разделы: а) о значении теории, б) о критике «теории стихийности» и т. д. Замечательнее всего то, что эту четкость в определениях, тщательную отделку каждого положения, которой позавидовал бы любой немец и которая абсолютно необходима для массового читателя, автору удалось внутренне сочетать с цельностью всего плана таким образом, что схематизм—вся книга это одна схема—не только явился у него средством максимально приблизить к читателю книгу, но и как бы выражением, если можно так выразиться, своеобразного организма книги. Автор не только «знает», не только «знаком» с фактами, со всем тем, что разбросано по многочисленным томам сочинений Ленина, он просто понял и взял общее, что скрывается за единичными фактами, разделенными часто временем и пространством, разграничил явления, связанные между собой во времени, учитывая то, что делает их «единичными» и своеобразными, разогнул и выпрямил тактическую линию пролетарской борьбы, дал обобщение тончайшим переходным моментам и все это связал в один узел обобщенной практики, в один узел практического лозунга.

И тем более, мне кажется, я должен коснуться нескольких вопросов, не получивших достаточно освещения в книге т. Сталина. Это—вопросы философии и экономики. Последнего вопроса я не касаюсь, как не специалист, и отсылаю читателя к сборнику «Великий строитель», выпущенному газетой «Экономическая Жизнь», или даже к брошюрке «Мысли В. И. Ленина об экономической политике», выпущенной ленинградским отделением Госиздата; ленинизм—орудие не только пролетарской революции; в нем заложены все основы и для *созидательной* работы вообще, для хозяйственного строительства в особенности; ленинизм не только орудие разрушения старого мира, он не в меньшей степени теория созидания и строительства, теория тактики в борьбе за новые формы жизни. Для того, чтобы выделить экономическую политику ленинизма, т. Сталин мог бы и не перестраивать плана своей книги,—можно было бы, напр., лишь расширить главу, которая излагает учение ленинизма о «крестьянском вопросе».

Что касается философских основ ленинизма, то здесь я вижу также упущение со стороны автора. Правда, можно возразить, что тема—философия материализма ближе к теме, скорее, о марксизме, чем о ленинизме. Ленин был марксистом, и марксизм был его мировоззрением, а изложить ленинизм еще не значит изложить мировоззрение Ленина. Эта мысль сама по себе правильна, но превращать ее в какой-то принцип, по меньшей мере, преждевременно; это значило бы заранее зарекаться от того, что еще не изучено и не проверено. Известно, с какой глубочайшей остротой воспринимал В. И. философские разногласия среди большевиков. Было время, когда эти разногласия задевали животрепещущие внутрипартийные интересы, и строитель—вождь партии—сейчас же реагировал на них со всей своей пламенной энергией. Когда разногласия только возникали, В. И. всеми силами старался отделить теоретические споры от фракционных (партийных) дел [1]). «Еще раз повторяю,—пишет он к М. Горькому 19 апреля 1908 г.,—что ни в каком случае непозволительно смешивать споры литераторов о философии с партийным (т.-е. фракционным) делом... Мы свое фракционное дело должны вести попрежнему дружно» [2]). Но когда ревизионисты стали преследовать не интересы и цели обще-фракционные (в 1908 г.), но особые, узко групповые, прикрывающие богостроительскую пропаганду в с.-д. среде [3]), он не замедлил ответить им «формальным объявлением войны, не терпящим никакой дипломатии», как он выразился о своей статье «Марксизм и ревизионизм». И огромная архиученая книга «Эмпириокритицизм и материализм» в сущности есть политический памфлет [4]).

Из всего этого должно быть ясно, почему то, что говорит тов. Сталин об этой книге и о философских взглядах Ленина, звучит по меньшей мере туманно и, так сказать, «невнятно». «Может-быть,—говорит он,—наиболее ярким выражением того высокого значения, которое придавал Ленин теории, следовало бы считать тот факт, что не кто иной, как Ленин, взялся за выполнение серьезнейшей задачи обобщения по материалистической философии наиболее важного из того, что дано наукой за период от Энгельса до Ленина, и всесторонней критики антиматериалистических течений среди марксистов». Тут нужно разобраться. Прежде всего—одна мелочь: «...Ленин взялся... за период от Энгельса до Ленина»—это нехорошо сказано (отчего не до наших дней? Ведь Ленину не пришлось бы ничего обобщать из того, что он сам бы «дал» «в науке»?). Далее: «задача обобщения по материалистической философии наиболее важного из того, что дано наукой» от Энгельса до наших дней,—применительно к книге т. Ленина такая формулировка мало что поясняет, а если принять во внимание, что целиком вся данная глава, и в особенности контекст дан-

---

[1]) См. письмо к А. М. Горькому от 16-IV-1908 в предыдущей книге нашего журнала.

[2]) Там же.

[3]) Там же.

[4]) См. также письмо к Я. М. Свердлову этого года; впервые было напеч. в «Прол. Революции», 1922 г.

ного места (стр. 42—43), посвящены у т. Сталина значению и роли революционной теории в революционном движении, то она ничего не поясняет. «Энгельс говорил,—продолжает т. Сталин,—что материализму приходится принимать новый вид с каждым новым великим открытием». Известно, что эту задачу выполнил для своего времени не кто иной, как Ленин, в своей замечательной книге: «Материализм и эмпириокритицизм». Известно, что Плеханов, любивший потешиться над «беззаботностью» Ленина на счет философии, не решился даже серьезно приступить к выполнению такой задачи».—И тут большое лукавство! Во-первых, если выходит так, что Ленин в своей книге придал материализму новый вид в «соответствии с новым великим открытием», то совершенно непонятно, о каком «новом великом открытии» трактовала его книга. Во-вторых (если «известно», то) откуда известно, что Плеханов «не решился даже серьезно приступить к выполнению «такой задачи»? Если речь идет о философии, то Плеханов не только выступал против антиматериалистических течений среди марксистов, но и Ленин открыто солидаризовался с ним в 1908 году, а в 1922 году требовал от каждого коммуниста тщательного изучения философских сочинений Плеханова. Вот единственное критическое замечание о книге т. Сталина.

Теперь вернемся к нити наших суждений. Читателю уже должно быть ясно, почему я несколько преувеличенно выдвигаю методологическую сторону разбираемых произведений. Основы ленинизма—тема систематическая и теоретическая; раз мы условились говорить о научно исследовательской постановке изучения ленинизма, мы должны всемерно подчеркивать и выдвигать основные признаки и условия всякого серьезного изучения, потому что у нас в этой категории произведений понимание духа марксизма, понимание основных идей ленинизма часто или смешивают с начетчитским знанием произведений В. И. Ленина, или впадают в противоположную крайность, гоняясь «за формулировками по всем правилам науки, за точностью определений», как отмечала еще Н. К. Крупская в своей известной речи на собрании мобилизованных для работы с ленинским призывом [1]).

Если «теория—не догма, а руководство к действию», то и руководство к действию возможно, в свою очередь, на основе теории. В противном случае, пренебрегая методологическими требованиями научного исследования, мы погубим своей расхлябанностью и дело «теории» и дело «действия». А что расхлябанность и нескомпанованность в таких случаях неизбежна, показывает огромная монография товарища —

3) Г. Сафарова—«Основы ленинизма», «Прибой», Рабочее Издательство, Ленинград, 1924 г., стр. 446,

которая по широте охваченной исторической перспективы, по интересу, по глубине своего замысла займет, несомненно, одно из первых мест в уже существующей литературе о политическом применении ленинизма.

[1]) См. «Правду», 1924, № 68.

У т. Сафарова была прекрасная мысль—использовать политические факты последних трех лет, политическую историю коммунистических партий Франции, Англии, Финляндии, Италии, Германии, Болгарии и т. д., привлечь к анализу такие явления политической истории последних лет, как рабочее правительство в Англии, октябрьское поражение в Германии, трехлетний опыт новой экономической политики и партийную дискуссию в России и т. д. и пр. К сожалению, эта прекрасная мысль не получила надлежащего оформления. Книга поражает своей расхлябанностью, несистематичностью хода мысли. Впрочем, весьма возможно, что путаница произошла при верстке. Мне думается, что при помощи ножниц и клея в книге можно все поставить на свое место. Говорю это вовсе не ради иронии, а для того, чтобы *подчеркнуть*, что в книге т. Сафарова не только нет ничего спорного, но, напротив, в ней немало блестящих и метких характеристик. Но беда в том, что книга преподнесена в таком виде, что даже искушенный в литературе человек и тот непременно заблудится в ней. Автор точно подавлен огромным конкретным материалом и не знает, что с ним делать. Поминутно спотыкаясь или перескакивая через огромные цитаты (в одну страницу), читатель с трудом следит за рассуждениями автора. Что касается характера рассуждений автора, то в 99 случаях из 100 они приблизительно такого рода:

> «Советское правительство предложило немедленный мир всем воюющим странам. Антанта не ответила на это предложение ни единым словом, начав готовить гражданскую войну в России. Революционный призыв к заключению мира снизу не встретил практической поддержки в народных массах Запада» (стр. 237).

А что касается цитат—так это прямо «гвоздь» книги. Никто, разумеется, не возражает по существу против цитирования Владимира Ильича, но плохо уже то, что цитаты бросаются в глаза так, что за ними ничего не видно,—плохо уже то, что о них приходится говорить. По моему подсчету, на 446 страниц книги приходится около 210 страниц (если не больше) цитатного материала (из Ленина и других авторов). Но это еще полбеды,—бывают даже сборники цитат. Но у т. Сафарова плохо именно то, что он сам вредит своим цитатам. Иногда изложение носит характер такого комментирования цитаты, которое само по себе ничего нового не дает (напр., стр. 8—9). Иногда логический центр тяжести сознательно переносится на цитату, а вывод автора или просто стушевывается и теряется в песках, как река в пустыне (напр., стр. 38, 138—139, 313 и др.), или молча подразумевается (стр. 44). Иногда цитированием автор задается целью сразу ввести читателя в круг подлежащих рассмотрению вопросов (напр., стр. 69—70) без всяких собственных выводов. Иногда автор как бы сам отходит в сторону, и его совершенно не слышно среди грохота цитат (напр., 86—87). Иногда связь между цитатой и мыслью автора очень отдаленная, и, в конце-концов, остается непонятным, для какой цели автор приводил цитату в одну страницу (напр., стр. 117).

Я привел первые попавшиеся, но, думается, очень характерные черты произведения определенного литературного порядка. Книга напи-

сана так, что прежде, чем изучать «основы ленинизма», нужно изучать т. Сафарова. Если бы мы попытались наметить ход мысли автора так, как мы сделали в статье т. Бухарина, мы получим довольно причудливое сцепление полемики и рассуждений «вокруг да около»,—это тем более обидно, что каждое из них, *взятое з отдельности*, в подавляющем большинстве случаев есть продукт тонкого, блестящего по форме публицистического анализа, выдержанного в духе ленинизма. Может-быть, работа не была перечитана автором? Может-быть, это сборник публицистических статей, написанных по другому поводу и в разное время?

Чрезвычайно трудно иллюстрировать нашу мысль конкретным разбором каждой главы в отдельности, — до того легко запутаться в неожиданных переходах мысли автора. Впрочем, достаточно указать наиболее характерные особенности его методологии, чтобы составить себе представление о всей книге. Обширный великолепный анализ *политической* ситуации Западной Европы наших дней, который дал бы очень много читателю, напр., «Большевика», теряется в главе: «Хозяйство и революция». Чисто тактические проблемы 1905—1907 г.г. в общеизвестных ленинских формулировках исследуются в главе «Государство и революция». *Можно было бы привести десятки таких примеров*. Любопытно, что, увлекшись не относящимися к теме рассуждениями, автор иногда спохватывается и сам обрывает себя: «Но оставим это в стороне. Перейдем к разбору предпосылок пролетарской революции» (стр. 165).

Для того, чтобы читатель не блуждал в книге, как в первобытном лесу, нужно, во-первых, изменить заглавие, ибо теперь автор обещает дать то, чего он не дает. Если бы книга называлась, скажем, примерно, так: «С.С.С.Р. и политические судьбы современной Европы в эпоху пролетарской революции»,—она выиграла бы в колоссальной степени, потому что читатель будет знать, о чем будет говорить автор. Во-вторых, книгу следовало бы разделить в соответствии с этим на новые главы и дать новое название каждой из них,—она бы сделалась более доступной для читателя. Наконец, такую актуальную книгу, а книга т. Сафарова, несомненно, актуальная, как первая и единственная попытка применить ленинизм к освещению вопросов международной политики и европейской революции, — такую книгу в 28 печ. листов надо *обязательно*, надо *непременно* снабдить каким-нибудь справочным указателем к ней. Такова книга т. Сафарова.

БАКУНИН В „БЕСАХ“ [1]).

Ответ Вячеславу Полонскому [2]).

Леонид Гроссман.

Павлу Никитичу Сакулину, чье высокоавторитетное слово оказало автору такую мощную поддержку в разгоревшейся борьбе мнений вокруг «Бакунина и Достоевского».

Предметом настоящего доклада явится продолжение моей работы о «Бакунине и Достоевском» [3]) в непосредственной связи с возражением на нее В. П. Полонского, опубликованным в последней книге «Печати и Революции». В настоящей статье я попытаюсь ответить на все замечания, высказанные моим оппонентом.

Задачу свою В. П. Полонский формулирует чрезвычайно отчетливо. Мое исследование о Бакунине, как прототипе Ставрогина, есть «парадокс», «фантастическое изобретение», которое грозит опасностью создать вредную легенду, способную «затемнить правильное представление о Михаиле Бакунине». А в виду того, что «легенда» начала пускать корни и ряд крупных ученых «присоединяются к Л. П. Гроссману», В. П. Полонский считает необходимым оградить от этой печальной ошибки, по крайней мере, рядового читателя, «слабовато разбирающегося в вопросах нашего прошлого и не всегда достаточно «ученого», чтоб критически отнестись» и т. д. Отсюда обстоятельное исследование В. П. Полонского на тему моей параллели, приводящее его к заключению, что «никакой связи внутренней или внешней, исторической, логической или психологической Михаил Бакунин с Николаем Ставрогиным не имеет», что предло-

---

[1]) Заинтересованные в установлении истины, мы не можем отказать Л. П. Гроссману в напечатании его пространного ответа, тем более, что этот ответ представляет собой дополнительно исследование, не лишенное большого интереса. Мы оставляем за собой право, разумеется, подвергнуть критическому анализу и настоящую работу Л. П. Гроссмана. *Ред.*

[2]) Доклад, читанный в соединенном заседании Социологического Отделения и Литературной Секции Российской Академии Художественных Наук 2 июня 1924 г.

[3]) Напечатана в «Печати и Революции», 1923, IV, 82—112.

женная мною гипотеза об их связи «основана лишь на фантастических домыслах» и противоречит «всем без исключения существующим материалам о Достоевском».

Необходимость опровергнуть мое утверждение представляется В. П. Полонскому тем настоятельнее, что в работу свою я внес ряд недопустимых в науке приемов. «Словно одержимый, отдавшись своеволию интуиции,—говорит обо мне мой оппонент,—он изобретал, когда документальных подтверждений не находил; умалчивал, когда они ему противоречили; устанавливал, как доказанные, положения, которые нуждались в доказательствах; толковал в благоприятную сторону события и факты, имевшие смысл, обратный тому, которого он добивался...» Подобные приемы изучения должны быть сурово заклеймены.

Такие заявления обязывают. Оппонент, стремящийся свести к нулю чье-либо исследование и даже обвиняющий его автора в недобросовестных приемах изучения, должен опровергнуть его по всем пунктам. Автор же работы, подведенной под столь уничтожающие приговоры, в праве требовать от своего критика прежде всего всестороннего и полного анализа всех своих тезисов и аргументов и затем—строжайшей проверки оппонентом всех его заявлений и доводов.

Только такое—строго критическое и исчерпывающее опровержение всех положений и всех доказательств данной работы дало бы право полемисту заключать, как это делает В. П. Полонский, что «*гипотеза Бакунин—Ставрогин должна быть сдана в архив*».

Посмотрим поэтому, насколько работа В. П. Полонского отвечает этим основным требованиям: 1) полного и всестороннего обзора всех материалов отвергаемого им доклада и 2) объективно точного аргументирования всех его ответных утверждений.

I. Женевский Конгресс.

I.

Свои возражения В. П. Полонский начинает с изучения Женевского Конгресса. Он считает описанный мною факт встречи Достоевского с Бакуниным на одном из заседаний Женевского Конгресса Лиги Мира и Свободы в сентябре 1867 г. «необузданной игрой фантазии»:—«В ней все сочинено, от первого слова до последнего, *в ней нет ни одного штриха, который автор мог бы обосновать*» [1]).

Обратимся к фактам.

Достоевский сообщает Майкову, что он лично был на заседаниях Конгресса: «Я в жизнь мою... не *видывал и не слыхивал* подобной бестолковщины... Это было 4 дня крику и ругательств...» То же и в письме к Ивановой-Хмыровой: «Я сюда попал прямо на Конгресс Мира... Но что эти господа, которых *я в первый раз видел не в книгах, а наяву*—социалисты и революционеры, врали с трибуны», и проч.

---

[1]) Всюду, где курсивы в цитатах не оговорены, они принадлежат нам.

А. Г. Достоевская в своих «Воспоминаниях» совершенно категорически подтверждает сообщение Д-го: «Интересуясь Конгрессом, мы *пошли на второе заседание его* и часа два слушали речи ораторов. Ф. М. от этих речей вынес тяжелое впечатление», и проч.

Запомним это указание. Второе заседание Конгресса происходило во вторник 10 сентября 1867 г. Достоевский мог интересоваться Конгрессом Лиги Мира и Свободы по разным причинам: прежде всего его живо занимали все выдающиеся события западной жизни—по свидетельству его дочери, «живя в Европе, Достоевский увлекался всеми европейскими вопросами»; Конгресс же был чрезвычайно крупным политическим событием, о котором подробнейшие телеграммы и корреспонденции летели во все газеты мира. В Конгрессе принимал участие женевский приятель и собеседник Достоевского, Огарев, избранный даже в число вице-президентов Конгресса и ставший членом его распорядительного комитета. Во всяком случае, каковы бы ни были мотивы такого посещения, Достоевский присутствовал на втором заседании Конгресса и, по свидетельству его жены, *часа два* слушал речи ораторов.

Это обстоятельство не подвержено ни малейшей тени сомнения. Вспомним, что Анна Григорьевна писала свои воспоминания по стенографическим записям своего дневника, где точнейшим образом, день за днем, фиксируются мельчайшие события прожитых суток. Зная опубликованную часть «Дневника А. Г. Достоевской», необходимо отбросить всякие соображения о возможной ошибке. Более достоверных хронологических указаний, чем сообщения А. Г. Достоевской, нельзя себе представить. Полагаем поэтому, что утверждение о пребывании Достоевского на втором заседании Конгресса Лиги Мира и Свободы есть штрих, который обоснован весьма прочно.

Обратимся ко второму звену проблемы. Во вторник, 10 сентября, в самом разгаре второго заседания, после речи женевского радикала Антуана Картерэ, многократно прерываемой возмущенными возгласами, часть собрания предлагает президенту, в виду нежелательных отклонений некоторых ораторов от главной темы, ограничить последующие прения лишь третьим пунктом программы (о средствах осуществления проблемы мира). Собрание постановляет продолжать прения по прежней расширенной программе. Раздается голос председателя: «Puisque telle est la volonté de l'assemblée la discussion continue sur le fond et suivant l'ordre d'inscription des orateurs le cytoyen Michel Bakounine est appelé à la tribune». Обратимся к протоколу заседания:

«*Председатель*. В виду выраженной воли собрания обсуждение вопроса продолжается по существу и согласно порядку записи ораторов гражданин Михаил Бакунин приглашается на трибуну.

«Знаменитый русский революционер,—продолжает протокол,—появляется на трибуне. Его приветствуют возгласами (il est salué par des acclamations). Речь его выслушивается собранием с глубоким волнением (avec une émotion profonde)». Следует текст известной речи Бакунина. Заключение его воззвания о превращении современных государств в

Etats-Unis de l'Europe производит сильнейшее впечатление. Согласно протоколу, «продолжительные возгласы сопровождают последние слова гражданина Бакунина, который, возвращаясь на свое место, принимает горячие поздравления от своих коллег по распорядительному комитету» [1]). Полагаем, что и этот факт- произнесение Бакуниным речи на втором заседании Женевского Конгресса—есть штрих, который нами вполне обоснован.

Отметим, что это выступление Бакунина, сопровождавшееся столь горячим одобрением, было несомненным событием в жизни Конгресса. Бакунин вообще играл на нем выдающуюся роль. Он явился сюда в качестве члена интернационального «союза социальных революционеров», образованного в Италии в противовес республикански-теологическим организациям. Бакунину было дано чрезвычайно важное поручение: дать возникающей Лиге программу Интернационального Союза, что и отразилось на его речи. Его влияние и значение было отмечено и в чисто внешнем факте.

После первого же заседания Бакунин был избран в число вице-президентов Конгресса и с начала второго дня занимал место на эстраде за столом президиума в качестве члена распорядительного Комитета Конгресса. Вообще после Гарибальди, облеченного в то время мировою славою, самой крупной фигурой на Конгрессе был, несомненно, Бакунин. Известный доклад Утина называет его «теоретиком Лиги» и «душою» ее постоянного Комитета [2]).

Это отразилось и на отзывах о Конгрессе европейской печати. Так, женевский корреспондент «Independance Belge», детально описывая второе заседание Лиги 10 сентября, отмечает особенный «успех одного русского—г-на Бакунина, карьера которого достаточно известна. Он ясно изложил чрезвычайно умные и весьма значительные мысли. Все ему были за это благодарны. Это убежденный федералист, идеи его прочны и устойчивы. В его немногих словах сразу почувствовали высший ум» [3]).

Итак, из четырех заседаний Конгресса Достоевский присутствовал только на одном—именно *на втором его заседании 10 сентября 1867 г.* На протяжении четырех заседаний Конгресса Бакунин выступал с речью один только раз—именно *на втором его заседании 10 сентября 1867 г.* Мы считаем, что эти незыблемые факты дают нам полное право предполагать, что Достоевский слышал Бакунина. Отметим, что именно в «Бесах» он вспоминает Конгресс Мира: «Они уже больше, чем сто миллионов голов требуют для водворения здравого рассудка в Европе, гораздо больше, чем на последнем Конгрессе Мира потребовали...» [4])

---

[1]) Мы пользуемся редким изданием протоколов Женевского Конгресса: «Annales du Congrés de Géneve (9—12 septembre 1867). Géneve, 1868.—См. стр. 191.

[2]) L'Alliance de la démocratie socialiste et l'association internationale des travailleurs. Rapports et documents, publiés par ordre du Congré international de la Hayc. Londres-Hambourg, 1873, p. 4—5.

[3]) «Nouvelles suisses». Independance Belge, 1867, № 256, 13 septembre.

[4]) «Бесы», ч. I, гл. III.

II.

Но это бесспорно установленное пребывание Достоевского именно на том заседании Конгресса, на котором с таким шумным успехом единственный раз выступал Бакунин, не убеждает все же моего оппонента.

Хотя В. П. Полонский и заявляет, что не собирается утверждать, будто Достоевский с женой, «не дождавшись конца заседания, ушли домой», он тут же начинает доказывать эту именно мысль.

«В самом деле,—замечает В. П. Полонский,—решив посмотреть Конгресс, супруги собрались только на второй день. Вероятнее всего, они поспешили к началу заседания (?), которое открылось в два часа дня. Предположение, что они попали на Конгресс к вечеру, менее основательно. Но,—как точно указывает Анна Григорьевна,—прослушав ораторов «часа два», они ушли с тяжелым впечатлением, т.-е. ушли до конца заседания. *А Бакунин говорил последним*» (курсив подлинника). Следовательно, Достоевский никак не мог слышать Бакунина.

Соображение это может показаться убедительным: станет в самом деле Достоевский на этом чуждом ему Конгрессе сидеть до разбора шапок. «Бакунин говорил последним»... Создается впечатление, что Достоевскому пришлось бы, чтоб выслушать его, сидеть в Избирательном Дворце до позднего вечера: ведь заседания Конгресса были чрезвычайно громоздки и многолюдны—шеститысячная аудитория, представители многочисленных наций, постоянные инциденты, бурные столкновения, оживленнейшие дебаты. Когда же наступала очередь последнему оратору? Не поздней ли ночью?

Мы считаем поэтому весьма важным по возможности установить точно момент, когда именно говорил Бакунин.

Обратимся к стенограмме второго заседания. Проверим прежде всего сделанное нам сообщение о том, что Бакунин говорил последним.

Речь Бакунина, как мы видели, была покрыта шумными выражениями одобрения: «Председатель призывает к тишине и предоставляет слово гражданину Симону (из Trèves), который поднимается на трибуну и с первых же слов завоевывает сочувственное внимание аудитории». Следует обстоятельная речь.

После гражданина Симона, говорившего вслед за Бакуниным, слово предоставляется французу барону де-Понна, речь которого беспрестанно прерывается аплодисментами, протестами и криками возмущения. Тем не менее, оратор ее благополучно заканчивает.

После барона Понна произносит вдохновенную речь парижский депутат Шарль Лемоннье, вызвавший энтузиазм собрания и даже поцелуй со стороны Гарибальди.

После Шарля Лемоннье слово получает женевский депутат Весель, прочитавший список швейцарских делегатов в Распорядительный Комитет и заявивший о своем условном согласии принять в нем участие.

После Весселя на трибуну поднимается один из лидеров Конгресса, Джемс Фази, для заявления о своем отказе, по личным мотивам, принять избрание в Распорядительный Комитет.

Таким образом, после Бакунина, который, по утверждению Полонского, «*говорил последним*», выступало еще *пять ораторов*.

Ошибки, конечно, простительны, и мы бы не стали так настойчиво уличать в этом заблуждении В. П. Полонского, если бы не выводы, которые он делает из своего совершенно неверного утверждения. Ведь это именно заявление — о выступлении Бакунина *последним*—по мнению моего оппонента, окончательно разбивает гипотезу о знаменитой встрече. Достоевские не дослушали ораторов, не досидели до конца заседания и, стало-быть, никак не могли слышать последнего говорившего, каковым был—Бакунин. Мы видим, что они действительно могли уйти до конца заседания, не слышать Джемса Фази, Весселя, Лемоннье—и если угодно еще двух ораторов—и все же слышать Бакунина, который выступал задолго до конца заседания.

III.

Когда же именно говорил Бакунин? Не было ли это выступление шестым с конца,—все же достаточно поздним?

Момент бакунинской речи поддается довольно точному определению. Имея в руках полную стенограмму заседания, ознакомившись с регламентом Конгресса по вопросу об ограничении ораторов временем, зная точную длительность всего заседания—три с половиной часа: от 2 до $5^1/_2$, — мы можем с достаточной уверенностью определить момент выступления Бакунина.

Регламентом собрания каждому оратору предоставлялось *15 минут* для его речи. Бакунин сообщает редакции «Анналов»: «Моя программа была слишком широка для тех пятнадцати минут, какие предоставлялись регламентом каждому оратору».

Заседание началось ровно в 2 часа (à deux heures le citoyen Lilis-saint déclare la séance ouverte) [1]). Следует речь председателя, разрешение некоторых организационных вопросов, чтение приветствий и ответов на приглашения (в том числе писем Луи Блана и Жюлля Фавра), оглашение выборов в Распорядительный Комитет от национальностей (от русских избраны в качестве вице-президентов Бакунин и Огарев), происходит инцидент с ответом группы членов на декларацию рабочих, после чего председатель переходит к порядку дня. На эту предварительную часть заседания уходит около часа. Собрание, таким образом, переходит к речам по существу около трех часов пополудни.

До Бакунина выступают по вопросу дня шесть ораторов (Эдгар Кинэ, Гег, Фрижиези, Дюпон, Боркгейм, Картекс); принимая во внимание, что, по регламенту, каждому из них было предоставлено по 15 минут—на все

[1]) Annales, 144.

эти речи должно было уйти около $1^1/_2$ часа; седьмой оратор, Бакунин, должен был находиться на трибуне (которую он занимал ровно 10 минут) [1]), около половины пятого; после него говорило еще пять человек, двое последних произнесли небольшие организационные речи, на что потребовалось в общем около часа. Заседание, действительно, закрылось в 5 с половиной («La séance est levée a 5 heures et demie», 202).

Таким образом, не рискуя сильно ошибиться,—с точностью до получаса — можно утверждать, что Бакунин говорил приблизительно за час до окончания заседания, то-есть—в более широкой амплитуде—*в пятом часу пополудни*. Никакие ухищрения мысли не в состоянии убедить в том, что Достоевский, пробывший на трехчасовом (с $^1/_2$) заседании Конгресса около двух часов, не мог присутствовать на нем между четырьмя и пятью, когда говорил Бакунин. Никакие логические выкладки не смогут доказать, что писатель, глубоко заинтересованный проблемами этой редкой дискуссии, оставил зал Дворца в тот именно момент, когда заседание широко развернулось, необыкновенно оживилось, поистине ярко разгорелось, и возбужденная толпа торжественно встречала «le celebre revolutionnaire russe», «der bekannte Agitator», сразу захватившего своим мощным словом многотысячную интернациональную массу.

IV.

Знакомство моего оппонента с историей Женевского Конгресса не по первоисточникам (стенограммам заседаний) вызвало указанную ошибку, породившую, в свою очередь, неверные заключения. То же обстоятельство вызывает и ряд других аналогичных недоразумений.

Так, В. П. Полонский недоумевает: «Гарибальди в первый же день заседания (sic!) произнес большую декларацию, произведшую сильное впечатление. Прослушал ли эту декларацию Достоевский?» Таких вопросов нельзя ставить, ибо мы точно знаем, что на первом заседании Конгресса Достоевский не был, а на втором Гарибальди никакой декларации не читал и вообще не говорил. «И откуда он (Достоевский) взял, что Гарибальди уехал «мигом», продолжает недоумевать В. П. Полонский. Достоевский это взял из действительности; хотя Гарибальди во вторник вечером в кратком слове на набережной Мон-Блана «простился с Женевой», отъезд его оказался для всех полной неожиданностью. Корреспонденты заговорили даже о *бегстве Гарибальди*. Получилось общее впечатление, что он действительно уехал катастрофически-внезапно, странно, таинственно, после второго заседания, никому не сообщив о причине этого неожиданного отъезда, в самом разгаре работ Конгресса. Это вызвало сенсацию, и об этом спешном исчезновении знаменитого вождя, через два дня после его всенародной триумфальной встречи, были тотчас же оповещены телеграфно все европейские газеты. В «Independance Belge» читаем:

[1]) «Я занимал трибуну только десять минут, я импровизировал мою маленькую речь», сообщал Бакунин в начале 1868 г. редактору «Анналов» Конгресса.

«Женева, среда, 11 сентября. Гарибальди внезапно уехал сегодня утром, скрыв это от всех» (12 сент., № 255).

Газета «Nord» печатает ту же телеграмму и также поражается этому «порывистому отъезду Гарибальди». «Allgemeine Zeitung» сообщает о внезапном и для всех неожиданном отъезде Гарибальди «ранним утром».

Эти телеграфные сообщения варьируются в статьях и корреспонденциях: «После второго заседания Конгресса сам Гарибальди, столь восторженно встреченный в момент своего приезда, неожиданно уехал, никому не сообщив о причинах своего внезапного исчезновения» («Ind. B.» № 255). Все газеты говорят по этому поводу о «depart brusque», «depart jubit», «disparition à l'improniste», «plötzlich und unerwartet» и т. д. Даже «Московские Ведомости», не слишком отзывавшиеся на Женевский Конгресс, сообщают, «что 11 сентября Гарибальди неожиданно и тайно от всех выехал из этого города» (№ 195, 7 сент. 1867).

Наконец, сам Гарибальди в письме Конгрессу от 16 сентября протестует против всемирно распространившейся версии, будто он «бежал из Женевы». Таким образом, смысл фразы Достоевского о «мгновенном отъезде» совершенно ясен, целиком совпадает с оценкой этого события в печати и вполне соответствует общему впечатлению. Это становится особенно очевидным при сопоставлении этой фразы из письма Достоевского к Майкову с соответственным местом из письма его к Ивановой-Хмыровой: «Гарибальди *скоро* уехал», сообщает Достоевский своей племяннице. Все понятно, все совершенно правильно, и при знакомстве с деятельностью Конгресса не должно вызывать никаких недоумений.

Такова точность возражений моего оппонента по первому пункту нашего спора.

V.

В заключении ответа по этому вопросу я должен, к сожалению, сделать В. П. Полонскому глубокий упрек. Оспаривая мое положение, он приписывает мне слова, которых нет в моем докладе, которых и отдаленно не могло быть в моих мыслях. Он заявляет читателю, что я говорю о «*потрясающем восторге*», охватившем Достоевского при слушании речи Бакунина. Приведя запись Достоевского о Бакунине из «Записных Книжек» к «Бесам», В. П. Полонский замечает: «Слова (Достоевского о Бакунине) очень характерны, но как далек их смысл от «потрясающего восторга», приписываемого Достоевскому нашим автором». Этих слов (о «потрясающем восторге») нет и в помине в моем докладе. Несмотря на кавычки, относящие их к моему тексту, они фигурируют лишь в статье В. П. Полонского. Думаю, всякому ясно, что таких странных слов и не могло быть в моем докладе. Вспомним, что Бакунин говорил о разрушении религии, патриотизма, Российской империи, христианства. Полагаю, что мой оппонент мог предположить во мне то элементарное знакомство с Достоевским, которое исключает всякую возможность говорить об его потрясающем восторге от подобных речей.

А между тем В. П. Полонский настаивает на таком толковании. Он стремится всячески доказать, что я изображаю какое-то восхищение Достоевского Конгрессом вообще и Бакуниным в частности, и потому замалчиваю те резко отрицательные оценки женевского собрания, какие имеются в письмах Достоевского; я будто бы даже «остерегаюсь» приводить цитаты целиком. Мой оппонент уличает меня, приводя полностью эти явно не восторженные оценки, из которых я привел только несколько строк, опасаясь, очевидно, нарушить полной цитатой сфальсифицированное мною настроение «восторженности».

Обратимся к текстам.

Общий тон вступления к моей статье (1-я часть) исключал возможность приведения пространных цитат, заменяемых мною поэтому наиболее характерными и по возможности сжатыми отрывками. Они во всяком случае носят такой же отрицательный и враждебный к Конгрессу характер, как и взятые in extenso отзывы; скрывать этого у меня нет никаких оснований.

Вот приведенные мною слова Достоевского о Конгрессе: «Все это без малейшего доказательства, все это заучено еще 20 лет тому назад наизусть, да так и осталось. И главное — огонь и меч — и после того, как все истребится, то тогда, по их мнению, и будет мир».

Можно ли подобной цитатой подкреплять свой тезис о «потрясающем восторге»?

Напомню, что я вообще говорю лишь о творческой тревоге Достоевского, которая нисколько не предполагает ни восторга, ни сочувствия, ни каких-либо иных положительных отношений к объекту вдохновения, а совершенно одинаково возникает из гнева, возмущения, отрицания, даже презрения. Знаменитое ювеналовское «indignatio fecit versum» или лермонтовское «бросить им в лицо железный стих, облитый горечью и злостью» достаточно свидетельствуют о столь обычном зарождении творчества из гнева и озлобления. Разумеется, таков и данный случай—да иначе и не могло быть при зарождении образа памфлетического, ставшего в центре будущей «книги великого гнева». О резко отрицательном отношении Достоевского ко всему, что он слышал на заседании, и о вызванном этим возмущением первом прорезании творческого замысла, о зарождении образа из возмущенного сердца художника, я и говорю в первой главе моей работы. Негодование писателя отмечается у меня совершенно определенно:

> «Все происходившее в Женевском Дворце глубоко потрясло его. Кратко, но выразительно, он через несколько дней в письмах к русским друзьям о работе Конгресса *возмущается* проектами отмены христианской веры, уничтожения больших государств и насильственного насаждения мира».
>
> Но облик Бакунина не мог не взволновать художника: «Всматриваясь в черты этого лица, Достоевский почувствовал прилив блаженно-томительной тревоги, предвещавшей *нарождение нового творчества. Личность Бакунина как бы расковала дремлющую стихию каких-то творческих возможностей*, и новый еще глубоко загадочный, но уже нестерпимо волнующий образ стал мучительно прорезаться в его сознании».

Таким образом, отмечены два момента: гневное возмущение писателя и творческий сдвиг его сознания. Ни слова о том, что Достоевский восхищается Бакуниным или восторгается его речью. Он только потрясен и взволнован до творческого напряжения. Перед ним самый знаменитый, самый дерзкий, быть-может, самый гениальный из современных разрушителей святынь, столь дорогих сердцу Достоевского. Титан, уже вдохновлявший своим мощным обликом творческое сознание современников, отраженный в созданиях Рихарда Вагнера, Тургенева, Константина Аксакова—мог ли он не взволновать вечно динамическую стихию творческого духа Достоевского? На бесцветном собрании европейских пацифистов героическая личность русского бунтаря предводительствовала небольшой горстью подлинных саперов разрушенья старого мира со всеми его преданиями формами и верованиями.

По слову современного нам поэта:

Размахом мысли, дерзостью ума
Паденьями и взлетами Бакунин
Наш истый лик отобразил вполне:
В анархии все творчество России—
Европа шла культурою огня,
А мы несем в себе культуру взрыва.

Этот вопрос об «истом лике» России и связанной с ним «культуре взрыва», как мы знаем глубоко, подчас до отчаянья, волновал Достоевского. Можно представить себе, как взмыло в нем эти мучительные вопросы и замыслы непосредственное созерцание гениального мятежника и разрушителя, огненной угрозой вставшего среди благодушествующих теоретиков всеобщего мира. Могло ли это явление не потрясти русского романиста, глубоко истерзанного этими великими проблемами Европы и России, религии и революции, христианства и социализма? И не является ли правом исследователя остановиться на моменте этой поразительной встречи, вдуматься в нее, попытаться определить ее смысл и значение?

II. Биографические сближения.

I.

Возражение вступает далее в анализ биографических совпадений. В. П. Полонский решительно не согласен со мной, что во многих чертах характера и судьбы Ставрогина, в ряде крупных эпизодов его истории, наконец, и во внешнем облике героя отразились различные моменты бакунинской личности и биографии. Посмотрим, как опровергает меня в этом пункте мой критик.

Обратимся на мгновение к теории литературы. При установлении связи между художественным образом и его реальным прототипом необходимо развернуть обширную и детальную картину родственных признаков. Здесь действует тот же закон, что и при установлении связи между родственными сюжетами. По выведенному А. Н. Веселовским прин-

ципу: «Только *сложная система совпадений* в развитии сходного сюжета делает для нас убедительным сюжетное заимствование» [1]).

Это, конечно, применимо полностью и к вопросу о связи образов. Только сложная система совпадений в развитии художественного образа делает для нас убедительной его связь с данным прототипом. Тут налицо должна быть именно «система совпадений», которую можно целиком отвергнуть или же принять.

Как же поступает В. П. Полонский? Из обширной и сложной системы, охватывающей с различных пунктов изучаемый образ и выявляющей, в результате многочисленных случаев совпадения, родственность двух фигур, он выхватывает отдельную черту и показывает, что она приложима не только к Бакунину (что, конечно, совершенно несомненно), но в равной степени к ряду других лиц. Один признак оказывается приложим к Герцену, Огареву и Сазонову; другой—к Станкевичу и Тургеневу; третий—к Анненкову, Каткову и Боткину, и т. д. и т. д. Словом, кого угодно на основании приведенных мною признаков можно признать прототипом Ставрогина.

Полагаем, что неправильность в самой структуре такого возражения очевидна. Вспомним в самом деле установленную нами систему совпадений, которая сводится в общем к двадцати пунктам.

Перечислим их вкратце: 1) аристократ, идущий в демократию; 2) духовное влияние видного идеалиста 30-х годов; 3) образование в заграничных университетах; 4) путешествия, участие в экспедиции; 5) неудачная офицерская служба; 6) кратковременное пребывание в великосветских кругах; 7) мощная революционно-философская пропаганда за границей, вербующая преданных адептов; 8) близость с Нечаевым и разочарование в нем; 9) эпизод использования женщины с революционными целями; 10) связь с представителем «разбойничьего мира»; 11) реагирование на пощечину и отношение к дуэли; 12) сексуальная ущербность, 13) обращение к самоубийству; 14) малограмотность русского барича; 15) Швейцария; 16) обвинения в шпионстве; 17) черты внешнего сходства; 18) двойственное отношение друзей и женщин (поклонение и ненависть); 19) этапы миросозерцания: культ России, воинствующий атеизм, всеобщее разрушение; 20) совпадение характеристики Ставрогина (гибельная гипертрофия интеллекта) со свидетельствами Анненкова, Белинского, Герцена об исключительной рассудочности Бакунина.

Если взять эту «сумму совпадений», станет совершенно очевидным, что ее невозможно приложить ни к одному лицу из названных Вяч. Полонским в качестве равноправных кандидатов на роль прототипа Ставрогина. Приведенные 20 пунктов в своей совокупности не приложимы ни к Герцену, ни к Огареву, ни к Сазонову, ни к Станкевичу, ни к Тургеневу, ни к Анненкову, ни к Каткову, ни к Боткину. К одним неприложима революционная пропаганда, к другим—офицерская служба, к третьим—обвинения в шпионстве. И, кажется, ни к кому из них неприложим инте-

---

[1]) *А. Н. Веселовский.* Собр. сочин., т. II, вып. I.

рес к разбойничьему миру, или эволюция от мистического патриотизма к атеистическому анархизму.

Но, разумеется, вырванные отдельные пункты, а подчас и маленькая группа их, изолированная от всей сложной цельной и неразрывной системы, могут быть приложены к любому лицу любого круга и любой эпохи.

Следуя системе В. П. Полонского («Ставрогин, как и Бакунин, слушал лекции в немецких университетах.—А Станкевич, Тургенев?»), т.-е. оперируя отдельным вырванным из контекста аргументом можно с совершенно равным правом назвать еще несколько десятков лиц—хотя бы Льва Толстого, Фета, Белинского, Тютчева, Лермонтова, большинство декабристов, многих петрашевцев, позднейших революционеров (кто из них не занимался блистательной пропагандой за границей?) и т. д. и т. д. Но *вся* приведенная нами система—а ее необходимо опровергнуть полностью во всех пунктах—приложима только к одному лицу. Только одна судьба из всех биографий «крупных представителей дворянской интеллигенции 40-х годов» так многообразно, обширно, разносторонне и характерно совпадает с историей Ставрогина. Это единственное лицо—Михаил Бакунин.

II.

Из приведенных 20 пунктов В. П. Полонский отвечает едва ли на одну треть. На первое его возражение о том, что признаки—«аристократ, идущий в демократию», высокая культурность, заграничные скитания—приложимы к любому представителю дворянской интеллигенции 40-х годов,—я только что ответил. Здесь за меня мощно свидетельствует самый метод спора. Возражением здесь было бы не приурочение этих отдельных черт к многочисленным другим лицам, а указание хотя бы еще одного лица, к которому приложима полностью вся система совпадений. Но этого В. П. Полонский не делает.

На второе возражение, о том, что нельзя близость Ставрогина к Петру Верховенскому отождествлять с близостью Бакунина с Нечаевым, так как отчет о процессе нечаевцев появился в печати «после того как добрая половина романа была опубликована»,—мы со всей обстоятельностью ответим ниже (см. дальше главу — Нечаевский процесс).

Обратимся к другим возражениям. Рассмотрим указание В. П. Полонского, что Бакунин, устраивая свидание Наташи Герцен с Нечаевым, «пытался вовлечь ее в революционную конспирацию», Верховенский же «доставил Лизу Ставрогину для других целей».

При целом ряде крупных отличий, которые мы отмечали уж в нашей первой статье, революционная цель положена в основу обоих эпизодов. Задачи Бакунина—максимально использовать Нечаева в целях революции какими угодно средствами. «Нельзя читать,—пишет Драгоманов,—многие письма (Бакунина) этого времени без отвращения, особенно те, которые обнаруживают усилия то нахальные, то хитрые, затянуть в не-

чаевщину старшую дочь Герцена» [1]). Почему бы факт приобщения Бакуниным дочери Герцена к революционной деятельности должен был бы сам по себе вызывать отвращение?

В революционных целях действует и Петр Верховенский: это—не просто любовный сводник, это—фанатик, стремящийся всеми средствами удержать у руля революции ее вождя и предводителя, призванного возглавлять движение, вести его и, главное, возвеличивать общее дело своей героической и покоряющей личностью. Когда он чувствует, что Ставрогин отходит от революции, теряет к ней вкус, утрачивает охоту действия, он и обращается к своему идолу с безумной, страстной, экзальтированной речью, произнесенной любовным шопотом, словно в бреду и лихорадке: «Это был еще не опомнившийся человек, у которого отнимают или уже отняли самую драгоценную вещь», отмечает Достоевский. В своем страстном монологе Верховенский то восхищается задуманным им героем, предводителем, «солнцем», Иваном-Царевичем, то разворачивает перед ним грандиозные картины будущего великого восстания, стремясь соблазнить и увлечь его своим революционным пылом. В начале и в конце этого страстного монолога—высшая награда: «Завтра же приведу к вам Лизу...»

При всем отличии эпизодов, которое мы сами всячески подчеркиваем, необходимо все же признать, что и Лиза Дроздова вовлекалась Верховенским в его сложную революционную конспирацию.

О темном вопросе «сексуальной ущербности» Ставрогина спорить чрезвычайно трудно. Здесь каждый остается при своем мнении и ничего доказать своему противнику не может. Я попрежнему всецело присоединяюсь в этом вопросе к замечательному толкованию А. Л. Волынского. Указание на «ставрогинского ребенка» Шатовой нисколько не колеблет этого объяснения, оно лишь точнее определяет момент, когда «большой разврат» окончательно истощил силы Ставрогина.

Отметим, что в подготовительных записях к «Бесам» есть такая весьма знаменательная сцена: «Красавица влюблена в князя... Нужно двусмысленная (и прекрасная) сцена, чтоб она высказалась князю однажды, хотела увлечь его, отдавалась, звала его, но он не пошел». «Не к радости моя жизнь!» и тогда она бросается с кровомщением и отдается Нечаеву. Князь говорит ей прямо: «*Я никогда не любил вас, не могу вас любить*» [2]). Последняя фраза подчеркнута Достоевским, при чем слова «не могу» подчеркнуты им дважды. Это, конечно, еще не глава из «Бесов», тут, собственно, нет еще ни Ставрогина, ни Лизы, но думается, что мотив этой отдаленной и первоначальной записи мог снова зазвучать в главе «Законченный роман».

Кстати и между прочим: утверждение, что Бакунин был бездетен, повидимому, судя по некоторым имеющимся данным, требует серьез-

[1]) *Драгоманов.* М. А. Бакунин (предисловие к «Письмам Бакунина» и пр.), стр. 97.

[2]) Записная книжка к «Бесам» (Всеросс. Историческ. музей). М. Д. 3. 4—7, стр. 28.

ного пересмотра. И его «сексуальная ущербность», видимо, не была явлением постоянным и безусловным. Думается, что в вопросе такой сложности, тонкости и трудной доказуемости гораздо осторожнее не принимать категорического, исключительного и абсолютного решения. Жизнь, мы знаем, охотно допускает исключения из всех своих правил. Их не худо учитывать в отношении «скопчества», как Ставрогина, так и его прототипа. Истощенные силы или временная атрофия их еще не означают пожизненного органического дефекта. Нам представляется, что и в Бакунине, и в Ставрогине следует предположить это именно состояние, которое не исключает для них в каком-то моменте их жизни возможность иметь потомство.

III.

Мы указали, что необыкновенное лицо Бакунина «*отчасти*» сказалось и на внешности» Ставрогина, при чем Достоевского интересовали, конечно, «не детали физического облика, а лишь глубоко своеобразное впечатление от его общего выражения». Это указание вызвало со стороны моего оппонента даже не возражение, а просто смех: «Достаточно поставить,—говорит он,—подвижного Бакунина, шумного непоседу, с громовой речью, размашистыми жестами, неугомонного и развязного, носившего «дьявола в теле», рядом с Ставрогиным, каким последнего создал Достоевский, чтобы рассмеяться при мысли о портретном сходстве».

Таким, как известно, охарактеризовал Бакунина Герцен—шумным, неугомонным, развязным и размашистым—в 50 лет «кочующим студентом с Маросейки». Но Герцен сильно стилизовал личность Бакунина под углом некоторой дружеской насмешливости и этим значительно исказил его образ. В своей монографии о Бакунине В. П. Полонский весьма успешно восстает вообще против «герценовской легенды» и считает необходимым всячески вытравлять ее [1]). Напомним, что «последователи Бакунина видели в этой статье карикатуру, а сам Бакунин называл ее пасквилем» [2]). И действительно, свидетельства других лиц о Бакунине отнюдь не соответствуют этой стилизованной фигуре «шумного бурша». Напомним приведенные нами свидетельства:

> «По указаниям различных мемуаристов, молодой Бакунин был изящным красавцем, неизменно поражавшим окружающих своей великолепной внешностью. Арнольд Руге говорит об элегантности Бакунина, пострадавшей только

---

[1]) Так, по поводу указания Герцена на отношения старика Бакунина к сыну, В. П. Полонский отмечает: «Эти заявления Герцена ни на чем не основаны, они являются образцом тех легенд, которые автор «Былого и Дум» искал в обращении. Мемуары Герцена представляют собой мастерское сплетение Dichtung und Wahrheit. Чтобы пользоваться ими, как историческим источником, необходима серьезная проверка. Нам не однажды еще придется встретиться с примерами герценовской «поэзии», а его воспоминания и статьи служат нередко безапелляционным источником». (Вяч. Полонский, «Бакунин», т. I, стр. 355).

[2]) *М. Драгоманов*. «Биографический очерк М. А. Бакунина» (при «Письмах Бакунина к Герцену и Огареву». П. 1906, стр. 5).

после пражского восстания. Рейхель определенно называет Бакунина «красивым молодым человеком». Бакунин, по словам, щеголял в то время изяществом одежды и внешних приемов, ловкостью блестящего артиллериста-гвардейца. Карл Грюн отмечает следы изящной барственности в Бакунине 40-х годов. Анненков говорит о замечательно красивом и выразительном лице Бакунина. Рихарда Вагнера поражает «необыкновенная импозантная внешность этого человека, находившегося тогда в расцвете тридцатилетнего возраста...»

Эти черты Бакунин сохранял и в старости. Познакомившаяся с ним незадолго до смерти А. Баулер отмечает: «что-то монументальное и гордое исходило от этой пышной фигуры»; мемуаристка отмечает «большую и породистую руку Бакунина» и выразительную величественность его манеры: «несмотря на упрощенность жизни и обстановки, Бакунин оставался настоящим русским барином с головы до ног» [1]).

Эти свидетельства можно дополнить. Так, Арнольд Руге утверждал в 1844 г., что Бакунин «обладает всем для салона», но не сможет иметь успеха публично. «Такова вообще культура в знатных семействах,— продолжает этот приятель Бакунина.—Они умеют говорить обо всем свысока». Он усматривает далее в молодом Бакунине «распутство, как правило, и пресыщенность, как гениальный аристократизм», и упрекает Мих. А-ча за то, что в Дрездене он возился с представителями знати, а народ изучал лишь с птичьего полета» [2]).

Мы видим далее, что неизменно поражавшая окружающих эффектная красота Бакунина, барственность его манеры, а в молодости и щегольское изящество одежды и внешних приемов—вполне соответствуют помете Достоевского о Ставрогине: «Это был самый изящный джентльмен... чрезвычайно хорошо одетый... привыкший к самому утонченному благообразию».

IV.

Ответим и на следующее указание В. П. Полонского:

«Одно из юношеских писем Бакунина заканчивается фразой «да хранит вас бог»—эти слова напоминают Л. П. Гроссману шатовскую формулу о Ставрогине, «насаждавшем в его сердце бога и родину»—*как немного, оказывается, надо, чтобы оказаться прототипом Ставрогина*!»

Не станем распространяться на тему, позволительно ли называть письмо, написанное на 35 году жизни «юношеским». Обратимся к сделанному утверждению по существу. Приведенное нами указание В. П. Полонского фактически неверно. Разумеется, не на заключительной фразе письма «*да* хранит вас бог» мы строим сближение ставрогинской «религии России» с соответственным этапом бакунинского миросозерцания. В виду важности и необоснованности брошенного мне обвинения, я вынужден привести это место своей статьи. Отметив в эволюции воззрений

---

[1]) *А. Баулер.* М. А. Бакунин накануне смерти. «Былое», 1907, VII, 67—68, 73.

[2]) *Драгоманов*—30, 32—33.

Бакунина тот этап, который обозначается обычно исследователями как «революционный панславизм», я указываю на особую веру Бакунина в призвание русского народа.

> «И с каким пламенным подъемом он исповедует этот русский мессианизм в своем знаменитом воззвании к славянам, где он говорит о пробуждающемся «народе-великане», о могучем племени, «полном величия и силы»: «В Москве будет разбито рабство всех соединенных под русским скипетром славянских народов, а с ним вместе и все европейское рабство, и навеки будет схоронено в своем падении под своими собственными развалинами; высоко и прекрасно взойдет в Москве созвездие революции из моря крови и огня и станет путеводной звездой для блага всего освобожденного человечества...» Так Бакунин насаждает родину в сердцах своих слушателей. Это почти что слова Ставрогина об едином народе, призванном обновить и спасти мир силою нового верования.
>
> Ибо нужно помнить: молодой Бакунин, обратившись к революционной деятельности, сохранял религиозность прежних лет и даже несомненную склонность к мистицизму. (Это настроение, как известно, он во многом сохранил до преклонного возраста, и уже в 1862 г. он говорил Тургеневу, что верит в личного бога.) В 40-х годах он своеобразно сливает в своем миросозерцании революционность, религиозность и культ славянства, в частности—религию России. «Вы — скептик, я — верующий», определенно заявляет он в 1847 г. в письме к Анненкову, формулируя ему свое credo.—«Во всем этом много мистицизма,—скажете вы,—да кто же не мистик? Может ли быть капля жизни без мистики? Жизнь только там, где есть широкий, безграничный и потому несколько неопределенный мистический горизонт»... Еще определеннее он высказывается тогда же в письме к одному из своих польских друзей: «Вы ошибаетесь, дорогой друг, если думаете, что я не верую в бога; я только вполне отказался от того, чтобы признавать его научно и теоретически. Я ищу бога в людях, в их любви, в их свободе и теперь я ищу бога в революции. Я был бы очень счастлив, если хоть сколько-нибудь мог способствовать освобождению славян, освобождению моей родины, был бы очень счастлив умереть за свободу поляков и русских... Мы находимся накануне великих событий. Это—критический момент для славян, да исполнит каждый свой долг и да будет с нами святая божественная истина»... Письмо заканчивается словами: «Да хранит вас бог». Невольно вспоминается шатовская формула о Ставрогине, насаждавшем в его сердце «бога и родину» [1]).

Предоставляем судить читателю, насколько В. П. Полонский прав, утверждая, что я основываю религиозно-патриотическую теорию Ставрогина на одной бакунинской фразе «да хранит вас бог!».

Наконец, мы вовсе не собираемся утверждать, что Достоевский читал раннюю статью Бакунина о «Вейтлинге и Коммунизме», открытую лишь в 90 годах. Мы указали на нее лишь как на материал, характеризующий раннее религиозно-демократическое настроение Бакунина и разъясняющий нам его воззрения. Достоевский мог узнать об этом настроении Бакунина из других источников, быть-может, из устных свидетельств своих собеседников, но это не значит, что мы не имеем права, пользоваться с той же целью письменными материалами. Не только статья «О Вейтлинге», но и все другие, указанные нами по этому вопросу источ-

[1]) «Бакунин и Достоевский», «Печ. и Рев.», 1923, IV, 98—99.

ники, т.-е. «Исповедь» Бакунина, письмо его к Анненкову, письмо к Элиодору Сторжевскому, были также недоступны Достоевскому. Но это нисколько не лишает нас, позднейших исследователей, права пользоваться этими документами для характеристики этапов миросозерцания Бакунина, которые могли быть известны Достоевскому по другим—всего вероятнее устным, источникам (беседы с Белинским, Герценом, Огаревым, Катковым и друг.).

Мы думаем, что целый ряд недоразумений в нашем споре вызван тем, что его главная тема недостаточно обоснована теоретически. В самом деле: я утверждаю, что Бакунин—прототип Ставрогина. В. П. Полонский это отрицает. Не правильно ли, в интересах ясности спора, взаимного понимания и отчетливости выводов, прежде всего условиться, что́ понимать под термином—прототип?

III. Проблема литературного прототипа.

I.

Попробуем обосновать наше определение на конкретном историко-литературном материале.

Гёте прототипом для Мефистофеля избирает своего друга Мерка. Диккенс пользовался для четы Микоберов фигурами своих родителей, для Доры в «Давиде Копперфильде»—своей первой привязанностью, некоей мисс Биднель, для маленькой Нелли в «Лавке древностей»—образом своей рано погибшей невестки Мэри Хоггарт. Бальзак в «Человеческой Комедии» изобразил Жорж Занд в лице мадемуазель де-Туш, Франца Листа (музыкант Конти), Ламартина (поэт Каналис), одного из Ротшильдов (барон Нюсенжан), художников Делакруа и Монье, сыщика Видока и т. д. и т. д. Флобер в «Мадам Бовари» воспроизводит подлинную историю некоей Дельфины Кутюрье. Толстой объединял в Анне Карениной личности дочери Пушкина, Марии Александровны Гартунг, и бибиковской гувернантки, а в лице Наташи Ростовой—облики своей жены и своей свояченицы. Тургенев лепил Рудина по облику Бакунина, Зола в «Докторе Паскале» изображал Мечникова.

Все это—прототипы. И все эти живые лица глубоко не схожи с теми романическими образами, которые ими порождены. Они дают только первый толчок фантазии художника, которая действует затем автономно, преображает жизненный зародыш, дает ему самобытное развитие и выводит из него, наконец, художественный образ, столь самобытный и новый, что жизненный первоисточник совершенно отступает, и сходство между реальностью и фикцией сглаживается подчас до неузнаваемости.

Художник действует здесь по какому-то высшему произволу, которым являются категорические законы его творческого замысла, его общего стиля, его философских или иных тенденций; он берет у живого лица те черты, которых требуют эти законы творческого процесса, от-

брасывая остальные и свободно преображая личность, судьбу и характер живого и подлинного оригинала.

Художники этого не скрывают. Гёте берет у Мерка его скептическую иронию и отбрасывает все, что могло бы нарушить цельность образа Мефистофеля. Будничные фигуры мистера Джона Диккенса или мисс Биднель брошены романистом в круг таких необычайных приключений, что новые черты юмора, трогательности или драматизма совершенно преображают их заурядные облики. Взяв сюжет и героев своего романа из окружающего мира, Флобер так перековал их, что имел право решительно заявлять: «В «Мадам Бовари» нет ничего, взятого из действительности (Madame Bovary n'a rien de vrai)—это история сплошь выдуманная»... У Анны Карениной своя судьба и характер, лишь в немногих чертах совпадающая с ее прообразами, а лица, знавшие Софью Андреевну Толстую, недоумевают, каким образом писатель мог утверждать, что облик его жены положен в основу образа Наташи. А между тем Толстой знал, что он говорил.

И наконец, неутомимый портретист своих современников, Бальзак, требовал от художника отбора фактов действительности, их сложного комбинирования, перетасовки и новых сочетаний. «Литература должна пользоваться методом живописи, которая в целях создания художественного образа берет руки у одной модели, ноги—у другой, грудь—у третьей, плечи—у четвертой. Дело художника—сообщить жизнь этим отобранным членам и сделать ее правдоподобной. Если вам изобразят действительную женщину, вы отвернетесь от нее».

Цитируя это место, французский исследователь Андрэ ле Бретон замечает: «Бальзак имел право так говорить. Его роман—это всегда творчество—удачное или нет—но творчество. Чем больше изучаешь источники и прототипы «Человеческой Комедии», чем прилежнее раскрываешь в них реальную основу, тем сильнее чувствуете, насколько значительна здесь роль авторской выдумки... Я имею в виду ту гениальную, творческую выдумку, которая логически развивает данные опыта, от частного факта поднимается до общей истины, создает законы. Эта выдумка проникнута до конца наблюдением и является его высшей формой выражения».

Так, мы видим, поступают все великие мастера романа. Поражавшие их живые лица неизменно выступали в их романах на-ново воссозданными фантазией романиста и явственно храня на себе резкие следы его темперамента, воззрений, творческих страстей и художественных замыслов. И потому именно они являлись прототипами, т.-е. отдаленными первообразами для дальнейших перевоплощений, а не мертвыми манекенами, школьными моделями, ученическими «натурами» или трафаретными формами, все назначение которых—служить для точных копий, безошибочных слепков, механических воспроизведений.

II.

Остановимся на одном особенно примечательном для нас случае—истории образа Рудина, прототипом которого, как известно, был Бакунин. Об этом имеются свидетельства самого Тургенева, исключающие, конечно, возражения, столь щедро раздавшиеся по поводу моего утверждения.

Указание это принято не только критиками Тургенева, но и бакунинской литературой. Так, напр., Драгоманов сравнивает рассказ губернатора о Бакунине со словами Басистова о влиянии Рудина [1]). В своем этюде о Бакунине Амфитеатров указывает, что Тургенев гениально изобразил апостольскую сторону Бакунина в Рудине.

Но если бы не категорическое авторское заявление, разумеется, все доводы, направленные против Ставрогина, mutatis mutandis были бы приложены к Рудину. И теперь исследователи отмечают ряд коренных различий между тургеневским героем и его прототипом. Отмечается, напр., что ораторский стиль Бакунина, определенный Анненковым, как «холодная, малообразная, искусственная речь», не имеет ничего общего с характеристикой, данной Тургеневым пламенному и художественному красноречию Рудина. Отмечается также, что такая важная черта, как отмеченная Белинским в Бакунине «дикая мощь», совершенно не подходит к характеристике слабовольного Рудина. Овсянико-Куликовский говорит еще определеннее: «За вычетом ума и диалектики, а также, может-быть, и некоторых черт характера, которыми Рудин отчасти напоминает Бакунина, мы скажем, что в остальном *между ними нет сходства*» [2]). Заметим, что все эти возражения относятся исключительно к духовной природе Рудина; что было бы, если бы исследователи Тургенева начали приводить аргументы ad hominem? Что осталось бы от роли Бакунина в истории создания этого образа, если бы стали сравнивать тонкий и слабый голос Рудина с мощным органом Бакунина, полную неизвестность Рудина («о нем так мало ходило слухов»)—с шумной славой Бакунина, «славные глаза» Рудина—с холодным взглядом Бакунина (с его «глазами хищного зверя»), происхождение Рудина от бедных помещиков и знатную генеалогию Бакунина и проч.

А такие заявления тургеневского героя, как «поэзия—язык богов» или же: «в отрицании полном и всеобщем—нет благодати»—как все это вяжется с мыслями, убеждениями, речами и личностью Бакунина!

Сколько печатных листов можно было бы исписать в опровержение исследователя, который выдвинул бы гипотезу Рудин—Бакунин, если б случайно не сохранилось категорических утверждений Тургенева: «В основу Рудина положен Бакунин»... или: «Я в Рудине представил довольно верный его (Бакунина) портрет...»

---

[1]) *Драгоманов.* Бакунин, 93. *Амфитеатров.* М. А. Бакунин, стр. 7.

[2]) *Д. Н. Овсянико-Куликовский.* История русской интеллигенции, ч. I. См. *В. В. Данилов.* Комментарии к роману И. С. Тургенева «Рудин», стр. 32—35.

Таким образом, защитникам Бакунина навсегда отрезана возможность говорить по поводу Рудина о «фантастическом изобретении специалистов» о их «необузданной игре фантазии», «дебрях путаницы» и проч. и проч. Достоевский, к сожалению, такого категорического заявления об интересующем нас образе не сделал, и исследователь, преодолевающий трудности аналогичной расшифровки Ставрогина, подвергается риску быть осыпанным с ног до головы подобными «цветами» полемического задора.

III.

Просмотренный историко-литературный материал дает возможность определить интересующее нас понятие.

Прототипом называется то существовавшее в действительности лицо, исходя из которого поэт, путем творческого преображения, создает свой художественный образ.

Под творческим преображением в данном случае нужно понимать подлинную переплавку, коренное изменение, часто даже искажение прообраза до еле узнаваемого сходства. Всякое иное преображение, не связанное с таким коренным нарушением черт оригинала, не создает прототипа, а является лишь поэтической живописью исторического лица. Нельзя говорить, напр., что Борис Годунов или Иван Грозный—прототипы трагических героев Пушкина или Ал. Толстого. Это просто исторические образы, изображенные поэтом, конечно, не фотографически, но с обязательным сохранением огромной дозы подлинного сходства. Возможность и права фантазии здесь строго ограничены—вот где нельзя ошибиться ни в росте, ни в окраске волос, ни в основных чертах характеристики. Ивана Грозного нельзя сделать добрым, но смиренного семьянина, целомудренного труженика Мечникова Золя имеет право изобразить в припадке страсти совратителем своей юной племянницы. Петра I нельзя изобразить низкорослым, но гиганта Тургенева Достоевский изображает в «Бесах» человеком «маленького роста». В первом случае художник скован историческим лицом, во втором—он освобожден от реальных пут своим прототипом. Он может совершенно свободно отбирать у живого подлинника нужные ему черты и воспроизводить их во всей точности; но рядом с ними он вполне игнорирует другие ненужные ему, хотя бы и весьма характерные, признаки, строя весь свой образ под особым углом идеализации, сатиры или памфлета.

Так, конечно, поступал Достоевский, и этот принцип особенного художественного искажения живого облика сказывался у него каждый раз, когда он прикасался к «людям сороковых годов» или деятелям современной революции. Грановский и Тургенев, Гоголь и Петрашевский, Нечаев и Бакунин—все прошли сквозь этот сложный закон преображения, разложения и даже искажения.

Вот почему нельзя при изучении художественных образов вообще, и героев Достоевского в особенности, заключать от несходств к отсутствию прототипичности. В частности нельзя опровергать нашей гипотезы сообра-

жениями о том, что «Бакунин в Иерусалиме, Египте и Исландии не бывал», в то время как туда ездил Ставрогин; что «пощечина была получена Бакуниным лишь после того, как он побил Каткова палкой», а Николай Всеволодович Шатова палкой не бил; что Ставрогин—*почти* высокого роста, а Бакунин—совсем высокого; что один брюнет, а другой блондин, и т. д., и т. д.

Нужно ли после всего вышесказанного настаивать на том, что все эти аргументы о несходстве ни в какой мере не могут поколебать нашего основного утверждения о том, что Бакунин—прототип Ставрогина? [1]) Нужно ли еще разъяснять, что Достоевский брал у своего жизненного оригинала лишь те черты, которые были ему нужны для его художественной лепки, свободно отбрасывая или в корне видоизменяя все прочие показания действительности? Нужно ли, наконец, указывать, что Достоевский поступал так же, как Гёте при создании Мефистофеля, как Бальзак, отображая в «Человеческой Комедии» современных парижан, как Флобер, вытачивавший образ Эммы Бовари, или Тургенев, лепивший Рудина? Не рассеиваются ли все эти недоразумения при первом же отчетливом уяснении понятия—«прототип»? [1]).

Определение этого термина исключает еще одно недоумение В. П. Полонского: «или в образе Ставрогина мы имеем воображаемый портрет Бакунина, и тогда он не может до конца разрешать сущность труднейшей психологической проблемы»... или роман «Бесы» является самым выдающимся исследованием о Бакунине, — но тогда мы в «Бесах» будем искать Бакунина «исторического», а не вымышленного».

Думаем, что желающие нас понять понимают: говоря об «исследовании», о «монографии», о трактовке личности Бакунина Достоевским, мы все время имеем в виду не научную, а художественную систему разработки его образа; мы не пытаемся доказать, что «Бесы»—диссертация, академический трактат, ученое исследование. Мы имеем все время в виду то художественно-философское изучение действительности, которое сочетает познавание с творчеством, память—с воображением, опыт—с интуицией. Оно-то и превращает живую, подлинную историческую фигуру в прототип, т.-е. подвергает конкретное лицо сложному процессу кристаллизации и особому приему отложения на нем фантазий, тенденций, замыслов и вкусов художника. В результате такого процесса, в его конечном пункте—живое лицо преображается, видоизменяется, вступает

[1]) Совершенно напрасно В. П. Полонский полагает, что в процессе своего изложения я отказываюсь от своего основного утверждения, сомневаюсь в его достоверности и, наконец, прихожу к «весьма непритязательному» выводу: «Достоевский, создавая Ставрогина, исходил из личности Бакунина». Определение термина «прототип» указывает, что приведенная формула равносильна положению: «Бакунин есть прототип Ставрогина», ибо художник, исходя при создании образа из живой личности, делает ее путем преображения прототипом своего героя. Во всяком случае смею уверить моего оппонента, что вторая моя формула так же «притязательна», как и ее первоначальная редакция.

в новую жизнь. Так Михаил Александрович Бакунин, революционер, эмигрант, основатель анархизма, конспиратор и агитатор превращается в загадочного Николая Ставрогина, «принца Гарри», «премудрого змия», «Ивана-Царевича».

Это значит, что кристаллизация образа закончилась. Прототип сыграл свою роль и сходит со сцены. Миру действительности противопоставлен теперь полувымышленный космос романа. Он живет своею жизнью, и эта жизнь так интенсивна и заразительна, что всякая попытка проследить связь этого воображаемого мира с подлинными явлениями действительности должна неизбежно показаться завороженным глазам читателя чудовищным парадоксом и неслыханной гипотезой.

Мы понимаем возмущение читателя, плененного чудесной убедительностью гениальной словесной живописи. Но, может-быть, иногда и читателю следует понять пытливость исследователя, стремящегося рассмотреть за всеми драгоценными иллюзиями искусства сырые факторы творческого процесса.

(Продолжение в следующей книге).

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИИ И ЛИТЕРАТУРЫ.

I. ПИСЬМА М. А. БАКУНИНА М. Н. КАТКОВУ ИЗ СИБИРИ. II. ИЗ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Л. Н. ТОЛСТОГО.—Н. Апостолов.

I. ПИСЬМА М. А. БАКУНИНА М. Н. КАТКОВУ ИЗ СИБИРИ.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Печатаемые ниже четыре письма М. А. Бакунина редактору «Русского Вестника» представляют большой интерес для биографии знаменитого анархиста. Относятся они к периоду его сибирской жизни,—периоду, наиболее темному и наименее исследованному.

Письма эти являются новым материалом, рисующим сибирские настроения Михаила Бакунина. Они, кроме того, бросают некоторый свет на систему Бакунина—уловлять человеческие души весьма разнообразными способами. В данном случае перед нами—весьма искусно составленные произведения, с помощью которых Бакунин пытался вновь завязать давным-давно порвавшиеся связи с человеком, к которому вряд ли у него остались теплые чувства. Весьма неумеренные комплименты, расточаемые им Каткову в первом письме, имели, очевидно, целью вызвать в московском публицисте доброе к себе расположение, которое без такой дипломатической обработки Бакунин в Каткове не рассчитывал встретить. Необходимо при этом принять во внимание, что письмо это писалось в 1858 г., т.-е. в эпоху, когда Катков с успехом разыгрывал роль либерала, горячего поклонника английской конституции, передового человека своего отсталого общества.

Значительно позднее, в реакционный период своей деятельности, в 1870 г. Катков в «Московских Ведомостях» со злобной иронией вспоминал эти сибирские письма своего старого знакомца.

«В 1859 г. [1]),—вспоминал Катков,—когда еще Бакунин проживал в Сибири и служил по откупам, мы получили от него неожиданно письмо, в котором он припоминал о нашем давнем знакомстве и которое показалось нам искренним. Мы предложили ему попробовать писать в наш журнал из его далекого захолустья, которое для ума живого и любознательного должно представлять много новых и интересных сторон. В течение

[1]) Катков ошибся. Первое письмо написано годом раньше, последнее—в 1861 г.

1861—1862 годов получили мы от него еще два—три письма через ссыльных из поляков, которые, быв помилованы, возвращались на родину. Оказалось, что он жил в Сибири не только без нужды, но и в избытке, ничего не делал и читал французские романы, но на серьезный труд, хотя бы малый, его не хватало. Русскую литературу он не обогатил своими произведениями. В письмах же его к нам проглянул прежний Бакунин: от них веяло хотя благонамеренным, но пустым и лживым фантазерством. Местами он заговаривал тоном вдохновения, пророчествовал о будущих судьбах славянского мира и взывал к нашим русским симпатиям в пользу польской нации. Переписки мы с своей стороны не поддерживали. Последнее послание получили мы от него уже в эпоху варшавских демонстраций. Прежний Бакунин явился перед нами во всей полноте своего, ничем не поврежденного, существа. Он потребовал от нашей гражданской доблести присылки ему денег, по малой мере 6000 р. Дабы облегчить для нас это пожертвование, он дозволил нам открыть в его пользу подписку между людьми, ему сочувствующими и его чтящими, которых, по его расчету, долженствовало быть не мало. Зачем же вдруг и так экстренно понадобилась ему вышеозначенная сумма? Вот зачем: однажды его осенило сознание, что он получал даром жалованье от откупщика, у которого состоял на службе, ничего не делая; он вдруг сообразил, что откупщик выдавал ему ежегодно, в продолжение трех лет, по 2000 р. единственно из угожденья генерал-губернатору, которому Бакунин приходился сродни. Сознание это не давало ему де покоя, и он решился, во что бы то ни стало, возвратить откупщику всю в продолжение трех лет перебранную сумму. Благородный рыцарь, замечает Катков, он хотел подаянием уплатить подаяние, и из чужих карманов восстановить свою репутацию во мнении откупщика. Мы не могли ему быть полезны, и письмо его осталось втуне. Но прошло затем несколько месяцев, и мы узнали, что Бакунин все-таки добыл сумму, которую требовалось возвратить откупщику, но откупщику ее не заплатил, а бежал с полученными деньгами из Сибири» [1]).

О публикуемых нами письмах и сообщает Катков в приведенных выше воспоминаниях.

Письма Бакунина не дают, правда, ничего нового для освещения его личности. Легковерье, с каким обратился он с денежной просьбой к врагу своей юности, лишний раз показывает недостаточно серьезное и разборчивое отношение к людям и средствам, которые и ранее и позднее не однажды проявлял Бакунин. Не следует забывать, что друзьями Бакунин и Катков не были никогда, что первое их знакомство закончилось скандалом и столкновением, не приведшим к дуэли только потому, что Бакунин, вызвавший Каткова, после того, как был им оскорблен действием, осуществить свой вызов раздумал и дело с дуэлью замял. История этого столкновения рассказана В. Белинским («Письма», под ред. Е. Ляцкого, том II, стр. 145—146. См. также С. Неведенский «Катков и его

[1]) *С. Неведенский.* Катков и его время. С.-Петербург, 1888, стр. 503—505.

время», А. Корнилов «Молодые годы М. Бакунина», стр. 177—178 и В. Полонский «Бакунин». Из истории русской интеллигенции, том I, 362—363). Позднее они встретились в Берлине, где оба слушали лекции в университете, ссору свою постарались забыть, но друзьями не сделались.

Вспомнил же Бакунин Каткова в Сибири по причинам, о которых не трудно догадаться. Освободившись из крепости и помышляя об освобождении из Сибири, Бакунин решил постепенно завязать сношения с людьми, которые ему могли быть полезны. Он ведь—как это видно также из публикуемых писем—надеялся на возвращение в Россию.

Подлинники писем хранятся в Пушкинском доме Академии Наук. Они сильно пострадали от огня: некоторые части их столь сильно обгорели, что не весь текст оказалось возможным воспроизвести. В каждом отдельном случае это обстоятельство показано в скобках.

Орфография подлинника нами сохранена.

Письма сообщены нам П. Е. Щеголевым, за что приносим ему нашу признательность.

Вяч. Полонский.

21 Января 1858—Томск.

Послѣ многихъ многихъ лѣтъ разлуки, пишу я Вамъ любезный Катковъ. Что раздѣляло насъ давно позабыто, осталось только, по крайнѣй мѣрѣ въ моемъ сердцѣ, живое и пріятное воспоминаніе о томъ времени, когда мы оба «im Werden waren». — Ведь насъ, принадлежавшихъ къ Станкевическо-Бѣлинсковскому кружку, теперь не много — и я радъ представляющемуся мнѣ нынѣ случаю возобновить съ Вами знакомство. — Съ чего же начну? — О себѣ говорить много не стану: послѣ такаго долгаго молчанія высказать себя въ немногихъ словахъ невозможно, а писать цѣлыя тетради въ видѣ писемъ, какъ дѣлывали мы въ юности, для того только, чтобы объяснить свое внутреннее существо, нѣтъ охоты.— Къ тому жъ, не совсѣмъ еще освобожденный отъ внѣшнихъ стѣсненій, прикованный къ мѣсту отъ котораго надѣюсь, впротчемъ, скоро освободиться, я мѣнѣе живу, чѣмъ собираюсь жить, могъ бы писать только о надеждахъ и о возможностяхъ,—а о нихъ писать не хочется. — Вот Вы, другое дѣло, — Вы славно живете; въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, еще въ крѣпости, съ самаго основанія Вашего журнала, я слѣжу за Вашимъ славнымъ дѣломъ съ живѣйшимъ интересомъ.—Называю журналъ Вашъ дѣломъ, и онъ въ самомъ дѣлѣ вполнѣ заслуживаетъ это названіе. Вы создали дѣйствительно благородную и умную силу, вліяніе которой на хаотическую, но жизни и права жаждущую Россію неизмѣримо. Россія, въ настоящее время, своимъ чудесъ ожидающемъ настроеніемъ, напоминаетъ мне пору нашей юности,—такъ и дышетъ весною.—Многое не сбудется, многое сбудется иначе чѣмъ ожидаютъ, но Россія воскрѣсла и не умретъ болѣе. Вѣсело въ ней теперь жить и дѣйствовать.—Вѣдь не шутка: около 10 милліоновъ безсмертныхъ душъ призванныхъ впервые къ жизни!—Какъ я былъ радъ, когда бросивъ [нераз. слово] неумѣстное въ политическомъ дѣланіи безпристрастіе, — неумѣстное, потому что въ экономіи политическаго [конецъ страницы обгорел] одна страсть всегда уравновѣшивается другою прот. [обгорело]—когда Вы перестали [обгорело]. — Когда Вы рѣшительно подняли знамя непримиримой, разрушенія ея жаждущей вражды къ Австріи,— или, вѣрнѣе, къ Австрійской Имперіи. — Радъ также, что громите ничтожество и постыдную пошлость настоящей Франціи и противупоставляете ей великую и благородную Англію, не будь которой не было бы свободы въ Европѣ, а можетъ быть и въ цѣломъ мірѣ. — Только, любезный Катковъ, преклоняясь передъ безсмертнымъ принципомъ Английской общественной и политической жизни, не слишкомъ ли Вы увлекаетесь своею артистически-философскою, а потому и нѣсколько догматическою натурою?—Я говорю слишкомъ, nie pod wzçledom абсолютной истинны, а въ видахъ успѣшнаго практическаго дѣйствованія; — мнѣніе

у насъ еще не выработалось, и какъ полу-невѣжественное, оно гораздо болѣе доступно яркимъ краскамъ чѣмъ тонкимъ оттѣнкамъ. — Вы какъ артистъ по душѣ, Вы находите особенное удовольствіе въ изыскиваніи тонкихъ, профанамъ незамѣтныхъ чертъ, составляющихъ какъ бы душевные нервы предмета, въ нихъ угадываете его существо и жизнь, [зачеркнуты два слова] — какъ артистъ находите въ таковомъ разработываніи предмета неизъяснимое наслажденіе, и до того увлекаетесь своимъ тонкимъ анализомъ удовлетворяющемъ эпикурейско-эстетическія требованія Вашей художнической натуры, что незамѣчаете что вокругъ Васъ Васъ перестаютъ понимать, потому что немногіе въ состояніи за Вами слѣдовать и забываться въ отвлеченномъ созерцаніи тонкостей жизни и красоты предмета. — Въ Васъ иногда художникъ мѣшаетъ политику. Къ тому жъ, Вы какъ и я, прошли черезъ нѣмецкую школу, и любите обдумывать свои живыя убѣжденія и передавать [обгорело: въ ма]-тематическомъ видѣ. — Но эстетическая окру [обгорело: член]ность и философская систематичность [обгорело] высокаго знанія всегда мѣша[ла.— Обгорело] вспомните Эразма [обгорело]. Мысль живущей въ нихъ силы, какъ безсознательная необходимость принуждающая ихъ дѣйствовать такъ, а не иначе и проявляющаяся въ цѣломъ рядѣ живыхъ, повидимому другъ отъ друга независимыхъ но въ сущности объективно между собою связанныхъ фактовъ, — система остается у нихъ внутри, рѣдко сознается ими самими, и никогда не проявляется сознательно внаружу. — Это по моему мнѣнію, тайна ихъ силы. — Они увлекаютъ какъ жизнь, — въ то время какъ от систематической, хоть и вполнѣ истинной мысли, душа цѣпенѣетъ. — Вот почему Нѣмцы такіе худые дѣятели на политическомъ поприще:—«Man merkt die Absicht und man wird verstimmt» [1]). Заставьте насъ уважать высокій принципъ представляемый Англіею, принципъ личной и соціальной свободы, принципъ политическаго самоуправленія, — но дѣйствуйте такъ, чтобъ Васъ не прозвали профессоромъ Англоманіи, — а то мнѣніе отдѣлается отъ Васъ, помѣстивъ Васъ для собственнаго успокоенія, въ тѣсныя рамки категоріи, и отниметъ у Васъ возможность, силу на него дѣйствовать. — Вы призваны быть политическимъ дѣятелемъ, и потому берегитесь теоретическаго уединенія и самоуслажденія, купайтесь чаще въ волнахъ общественной жизни, для того чтобы изъ нее самой извлечь силы и умѣнье на нее дѣйствовать — пишите менѣе для себя, а болѣе для публики. — Пожертвуйте своимъ собственнымъ наслажденіемъ для общей пользы — Вы способны къ такой жертвѣ, Вы доказали это [зачеркнуто одно слово] отказавъ въ мѣстѣ въ своемъ журналѣ эстетическимъ и философскимъ этюдамъ, къ которымъ Вы преимущественно передъ другими, имѣете особенное призваніе. — Не легко Вамъ было отказаться отъ нихъ, однако, понявъ несовременность да и относительную безполѣзность философіи и эстетики въ Россіи, въ наст[оящее время. Обгорело] Вы имѣли силу [обгорело] Вашимъ противникамъ не удалось; рѣшительнымъ поворотомъ и побѣдою надъ своими собственными наклонностями Вы обманули ихъ расчеты — Обманите и теперь, неправда ли? — не позволите назвать себя Англоманомъ, почитанію своему къ англійскому благородному величію не позволите перейти въ идолопоклонство, зная что выше всѣхъ осѣдшихся формъ, какъ бы почтенны онѣ не были, [зачеркнуто одно слово] токъ жизни ихъ порождающій и ихъ разрушающій, и что токъ жизни всякаго народа [зачеркнуто: носитъ] индивидуаленъ, недоступенъ для подражанія, и только можетъ пробудить въ другомъ народѣ его собственную творческую [зачеркнуто: силу] дѣятельность. — Простите, любезный Катковъ что я по старой привычкѣ, самъ разсуждаю съ Вами такимъ догматическимъ тономъ, какъ будто бы не протекло почти двадцати лѣтъ со времени нашего послѣдняго свиданія! — Радъ я также, что въ великомъ вопросѣ крестьянскаго освобожденія, вы требуете совершенной и безотлагательной эманципаціи крестьянъ, требуете для нихъ земли, предлагаете устройствъ посредствующихъ банковъ, — и противъ нелѣпаго романтично-коммунистическаго и патріархальногнилаго общиннаго права, поставили право чистой и безусловной собственности — какъ краеугольный камень высшаго блага и достоинства въ мірѣ, свободы. — На-

конецъ есть еще одинъ вопросъ, о которомъ мнѣ хотѣлось бы много поговорить съ Вами, — но къ несчастью рамки письма, особливо же спѣшнаго письма, тѣсны, — ограничусь нѣсколькими намеками. — Зачѣм оставляете Вы монополію Славянскаго вопроса своимъ противникамъ, Славянофиламъ, которые портятъ и уродуютъ его, [обгорело: по сво]ему образу и подобію. — Въ этомъ вопросѣ есть [обгорело: без со]мнѣнія много романтичнаго вздору, миража [обгорело: не выдержи]вающаго серьезнаго взгляда, — смѣсь [обгорело] ничества с неопределенностями [обгорело].

[Начало страницы обгорело] серьезной стороны (?) котор. [обгорело] иніорировать не долженъ; это вопросъ будущности [обгорело] и юго-ѣосточной Европы, пробужденіе къ жизни милліоновъ соплеменниковъ, къ которому мы Русскіе, [зачеркнуто два слова] если хотимъ соблюсти собственную пользу и исполнить священный долгъ самопроявленія — признакъ жизни — равнодушны быть не можемъ. — (Все что живетъ вмѣшивается, а потому система невмѣшательства всегда казалась мнѣ верхомъ нелѣпости или притворства) — а въ пробужденіе жизни въ Славянахъ мы вмѣшаться должны, потому, что это вопросъ пограничный, который долженъ разрешиться въ нашу славу или противъ насъ — къ тому же вопросъ серьезный, дѣйствительный, нисколько не выдуманный филологами, какъ увѣряютъ иные, а поставленный въ настоящее время самимъ движеніемъ исторіи. — Въ Славянскомъ движеніи 48-го года было много романтически - дѣтскаго — искусственно возбужденнаго и направленнаго Австрійскою политикою, но оказались вмѣстѣ съ тѣмъ два огромные и несомнѣнные факты: Во-первыхъ сознаніе всѣхъ Славянъ безъ исключенія что имъ пришла пора жить, сильная потребность организироваться между собою, для того чтобъ создать [зачеркнуто: Славянск] Общеславянскую Силу—и во-вторыхъ, общее инстинктивное ожиданіе спасенія отъ Россіи. Славянскій вопросъ, это положительное выраженіе видимо предстоящаго великаго отрицанія Австрійской и Турецкой Монархій: — Нужно же приготовить мненіе въ Россіи, — тѣмъ болѣе нужно, что въ Славянской средѣ легче всего разрѣшается трудный Русско-Польскій вопросъ,—а этот вопрос для внешней жизни Россіи то же что вопрос о крестьянахъ и объ эманципаціи всѣхъ классовъ, для внутренней. [зачеркнуто одно слово]. Польша наша Ирландія, мы парадировали ею во всѣ[хъ] нашихъ внѣшнихъ начинаніяхъ, и система ея притѣсненія становится необходимо системою нашего собственнаго рабства. — Польша для насъ хуже и опаснѣе Ирландіи, во-первых потому что она обширнѣе, и большая половина ея не въ нашихъ рукахъ, и во-вторыхъ потому что въ насъ далеко нѣтъ надъ нею того нравственнаго, умственнаго и матеріальнаго преобладанія какимъ пользуется Англія въ отношеніи къ Ирландіи. — Ирландцы наивно-мифическій, Польша историческій великій народъ, индивидуальности котораго мы не сотремъ никогда, — въ этомъ было время насъ [обгорело начало страницы] дшаго, сдѣлается мессіаническимъ народомъ [обгорело] нашего времени, къ чему къ несчастью онъ сталъ [обгорело: выказы]вать нѣкоторую склонность. — Но носить по [обгор: добный] ядовитый камень в своемъ организмѣ въ высшей степени опасно — помните слово Jean Jaques Rousseau к князю Радзивилу: «Si vous ne pouvez empécher la Russie d'avaler la Palogne faites de tort que jamais elle ne parvienne a la dejérer» [зачеркнуто] желудокъ нашъ [зачеркнуто: никогда] до сихъ поръ не сварилъ и никогда не сваритъ Польши.—Между нами вопросъ исторіею поставленъ такъ тѣсно, что мы будемъ всегда ихъ страшными и непримиримыми врагами и будемъ есть другъ друга до тѣхъ поръ пока оба нарушимся,— или должны сдѣлаться тѣсными друзьями и братьями на равныхъ правахъ свободы и независимости. — Поэтому мы для собственнаго блага должны признать ихъ право и подать имъ дружескую руку — Они на томъ же основаніи должны принять ее — это объективная необходимость какъ для нашей такъ и для ихъ стороны — и никакія субъективныя чувства и сюсентибельности не могутъ помѣшать осуществленію того что внутренно необходимо. Мы должны сдѣлать первый шагъ и потому что въ насто-

ящее время мы виновные, мы торжествующіе, — и потому что намъ хорошо, и голова наша свободнѣе — мы должны сдѣлать первый шагъ и не смущаться первыми неудачами — а онѣ [зачеркнуто: будутъ] неминуемы — слишкомъ много законнаго гнѣва и раздраженія противъ насъ съ польской стороны — Мы, какъ свободные головою и сердцемъ должны нѣжно и почтительно помочь имъ освободиться отъ польской Idée fixe которая устремляя всѣ ихъ помышленія на единую цѣль польскаго возстановленія дѣлаетъ его невозможнымъ, должны помочь имъ избавиться отъ этой мессіанической окамѣнелости которая тѣснитъ ихъ головы и души. — Ради Бога пишите о нихъ въ своемъ журналѣ, отыскивайте въ Польской исторіи Вамъ не мѣнѣе извѣстной чѣмъ польскій языкъ, отрадныхъ для нихъ явленій и фактовъ, не пропускайте ни одного случая сказать имъ доброе слово, чтобъ они почувствовали что мы Русскіе хотимъ уважать и любить ихъ; — Теперь и для Польши [начало страницы обгорело]. исходу. — Въ Томскѣ, въ продолженіе этаго [обгорело] познакомиться съ нѣсколькими весьма замѣчательными людьми, возвращавшимися изъ ссылки на родину — въ нихъ всѣхъ безъ исключенія замѣчалъ я рѣшительную перемѣну — Они *рѣшительно* убѣдились въ безплодности конспираціи и понимаютъ теперь что если для Польши есть возрожденіе, то на пути нормальнаго, широкаго, основательнаго и разумнаго развитія какъ въ нравственномъ так и въ матеріальномъ отношеніи, [вместо зачеркнутаго: развитіе] — и что оторвавшись отъ старыхъ традицій, убѣдившись въ ихъ совершенной несостоятельности, имъ нужно создать новую жизнь и искать новыхъ путей для достиженія любимой цѣли — Они поражены пробужденіемъ новой жизни въ Россіи, смотрятъ на нее съ поразительнымъ недоумѣніемъ, и хотя не находятъ еще въ себѣ силы повѣрить въ дѣйствительность этаго явленія и чтобъ подойти къ нему ближе, ощупать его какъ Ѳома осязалъ Спасителя, но сознаются, что фиксированныя, стереотипныя предубѣжденія составившіяся въ ихъ головахъ о Россіи сильно пошатнулись — Состояніе душъ и умовъ ихъ смутно, они всѣ находятся какъ въ угарѣ, — переходъ отъ окамѣнелаго въ текучее состояніе— славное время для того чтобъ для взаимной пользы нашей на нихъ дѣйствовать. — У Васъ, любезный Катковъ, подъ руками, огромная возможность сближаться съ поляками и на нихъ дѣйствовать. Всякій годъ пріѣзжаютъ въ Москву и поступаютъ въ университетъ сотни молодыхъ людей — я познакомился и подружился съ однимъ изъ такихъ, съ доктором [зачеркнуто одно слово] Маткевичемъ, учившимся подъ вліяніемъ Грановскаго, Кудрявцова и подъ Вашимъ вліяніемъ — Ваши имена для него священны — Вотъ Вамъ доказательство, что поляки способны признавать и любить Русскихъ. — Бѣседуя съ нимъ, я убѣдился также как благодѣтельно дѣйствуетъ Московско-университетская [зачеркнуто: атмос] умственная атмосфера на польскій умъ, она расширяетъ его, расширяя вмѣстѣ съ тѣмъ и сердце — и это первое условіе, conditio sine qua non польскаго возрожденія — Отъ Васъ зависитъ расширить и упрочить это благодѣтельное вліяніе на поляковъ, послѣдствія котораго для нихъ равно какъ и для насъ неисчислимы — [Начало страницы обгорело] лучшимъ полякамъ, пусть пере. [обгорело] холодность — постоянство и выдержка въ [обгорело] залогъ политической силы—и Вы увиди[те. обгор.] сколько выйдетъ изъ этаго добра.— Но теперь о политикѣ и объ общихъ предметахъ довольно. — Не надоѣлъ ли я Вамъ— и какое впечатлѣніе производитъ на Васъ мое письмо? — Я писалъ его съ неизъяснимымъ удовольствіемъ, съ открытымъ сердцемъ, съ высокимъ уваженіемъ къ Вамъ, и съ горячимъ желаніемъ чтобъ оно было началомъ новой и крѣпкой дружбы—виноватъ, порядочные люди говорятъ «пріязни», — между нами. —

Я женился три мѣсяца тому назадъ и вполнѣ счастливъ — Теперь жду разрѣшенія оставить [зач. въ] Томскъ и вступить въ Амурскую Компанію, гдѣ Cousin Муравьевъ-Амурскій — благородный, дѣятельный, энергическій и во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательный человѣкъ — солнце Сибири, съ исчезновеніемъ котораго все здѣсь погрузилось бы въ мракъ и неподвижность — нашелъ для меня мѣсто. — Надѣюсь что мѣсяца черезъ два начнется для меня дѣятельная жизнь. Бездѣйствіе меня давитъ—и тогда я буду вполнѣ доволенъ своею судьбою—и если позволите, узнавъ получше край, буду посылать Вамъ статьи о Сибирѣ и объ Амурскомъ Краѣ — А

теперь пора мнѣ сказать Вамъ нѣсколько словъ о молодомъ человѣкѣ, [зач. одно слово] подателѣ сего письма. — Онъ принадлежитъ къ казацкому сословію въ Западной Сибирѣ и на силу и не совсѣмъ освободился отъ обязательствъ налагаемыхъ этимъ страннымъ Николаевскимъ средневѣковымъ а у насъ совершенно нелѣпымъ созданіемъ. — Григорій Николаевичъ [зач. одно слово] Потанинъ учился въ Омскомъ Кадетскомъ корпусѣ, гдѣ въ немъ пробудилась рѣдкая и благородная любознательность, и, дослужившись до чина поручика въ Казачьемъ войскѣ, съ большимъ трудомъ выхлопоталъ себѣ отставку — съ цѣлью ѣхать въ Петербургъ, и учиться тамъ при Университетѣ — Онъ самъ, лучше меня раскажетъ Вамъ какъ и чему онъ хочетъ учиться. — Он человѣкъ дикій, неопытенъ и наивенъ часто до дѣтства — но въ немъ есть умъ дѣйствительный и оригинальный хотя и не всегда проявляющійся, благородное стремленіе ко всему лучшему, жажда знанія, и рѣдкая между Русскими способность трудиться, рѣдкое равнодушіе ко всѣмъ внѣшнимъ удобствамъ и наслажденіямъ жизни — есть также и упорное постоянство, залогъ успѣха. — Эти качества заставляютъ меня думать что изъ него можетъ что-нибудь выйти, не смотря на настоящую, впрочемъ при невѣденіи его довольно естественную неопредѣленность и неясность стремленій. — Онъ очень гордъ, и лучше согласиться голодать чѣмъ быть кому въ тягость, — хотя и не всегда догадывается когда он въ самомъ дѣлѣ бываетъ въ тягость. — [Зачеркнуто: Сознательное желаніе было ѣхать въ Петер.] — Онъ собралъ довольное количество интересныхъ [зачеркнуто: знаній] свѣденій о Сибирѣ, которыя могутъ служить матеріаломъ для журнальныхъ статей, — и Вы ихъ примете у него неправда ли? — Деньги ему очень нужны — Мы собрали для него здѣсь все что могли — очень немного — и отправляемъ его съ серебряннымъ караваномъ — Надѣюсь любезный Катковъ, — помня наше древнее Московское участіе ко всему что [зачеркнуто: хочетъ] стремится къ лучшему и высшему, что Вы примете въ немъ участіе — и сколько будетъ возможно [зачеркн.: можете] поможите ему совѣтомъ, рекомендаціями въ Петербургъ, и дѣломъ — т.-е. денежнымъ сборомъ, который вѣроятно окажется необходимымъ — потому что у него нѣтъ гроша — Или Москва очень измѣнилась, или Потанинъ не пропадетъ между Вами — Онъ труда не боится и самъ хочетъ и будетъ зарабатывать хлѣбъ свой — лишь бы ему дали работу, и лишь бы эта работа оставляла ему время на слушаніе [зач.: Петербургскихъ] Университетскихъ лекцій. — Пожалуйста обласкайте нашего Сибирскаго Ломоносова — [конец страницы обгорелъ] [про]челъ мое письмо, которое написано такъ [обгорело] тности чѣмъ бы слѣдовало — но мысли высказаны довольно ясно, а потому переправлять и переписывать его — Встарину Вы мою руку разбирать умѣли, можетъ быть сумѣете и теперь. — Захотите ли Вы отвѣчать мнѣ, и примите ли дружескую руку которую я Вамъ такъ искренно и съ такимъ истиннымъ уваженіемъ къ Вамъ протягиваю — Если вздумается Вамъ писать мне, то не называя меня, пишите прямо моему другу Герману и адрессуйте Ваше письмо так — В г-дѣ Томскѣ — Его Благор. Бертольду Ивановичу *Герману*—Г-ну Ветеринарному врачу в г-дѣ Томскѣ— и подчеркните фамилію Германа, — тогда письмо нераспечатанное получится мною.— Этотъ путь совершенно безопасенъ, и нисколько Васъ не компрометируетъ — къ тому же у насъ обоихъ совѣсть чиста, — ни Вы, ни я не предпринимаемъ ничего такаго чтобы намъ скрывать надлѣжало —

Прощайте Катковъ — спѣшу —
Истинно Васъ уважающій
М. [обгорело].

21-го Іюня. Иркутскъ. 1860.

[Левый край страницы обгорелъ] милый другъ—Не помню ужъ сколько я [пи]салъ тебѣ писемъ не получая отъ тебя [ни] строчки — послѣ твоего перваго письма ты [за]молчалъ такъ упорно, что я могъ [...] подумать что ты умеръ еслибъ не слышалъ отъ другихъ и не находилъ въ Русск. Вѣстникѣ слѣдовъ твоей благородной и живой

дѣятельности. — Или [т]ы боишся писать ко мнѣ? — По почтѣ такой страхъ понятенъ, но есть другіе безопасные пути — напр. через курьеровъ — Отдай твое письмо, подателю сего, Евгенію Ивановичу Рагозину, а онъ мнѣ перешлетъ его съ курьеромъ— и если хочешь, то я даю тебѣ честное слово, что сожгу твое письмо сейчасъ по прочтеніи. — Рекомендую тебѣ Евгенія Ивановича какъ умнаго, благороднаго, дѣльнаго молодого человѣка, страстно желающаго съ тобою сблизиться. Русскій Вѣстникъ, по его собственному признанію, много способствовалъ къ его политическому воспитанію.—Онъ знаетъ хорошо и Амуръ, особенно же Забайкальскую область, и можетъ передать тебѣ о нихъ много интересныхъ, дѣльныхъ а главное вѣрныхъ свѣденій.— Прими же его и ради меня и ради его, я не пошлю къ тебѣ дурнаго или пустаго человѣка — А что братъ, чѣмъ то кончатся Ваши мирныя реформы? — Смотри чтобы дворянская (правый край обгорел) глупость, а главное Петербургскія [обгорело] ребячество, легкомысліе, не вызвали [изъ] глубины народной жизни страшнаго подзе[мнаго] духа, въ Россіи еще страшнѣйшаго ч[ѣмъ гдѣ] бы то либо — Впротчемъ не все дворя[нство] глупо, въ иныхъ губерніяхъ есть умн[ое] меньшинство, и дай Богъ чтобъ о[но] увлекло за собою всю массу дв[орянства]. Я прочелъ соображенія Уньковскаго, сомнѣнія тебѣ извѣстныя и кромѣ однаго пункта, и именно того, въ которомъ Тверское дворянство требуетъ для себя особенной привилегіи на службу по выборнымъ должностямъ; вполнѣ съ нимъ согласенъ этотъ пунктъ чистая уро[дли?]вость — Что дворянство по матеріальному и духовному преобладанію своему будетъ искать и найдетъ должное вліяніе на [зачерк.: упра.] внутреннее управленіе, я нахожу это не только натуральнымъ, но законнымъ — я желаю такаго вліянія. Но чтобъ это вліяніе перешло въ юридическую привилегію, было приз[нано] за нимъ какъ исключительное право вотъ гдѣ я вижу вредную нелѣпость аристократія никогда не привьется въ Россіи — и создавать искусственную аристократію опасно и глупо.— Впротчем мнѣ кажется что Тверское либеральное большинство комитета [левый край страницы обгорел) тъ единственный не симпатичный [обгорело. с]воего положенія, нисколько не соотвѣт[ству]ющій духу и гармоніи цѣлаго, собственно [...]ъ уступку и для того чтобъ [зачерк. одно слово] [у] влечь за собою большинство Тверского дворянства — и кажется что успѣло въ этомъ [нам]ѣреніи — Порадовало меня особенно [т]о, что братья и другіе единомыслящіе съ ними дворяне приступили къ фактическому [о]свобожденію крестьянъ съ землею и къ [пре]образованію своего хозяйства на основаніи вольнонаемнаго труда, не ожидая Петербургскихъ бюрократическихъ разрѣшеній — и вообще, начала ихъ, за исключеніемъ однако вышеозначеннаго пункта, мнѣ безусловно нравятся — мнѣ кажется что только широкое [зачеркнуто: примѣненіе] и безотлагательное примѣненіе ихъ можетъ спасти Россію отъ революціи. — Остается рѣшить одинъ вопросъ, — освободивъ общину, какъ освободить лица отъ общины? А это столь же необходимо какъ и первое, безъ этаго не будетъ жизни въ Россіи — Я радъ что ты познакомился съ другомъ моимъ Гейнрихомъ Краевскимъ — я увѣренъ что ты его полюбилъ; онъ же вполнѣ удовлетворенъ сближеніемъ съ тобою, и пишетъ мнѣ что нашелъ болѣе чѣмъ надѣялся найти — Прими же и Рагозина не какъ моего друга, но какъ [обгорелъ правый край] человѣка заслуживающаго [обгорело] и симпатіи — а теперь прощай, [желаю] тебѣ всего лучшаго, а главное успѣха [въ] святомъ дѣлѣ—

Твой М. Бакунинъ

Дай пожалуйста Рагозину рекомендательное письмо къ Кавелину.—

2-го января. 1861 — Иркутскъ—

Мой милый другъ — Сегодня всталъ въ первый разъ съ постели послѣ трехънедѣльной болѣзни, — горячки и рожи, и чувствую еще большую слабость и въ рукахъ и въ головѣ; и потому извини, если почеркъ мой будетъ хуже обыкновѣннаго и если не найдешь въ самомъ письмѣ строгой логичной послѣдовательности.— А между тѣмъ я хочу поговорить съ тобой о предметѣ для меня весьма серьезномъ, т. е. о моемъ будущемъ. — Графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій, старанія котораго

въ мою пользу оставались до сихъ поръ тщетными, говоритъ теперь съ увѣренностью объ успѣхѣ, такъ что если ожиданія [обгор.: сбуду]тся то въ Маѣ или въ началѣ Іюня мнѣ можно будетъ ѣха[ть въ] Россію.

15 января.

Тщетны же были старанія потому что Кн. Долгорукій, судя по доносамъ [полученн]ымъ имъ противъ меня изъ Сибири, не находилъ во мнѣ и капли раскаянія [обгорело] я разумѣется не буду, надѣюсь однако, что сила Муравьева возметъ свое.— Пора мнѣ въ [обгорело]ть мнѣ нечего. — Искалъ я дѣла у Бенардаки, по Амурскимъ дѣламъ (разумѣется не [обгорело]му), но служба по частнымъ дѣламъ мнѣ не только что не удалась и не принесла [ника]кой пользы, но вовлекла меня въ долги и совершенно разстроило мои финансы; два года получалъ я жалованіе безъ дѣла и не получивъ окончательно никакого дѣла, считаю себя обязаннымъ возвратить Бенардаки все двухгодовое жалованіе, около 5000 рубл., — дабы не сказали потомъ что Бакунинъ, какъ родственникъ [зачерк.: Муравьева] Генералъ Губернатора Муравьева жилъ у откупщика Бенардаки на пенсіи. — Расплатятся съ нимъ братья и вычтутъ этѣ деньги изъ части моей въ общемъ имѣніи; при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, когда всѣ помѣщичьи имѣнія разстроились и без сомнѣнія упали въ цѣнѣ, имъ это будетъ нелегко; но чтожъ дѣлать, честь преждѣ всего. — Заплативъ эти деньги, они безъ сомнѣнія не будутъ въ состояніи [зачеркн. одно слово] прислать мнѣ что либо въ нынѣшній годъ. А именно въ нынѣшній годъ мнѣ деньги будутъ необходимы для того чтобъ расплатившись съ нѣкоторыми долгами, выбраться изъ Сибири. — Думалъ я думалъ и наконецъ рѣшился прибѣгнуть къ [зачерк.: тебѣ] твоей личной дружбѣ и къ политической симпатіи твоихъ друзей, — къ кому жъ и прибѣгать въ крайнихъ случаяхъ какъ не къ политическимъ друзьямъ, — если такое выраженіе имѣетъ ужъ смыслъ, стало возможно въ Россіи. — Залогомъ уплаты должны служить остатокъ моей небольшой части въ имѣніи братьевъ и моя будущая [зачерк.: дѣятел]дѣятельность; ты кажется не потерпелъ вѣру въ послѣднюю, да и я чувствую себя въ правѣ о ней говорить, потому что [зачерк.: чувствую] сознаю въ себѣ еще много силы и охоты на дѣло. — Сумма жъ мнѣ нужна довольно значительная: 4000 р. сер. Пожалуй хоть и не вдругъ, но по частямъ, какъ будетъ можно, съ тѣмъ однакожъ чтобъ къ концу Мая собрались всѣ 4000 — Я рѣшился на такую просьбу, потому что не вижу для себя другаго исхода; въ случаѣ невозможности съ Вашей стороны исполнить ее, мнѣ прійдется остаться въ Сибирѣ. Если она исполнима то посылай деньги, а также и письма на имя Иркутскаго Гражданскаго Губернатора, Петра Александровича Извольскаго, моего большого пріятеля, съ коротенькимъ письмомъ къ нему съ просьбой передать деньги и письмо Михайлѣ Александровичу безъ фамилій. — Письма ко мнѣ не должны разумѣется заключать въ себѣ ничего *слишкомъ* вольнаго.—Еслижъ просьба [зачерк.] моя неисполнима, то напиши прямо и просто,— такъ же какъ и я пишу тебѣ теперь, [и] будь увѣренъ, что принужденный отказъ твой не возбудитъ въ душѣ моей ни тѣни сомнѣнія насчетъ твоей дружбы.—Только прошу тебя чтобъ въ никакомъ случаѣ не было огласки [обгорело] даже братья мои ничего не знали; они рѣшились бы на чрезмѣр(ныя же)ртвы, вредныя для благосостоянія всего семейства, [обгорело] имянно не хочу этѣхъ жертвъ. — Теперь кажется объ эт[омъ] предметѣ довольно. Буду съ тобою браниться.

Скажи, ради Бога, за что ты такъ полюбилъ Австрію.Можетъ ли и долженъ ли русскій радоваться тому, что Австрійское Правительство, отъявленный, коренной, необходимый врагъ Россіи поступаетъ умно, что Австрія хочетъ стать Славянскою [зачерк.: дер. федр.] пожалуй хоть федеративной державою?—Но если бы это сбылось, что было бы съ Россіею? — Развѣ ты не признаешь, что [зач. одно слово] жизненный для Россіи вопросъ съ Польшею не иначе разрѣшиться можетъ какъ въ Славянскомъ спорѣ?—Или ты полагаешь что Польша останется раздроблена?—Это невозможно, она возсоединится, и соберется вновь въ одно цѣлое под сѣнью Славянской Австріи, противъ Россіи, она оттянетъ одну за другою Литву, Бѣлоруссію, У[кр]аину, всю Малороссію. — Что жъ останется Россіи? — [Зачеркн. одно слово] Измѣнивъ

своему коренному, фактическому демократическому характеру также бѣжать наконецъ подъ феодальное покровительство Габсбурго-Лотарингскаго дома и Лордовъ готскаго альманаха. — Нѣтъ, милый другъ, я крѣпче стою за Россію, она, на перекоръ своей рабски-патріархальной неподвижности, [зачеркнуто: долж.] и нынѣшней тупости ея Правителя и Правителей, она должна сдѣлаться средоточіемъ Славянскаго [зачеркн.: фе] возрожденія, она должна раздробиться на административно-самостоятельныя части, органически связанныя другъ съ другомъ, и возродиться въ русской, славянской федераціи. — Или по твоему должны быть два Славянскія міра, одинъ западный, другой восточный; — да это неестественно, одинъ съѣстъ непремѣнно другой, и такъ пускай же Россію [я] ѣстъ Австрію, — вѣдь право и глотокъ то небольшой: Лотариндовъ съ принцессою Софіею, [м]оею старою пріятельницею, включительно да сотню двѣ онѣмеченныхъ [л]ордовъ. — Ты надѣешься на ихъ умъ, а я, а я разсчитываю на ихъ [глу]пость, на ихъ неисправимую, исторически, физіологически [нео]бходимую глупость. — Они способны порождать только тѣни да пр[израки — обгорело] живой дѣйствительности отъ мертвецовъ не жди. — [обгорело] спимъ, гадко, грязно, постыдно спимъ, да мы [Ил]ья [Муро]мецъ, или пожалуй хоть Ванюшка дурачокъ: въ насъ [обгорело] чудотворная сила. — Напрасно мнѣ кажется также [обгорело] нападаешь так жестоко на Людвига Наполеона, [обгорело] [о]нъ безъ сомнѣнія каналья, мерзавецъ, но уменъ, очень уменъ — и наконецъ не въ его добродѣтеляхъ дѣло, а въ его положеніи, которое погоняетъ его и погонитъ наконецъ туда куда и самъ не хочетъ. Он nolens volens будильникъ Европы, и можетъ [зачерк.: сказ.] про себя сказать какъ Мефистофель въ Фаустѣ:

«Ich bin ein Theil von jener Kraft
Die Stats das böse will und Stats das Güte Schaft».

Пожалуйста не ругай же его такъ безпощадно и вспомни слова Саваофа

«Ich habe Deines Gleichen nie gehasst»
.....
Das Menschen Tätigkeit kann allzuleicht erschlaffen
Er giebt sich bald die unbedingte Ruh
Drum geb'ich gern ihm die
Der reizt und wirkt und muss als Teufel zu schaffen».

Графъ Муравьевъ Амурскій оставляетъ совсѣмъ Сибирь. — Блистательный трактатъ, заключенный въ Пекинѣ молодцемъ Игнатьевымъ, увѣнчалъ его дѣло — и ему въ Сибирѣ дѣлать болѣе нечего — Его мало знаютъ въ Россіи. Онъ необыкновенный человѣкъ и умомъ, и энергіей, и сердцемъ. Он принадлежитъ къ разряду, рѣдкому и весьма немногочисленному, въ Россіи людей дѣлающихъ. — Умѣй онъ лучше выбирать своихъ исполнителей, онъ былъ бы человѣкъ геніальный. — Но выборы его были большей частью несчастны, и довѣренные его часто его компрометировали. — Онъ человѣкъ страстный, и потому способный къ увлеченіямъ къ ошибкамъ, но этотъ недостатокъ вознаграждается огромнымъ, быстрымъ, мѣткимъ умомъ, и въ высшей степени благороднымъ сердцемъ, которыя въ большей части случаевъ [зачерк.: попр.] исправляютъ [зачер. одно слово] ошибки его страстнаго нрава, впротчемъ ужъ очень угомонившагося.—Онъ человѣкъ будущности Россіи,—я очень желалъ бы чтобъ Вы съ нимъ познакомились, — сходи къ нему и скажи что ты пришелъ по моей просьбѣ. — Только предупреждаю тебя что онъ ненавидитъ Англичанъ, кам [обгорело] Лордовъ, — онъ болѣе демократъ чѣмъ либералъ по [при]нципу, впротчемъ либеральный демократъ побор[никъ] деце[нтрализаціи] и самостоятельнаго общиннаго [самоуп]равленія, врагъ бюрократіи. — Узнай его по кр[айней] мѣрѣ какъ человѣка несомнѣнно историческаго, если е[ще] не въ настоящемъ, то въ будущемъ, и надѣюсь въ близко[м] будущемъ.—Ты увидишь у него полковника Кукеля, который вѣроятно и понесетъ къ тебѣ мое письмо, человѣка очень способнаго, очень ловкаго, но несомнѣнно принадлежащаго къ худому и вредному разряду Поляковъ — фальшивый, нервозно-чувствительный, гладкій, холодный, онъ какъ змѣя обвилъ

бѣднаго льва Муравьева—а впротчемъ онъ можетъ передать тебѣ много интереснаго о Вост. Сибирѣ, объ Амурѣ. — Слушай его, но вѣрь только тому что тебѣ покажется вѣроятно.

Остается мнѣ крѣпко обнять тебя, пожелать скорѣе с тобою увидѣться, и просить о скорѣйшемъ отвѣтѣ черезъ Губернатора Извольскаго.

Твой неизмѣнный М. Бакунинъ.

II. МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Л. Н. ТОЛСТОГО.

Нйк. Апостолов.

Старца великого тень чую смущенной душой...
А. Пушкин.

Надо сознаться, что изучение творчества Л. Н. Толстого, оставившего нам, кроме богатого уже напечатанного наследия еще целые томы неопубликованных художественных и философских писаний (произведения *до* «Детства», «Казаки», «Война и мир»—варианты,—некоторые мелкие повести, неоконченные наброски, обширные дневники и тысячи писем...), продвигается в наши дни крайне медленно, и работа над страницами Пушкина, а в последние годы Достоевского и даже отчасти Тургенева и Островского опережает в своем темпе работу над Л. Толстым,—и виною этому не только общие условия переживаемого момента, но и те ненормальные условия, непредвиденные великим завещателем, в каких находится это ненапечатанное (главным образом—художественное) наследие Л. Толстого,—и потому всякое обращение к Л. Толстому не нуждается в оправдании.

Приводимые нами некоторые материалы к биографии и истории литературной деятельности Л. Толстого, извлеченные из нашей работы о Л. Толстом, относятся к ранней поре деятельности его, вообще менее других освещенной.

I. *Л. Толстой в работе над «Войной и миром».*

Темы, волновавшие Л. Толстого с самых первых шагов его литературной деятельности, всегда отличались гораздо большим объемом, чем его конечные авторские достижения. Так было с четырьмя эпохами молодости, превратившимися в триаду «Детство, Отрочество и Юность», с «Романом русского помещика» («Утро помещика»), так стало и с «Войной и миром», произведением, претерпевшим своеобразную творческую историю. С 1856 года у Л. Толстого, волнуемого многими художественными начинаниями, уже бродит мысль о написании в беллетристической форме биографии некоего декабриста, чтобы в ней показать самые разнообразные стороны русской жизни. И вот этот сюжет разрастается в его воображении и в процессе писания в новые и новые художественные построения, выходят из-под пера начальные страницы «Декабристов», впоследствии через много лет продолженных писанием; от 50-х годов Л. Толстой

ТЫСЯЧА ВОСЕМЬСОТЪ ПЯТЫЙ ГОДЪ.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ. [1]

I.

— Eh bien, mon prince, Gênes et Lucques ne sont plus que des apanages, des помѣстья, de la famille Buonaparte. Non, je vous préviens que si vous ne me dites pas que nous avons la guerre, vous vous permettez encore de pallier toutes les infamies, toutes les atrocités de cet Antichrist (ma parole, j'y crois) —je ne vous connais plus, vous n'êtes plus mon ami, vous n'êtes plus мой вѣрный рабъ, comme vous dites. [2] Ну, здравствуйте, здравствуйте. Je vois que je vous fais peur [3], садитесь и разказывайте.

---

[1] Чтобы сохранить колоритъ разговора дѣйствующихъ лицъ, авторъ весьма часто употребляетъ французскія фразы. Для незнающихъ французскаго языка присоединяется въ подстрочныхъ выноскахъ переводъ французскихъ выраженій текста. *Ред.*

[2] Ну что, князь, Генуя и Лукка стали не больше какъ помѣстьями фамиліи Бонапарте. Нѣтъ, я вамъ впередъ говорю, если вы мнѣ не скажете, что у насъ война, если вы позволите себѣ защищать всѣ гадости, всѣ ужасы этого Антихриста (право, я вѣрю что онъ Антихристъ),—я васъ больше не знаю, вы ужъ не другъ мой, вы ужъ не рабъ мой вѣрный, какъ вы говорите.

[3] Я вижу, что я васъ пугаю.

Первая страница романа «Тысяча восемьсот пятый год» (впоследствии выросшего в «Войну и мир») Л. Толстого. («Русский Всадник», 1865 г., январь).

уносится вдохновенными мыслями к 20—30 годам, а от них—к эпохе Наполеоновских войн и сосредоточивает свое конкретное внимание на 1805 годе, события коего и разрабатывает в цельной повести «Тысяча восемьсот пятый год», появившейся в начальных книжках «Русского Вестника» за 1865—66 годы и впоследствии составившей (в обработанном виде) первые главы «Войны и мира», и только к 1867 году у Л. Толстого отстаивается сюжет романа, обнимающего вместо периода 1805—1856 гг. эпоху «с 1805 по 1814 г.», т.-е. «Война и мир». Все это свидетельствует о чрезвычайной горячности и трепетности, с какими Л. Толстой искал претворения своих замыслов и творческих намерений в художественную плоть и кровь.

Надо заметить, что годы 1856—1861, когда Л. Толстой продолжал все еще метаться между «жаждой знания» и «жаждой сумасшествия», как он говорил, когда он не мог найти себе «пристанища» ни в Ясной Поляне, ни в Петербурге, ни за границей, достаточно способствовали такому «разбросочному» состоянию. И только с началом своей семейной жизни Л. Толстой находит более умиротворенные условия для работы.

Свою тишину Л. Толстой нашел, как известно, в семье московского придворного врача Берса, на дочери которого Софии и женился. В этой семье царила атмосфера любви и неги. Беспечная веселость и ревнивая заботливость друг о друге, юные игры для взрослых и взрослые размышления для юных,—вот ось, вокруг которой вертелось колесо жизни в доме Берсов. Л. Толстой, как пытливый художник, стал изучать и наблюдать круг лиц, группировавшихся вокруг семьи Берс, и делал это он непрерывно, как до женитьбы, так и после того, как переехал с женой в Ясную Поляну и ездил лишь иногда в Москву для работы над источниками «Войны и мира».

Л. Толстой подмечал в это время все характерное в окружающей его обстановке: отдельные настроения, отдельные слова и отдельные жесты: «У меня есть такой мешок,—часто говорил он,—куда я все ссыпаю».—«Ты думаешь, что ты у меня даром живешь,—обращался он к гостившей у него своячєнице, Татьяне Андреевне Берс,—я тебя всю записываю».

У Л. Толстого была своя «политика», свое уменье подмечать и выискивать нужные для него материалы для художественных претворений. Он, например, часто следил за тем, как юная Таня Берс молилась пред иконами; после молитвы он подробно расспрашивал ее, о чем она молилась. Таня, которая повествовала Л. Толстому все свои девичьи мечты и проказы, откровенно рассказывала ему о темах своих молитв. После ее рассказов Толстой, уединяясь в кабинете, записывал слышанное из уст девочки, и из этих записей впоследствии составились целые страницы, посвященные религиозному экстазу Наташи Ростовой и другим ее переживаниям.

Но не только эти семейные или вообще бытовые штрихи жизни, которые так затейливо собирал Л. Толстой, ссыпая в свой «мешок», были нужны ему при писании «Войны и мира». Гораздо большую долю умственного труда и усилий он потратил на кропотливое изучение бесчисленных исторических монографий и мемуаров в разных библиотеках

Москвы, особенно в Румянцовском музее и Чертковской библиотеке (о чем подробно сейчас не место говорить). Приезжая в Москву, он часто просиживал с утра до вечера, а иногда и с вечера до утра, над книгами, часто скупал их и свозил в свою яснополянскую библиотеку, где и в данное время можно ясно различить целый отдел книг по истории 1812 года.

Особую нетерпеливость и напряжение испытывал Л. Толстой во время печатания «Войны и мира», когда он, как взыскательный художник, суетился над каждой буквой своего труда.

В этот период печатания первого издания «Войны и мира» в типографии Риса в 1867—1869 годах Л. Толстой сближается с П. И. Бартеневым, незадолго перед тем начавшим свою журнальную деятельность по изданию «Русского Архива», так много уделявшего внимания историческим материалам по эпохе Наполеоновских войн.

П. И. Бартенев был не только корректором всех шести томов «Войны и мира», но и их «редактором», которому Л. Толстой давал даже «carte blanche» при печатании томов своего романа. Письма к нему Л. Толстого, сохранившиеся в архиве его внука, представляют интерес, как живое свидетельство той, повторим, трепетности, с какой Л. Толстой работал и печатал свой грандиозный роман.

Приводим наиболее характерные из этих писем *).

1. (1867 г.).

Я очень давно (5 дней) не получаю корректур. Припугните пожалуйста.

Не марать так как я мараю я не могу и твердо знаю что маранье это идет на великую пользу.

И небоюсь потому счетов типографии которые надеюсь не будут уж очень придирчивы.

То именно что вам нравится было бы много хуже, ежели бы не было раз 5 перемарано.

О Николаеве и Балашеве Александре я вычитал из Записок Современника Жихарева [1]) и потому сомневаюсь в справедливости вашего исправления. Записок Севастопольца не успел прочесть и скучно было. Я не люблю этот игривый тон—и оттого неправдивый.

Весь ваш *Л. Толстой.*

2. (1868 г.).

1) Выпустите всю историю Пьера в деревне с стариками и юродивым и отнятием лошади. *Сбежав в конце Бор. сражения во второй раз с бат. Пьер замешался с толпами раненых дошел до перевязачного пункта, а оттуда до большой дороги. Там он сел на землю. Он не помнил, долго ли он просидел там* и т. д.

В сновидении его надо выпустить воспоминание про старика.

2) В том месте, где говорится об Элен надо выпустить *только немногие видели в этом поругание таинства брака* и т. д. до слов *Большинство же* и т. д. и на место этого вставить: Только М. Д. Ахросимова приезжавшая в

*) Некоторые цитаты из этих писем мною были приведены в моей ст. «Толстой и Бартенев» в сборн. «Толстой» под ред. В. Срезневского, вып. 2. Все эти письма печатаются с сохранением орфографии подлинника, но с соблюдением требований нового правописания. Слова, выделенные курсивом, в подлиннике подчеркнуты.

это время в Петербург для свидания с одним из своих сыновей не одобряла намерения Элен и с свойственной ей грубостью встретив граф. Безухого на вечере у очень важного лица через всю залу прокричала ей, как будто для кулачного боя *засучивая свои широкие рукава (это была ее привычка): А ты говорят матушка новенькую штучку выдумала. За двух мужей сразу идти хочешь* и т. д....

3) В том месте где Наполеон думает что он посвятит богоугодные заведения своей матери, после слов: *нет просто* à ma mère надо прибавить, *думал он как думают все французы непременно приплетающие* Mère, mère и ma pauvre mère *по всем тем обстоятельствам жизни, где они хотели быть патетичны.*

Гр. *Л. Толстой.*

14 мая.

3. (1868 г.).

Я затеял перевод Memorial de St. Hélène [2]). Будьте так добры любезный Петр Иванович помогите мне, т.-е. дайте Николаю Михайловичу Стромилову (он передаст вам это письмо) письма графа Бальмена [3]) которые напечатаны в Архиве и не откажите в тех которые печатаются. Н. М. Стромилов охотно возьмется за работу перевода остальных писем. И он может сделать это отлично. Очень одолжите.

Преданный вам *Л. Толстой.*

14 сентября.

4. (1868 г.).

Вероятно еще не отпечатан тот лист в котором кн. Андрей после Смоленска заезжает в Лысые Горы и говорит с Алпатычем.

Там надо прибавить (то что и было в первой корректуре) прибавить следующие слова которые он говорит Алпатычу: «*Уезжай сам увози что можешь и народу вели уходить в Рязанскую или в Подмосковную*».—

Потом я в торопях поправляя корректуры в Москве, тотчас после отпечатанного поставил *II часть*. Это не нужно (ежели еще не напечатано). А вторая часть пускай начинается там где она была назначена прежде. Потом в главах описывающих Смоленск к корректурам пришиты писаные листы—то в наборе надо *руководиться писанным.*

Следующие листы и корректуры не посылаю нынче по почте только потому что надеюсь послезавтра послать с знакомым.

Пришлите пожалуйста «Чтения». Дружески жму вашу руку.

Ваш *Л. Толстой.*

22 января.

2. *Источники «Войны и мира» в Яснополянской библиотеке.*

В библиотеке Ясной Поляны, в пяти шкапах мы нашли разбросанные книги, относящиеся к категории «источников» для «Войны и мира». Это—французские и русские мемуары, которыми пользовался Л. Толстой и которые носят следы его чтения, в виде отметок на полях, подчеркнутых слов и целых предложений, загнутых страниц и т. п.

Все это—ценные детали, которыми стóит поделиться с читателями, а тем более с изучающими Л. Толстого.

Вот книги по истории Наполеоновского времени, лежавшие перед Л. Толстым в Ясной Поляне:

Foy, général. Histoire de la guerre de la peninsule sons Napoléon.

Lanfrey. Napoléon et Marie Louise.

Вероятно еще не отпечатали тог-
чего, в котором Вы увидели все
из Смоленска замеченное Вами
опять и говорили с Николаичем.
Нам надо прибавить (то, что
я было в первой корректуре) прибав-
ление следующих слов. Которым
они говорят Левина речу: "Ну так вам
уважать что мужичьи и народу свои
убеждения в Воздвиженке или в под
Москвою".

Только я в хорошей поправ-
ленной корректуре в Москве
отпечатанного
появились — II глав. Это не мудро
(время еще не наступило) а вторая
часть первой начинающая
Одна глава начинается
Только в главах описы-
вающих Смоленск в Корек-
турном тексте — это
в наборе и корректурах надо
расположить иначе.

Следующие мысли в корректуре
не повторялись только
ему что надо
с заключением.

Хранить тайну "Отечественных"
Корректуру прошу

Ваш Л. Толстой

22 января.

Письмо Л. Н. Толстого к П. И. Бартеневу от 22 янв. 1868 (печатается впервые).

Thiers. Histoire du Consulat et de l'Empire, 16-me et 17-me série.

Napoléon I. Les monologues...

De Las Cases. Mémorial de Sainte-Héléne.

Михайловский-Данилевский. Описание первой войны...

» » Описание второй войны...

Богданович. История Отечественной войны.

Давыдов, Д. Разбор трех статей, помещенных в записках Наполеона. Походные записки артиллериста 1812—1816 гг. (*И. Р.*)

Париж во время вступления государя императора в 1814 г.

Липранди. Кому и в какой степени принадлежит честь «Бородинского дня».

Глинка, С. «Записки о 1812 г.».

Шишков. Краткие записки, веденные им при государе императоре Александре I. Избранные черты и анекдоты.

Абб. Мори. Исповедь Наполеона.

Бонапарте на острове св. Елены.

Шишков, А. Краткая и справедливая повесть о пагубных Наполеона Бонапарте помыслах.

Жизнь графа Сперанского *(бар. Корфа).*

Историческое описание мундиров.

Картавов. Растопчинские афиши. Летучие листки 1812 г.

Письменные наставления своему историографу Наполеона.

Историческое описание одежд и вооружения Российских войск.

«*Русский Архив*»—неполные комплекты за 1866, 1868, 1869 и др. годы, изобилующие материалами из эпохи нашествия Наполеона в Россию и др.

3. *Следы чтения Л. Толстым исторических монографий* своей библиотеки по эпохе войны 1812 г. особенно заметны в книгах Богдановича, С. Глинки, Тьера, De Las Cases и др.

В «Истории»... Богдановича мы находим много пометок рукою Л. Толстого, много взятых в скобки или подчеркнутых фраз, впоследствии занесенных на страницы «Войны и мира»...

Возьмем, напр., II том Богдановича (изд. 1859 г.). На стр. 503 взяты в скобки следующие строки:

«Что стоило... привести в Москву»...

«Слух носится, что все думаете о мире... и ругают его на смерть»...

В начале страницы на полях приписка рукою Льва Ник-ча:

«7 августа кн. Багратион в своей стоянке Михайловке на Смоленской дороге писал следующее. Он писал Аракчееву, но знал, что письмо его будет прочтено, и потому, насколько он был способен, он обдумывал каждое свое слово»... и т. д. (Эти цитата потом вошла и в роман).

В книге «Записки о 1812 г.» Сергея Глинки чрезвычайно характерна манера Л. Толстого загибать страницы, особенно ценные для него по заключающимся в них сведениям. Напр., загнуты страницы: 51—52 (Состояние Москвы после Бородинской битвы), 53 — 54 (Последнее свидание С. Глинки с Растопчиным, когда граф сказал, что Москва будет сдана

«без крови»), 73—74 (Отступление от Москвы, вид на пожар, пыль столбами, застилавшая солнце), 253—254 (Подробности Бородинской битвы, личность Остермана) и т. д.

«Mémorial de St. Hélène» De Las Cases, книга, которую Лев Н-ч собирался при содействии А. И. Стромилова переводить на русский язык (в 1867—68 г.г.), изобилует следами его чтения.

На стр. 29 во фразе: La différence de cette seconde version à la première était fort grande, celle-ci était plus positive, plus abondante, mieux ordonnée; elle présentait *même parfais des différences matérielles avec la première*»—подчеркнуты две последних строки, при чем рукою Л. Н. приписано: «не думал, а делал»...

На стр. 58 находим такое замечание Л. Н.: «осмотрят, но не из vanité и не для успеха»...

На стр. 79 о Наполеоне Л. Н. бросил на полях такую характерную фразу: «Как только человек—огромен, как владыка—дитя»...

На стр. 80 против абзаца: «Bien plus... des fréres, quelques parents propres à l'imiter facilement celui, qui une fois les aurait remplacés», в котором последние строки подчеркнуты, стоит такая приписка Л. Н.: «Упомянул и себя подделывая факты прошедшего под свою мысль»...

На стр. 113—в предложении: ...«et mon émotion doit avoir été bien forte, car j'*ai senti la vibration de mon mollet gauche. C'est un grand signe chez moi et* cela ne m'était pas arrivé depuis longtemps»... подчеркнуты отмеченные нами слова, и на полях сделана надпись рукою Л. Н-ча: «La vibration de mon mollet». Этим указанием французского мемуариста, как известно, Л. Толстой умело воспользовался на страницах «Войны и мира»... и т. д.

Широко использованный Л. Толстым 6 том «Истории консульства и империи» Тьера также покрыт отметками Л. Н—ча. Сравнивая отдельные подчеркнутые места этой книги с соответствующими местами «Войны и мира», мы убедимся в том, что Л. Толстой чувствовал себя вполне самостоятельно перед строками Тьера, часто опуская отдельные фразы и слова французского историка, часто заменяя их другими и разными способами варьируя французский текст.

У Тьера: «à tous les incendiés», у Л. Толстого просто: «aux incendiés»; между словами: «Mais les vivres» и «étaient prop précieux» (на стр. 168), Л. Толстым пропущено целое предложение: «dont le besoin pouvait devenir bien grand, suivant la durée du sejour à Moscou» и т. п. вольнообращения.

4. *Из личных воспоминаний С. А. Толстой и Т. А. Кузминской.*

Жена Льва Ник—ча С. А. Толстая и его свояченица, ныне здравствующая Т. А. Кузминская были наиболее близкими свидетельницами работы Л. Толстого в 60—70-х годах. Их сведения поэтому представляют заведомую ценность.

Мы приводим одно из писем С. А. Толстой, особенно интересное для изучающих «Детство», и два письма Т. А. Кузминской, содержащие материал для истории создания «Войны и мира». Эти выбранные нами

письма (адресованные пишущему эти строки) приводятся нами в выдержках, имеющих историко-литературное значение.

Из письма С. А. Толстой (5/18 марта 1918 г.).

...Все типы, описанные в «Детстве», взяты из двух семей: граф. Толстых и Александра Михайловича Исленьева, моего родного деда по матери. Его и описал Лев Николаевич под заглавием «Папа» и «Что за человек был мой отец».

Матери Лев Ник. не помнил, ему не было 2-х лет, когда она умерла. Из семьи моего деда Исленьева, кроме его самого, описана еще гувернантка дочерей деда, в том числе и моей матери—шведка по мужу—мадам Коперверйн. Она и воспитала и мою мать и ее сестер. Прозвище ее было «Мими». При ней жила и ее дочь, «Юзенька» (Жозефина), в «Детстве» она названа «Катенькой».

Еще описаны в «Юности» вторая жена деда: «La belle Flamande; первая, незаконная жена деда умерла молодая. Она была дочь графа П. В. Завадовского, фаворита Екатерины 2, замужем за княз. Козловским, которого она покинула, полюбив моего деда А. М. Исленьева. Учитель Карл Иванович, француз St. Jerome были при мальчиках Толстых, но Карл был Федор Иванович, а St. Jerome был St. Thomas. Наталья Савишна была у Толстых.

«Володя» был брат Сергей, другие братья не описаны. А «Любочка»—это описана сестра Льва Ник. Машенька. «Бабушка» это мать отца Льва Ник. «Князь Иван Ив.»—это князь Горчаков, родственник бабушки, рожденной кн. Горчаковой.

«Княгиня Корнакова» с бесчисленными княжнами—это тоже родственница, княгиня Горчакова.

«Сонечка»—это Сонечка Калошина, жившая впоследствии в Тройце-Сергиевской лавре, никогда не вышедшая замуж. Она была первой любовью еще мальчика Льва Никол-ча.

Все лица в Детстве, Отрочестве и Юности взяты с натуры, но я не ясно помню, с кого они именно писались. Приятели Льва Ник-ча в молодости были Д. А. Дьяков, Зыбин и другие. Все больше из русских помещиков и дворян. Думаю, что «Ивины» были Мусины-Пушкины.

Вы спрашиваете, увлекался ли Лев Ник. Диккенсом. Даже очень, и всегда. «Давида Копперфильда» он высоко ценил, так же и о других произведениях Диккенса отзывался всегда с похвалой. Теккерея он читал также охотно, но о Тепфере отзывов я от Льва Ник-ча никогда не слыхала.

Надо Вам сказать, что Лев Никол. никогда не стремился к тому, чтобы описать весь тип целиком, для своих героев и героинь. Например про Наташу Ростову когда его спрашивали, кого он описал, он говорил: «Я взял Таню, перетолок ее с Соней (т.-е. со мной) и сделал Наташу». Имя «Наташа» он взял из моей повести, кот. я давала ему читать, и во многом я узнаю себя, хотя для Наташи большая часть черт характера взята с моей сестры.

Больше ничего не могу Вам сообщить. Желаю Вам успеха в Вашей интересной работе. Преданная Вам Гр. С. Толстая.

Из письма Т. А. Кузминской (5 дек. 1916 г.).

...Знаю, что он часто довольно бывал в Москве, рылся в архивах, знакомился с масонами, брал письма фрейлины Марии Апполоновны Волковой, переписку ее с ее матерью урожд. гр. Ланской, эти письма достал ему мой отец, который очень хорошо знал Волкову. Письма эти были написаны в 1812 году [7]). На счет биографических сведений лиц, описанных в романе, Вам уже вероятно известны иные, которые и мне известны. Но на всякий случай я постараюсь Вам их описать.

Соня (в Войне и мире) это тип его тетки Тать. Алекс. Ергольской. Она воспитывалась у тетки своей Пел. Ильин. гр. Толстой. У бабки Льва Никол. и описан ее роман с отцом Льва Никол. Т. Ал. так замуж и не вышла и отказала Николаю Ильичу, так как семья была разорена широкой жизнью деда Льва Ник. и отец его впоследствии женился на княжне Волконской, богатой невесте. Дед Илья Андреич описан отцом Наташи.

Мать Льва Ник. в княжне Марии. Она постоянно жила с отцом в деревне, отношения отца к дочери описаны в В. и Мире в старом Волконском. Лев Ник. в особенности чтил память матери, и часто с большим уважением говорил о ней, когда писал Войну и Мир. Он все находил в ней прекрасным: и ее образование, редкое в то время, ее юмор, свойственный ее уму. Ее религиозное чувство в особенности умиляло его, ее пристрастие к юродивым, монашкам и т. п. вызывало в нем одобрение, он находил в этом особенный род поэзии, который он и описал в своем романе целиком. Лев Ник. обыкновенно, когда писал Войну и Мир, загадывал на пасьянсах, которые раскладывал по вечерам в нашем маленьком семейном кругу, выйдет ли у него такая-то личность удачно или—так назвать или иначе, и раз сказал: «Ну, княжна Марья у меня выйдет».

Все названные лица мною, конечно, не взяты целиком, но характер, тип их, так сказать, весь смысл их жизни взят. Единственно, знаю только, что он до мелочей записывал мою жизнь, которая развертывалась в Ясной, на глазах его, но и то факты многие даже не из моей жизни, и войны-то тогда не было. Кража кошелька у Денисова взята тоже с действительности. Это было в Севастоп. кампанию. Его брат Сергей был в Стрелковом батальоне с своим товарищем Веревкиным, и у Веревкина украл кошелек другой офицер, и граф Сергей Ник. поступил так как Николай Ростов. Но подробно этой истории я не знаю.

Вы спрашиваете меня про образ жизни той эпохи, когда Л. Н. писал Войну и Мир. Хозяйство, охота, пчелы и литература. Охота всякая и псовая и ружейная. В моих воспоминаниях описана немного его жизнь. Но может ли девушка 16—17 лет интересоваться чужими интересами и следить еще за развитием духа, ума и сердца такого, в особенности, гения, как был Лев Ник. Конечно, нет, не может, отвечу я. Свои девственные интересы поглощают все молодые силы. Хорошо еще, что послужила своей глупой жизнью ему в романе, и за это спасибо.

Лев Ник. тогда нам и не казался великим мыслителем и литератором, а просто обыкновенным умным и талантливым человеком, а главное близким и сердечным. Ничего я не следила за ним, ничего не записывала никогда и так до тех пор, пока не сознала и не сказала себе: Да ведь он замечательный и великий гений. И тогда стала кое что записывать и вызывать его на споры и отвлеченные разговоры, которые я, если успею, напишу. Напишу свою жизнь в Ясной Поляне, если еще успею это сделать на старости лет.

Лев Ник. очень ценил мнение о Войне и Мире критика Ник. Ник. Страхова [8]). Когда вышла его критика, Лев Н. говорил, что Страхов первый, который так понял и оценил его труд. Лев Ник. когда жил в Москве и печатался его роман, он с нетерпением ожидал прочесть в газетах и журналах мнение о его романе, чего уже в последние годы того волнения и ожидания узнать и прочесть критики—совсем не было. Он многим читал Войну и Мир (отрывки из романа) вслух. Помню, как когда он сломал руку и жил тогда один без жены у нас и когда стало ему уже лучше, он читал вслух в своей небольшой спальне—Жемчужникову и Островскому и как он волновался при чтении. Я сидела тут же и слушала его, хотя мне было тогда 18 лет, но я до сих пор помню, как он читал и так передавал иные сцены, что его волнение, как ток чего-то живительного касалось и моей души, вероятно, то же испытывали и Островский и Жемчужников. Они были в восторге от его чтения и его произведения...

Из письма ее же (24 ноября 1917 г.).

...Помню, как вышло начало его романа «1805 год» в Р. Вестн. Л. Н. как раз был тогда в Москве и жил у нас в Кремле.

Он знал, что в известный день выйдет критика (в какой газете, не помню) и вот утром, не выходя еще из комнаты, он призвал брата моего Александра, кадета 2-го Моск. Корпуса и смеясь сказал ему: «Саша, ты наверно хочешь быть генералом от инфантерии». Да, хочу, плохо понимая, отвечал брат. «А я,—сказал Л. Н.,—я хочу быть генералом от литературы и потому ступай сейчас и купи мне такую-то газету.—

И брат принес ему эту газету, где он прочел критику. Насколько она удовлетворила его—не помню.

Вообще же Льва Ник. очень волновал всякий отзыв о Войне и Мире. Это я помню. Выше всех критик он ставил разбор В. и Мира Н. Н. Страхова. Я помню, как он говорил, что никто его романа так тонко и с таким пониманием не разобрал, как Страхов, и с тех пор Страхов постоянно бывал и гостил в Ясной.

В моих же письмах, которые я получала от Л. Н., ни слова не говорится об его писании, а говорится только о моих интересах. Но это понятно. Он слишком серьезно и глубоко относился к своему детищу «Война и Мир», чтобы писать об этом 17—18-летней девочке. Помню, как он диктовал мне Войну и Мир, после сделанной операции его руки, и одновременно диктовал и письма к сестре моей.

Я писала: Нынче поутру около часа диктовал Тане, но не хорошо, без волнения, а без волнения наше писательское дело не идет.

А диктовал он об Ипполите. В другом письме он пишет: «Все историческое не клеится, и идет вяло».

Вы спрашиваете, кто были его любимые герои. Сначала перевес над всеми брал Андрей Болконский. Затем занял его всецельно Пьер. Он много переделывал его. К Николаю Ростову Л. Н. относился конечно с любовью, ведь, как Вам, вероятно, известно, он описывал отца своего. Платон Каратаев тоже один из любимых его героев, оно и понятно. В Каратаеве Л. Н. вложил свою любовь к народу за их смирение и покорность к судьбе, эта любовь также чувствуется в «Севастопольских рассказах».

Вы спрашиваете, любил ли Лев Н. своих героев. Насколько я помню, он не только любил их. Он душою жил с ними он носил их постоянно в своем уме и сердце, но порою охладевал к ним. Напр. летом он вообще мало писал, его увлекало хозяйство и другие интересы поглощали его. Осень снова как бы возвращала его к работе и герои оживали в его воображении и сердце...

5. Как определилось заглавие «Война и миръ»?

То большое по замыслу историческое произведение, которое Л. Толстой начал обдумывать с 1856 года и которое постепенно в его воображении охватывало эпоху от 1805 г. по 1856 г. («Декабристы» и «Война и мир») вылилось к 1865 году в форме самостоятельной повести, только предвещавшей будущий роман, и она была озаглавлена «Тысяча восемьсот пятый год» («Русский Вестник», 1865—66 г.). Дальнейшая работа Л. Толстого над своим историческим романом так расширила первоначальные размеры и план его, что, конечно, понадобилось и новое заглавие, отвечавшее содержанию и объему произведения. К 1867 году у Л. Толстого созрела мысль дать заглавие «Война и мир».

Может-быть, это заглавие явилось у автора просто в минуту вдохновения, из его непосредственного творческого сознания. Но не исклю-

чена возможность и того, что оно было навеяно теми многочисленными историческими книгами, которые так неутомимо в то время читал Л. Толстой. Книги эти, конечно, убеждали Л. Толстого в перемежающемся воздействии на жизнь и человеческую психику картин войны и мира. В одной из этих книг, которой особенно много пользовался Л. Толстой, именно у С. Глинки («Записки о 1812 годе», стр. 15), прямо сказано, что в 1812 году «*мир и война* шли рядом». Возможно, что эта книга более других натолкнула Л. Толстого на такое заглавие.

Не делая никаких определенных выводов, укажем на существование у В. Г. Бенедиктова, автора таких рельефных антимилитаристических стихотворений, как «Человечество» и др., стихотворения «*Война и мир*» (1857 г.):

«Смотришь порою на царства земли—и сдается
Ангел покоя по небу над миром несется...» и т. д.

Характерно также и то, что в 1864 году в изд. А. Черенина появилось в русском переводе известное исследование Прудона (которого Л. Толстой видел незадолго перед тем за границей и которого ценил) «О принципе и содержании международного права» — под заглавием «Война и мир».

ПРИМЕЧАНИЯ К ПИСЬМАМ.

[1]) «Записки современника» Степана Петровича Жихарева, в свое время печатавшиеся в «Москвитянине» в 50-х годах, изданы были «Русским Архивом» в 1890 г. Этими «Записками» широко воспользовался Л. Толстой при писании «Войны и мира», особенно первых глав его, посвященных 1805 году: романсы Николая Ростова, увлечения танцами, светские настроения Москвы той поры,—все это описано в романе Л. Толстого в согласовании с описанием Жихарева.

[2]) «Memorial de St. Hélène» de Las Cases—книга, которой также пользовался Л. Толстой при писании «Войны и мира».

[3]) Гр. де Бальмен, А. А.—был российским комиссаром при Наполеоне на остр. св. Елены с 1816 по 1821 г.

[4]) Статья Г. П. Данилевского «Историки-очевидцы» напечатана в «Всемирной Иллюстрации» за 1869 г., № 41.

[5]) «Сожженная „Москва» и некоторые другие исторические произведения Г. Данилевского носят на себе несомненные следы влияния Л. Толстого.

[6]) Ст. Данилевского «Поездка в Ясную Поляну» помещена в полном собрании его сочинений изд. А. Маркса, т. XIV.

[7]) Переписка М. А. Волковой и В. И. Ланской, частью напечатанная в «Русском Архиве» за 1872 г., опубликована полностью в книжках «Вестника Европы» за 1874—75 г.г.

[8]) Статьи Н. Н. Страхова, печатавшиеся в «Заре» за 1869 и след. годы, появились потом в отдельной книге «Об И. С. Тургеневе и Л. Н. Толстом».

III. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА В ТРАКТОВКЕ СОВЕТСКОЙ ЦИВИЛИСТИКИ.

А. Г. Гойхбарг. Хозяйственное право Р.С.Ф.С.Р. Т. I. Гражданский Кодекс. ГИЗ. Москва — Петроград, 1923. *Max Adler.* Die Staatsanffassung des Marxismus Wien. 1922. *Gareis und Wenger.* Rechtsenzyklopädie und Methodologie, Gieszen 1920. *Rich. Stammler.* Lehrbuch der Rechtsphilosophie. 1922. Lpz. 1922. *Rich. Schmidt.* Einführung in die Rechtswissenschaft. Lpz. 1921. *Locher.* Geschäftsgrundlage und Geschäftszweck. Arch. f. die ciwilistiche. Praxis. 1923. I. B. *Tilze.* Richtermacht und Vertragsinhalt. Tübingen. 1921 [1]).

И. Ильинский.

Вопросы права вообще пользовались весьма малым вниманием в марксистской литературе. Ученики следовали в этом случае по стопам учителей. Юридические интересы Маркса почти иссякли уже к началу 50-х годов, хотя в его юности они сыграли немаловажную роль и одно время как будто обещали предопределить все умственное развитие автора «Капитала». Еще меньше интересовался вопросами права Энгельс. Если не считать случайных разбросанных в его сочинениях замечаний, можно сказать, что свои теоретические счеты с юриспруденцией он свел лишь под конец жизни в известном письме к *Конраду Шмидту* от 28 октября 1890 г. Писатель, заботливо проследивший судьбы понятия права у Маркса и Энгельса, оказался вынужденным уделить едва ли не главное внимание преодолению первым из них философии права *Гегеля;* сводка собранных отовсюду мыслей дала возможность лишь составить общую формулу понятия права в марксизме и ничего более [2]). Ученики Маркса занимались больше критикой (да и то между прочим) буржуазных теорий права, чем построением марксистской. Последняя задача выступила вперед лишь с того времени, как революционные сдвиги в Европе вплотную поставили перед марксистами вопросы правового строительства: из области чистой теории, в лучшем случае агитации, эти вопросы внезапно перенеслись в плоскость актуальнейших задач программы и тактики. Больше других отраслей юриспруденции повезло при этом государственному праву. Оно насчитывает уже несколько солидных исследований, принадлежащих русским и иностранным марксистам. Естественно, что проблема завоевания государственной власти, выдвинутая Октябрьской революцией, приковала внимание марксистов к разработке соответствующих теоретических областей. Но, с другой стороны, можно было ожидать, что марксизму с его экономическим стержнем столь же близки окажутся вопросы гражданского и вообще хозяйственного права, более

---

[1]) Автор с признательностью отмечает помощь, оказанную ему в настоящей работе книжными богатствами Института Маркса и Энгельса.

[2]) *И. П. Разумовский.* Понятие права у Маркса и Энгельса. «Под знаменем марксизма». 1923 г., №№ 2—3, стр. 93 и passim.

непосредственно связанные с производственными отношениями. Здесь, однако, сохранялась девственная целина, и лишь Гражданский Кодекс РСФСР 1922 г. впервые поднял ее. Законодательство опередило теорию, но зато оплодотворило ее живым и обильным материалом. Специальная печать откликнулась на Кодекс рядом статей, юридические издательства усердно занялись изготовлением комментариев к отдельным главам Кодекса. Остановка была за общим руководством, но и его появление не заставило себя долго ждать. Первый том труда *А. Г. Гойхбарга*, уже через неделю после своего выхода потребовавший нового издания, положил начало разработке советской системы гражданского права.

Книга *А. Г. Гойхбарга* имеет совершенно исключительный интерес. Мало того, что она написана настоящим ученым и мастером своего дела,—в ней дается теоретический отчет руководителя и деятельнейшего участника выработки нашего Гражданского Кодекса обо всем сделанном. Цивилисты, разумеется, используют полностью представленный в книге научный материал и дадут ему компетентную оценку. Моя задача значительно уже. Она сводится к изучению постановки лишь некоторых вопросов общей теории права, затрагиваемых *А. Г. Гойхбаргом* попутно с исследованием отдельных институтов и положений Гражданского Кодекса.

I. *Метод.* Автор спешит оговориться, что он не имеет в виду дать систему гражданского права. Более того: он выражает сожаление, что обстоятельства, вынудившие его писать урывками, сделали неизбежными весьма существенные «пробелы» и «промахи» в его работе. К числу таких пробелов следует отнести и отсутствие хотя бы краткого методологического введения, уже успевшее породить некоторые недоразумения. Для меня совершенно непонятно утверждение рецензента «Вестника Труда» *И. С. Войтинского*, что книга *А. Г. Гойхбарга* «добивает формально логический метод» и заменяет его методом марксистским [1]). Непонятно прежде всего противопоставление одного другому. Но сначала надо условиться, что̀ понимать под формально логическим методом. Если *И. С. Войтинский* осуждает так называемую Begriffsjurisprudenz, юриспруденцию понятий, искусно скрывающих под собою весьма реальные земные интересы, то он найдет немало соратников и в лагере буржуазных юристов. Но нельзя смешивать идеологию с методом. *Арт. Нуссбаум*, автор одной из новых работ по юридической методологии, указывает, что специфические формы мышления юриста—подведение, толкование и конструкция — являются важнейшим рычагом при изучении права [2]). Может ли юрист, будь он марксистом в кубе, обойтись без указанных приемов, доведенных в буржуазной юриспруденции до значительной степени технического совершенства? На этот вопрос дает совершенно правильный ответ *Д. А. Магеровский* в своем этюде, посвященном методам из-

[1]) *Вестник Труда*, ежемесячный орган ВЦСПС, 1923 г., кн. 8, стр. 208.
[2]) *Arth. Nussbaum.* Die Rechtstaatsachenforschung. Tübingen. 1914. S. 6

учения советского права. «Для юристов-марксистов,—пишет этот автор,—метод догматический является законным методом познания... При помощи этого метода устанавливается логическое содержание норм действующего права; он дает предварительный материал для теоретического изучения социальной природы права и т. д.»[1]). Текущая литература советского права не только подтверждает, но еще усиливает высказанный *Д. А. Магеровским* взгляд. Большинство советских юристов в своих писаниях пользуется по преимуществу догматическим методом. По этому пути их толкает, видимо, не столько личное расположение, сколько властные требования жизни и логика мышления, в которой точное установление объема и содержания понятия предшествует выяснению его генезиса. Характерно, что именно публицисты, наиболее, вообще говоря, склонные к социологическому методу, отдают видимое предпочтение догме. Единственной крупной работой в новейшей советской литературе, использовывающей социологический и историко-сравнительный метод, следует признать трактат *М. А. Рейснера* «Государство буржуазии и РСФСР» (ГИЗ 1923). Остальные исследователи, среди которых, кроме упомянутого уже *Д. А. Магеровского*, надлежит отметить *В. Н. Дурденевского* и *К. А. Архипова*, обогатили литературу советского конституционного права работами, главным образом, из области государственно-правовой догматики. *П. И. Стучка* пользуется по преимуществу политическим методом. Трудно предсказать линию развития советского уголовного права (пока что в нем живо чувствуется преобладание интересов правово-политических), но цивилисты и вообще представители хозяйственного права, очевидно, не уклоняются от крепких в их науке догматических традиций. Не составило исключения и трудовое право, как свидетельствует серия ценных статей в «Вопросах Труда» (*А. Ляха, М. Андреева* и др.), а также солидная работа *К. М. Варшавского* о трудовом договоре («Academia», 1923).

Обращаясь к книге *А. Г. Гойхбарга*, должно сказать, что это исследование догматическое par excellence. Не то, чтобы автор чурался социологического метода. Наоборот, во многих местах книги он охотно прибегает к его помощи, особенно же в тех случаях, когда нужно вскрыть классовую природу известных юридических норм (напр., прим. на стр. 69, стр. 178 и др.). Но его задача, как уже сказано выше,—построение системы Кодекса, а не анализ отразившихся в нашем гражданском праве влияний социальной среды или вскрытие и без того ясных классовых корней этого права. Задачей определяется метод конструкции и формально-логической интерпретации, в применении которого *А. Г. Гойхбарг* проявил большое искусство (достаточно указать на филигранно-тонкий анализ институтов залогового права). Он сосредоточил свое внимание на той стороне права, которую *Энгельс* называет его внутренней согласованностью [2]).

---

[1]) *А. Д. Магеровский.* Советское право и методы его изучения. «Советское Право», 1922 г., № 1, стр. 28.

[2]) Письмо к *К. Шмидту* от 27 октября 1890 г.

При этом не обошлось и без преувеличения роли идеологических моментов. Анализируя порядок наследования по буржуазным законодательствам XIX века, наш автор справедливо констатирует в нем ряд противоречий и уясняет, что ни стремление обеспечить близких, ни свобода распоряжения на случай смерти, как стимул для накопления, этого порядка не оправдывают. «Остается идея вечности права собственности, святости и нерушимости этого права вовеки веков». Такое объяснение, вполне законное и уместное во многих других случаях, как раз в данном случае возбуждает сомнение. Ибо наследование, как указывал еще *Шмоллер* в своем письме к *Трейчке* 1874—1875 г.г. и в других работах, есть один из важнейших способов распределения дохода в капиталистическом обществе [1]). *А Шэффле* считал даже, что вся система хозяйства и в первую очередь устойчивость производства теснейшим образом связана с порядком наследования. Здесь участвуют слишком мощные хозяйственные интересы для того, чтобы решающий голос принадлежал идеологии, хотя бы и весьма влиятельной. Объяснение нужно искать в исторической ситуации, породившей каждый отдельный закон. Идя по этому пути, мы узнаем, что обязательный раздел наследства на равные части между детьми по закону 7 марта 1793 г. во Франции был способом уничтожения могущества старых аристократических фамилий. Английский парламент в борьбе с папистами издал в 1703 г. закон, по которому в католическом дворянстве Ирландии наследства делились поровну, но если старший сын переходил в протестантство, то получал один все наследство [2]). При желании можно вскрыть интересы классов и групп, стоявшие за каждой новеллой из области наследственного права, но это, разумеется, не входит в задачи настоящей статьи.

Интерес к догматическому методу в нашей литературе не является, очевидно, чисто местной особенностью. Естественно предположить, что здесь мы имеем продолжение той линии, наиболее ярким представителем которой в западной юриспруденции по праву считается *Ганс Кельсен*. Венский ученый очень круто полемизирует с марксизмом, усматривая в нем чисто политическую доктрину. Пародируя средневековую поговорку, можно сказать, что для *Кельсена* Marxisten sind böse Juristen. Впрочем, крайний нормативист *Кельсен* не мирится даже с социологическим подходом к праву и государству. Он отрицает за этими обоими понятиями какое бы то ни было социологическое содержание и находит возможным мыслить их исключительно, как юридические конструкции. Такова точка зрения, высказывавшаяся *Кельсеном* в его прежних трудах «Hauptprobleme der Staatsrechtslehre, Das Problem der Souweranität und die Theorie des Völkerrechts» и заостренная в последней его книге «Der sociologische und der juristische Staatsbegriff» (Tübingen, 1920).

---

[1]) *G. Schmoller*. Ueber einige Grundlager der Socialpolitik und der Volkswirtschaftslehre, 2 Aufl., 1904, 55, 84, 239.

[2]) *A. Schäffle*. Das gesellschaftliche System der menschlichen Wirtschaft, 3 Aufl., 1873, SS. 346, 522.

Дело, однако, не в крайностях мысли *Кельсена*, а в выражаемой им реакции против излишеств юридического социологизма. Нельзя сводить юриспруденцию на изучение только тех правовых феноменов, которые теснейшим образом срослись с бытом, как это делал замечательный вообще писатель покойный *Евгений Эрлих* [1]), учредивший в Черновицах даже особый «Институт для изучения живого права». Поэтому марксистский ученый *Макс Адлер* поступает совершенно правильно, стремясь отделить у *Кельсена* плевелы от зерна. Он иронизирует, правда, над представлением о государстве, которое существует лишь в небесной сфере юридических понятий и настаивает на том, что все юридические понятия необходимо должны быть продуманы и поняты, как формы общественности (очень трудно передать на русском языке смысл термина Vergesellschaftung). Но suum cuique. И *Макс Адлер* отводит в науке некоторую жилую площадь и для чисто юридических понятий, в том числе для злополучной воли, которую он вместе с *Кельсеном* мыслит без малейшего психологического привкуса [2]).

Таким образом, избранный *А. Г. Гойхбаргом* путь должен быть признан со всех точек зрения правильным. Юристы Запада убедятся, кстати, что марксизм одинаково успешно владеет всеми видами научного оружия, в том числе и тем, который буржуазная юриспруденция привыкла считать своей монополией. Впрочем, *А. Г. Гойхбарга* менее всего можно упрекнуть в пренебрежении к противнику, его методам и накопленному им научному богатству. Слишком частые в марксистской литературе наезднические приемы расправы с авторами из буржуазного лагеря пора оставить. Маркс никогда не увлекался этим легким и веселым, но мало полезным занятием. Три тома «Капитала»—не что иное, как здание, построенное гениальным архитектором по социалистическим чертежам из кирпичей буржуазной науки. А в письме Маркса к Вейдемейеру от 5 марта 1852 г. можно найти совет, не утративший своего значения и для нашего времени: «Я указал бы господам демократам, что вообще им следовало бы познакомиться с буржуазной литературой, прежде чем нападать на противоположный лагерь».

II. *Разделение права*. Как уже указывалось, *А. Г. Гойхбарг* почти не касается методологических вопросов своей науки. В их числе проходит неразработанным и вопрос о разделении права на частное и публичное. Автор ограничивается брошенным вскользь замечанием, что деление это утратило смысл даже в странах буржуазных и совершенно немыслимо в Советских республиках. Он опирается на признаваемый рядом буржуазных юристов факт широкого внедрения публично-правовых элементов в частное право, и наоборот. Думается, однако, что вопрос

---

[1]) См. его превосходную, не переведенную, к сожалению, на русский язык «Grundlegung der Sociologie des Rechts», München und Lpz. 1913, в особенности capit. I, V, IX.

[2]) *Max Adler*. Die Staatsanffasung des Marxismus. Marxstudien, 4 B. 2 Hälfte, Wien, 1922, ss. 67—71.

этот, вызвавший контроверсы и в марксистском лагере [1]), заслуживает более близкого рассмотрения. В конце-концов, для истории права не новость—публично-правовая регламентация тех отношений, которые, как правило, признавались за частные в товарно-капиталистическом обществе. В Польше свобода выбора в браке долго считалась шляхетской привилегией, отнюдь не распространявшейся на все классы населения. Прескотт указывает, что в государстве инков достигнувшая половой зрелости молодежь ежегодно собиралась на площади, и представители власти подбирали пары, наиболее, по их мнению, подходящие [2]). Все время, покуда землевладение было связано с ратной службой, вытекавшие из него отношения регулировались государственной властью. Достаточно вспомнить своеобразную природу феодального договора, как он описывается старинными исследователями, обязательно включающими в его состав понятие взаимной fidelitas,—слово, перевод которого через «верность» лишь в слабой мере передаст присущий ему исторический аромат [3]). Вообще феодальный строй характеризовался смешением частного и публичного права; резкое их разграничение было одним из орудий развития производительных сил буржуазии, и, кажется, стоит подумать, прежде чем сдать его окончательно в архив истории, не попытавшись даже приспособить для нужд переходной эпохи от капитализма к социализму.

А. Г. Гойхбарг полагает, что в Германии с трудом можно найти юриста, который стоял бы за разделение частного и публичного прав. Он цитирует *Зинцгеймера* и *Гедемана* в доказательство устарелости этого принципа. Никто не станет спорить, что есть ряд отраслей права, которые нельзя отнести полностью ни к одной из сказанных частей. Но самый principium divisionis может и должен сохранить свою силу, пока существует автономия субъектов в гражданском обороте. Из германских юристов примыкает к этому взгляду *Густав Радбрух*, вообще не особо благосклонный к учениям классической цивилистики [4]). На той же точке зрения стоит и *Гарейс* в последнем переработанном им вместе с *Венгером* издании его известного учебника энциклопедии и методологии права [5]). Из русских ученых можно указать *Ф. В. Тарановского* и покойного *И. А. Покровского*—авторов, не лишенных социологического и отчасти даже марксистского уклона в обработке своих тем [6]). Как правильно замечает *И. А. Покровский*, вопрос размежевания публично-

---

[1]) *Я. Берман.* Марксизм и Гражданский Кодекс. «Советское Право». 1922 г., № 3.

[2]) *W. Prescott.* History of the Conquest of Peru, Lord. Routlege 1874, I, p. 107.

[3]) *Boehmer.* Principia juris feudalis praesertim Longobardici, Goettingae apud Vandenhoeck, 1789 § 3: Contractus feudalis est, quo dominium utile certae rei, retento dominio directo, alteri conceditur *Sub nexu mutuae fidelitatis.*

[4]) *Г. Радбрух.* Введение в науку права. Изд. Труд. М. 1915, стр. 36.

[5]) *Gareis & Wenger.* Rechtsenzyclopädie und Methodologie, Verl. Roth, Giessen. 1920, s. 69.

[6]) *Ф. В. Тарановский.* Учебник энциклопедии права. Юрьев. 1917, стр. 236; *И. А. Покровский.* Основные проблемы гражданского права. П. Г. 1917, стр. 10.

и частно-правовой областей есть в сущности вопрос о наилучшем порядке регулирования тех или иных социально-хозяйственных процессов: в одних случаях предпочтителен порядок централизации, в других—децентрализации. Поэтому разработка гражданского права под частно-правовым углом зрения в наших условиях вовсе не означает возврата к манчестерству и либерализму. Вопрос может стоять о поощрении не только частной, в собственном смысле слова, инициативы, но инициативы государственных предприятий, выступающих в обороте, «как самостоятельные и не связанные с казной юридические лица» (Гражд. Код., ст. 19). Иными словами, частно-правовая точка зрения может быть законной и плодотворной в пределах, отведенных государственным планированием для свободного оборота. Эти пределы могут сжиматься и расширяться, подчиняясь интересам основной преследуемой нашим гражданским правом социальной хозяйственной цели—развитию производительных сил. Надо полагать, что особенности нашего государственного строя с его широко очерченными федеральными началами на-ряду с национальной и хозяйственной пестротой областей союза в не столь уже далеком будущем создадут арену для развития промышленности и торговли через взаимодействие массы независимых друг от друга государственных и кооперативных организаций с некоторой примесью частных контрагентов. И вряд ли юрист при регулировании возникающих отсюда отношений сможет обойтись без тех конструкций автономии и децентрализации, которые выросли на пажитях ·тно-правовых дисциплин.

III. *Принцип социально-хозяйственного назначения.* Ст. 1 Гражданского Кодекса гласит: «Гражданские права охраняются законом за исключением тех случаев, когда они осуществляются в противоречии с их социально-хозяйственным назначением». Ст. 4 усиливает эту мысль и наполняет ее конкретным содержанием: «*В целях развития производительных сил страны*, РСФСР предоставляет гражданскую правоспособность всем гражданам, неограниченным по суду в правах».—Капитальная важность положенного в основу Гражданского Кодекса принципа подтверждается Союзной Конституцией 6 июля 1923 г. Декларация (абзац 6) мотивирует учреждение Союза прежде всего тем, что восстановление народного хозяйства оказалось невозможным при раздельном существовании республик. Тем самым смысл ст. 1 Гражд. Код. утрачивает специфическую гражданско-правовую окраску и получает определяющее значение для всего Советского права. Der Zweck ist der Schopfer des ganzen Rechts. Наше право проникнуто началом целесообразности сверху и донизу. Но именно потому оно утрачивает претензии на абсолютную ценность и верховенство, отличающие буржуазную философию права. Будучи *подчинено* стоящему над ним хозяйственно-политическому моменту, право превращается в орудие для достижения социально-хозяйственных целей, как всякое орудие, подчиненное воле деятеля, в данном случае организованных в советское государство рабоче-крестьянских масс. Ничто поэтому так не чуждо духу советской юриспруденции, как учение голландского юриста *Краббе* о суверени-

тете права. Лет 60 тому назад забытый ныне немецкий ученый *Кунце* упрекал *Данкварта*, что тот счел возможным «право с высоты религии и жизни духа низвести до низости естественно-необходимых процессов» [1]). С тех пор много воды утекло, но мыслители типа *Кунце* не перевелись. К сожалению, культурный прогресс человечества мало отразился на удобопонятности их писаний. Перечитывая последнюю книгу *Рудольфа Штаммлера*, можно еще понять его утверждение, что «понятие права есть не что иное, как упорядочивающая деятельность». Но когда ниже то же понятие мыслится как «формальный род нерушимо и самопроизвольно связавшей себя воли» (formale Art unverletzbar selbstherrlich verbundenen Wollens) [2]), остается недоумевать, для чего нужно было юристам от времен Юстиниана и до наших дней затрачивать так много усилий для достижения ясности и изящества языка. Идеологиям, впрочем, неизбежно присущ, как это подчеркивается их неутомимым исследователем, колдовской, заумный язык [3]). Прямодушие и определенность норм нашего Кодекса представляют в этом смысле значительный шаг вперед.

Мыслители, подобные *Штаммлеру*, витают, впрочем, больше в туманных небесах разных неокантианских школ, нежели в низинах подлинного живого права. Там давно уже осознана справедливость слов *Маркса*, что «развитие производительных сил общественного труда — это историческая задача, оправдание капитала» [4]). Те мысли, которые с такой ясностью и последовательностью проведены через систему нашего гражданского Кодекса, и труд *А. Г. Гойхбарга* в менее оформленном виде стали, однако, уже достоянием европейской школьной науки.

Французская цивилистика, наиболее, быть-может, консервативная, не отстает в этом случае от других. О публицистах, как *Дюги* и родственные ему административисты, говорить не приходится. Их идеи приобрели в нашей литературе достаточно широкую популярность; редкая статья по относящимся к настоящему предмету вопросам обходится без ссылок на *Дюги*. Но вот *Планиоль*, автор весьма распространенного на юридических факультетах Франции курса, считающийся носителем добрых традиций Code Napoleon. В его трактовке даже один из главных китов буржуазно-правовой доктрины—институт собственности—утрачивает свою величественную неподвижность. «Фактически, — констатирует этот автор,—только современные нравы и политические традиции защищают собственность против покушений со стороны власти, в юридическом смысле она почти беззащитна». Нравы и традиции—это, конечно, много. Но ведь и те и другие бывают разных направлений. Нет такого социально-политического течения, которое не опиралось бы на какие нибудь «исторические права» или «славные заветы прошлого». Существуют

---

[1]) *Данкварт.* Гражданское право и общественная экономия. СПБ. 1886, стр. 24.
[2]) *R. Stammler.* Lehrbuch der Rechtsphilosophie. 1922. SS. 52—53, 94.
[3]) *М. А. Рейснер.* Государство буржуазии и РСФСР. 1923, стр. 44.
[4]) Капитал, т. III, ч. I (1907), стр. 235.

даже, как ни странно это звучит, революционные традиции. Если перевес приобретут воодушевляемые ими течения, собственность окажется выбитой из последнего своего убежища. Планиоля, видимо, это мало тревожит, потому что он открывает широкий доступ новым общественным силам и влияниям своей доктриной о применении закона. Судебное толкование,—учит французский цивилист,—по природе свободно. Суд не связан ни своими прежними решениями по аналогичным случаям, ни даже решениями высшего суда. Он должен вынести то решение, какое сам находит наиправильнейшим и наилучшим. Такой рецепт, бесспорно, подрывает единство судебной практики и вместе с ним пресловутую устойчивость права. Но Планиоль идет еще дальше. Он рекомендует заботиться, чтобы истолкованный механически закон не обращался против собственной цели, каковой надлежит считать социальное благо [1]). Из немецких авторов стоит отметить административиста *Рихарда Шмидта*, который, не будучи свободен от некоторых индивидуалистических конструкций, резко критикует Штаммлерово учение о правильном праве. Для *Шмидта* право не является и не может быть воплощением абсолютной справедливости. Оно содержит лишь относительную справедливость или, вернее, соразмерность. Этот последний термин обещает быть удачным, но требует расшифровки, которая дается *Шмидтом* в следующей формуле: «Каждый закон должен соответствовать своей сущности или отвечать той функции, которая вытекает из его назначения» [2]). Таким образом, в царство юридической алгебры, созидаемой *Кельсеном* на облаках бесплотной нормативности, врывается шумный и пестрый поток жизни, претендующей на то, чтобы право служило ей и только ей.

Философия права совершает обратный путь. Теперь нельзя уже без оговорок сказать, что «место действительной связи явлений, обнаруживаемой самими явлениями, в ней занимает связь, измышленная философами» [3]). Наоборот, мы приближаемся к тому пункту, когда не только положительное гражданское право, но и его теория будут представлять «выражение известного развития собственности, т.-е. производства» [4]). Учения школы свободного права, излагаемые *А. Г. Гойхбаргом*, отражают, собственно говоря, быстрое развитие производственных отношений, за которым не угнаться консерватизму прежней юриспруденции с ее твердыми, незыблемыми нормами. Но еще более ярким выражением того же факта являются новейшие учения о праве суда изменять содержание договора. Здесь революция гражданского оборота врывается в самую твердыню индивидуализма, в его учение об автономии частноправовой воли.

---

[1]) *Planiol*, Traité élémentaire de droit civil. 3-me Ed. I, 1904, §§ 2333, 204, 224.

[2]) *Rich. Schmidt*. Einführung in die Rechtswissenschaft. 1921, S. 24.

[3]) *Энгельс*. Людвиг Фейербах. Пер. с прим. *Г. В. Плеханова*. *М.* 1918, стр. 61.

[4]) *Маркс*. Нищета философии. Пер. под ред. *Г. В. Плеханова*. СПБ. 1906, стр. 12.

Pacta sunt servanda, учили римские юристы. В основе договора или соглашения лежит обоюдное волеизъявление, твердость которого обеспечивается принудительным выполнением его силою закона. Uti lingua nuncupassit, ita jus esto, говорили древние. Классики утончили это учение. По словам Педия, nullum esse contractum, nullam obligationet, quae non habet in se conventionem sive re, sive verbis fiat, nam et stipulatio, quae verbis fit, nisi habeat consensum, nulla est [1]). Наш Гражданский Кодекс отбросил идею неприкосновенности consensus'a. Ст. 33 дает право суду, в случае кабального характера сделки, признать ее недействительной либо прекратить ее действие на будущее время. Ст. 142 дает суду еще более ценное право изменить содержание договора, правда, только в одном частном случае, а именно, если назначенная по договору неустойка чрезмерно велика по сравнению с действительными убытками кредитора (заимствовано из BGB). Этим и ограничился законодатель, непосредственно определяя границу вмешательства суда в договорные отношения. Западная доктрина и судебная практика пошли значительно дальше в расширении прав суда. Упомянутая выше чрезвычайная быстрота в развитии производственных отношений, изменчивость, текучесть того общего народно-хозяйственного фона, на котором совершаются отдельные сделки, навели юристов на мысль об использовании одного из замечательнейших приемов международно-правовой догматики, так называемой clausula rebus sic stantibus.

21 сентября 1920 г. Германский Кассационный суд по одному делу о найме помещения вынес следующее решение.—Суд, исходя из подразумеваемой оговорки rebus sic stantibus, может отступить от точного смысла договора и видоизменить отношения сторон, при чем, однако, надлежит соблюдать следующие пределы: 1) продление действия такого измененного договора зависит от согласия обеих сторон; 2) требуется действительно радикальное изменение общих условий оборота, притом не зависящее от воли сторон; 3) суд при решении должен принять меры к возможному уравновешению обоюдных интересов. Это определение кассационного суда вызвало горячие споры среди цивилистов. Наиболее ревностно приветствовал его, как кажется, *Генрих Леман*, усмотревший в решении Reichsgericht'a час рождения современной претуры. Остальные посмотрели на дело иначе, и направили главные усилия к согласованию нового воззрения со старыми учениями об основании сделки. *Ортман* нашел выход в расширении этого основания. Для него сделка базируется на том представлении, которое ее участники имеют о бытии или наступлении определенных обстоятельств, связанных с заключением сделки [2]). С этой точки зрения недействителен договор об определенных переделках в портовых сооружениях Иокагамы, поскольку случившееся после его заключения землетрясение изменило общую конфигура-

[1]) 3, 1, Dig. de pactis, 2, 14.

[2]) См. *Locher*. Geschäftsgrundlage und Geschäftszweck. Arch. f. die Zivilistische. Praxis. 1923, 1 B. 1 Heft. S. 3.

цию гавани, профиль морского дна и т. д., сделав тем самым целесообразными уже не прежде проектированные, а совершенно другие переделки. *Титце* согласен допустить, что восполняющие постановление закона при обсуждении сделки могут приниматься во внимание наравне с единодушными волеизъявлениями сторон. Но он категорически настаивает на ограничительном толковании прав суда вносить изменения в договор. Деятельность суда в этой области, по мнению *Титце*, не имеет конститутивного, правотворческого характера, а лишь восполнительный и регулятивный. Если стороны сами предусмотрели изменение обстоятельств и установили, например, растущую скалу цен, вмешательство суда делается излишним. Вообще, оно недопустимо, за исключением случаев, положительно предусмотренных законом [1]).

Как же должен быть решен вопрос о пределах вмешательства суда в договорные отношения по советскому праву? Частично он разрешается приведенными выше статьями Гражданского Кодекса, но остаются в силе два специальных вопроса: 1) Может ли советский суд не только признать обязательство недействительным, но при нужде и изменить его содержание? 2) Какую роль в решениях суда может играть оговорка rebus sic stantibus?—По первому из этих вопросов надлежит, как кажется, дать отрицательный ответ, ибо распространительное толкование постановления, содержащегося в ст. 142, расходилось бы с отрицательным отношением законодателя к этому виду толкования [2]), во-первых, и со всем строем нашей хозяйственной жизни—во-вторых. Дело в том, что если буржуазный суд, внося изменения в договор, руководствуется исключительно заботой о равновесии между интересами контрагентов, как они были установлены первоначальной сделкой, советский судья обязан учесть и результаты, которые вносимые им изменения повлекут за собой для экономики страны в широком смысле слова. А в этом отношении осведомленность суда вряд ли будет отвечать серьезности задачи: нужно принять во внимание огромное количество сделок между государственными и кооперативными учреждениями, смешанными обществами, иностранными концессионерами и т. д. Притом же цитированное выше решение Германского Reichsgericht'а по существу мало чем отличается от нашего Кодекса: если одна из сторон недовольна внесенными судом изменениями, сделка признается недействительной. У нас то же, только в обратном порядке: сделка объявлена недействительной, но никто не препятствует сторонам заключить, если они пожелают, новую, в соответствии с изменившимися обстоятельствами. Что касается оговорки rebus sic stantibus, то вряд ли можно отрицать, что признание ее значения вполне отвечает общему смыслу нашего законодательства. Особо стоит вопрос о подыскании для суда доказательств тому в положительном праве. В известном смысле, не оправдавшийся расчет контрагента на сохранение устойчивого status quo, напр., возможность свободного тран-

[1]) *H. Titze.* Richtermacht und Vertragsinhalt. Tübing. Mohr. 1921. Ss. 6, 29, 35.
[2]) Закон о введении Гражд. Код. в действие, ст. 5.

зита товаров через соседнюю державу, можно подвести под понятие существенного заблуждения. Но такого рода детали выходят за пределы поставленных настоящей статьей заданий и подлежат, в сущности, ведению специалистов. Им же принадлежит решающее слово по вопросу о порядке защиты неимущественных интересов. *А. Г. Гойхбарг* вполне последовательно подчеркивает *имущественный* характер защищенных Гражданским Кодексом прав. Но это еще не исключает, вопреки его мнению, допустимости неимущественных обязательств (съемщик квартиры обязуется вести трезвый образ жизни и т. п.), прямо вытекающий из смысла ст. 107: кредитор имеет право требовать от должника определенного действия, *в частности* передачи вещей или уплаты денег, либо воздержания от действия. Сфера нематериальных интересов очень широка в авторском праве, не охваченном нашим Гражданским Кодексом; вряд ли *А. Г. Гойхбарг* при обсуждении соответствующих законопроектов найдет возможным сохранить свою резко исключительную точку зрения, как она выражена в «Хозяйственном Праве». С принципиальной точки зрения трудно найти основания к отказу от защиты неимущественных обязательств, количество которых, бесспорно, будет возрастать параллельно с общим ростом культурности и благосостояния страны, и в первую очередь с развитием новой общественности — профессионально-культурных организаций и лиг (*Лига «Время»*).

IV) *Юридические лица.* Воззрения *А. Г. Гойхбарга* на статус, занимаемый у нас общественными организациями, отразились и в его учении о юридических лицах. Автор исходит из представления абсолютно-централизованного правопорядка, при котором права не только юридических, но и физических лиц устанавливаются путем «октроирования». В переводе на язык традиционных учений юриспруденции это скорее всего означает приближение к теории фикции, в своих разных вариациях находящей не мало сторонников в науке. Достаточно указать цитированного уже мною *Планиоля*, который самый термин «юридическое лицо» предлагает заменить другим—«фиктивное лицо» [1]). *А. Г. Гойхбарг* мало интересуется идущими в литературе спорами о природе юридических лиц. В настоящей статье тем более трудно уделить достаточное внимание этому весьма сложному и трудному вопросу. Но кое-что заслуживает быть отмеченным, ибо показывает, какие реальные силы и интересы стоят за кружевными тонкостями отвлеченных юридических конструкций. В одном из сравнительно новых французских курсов гражданского права, авторы которого весьма близки к точке зрения *А. Г. Гойхбарга*, сообщается следующий факт. Сторонники теории коллективного имущества пытались доказать, что рабочие синдикаты-профсоюзы имеют право защищать лишь свое имущество, но не интересы своих членов. На этой почве завязались жестокие споры, длившиеся несколько лет, пока обстоятельным решением Кассационной палаты от 5 апреля 1913 года за синдикатами не было признано единственно оправдывающее их суще-

[1]) *Planiol.* Op. cit, I, § 3007.

ствование право защиты интересов своих членов [1]). В советской доктрине не приходится искать отражения иных интересов, кроме интересов трудящихся. Но различные оттенки общих социально-политических воззрений революционного марксизма известным образом преломляются и в чисто юридических теориях. Сюда следует отнести и обрисованное выше строго централизаторское учение *А. Г. Гойхбарга* о правопорядке, вполне согласованное с его тезисами о соотношении публичного и частичного права. На этой базе вырастает защищаемая нашим автором теория специальной, ограниченной достижением цели, правоспособности юридических лиц.

Мне кажется, эта теория не отвечает нашей правовой действительности, которая в своих наиболее замечательных проявлениях как раз чуждается последовательно выдержанной специализации. Достаточно указать на деятельность профсоюзов, совмещающих все виды помощи своим членам, с участием (в той или иной форме) в регулировании производства и даже в строительстве вооруженных сил страны (мобилизация членов на Польский, Врангелевский и другие фронта). Тем более придется сказать это о правящей политической партии, которая, мало того, что теснейшим образом срослась с государственным аппаратом, охватывает своей деятельностью *все хозяйство и всю культуру* Республики. Черты строгой иерархии и абсолютной централизации, сохранившиеся как переживания эпохи военного коммунизма и в известных пределах весьма нужные и полезные, не могут определять собою всю структуру нашего правопорядка. Здесь уместно будет и несомненно проявится широкое развитие общинного (пользуясь терминологией *Гирке*) и конвенционного права на-ряду с различными формами автономного правотворчества [2]), вне которых трудно мыслить органический рост производительных сил [3]). Я думаю, в учете этого момента лежит здоровое зерно, вялого и неяркого в других отношениях, гильдейского социализма [4]).

Настоящая статья не претендует исчерпать богатое содержание I тома исследования *А. Г. Гойхбарга*. Мне хотелось коснуться поближе некоторых общих проблем права, затронутых его книгой в большинстве случаев лишь вскользь и мимоходом. Об этом нельзя не пожалеть вместе с автором, который относит многие пробелы своего труда на счет обстоятельств, заставивших писать его урывками. Хотелось бы надеяться, что автор найдет досуг и возможность глубже и шире разработать в последующих изданиях и продолжении своего труда те проблемы, которые беглыми штрихами наметила настоящая статья.

---

[1]) *Colin et Capitant*. Cours élémentaire de droit civil français. Dalloz. 1914, I, pp. 652—653.

[2]) См. интересную статью Л. С. Таля в «Юридическом Вестнике», 1916 г., № 16/4, а также книгу *А. Г. Гойхбарга* «Источники договорного страхового права» (1914).

[3]) Ср. учение испанского юриста *Маэцту* о значении вещи в человеческих ассоциациях. *R. de Maeztu*. Authority, Liberty and Function. Lnd. 1916, p. 250.

[4]) См. хотя бы известную книжку *Стирлинга Тэйлора* в переводе *Экциуса*. *S. Taylor*. Der Gildenstaat. 1921. S. 54.

ОБОЗРЕНИЕ ИСКУССТВ И ЛИТЕРАТУРЫ.

I. «ОКТЯБРЬ» И «РАБОЧИЙ ЖУРНАЛ». — А. Лежнев. II. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ МОСКВЫ. — Федоров-Давыдов. III. МОСКОВСКАЯ ТЕАТРАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ в 1923—1924 году. — П. Марков. IV. ИЗ МУЗЫКАЛЬНОЙ ЖИЗНИ ЗАПАДА. — Евг. Браудо. V. СОВРЕМЕННАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ ПОЭЗИЯ. — М. Эйхенгольц.

I. «ОКТЯБРЬ» И «РАБОЧИЙ ЖУРНАЛ».

А. Лежнев.

I.

Сам по себе факт выхода двух журналов, издаваемых объединениями пролетарских писателей, говорит об усилении пролетлитературы, о том, что она начинает играть все более заметную роль, выступать как самостоятельная сила. Но то, что эти журналы являются органами не двух параллельных и дружественных, а враждебных организаций, то, что на их страницах ведется взаимная борьба, малая бумажная война, где, в отличие от реальной малой войны, не одна, а обе стороны находятся на положении партизан, избегающих решительного боя и тревожащих противника постоянными мелкими стычками и неожиданными нападениями,—все это доказывает, что на ряду с процессами роста в пролетарской литературе происходят и обратные процессы: распадения, диссоциации, что наметившаяся здесь в прошлом году трещина расширилась и углубилась, что перед нами форменный раскол. Каковы же разногласия, вызвавшие и поддерживающие этот раскол? Действительно ли они так велики и непримиримы? Дает ли действительно «теория» и «практика» обеих групп пролетарской литературы достаточно оснований для раскола? Вот ряд вопросов, которые естественно встают перед каждым, кто интересуется судьбами и развитием пролетарского искусства, и на которые мы постараемся найти ответ, пользуясь преимущественно тем материалом, что нам дают первые номера «Октября» и «Рабочего Журнала». Мы при этом несколько отклонимся от обычного порядка рассмотрения и, минуя программные заявления, начнем прямо с «практики». В конце-концов, решающую роль в искусстве играет не теория,—нетрудно сочинить десяток-другой превосходных платформ,—а практика. «Дать вместо 20 платформ, как бы хорошо они ни звучали, какими бы ортодоксальными они ни были, одно хорошее литературное произведение,—вот в чем заключается все дело» (Бухарин). И не только это: ведь если существуют действительные разногласия в вопросах теории искусства, в понимании его задач, в выборе направления и т. д., то они прежде всего скажутся и в практике. Так что практика служит и здесь лучшей проверкой теории.

Перед нами два номера «Рабочего Журнала» и один «Октября». Первый является органом «Кузницы»—старейшего объединения пролетписателей. Второй—МАПП'а, Московской ассоциации пролетарских поэтов, — организации, включающей в себя группы: «Октябрь», «Молодая Гвардия» и некот. другие.

Начнем с «Октября». Самой крупной вещью журнала, занимающей почти половину всего номера—90 страниц из 200,—является повесть Тарасова-Родионова «Линев». В том же «Октябре» т. Лелевич рекомендует ее, как «широкое полотно»[1]). Так как широких полотен,—если понимать это выражение не только в количественном, пространственном смысле,—в современной литературе не слишком много,—особенно широких полотен, посвященных изображению революции, то такая рекомендация заставляет нас отнестись к новому произведению Тарасова-Родионова с сугубым вниманием. Перед нами довольно занимательно написанная повесть из эпохи гражданской войны в Сибири. В ткань своего произведения (сюжет его основан на анекдоте: героя, Липева, принимают по созвучью фамилий за Ленина) автор вплел элементы приключенского романа, для чего обстановка, время и место действия представляют богатые возможности. Впрочем, возможности эти использованы им далеко не в полной мере и порядком-таки топорно. К чести Тарасова-Родионова надо сказать, что он сумел в «Линеве» освободиться от некоторых из своих недостатков, особенно ярко и досадно обнаружившихся в «Шоколаде», как, например, от назойливого и монотонного дактилического ритма, делавшего его прозу невыносимо однообразной, манерной и слащаво-торжественной, придававшего ей одновременно нечто от ладана и кондитерских специй, от псалтиря и Вертинского. Но большую часть своих недостатков он благополучно перенес и в свою новую вещь. Как и прежде, он необыкновенно резв, развязен и то и дело подмигивает читателю. Надо, например, изобразить некую дамочку и ее двух спутников. Как бы это сделать пооригинальнее? И вот пускается в ход необыкновенно тонкий прием:

«Из товарной теплушки выскочил изящный молодой человек. Мягкая пушистая шляпа. Просторное модное пальто. Пуговицы как пятаки. Прижимая одной рукой клетчатый плед, любовно помог спуститься задорной дамочке: голубые глазки, белокурые мелкие кудри, драповое манто-клеш, зеленый шелковый вязаный капор. Изящный молодой человек приятно улыбался. И глазки дамочки ответно млели и щурились от его улыбок. Понимали друг друга без слов. Ясное дело — муж.

Другую руку дамочки сердито поддерживал, стоя в вагоне, низенький, гладко выбритый кавалер. И черный, и потертый, и в каракулевой шапке. Определенный ухажер, неудачник. Даже—в калошах! Но вот ухажер решает вдруг напомнить о себе. Соскакивает следом за дамочкой и неожиданно протягивает мужу дорожный чемоданчик.

— Так смотрите же, непременно заезжайте!..

И попридержал дамочку бесцеремонно за локоть. И глазки у дамочки дрогнули. Глазки дамочки нахохлились (?) досадой».

Нечего, конечно, добавлять, что здесь своего рода qui pro quo, что «ясное дело—муж» оказывается в действительности «ухажером», а «ухажер»—мужем. Но какая проницательность! Какая тонкость психологии! А стиль-то, стиль! О, блаженной памяти одесские комми-вояжеры!

Людей Тарасов-Родионов рисует, по большей части, двумя красками: черной и... красной. Большевик Линев добродетелен до того, что превращен в абстракцию. Для того, чтобы показать, что он по духу и привычкам—старый революционер-подпольщик, автор заставляет его даже комнату на даче снять с решетками, «как в тюрьме».

— «Знаешь, Варя, я буду здесь заниматься! Так хорошо, знаешь ли, напоминает... родное...»

А для того, чтобы продемонстрировать идеологическую выдержанность (то самое, на чем Тарасов-Родионов сорвался в «Шоколаде»), произносит целые газетные статьи, целые страницы книжных рассуждений.

Так же, как надуманно, книжно хороши Линевы, так же надуманно, книж-

[1]) «Широкие полотна Либединского («Неделя» и «Завтра»), Безыменского («Комсомолия» и «Городок»), Тарасова-Родионова («Линев») и много др. достаточно говорят за себя» (Лелевич. «Пути пролетарской литературы»).

но дурны те, кто им противостоят,—классовые враги пролетариата. Французский агент, Морис Жульен, весь фальшь, весь книжен, начиная от своей фамилии и кончая евангельем от Бастиа и объяснением с американкой Лиззи. Не то, конечно, фальшиво, что он—мещанин, беспринципен и занят исключительно мыслью о наживе, о деньгах, о богатстве. Вряд ли и мог быть иным мелкий наемный агент капитализма, шпион. Фальшива та форма, которую автор придал мещанству и принципиальной беспринципности Жульена. Весь ассортимент пошлостей, которые когда-либо были сказаны о французах, весь неистребимый запас штампованных общих мест собран Тарасовым-Родионовым и преподнесен читателю в концентрированном виде. Французы галантны—и мы уже выше видели, как галантереен в обращении с «дамочками» «изящный молодой человек в просторном модном пальто» и как в голосе автора начинают звучать комми-вояжерские нотки. Французы, как известно, изящны, игривы и слегка чувствительны—и вот уже стиль Тарасова-Родионова завивается мелкими кудряшками: «Глупая, глупая Сюзетта! Она уронила груду тарелок. И плакала» и т. д. и т. д. Французы питают слабость к красному и острому словцу,—следовательно: «Все это было, Морис! Но жизнь вечна! Поэтому кушай пулярдку в пять франков, пей бокал и слушай!»

Весь Жульен составлен по отвлеченно-головному, книжному рецепту. Он—мещанин. Но Тарасов-Родионов читал, что и Бастиа был представителем мещанства в науке,—представителем вульгарной политической экономии. Следовательно, надо их связать, надо сделать так, чтобы Бастиа оказался учителем Жульена, его житейским компасом. Но это насквозь фальшиво. Мелким мещанам, в роде Жульена, вовсе не нужно теоретического оправдания своего мещанства. Такие теоретические обоснования, как бы слабы они ни были сами по себе, нужны людям значительно более крупного калибра. Жульены—мещане в силу инстинкта: если они и дорабатываются, в конце-концов, до так называемой житейской философии, то это является не результатом изучения науки—хотя бы и в кавычках, а того опыта, про который сказано, что он «ум глупцов», да еще чтения газетной и бульварной литературы, обычной умственной пищи европейского обывателя. Но еслиб Жульен и искал теоретического оправдания своему мещанству, еслиб он и искал «учителя», то нашел бы кого-нибудь, стоящего гораздо ближе к современности, чем старый, забытый экономист, писавший лет 80 назад. Тарасов-Родионов не просто обрисовал французского шпиона, поскольку это нужно было по ходу действия, но задался целью сделать портрет французского мещанина во весь рост, проследив корни его мещанства и его развитие чуть не с колыбели. Но для этого нужно знать Францию и французов, а Тарасов-Родионов их не знает. В результате получилось нечто аналогичное «казачку» и «развесистой клюкве». Да, Бастиа-евангелие, и галантерейность, и кудреватое изящество, и пулярдки в пять франков, и бедные Сюзетты,—все это «казачки» и «развесистые клюквы», все это либо неверно, либо пошло, избито, трафаретно.

В той части повести, где рассказывается не о французах, а о русской деревне, автор развесистых клюкв не насажал. Но зато и не вышел из круга того, что писали до него о русском крестьянстве в революцию другие современные писатели. Ни одного оригинального или просто значительного в художественном отношении типа, ни одной новой, хотя бы и мелкой, черты, которая бы что-нибудь прибавила к тому, что мы знаем о деревне в последние революционные годы. Ни одного широкого обобщения.

Назвать «Линева» широким полотном можно лишь тогда, когда «широту» полотна оцениваешь чисто арифметически, количеством исписанных страниц. В повести нет того, что единственно дает право на это название: широты захвата жизни, крупных художественных обобщений. Этих обобщений или нет вовсе, или они фальшивы, взяты из третьих рук, банальны. Для тех целей, которые мы себе поставили (сравнение художественной работы «Кузницы» и МАПП'а) достаточно будет запомнить две особен-

ности повести: 1) это—вещь мелкого захвата, 2) чисто реалистическая.

В реалистических тонах выдержаны и два других прозаических произведения, помещенные в журнале: «У станков» А. Филиппова и «Креп» М. Колосова. Первое представляет собой ряд картинок из жизни завода. Написаны они далеко не рукой мастера, хотя в авторе и чувствуется талант. Диалог живой, хорошо переданы ритмы и шумы машин, но при всем внешнем движении мало движения внутреннего; контуры очерков порой неясны. Вредит им их растянутость. «Креп» Колосова — довольно незначительный рассказ, центр тяжести которого в воспроизведении своеобразного комсомольски-флотского языка.

Второй крупной вещью журнала является стихотворный «Пролог» А. Безыменского, которым открывается первый номер. Он представляет собой как бы декларацию группы и в то же время попытку широкой литературной сатиры. Основная мысль «Пролога»: пролетпоэтам пора перейти от отвлеченной лирики к живому эпосу, развернуть

Рабочим нужное давно
Эпическое полотно.

Их путь—«к живому человеку». Задача поэта—

Вот эту жизнь хватать глазами,
Которую мы строим сами.

Это совершенно правильная мысль,— и та начальная «общая» часть пролога, которая посвящена ее развитию, представляет известный интерес и некоторую художественную ценность. Но этого отнюдь нельзя сказать про чисто-сатирические строфы. Безыменский—талантливый лирический поэт. Быть-может, когда-нибудь он напишет и широкое, эпическое полотно. Но дарование сатирика у него отсутствует в полной мере. Остроумие его вымучено, претенциозно и лишено ударности. Безыменский, как известно, находится под сильным влиянием футуристов, но когда он пишет

И если этот Лир икал,
Все говорили: «Лирика»,—

то здесь чувствуется уже не Третьяков, а Тредьяковский. Увы! Эта причудливая смесь Пушкина с Тредьяковским и «лефом», эти псевдо-онегинские строфы, написанные дурным языком [1]), эти стихи с плохими рифмами [2]) и плохими остротами,—если для кого и убийственны, то только для автора.

Сатирик обыкновенно выбирает одну какую-нибудь цель, мишень, и по ней бьет безостановочно. Безыменский не может остановиться на одной мишени; он кроет беспорядочным, беглым огнем все, что не «Октябрь», все, что случайно попадает в его поле зрения: и Львова-Рогачевского, и Маяковского, и Брика, и Якубовского, и Правдухина, и Воронского, и «Круг», и «пильнячков», «ах-х-матовок», и «Серапионов», и всё с одинаковым неуспехом. Больше всего, однако, попадает «Кузнице». Грехи ее неисчислимы:

Ох, судят критики нелепо!
И ведь не спьяну, а всерьез
Принял Филипченку за эпос
Наш Якубовский, крит-обоз.

Ах, вот оно что! Действительно, тяжелый грех! Но к лицу ли Безыменскому негодовать, когда в том же «Октябре» принимают за эпос нечто еще гораздо менее на него похожее, в роде «Линева»? И не характерно ли, что «Октябрь», этот, на словах, «орган не одной какой-либо группы или даже союза групп пролетарских писателей», начинает свою работу с обстрела «Кузницы», одного из объединений *пролетарской* литературы, т.-е. фактически ведет себя именно как орган группы?

Помимо «Пролога», этого стихотворного комментария к статьям «На посту», в журнале имеется целый ряд других стихов. Из них выделяется прекрасное стихотворение М. Светлова «Под вечер» и «О самоедах» А. Жарова. Взятый в целом, этот отдел дает нам и «индиви-

---

[1]) Например: «но если спросят про него (Пушкина), то вспомнишь эпос как-то разом (вместо сразу), а лирику его—потом». «Недавно я читал такого критического Хлестакова: «Правдухин» псевдоним *у них»* (?) «Пусть критики бегут в аптеку, к Воронскому, к *кому-нибудь»* (кому угодно?).

[2]) Их—них, рассказать—показать и т. д..

дуальную», «чистую» лирику (Светлов), и заводскую, полу-бытовую (Шведов, Владимирский, Пасынок), и стихи, посвященные непосредственно революции (Жаров, И. Катаев). Форма, по большей части, обнаруживает сравнительно слабое влияние футуризма, ясна, «реалистична». Дает себя чувствовать техническое несовершенство («Больная» Владимирского, «Заводское» Шведова).

II.

Перейдем теперь к «Рабочему Журналу». В первом номере крупных вещей нет. Во втором—большая повесть П. Низового «Митякино». Низовой—реалист старой, короленковско-знаньевской школы. Его талант развивается медленно, с трудом, но в последнее время он шагнул значительно вперед и переходит к широким социальным обобщениям, к «широким полотнам». Он является далеко не первоклассным стилистом и не слишком хорошим конструктором, но эти недостатки в значительной мере покрываются одним его чрезвычайно ценным свойством: уменьем улавливать и передавать динамику общественной жизни, социальные процессы и сдвиги в момент их становления, еще тогда, когда они не закончены. Это свойство отчасти проявилось уже в его романе «Черноземье», но в «Митякино» оно выступает отчетливее и ярче. Низовой, по преимуществу, бытописатель крестьянства. Сюжет его новой повести взят тоже из крестьянской жизни. Основной ее стержень—борьба между двумя поколениями в деревне. Одно из них представлено, главным образом, бывшими солдатами, побывавшими и в германском плену, и в Прибалтийском крае, там познакомившимися с новыми способами обработки земли и ведения хозяйства и теперь, шаг за шагом, преодолевающими косность, инерцию, «идиотизм» деревенской жизни. Другое—старики, приверженные к трехполью и всему старому укладу. Борьба развертывается не только на хозяйственном, но на бытовом и культурном фронте. Писатель и в этой новой повести не освободился от недостатков своей вялой, растянутой манеры письма, отдельные типы неудачны (напр., Андрей), но в целом «Митякино» имеет гораздо больше прав на звание «широкого полотна», чем «Линев» Тарасова-Родионова.

«Трудобой» Ф. Гладкова, яркая картина труда и борьбы, носит характер отрывка. Написан он с присущей автору силой, но вместе с тем с той неестественной напряженностью тона, языка и особенно диалога, которая отчетливо проявляется хотя бы в его «Огненном коне». Отрывок дал и Ляшко (из повести «В разлом»). Хорош рассказ Овражина «Поземка» (борьба партизан с белыми), незначительны: очерк Новикова-Прибоя «Коммунист на походе» и «На зеленой плешивине» Молодцова - Вечернего, а также рассказы Макарова «На весеннем шоссе» и Аросева «Первая звездочка». Последняя вещь производит впечатление, как будто она написана Тарасовым - Родионовым, что отнюдь нельзя считать плюсом. Вся проза «Рабочего Журнала» выдержана в строго реалистических тонах.

Стихотворный отдел журнала обширен. Здесь мы имеем, во-первых, крупную вещь Г. Санникова «Лениниада». В вышедших двух номерах даны первая и третья часть поэмы. Задумана она широко, и по мысли автора должна явиться первой ступенью, первым шагом к монументальному творчеству пролетариата. Монументального произведения пока что не получилось (впрочем, быть-может, пока еще преждевременно судить: в поэме должны быть еще две части), поэма имеет ряд недостатков, но мы не склонны, подобно некоторым, чрезмерно суровым критикам, упрекать автора за введение в поэму фантастики и символики. Поэт имеет право пользоваться теми приемами, которые ему кажутся наиболее подходящими для достижения нужного ему результата. Введение фантастического элемента может и не противоречить общему реалистическому тону произведения. Все дело в том, какую роль играет фантастика: является ли она *только приемом* или за ней стоит целое миросозерцание, рассматривающее нашу «обыденную», «земную» жизнь лишь как неверное, призрачное отражение каких-то иных миров. С этой точки зрения Санников имел полное право

прибегнуть к фантастике, не впав в противоречие со своим марксистски-материалистическим мировоззрением, так как для него фантастика явилась только приемом. Хуже то, что он использовал этот прием довольно банально, в духе немецких романтиков и Жуковского. Как немаловажное достоинство поэмы надо отметить скупую простоту ее языка.

Среди мелких стихотворений журнала выделяются: Обрадовича—«Надпись на тюремной стене», «Современность», «О старом феврале», и Медведева—«Точильщик». В первом номере имеется довольно много стихотворений слабых, ученических (Погодина, Кузнецова, Валяло); во втором—подбор произведен более строго. Как это ни неожиданно, но космических тем, столь обычных в прежнее время у поэтов «Кузницы», мы здесь не встречаем, если не считать их дальних отзвуков в философских стихотворениях Г. Якубовского. Как и в «Октябре», здесь чередуются мотивы «чистой» лирики, фабрично-заводские, собственно-революционные,—как и там—тяготение к простой и ясной форме, хотя влияние футуризма порой сказывается довольно сильно (например, в некоторых вещах Обрадовича).

III.

Рассмотрев художественную «практику» обеих групп (поскольку она выразилась в их журналах), мы сможем ответить на один из вопросов, поставленных нами в начале статьи: насколько эта практика оправдывает наметившийся раскол? Ответ может быть только один: «практика» оснований для раскола не дает. И «Кузница», и МАПП придерживаются в своей работе принципов художественного реализма. И та и другая группа понимают их приблизительно одинаково. То, что отдельные крупные вещи оказались удачнее, скажем, в «Рабочем Журнале», не имеет—в данном случае—никакого принципиального значения. Нельзя вообще требовать от молодой, только выбивающейся на дорогу пролетарской литературы сейчас, вот сию же минуту—широких полотен. Дайте время—будут. И если нам пришлось остановиться на этом вопросе и доказывать, что «Линев», например, не является «широким полотном», то только потому, что некоторыми критиками поднят по этому поводу—из чисто фракционных соображений трезвон (см. «На посту» и «Октябрь»). Никто не думает упрекать пролетпоэтов в том, что они еще не дали «эпоса», но не зачем утверждать, в разрез с истиной, будто они этот эпос дали.

Но тут, я слышу, т.т. из «Октября» возражают: как так нет никакой разницы? Мы, мапповцы, рисуем живого человека,—это у нас и в программе сказано,—а «кузнецы» унеслись в межпланетные пространства. Мы—реалисты, они—метафизики. — Эти доводы ничего не стоят. Да, «Октябрь» действительно раньше, чем «Кузница», перешел к «живому человеку». Эта историческая заслуга, несомненно, за ним останется. Но, во-первых, «Октябрь» и здесь не был новатором: он перешел к изображению людей и «будней» революции только *после того*, как это сделали Ник. Тихонов, Всев. Иванов и другие. Во-вторых, «космизм» ведь не был программным требованием «Кузницы»; ведь «кузнецы» не заявляли, что мы, мол, избираем только космические темы, а всего остального не признаем. «Космизм», таким образом, не мог явиться причиной раскола. В-третьих—и это самое важное—сейчас «космизм» уже в значительной степени преодолен «Кузницей». Мы видели, что в двух номерах «Рабочего Журнала» не оказалось ни одного «космического» произведения. Кроме того, «космизм» проявлялся преимущественно в стихах. Прозаики «Кузницы» — Неверов, Низовой, Гладков, в значительной степени Ляшко—были всегда реалистами. Наконец, одно дело заявлять ежесекундно: мы вам покажем живого человека,—а другое дело—его действительно показать. А в последнем отношении «Кузница» вряд ли меньше сделала, чем МАПП.

Но если нет расхождений в практике, то, быть-может, есть в программе и, как следствие, в тактике? Посмотрим. С первого раза как будто нет. У МАПП'а целые вороха программ, резолюций и проч., «Кузница» тоже немало напрограммила. Т. Бухарин утверждает, что все эти программы «похожи друг на

друга, как две капли воды». Это немного преувеличено. При внимательном рассмотрении разницу можно найти. «Старейшая и передовая группа пролетарских художников ведет борьбу с крайностями направленчества в искусстве, принимающими часто уродливые формы невыношенных, неубедительных, скороспелых агиток; одновременно «Кузница» борется и против фальшивой левизны так называемого производственничества последышей упадочного искусства». Под этими словами декларации «Рабочего Журнала» «Октябрь» бы не мог подписаться. «Крайностями направленчества» грешит нередко и он. Что же касается «производственничества», то тут МАПП, после того, как он в течение некоторого времени яростно нападал на каждого футуриста в отдельности и на всех их вместе, неожиданно повернул руль и заключил с «Лефом» братский союз. Один из пунктов соглашения гласит: «МАПП и Леф *избегают взаимной полемики* [1]), не отказываясь в то же время от дискуссии и деловой товарищеской критики». Так как по отношению к другим группировкам—в том числе и «Кузнице»—полемика не прекращалась и велась далеко не в тонах «деловой товарищеской критики», то линия МАПП'а получила явственный уклон «влево». Перед нами, таким образом, два серьезных пункта расхождения между« «Кузницей» и МАПП'ом.

Другое значительное разногласие кроется в вопросах художественной политики и отношении к «попутчикам». «На посту» явился, как известно, инициатором ожесточеннейшей кампании, направленной против т. Воронского и проводимой им линии. МАПП вполне солидаризовался с позицией «На посту». «Рабочий Журнал» занял противоположную позицию: «несомненно, что ставка тов. Воронского на художника «спеца», линия правильная» (Г. Якубовский. «Марксизм на литературном фронте»). Критическая деятельность «На посту» и приемы его политики достаточно известны,—и нет надобности останавливаться на их разборе и лишний раз вступать в дискуссию. Надлежащая оценка их уже сделана в резолюции литературного совещания при отделе печати ЦК РКП и в речах т.т. Троцкого, Бухарина и др.

Быть-может, больше всего вреда политика «На посту» принесла именно МАПП'у. Возьмите последний номер журнала. Я не говорю уже о травле «попутчиков», о необычайно желчной, грубой, мало чем стесняющейся полемике с «врагом внутренним» (Воронский, «Кузница»)—это давно уже стало специальностью «На посту»,—но сколько саморекламы, сколько кружкового самодовольства, самовосхваления! Самое скромное достижение, самый мелкий успех раздувается до-нельзя и возвещается при звуках фанфар. Талантливый молодой поэт Безыменский захвален до безчувствия. Вот, например, как пишет Б. Волин об одном из его стихотворений... «Эта исключительная по своей силе, мажорности, революционности и молодости «Боевая Ленинская»... Автор его (стихотворения) отбрасывает далеко от себя всех этих Брюсовых, Орешиных, Ивневых, Санниковых, Петровских и т. д. и т. п.». Ну, конечно: «всех этих»! Чего уже стесняться? Шапками закидаем.

Естественно, что когда молодого пролетпоэта приучают смотреть сверху вниз на всякого писателя только потому, что тот «попутчик» или не имеет счастья принадлежать к «Октябрю», а себя рассматривать, как источник всяческой благодати, то этим создают, внутри группы, атмосферу, мало пригодную для серьезной работы. Атмосферу, в которой Безыменские начинают «стричь себя под гребенку Гёте», считая нужным оповещать читателя о каждой подробности своей жизни, о том, что они слышали вчера и с кем беседовали третьего дня [1]), материалы для биографии великих людей или—«сия дыня съедена такого-то числа»,—и вместо хороших стихов писать плохие статьи и сатиры, которые кажутся остроумными только Лелевичу. Фракционный туман, в котором даже

---

[1]) Курсив мой. А. А.

[1]) А. Беземенский. «Зарубки по пути», «На посту». № 115.

«Линевы» представляются «широкими полотнами». Надо быть справедливым: не мало кружкового пристрастия и у «Кузницы» (см., например, библиографию «Рабочего Журнала») [1]), но там оно все-таки не достигает таких болезненных размеров, не воздвигает стены между группой и всей остальной литературой, не закрывает, не искажает всего окружающего.

IV.

Итак, резюмируем: расхождение между «МАПП'ом» и «Кузницей» намечается исключительно в области *тактики*. Ни в практике, ни в «чистой» теории расхождений нет. В теории «МАПП» придерживаются той же плехановской линии, что и «Рабочий Журнал». Разница между Лелевичем и Якубовским лишь та, что т. Якубовский пробует развить положения Плеханова несколько дальше, пользуясь данными рефлексологии и т. д. [2]), а т. Лелевич ограничивается цитированием. Совершенно иная теоретическая позиция у союзников МАПП'а—лефов. Каким образом «Кузница» и МАПП, исходя из одних теоретических предпосылок, пришли к разным тактическим выводам, а МАПП и «Леф», наоборот, от разных теоретических предпосылок к одинаковым тактическим заключениям—это уж вопрос другой. Расхождения эти довольно значительны. Но непримиримы ли они? Думаем, что нет. Все дело будет зависеть от того, насколько МАПП окажется способным изучить свою «детскую болезнь левизны», отойти от сектантства, от напостовской писаревщины. Если год назад «Октябрь» стоял на более правильной позиции, чем «Кузница», то теперь, наоборот, «Кузница» стоит на более правильной позиции, чем «Октябрь». «Кузница» уже проделала в свое время эволюцию: от отвлеченного космизма к живой действительности. Теперь очередь за эволюцией «Октября», МАПП'а.

II. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ МОСКВЫ.

Федоров - Давыдов.

Настоящий обзор мы посвятим выставкам последних двух месяцев истекшего художественного сезона. За этот период были выставки: работ немецкого художника Фогелера, организованная МОПР'ом, 26-я «Товарищества русских художников», «Жар - цвет», «Выставка акварелей и рисунков» в Цветковской галлерее, выставки работ Р. Р. Фалька и отдельно А. В. Шевченко, «1-я Дискуссионная выставка объединений активного революционного искусства», «Выставка культшефства Вхутемаса» и, наконец, «Фотографическая выставка». К прочим фактам можно отнести участие России на международной выставке в Венеции, открытие памятника т. Воровскому и «Восточную выставку». Последней мы касаться не будем, так как, с одной стороны, она не имеет непосредственного отношения к текущей художественной жизни, а с другой—требует более детального и тщательного рассмотрения, нежели мы можем это сделать в пределах нашего обзора. Так же вне поля нашего зрения должна

[1]) В частности чрезвычайно необъективен и несправедлив отзыв т. Якубовского о Безыменском. Безыменский пишет иногда, как мы видели, плохие вещи, но нельзя же не видеть того, что он является одним из самых талантливых и многообещающих пролетарских поэтов. Т. Якубовский верно отметил основные недостатки Безыменского, но он прошел мимо его достоинств и достижений.

[2]) С некоторыми выводами т. Якубовского я не совсем согласен, но считаю лишним останавливаться на этом, так как это не имеет прямого отношения к теме статьи.

остаться и Венецианская выставка, так как фактические сведения об отправленных экспонатах мало интересны, а говорить об ее значении—преждевременно. Наиболее интересными являются выставки: «1 дискуссионная» и «Культшефства Вхутемаса», а также памятник Воровскому.

Выставку Фогелера можно хвалить скорее за добрые намерения и с точки зрения более общественной, нежели художественной. Фогелер, немецкий художник, один из деятельных членов МОПР'а, близко соприкоснувшийся с русской революцией и явно ей симпатизирующий. Выставка имела филантропическую цель. Как художник, Фогелер принадлежит к северо-немецким рисовальщикам, и его офорты овеяны свойственной им сказочностью и эпичностью. В общем они немного напоминают известные иллюстрации к сказкам бр. Гримм или «Рейнеке-Лис». С технической стороны они обнаруживают в авторе техническое уменье, хотя несколько поверхностное и далеко не извлекающее из офорта всех скрытых в нем возможностей. Выставленные им картины последних лет обнаруживают большое влияние русской иконы, главным образом XVII в., сказывающееся не только в колорите, но, главным образом, в мистико-символических сюжетах. Таковы «Грядущая мать», «Рождение нового человека» и даже «Вид на Кремль». В этом сказывается своеобразие преломления русской революции в уме иностранца. Интересна своим использованием кубистических просвечивающих плоскостей, а также разорванности явления для общей композиции происходящих в различных местах событий, его «Смычка».

26-я выставка «Товарищества русских художников» заставляла вспомнить о всех 25-ти предыдущих и вновь напоминала о «Товариществе» как о подголоске «Союза» и некотором своеобразном «проходном дворе» для начинающей художественной молодежи. Довольно пестрая, как обычно, по своему составу, она в общем была реалистической и жанровой по существу. В социальном смысле это те же «Маковец» и «Ассамблея», но только немного высшей марки. Аудитория у нее та же, т.-е. мелкая буржуазия и мелко-буржуазная интеллигенция. Возрождение «Товарищества» при «нэпе» вполне законно и логично. Это—доживающее свои дни старое беспартийное, «ни теплое, ни холодное» искусство, станковизм par exellençe. Лучшим экспонентом на выставке был из «стариков» (относительно)—Ватагин, ма-

26-я выставка «Товарищества русских художников». Ватагин. «Заяц» (дерево).

стерской изобразитель зверей, выставивший в обычной его манере рисунки и великолепное дерево «Заяц». Также очень недурны были его деревянные скульптуры нагой женщины и нагого мальчика. С большой экспрессией и в своеобразной «литографской» манере сделаны рисунки танцовщиц Энгельса. Можно было бы упомянуть еще Моисеева, работающего в духе А. Яковлева, Головина и др. Но все это не выходит за рамки обычного, сто раз виденного и ставшего пресным и мало-нужным.

Раз воскресло «Товарищество», воскрес «Бубновый валет» (см. предыдущий обзор), странно было бы, если бы не воскрес «Мир Искусства». И, конечно, «жив курилка». Вернее, воскрес в данном проявлении не «Мир Искусства», а его традиции, его идеология. Почти как с художественным театром: «maîtres» на стороне, за границей и в Ленинграде, младшее поколение работает здесь, немного по-новому, но в общем в духе предков. Это «Жар-цвет». Из «стариков»— Н. Богаевский, Добужинский, Петров-Водкин и некоторые другие. Первый заполнил целый зал своими, давно уже ставшими трафаретом, архаично-сказочными пейзажами. В них, однако, есть некая новая черта: романтизм «мрачных стран Киммерийских» сменился романтизмом сантиментальным. Краски из насыщенности иконных оранжево-красных тонов переходят в блеклую голубовато-пепельную гамму, близкую к пастели, пейзажи становятся идиллическими, начинает отдавать «Бедной Лизой». О Петрове-Водкине можно говорить только в связи с его совершенно возмутительным «Лениным в гробу». Огромная непропорциональная с задним фоном голова, еще более мертвая (мертвая, а не умершая!) в силу размера, выпирающий на зрителя, режущий глаз кусок красной обивки гроба,—все производит гнетущее, беспокойное, неприятное впечатление. Помимо технических неудач картина идеологически насквозь ложна. Это какие-то мощи Ленина, чувствуется что-то религиозное и вместе с тем кощунственное. Картина определенно лживая, скверная и идеологически вредная. Об остальных—пару слов. Налицо все типичные черты «Мира Искусства»: неизбежный пассеизм, своеобразная, мирискусстническая «литературность», графичность (не живопись, а раскрашенные рисунки), сугубый эстетизм. И. И. Захаров увлекается средневековьем («Страж», «Закатность»), представив, правда, два очень насыщенных и живописно-правдивых пейзажа, Е. Камзолкин весь во власти Египта и Библии, своеобразно им интерпретируемых, о Добужинском и говорить не приходится. А. Э. Миганоджиан, в мусульманском востоке, кто-то выставляет миниатюры на пергаменте и кости и т. д. и т. д. Словом, картина старая. Все очень мило, очень знакомо, очень хорошо сделано, очень эстетично и... очень ненужно. «Минувших дней не воротить». Неизбежное влияние реализма, (пускай, и по-«мирискусстнически» понимаемого), чувствуется и здесь. Тот же Е. Камзолкин пишет «Пахаря» и «Каменоломню». Пускай пахарь и условно обнажен и напоминает какого-нибудь «Человек и сфинкс», но—сюжет, сюжет! Чувствуется желание подойти к современности. То же и у И. Соколова, кстати сказать, очень талантливого гравера наших дней («В шахте», «Брикетная фабрика»), и у других.

О «Выставке акварелей и рисунков» просто даже не хочется и говорить. Отчасти потому, что о двух из трех выставлявшихся, Шевченке и Фальке, будем говорить ниже в связи с их индивидуальными выставками; третий же, Нюренберг, ни в какой мере не оригинален; а отчасти и потому, что вся выставка была и убогой и в достаточной мере бесцеремонной. В упоении самовлюбленности новоиспеченные «maîtres» возомнили, что публика должна прийти в восхищение от собрания их зачастую случайных черновых набросков и всякого рода кроков и должна быть чрезвычайно польщена предоставленной ей возможностью на интимном материале ознакомиться с художественным развитием мастеров и тем, как они перерабатывали западно-европейские влияния. Кто из нас, искусствоведов и историков искусства, станет отрицать огромную ценность такого материала для изучения какого-либо мастера? Но хочется сказать: не

Выставка «Культшефства Вхутемаса».—Полихромная керамика.

спешите, подождите, когда вас *начнут* изучать, не выносите на широкую публику вашей интимности, воображая, что все страшно жаждут узнать, «как живет и работает» такой-то и такой-то.

Выставки картин А. В. Шевченко и Р. Р. Фалька показывали этих молодых «maîtres» во всем объеме и во всей эволюции их творчества, чему предупредительно способствовали каталоги с хронологическим расположением их произведений. В этом нашем обзоре мы менее всего хотим говорить об индивидуальных живописных особенностях каждого из них. Это дело специальных монографий. Мы же постараемся установить нечто более, с нашей точки зрения, в данных условиях интересное: их общие черты, определяющие их социальную сущность и их место в современности. Оба они—типичные русские постимпрессионисты, всецело погруженные в специфичность своего мастерства, живописцы и только живописцы, формалисты до мозга костей. Их творчество — это полное презрение жизни, полнейший разрыв с нею; изобразительные функции живописи сведены целиком к «nature morte», в плане которого воспринимается все, а в том числе и пейзаж и даже портрет. Все — вещь и только вещь, мертвая и пассивная, интересная только своими специфическими живописно-формальными сторонами. И так как при этом они все же большие мастера, не могущие удовлетвориться раз достигнутым, сделав из него трафарет, то отсюда вытекает бесконечность исканий и метаний, чрезвычайная восприимчивость ко всяким новым живописным течениям [1]). Это в особенности ярко проявляется у Фалька. По его выставке можно было ознакомиться со всей эволюцией русской живописи за первую четверть нашего столетия. В «Березе» (1906) он импрессионист, «Крымский пейзаж» (1908) навеян Головиным, дальше чувствуется Грабарь. 1912—13 г.г. проходят под знаком сезаннизма («Семейный портрет»),

[1]) К сожалению, по техническим обстоятельствам, мы лишены возможности воспроизвести здесь работы тт. Фалька и Шевченко, что было бы нагляднейшим доказательством высказываемых ниже наших соображений об их творчестве.

Выставка «Культшефства Вхутемаса»— Посуда (керамический факультет).

дальше идет Ван-Гог, затем снова Сезанн и московские сезаннисты (Кончаловский); 1916—17 г.г.—кубизм, 1920—22 г.г. сплошь заняты разработкой фактурных вопросов. И неудивительно, конечно, что в результате пришел тот самый нео-реализм, который сейчас у всех на уме. И также неизбежно, что он отразился в портрете (1923—24 г.г.). По существу тот же самый путь и у Шевченко, он только несколько проще и прямее, потому что Шевченко с самого же начала был сезаннистом, в лучшем смысле слова. Он никогда не терял сюжетности и убедительности изображаемого. Он—верный последователь Сезанна в своих пейзажах, таких же голубых, как и последние пейзажи Сезанна. Его «Братья Сирано»—почти копия с «Масленицы» Сезанна. Он такой же, по существу своему, романтик, и ему пришлось только сменить романтизм и сказочность «Спящего мальчика» (1911) на полный реалистической сюжетности «Разговор» (1922), чтобы прийти, наконец, к тому же, что и у Фалька, психологическому портретному реализму (портреты 1924). Были, конечно, и у него свои искания выхода из тупика, которые привели его, как и Фалька, к подражанию старым мастерам в портрете. Это обнаруживают его рисунки, особенно те, где выход ищется в наивности и неумелости детского рисунка («На улице», «Зима в Зубцове»). И, конечно, этот путь к реализму, понятому как подражание старым мастерам, должен быть оценен и социально учтен в том же плане, как и идентичный по существу путь «Бубнового Валета» (Фальк к нему и принадлежит), о котором мы говорили в предыдущем обзоре [1]).

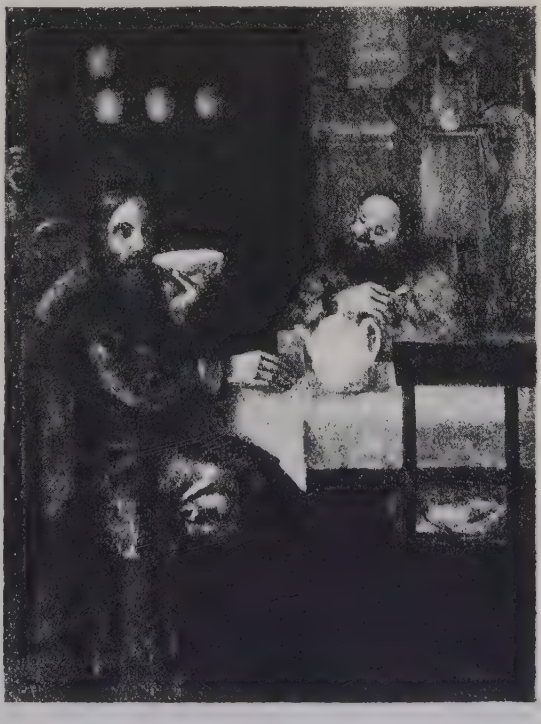
Весьма интересным и показательным фактом была «Фотографическая выставка». Были на ней представлены и производственно-технические достижения фотографии за последние годы, но главный акцент был, конечно, на художественной фотографии, претендующей на звание искусства. И действительно, если посмотреть работы Д. П. Демуцкого (бромо-масляный способ), Ю. П. Еремина (тоже), А. Каревича (бромистая бумага), Н. И. Свищова-Паола (тоже) и некоторых других,—можно смело говорить о возможности фотографии как искусства и ее большом значении именно

[1]) См. III книгу «П. и Р.».

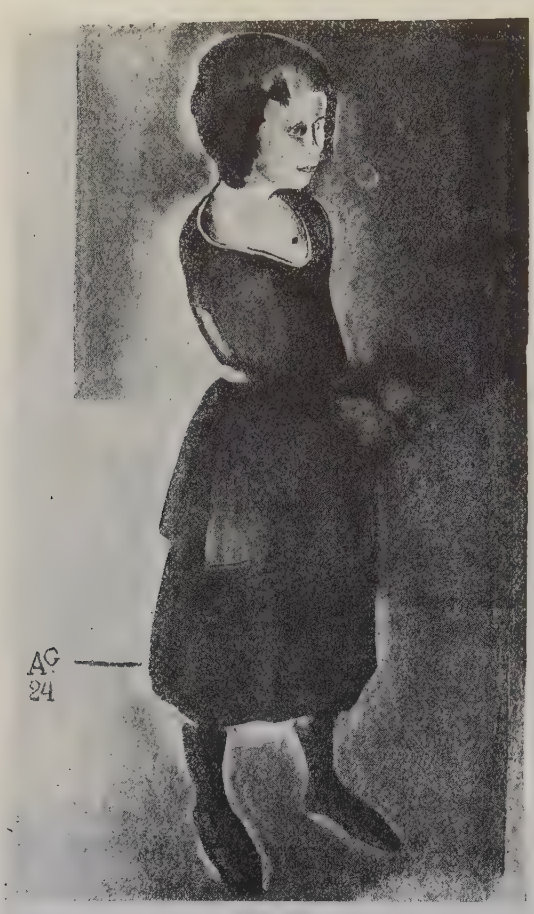
в обстановке современного кризиса живописи. Но эта же выставка явно обнаруживает и рамки возможностей этого искусства. Вся художественность фотографии заключается, в сущности, в расплывчатости, в стирании контуров предметов, в некоей обволакивающей дымке, создающей то, что называется «настроением». И именно только в плоскости такой передачи «настроения» как чего-то неопределенно-грустного, меланхолически-поэтичного, и возможно искусство фотографии. Все же остальное остается вне ее пределов.

После этого беглого обзора мы можем приступить к рассмотрению двух последних выставок «Культшефства Вхутемаса» и «1-й Дискуссионной», являющихся, с нашей точки зрения, наиболее интересными. Ведь все те выставки, о которых мы писали в прошлом обзоре и в начале настоящего, являются по существу своему искусством вчерашнего дня, доживающим свой век. Эти же выставки, на которых фигурирует художественная молодежь из Вхутемаса, являют нам первые проблески того, что volens-nolens будет искусством завтрашнего дня. Это заставляет отнестись к ним сугубо серьезно, и на основе анализа данного построить некоторые прогнозы будущего. Это будущее всегда рисовалось нам, с одной стороны, как тесное соприкосновение искусства с производством, как вхождение искусства в производство и создание там новых эстетических ценностей и, с другой — как выработка какого-то нового искусства как такового, искусства новой послереволюционной России. И вот эти две выставки учеников Вхутемаса с поразительной отчетливостью обнаруживают обе эти тенденции.

Выставка «Культшефства» — по преимуществу выставка производственная, в то время как «1-я Дискуссионная» — по преимуществу так наз. «чистого» искусства. Правда, есть и «чистое» искусство на первой и «производственное» на второй, но они на них как-то не у места и совершенно беспомощны по сравнению с основными проявлениями того же. Живопись представлена на выставке культшефства работами мастерских Фалька, Машкова, Удальцовой, Кардовского и др. Очень современные темы (заводы, рабочие и т. д.), хорошая техника, но чувствуется полнейшая несовместимость старого языка живописных форм с новым содержанием. Зато производственная часть положительно радует. Видно, что взамен старого эстетствующего отношения к художественной промышленности, когда художник делал эскиз, а рабочий его выполнял и оба друг друга не знали, теперь художник сам входит в производство, его знает и любит, и творит сам целиком в его условиях. Это в особенности показательно в керамике. Фигурная керамика определенно вырабатывает какой-то новый стиль, новый подход к изображаемому, новый аспект трактовки; и это в то время, как скульптура, как таковая, быстрыми шагами идет к полному разложению. Конструктивна и художественна в лучшем смысле этих слов и чайная посуда, перед которой совершенно бессильными в своем сугубом эстетстве



«1-я Дискуссионная»; — К. Пархоменко. «Чайная» (масло).



«1-я Дискуссионная».—А. Гончаров. «Девочка» (масло).

кажутся все изделия Государств. фарфорового завода, как те, которые стилизуются под старый фарфор, так и супрематические упражнения. Это—действительно новый стиль посуды со своей увесистой осязаемостью, простотой и четкостью и новыми сюжетами раскраски (фабрики, аэропланы и т. д.). Не менее хороши и «дельны» произведения текстильного факультета. Эта фактическая близость к производству, а не только теоретические рассуждения о нем, сказалась и в конструктивизме. Здесь, в проектах театральных сцен, в плакатах и обложках, он понят именно так, как он по существу должен быть понят, т.-е. как ясность и простота конструкции, легкость и дешевизна выполнения, целесообразность конструкции. Близость к жизни, реальной и действительной, чувствуется в этом «деловом конструктивизме», в противоположность тому «эстетствующему», которым наши «левые» ошарашивают публику и который, кстати сказать, махровым цветом расцвел на «1-й Дискуссионной выставке». Не имея возможности подробнее на этом останавливаться, отметим лишь такие вещи, как «Летний красноармейский театр», плакаты «Детской группы Красного Стадиона» и многие другие. В общем чувствуется, что здесь вырабатывается новая художественная промышленность, создается новый оригинальный стиль. Что очень показательно идеологически, так это то, что в производственной части выставки под экспонатами *нет фамилий авторов.*

Перейдем к «1-й Дискуссионной». Она, действительно, дискуссионна не только потому, что на ней выступило восемь совершенно различных группировок, но также и потому, что оценка ее произведений, как ростков будущего искусства, может быть весьма и весьма различной. Тем не менее, попытаемся ее дать. Как мы уже выше говорили, на ней выявили себя и эстетствующие «левые», но в формах столь нелепых и ни с чем несообразных, что они показательны лишь как полнейшее вымирание такого «конструктивизма». Что в них характерно, так это полнейшая фактическая невыполнимость всех их проектов, костюмов, памятников в 80 этажей и тому подобных упражнений.

Но если взять не «конструктивистов», а настоящих живописцев, то в общем они представляют собою отрадное явление и позволяют думать о возможности в будущем нового искусства, как такового. Это группа «Быт», «Объединение трех» и отчасти «Конкретивисты». Характерными чертами их живописи являются: реализм, сюжетность, своеобразный «урбанистический экспрессионизм» и углубленность формальных исканий. Группа «Быт» собирается разрешать по существу те же задачи, что и «АХРР», но разница между ними в том, что эта молодежь воспитана на

живописных традициях и свою идеологию стремится передать именно живописными приемами. Их темы чрезвычайно просты: И. Папков рисует «Семью», «Ночь», «Пейзаж»; К. Пархоменко—«Чайную», «Прачку». Их картины своими темными зелено-коричневыми тонами, своей явно чувствуемой за внешним спокойствием страстностью и динамикой, обнаруживают явное воздействие экспрессионизма. Еще больше этого экспрессионизма и притом на ряду с самым подлинным реализмом в работах «Группы трех». Это, действительно, очень однородная группа, о членах которой можно говорить сразу обо всех. Их картины полны движения, ни одна фигура не покоится, каждая форма показана в развертывании. Это очень характерная черта урбанизма.

При быстром, мимо бегущем взгляде всякая объемная вещь как бы развертывается, показывая в одном взгляде все свои стороны и в то же время оставаясь определенно плоскостной, силуэтной в моментальности своего явления. Художники добились этого сопоставлением, часто в одной фигуре, иногда в нескольких, стоящих рядом, силуэта и моделированной светотенью, объемной формы, что в особенности выражено в работах Пименова. Гончаров со своей стороны дает другие черты экспрессионистического урбанизма: моментальное схватывание в вещи ее существенных признаков при опускании деталей. В картине, изображающей девочку, он опустил у нее совсем одну руку и, несмотря на это, вернее, в силу этого, реальная динамичность явления — чрезвычайно убедительна.

Третий из них выставил офорт «Две фигуры», являющийся, так сказать, их живописным трактатом. Он представляет собою этюд развертывания пространственных форм на плоскости. Масло Дейнека являет в общем те же черты, что и остальных двух. На всех на них очень ощутительно влияние Фаворского, и это несколько отпугивает, так же как может отпугнуть и их экспрессионизм. Но было бы слишком не диалектично думать, что и то и другое влияние могут быть только отрицательными и из них не могут сложиться черты нового искусства. Не настаивая на том, что вот именно эти три молодых художника—провозвестники будущего, мы хотим лишь сказать, что в их творчестве можно усмотреть черты будущего. И их мы назвали бы—экспрессионистический реализм. Ведь если несомненно, что новая живопись неминуемо будет реалистичной, простой и ясной, чуждой всякого мистицизма, то также несомненно и то, что она будет глубоко городской по своему характеру; и в этом она будет исходить из экспрессионизма в его положительной стороне. Чуждая его мистицизма, она возьмет его динамичность, его максимум впечатления при минимуме средств,—все

«1-я Дискуссионная».—Ю. Пименов. «Купание», рисунок (карандаш, тушь, лак).

«1-я Дискуссионная». — А. Дейнека. «Портрет девушки» (масло).

то, что выражается сейчас, ну, хотя бы у Гросса. И другой положительной чертой у этих художников мы считаем углубленность их формальных исканий. Не беда, если это дал им Фаворский.

Мы относимся отрицательно к формализму левых потому, что это есть только чисто формальные, лишенные всякой идейности, всякой философии искания. Не то наблюдаем мы у молодежи. В своих формальных исканиях они исходят из нового понимания вещи и ее пространственных функций. Когда они пишут картины, их в первую голову занимает задача—по-новому интерпретировать человеку окружающий его мир. И в этой интерпретации есть своя философия и большая художественная задача. Революционность художника заключается не в том, что он непременно хочет изображать рабочего с молотком и пренебрегает нереволюционными сюжетами, а в том, что эти старые сюжеты он *видит по-новому*, по-новому воспринимает и передает.

Наша пролетарская молодежь охвачена неудержимой страстью к учению. Жажда к знанию, к позитивизму, кажется, никогда не была так велика, как теперь. Материалистичность мышления выражается в стремлении все рационализировать. Иногда это выливается в крайности, как у «Проекционистов» на той же выставке, чьи картины больше напоминают геометрические чертежи, а в каталоге написано: «*искусство есть наука* об объективной системе организации материалов».

Но в лучших своих проявлениях эти идейно-формальные искания заслуживают самого серьезного внимания и наводят на любопытные исторические аналогии с итальянским кватроченто, художники которого выражали новую идеологию нового класса именно в своих формальных исканиях (перспектива, раккурс и т. д.), а не в сюжете, который по существу остался старым.

Новая художественная молодежь еще только учится новому восприятию мира, реалистическому, материалистическому восприятию. Поэтому совершенно естественно, что она пока еще интересуется только отдельными вещами, только, так сказать, натюрмортом (в широком смысле слова). Но когда она одолеет это, когда она научится по-новому воспринимать и интерпретировать вещи, она, несомненно, перейдет и к более сложным социальным и психологическим сюже-

там [1]). Как ни желательно нам иметь сейчас живопись, которая отражала бы революцию, надо все же проявлять сугубую осторожность в таких требованиях, ибо иначе мы всегда рискуем получить только, так сказать, суррогат революционности. Как раз эта выставка дает характерное тому подтверждение. На ней были очень недурные работы, так сказать, живописно-«производственного» характера, служащие задачам момента. Это плакатная по своему характеру картина П. Вильямса: «Монтаж О. Д. В. Ф.» и работы Меркулова: «Вывеска для 1-й кавшколы» и значок для нее же. Но интересно, что когда тот же Меркулов попробовал уже не «производственно» служить революции, а отражать ее в grand art он создал такое насквозь лживое произведение, как «Конные красноармейцы». Так же ложна и картина Вялова «Милиционер». Они ложны тем, что они ура-патриотичны, а насколько это «революционно»—судите сами.

Все это, конечно, очень спорные вопросы, и решит их только реальная действительность будущего. Пока же мы только можем констатировать тот приятный факт, что работы нашей художественной молодежи как в области производственного искусства, так и в области чистой живописи дают определенные надежды на благополучный выход из кризиса искусства наших дней. Закончим наш обзор памятником Воровскому. Это, несомненно, лучший из всех поставленных за годы революции, и мало того, что он не плохо сделан, но он и поставлен очень удачно в окружении многоэтажных зданий. Благодаря этому он не производит того впечатления неуместности, какое всегда производят фигурные памятники на площади. Импрессионизм его трактовки вполне соответствует тому, что он должен выражать: экспрессию оратора и революционного борца. Нам кажется, что именно такими, живыми, движущимися в своей трактовке и поставленными в окружении домов, а не на площадях, и должны быть памятники отдельным лицам на ряду с монументальными, уже не скульптурными, а архитектурными, памятниками больших и грандиозных революционных событий.

6 июня 1924 г.

«1-я Дискуссионная». — Вялов. «Милиционер» (масло).

[1]) Эти формальные искания, конечно, принципиально не то, что формализм в старом его понимании. Там он вырастал на почве отрыва от жизни, здесь же это стремление обрести новый язык для выражения новой идеологии.

III. МОСКОВСКАЯ ТЕАТРАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ В 1923—1924 ГОДУ [1]).

П. Марков.

I.

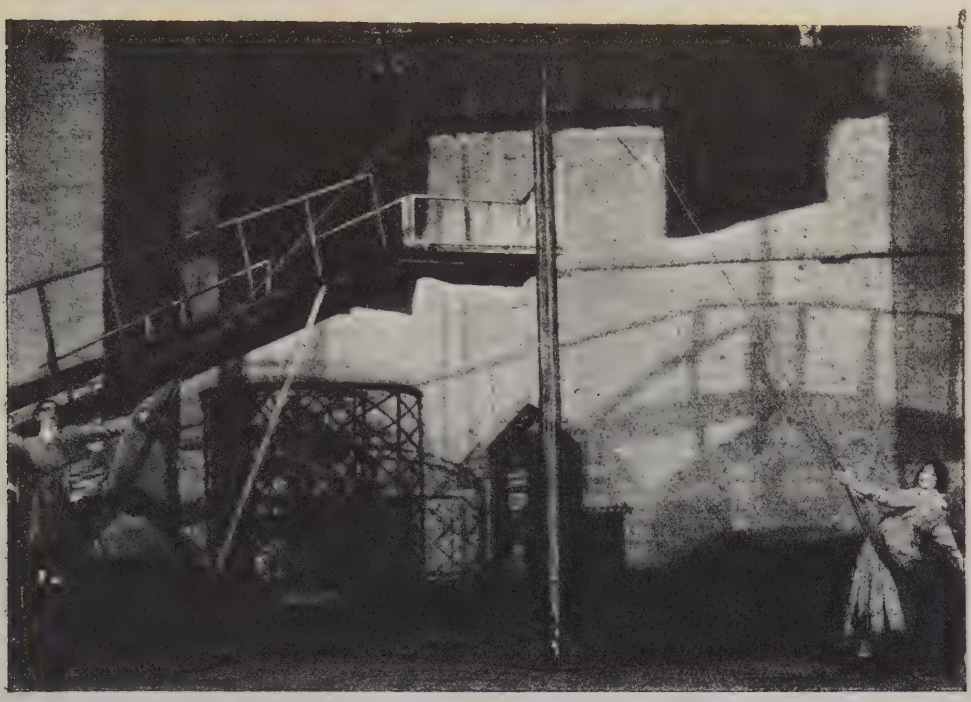
Центром театральной жизни оказались постановки Мейерхольда — «Озеро Люль» Файко в театре Революции и «Лес» в театре им. Мейерхольда, не столько по новизне приемов, сколько по резкой и категорической постановке ряда вопросов современного театра и еще более по силе режиссерской изобретательности. В сущности названными постановками, вызвавшими большой шум и споры, Мейерхольд подводил итог своим театральным поискам за эти годы; завершением поисков и было парадоксальное применение режиссерских методов Мейерхольда к старой комедии Островского; постановка в таком плане «Леса» была тем парадоксальнее, чем громче раздавался лозунг о репертуарном возвращении назад «к Островскому».

Начиная с «Мистерии-буфф» московской редакции и кончая «Лесом»—Мейерхольд утверждал в противоположность господствующему классическому театру, принципы Шекспирова театра в плане эстетическом и театра обнаженной агитации—в плане общественном. Эти принципы яснели уже тогда, когда Мейерхольд, казалось, только разрушал, яростно и непримиримо, установленные каноны привычного нам театра, по существу, ведущего начало от французского классицизма с его сценической коробкой и правилами строгого стиля и единства. Уже в процессе самой ломки вырисовались основоположения строимого Мейерхольдом театра. Подхватив лозунги конструктивизма и найдя в нем верного союзника своим разрушительным стремлениям, отменив архитектурную и живописную декорацию, Мейерхольд использовал своего союзника полному, чем другие мастера театра— Мейерхольд пришел к освобождению сценического пространства от всех живописных и эстетических украшений, и к его пространственному расширению. Провозгласив борьбу против эстетизма и так называемого «иллюзионизма» в театре, Мейерхольд в конечном итоге неизбежно должен был прийти к опытам новой эстетики и вместе с тем к попытке утверждения новых театральных законов и канонов.

Было бы вполне ошибочно видеть новизну дела Мейерхольда *только* в сценических приемах, им употребленных, подвергнутых такому яростному оспариванию и вызвавших такую острую полемику; непререкаемая убедительность последних постановок Мейерхольда заключена в *принципах*, которые положены в их основу и при признании которых вопрос об отдельных приемах становится второстепенным и получает преимущественно технический интерес и значение. Применительно к «Люлю» и «Лесу» вопросы о реализме и натурализме, неожиданно проявленные Мейерхольдом, о возвращении живописных и эстетических украшений, о новой ломке автора, — все эти вопросы находят объяснение в зависимости от основного принципа, которым были продиктованы те или другие детали спектаклей.

На одном из диспутов Мейерхольд заявил о своем «традиционализме». Кажущееся парадоксальным заявление имеет все права на полную убедительность. Своими работами последних лет Мейерхольд подает через столетия руку площадному театру средневековых мистерий, испанских драматургов и Шекспира. Более того: театральные принципы, проводимые Мейерхольдом, нельзя признать абсолютной неожиданностью даже применительно к нашей современности. Мейерхольд дал четкое и сильное оформление тем неясным мечтаниям и неудачным опытам, которым предавались в свое время теоретики

[1]) Прод. — см. «Печать и Революция», книга третья за настоящий год.



Театр имени Мейерхольда. «Лес» Островского. Режиссер — В. Э. Мейерхольд.

ки практики театра, подобно Форрегеру с его театром шарлатанов, авторам массовых действ и спектаклей под открытым небом и проч. В этом давнем стремлении к балаганному, площадному и патетическому театру—театру народному—сказалась воля эпохи. Мейерхольд воплотил это стремление в жизнь, найдя для него точно учтенные формы и вдохновенную изобретательность при его сценическом воплощении, потому что бывает очень трудно отделить в постановках Мейерхольда верно угаданный принцип от силы художественного и режиссерского обаяния самого Мейерхольда.

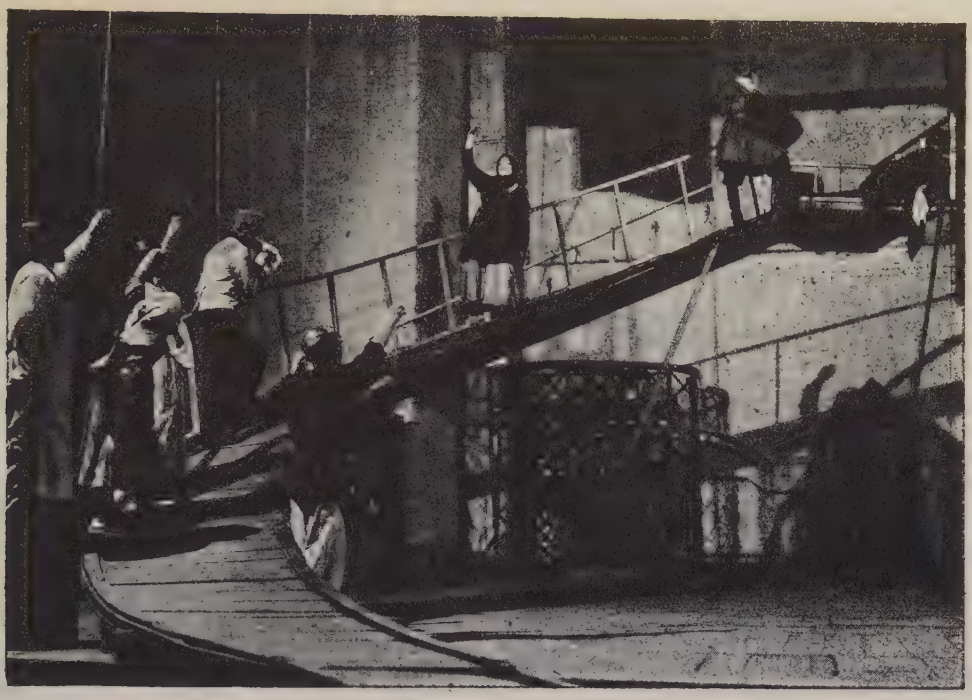
Не из Шекспирова ли театра возникло демонстрированное Мейерхольдом соединение резкой трагедийности и откровенной клоунады? Или мнимый натурализм исполнения, позволявший английским комедиантам показывать отрубленную голову, а Мейерхольду—клюквенным соком изображать пролом головы у одного из героев мелодраматического «Люля»? Или драматургическая композиция, рассматривающая драму, как ряд быстро сменяющих друг друга, противоположных по настроению, ударных и сильных эпизодов? Или упорное нагромождение событий, явлений, действий, придающее окраску глубины и захвата жизни широтой и многочисленностью изображаемых эпизодов, а не только глубоким анализом каждого по отдельности? Или этот взгляд с птичьего полета, который бросил художник на развертываемую им жизнь, показывая то одну, то другую из иногда *одновременно* развертываемых сцен, как это сделано в первом акте «Леса»: то дорогу в поместье Гурмыжской, то гигантские шаги, столовую, беседку, птичий двор и т. д.,—этот взгляд на жизнь в ее горизонтальном, а не в вертикальном разрезе? Или резкий субъективизм, в освещении которого показаны отдельные персонажи — то резко карикатурные, то преувеличенно уродливые?

Ставя любопытную пьесу А. Файко «Озеро Люль», Мейерхольд соединил начала Шекспирова театра с приемами современного кинематографа; в «Лесе» Островского этим же принципам дает живописное оформление и освобождает в пьесе Островского струи народной лирики. Из двух постановок менее ин-

тересной была первая. Драматургический материал здесь незначителен. Сюжетно занимательная, но внутренно неубедительная и противоречивая история об индивидуальных дерзаниях авантюриста Прима, колеблющаяся между шаблонами западного урбанизма и наследием символизма, лишенная твердых линий действия, наполненная случайными и ненужными образами,—она все же дала Мейерхольду повод построить на ее основе спектакль урбанистической мелодрамы. В «Люле» были замечательны: убыстренный и прерывистый темп, которым передана жизнь западного города; действующие лица, появляющиеся и исчезающие в его сумерках; пенье фокстрота; глухая враждебность, связывающая героев пьесы в одно целое. Может-быть, вообще в «Люле» было больше Мейерхольда предреволюционных годов, чем в последовавшем «Лесе». Революционная тема «Люля», изображающая быстрое и мрачное тление капиталистического общества, была дана Мейерхольдом в окраске резкой тревоги: тревожность вообще была основною музыкальною нотою спектакля. И в самом методе постановки, в которой передавали его основное ощущение графические линии движений, сочетания персонажей, быстрые и глубокие взгляды, рассеянный и тусклый свет прожектора, освещающий одну часть сцены и погружающий в сумрак остальную,—и в манере игры несомненны и явны были отзвуки символического театра. В этом отношении очень интересно было ясное и графически четкое исполнение Лишина и Терешковича. В них намечался особый подчеркнутый стиль игры, обозначенный короткими резкими движениями, четкостью речи, сосредоточенностью жеста, экономией средств сценической выразительности — любопытная «театрализация» приемов кинематографа.

В своем увлечении типом театра, противоположным господствующему, Мейерхольд пришел к раскрытию в «Лесе» Островского начал испанской драматургии. Это было некоторым единоборством с Островским, вернее,—с сущностью данной пьесы. Переставляя явления, разбив пьесу на ряд эпизодов, Мейерхольд достиг утверждения своего театра, но прошел мимо основного смысла «Леса». Воспользовавшись пьесой, как предлогом для проведения своих художественных тенденций, Мейерхольд не учел того явного обстоятельства, что «Лес»— подобно всей драматургии Островского— создан под преобладающим влиянием сценических требований современного Островскому театра. В этом коренился противоречивый характер спектакля, в продолжение которого непреодоленный драматургический материал мстил за себя. Почувствовав народную и разгульную стихию Островского, Мейерхольд купил ее освобождение ценою ломки остальных элементов художественного миросозерцания и творчества Островского. Он не был в состоянии одновременно убедительными средствами сделать Островского в своей интерпретации интересным, живым и действенным до конца. «Возрождения» Островского чрез его «преодоление» достигнуто не было. Романтизм Несчастливцева, мрак обитателей «Леса», суровость и кряжистость мужика, слово Островского— не звучали. Звучало другое: разгул, ширь, бесшабашность,—все то, что и ранее чувствовалось в Островском, но в первый раз было показано с такою силою на сцене Мейерхольдом. Выдвинутый Мейерхольдом сценический принцип торжествовал полную победу, по крайней мере, мощное обаяние этого спорного спектакля лежало именно в этом глубоко прочувствованном принципе стихийного балаганного театра, полнокровной народной мелодрамы, а не только в отдельных приемах и не в проблематичной схватке с Островским, обещавшей пляску победителя над трупом поверженного врага и тот сатирический оскал на прошлое, которые были идеологической сутью спектакля.

В области художественной вызывал преимущественные споры натурализм, возвращающий, по мнению многих, театр к натурализму Художественного театра. Однако средства сценического воздействия в одном и другом противоположны. Противоположно и их применение. Натурализм Мейерхольда по существу есть натурализм *приема* — отнюдь не образа. Подобно площадному



Театр имени Мейерхольда. «Лес» Островского. Режиссер — В. Э. Мейерхольд.

театру, Мейерхольд резок, определителен и категоричен. Он натуралистичен в деталях при глубоком условно-театральном реализме целого. Для того, чтобы данная деталь дошла до зрителя— в этом новом плане площадного театра— необходима ударность и резкость. Попутчики Мейерхольда искали ее в отвлеченном эстетизме и неожиданности цирковых трюков, Мейерхольд — в резкости натуралистических премов, выделяющих существеннейшие моменты. В «Лесе» натуралистические приемы не требуют соответствующего окружения; реальный стол, беседка без кулис и сукон, клетка с птицами, вместо квартиры, построенной в реальном театре и живописно оформленной условной стены стилизационного театра. То же и применительно к игре (резкость деталей, отсутствие пресловутого психологизма и красивости и т. д.).

С этим связано и стремление к изобразительности; в «Лесе»—впрочем и в «Люле»—нет беспредметных декораций. В «Люле» конструктивно построенная сцена путем незначительных перестановок обозначает: магазин, железнодорожный мост. В «Лесе» детали постановки обозначают: вьющуюся лесную дорогу и весь быт помещичьей усадьбы. В «Лесе» отчетливо проступило лукавство и хитрость Мейерхольда-художника. Одновременно с агитационным назначением спектакля Мейерхольд вводит момент яркой и мужественной лирики. Мейерхольду стала свойственна мелодраматичность. Несмотря на резкие краски сатиры и шаржа, которыми он окрашивает помещицу Гурмыжскую, помещиков, попов, следуя приемам «Крокодила» и «Безбожника»,—он утешителен и мягок в плане лирическом. Он выделяет сцены любви Аксюши и Петра. Вместо резкого звука шипящих мотоциклов и автомобилей он вводит мягко звучащую «гармошку». Вместо жестокого света прожекторов — синий рассеянный свет для изображения ночи. Он строит спектакль, исходя из требований живописного порядка, но не прибегая к помощи декоратора-художника. Это балаганное представление, вмещающее патетику, лирику и буффонаду, было оформлено согласно законов строгой эстетики: сочетания цветов, ко-

стюмов, разноцветных париков, группировок персонажей давали определенную декоративную композицию, вызванную волею режиссера.

Такими различными путями было достигнуто оформление Шекспирова театра российской современности в двух последних постановках Мейерхольда. Не все было в них до конца завершено. Оба спектакля были вполне заразительны в области эмоционального воздействия на зрителя, несмотря на то, что были неясны и нечетки в плане рационалистической идеологии. Вряд ли можно согласиться с трактовкой декадентского героя «Озера Люль» его автором в качестве индивидуалиста, терпящего крушение из-за упорной верности своему индивидуалистическому миросозерцанию; вряд ли можно живо интересоваться насмешкою над Гурмыжской и другими давно ушедшими образами,—если такое рассмотрение ставится во главу спектакля. Мейерхольд правильно учел имевшийся в его распоряжении материал, выдвинув на первый план непосредственное воздействие на художественные эмоции и ощущения зрителей и этим подготовляя пути воздействию агитационному. Не переносится ли этим вопрос об агитации через театр в более глубокую область, не только рационалистической организации сознания зрителя, но непосредственно влияния на его подсознательные переживания и ощущения, которыми будет подготовлена организация сознания, и не будет ли правильным такое перенесение агитации из сухого схематизма в плоскость живого творчества?

Принцип обязывает. Возвратив на сцену лирику и подняв спектакль на высоту героическую и патетическую, Мейерхольд должен поднять на такую высоту и актера. Между тем актерское исполнение в значительной мере казалось мелким, разбросанным и несосредоточенным на ряду с безудержной широтой размаха мейерхольдовского подхода. С другой стороны, очень многие из блестяще намеченных эпизодов остались только намеками, требующими своего дальнейшего раскрытия и не получившими должного завершения. Очищение принципов этого театра, доведение их до наибольшей действенности и сосредоточенности—стоит перед Мейерхольдом или его последователями, если только они останутся верны так счастливо выдвинутому принципу. Еще более этот принцип требует новых современных пьес, в которых бы цели агитации были соединены с теми новыми приемами, на которые намекнул Мейерхольд своей постановкой «Леса». Применительно к «Лесу» справедливость требует отметить исполнение Ильинским Аркашки, в последних спектаклях комедии Островского преодолевшего чаплинизм, ранее досадно мешавший его игре, и развившего фигуру Аркашки—актера, первого любовника, суфлера и комика, прошедшего через все испытания актерской жизни—до пределов законченного и классического образа.

II.

Другие два спектакля, поставленные в театре Революции, но уже Бебутовым, были в гораздо большей степени верны классическому пониманию трагедии и этим подчеркнули особенности восприятия театра Мейерхольдом. Причина лежала и в самих пьесах, и в режиссерском даровании Бебутова. «Спартак» Волькенштейна написан по тем канонам трагедии, которые автор подтвердил в своем теоретическом труде о «Драматургии». Единое действие, герой — вождь толпы, стремительное и неуклонное развитие интриги, образная и суровая речь свойственны драматургии Волькенштейна. Бебутов — режиссер-рационалист, любящий абстрактное построение сцены и схематичность действия. Для него вполне живы предания французского классического театра. В «Спартаке» Бебутов увидел богатую возможность воскресить эффектную монументальность французских спектаклей. Он любит музыкально и напевно строить речь действующих лиц; он стремится к пластической мерности движений и округленной красоте жеста. Его постановки вполне отвлеченный мир умопостигаемых образов и воображаемых героев. На абстрактных конструкциях разыгрывается трагедия о восстании героических рабов, имевшем место в

Театр Революции. «Озеро Люль» А. Файко. Режиссер — В. Э. Мейерхольд. Конструктор—В. Шестаков.

Риме. В самом существе своего дарования Бебутов резко противоположен Мейерхольду. Он—режиссер-математик, и располагает действующих лиц по строго вычерченным геометрическим фигурам. И «Спартак», и «Стенька Разин» были отнюдь не плохо сделаны сценически, очень культурно и вполне благородно. Но вместе с тем звучали сухо и холодно. В «Стеньке Разине» Каменского Бебутов увидел русскую ораторию. Неудача со «Стенькой» была крупнее недоразумения со «Спартаком». Дело было в той пейзанской окраске, в той стилизации, которой была пропитана постановка и которую так счастливо избег Мейерхольд, воскрешая в «Лесе» народную мелодраму и лукаво вводя эстетические приемы на основе утвержденного им принципа театра. В постановке Бебутова не было слышно той лирической струи, которой единственно может быть оправдан «былинный сказ» Каменского, но было много приподнятой и фальшиво звучавшей патетики. Очень боявшийся «балаганного стиля à la russe» Бебутов, однако, не нашел искомого им языка «сценического воплощения». Он избег «кабаретной» фальсификации частушки, толкания локтями в «народных» сценах, чесания затылков и под-микиток и проч., но взамен этого придал наивной и простой пьесе Каменского декламационный стиль и торжественность французской трагедии. В его постановках действовали изящно, но вполне абстрактно одетые мужики, мужественные, но вполне отвлеченные рабы, которые ничего не говорили зрителю ни о степном бунте Стеньки, ни о первом восстании рабов в далеком Риме. И снова—революционная тема—и вместе с нею и художественная — исчезала под покровами внешней нарядности, чрезмерной красивости и помпезности показанных спектаклей. Противоположными в одном и том же театре спектаклями («Люль» и постановки Бебутова) очень резко поставлен вопрос о границах эстетического оформления, о грани между «эстетическим» и «сценическим» реализмом. И самое главное, была доказана невозможность для современности отвлеченного и идеализованного при всем его благородстве подхода к пьесам на темы политических и социальных восстаний, как это в свое время предполагал сам Бебутов и жертвою которых он пал.

Более родственны Мейерхольду опыты, производимые в «Пролеткульте» С. М. Эйзенштейном и в «Мастерской Педагогического театра» Рошалем. Однако, оба они строже, суровее, принципиальнее Мейерхольда. Они мужественно охраняют свое творчество от вторжения эстетических украшений, связанных со старым театром, и лирических мотивов. Поэтому они уже Мейерхольда и, может-быть, их смелость только кажущаяся по сравнению с Мейерхольдом, так решительно расширяющим область своего художественного творчества. Односторонность их сценических созданий придает им характер резкой и отчетливой последовательности. Их мастерство еще проблематично, но их талантливость несомненна. Все же при всем их ригоризме они являют смешение различных приципов. С одной стороны, они все еще хранят следы крайнего формализма, связывающего их с эстетическим театром, с другой стороны, касаются проблем, в этом театре незатронутых.

В начале своей деятельности Эйзенштейн (лаборант Мейерхольда) был во власти традиций цирка и видел обновление театра в возрождении цирковых трюков и в их применении к актерскому творчеству. В показанной в текущем сезоне постановке «Слышишь, Москва!» Эйзенштейн по сравнению с прошлогодним «Мудрецом» делает шаг вперед. Второй постановки Эйзенштейна «Противогазы», поставленной на газовом заводе, мне видеть не удалось. Казавшаяся парадоксальной, но ставшая вскоре трюизмом и отжившая формула Эйзенштейна о театре-цирке на практике свелась к превращению театра в цирк и к господству трюка как основе и сценического представления, и актерской игры... Однако, как показал спектакль «Слышишь, Москва!» (текст Третьякова), Эйзенштейн ищет нового применения этому не столь уже новому принципу. «Слышишь, Москва!»—агитгиньоло, как определили пьесу автор и режиссер. В смысле актерском и сценическом приемы клоунады и чистого акробатизма, так явно преобладавшие в предыдущих постановках, здесь преломлены по-новому и подчинены непосредственному сценическому заданию. Уже отсутствуют и «цирковые номера», как почти самостоятельная часть представления, и вводный цирковой трюк, имевший специфические задания. От «обозрения», которым был, в конце-концов, «Мудрец», Эйзенштейн обратился к созданию пьесы, построенной на развивающейся интриге. Кроме отдельных приемов, от цирковой традиции осталась общая формула о максимальном воздействии на зрителя при минимальной затрате и экономии актерских сил. Пройденная актерами школа акробатики действительно воспитала квалифицированных людей. Ловкость, точность при выполнении сценических заданий — несомненна. Однако формализм Эйзенштейна законченнее и определительнее пресловутой «био-механики» Мейерхольда, в гораздо большей мере составляющей принцип не актерской, а режиссерской работы. Представляется, что Эйзенштейн в своих работах обращает больше внимания на законы актерского творчества, чем Мейерхольд.

Как и в большинстве опытов левых художников, и на работах Эйзенштейна остался некоторый отпечаток пряной остроты, эротики. Как и Мейерхольд, Эйзенштейн идет по пути максимального воздействия на зрителя. Отсюда выстрелы, шаржированный гротеск в области сценической интерпретации, элемент детектива и мелодрамы в области текста. Спектакль оставляет впечатление здоровья, крепости и силы, которые несутся с арены «Пролеткульта», когда его физически тренированные, здоровые и сильные актеры играют свой репертуар. Эйзенштейн имеет дело с актером, умеющим быстро входить в играемый образ и также быстро снимать маску роли,—актером, работающим на глазах у зрителя. Впрочем, на пути создания сценических образов Эйзенштейн еще не выработал достаточно определенных приемов, и у него на сцене звучат, становящиеся штампами и требующие обновления приемов, изображения попов, куртизанок, генералов и проч.

Рошаль путаннее, неотчетливее и сумбурнее Эйзенштейна. Его «Инженер Семитов» в отношении драматургическом снова изобличает отсутствие подлинной

Театр Революции. «Спартак» Волькенштейна. Режиссер — В. М. Бебутов. Конструктор — В. Шестаков.

драматургии, которая идет у нас в полном подчинении сцене, не ставя ей никаких заданий, но принимая ее задания и этим обрекая себя на известный формализм. В общем потоке увлечений урбанистическим гиньолем, авантюрным романом «Инженер Семитон» — одно из звеньев этой цепи, подобно «Люлю» и «Четвергу». Простой сюжет осложнен до чрезмерности. В постановке действуют все атрибуты урбанизма: и злодеи в кэпи, и мрачные фигуры, скользящие в темноте, преследуя неведомых похитителей таинственных изобретений, и проч., и проч. В качестве новости следует отметить принцип трансформации, по которому один и тот же актер исполняет ряд различных образов в течение всей пьесы. В остальном вполне талантливо использованы и рассеянный свет прожектора и остроумно изображенный полет на аэроплане — вообще весь урбанистический наряд, присущий театру.

Я не знаю, насколько «педагогичен» этот спектакль авантюрной мелодрамы и для детей какого возраста он предназначен. Здесь возможны всякого рода сомнения—этот вопрос подлежит решению специалистов. Не могу не отметить, однако, что и другой «Государственный» Детский Театр показал в постановке Бонди авантюрную пьесу «Колька Ступин», еще более, чем «Инженер Семитон», перегруженную мрачными деталями и урбанистическими мотивами, но сценически и режиссерски выполненную и с меньшим тактом и с меньшей талантливостью. Между тем отрыв от морализации, переход к здоровому авантюризму и максимальной действенности, вероятно, и практически, а принципиально вполне бесспорно мог бы поставить детские театры перед существенными и благодарными задачами. В своих урбанистических и авантюрных стремлениях Рошаль очень чрезмерен, но нельзя не отметить применительно к нему и Эйзенштейну их несомненную и значительную талантливость, заставляющую с живым сочувствием и вниманием следить за их сценическим опытом.

Еще недавно казавшийся передовым и занимательным Н. М. Форрегер со своим театром переживал существенный кризис. Его деятельность порвалась вместе с пожаром мастерской. Впрочем, художественный кризис определился еще ранее. Существо таланта Форрегера

всегда было в остром, очень «богемном» ощущении города—в параллель театру цирку, Форрегер создавал театр мюзик-холл, быстро изживший себя. Единственная в этом сезоне показанная постановка — переводная с немецкого — экспрессионистическая драма «Живой—мертвый» должна была знаменовать переход на идеологически-выпрямленный и художественно-углубленный путь. Как и во всех постановках Форрегера, и в этой пьесе было много острых и резких деталей и разорванность целого, ряд отличных наблюдений при бесформенности основного замысла. Дитя переходной эпохи, свидетель разорванного противоречиями современного города, его художник и поэт—Форрегер всегда останется творцом мелких вещей, в которых он может дать зрителю или слушателю ощущение современного города. И художественный и материальный конец его мастерской не случаен: удастся ли ему найти новые ритмы и новые формы тому мюзик-холльному театру, который он всегда создавал в протяжение своих поисков, даже в средневековых фарсах и испанских интермедиях,—кто знает? Во всяком случае судьба этого режиссера-реставратора и экспериментатора показательна для жестоких и суровых дней, переживаемых театром.

III.

В течение сезона открылись два новые театра; один из них был возобновлением «Театра имени В. Ф. Комиссаржевской», другой был учрежден МГСПС, имея в виду создание специального театра для рабочего зрителя и рабочей аудитории. И в своих новых постановках, и в возобновлениях В. Г. Сахновский, руководящий театром им. Комиссаржевской, шел по путям романтического театра. «Женщины в народном собрании» Аристофана и возобновление «Скверного анекдота» были его центральными работами. Поставленный в очень тяжелое положение театр этот не мог еще занять того положения, которое он раньше имел в театральной Москве и подтвердить с полною убедительностью положенные в его основу принципы деятельности. Причин было много и в изменении общественной ситуации, и в новой эпохе. Внутри же самого театра—в изменении его внутреннего состава. Особенно показательно было возобновление «Скверного анекдота», в свое время оставившего след в сценической интерпретации Достоевского. Спектакль, несомненно, прорастал новым содержанием: вместо Достоевского «Бедных людей», так явственно сквозившего в старой постановке, в спектакле появилось ощущение жестокой и суровой сатиры Достоевского, не нашедшей еще своего нового оформления. Так не нашел еще и своей новой формы театр. «Скверный анекдот» все же остался наиболее значительным его достижением, полноценности которого препятствуют те старые формы, в которые он вылился. Вторая постановка театра «Комедия ошибок» (режиссер Н. О. Волконский) представляет вульгаризованное соединение принципов «Турандот» Вахтангова и театра пародии, в подчеркнутое и неясное театральное представление. Вполне занимательна была постановка Аристофана, в которой режиссер Сахновский пытался приблизиться к резкой современной сатире и пародии. Колеблясь между легкостью и серьезностью, с неудачным текстом, постановка остановилась на полдороге между резкой сатирой и опереттой. Может-быть, при всем остроумии режиссера, конечная причина неудачи лежала в самой попытке сделать из Аристофана современную сатиру, для которой он не дает достаточно материала и заранее обрекает на мимолетную злободневность, и еще в самих особенностях режиссерского таланта Сахновского.

Режиссер-романтик Сахновский замечателен в тех своих работах, где он раскрывает философский смысл и значительность ставимого им произведения. Так было и в «Дон-Карлосе», и в «Реквиеме» Андреева, и в пятом акте «Грозы», и, наоборот, легкость и безудержность недоступны его режиссерскому темпераменту. В этом сезоне «Лулу» Ведекинда, поставленная Сахновским в театре Корша, при всей спорности пьесы, при всей невыдержан-

ности спектакля—была во много раз убедительнее Аристофана.

До конца верный своей линии, упорный и фанатический, очень глубоко ощущающий природу театра, актера и сцены, Сахновский в «Лулу» Ведекинда умел приблизить зрителя к тому основному для Ведекинда чувствованию «жизни зверинца», которое звучало и со сцены. Я думаю вообще, что роковое для Сахновского противоречие заключено в том его стремлении к внешней театральности, которое часто владеет его режиссерской фантазией, между тем, как его режиссерское уменье—в выражении глубоких и сосредоточенных чувствований, особенных и часто противоречивых событий, встреч и действий.

Театр МГСПС не обнаружил своего лица; вернее—в настоящем сезоне он доказал его отсутствие. Если другие театры стояли перед спорными и существенными эстетическими и общественными задачами, если перед ними вставали вопросы идеологического и художественного порядка, разрешавшиеся в процессе работы, то театр МГСПС шел по линии наименьшего сопротивления. Соединяя в репертуаре «Калигулу» Дюма с «Не было ни гроша», «Кина» и «Доходное место», «Герцога» Луначарского и «Судебную ошибку»—этот театр в истекшем сезоне ориентировался не столько на своего зрителя, сколько на волю крупных актеров (С. Кузнецов, В. Блюменталь-Тамарин), вошедших в его труппу. Элемент «гастролерства» был неотделим от его спектаклей. Случайность была основным принципом их режиссерского построения. Однако, три постановки были признаны самим театром плановыми: это были «Калигула» Дюма, «Герцог» Луначарского и «Театр Клары Газуль» Проспера Мериме. «Калигула» возвращала зрителя к оперному трафарету драм из римской жизни с героями в тогах, к «роскошной» постановке 80-х годов. Тою же помпезностью была отмечена и постановка «Герцог», где были показаны «разнохарактерная» толпа, «оживленные» народные сцены на фоне сомнительного конструктивного построения. Самым удачным все же был спектакль комедий Мериме, поставленных В. Бебутовым без особой режиссерской изобретательности, но в бодром темпе и с хорошей исполнительницей центральной роли Клары Газуль. Во всяком случае этот театр требует твердого художественного плана, идеологической ясности и крепкой режиссерской руки, тем более необходимых, что театр имеет дело преимущественно с рабочей аудиторией, которой спектакли, подобные демонстрированным МГСПС, могут быть только вредны. В том виде, в каком театр работает сейчас, он является проводником мещанских вкусов и мещанского художественного мировоззрения с его мнимой «эффектностью», бутафорской «роскошью» и оперною «помпезностью».

Однако, успеху публики театра МГСПС показателен—как будто зритель ждет отдыха от сложных театральных проблем и требует возвращения к занимательной интриге, парадоксально находя отклики и в постановках Мейерхольда и в театре МГСПС. Впрочем, здесь речь идет о социологической природе театра, о тех кругах зрителя, которым каждый из них удовлетворяет. Эта природа очень ярко сказалась в течение прошедшей зимы, когда каждый театр, видимо, начал стремиться сосредоточивать вокруг себя того зрителя, которому ближе всего разрабатываемые ими приемы, и этим создавать себе нужное для художественного и внутреннего развития окружение. Думается, что во всей полноте вопрос о зрителе станет в будущем сезоне, когда противоположение «театр — зритель» и их взаимоотношения станут с особою резкостью и остротою, ибо есть несколько выходов: подчинение себя зрителю, подчинение зрителя себе и редкое, но желанное сотворчество со зрителем.

Как будто бы потерял в этом сезоне своего испытанного зрителя театр Корша. Он не нашел необходимого репертуара и ни одна из многочисленных переводных комедий, им поставленных, не была опорою сезона. Из крупных постановок, кроме «Лулу», были поставлены: «Землетрясение» Романова (опыт современной бытовой сатирической комедии, взятой в плане анекдота, с анекдотическими и случайными образами и случайною фабулой), «Обращение ка-

питана Брассбоунда» Шоу в крепкой и яркой постановке Дикого и хорошем исполнении, хотя в целом английский юмор Шоу был вполне поглощен темпераментом режиссера и, наконец, «Освобожденный Дон-Кихот» Луначарского, в постановке Лапицкого и в декорациях Павла Кузнецова.

Мне остается остановиться еще только на Еврейском Камерном театре, руководимом Алексеем Грановским. К сожалению, в этом году театр дал незначительное количество постановок —«Гот» Шолом-Алейхема, вечер пародий на еврейские театры—«Три изюминки» и перенесенную из прошлого сезона комедию «200.000». Это—спектакли большого актерского и режиссерского мастерства. В своих поисках еврейской народной комедии, основанных на ритмизации и оформлении типического еврейского жеста, музыкальном оформлении еврейской речи—Грановский достиг отличных результатов. Наименее значительна и наиболее специфична постановка «Трех изюминок». Наиболее богата звуковой напыщенностью и темпераментом «200.000». Из всех московских театров, театр Грановского достиг наибольшей выразительности в ритмическом построении движения, речи и жеста. Формальный в самой сущности своей театр преодолевает этот формализм путями музыки, освобождения актерского темперамента и вольного актерского творчества в строгих границах формы.

Прошедший сезон выдвинул ряд существенных вопросов. Они подлежат разрешению в наступающем сезоне двадцать четвертого—двадцать пятого года. Я позволю себе остановиться на них в следующем своем очерке. Сейчас лишь намечаю главнейшие итоги. Можно считать окончательно изжитым противоположение «правого» и «левого» театра, и историческою закономерностью—продолжающееся взаимовлияние отдельных театральных течений. Возникает новое разграничение в связи с вопросами о различных принципах, лежащих в основе творчества того или другого театра. Кризис драматургии остался в прежней остроте и силе. Вопрос о подчиненности драматургии сцене становится проблематичным и спорным. В области сцены ярко и отчетливо встает вопрос о реализме и о новых приемах его воплощения и в связи с этим о необходимости нового использования принципов конструктивизма. Можно считать окончательно изжитым и реакционным увлечение на театре приемами чистого циркизма, мюзик-холля и кино, принципы которых перерабатываются на театре в новые театральные приемы. В театр широкою волною проникает крепкая и здоровая лирика и интерес к проблеме личности (в плане драматургическом и актерском). Вместе с тем встает вопрос об утверждении новых эстетических приемов взамен разрушенных старых. Шаблонный урбанизм западного толка изжит быстро и категорично. Театр стремится охватить жизнь во всей широте, богатстве и глубине. Отсюда возникает потребность в новых методах агитации. Наконец, кризис отдельных театров может быть определен как кризис зрителя.

IV. ИЗ МУЗЫКАЛЬНОЙ ЖИЗНИ ЗАПАДА.

Евг. Браудо.

Меньше, чем о других искусствах русский читатель осведомлен о последних течениях западно-европейской музыки. Сотнями переводятся новые романы, печатаются статьи о живописном экспрессионизме, но музыкальный контакт с Западом еще не восстановлен. Приезжие виртуозы—пока еще очень малочисленные—почти ничего нового перед незнакомой им аудиторией не ис-

полняют и все, что произошло и происходит в области музыкального творчества. почти совершенно скрыто от глаз русского наблюдателя. Не слишком богаты наши сведения, почерпаемые из новых французских, немецких и английских музыкальных журналов, скудно количество нотных тетрадей, дошедших до нас из-за рубежа, но все они свидетельствуют о том, что музыкальный облик Западной Европы за последние годы существенно изменился. Изменился темп музыкальной жизни, общественное значение нашего искусства, его роль, его творческое значение. Однако, с внешней стороны (если взять объявления о концертах, рецензии, извещения о музыкальных празднествах, съездах) все как будто течет по прежнему руслу, и картина музыкально-общественной жизни Европы не очень резко отличается от довоенной. Перемены надо искать в творчестве и мировоззрении радикального крыла западных композиторов, ожесточенных врагов всего привычного, изжитого, выразителей бурного пафоса наших дней.

Музыкальные вкусы западно-европейской публики очень устойчивы. Бетховен, Брамс, Чайковский—таковы неизменные кумиры Европы и Америки. Никакими другими авторами не соберешь больших аудиторий ни в Берлине, ни в Париже или Нью-Йорке. Их аналогами в области оперной являются Моцарт, Вагнер, Бизе, Верди и Пуччини, а в последнее время, преимущественно в Германии и Италии, Мусоргский («Борис Годунов») и Чайковский («Евгений Онегин»). Что бы ни говорили о «блестящем успехе» той или иной оперной новинки, для широких масс эти музыкальные сенсации протекают бесследно. Публика на эти оперы не ходит, а постоянного репертуарного значения они не имеют. При таком очень медленном изменении западно-европейских музыкальных вкусов можно отметить, однако, еще и другое противоположное явление—быстрое накопление творческих сил, остро враждебных всему старому укладу. Отсюда странный конфликт, наблюдаемый на всем музыкальном Западе—сравнительно малая распространенность «левой» музыки при всякой оценке ее людьми, способными ощущать рост новых творческих сил. Это—очень характерное явление революционного пятилетия. Но нам, наблюдателям издалека, невозможно судить по отзывам хотя бы самых авторитетных западных критиков о реальном значении и действительном удельном весе музыкальных новинок. Критические суждения, высказанные в эпоху обостреннейшей борьбы за новое искусство, всегда, конечно, страдают некоторой односторонностью, преувеличенным пафосом...

Лучше всего мы осведомлены, в силу разных причин, о новых явлениях и именах немецкой музыки. В одном из последних интервью С. Кусевицкий, ныне приглашенный на пост директора филармонического оркестра в Бостоне, заявил, что, по его мнению, современная музыкальная Германия совершенно оскудела и не дает больше плодов. То же самое подтвердил в отношении театра наш недавний гость Моисси. Однако это мнение практиков, людей, избалованных успехом и успеха только ждущих от каждого своего нового выступления. Суждение человека, более близкого к новому искусству, убежденного его сторонника, оказалось бы, вероятно, иным. В Германии, усталой и обнищавшей, все же идет напряженное искание новых звукоформ, новых мелодических норм и возможностей. Малер и Шенберг безраздельно владеют новым поколением. Их последователи сознательно идут на полный разрыв с прежней национальной германской культурой звуков. Пусть в оперных театрах чуть ли не ежедневно ставятся музыкальные драмы Вагнера. Для нового поколения немецких композиторов это—имя столь же одиозное, как имена Лудендорфа или Вильгельма в политике. В очень интересной и показательной брошюре «Мировое значение немецкой музыки» (мы надеемся поговорить о ней еще отдельно), наиболее выдающийся из современных германских музыкальных критиков, П. Беккер, главное достоинство немецкой музыки видит в ее постоянном стремлении «выработать международный, всечеловеческий язык звуков» и ее главное несчастие в постоянном возвращении к ограниченности узкими национальными пределами. Те-

перь главная опора всегерманского романтического национализма в звуках «Вагнер» (разумея самого композитора и его школу) рухнула. Новая немецкая музыка очутилась, в силу неизбежного для всей европейской музыки развития, на пути, предуказанном великим мелодистом начала 20 столетия Дебюсси, с одной стороны, и представителями русской «могучей кучки»—с другой. «Мы ищем самых тонких разнообразных и гибких отношений между отдельными тонами, чтобы проявить более интенсивное мелодическое бытие современной утонченной души», пишет тот же Беккер в другой своей брошюре. Эти искания современной немецкой музыки сказались раньше всего в освобождениях от преобладающего гармонического музыкоощущения предыдущей эпохи и в признании нового принципа «атональной» музыки, то-есть музыки, лишенной чувства тональности, и в полном высвобождении мелодической линии, как самодовлеющего начала. «Атональность»—боевой лозунг современного музыкального радикализма.

Это новое течение, с одной стороны, результат обостренного мелодического ощущения, а с другой—несомненно, тяготеющее к звуковому примитиву, мелодии без всякого сопровождения, свежей струей вошло в послевагнеровское искусство. Мы назовем лишь два-три крупных имени в стане «атоналистов»: Шреккер, Гиндемит, Берг. Шреккер к «атоналистам» может быть причислен, впрочем, условно. Этот наиболее видный из немецких музыкальных драматургов, в сущности говоря, резко с существующей после Штрауса музыкально-драматической формой не порывает. Авторитетная и, повидимому, беспристрастная критика утверждает, что Шреккеру удалось разрешить проблему органической «непсихологической» (другими словами, симфонической) музыкальной драмы. Его музыкально-драматическая техника основана, в противоположность вагнеровской, на преобладании чистой мелодии, без применения лейтмотива, как средства психологической характеристики. Инструментовка его всегда приноровлена к такому пониманию мелодии, как самодовлеющего начала звукового зодчества. Беккер одним из главных достоинств музыки Шреккера считает ее «вненародный» характер, сближающий ее с языком Дебюсси, Пуччини, Шарпантье. Две из его музыкальных драм, «Отмеченные» и «Искатель клада», заняли прочное место в немецком оперном репертуаре. Совершенно атонален другой представитель современной немецкой музыкальной драматургии, Альбин Берг, воплотивший в звуках великолепную трагедию «Воццек» Бюхера. Здесь была сделана попытка максимально приблизиться к интонации разговорной речи (не без влияния, быть может, «Женитьбы» Мусоргского), оркестровой же музыкой пользоваться, как самостоятельным началом (вставные симфонии, сюиты). Насколько удачно разрешена эта попытка, конечно, не прослушав оперы, судить невозможно.

В немецкой камерной музыке за последнее время наблюдается значительное оживление, но те немногие образцы, с которыми мы имели возможность ознакомиться, не дали нам совершенно ясного представления о том, что сейчас делается в Германии. Многое из новейшего немецкого камерного творчества производит впечатление каких-то судорожных исканий без ясно осознанной цели и смысла. Некоторое исключение из этой общей растерянности являют композиции молодого автора Павла Гиндемита, одной из наиболее ярких фигур «послештраусовской» музыкальной Германии. Его творчеству уделен был целый вечер московской «Ассоциации Современной Музыки». Признаюсь, то, что услышано нами на этом концерте (3 сонаты, квартет), не убедило нас в его значительности. Письмо Гиндемита, опираясь на солидные образцы брамсовской камерной музыки, умеренно пользуется новыми приемами. У него, несомненно, сильно развито чувство мелодии, он удачно вводит в свою фактуру моменты неприкрашенного мелодического примитива, свободно владеет политональным (то-есть основанным на одновременном применении нескольких мелодий) письмом. Но в общем это все-таки начинающий автор, не законченный мастер.

Концертное «производство» современной Германии как будто ничуть не по-

страдало от последних политических катастроф. Бесконечны списки камерных, симфонических вечеров в Берлине и Вене. Процветают и оперные театры, особенно благодаря постановкам «Бориса Годунова», «Золотого Петушка», «Евгения Онегина» (в Дрездене с новыми декорациями Добужинского). Мода на русскую музыку держится прочно. В последние годы Берлин в смысле богатства и разнообразия музыкальных впечатлений стал несколько уступать Вене. Здесь полным вершителем музыкальных судеб является Рихард Штраус. Недавно Вена торжественно праздновала 60-летие мастера. По этому случаю впервые поставлен был новый балет Штрауса «Битые сливки» (скандальное происшествие в одной из венских кофеен), произведший самое удручающее впечатление скудостью изобретения, банальной мелодикой и беспомощной компановкой. Так, «скандальное происшествие в одной из венских кофеен» обратилось в скандальный эпизод из жизни самого композитора. На летние месяцы объявлен ряд музыкальных празднеств в Байрейте, рейнская музыкальная неделя, неделя новой камерной музыки в Донэшингене.

Во французской музыке последнего периода не чувствуется такого резкого разрыва с прошлым, как в немецкой. Но и тут в произведениях последней формации замечаются те же черты музыкальной новизны, а именно: упрощение формы, искание точной мелодической линии, отказ от прежнего языка гармонии во имя контрапункта, преобладание маленьких оркестровых составов и предпочтение балета опере. Единогласно самыми разными источниками подтверждается огромное влияние Стравинского (к которому немецкая критика относится, между прочим, весьма скептически) на молодое поколение. Упрощение циклической формы, неимоверно разросшейся в ущерб своей внутренней стройности, было уже сделано Дебюсси и Равелем во имя равновесия между формой и содержанием. Сонатной форме возвращен был в последних сонатах Дебюсси ее логически-конструктивный характер. Теперь эту попытку, прерванную смертью Дебюсси, продолжают молодые композиторы, члены «шестерки», о которой речь еще будет ниже. В области оркестровки «шестерка» достигает чрезвычайно интересных эффектов подбором изысканных и неожиданно контрастирующих звучностей. Так, в одном из своих балетов участник группы, Мило, пользуется таким составом: струнным квинтетом, вокальным квартетом без слов, двумя флейтами, кларнетом, бас-кларнетом и восемнадцатью ударными инструментами, солирующими в трех местах во время паузы других. Другой представитель шестерки Фер. Пуленк написал сонату для двух кларнетов.

За последние годы французская музыка выдвинула, повидимому, только шесть имен: Фр. Пуленк, Артюр Оннегер, Жорж Орик, Дариус Мило, Жермэн Тальифер, Луи Дюрэ. Эта могучая «шестерка» (по аналогии с русской могучей «пятеркой») сейчас наиболее видная композиторская группа молодой Франции. Из участников ее наиболее активны Мило, Оннегер и Пуленк. Самым выдающимся мы назвали бы швейцарца Оннегера, превосходно владеющего пером и при некоторой нарочитости своего атонального письма все же убедительного. От оценки остальных мы воздерживаемся, главным образом, за недостатком материала для суждения (несколько очень остроумных мелочей Мило, просмотренных нами, не дают определенного о нем представления).

Произведения «шестерки» охотно исполняются на всех фестивалях, где есть стремление представить новейшую Францию (например, на недавнем празднестве в Ницце), но на внутреннем рынке их сочинения, повидимому, спроса не встречают. Этот внутренний рынок во Франции еще более консервативен, чем в Германии. Он довольствуется «Лоэнгрином», «Фаустом», «Кармен», «Сказками Гоффмана» и падок до изысканных русских блюд, особенно Стравинского, преподносимых Парижу еще поныне искусным в их приготовлении Дягилевым. В музыкальной прессе встречается еще упоминание и других свежих французских композиторских имен: Юрэ, Мижо, Ролана Манюэля, частью пребывающих попрежнему в музыкальном импрессионизме, частью заворо-

женных строгим линейным письмом французских классиков. Из представителей старшего поколения творит Морис Равель, ныне общепризнанный и чтимый глава французской школы. За последнее время он написал много камерной музыки и часто выступает в качестве дирижера вне пределов Франции. Из полного забвения извлечен, наконец, еще Эрик Сати, автор курьезнейших подражаний древне-греческому мелосу, один из предвестников французского импрессионизма звуков, ныне уже старик. Однако, влияние этих музыкальных деятелей значительно слабее в самой Франции, чем за ее пределами. Вкусы широкой публики здесь еще менее взыскательны, чем до войны, и сквозь «форте» привычных звуков Масснэ, Гуно, Бизе здесь попрежнему изредка проникают слабые голоса Дебюсси и Равеля.

Такова в общих чертах картина музыкальной жизни двух наиболее культурных наций, представляющаяся далекому наблюдателю. Новым фактом западноевропейской музыки является выступление национальных школ, до сих пор имевших лишь второстепенное значение для музыкального прогресса XX столетия. Сюда относятся, например, венгры, выдвинувшие за последнее время два своеобразных таланта—Эгона Велеша и Эрвина Лендвая, испанцы, заметно ушедшие вперед как в симфонической, так и в оперной музыке. Значительно разрослась также и группа итальянских композиторов, находящихся под сильным влиянием Рихарда Штрауса, с одной стороны, и французских импрессионистов—с другой. Наконец, известное участие в общеевропейском музыкальном обиходе начинает принимать окрепшая английская национальная школа и датчане, имеющие в лице Хильсена крупное симфоническое дарование. Несколько недель тому назад (в начале июня) в Праге состоялось трехдневное празднество Интернационального общества новой музыки. На этом празднестве исполнялись произведения молодых французских (Руссель, Фл. Шмидт), итальянских (Риэти, Мальпиэро), чешских (Остригил, Горвиц, Сук), польских (Шимановский), немецких (Эрдман) и русских зарубежных композиторов (Прокофьев, Стравинский) Русские же, находящиеся в С. С. С. Р., музыканты оказались вне этого интернационального объединения, вероятно, не случайно, что, во всяком случае, показательно для ориентации этого музыкального союза.

V. СОВРЕМЕННАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ ПОЭЗИЯ.

М. Эйхенгольц.

I.

1. Жан Эпштейн (Jean Epstein) — литературный критик и теоретик крайних групп французской поэзии. Он печатается издательством «левых» «Сирена» и посвящает свою книгу «Поэзия наших дней» (La poésie d'aujourd'hui. Un nouvelle état d'intelligence. 1921) Блэзу Сендрару. Когда Эпштейн говорит о современной французской литературе, он разумеет Гийома Аполлинэра, Блэза Сендрара, Сальмона, Арагона, Кокто. Заместители символистов на французском Парнасе, поэты из ныне распавшегося братства—издательства «Аббатство», Ж. Дюамель, Ш. Вильдрак, Ж. Ромэн для него каноничны. Из дадаистов—Т. Дзара, Пикабиа не оформились. А. Франс, Ромэн Роллан, П. Амп и многие другие—французская проза, сев былого натурализма и его всходы—остры фабулой или темой. Ж. Эпштейн исходит из приема. Новизна определяется у него планом формальным. Книга Эпштейна партийна. Это—почти литературный манифест.

2. В заключительной главе Ж. Эпштейн формулирует: современная литература представляет настоящую клиническую картину легкой степени умственного утомления. Психическая утомленность—неизбежный спутник современной индустриальной культуры. В этом смысле мы все больны. Но болезнь, которой живет мир, которая творит, которой никто не может избежать, это вместе с тем—здоровье. Умственное утомление—фактор цивилизующий; без него мы были бы обречены на культурную гибель, и чем человек культурнее, тем он более подвержен умственной утомленности. Когда утомление из плана интеллектуального переходит в физиологический, это—подлинная физическая болезнь, которой Эпштейн не касается. Такова философия истории у Эпштейна, философия своеобразного fin du siècle, умирающей буржуазной культуры. Она возводит во всеобъясняющий фетиш некоторые психофизиологические феномены, характеризующие состояние упадка.

3. В предисловии Ж. Эпштейн просит извинить его за слова—подсознательный, эстетический, умственный и т. п., он принужден употреблять их, чтобы быть понятым. Эпштейн, видимо, чувствует (вровень с современной поэтикой) необходимость в точной научной терминологии для обозначения явлений художественно-литературного порядка. Его не удовлетворяют термины психологические. А между тем книга его насквозь психологична и в подзаголовке—«Новое состояние сознания» и в названии отдельных глав—«Непосредственность», «Впечатление мечты», «Единство интеллектуального плана»—и в выводах, о чем сказано выше. Его метод литературного анализа можно было бы назвать психолого-формальным.

4. Поэт, по Эпштейну,—автономный психо-физиологический организм. Это—Тартюф или Журдэн, Дон Жуан или Алкивиад, психологический тип, который он рассматривает как вневременное мерило. Чувства индивидуума в пределе не зависят от жизненных событий, с которыми он сталкивается, но их окрашивают. Социальный анализ тем самым отрицается. Если эпоха подлежит учету, то в самом широком смысле, в своей особой психологической имманентности.

Психо-физиологическая классификация применяется Эпштейном и по отношению к читателям. Одни обладают аристократической чувствительностью, другие—масса вульгарных организмов. Для одних существует литература «затрудненная», для других — низший род литературы—sous littérature, не требующий читателя профессионала.

5. Французский реализм, натурализм—Бальзак, Флобер, Золя—детализовал. Современная литература схематизирует. Это — намеренное упрощение, когда опускаются подробности, излишние для художественной выразительности.

Пример, Кокто-«Potomak».

Как утро—пробужденье:
Все больше сердце вязнет. Чуда ждали.
Не изменяется ничто.
Ненужное солнце.
Открытое письмо, фактура.
С трудом встаешь.

Программа дня: исполнить, чего не нужно делать.

Бесплодное унынье [1]).

Краткость описаний. Синтаксически—это безглагольные нераспространенные предложения; элизия служебных частей его. Восприятие внешнего мира со стороны статической ослаблено. Пластическое не останавливает внимания. Современные поэты фиксируют мгновенное. Жизнь воспринимается в движении. Состояние покоя художественно неценно. Это—полная противоположность парнасскому лозунгу красоты, как у Бодлера (Готье, Флобера-Леконт де Лиля)—«Я ненавижу движение, смещающее линии». Из тумана сознания выступают отдельные острые вершины; они предстают, отмечает Ж. Эпштейн, со зрительной ясностью кошмара. Так, у Блэза Сендрара в «19 эластических поэмах».

Ателье.

La Ruche.
Лестницы, двери, лестницы
Как газета, открывается дверь

[1]) Все приводимые стихотворения переведены мною. *М. Э.*

Покрытая визитными карточками
Потом захлопывается.
Беспорядок, все в беспорядке
Фотографии с Леже, фотографии
С Тобина, которых не видно
А на оборотной стороне
Неистовые творения
Эскизы, рисунки, неистовые творения,
И картины...
Пустые бутылки
Гарантируем абсолютную доброкачественность нашего томатового соуса
Гласит этикетка
Окно—альманах.

Кубизм стремится «дать почувствовать все стороны объекта одновременно» (Сальмон). Так и у современных поэтов изображение не является плоскостным, живописным, красочным; оно—объемно. Тут, несомненно, влияние живописного кубизма, теоретиком которого был Гийом Аполлинер.

6. Современная литература (я говорю о названной группе поэтов) отличается алогичностью. Мысль - логическая фраза заменяется мыслью - ассоциацией, покоящейся в глубинном подсознании, не подчиняющейся рациональной логике.

Мысль-ассоциация схожа со снами. Этим и объясняется впечатление кошмара, настойчиво указывает Эпштейн, которое получается при чтении современных писателей.

Излюбленный прием (влияние кинематографа) — авантюрная фильма, где действие развивается согласно вне-человеческой логике событий. Личность схватывает их сцеплением ассоциаций. Такова фильма «Шарло в магазине» Луи Арагона.

Мистический Шарло.

Подъемная машина все спускалась, ак что захватывало дух и все поднималась лестница.

Разговоров не слушает прелестница
Я вижу грим ее лица
А я мечтал уже сказать ей о любви
Ах комми
Такой комический с усами накладными
И бровями
Он закричал, когда за них я дернул
Странно
Я эту знатную увидел иностранку
Сударь
Я не женщина легкого поведения
У уродина
К счастью заведены
Чемоданы у нас из свиной кожи
Испытанной
Вот этот
Двадцать долларов
А в нем на тысячу
Одна и та же система
Ни меры
Ни логики
плохая тема.

Система образов - ассоциаций еще более очевидна у Блэза Сендрара в стихотворении «О всем мире».

Срывай лепестки у розы ветров
Вот шумят раскованные грозы
Поезда катятся вихрем по запутанной сети
Дьявольские бильбоке
Бывают поезда, что никогда не встречаются
Другие—в пути теряются
Начальники станций в шахматы играют
Трик трак
Биллиард
Карамболь
Параболы
Железная дорога—новая геометрия
Сиракузы
Архимед
И солдаты что его убивают
И галеры
И корабли
И чудовищные приборы что он изобрел
Все убийства
История античная
История новая
Вихри
Крушения
Даже Титаник, о котором я в журнале прочел
Столько образов ассоциаций, что я не могу их развить в стихах
Потому что я еще очень плохой поэт
Потому что мир от меня ускользает
Потому что я пренебрег страховкой от несчастных случаев на железной дороге
Потому что я не умею итти до конца
И боюсь.

7. Художественная эмоция переносится в интеллектуальный план. Ощущения передаются в современной поэзии в одной плоскости: зрительные, слуховые, вкусовые—они смешиваются.

Пробуждение. Луи Арагон («Огонь радости»)

Истощенный ночью
Разбитый сном
Как открыть глаза
Пробуждение—утро
Тело скользит в таинственных простынях мечты
Вся усталость людская
Сожаленье о романе в тени
Мечты
Как я кусал арбуз
Тысячи доводов притворяться глухим
Белым голосом часы возвещают что день
Детская печаль еще предается лени
Я лицеист—по воскресеньям
В моих руках как будто был воздушный шар
День, когда цирк и друзья
Друзья
Точно персики
в своих фуражках английского покроя
Голые икры и галстухи бантом
(отрывок)

Мысль и действие, идея и ощущение, воспоминания и предвидения,—все проецируется на одном и том же экране. Поэма Л. Арагона обнаруживает определенную, нарочитую беспорядочность. Если происходящие события прерывают поток воспоминаний, это отмечают, стремясь фиксировать психическую правдивость, верность мыслительного состояния. Анахронизмов не существует.

Кража (Филипп Суполт).

В министерстве жарко
машинистка улыбается поблескивая очками
Просят помощника секретаря
Все двери заперты
статуя в саду и та неподвижна
пишущие машины лепечут
и телефонист настаивает
Как знать, бежать ли мне
вокзал недалеко
трамвай ползет к Версалю
Мне сказали вблизи что-то случилось
значит я не смогу услышать ржанья облаков
Эйфелева башня бросает свои лучи
Сандвичевым островам
Гутенберг 24—19

Избирается динамическое состояние. Раскиданность образов, непоследовательность их всегда обусловлена определенным эмоциональным состоянием поэта или воображаемого центра поэтического творения. Как говорит Артур Рэмбо «Я дошел до того, что стал считать священным беспорядочность своего ума» («Сезон в аду»). Это показательно.

8. Иллогизм современной поэзии сказался в разрушении канонических форм. Прежде всего—это отрицание различных каталогизированных правил. Оплот логики—грамматика. Современные поэты стремятся к ее уничтожению. Деформируется синтаксис. Пунктуация подвергается той же участи. Она случайна; к тому же она стала музыкальной, а не логической; обозначает паузы, служит указанием при чтении вслух. В этом отношении французские современники поэты сходны с итальянскими футуристами. Реформа Маллармэ представляется незначительной. Маллармэ деформировал синтаксис, прибегая к изощренным приемам особой, чисто книжной, иногда архаической конструкции. У новых поэтов эта деформация импульсивна и не руководствуется рациональными законами.

9. Одним из характерных признаков новой поэзии Эпштейн считает метафору. Он говорит о потоке метафор в любой поэме. Как стилевой признак, метафора, разумеется, не представляет новшества. Она обычна у романтиков (Гюго), Бодлера, символистов (Маллармэ), итальянских футуристов (Маринетти), русских символистов (Блок), футуристов (Маяковский).

Как отмечает Эпштейн, закон притупления рефлексов (привычка стирает смысл метафор), которые становятся невыразительными. Обновление метафоры в новой поэзии достигается ее чрезмерностью. Художественная цен-

ность слова вообще уменьшилась. Благодаря этому устанавливается известная непропорциональность между впечатлением, ощущением, эмоцией и образом, который их передает. Так, Кокто—«Я был тогда быком», у Блэз Сендрара—

Жизнь пригвождена к кресту в раскрытой газете
что я держу в протянутых руках
Распростертые крылья
Ракеты
Кипенье
Крики
Будто падает аэроплан
Это—я.

Гиперболизм этих метафор—в самой отдаленности сопоставляемых представлений, а не во внутреннем гиперболизме образа. Метафора описательная не удовлетворяет. Раньше для метафор действительность заставляла позировать, как у деревенского фотографа, говорит Эпштейн; но искусство всегда антифотографично. Теперь метафора—мысль, способ понимания. Современная головная поэзия ценит громадную интеллектуальную роль метафоры. Это — теорема, в которой от гипотезы переходят непосредственно к выводу. Малейшее сходство, аналогия, какими бы далекими они ни были, принимаются за основу метафоры.

Я лицеист—по воскресеньям
в моих руках как будто был воздушный шар.

Ссылка Эпштейна на Маллармэ не случайна (ср. «Демон аналогии» Маллармэ). Ведь Маллармэ—теоретик символа, как системы аналогии. Внутренний смысл образа, его идеалистическую иносказательность, как у символистов, современная поэзия отвергает. Теперь литература не рассматривается, как прообраз идеалистического мировосприятия. Это только способ сжатой фиксации представлений. Раньше метафора служила по преимуществу приемом задержания, отстранения. Зачастую она распространялась пластически, закрепляла внимание. Теперь она непосредственна, мгновенна. Это—эстетика калейдоскопа.

Я в сказочных экспрессах
пересекаю все одни и те ж Европы
и смотрю
отчаявшись из-за портьеры
Пейзаж меня уже не привлекает
А лишь танец пейзажа.
(Блэз Сендрар. «19 эластических поэм»)

Метафора «Танец пейзажа» может быть воспринята непосредственно. Эпштейн ее раскрывает: В вагоне. Поворот. Дорога идет под уклон. Вагон наклоняется... Из-за портьеры поля опускаются направо и исчезают. Окно косо смотрит лишь в небо. Налево земля подымается, как бы угрожая войти через это открытое окно. Деревушки на вершине холма, как на гребне подвижной волны... Тотчас обратный наклон восстанавливает равновесие... Таким образом, головокружение при езде по железной дороге напоминает головокружение от танца. Другой пример—«У меня на кончике нервов электрические скулы». (Сендрар.) Это значит—фонари на автомобиле выдаются впереди машины, как на лице скулы под глазами; что эти фонари электрические; что человек у руля управляет машиной, с которой он составляет единое тело, при помощи рычага; что ничто не передает впечатления нервности лучше дрожащего мотора; что человек чувствует, как нервы его повелевают мускулами, которые двигают рычаги... Таким образом, от читателя требуется высшее напряжение при восприятии сгущенной метафоры новой поэзии. Читатель обращается в эрудита. Дешифрировать образы могут лишь «аристократы нервов». Создается читательская аристократия. Круг читателей ограничивается. Поэзия, по Эпштейну, создана для немногих. Она герметична. Поэтический язык социально мало общителен. Он не объединяет, а отъединяет, замыкает. Несмотря на явный прозаизм, разговорность языка современной поэзии, Эпштейн говорит, что между значением слов в разговорном языке и значением этих же слов в литературе—различие (ср. Маллармэ—«Уклоны»). Это соответствовало бы действительности, если бы метафора, как прием современной поэзии, была действительно столь всеобща, как того хочет Эпштейн. Тем не-

менее, встречаются случаи такого слова-символа, которое ценится по своей способности вызвать ассоциации. Внешне это сказывается часто в объединении образов помощью тире.

Цветок—маяк мои воспоминанья
О косах черных Магдалины
Садовых тиров резкие сверканья
Внезапный луч бросают синий
В твоих глазах прекрасных Магдалина
(Г. Аполинэр).

Это — типично-символическое стихотворение. Оно все построено на метафорических аналогиях.

10. Новые поэты или совершенно отказываются от рифмы, или довольствуются некоторым созвучием и, как случайностью, рифмой в свободных стихах (см. «Мистический Шарло» Луи Арагона). Иногда, редко, они пользуются рифмой простой, ортодоксальной (Т. Кокто—«Испания»). Вообще же ритмическая ценность правильной, полной рифмы утеряна. Утомленному слуху, говорит Эпштейн, нужен диссонанс. Монотонность не представляет уже художественной остроты.

XIX век канонизировал рифму. Романтик Сент-Бев в стих. «К рифме» называл ее единственной гармонией стиха. У Сент-Бева рифма—эхо. Т. де Банвиль в «Маленьком трактате о французской поэзии» изложил теорию богатой рифмы, рифмы—ударной словесной темы. Поэтическое творчество для него—изобретенье рифм. Реакция началась с Верлэна, заявившего в стих. «Искусство поэзии»—«О, кто расскажет рифмы лживость?»; он говорил о рифме—«грошовой игрушке». Теория свободного стиха Г. Кана допускала рифму, как случайность.

Деканонизация правильной рифмы—явление общеевропейское. Оно отмечается у немецких экспрессионистов, итальянских футуристов, русских футуристов, имажинистов. Но французские поэты в этом отношении разрушители в большей степени.

Новые поэты—последователи vers libre; их ритмы в полной мере индивидуально вольны. Реформа метрики связана, вместе с тем, с реформой поэтического словаря. Если «пишущая машина», «кинематограф»—не укладываются в александрийский стих, не разбив его, нет ничего удивительного в том, что он разрушен, замечает Эпштейн. Членение на неблагородное и благородное в поэзии не допускало верности жизни. Тирания размера рифм сковывала поэзию—современная поэзия позволила себе говорить обо всем.

11. Постоянные инвективы литературной критики, указания, что современные поэты подражают различным состояниям безумия, что они сами безумны,—принуждает Ж. Эпштейна провести параллель между поэзией умалишенных и поэзией нашего времени. Я отмечаю это как курьез. Эпштейн заимствует образцы поэтического творчества умалишенных у Вашида и Менье (La Plume, 1905). Вот они:

«Когда я был допущен к уборке урожая в убежище, мне представился удобный случай услышать возмущение питательных растений, обратившихся ко мне с просьбой объяснить их стоны, которые я передал александрийскими стихами, потому что вред, причиненный растениям за шест лет, равен по меньшей мере десяти тысячам франков: этот мрачный диалог состоит из пяти строф сорока стихов, местная тяжба, представленная мною на суд уважаемого директора, господина доктора Б.», или

Около прудов Булонского леса
Идет, мечтая, юноша
С больным видом, колеблющейся походкой,
Взор его ищет на небе Мадонну,
Глаза его сверкают.
Время от времени он подбирает с земли
Несколько листьев, брошенных ветром.
Как жалко, что он один их подбирает!

(В подлиннике—стихи с точной ортодоксальной рифмой. Переведены дословно). И, наконец—

«Посвящается моей невесте
Астрономические этюды
Французская литература.

Гимн Земле.

В своем обращении Θ; иди вперед, иди вперед Земля, принявшая меня, помогшая мне, давшая мне жизнь! Θ2.

Ты, что в юности моей была для меня предметом изучения, которую я всегда изучаю.

Ты, что мои стопы попирали и еще попирают! Θ3

Ты, чьей легкости, скорости Θ регулярности я восхищаюсь! Θ4 В.

Какой закон тебя приневоливает уже века, века?

Saecula saeculum Θ5.

Рассудительная в своем беге ты всегда избегаешь столкновения, которое было бы гибелью для людей.

. . . . . .

Утро замечания

0. 1. 13 365 дней, 6 часов
2. Намеки на владение Е. С. Х.
3. 69 лет
4. 55000 лье в 24 часа
5. Неопределенно
6. Творец
7. В 24 часа Θ Падение

Θ4 В отправляется постоянно к месту своего отбытия».

Сходство поэзии умалишенных и современной—в их большой искренности, указывает Эпштейн. Но при ближайшем рассмотрении обнаруживается полное отсутствие тождества, говорит Эпштейн, именно:

I. Поэзия умалишенных — чувствительна, употребляет мало метафор.

II. Современная поэзия — избегает чувствительности, употребляет много метафор.

I. Или очень легко воспринимается, или совершенно непонятна; бесполезно пытаться ее понять; умалишенные потому-то и умалишенные, что их не понимают. Если бы их поняли, они перестали бы быть умалишенными, либо мы стали бы подобны им.

II. Всегда трудно воспринимается теми, у кого нет навыка. Поэзия может быть не понята, но она остается доступной пониманию.

I. Прибегает к типографским ухищрениям, непоследовательным и бесполезным.

II. Прибегает к типографским ухищрениям разумно полезным.

I. Предпочитает стихи прозе, а в стихах—простые ритмы; пользуется прямым выражением.

II. Предпочитает прозу, пользуется сложными ритмами, прибегает к непрямому выражению. Говорит не об объекте, а об особых эмоциях, вызываемых данным объектом.

12. Пафос современности, по Эпштейну, в религиозности, обращенной на науку. Он оставляет без внимания «религиозность, устремленную у некоторых к социализму». Современность пронизана научностью. Ее бытовые проявления многообразны в своей повседневности—это аэроплан и подводные лодки, беспроволочный телеграф и трамвай, автомобиль и телефон. С детства Жюль Верн и Уэллс приучают нас ожидать от науки осуществления самых невероятных чудес. Отныне лаборатория сравнивается с храмом. Литургийность в большей степени необходима при обращении с драгоценным микроскопом, чем при пользовании священным сосудом. Бог-отец замещается автоматическим распределителем целебных технических средств против всех бедствий.

Проблема научности в литературе XIX века не нова. Можно сказать, что одно из завоеваний позитивной, точной науки XIX века была поэзия. Поэты стремились перенести в художественное творчество научные методы познания. Традиция, идущая от Бальзака, Бодлера, Леконт де Лиля, Флобера оформилась у Золя в теории экспериментального романа, у Ренэ Гиля—в «научной поэзии». Наука стала для поэзии базой. Наука входит в тематический кругозор поэзии в многообразных формах еще в XIX веке—от поэм в честь хлороформа и электричества Максима дю Кан в его «Современных песнях» до широкого индустриального мотива Золя или Верхарна. У итальянских футуристов индустриальный мотив систематичен в такой мере, что окрашивает целое литературное течение. Это—художественная идеология победоносной техники.

Во Франции отдельные поэты, писатели ищут в индустрии объекта поэтического творчества. Это—Тогорма в «Сумерках мира», Бодюэн в «Граде человеческом», это Пьер Амп, Анри Барзэн. На последнего («Гимн силам») и ссылается Эпштейн, цитируя его стихотворение о подводной лодке. Увлечение есте-

ственно-научными и техническими мотивами у группы поэтов, нас интересующей, налицо. Гийом Аполлинэр говорит, что «Воздух населен необычно человечными птицами. Машины, не имеющие матерей, дети людей, живут жизнью, без страстей и чувств. Ученые беспрестанно исследуют материю, открывая новые миры...» о «Машинизме, Башне Эйфеля, Бруклинском мосте, небоскребах». Блэз Сендрар—о том, что «Жест, движение инфузорий трагичнее истории женского сердца. Жизнь растений более волнует, чем детективная драма. Спинная мускулатура в движении подобна балету. Кусок ткани пробуждает музыкальность, а коробка консервов—поэма в своем простодушии и простоте». Словом, устремление к физиологической и технической вещности налицо.

Однако, что, по мнению Эпштейна, характерно для новых поэтов — это отсутствие веры в моральную ценность науки. Но наука, как поэтический объект, остается. Поэты ждут от науки новизны, новых эстетических возможностей. Она—источник современной авантюрности.

Группа поэтов, которой касается Ж. Эпштейн, интересна своими формальными исканиями. Новизну различных приемов Эпштейн стремится объяснить побудительной силой психической утомленности.

В письме, приложенном к книге Эпштейна, Блэз Сендрар говорит, что духовное состояние, раскрытое в ней, характерно для прошлого, уже преодоленного многими поэтами. Он отмечает этапы, ставит вехи:

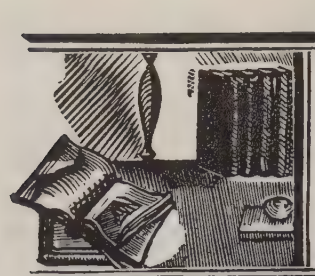
«Было время: танго, русских балетов, кубизма, Маллармэ, интеллектуального большевизма, нездоровья.

Затем война: пустота.

Затем пора: конструкции, одновременности (simultanisme), утверждения. Калико. Рэмбо: замена владельца. Афиши. Фасада домов, пожираемого буквами. Улицы, через которую шагает слово. Современной машины, управляемой человеком. Большевизма в действии. Всего мира».

В этих словах Блэза Сендрара сказывается влияние военной, социальной, революционной борьбы последних лет, необычайное развитие индустриальной культуры.

Формальные искания группы французских поэтов (Аполлинэр умер), о которой идет речь (Эпштейн не касается прозы), представляют лишь поэтический эксперимент. Тематический анализ их творчества в дальнейшем обнаружит большую ее социальность, в которой можно найти иное объяснение приемам, эзотерически трактуемым Ж. Эпштейном. Об этом свидетельствуют—«Нежная чернь», «Подрядчик иллюминаций», «Приказ»—Сальмона или «Конец света, фильма снятая ангелом Б. М.». «Проза сибирского экспресса», «Панама» Блэза Сендрара.



ОТЗЫВЫ О КНИГАХ

СОЦИАЛИЗМ И КОММУНИЗМ.

1. М. БЕР. Карл Маркс, его жизнь и учение. *Ц. Фридлянда.* — 2. В. АДЛЕР. Статьи, речи и письма. Вып. I. *С. Кривцова.* — 3. I. В. ЛЕНИН и Г. ЗИНОВЬЕВ. За третий Интернационал. II. ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКИЙ ГУБКОМ Р. К. П. (б). Пять лет Коммунистического Интернационала. III. ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ. К пятилетию Коминтерна. *М. Зелинмана.* — 4. К. РАДЕК. Пять лет Коминтерна. Ч. I. *М. Зелинмана.* — 5. ОПЫТ БИБЛИОГРАФИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ МАРКСА и ЭНГЕЛЬСА В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ. *В. Адоратского.* — 6. I. Э. ДРАН и С. ЛЕОНАРД. Подпольная литература революционной Германии за время мировой войны. II. К. РАДЕК. Роза Люксембург, Карл Либкнехт, Лео Иогихес. *М. Брагинского.*

М. БЕР (M. Beer). **Карл Маркс, его жизнь и учение. Перевод с 4 нем. издания М. Е. Ландау. Госиздат. М.—П. 1923. Стр. 200.**

Дать сжатый научно-популярный очерк жизни и учения К. Маркса во всех областях науки об обществе—задача благодарная, но не легкая. В наше время излагать учение Маркса так, как мы это делали 10 лет тому назад, нельзя. Не потому, что мы должны пересмотреть марксизм, а потому, что мы должны его понять в свете опыта последних лет,—опыта диктатуры пролетариата и ленинизма, как осознания этого опыта. Эта задача в очень малой степени разрешена М. Бером. Правда, он пишет «почти как коммунист», стремясь выявить революционное содержание марксизма. Но, если мы вспомним, что автор проделал весьма сложный путь до коммунизма: от Деглеона, через английский «лабуризм» и германский социал-шовинизм, то этот своеобразный путь, конечно, не мог не оставить своего отпечатка на книге о Марксе. Тем более, что М. Бер не принадлежит и в вопросах обще-философских к выдержанным, ортодоксальным марксистам.

Уже само построение книги не может нас удовлетворить. Автор идет по старому пути. Для него истоки учения Маркса в философской системе Гегеля, в то время, как Энгельс начал свою деятельность, как экономист. Д. Б. Рязанов, по нашему мнению, доказал с полной очевидностью несостоятельность этой традиционной трактовки вопроса. Вопросы *тактики* занимают в очерке Бера самое незначительное место, очень мало в связи с этим выясняется автором и *историческая обстановка* зарождения и развития марксизма. Автор прав: «Маркс принадлежит к разряду тех философских и социальных мыслителей, которые бросают в мир элементы могучего идейного брожения и приводят в движение людские массы», но это и заставляет нас в наши дни очерку о Марксе предъявлять более строгие требования: прежде всего обнаружить *исторические* и социальные корни учения.

Книга открывается характеристикой гегелевской революции в области ло-

гики. Ниспровергнув формальные законы логики, установленные в прошлом, этот титан XIX ст. формулировал основные начала диалектики и показал нам, как мыслящий разум заостряет «притупленное различие различного... в противоположность», и как доведенные до крайности эти противоречия сталкиваются, чтобы воссоздать их позже на новой расширенной базе. Маркс «углубил» диалектику и показал, что «автоматически-совершающейся эволюции не бывает», для него диалектика «представляет собою столько же метод исследования, сколько известное миропонимание». В другом месте Бер говорит о диалектике, как о «мировоззрении». Но диалектика—только *метод*, и автор приносит своей формулировкой нечто чуждое марксизму. Сам диалектический процесс он представляет себе автоматически. Противоречия рождаются сами из себя, а не из столкновения противостоящих друг другу элементов (см. стр. 21). В главе о «социологии Маркса» мы имеем также ряд путаных формулировок. Так, отношения производства есть, по Беру, «государственные и правовые формы, предписания и законы, равно, как и группировка общественных классов». Люди производят материальные блага «из сырых материалов и *сил*». Они создают социальные и правовые институты «из *воздействий* производительных *сил* на *дух* человеческий». Когда автор переходит к анализу понятий класса и партии, он дает также ряд неудачных формулировок. Прежде всего слабо нарисована картина завоевания классом государственной власти: мы не получаем представления о борьбе социальных слоев *внутри* данного класса, идущего к власти. Для нас это чрезвычайно важно: Маркс прекрасно формулировал эту мысль («18-ое Брюмера»).

«Рабочая партия, — пишет Бер,—есть политическое выражение всего профсоюзного движения, поскольку это последнее ставит требование в национальном масштабе всему обществу и государству». Это положение—ложно. Идеализация английской рабочей партии под соусом революционной фразеологии! Смешны, конечно, следующие строки: «Маркс не дооценивал биологически и культурно суживающую силу национального чувства» (?!).

Правильно утверждение Бера, что учение Маркса выросло из революционной почвы первой половины XIX в., что он «душеприказчик социал-революционных учений той эпохи», но неосновательно утверждение, что к 1845 г. марксизм уже окончательно сложился. Бер дает традиционное объяснение истории возникновения «Коммунистического Манифеста», как и I Ин-ла. Между прочим, он утверждает, что последний был создан на конференции с *25 по 28 сентября* 1864 г. Откуда у Бера такие *точные* сведения, что эта конференция длилась трое суток? Недопустима глава о Парижской Коммуне. Бер относится к ней... пренебрежительно и даже враждебно. Маркс был против объявления Коммуны, но, пишет Бер: «парижские рабочие оставили без внимания слова Маркса и *устроили* (?!) 18 марта 1871 г. революцию, провозгласив Коммуну». Подобная версия, конечно, не выдерживает критики. Очень удачно автор цитирует и разъясняет известное «Обращение» Маркса (ЦК «Союза Коммунистов») с блестящей критикой мелкобуржуазной демократии, но, к сожалению, вопросы тактики в книжке занимают ничтожное место.

Нельзя не отметить в заключение грубо звучащее и по существу несправедливое отношение автора к Энгельсу. Для Бера последний *только* журналист, а главное меценат, денежная поддержка которого дала возможность работать Марксу. Это пошлое объяснение дружбы Маркса и Энгельса неприятно читать в книжке, которая в общем и целом дает интересный очерк жизни и учения К. Маркса.

Ц. Фридлянд.

ВИКТОР АДЛЕР. Статьи, речи и письма. Вып. I Виктор Адлер и Фридрих Энгельс. Пер. С. Салитан. Изд. «Книга». М.—Ленинград. 1924 г. Стр. 205.

Хорошо известно, как оппортунисты всех стран и народов всегда кололи нам глаза тем «фактом», что Энгельс дней

своего начала и Энгельс дней своего заката—два разных человека, при чем последний в корне отрицал революцию и по существу был дюжинным либералом. Известно и предисловие Энгельса о значении легальности и вреде баррикадной борьбы к «Борьбе классов» Маркса. Теперь благодаря трудам т. Д. Б. Рязанова мы знаем (см. «Архив Маркса-Энгельса» кн. 1), что известный нам текст этого знаменитого предисловия на самом деле говорит как раз обратное тому, что нам было до сей поры известно. Проделано это было теми, о которых в разбираемых нами письмах Энгельс говорит на стр. 61 в 1892 г.: «какие мещане сидят во фракции... которые позорят партию». И этим мещанам, под каким бы то ни было видом они ни выступали, «юный» 70—75-летний старик объявляет беспощадную войну. Он думает до своего последнего вздоха, что еще увидит наступление нового общественного строя. И этим его ожиданием пропитаны насквозь его письма, что вызывает недоуменный возглас Адлера в письме от 25.VIII—1892 г., стр. 59: «Я всегда полагаю, что гром грянет тогда, когда мы, «надворные советники» революции, меньше всего об этом думаем. Хотя я, конечно, хотел бы знать, почему ты указал именно 1898 г.» Этот вопрос о грядущей социальной революции, очевидно, не раз затрагивался в их беседах и письмах, и ряд ответов Энгельса имеет глубочайшее значение. 11. X—1893 он пишет Адлеру: «Положение Европы—я имею в виду внутреннее положение отдельных государств—все более и более приближается к положению в 1845 г. Пролетариат все более и более занимает то положение, какое тогда занимала буржуазия» (98); и дальше на той же странице: «Что дело может быть закончено какой-нибудь частичной избирательной реформой, не может быть и речи; раз камень покатился, то толчок передается во все стороны, и одна страна тогда оказывает обратное действие на другую. *Вместе с возможностью больших успехов, следовательно, даны также и условия, значит, также и вероятность*». И в письме от 11 января 1894 г. Энгельс (106) соглашается, «что избирательное право представляет буржуазные плутни, и что за это невозможно бастовать. «И эти заявления производят свое впечатление, и Виктор Адлер в противоположность всей дальнейшей теории меньшевиков говорит, что счастье Австрии в ее экономической отсталости» (письмо от 25. VIII—1892, стр. 60): «У нас то преимущество, что наш пролетариат, благодаря соседству Германии, духовно опередил экономическое развитие страны». Ведь это положение может прекрасно быть отнесено и по нашему адресу.

Энгельс подхватывает это замечание и настойчиво в ряде писем указывает, что теперь (речь идет о начале 90 г.г.) авангардом социалистического движения именно и является отсталая Австрия, где все еще надо завоевать, а не только охранять завоеванное, как в Германии. К германской с.-д. Энгельс относится очень строго и неодобрительно (см. 61 стр.). Развитие капитализма в Австрии его радует безмерно. «Но, развивая свою индустрию, вы оказываете свою услугу Англии,—чем скорее будет совершенно уничтожено ее господство на мировом рынке, тем скорее рабочие здесь придут к господству» (62). Вообще революция в Англии будет привнесена извне. Вспомним, что Энгельс говорил о передаче толчка во все стороны, с чем следует сравнить следующее место из письма от 17. VII, § 94, стр. 121: «И у нас еще нужно взять эти позиции, *но мы их получим, когда получится толчок извне, из страны, где соединение старых феодальных, бюрократических, полицейских форм с приблизительно современными буржуазными институтами оставило первым такой сильный перевес, что получаются невозможные осложнения. И вы в таком счастливом положении; и еще более счастливом тем, что ваше рабочее движение достаточно велико и сильно, чтобы сыграть решающую роль*». Не правда ли, как это напоминает основную концепцию большевистскую: идею о гемемонии пролетариата в нашей революции, заложенную еще Плехановым. И всего за 4 месяца до своей смерти, 16 марта 1895 г., Энгельс пишет следующие слова, опять же совершенно независимо от него являющиеся основами большевизма и нашедшие столь яркое выражение в «Что делать?» Ленина. «Здеш-

нее (английское) движение сводится к следующему: в массах происходит обычное, инстинктивное движение, *тенденция* (курсив Энгельса) сохраняется; дело в том, чтобы придать сознательное выражение этому инстинкту и этой бессознательно пробивающейся тенденции». (Дальше следует критика сектантства англ. вожд., для нас в данном случае неинтересная). В короткой заметке трудно исчерпать все богатство этих материалов, но уже сказанного достаточно, чтобы видеть, что ни о каком отказе Энгельса от революции не может быть и речи. И настолько Энгельс ждал революции, что особенно обрадовало его в Адлере при первом знакомстве с ним то, что тот хотел стать фабричным инспектором. Фридрих Адлер в предисловии пишет (стр. 7). «Он полагал, что мы имеем достаточно агитаторов, но никто не знает административного аппарата, и именно таких людей у нас не будет, когда мы придем к власти». Как это звучит современно в нашей борьбе с бюрократизмом.

Читатели «П. и Р.» уже знакомы с четырьмя письмами Энгельса, переведенными в кн. 2 «П. и Р.» т. Адоратским. Поэтому они уже могли сами убедиться, какое значение для теории марксизма имеют эти письма. Адлер видел основной талант у Энгельса в следующем: «способность ясно представлять себе политические отношения и соответственно этому определять и направлять партийную тактику» (33). И читатель, ознакомившись с оценками положения в Германии, Англии, Франции, Австрии, Италии, России (Энгельс считал, что новой перемены царствования в России после Николая II уже не будет—стр. 131 от 22. XII—1894), конечно, согласится с этим, но только подумает, почему же восторженный поклонник Энгельса в своей практике поступал как раз обратно этим советам.

Ст. Кривцов.

В. И. ЛЕНИН и Г. Е. ЗИНОВЬЕВ. За Третий Интернационал. Госиздат. Ленинград. 1924 г. Стр. 519.

ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКИЙ ГУБКОМ РКП (б.): 5 лет Коммунистического Интернационала. Книгоиздательское товарищество «Основа». Иваново-Вознесенск. 1924 г. Стр. 35.

ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ. К пятилетию Коминтерна. «Красная Новь». Москва. 1924 г. Стр. 111. Цена 60 коп.

В связи с V конгрессом Коминтерна естественно возрастает интерес к имеющейся о III Интернационале литературе. Все три перечисленные в заголовке настоящей рецензии работы, выпущенные по поводу исполнившегося в марте текущего года пятилетия существования III Интернационала, относятся к этого рода литературе. Поэтому не лишне остановиться на этих изданиях и указать на дефекты издательского характера (в отношении переиздания статей Владимира Ильича и тов. Зиновьева), недостатки и неправильности, относящиеся к содержанию (в отношении брошюры, выпущенной Главполитпросветом).

Мысль Госиздата издать отдельной книгой статьи, определяющие «программу и тактику Коминтерна в течение первого пятилетия его деятельности»,— как отмечено в подзаголовке книги, нельзя не признать удачной. Такая книга полезна и своевременна. Но издание такой книги требует к себе больше внимания, нежели в данном случае было оказано Госиздатом. Один из недостатков, урезывающих содержание книги, это то, что издательство ограничилось лишь статьями, появившимися в журнале «Коммунистический Интернационал» (№№ 1—26). Поэтому получаются значительные пропуски, так как не все (и не всегда самое важное), что написано или произнесено Ильичем относительно программы и тактики Коминтерна, печаталось в «Коммунистическом Интернационале». Достаточно указать, что в разбираемый сборник о III Интернационале Госиздат не включил речь Вл. Ильича на IV Конгрессе Коминтерна (в ноябре 1922 г.). Эта речь имеет особенную ценность для сборника мате-

риалов, долженствующих выявить программу и тактику Коминтерна, не только потому, что она является последним выступлением тов. Ленина на собрании представителей международного пролетариата, но главным образом потому, что в этой речи вождь и строитель Коминтерна действительно излагает программу и тактику, как всего организующего революцию Интернационала, так и пролетариата любой страны на завтра после захвата им власти и установления диктатуры трудящихся. В своей речи на IV Конгрессе Ильич определяет значение НЭП'а для всего Интернационала, учитывая русский опыт. Не дать этой речи—значит вырвать одно из самых главных звеньев из программы и тактики, учтенной Коминтерном за первое пятилетие его деятельности.

Относительно урезки содержания книги из-за непомещения в ней необходимого (и даже обязательного) для сборника подобного рода материала мы ограничимся сказанным. Теперь несколько слов о том материале, который в книге имеется. Казалось бы, что тут издательство должно было подойти самым тщательным образом, но в действительности наталкиваешься в книге на небрежность за небрежностью: текст содержит много опечаток, да к тому же весь текст из журнала «Коммунистический Интернационал» *автоматически* перенесен в сборник со всеми примечаниями редакции журнала «К. И.»,—примечаниями, не имеющими прямого отношения к печатаемой статье (напр., на стр. 271, где имеется следующее примечание: «см. ниже в настоящем номере нашего журнала»), или имевшими временный характер, или имеющими значение для иностранных товарищей, так как «К. И.» выходит и на других языках. Зато, как бы в компенсацию за ненужные примечания, нет необходимых объяснений к некоторым выражениям текста, относящимся к определенному периоду: так, например, классификация тов. Лениным в статье «о задачах III Интернационала» французской газеты «L'Humanité», как социал-шовинистской (стр. 62), совершенно не соответствует теперешнему положению названной газеты, являющейся ныне центральным органом Французской Коммунистической партии, в то время, как в момент, когда Ильич писал статью (14. VII—1919 г.) «L'Humanité» являлся центральным органом франц. социал. партии, в которой хозяйничала социал-реформистская компания Лонге—Реноделя.

Что касается опечаток, то они изобилуют в тексте. Некоторые из этих опечаток также механически, наследственно, так сказать, перешли из журнала «К. И.» в сборник, некоторые являются «благоприобретением» Госиздата. Так, например, в статье тов. Зиновьева («Перспективы пролетарской революции») говорится: «когда в мае 1918 г. партия большевиков... переименовалось в РКП» (стр. 13), в то время, как переименование партии произошло на VII съезде *в марте* 1918 г.; в другой статье тов. Зиновьева («Социал-демократия, как орудие реакции»), где автор цитирует Каутского, читаем: «9 января 1918 г. пролетариат Германии завоевал политическую власть», тогда как в цитируемой работе Каутского речь идет *о 9 ноября 1918 г.*; далее, в статье «Обвинительный акт против Второго Интернационала» тов. Зиновьев приводит выдержку из статьи в «L'Humanité» от 28 июля 1915 г., направленной *против* войны (стр. 119), в то время, как в *1915 г.* «L'Humanité», являясь органом социал-патриотов, стояла *за* войну, а цитируемая тов. Зиновьевым статья была напечатана в «L'Humanité» 28 июля *1914 г.* и т. д. и т. п. опечатки и неточности. Подобная небрежность издания вообще не годится, а небрежность к такой книге трижды не годится.

Брошюра, изданная Иваново-Вознесенским губкомом партии, содержит три документа, напечатанных в «Правде»: 1) Воззвание Исполкома Коминтерна, 2) статью т. Зиновьева («Первое пятилетие Коминтерна») и 3) Тезисы Агитпропа ЦК партии к пятилетию Коминтерна. Эта брошюра представляет собою кустарничество, совершенно ненужное в 1924 г. В экземпляре, который нам доставлен, два раза заброшюрованы страницы 33, 34 и 35. Пора от такого кустарничества отказаться.

Если в разборе первых двух произведений мы останавливались, главным

образом, на недостатках технического характера, то относительно брошюры, выпущенной Главполитпросветом, необходимо сделать несколько замечаний по существу. Эта брошюра содержит четыре статьи: 1) Ленин и Коминтерн (М. Эпштейн), 2) Первые три конгресса (М. Брудный), 3) IV Конгресс (Ш) и 4) Коммунистический Интернационал молодежи (Б. Менис). Кроме того, в виде приложения имеется перечень литературы о III Интернационале. Эта брошюра Главполтпросвета является образчиком того, как *неглубоко* и недостаточно внимательно у нас обрабатывается материал, предназначенный *«для углубленной проработки»*, как значится в подзаголовке брошюры. Более соответствует поставить под названием брошюры подзаголовок: «Материалы для основательной переработки». На стр. 7 мы встречаем такой, мягко выражаясь, ляпсус: «Коминтерн вырос на костях миллионов пролетариев, растерзанных в интересах враждебного класса, в братоубийственной войне с рабской песней на устах». Автор в этом месте пытается развить мысль, что империалистическая война 1914—1918 г.г. революционизировала массы. Эта мысль, сама по себе правильная, выражена в совершенно бессмысленной форме («Коминтерн вырос на костях (?) миллионов пролетариев»). В той же статье («Ленин и Коминтерн») мы читаем: «нет завода в мире, нет такого фабричного поселка, где не было бы комячейки» (стр. 8). *Таким* изложением фактов можно сослужить очень плохую службу «углубленной проработке» материалов о Коминтерне, потому, что, к сожалению, *в мире еще слишком много заводов и фабричных поселков, где нет комячейки.* Читая разбираемую брошюру, выпущенной под маркой Главполитпросвета, рабочий получит совершенно неправильное представление о состоянии *мирового* коммунистического движения.

В статье о втором Конгрессе автор делает следующее совершенно неправильное замечание относительно II Интернационала, будто «эта организация, как отражение эпохи, худо ли, хорошо ли, но историческая необходимость» (стр. 37). Главполитпросвету не пристало подносить рабочим такие благоглупости, которые квалифицируют подлую измену героев из II Интернационала, как «историческую *необходимость*(!?).

Мы ограничены местом и не имеем возможности остановиться на целом ряде имеющихся в брошюре подобных «философских» рассуждений. Что касается описок, так их достаточно в брошюре: на стр. 14 напечатано, что первая конференция III Интернационала приняла резолюцию 4 марта 1917 года (вместо 4.III—*1919 г.*), на стр. 31 отмечено, что Второй Конгресс открылся 19 июня 1920 г., а должно быть 19 июля, и т. п.

Пора начать решительную борьбу с литературной халтурой, подобно той, которую мы отметили в брошюре Главполитпросвета. Пора, на исходе семилетнего существования Советской власти, дать читающей пролетарской публике добросовестно исполненную во всех отношениях книжку, а в смысле издательском этого нет во всех трех разобранных нами произведениях. Необходимо больше внимания к читателю и, главное, больше внимания (и побольше знания) со стороны пишущего к вопросу, который он в данной книге, брошюре или статье разбирает.

М. Зеликман.

КАРЛ РАДЕК. Пять лет Коминтерна. Часть 1. Изд. «Красная Новь». Москва. 1924 г. Стр. 371. Цена 1 р. 50 к.

Предпринятое «Красной Новью» издание всего написанного т. Радеком (а также некоторые его речи) относительно Коминтерна или по поводу тех или других событий в отдельных секциях — вещь полезная. Материал, собранный в первой части, охватывает период от основания Коминтерна вплоть до после II Конгресса. Материал этот носит характер не исторического изложения, разбора или критики деятельности Коминтерна или отчета отдельных компартий, а в книге читатель найдет анализ отдельных моментов зарождения и развития Коминтерна.

Первый том «Пять лет Коминтерна» содержит статьи, брошюры и речи, посвященные, главным образом, основанию

и первому периоду существования Коминтерна. «Ряд брошюр о германской революции,—замечает автор в предисловии,—входящих в собрание статей, ей посвященных, и брошюра «Развитие мировой революции и тактика коммунистических партий», как и ряд политических статей, входящих в этот том, являются попыткой формулировки опыта германской революции и первых революционных движений на Западе».

В перепечатанных в настоящем томе брошюрах, статьях, речах и некоторых документах ИККИ (написанных т. Радеком и опубликованных от имени ИККИ без изменений, как сказано в примечании автора на стр. 254) действительно содержится обильный и интересный материал для изучения революционного движения на Западе в послевоенную эпоху. Как бы в виде введения, автор собрал в первом отделе книги «По пути к Коминтерну» материал, освещающий путь «развития социализма от науки к действию», а затем в трех основных отделах: 1) основание Коминтерна, 2) Второй Конгресс Коминтерна и 3) Международная революция и меньшевизм, автор подробно останавливается на уроках пролетарской революции в России, Венгрии и Баварии, на меньшевистской тактике теоретиков и практиков II Интернационала и т. д.

Издана книга удовлетворительно, цена сравнительно не дорогая, шрифт четкий, но опечатки, по обыкновению, имеются (например, на стр. 50 напечатано «Парижская Коммуна 1781 г.»). Но на что следует обратить серьезное внимание, это—необходимость тщательно проредактировать книгу, так как местами из-за неправильных выражений меняется смысл. Так, например, в книге говорится о *промышленных* союзах (industry union) в Англии вместо *производственных* (стр. 69); о партийных группировках в С.-А. С. Ш. говорится (на стр. 71) о чужестранных социалистических группах, вместо *эмигрантски*, и т. д. и т. п. Необходимо внести соответствующие коррективы при внимательном редактировании, хотя бы следующего тома «Пять лет Коминтерна».

М. Зеликман.

ОПЫТ БИБЛИОГРАФИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ. Составил Б. С. ШНЕЕРСОН. Издательство «Красная Новь». Главполитпросвет. Москва. 1924 г. Стр. 187.

Составить список произведений Маркса и Энгельса, переведенных на русский язык, дать возможно более полный перечень всех *изданий* сочинений Маркса и Энгельса, выходивших в *русских переводах* (как в России, так и за границей)—такова задача, которую поставил себе автор настоящей книги. Книга составлена по такому плану: из трех частей, на которые распадается вся работа, первая часть отведена Марксу, вторая—Энгельсу и третья дает библиографию произведений, написанных Марксом и Энгельсом совместно. В каждой части дано отдельно перечисление книг и статей Маркса и Энгельса и отдельно библиография опубликованных в русских переводах их писем, а также перечень книг, посвященных их биографии и характеристике.

Автор проделал большую и полезную работу, но все же библиография далеко не полна, о чем он и сам говорит в послесловии (стр. 187). Можно указать ряд неупомянутых русских изданий. Так, напр., автор не упоминает о сборнике «Исторический материализм» (отрывки из произведений Маркса и Энгельса), выпущенном осенью 1923 г. издательством «Новая Москва». В этой книге был помещен, напр., перевод одной статьи Энгельса по поводу смерти Бруно Бауэра, напечатанной в 1882 г в Цюрихском «Социал-Демократе» и до последнего времени в русском переводе не появлявшейся. Среди книг, посвященных биографии Маркса и Энгельса, не упомянуты отдельные главы из книги Меринга «История Германской Социал-Демократии», о которых следовало бы упомянуть, вводные статьи Меринга в его издании «Литературного наследства Маркса и Энгельса», предисловие Меринга к последнему (1914 г.) изданию брошюры Маркса «Кельнский процесс коммунистов», и т. под. Такие и подобные пропуски можно будет пополнить в новых изданиях книги. Там же следует дать более подробные указания содер-

жания произведений, дать перечень глав и их названий. В некоторых случаях автор это делает. Дано, напр., перечисление названий глав в «Революции и контр-революции в Германии» (стр. 91). Но при этом не оговорено, что автором этих заглавий является дочь Маркса—Элеонора. При «Анти-Дюринге» или при «Происхождении семьи, собственности и государства» оглавления не дано, хотя в данном случае автором названий глав являлся, несомненно, сам Энгельс. Есть также погрешности, которые особо существенного значения не имеют, но в точном библиографическом указателе недопустимы: напр., брошюра «Наемный труд и капитал» (стр. 27) названа рефератом. На самом деле это был не отдельный реферат, а целый курс лекций, прочитанных Марксом в Брюссельском Немецком Рабочем Союзе.

Несмотря на неполноту, книга все же принесет свою пользу, а ее недостатки легко исправить в следующих изданиях, которые, несомненно, потребуются.

В. Адоратский.

Э. ДРАН и С. ЛЕОНАРД. Подпольная литература революционной Германии за время войны. Издат. «Красная Новь». М. 1924 г.Стр. 176.

КАРЛ РАДЕК. Роза Люксембург, Карл Либкнехт, Лео Иогихес. Издат. «Красная Новь». М. 1924 г. Стр. 69.

Издатели книги Э. Драна и С. Леонарда совершенно правы, считая лишним останавливаться на причинах, побудивших их ее выпустить в свет в русском переводе. В самом деле, книга говорит сама за себя и каждой страницей своей подтверждает данную издателями оценку ее как книги, не только захватывающе интересной, но в то же время и глубоко поучительной». Документы, собранные авторами, поистине, вводят нас в кузницу революции, где выковывались революционные элементы, сгруппировавшиеся затем вокруг Карла Либкнехта и Розы Люксембург, и образовавшие кадры будущей германской компартии. В этом смысле книга представляет огромный интерес и может служить первоисточником, проливающим яркий свет на подпольный период германской революции во время войны, столь односторонне и чрезмерно субъективно описанной в известной уже нашим читателям книге «В мастерской германской революции», автор которой Э. Барт так хвастливо и чуть ли не целиком приписывает себе все заслуги по подпольной подготовке германской революции.

Составители рассматриваемого сборника опубликовали ряд интереснейших листовок, воззваний, статей, нелегально издававшихся и распространявшихся предтечами нынешних германских коммунистов, спартаковцами, находившимися под идейным и организационным руководством Розы Люксембург и Карла Либкнехта. Эти статьи и воззвания писались (многие самими же Либкнехтом и Люксембург) по всем крупнейшим вопросам, связанным с войной и революцией. Расположив их в хронологическом и логически последовательном порядке и установив между ними связь с событиями, по поводу которых они написаны, составители сборника дают в целом отчетливую характеристику эпохи, нашедшей себе яркое отражение в приводимых ими документах, особенно в документах, написанных пером идейных вождей движения, среди грохота и шума мировой войны уже улавливавших приближение иных великих бурь и потрясений.

Среди всеобщего идейного банкротства социалистических партий II Интернационала, лишь германские спартаковцы (мы не говорим здесь о русских большевиках) сохранили заветы марксизма и твердо стояли на почве классовой борьбы против гражданского мира, призывая обратить оружие против внутреннего врага—буржуазии. При этом авторы этих воззваний и статей обнаруживали подчас такую прозорливость в оценке крупнейших явлений, что еще в начале второго года войны многое из высказанного ими в то время оказалось настоящим пророчеством.

Вот, напр., что, между прочим, говорилось в «руководящих положениях»,

напечатанных в 3 письме Спартака от 3 февраля 1916 г. и редактированных Розой Люксембург: «Настоящая война при всех обстоятельствах и поражении или победе какой угодно стороны,—означает поражение социализма и демократии. При любом ее исходе,—за исключением революционного вмешательства международного пролетариата, война приведет к усилению милитаризма, международных противоречий, мирового соперничества. Она усиливает капиталистическую эксплоатацию и внутреннюю реакцию, ослабляет общественный контроль и низводит парламенты все более до степени послушного орудия в руках милитаризма. Таким образом, современная мировая война сама же развивает все предпосылки новых войн». Эти строки были написаны Розой Люксембург более 8 лет тому назад. Но разве каждое слово, приведенной нами цитаты, не является самой яркой характеристикой переживаемой нами ныне эпохи? Мы могли бы привести целый ряд таких выписок из спартаковской политической литературы того времени, которые могли бы показать читателю, что эта литература почти ничего не утратила из своей свежести и почти целиком сохранила свою прежнюю злободневную остроту. Особенно интересны те документы, в которых авторы их показывают нам скрытые пружины мировой бойни и дают беспощадный анализ предательского поведения германских социал-демократов; также очень любопытны документы, подчеркивающие мировое значение великой Октябрьской революции.

Прочитывая теперь эти документы, мы можем убедиться, что спартаковцы никогда не боялись смотреть правде в глаза, как бы горька она ни была. Только они одни в Германии того времени имели мужество договаривать всю правду до конца. Ставя интересы пролетарской революции превыше всего, спартаковцы с энтузиазмом приветствовали великую революционную решимость своих русских товарищей-большевиков и не уставали призывать в своих воззваниях германских рабочих следовать примеру своих русских братьев. Сознавая великую ответственность, лежавшую на них, как на боевом авангарде в революционной борьбе, спартаковцы и их вожди были неумолимо правдивы в своей самооценке и не останавливались перед жестокой критикой (стр. 93) поведения германского пролетариата в эти критические, судьбоносные годы мировой войны и грядущей мировой революции.

Большая часть этих статей и воззваний, относящихся ко времени 1914—1918 г.г., написаны с таким подъемом, с таким революционным пылом, что и сейчас, спустя 7—8 лет после их появления, их нельзя читать без волнения. Да не только сейчас, через 7—8 лет, а и в далеком будущем, через десятки и сотни лет, будущие поколения, оглядываясь назад, на пройденный исторический путь, и останавливаясь на этих литературных памятниках великих событий, с чувством благоговения будут вспоминать тех самоотверженных вождей нашей революционной эпохи, которые предстанут пред ними в образе тех истинных героев древности, в блеске нравственного величия и глубокой человечности которых померкнет слава многих иных героев, занесенных на страницы всемирной истории.

Мы уже называли эти имена — незабвенные имена Розы Люксембург и Карла Либкнехта и рядом с ними имя Лео Иогихеса, подобно им завершившего свою боевую жизнь геройской и мученической смертью. Эти три вождя, положившие начало германской коммунистической партии, ждут еще своих биографов. Подробное жизнеописание их является делом первостепенной важности, ибо молодые поколения революционеров на примерах этих великих предшественников своих будут учиться и закаляться для будущих битв с отживающим старым миром. Но не пришло еще время для таких жизнеописаний, и нам приходится довольствоваться пока краткими статьями, характеристиками, воспоминаниями, речами, в которых их ученики, их товарищи и соратники стараются приобщить нас к этим дорогим незабвенным именам.

Прекрасно изданная, снабженная портретами, написанная местами с большим чувством, брошюра тов. Радека должна

быть выделена даже из той немногочисленной пока литературы, которой мы располагаем о первых вождях германского коммунизма. Книжка тов. Радека составлена из трех статей, написанных им еще в 1919 г. в то время, когда он сидел в Берлинской тюрьме. Более половины брошюры посвящено характеристике Розы Люксембург, как выдающейся деятельницы международного революционного движения и двух революций—русско-польской и германской. А так как рассказывать о жизни таких центральных фигур, как Роза Люксембург и ее соратники, значит рассказывать историю всей эпохи, с которой тесно сплетена их жизнь, то попутно автором дана характеристика социально-революционных течений и революционной борьбы, в авангарде которой шли Роза Люксембург и ее друзья. О Розе Люксембург т. Радек довольно обстоятельно говорит и как о крупнейшем теоретике марксизма, в защиту которого она выступала с блеском и во всеоружии огромной эрудиции против ревизионистов.

В общем обе рассмотренные нами книги, вместе взятые, дают читателю яркое представление о бурном пятилетии германской истории 1914—1919 г.г.

Книга Э. Дран и С. Леонард дана в очень хорошем переводе.

М. Брагинский.

ЛИТЕРАТУРА О ЛЕНИНЕ.

1. Л. Д. ТРОЦКИЙ. О Ленине. Материалы для биографа. *В. Невского.*

Л. Д. ТРОЦКИЙ. О Ленине. Материалы для биографа. Государст. Изд. Москва.

Пройдут века, человечество завоюет не только воздух, окружающий землю, но и бесконечные пространства между звездами, люди будут знать «темные законы, управляющие работой кровеносных сосудов», люди будут счастливее нас, но и эти люди будущего с удивлением остановятся перед нашей эпохой, этим началом их мира,—мира будущих счастливых людей. Да, они с удивлением будут изучать нашу эпоху и в особенности те гигантские фигуры, какие родила революция,—фигуры Ленина и его ближайших сподвижников.

Ленин, наш единственный и великий Ленин, не только творец революции, но и творец людей революции. Под влиянием его гения, его энергии, его организаторской работы создавались, росли и превращались в вождей революции одни, укреплялись, выявлялись, еще более выкристаллизовывались другие, отходили в сторону, сходили на нет третьи, гибли четвертые.

Влияние его было неотвратимо, непобедимо и сокрушительно. Общение с этим творческим умом делало из самых обыкновенных людей героев, а героев превращало в гигантов.

Один из видных деятелей партии, сыгравших большую роль в качестве депутата в четвертой Думе, как-то говорил по этому поводу: «После поездки в Австрию и свидания с Лениным я стал выше на целую голову». Голову эту поднял Ленин,—можно было бы продолжить мысль товарища.

«Из такого теста делаются Робеспьеры», сказал о Ленине, по словам Троцкого, Плеханов. Неверно это. История всем своим ходом приготовила особое тесто, из которого и вылепила прежде всего Ленина, а ему поручила докончить лепку своих соратников и помощников.

Читая книгу Троцкого, продумываешь приблизительно эти мысли; так ярко, так выпукло Троцкий, вероятно невольно, оттенил именно эту сторону фигуры Ленина. Не только, конечно, одну эту сторону. Он оттенил и другие качества В. И.—его составные элементы,

черточки гения-вождя, проскальзывавшие еще в те отдаленные времена, когда Ленин, мало кому известным эмигрантом, жил в Лондоне; его черты и свойства милого, заботливого, чудеснейшего товарища; его черты организатора неукротимой энергии: воздействие гения В. И. на мир, на окружающих, на ближайших сотрудников—это очень хорошо и ярко дано т. Троцким.

Уже тогда, в эпоху «Искры», когда, казалось бы, никаких поводов к разногласию быть не должно, такой большой человек и учитель Ленина, Плеханов чувствует в молодом революционере незаурядную силу. Уже тогда Ленин прикосновением своей мысли формирует характеры, создает людей, которые потом будут действовать с ним и как он.

Т. Троцкий не дает какой-нибудь одной, написанной по всем правилам искусства характеристики В. И., но по прочтении книги чувствуется, что В. И. в ней, что он здесь, с тобой. Пускай отдельные эпизоды написаны т. Троцким не точно, неверно, пускай слова переданы не совсем так, как они были сказаны, но в общем и целом после прочтения книги В. И. тут, здесь, он чувствуется, он живет.

В этом—огромное достоинство книги т. Троцкого; это—не просто воспоминания, это—воспоминания человека по своей природе, по некоторым чертам существа своего близкого Ленину,—человека, к которому в пылу полемики можно относиться как угодно, но от которого нельзя отнять одного—той же крепости, самобытности и оригинальности, какой отличался и Ленин.

Вот почему в этой чудесной книжке т. Троцкого, кроме милого и близкого, гениального и простого В. И., есть еще и свое, собственное, авторское оригинальное, крепкое и самобытное. Это и придает особую прелесть воспоминаниям т. Троцкого.

Художник ораторской речи, Троцкий и художник речи вообще, и потому его характеристики (напр., Чернова и черновщины), выражения, обороты, образы, фразы блещут оригинальностью, свежестью и тем, правда, как будто бы немного сдерживаемым, революционным пафосом, которым почти всегда блещет его речь. Вот почему книга т. Троцкого во многих отношениях—не только книга о Ленине, но и книга о Троцком. И ничего в этом плохого нет, ибо нет ни одной строчки, где бы автор выдвигал себя, превозносил, хвалил, оправдывал,—нет, книга т. Троцкого объективна, насколько может быть объективна книга ближайшего сотрудника гениальнейшего из людей.

Я не собираюсь писать дифирамб т. Троцкому, так как являюсь противником всяческих и тем более партийных молебнов и акафистов, но хочу только сказать, что образ нашего вождя, зарисованный художественной кистью человека, о котором тоже можно сказать, что он в своем роде primus inter pares, так удачен, так близок и так дорог.

Впрочем, таков уж сам Владимир Ильич, что написанное о нем, да еще согретое любовью и овеянное талантом писавшего, доставляет невыразимое наслаждение, и законная грусть, вызванная утратой вождя, смягчается надеждой победы, оставленной нам в результате всей работы и жизни Ленина.

Бодрростью веет от книги т. Троцкого, несмотря на то, что вся она говорит о незабываемой утрате трудящихся.

В. Невский.

ИМПЕРИАЛИЗМ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА.

1. P. L'ESPAGNOL DE LA TRAMERYE. La lutte mondiale pour le pétrole. *П. Китайгородского.* — **2. Б. ДОЛИВО-ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Тихоокеанская проблема.** *В. Виленского-Сибирякова.* — **3. STEN KONOW. Ueber die Bedeutung Indiens für England, Hamburgische Forschungen.** *Б. Пурецкого.* — **4. Ф. РАСКОЛЬНИКОВ. Афганистан и английский ультиматум.** *В. Кряжина.*

P. L'ESPACNOL DE LA TRAMERYE. La lutte mondiale pour le pétrole. Paris, Edition de la Vie Universitaire, 1923, 229 p.p.

П. Л. ЭСПАНЬОЛЬ ДЕ-ЛЯ-ТРАМЕРИ. Мировая борьба за нефть. Париж. Изд. «Университетская Жизнь». 1923 г. Стр. 228.

«Sans pétrole il n'y a pas de véritable indépendance nationale».—«Без нефти немыслима подлинная национальная независимость». Этот эпиграф автор сделал отправным пунктом для всей своей книги, переведенной на английский, немецкий, японский, китайский и *русский* языки. Правда, в русском переводе книга Де-ля-Трамери обслуживает исключительно белогвардейскую публику; лишь только несколько экземпляров появились в январе 1923 г. в Баку.

Чем же замечательна рецензируемая книга, вышедшая третьим изданием и переведенная на все главные языки?

Секрет ее заключается в обилии картограмм и в богатстве содержания. Эта книга лучше брошюры Делези во всех отношениях. Шаг за шагом автор раскрывает механику мировой политики, в основе которой лежит «борьба за нефть».

Целым рядом удачных примеров автор иллюстрирует ту глубокую революцию, которая произошла в современной морской промышленной технике, благодаря применению нефти. Экономия в нагрузке, в топливе, выигрыш времени и скорости, отсутствие дыма и все прочие преимущества, связанные с переходом на нефтяное топливо, наглядно, путем поучительных табличек, изображены во второй главе этой книги.

Мы позволим себе привести на-удачу две сравнительные таблички:

I.	Дизель.	Паровое отопление.
Мощность лош. сил.	21.500	21.000
Вес мотора со всеми аксессуарами	1.000 тонн.	3.400 тонн.
Объем, им занимаемый. . . .	5.300 куб. метров.	10.000 куб. метров.
Ежедневное потребление. . .	100 тонн масла.	360 тонн угля.
На 15 дней	1.500 тонн.	5.400 тонн.
Объем, потребный для запасов на 15 дней	1.700 куб. метров.	7.000 куб. метров.
Всего с мотором и складом. .	7.000 куб. метров.	17.000 куб. метров.

II. Для нагрузки левиафанов-пароходов «Олимп» и «Лузитания»:

Углем: 5 дней, 500 человек.

Нефтью: 12 часов, 12 чел.,—то-есть 500 человек грузчиков работали 5 дней, покуда нагрузили пароходы углем, в то время как для этой же цели работали 12 грузчиков в течение 12 часов для на-

грузки этих же пароходов нефтью. Эти две таблички говорят сами за себя. Мы взяли наиболее характерные, но в книге читатель найдет много других поучительных фактов, рисующих выгоду от применения жидкого топлива.

Не даром лорд английского адмиралтейства, Фишер, выдвинул «нефтяную» программу, усердно отстаиваемую всеми консерв., либеральным и «рабочим» правительствами.

В третьей главе первой части дается сравнительная табличка потребления нефти и ее дериватов разными странами, во главе которых шествуют Соед. Штаты Северной Америки. Последние потребляют в *два* раза больше, чем все государства, вместе взятые (400 миллионов барилей против 200 миллионов. Бариль равняется боченку в 7—8 пудов.)

При таком резком несоответствии между потреблением и нефтяными запасами Соед. Штатов Америки становится понятной «борьба за нефть», ставшая центральною осью в политике империалистических держав. Вычислено, что запасов нефти, имеющихся в недрах Соед. Шт. Америки, хватит всего на 18 лет. Отсюда бешеная погоня за новыми нефтеносными территориями со стороны республики доллара.

Ярко и вместе с тем объективно рисует автор соперничество между нефтяными трестами «Стандарт Оль» и «Рояль - Дейч - Шелль Компания». Он делает исторический обзор формирования мощного американского треста «Стандарт Оль», концентрированного и централизованного, вершащего судьбы «северо-американской демократии».

В противовес «Стандарту» на европейском горизонте появляется могущественный голландский противник «Рояль-Дейч», впоследствии объединившийся с английским нефтяным концерном «Шелль Транспорт».

В 1907 г., год слияния этих двух европейских гигантов в одну комбинированную компанию, «Рояль - Дейч - Шелль» становится всемогущим под руководством Главного директора Генриха Детердинга, этого «нефтяного Наполеона». Нет ни одного нефтяного участка на земном шаре, который не был бы орошен золотистым дождем стерлингов и флоринов, падающим с сейфов Ротшильда и голландских банков.

В то время, как «Стандарт Оль» ограничивает свою деятельность еще в 1900 годах исключительно в пределах Соед. Штатов (даже сейчас «Стандарт Оль» добывает 8/10 своего производства с Соед.-Шт., 1/10 в Мексике и 1/10 в Румынии), «Рояль-Шелль» охватывает своими щупальцами весь земной шар. Английское пр-во стало приказчиком «Рояль-Шелля».

Не Ллойд-Джордж, не Болдуин, не Макдональд решают политику Англии, а Генрих Детердинг диктует свою волю иностранной политике Великобритании. Детердинг при помощи ловких, прямотаки гениальных банковских и коммерческих манипуляций сумел залезть в самое нутро «Стандарт Оль». Уже в 1915 г. «Рояль-Шелль» овладел 1/9 американской нефтяной продукции. 9/10 мексиканской нефтяной промышленности находится в руках Детердинга. Борьба загорается во-всю, страсти разгораются. Детердинг наносит «Стандарту Оль» одно поражение за другим. Американские янки, по свидетельству покойного президента Гардинга, мешают своему пр-ву принять репрессивные меры против «Рояль-Дейча». Шутка ли!

В 1916 г. было в Нью-Йорке 200.000 акций «Рояля»;

в 1920 г.	—	545.415;
в 1921 г.	—	609.000.

Да, янки уважают «Бонапарта-Детердинга»... Буквально, весь «нефтяной» мир лежит у ног владыки Генриха Детердинга. Капитал «Рояль-Шелль»— 22 миллиарда долларов. Ежегодное производство—15 миллионов тонн. Нефтяной флот самый могущественный в мире: 1.400.000 тонн тоннажа!

Главы, посвященные «Стандарту Оль» и «Рояль - Дейч - Шелль»,—самые интересные во всей книге. Они дополнены новыми данными, неизвестными ни Денлези ни другим авторам, писавшим о нефтяной проблеме до Де-ля-Трамери.

Третья часть книги посвящена борьбе империалистических держав из-за нефтяной гегемонии. Подробно остановившись на закулисной борьбе, имевшей место на Версальской конференции,—на том, как во время войны перед лицом общего врага «Рояль-Дейч» побратался с «Стандартом», чтобы тотчас же после перемирия разойтись в разные стороны, автор переходит к описанию борьбы между Англией и Америкой из-за Мексики. Тут разворачивается картина, рисующая похождения Рокфеллера в Мексике, инсценируемые им постоянные восстания, поддержку слабых подкупленных президентов против сильных: Мадеро против Диаци, Гуэрту против Мадеро, Карранцу против Гуэрты, Виллу и Сапату против Карранцы и т. д. и т. д... Нефтяная продукция Мексики за *десять* лет возросла с 3.000.000 барилей до 195.000.000 барилей. Есть из-за чего швырять деньгами для поддержания анархии в стране!

Весьма детально обрисована борьба этих двух империалистических гигантов в Персии, в Румынии, Галиции, Месопотамии, Алжире, Сахалине, Мадагаскаре, Южной Америке, Египте, Китае, Филиппинах и т. д. и т. д.

Генуэзская конференция находит интересное освещение в специальной главе. Ллойд-Джордж, пленник Детердинга, творящий волю «Рояль-Дейча», выступает у Де-ля-Трамери во всей мощи своей дипломатической изворотливости.

Наконец, четвертая часть книги посвящена целиком Франции. Последняя—нищенка в нефтяном отношении. Англия ее объегорила в Сан-Ремо, Генуе и в Лозанне. Автору остается лить слезы по поводу неудачливых политиков Франции, милостью которых она стала «нефтяным вассалом» Англии и Америки.

Де-ля-Трамери не склонен разделить оптимизм некоторых французских политиков, возлагающих чрезмерные надежды на «Национальный углеводород», промышленный алкоголь, долженствующий заместить недостающую нефть. Вырабатываемый на винокуренных заводах алкоголь вряд ли в состоянии хотя бы в десятой степени компенсировать потребность в нефти. Добыча же смазочных масел из сланца находится лишь в стадии разработки. Автор рекомендует Франции вести «независимую нефтяную политику». Он, однако, забывает, что именно для реализации такой политики сами руководители Франции должны стать независимыми от рантьеров. Но это вещь совершенно невозможная для почтенной компании Пуанкаре, Тардье e tutti quanti.

Наш совет Госиздату или «Красной Нови»: в ближайший же срок перевести и издать эту весьма ценную и содержательную книгу. Повторяем: книга Делези «Нефть», написанная в 1920 г., уже устарела. Она поэтому нуждается в пополнении. Работа Де-ля-Трамери буквально незаменима.

П. Китайгородский.

Б. И. ДОЛИВО-ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Тихоокеанская проблема. С вступительной статьей М. Павловича. Борьба за Тихий океан. «ВВРС» Москва. 1924 г. Тираж 10250 экз. Стр. 234.

Интерес к Тихоокеанской проблеме возрастает. Свидетельством этого являются статьи, брошюры и даже специальные книги, посвященные этому большому и сложному вопросу. Книга Доливо-Добровольского, появившаяся в свет в издании «ВВРС», выгодно отличается обстоятельностью описания Тихоокеанского бассейна с точки зрения истории, географии и отчасти экономики.

Огромная литература, главным образом, историко-географического порядка, на различных языках, относящаяся к тихоокеанским вопросам, мало доступна советскому читателю, и «ВВРС» очень хорошо сделал, издав книжку Доливо-Добровольского, которая дает прекрасное введение в эту литературу, посвященную описанию Тихоокеанского бассейна.

Но напрасно читатель в книжке Доливо-Добровольского станет искать ответа на то или иное решение Тихоокеанской проблемы. Автор подавлен «Стратегией больших расстояний», для него «География Тихого океана—беспримерный парадокс», он чувствует, что Тихий океан «потенциально таит в себе

гром и призрак бури», но Тихоокеанская проблема для него «неразрешима в ее существующей обстановке».

Причина подобной «осторожности», если не сказать более, в подходе к решению Тихоокеанской проблемы заключается в том, что автор подходит к решению своей задачи не как политик-экономист, нащупывающий будущее, а как географ-историк, который больше оперирует описанием географических величин и историей прошлого. В сравнении с ген. Головиным и адм. Бубновым, Доливо-Добровольский страдает отсутствием стержневой установки в исследовании вопроса. У Головина в центре вопроса стоит проблема перенаселения Японских островов. Вокруг этого стержня он рассматривает тихоокеанскую действительность и делает свои предположения и выводы. С этими выводами могут не соглашаться, могут спорить, но все же здесь мы дело имеем с попыткой наметить какие-то вехи для решения вопроса.

Тов. Павлович в своей вступительной статье высказывается более решительным сторонником возможностей японо-американского конфликта. Как публицист, базирующийся в своих выводах и предположениях на экономике, он не может не видеть противоречий капитализма в восточном полушарии, а недавний опыт мировой войны подсказывает ему ответ на те вопросы и сомнения, которые были неизбежны для Доливо-Добровольского.

Однако, и тов. Павлович *не дает полного исчерпывающего ответа по всем пунктам Тихоокеанской проблемы. Он дает один ответ, что японо-американское столкновение неизбежно, но он не может указать, где будет развязываться узел Тихоокеанской проблемы.* А это есть один из главнейших вопросов, который мы в праве задать каждому, кто пытается подойти к Тихоокеанской проблеме с серьезным намерением сделать попытку наметить вехи к разрешению этой проблемы.

Но, конечно, это не вина, а скорее беда и Доливо-Добровольского и др. исследователей, которые пока что бродят около Тихоокеанской проблемы, но не могут проникнуть за завесу будущего, отделяющую нас от завтрашнего дня мировой истории...

Книга издана хорошо и, несомненно, является ценным пособием для всякого интересующегося Тихоокеанской проблемой.

Вл. Виленский (Сибиряков).

STEN KONOW. Ueber die Bedeutung Indiens für England. Hamburgische Forschungen. Hamburg. 1918—1919. S. 79.

СТЕН КОНОВ. О значении Индии для Англии. Гамбургские исследования. Гамбург. 1918—1919. Стр. 79.

Значение Индии для Англии обусловлено английским господством в Индии, с одной стороны, и безраздельным контролем англичан над ее внешней и финансовой политикой—с другой. По существу интересы англичан за триста лет их пребывания в Индии не изменились. Триста лет тому назад на Индию, как на источник обогащения, смотрела небольшая группа английских предпринимателей, именовавшаяся Ост-Индской торговой компанией, теперь на нее как на источник всяческого благосостояния смотрит целое государство. Но если триста лет тому назад английские послы, со связанными руками, униженно валялись у ног монгольского повелителя Индии Ауренгзеба, слезно моля его о прощении за черезчур откровенное проявление своих хищнических наклонностей, то, наоборот, теперь вся Индия лежит у ног британского империализма, и неистощимые природные богатства ее при помощи всевозможных культурных начинаний и усовершенствований, предпринимаемых якобы с бескорыстными целями, выкачиваются в карманы английских поработителей. А индусский народ, нищий, голодный, обремененный непосильными налогами, и сторицею платящий за свое порабощение и за развитие английской промышленности в своей стране, не удостоился даже иметь представителя при английском дворе. Вот собственно основная мысль автора. Для доказательства своих положений автор отдельно рассматривает значение Индии для английской торговли, питания, промышленности, капитала и, наконец, для

всей мировой империи. О возрастающем значении Индии для английской торговли показывают все увеличивающиеся цифры общего торгового оборота, который с 1.290.000 фунтов стер. в 1675 году достиг в 1901 году до 136.000.000 фунтов. Что же касается участия Англии в индийской торговле, то на ее долю приходится около 60% всего ввоза и около 30% общего вывоза из Индии. Как поставщица средств питания и сырья, Индия играет для Англии весьма существенную роль. Из всего количества экспортируемой из Индии пшеницы на долю Англии приходится до 80%, чая—до 70%, джута-сырца—43%, льняного семени—30%. Из Индии Англия покрывает до 79% своей потребности в рисовой муке и рисе; от 66 до 95%—в чечевице; от 8 до 18% —в бобах и от 52 до 63%—в горохе. Для английской промышленности Индия поставляет масличное семя от 25 до 43%, клещевинное масло—от 25 до 35%; бензин и моторное масло—около 15%, меха и шкуры—от 40 до 80%. В Индию из Англии вывозится хлопчатобумажная пряжа—от 14 до 18%, крашеная и цветная пряжа от 40 до 49%, различный хлопчатобумажный штучный товар—от 30 до 43% и в довольно большом количестве всевозможные металлические изделия. Для английского капитала Индия представляет широкое поле деятельности, принимая во внимание, что собственные средства ее весьма не велики и на все более или менее крупные сооружения, как-то: железные дороги, устройство искусственного орошения и т. п. приходится занимать, главным образом, у англичан. Долг Индии в последние годы перед войной достиг до 175 миллионов фун. стерл. Что касается вложенного в предприятия Индии английского капитала, то в 1917 году капитал только одной крупной англо-индийской компании исчислялся в 656 милл. ф. с., общая же сумма его в 1911 году исчислялась в 3.500.000.000 ф. стр. Политическое и международное значение Индии для Соединенного Королевства также весьма велико. Здесь автор, между прочим, пользуется докладом лорда Керзона, сделанным в 1907 г. касательно положения Индии в Британской Империи. Англия всегда боялась завоевании Индии какой-либо другой державой и поэтому окружила ее как бы оборонительным кольцом из своих владений и областей, находящихся «в сфере английского влияния». Владения в Африке, Суэцкий канал, Египет, Персидский залив, Афганистан и т. д. Не оставлена без внимания также помощь Индии, оказанная Англии в мировой войне, когда англичанам удалось призвать под знамена до 700 тыс. индусов. В конце своей книги автор задает вопрос, как отразится на Соединенном Королевстве отделение от него Индии. Военное, насильственное отделение явится колоссальным ударом для английской торговли и промышленности, вследствие неизмеримых убытков, которые понесут народное хозяйство и питание Британии. Престиж Англии на Востоке падет, и Япония останется единственной великой державой в Азии. Россию автор, очевидно, вычеркнул навсегда из списка великих держав. Если же англичане добровольно дадут Индии требуемое ее народом самоуправление, то она останется частью Соединенного королевства на подобие Канады, Австралии и Южной Африки, и престиж англичан на Востоке останется непоколебленным. В заключение автор надеется, что «Самостоятельная Индия, как полноправный член британского государственного союза, послужит гарантией для установления всеобщего мира. Миролюбие и терпимость были всегда преобладающими качествами индусов, и Индия в совете британских государств свой великий голос всегда подаст за мир».

Б. Пурецкий.

Ф. Ф. РАСКОЛЬНИКОВ. Афганистан и английский ультиматум. Изд. «Красная Новь». Главполитпросвет. Москва. 1924. Стр. 35.

На русском языке имеется очень скудная литература по Афганистану. Книга Снесарева воспроизводит курс, читанный автором в Академии Генштаба и, вполне понятно, составлена под специфическим военно-географическим углом зрения. Сборник статей «Афганистан» (т. I), изданный Научной Ассоциацией Восто-

коведения Союза ССР, посвящен исключительно прошлой истории, этнологии, археологии и истории искусства Афганистана. Наконец, книжка Никулина «14 месяцев в Афганистане» заключает ряд очерков чисто репортерского типа. При таких условиях небольшой популярно написанный очерк Ф. Раскольникова, несомненно, заполняет пробел, существующий в нашей литературе.

Брошюра делится на две части. Вступительный очерк знакомит читателя с географией, этнографией и даже хозяйственным укладом страны. Очерк этот, написанный в стиле заметок для энциклопедического словаря, имеет вводный характер и рассчитан на читателя массовика.

Вторая часть брошюры посвящена истории взаимоотношений между Россией, Англией и Афганистаном с начала XIX в. и вплоть до настоящего времени. Автор вполне убедительно доказывает, что политика царского правительства в Афганистане носила чисто провокационный характер и являлась средством шантажа для извлечения тех или иных выгод от империализма Британии. Неудивительно, что с 90-х г.г. афганские эмиры начинают всецело ориентироваться на Англию, превращаясь, хотя и неофициально, в ее вассалов.

Государственный переворот 1919 г., возведший на афганский престол энергичного прогрессиста Аманулла хана, положил конец этому положению вещей. Новый эмир, естественно, начинает ориентироваться на Советскую Россию, первую из держав, признавшую независимость Афганистана. После заключения русско-афганского договора, в Кабуле начинаются ожесточенные интриги англичан, добивающихся высылки русской миссии и разрыва РСФСР с Афганистаном. Эта дипломатическая борьба носит крайне своеобразный характер в политических условиях этой страны.

Несмотря на принятый реформаторский курс, Афганистан попрежнему является типичной восточной деспотией. Политические партии в западном смысле здесь, понятно, отсутствуют. Однако, имеются две группировки, одна—состоящая из здоровых националистов, ориентирующихся (во главе с эмиром) на Советскую Россию, и другая — из англофилов.

Отношения между Афганистаном и Англией чрезвычайно обостряются благодаря событиям, происходящим в пограничной с Индией, так наз. Сев.-Западной, провинции, населенной родственными афганцам племенами: вазиров, афридиев, махсудов и др. Эти воинственные племена не желают примириться с властью англичан и находятся с ними в перманентной борьбе. В 1923 г. англичане пробуют сломить сопротивление этих племен, организуют тщательно подготовленную экспедицию и т. д. Чтобы гарантировать невмешательство Афганистана, англичане прибегают к своему излюбленному средству—ультиматуму (декабрь 1923 г.), требующему от него строжайшего нейтралитета. Этот ультиматум вызван неудачей английских интриг в Кабуле и представляет из себя попытку обострить внутреннюю политическую борьбу, происходящую в Афганистане: «нет никаких сомнений, что ультиматум скрывает за собой попытку подготовления государственного переворота,—попытку свержения теперешнего эмира для замены его ставленником англичан, наподобие жалкой фигуры месопотамского эмира Файсала».

Происходящие в Афганистане события—реакционное восстание, несомненно, спровоцированное англичанами, оправдывают прогноз, сделанный Ф. Раскольниковым.

В. Кряжин.

ИНОСТРАНЦЫ О РОССИИ.

1. L'EUROPA ORIENTALE. Rivista mensile publicata. *И. Гливенко.* — **2. ANKER KIRKEBY Russisches Tagebuch. 1924.** *С. Марголина.*

L'EUROPA ORIENTALE. Rivista mensile publicata a cura dell, Istituto per l'Europa Orientale. Anno I. Giugno—Dicembre 1921. №№ I—VII, p.p. 487. Anno III. Marzo—Luglio 1923. № III—VI, p.p. 113—374. Roma.

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА. Ежемесячное обозрение, издаваемое Институтом Восточной Европы. Год I. Июнь — Декабрь 1921 г. №№ 1—7. Стр. 487. Год III. Март — Июль 1923 г. №№ 3—6. Стр. 113—374. Рим.

В 1921 году в Риме основалось научное общество под именем «Института для (изучения) Восточной Европы». Основной своей задачей это учреждение ставит развитие и распространение при помощи исключительно научных методов (con metodi puramente sientifici) знаний, касающихся Восточной Европы. Область, на которую распространяется деятельность Института, охватывает собой следующие страны: Финляндию, Эстонию, Латвию, Литву, Россию, Польшу, Чехо-Словакию, Югославию, Венгрию, Румынию, Болгарию, Албанию, Грецию, Украйну и Армению.

Уже с июня 1921 г. Институт приступил к изданию своего печатного органа «Восточная Европа», в виде небольшого (4 печатн. листа) ежемесячника. Первые семь номеров этого журнала, вышедшего в 1921 г., и четыре номера 1923 г. получены редакцией «Печати и Революции».

Таким образом, в нашем распоряжении нет целого 1922 г. и начальных номеров 1923 г. и, однако, наличность только одиннадцати номеров 21 и 23 г.г. дают возможность составить довольно ясное представление о характере этого итальянского издания. В нем отражается интерес ко всем сторонам жизни тех стран, которые перечислены выше. Общей культуре, политике, экономике, литературе этих стран посвящены как отдельные статьи, так и обзоры, корреспонденции, библиографические заметки и т. п. Так, напр., кроме постоянных ежемесячных обзоров «Положения Восточной Европы», целые статьи трактуют об «Экономике Латвии», о чехо-словацком театре, о Копернике в Польше, о Шевченко, Петефи, о православии на берегах Адриатики, и т. д. и т. д. Журнал как будто действительно хочет охватить все стороны жизни восточных европейских стран.

Вполне естественно, однако, что вопросы, касающиеся России, должны занять соответствующее место на страницах журнала, посвященного Восточной Европе. И действительно, из 480 страниц, составляющих полутом 1921 г., более четверти заняты Россией (вместе с Украйной). Чтобы иметь представление о характере статей, трактующих о России, достаточно указать несколько заглавий: «Финансы в России», «Торговля в России», «Водный транспорт в России», «К вопросу о русских концессиях», «Внутреннее положение в России», «Высшее образование в России», «Пролетарские поэты в России», «Культура в Советской России» и т. д. Как видно из этого далеко не полного перечня, журнал как будто всесторонне осведомляет своих читателей о русской жизни. Большая библиографическая статья посвящена литературе о русской революции. Дана подробная библиография о Распутине. Главными сотрудниками журнала по России состоят Б. Яковенко, И. Гриненко и итальянец Гатто.

Однако, при всем разнообразии проявляемого «Восточной Европой» интереса ко всем вопросам нашей жизни, нельзя не

отметить характера освещения этих вопросов. Этот характер определяется, прежде всего, источниками, из которых журнал черпает свои сведения: это по преимуществу зарубежная русская печать. С другой стороны, правильному освещению мешает какое-то фатальное непонимание европейцами России, которая для них остается вечной загадкой. Так и называется: «Русская загадка» («Enigma russa») статья Gio Salvi, пробывшего в России 8 месяцев, во время голода, представителем итальянской миссии. Но если направление статьи Сальви отчасти объясняется его непониманием русской психологии, то отношение ко многому, происходящему в России, проявляющееся в статьях русских авторов, объясняется, конечно, другими причинами, именно полным согласием с теми источниками, подобными «Рулю», «Дням», и т. п., из которых Б. Яковенко черпает свои сведения. Как образчик приведем несколько фраз из заметки о русской литературе, принадлежащей Г. М. Иванову, перепечатанной из какого-то бухарестского органа. «Современная Россия,—пишет Иванов и перепечатывает итальянская «Восточная Европа»,—состоит из трех категорий русских: из русских Советской России, т.-е. членов России, кажущейся (!) реальной, и тем не менее лишенной реальности; из русских в эмиграции, т.-е. из России действительно реальной, потому что ее составляют все (?!) русские интеллектуальные силы; и, наконец, из третьей России, состоящей из тех, которые хотят приспособиться к существующему положению вещей в их отечестве и помочь его восстановлению». Далее читаем о том, как «так называемый Госиздат» все пустил в ход (tutto messo in opera), чтобы задушить знаменитое издательство «Петрополис», как Госиздат интересуется только пропагандой, а не культурой, и т. п. перлы, которые печатаются в Италии после книжной выставки во Флоренции, на которой (казалось бы, это следовало знать журналистам, сидящим в Риме и пишущим о России) «так называемый Госиздат» был одним из видных экспонентов. В том же артикле «Красная Новь» («Il campo rosso») называется академическим журналом. И это в 1923 г. Приходится пожелать и «Обществу для изучения Восточной Европы», и издаваемому им журналу вспомнить первый пункт Устава О-ва, говорящий о том, что в своих работах оно обязывается действовать при помощи методов чисто научных, к числу которых относится прежде всего научная проверка материала.

И. Гливенко.

ANKER KIRKEBY Russisches Tagebuch. 1924. Elene Gottschalt Verlag. Berlin. S. 171.

АНКЕР КИРКЕБИ. Русский Дневник. 1924 г. Изд. Елена Готшальт. Берлин. Стр. 171.

За границей начинают писать о Советской России в форме эскизов,—факт, может быть, лучше всего знаменующий собою подъем и размах, каких достигла наша жизнь в последние годы. Жизнь утвердилась и укрепилась по всем линиям, развернулась на широком полотне и для того, чтобы охватить ее, уже мало одной только словесной аргументации «о пользе или о вреде» Советской власти, а нужно вооружиться живыми, видящими глазами, которые умеют заглянуть во все стороны жизни и, если и не доискиваются ее глубоких сокровенных корней, то во всяком случае всюду отмечают ее живой горячий след.

Такими глазами сумел взглянуть на современную Советскую Россию датский писатель Киркеби. Его книга «Русский дневник» только что вышла на немецком языке с предисловием Отто Флаке. Это—не ученое исследование и не политический трактат; это—живая беседа живого впечатлительного человека, который с жадным любопытством просовывает свою голову всюду, где только чувствуется жизнь, и чутким ухом ловит ее дыхание во всем, что доносится до него, будь это разговор с каким-нибудь влиятельным политическим или культурным деятелем, митинговая речь или случайный рассказ человека из ресторана. И хотя он пишет обо всем: об электрификации, и о Коминтерне, о Без-

божнике, и о памятниках революции, и даже об устройстве в России датского показательного хозяйства,—но во всем его интересуют не столько самые факты, не столько история революции и прогноз ее будущей судьбы, сколько самый пульс жизни, ее тон, формы ее выражения, ее интимное бытие. Едва ли он понял все, что совершалось вокруг него, да и сам откровенно признается в этом; он не решается высказать свое мнение о будущем Советской власти и скорее всего смотрит на нее лишь, как на один из этапов революции; он не пытается вникнуть в исторические причины и теоретическое обоснование того, что происходит кругом, и остается на поверхности явлений, но эту поверхность он с жадным увлечением вбирал в себя, и потому все его впечатления являются живым отражением жизни. То, что сам он пережил в России, нельзя иначе выразить, как словом опьянение. Он опьянен всем, что видит и слышит: и Красной армией, которая «боролась одновременно на 14 фронтах и всюду побеждала, потому что она знала, за что отдает свою жизнь», и фигурами пролетарских вождей, которые, «не успев умереть на баррикадах, теперь дорабатываются до смерти над строительством новой России» («не они завладели революцией, а революция завладела ими и всасывает их без конца и остатка»), и советской фабрикой, и советским театром, и советской школой; он охвачен этой революцией, которую отказывается понимать, этим строем, в долговечность которого не решается верить, но больше всего опьянен тем тоном, «который не может быть выражен в фактах, и который вместе с тем проникает все факты». «Вы хотите видеть картину русской революции... Ее не так-то легко увидеть простым глазом. Революция это больше, чем грохот орудий, развалины, манифестации и баррикады. Революция—это тон, внезапно пронзающий воздух, тихая мелодия, которая пропитывает все, даже душу, да, душу. Это—новая окраска жизни, неведомое дотоле освещение бытия. Неугасимая лампада, которая горела 300 лет перед храмом Василия Блаженного, угасла, и никто уж больше не обнажает перед нею головы, и из курантов на священной Спасской башне, которые каждый день играли в полдень «Боже, царя храни», теперь несутся звуки «Интернационала». Огнем и пламенем расплавляется звонкая медь в холодном, ясном воздухе Москвы. Вот это революция. Почти ничто и все же так много, что хочется упасть на колени».

Революционный марш на первомайском параде действует на него как «водка, настоенная на порохе», он завидует красным барабанщикам, «вся жизнь которых проходит в непрерывном восторге, и один вид которых зажигает восторг». И только по приезде домой он пытается объяснить причины своего собственного опьянения и оценить тот новый тон, который дала революция жизни. Сидя в Стокгольмской гостинице, он слышит, как лакей титулует «господ» гостей и вспоминает, как в России, когда он задумывался над тем, как обращаться в письме к жене Ленина, ему в Коминт. посоветовали назвать ее просто «товарищ». Это слово, которое он слышал всюду, и в приемной Народного Комиссара, и на тихой улице Москвы, где молоденькая девушка уговаривала уличного пьяницу вернуться домой,—это слово кажется ему символом новой Советской России, объединяющим ее какою-то удивительной атмосферой взаимной симпатии и любви. В картинных галлереях и музеях он забывает о картинах и витринах, когда видит этих посетителей, детей, красноармейцев, рабочих и старух, которые непрерывно заполняют залы и всегда встречают ласковый сердечный привет и любовное, заботливое объяснение. «Главное тут не то, что перед обойденными раньше людьми широко раскрываются двери к культуре и свету, а то, что их любовно берут за руку и братски делят с ними свои знания. Я видел здесь одних, исполненных горячим желанием помочь, и других, охваченных стремлением понять; это была живая игра взаимного тяготения и непосредственной человеческой любви; в душе моей поднялся целый огненный столб и захватил меня сильнее, чем самые увлекательные художественные произведения галлереи».

Из этой новой живой братской любви вырастают новый быт и новая мораль. «Москва является в настоящее время,

воистину, самым нравственным городом в мире. Женщина спокойнее может ходить здесь по улицам глубокой ночью, чем в Берлине в 9 часов вечера. Знаменитые кафе-шантаны и отдельные кабинеты опустели,—разве только забредет сюда какой-нибудь спекулянт со слишком сверкающими кольцами на слишком толстых руках, да дамы с слишком пышными мехами на слишком жирных затылках. Молодые люди из Красного Креста жаловались мне, как трудно завести себе теперь в России маленькую подругу сердца. Демимонденка исчезла. Молодые женщины верны, мужчины рыцарственны. Причина этому та, что революция снова возродила любовь. Молодые люди вступают в брак в двадцатилетнем возрасте при первой же зарождающейся влюбленности без всяких других побуждений, кроме любви, и когда любовь проходит, то закон всегда предоставляет возможность развестись в течение 12 часов. Так каждый может жить там, где цветет его счастье».

Если автор опьянен всем, что видел и слышал в России, то его опьянение достигает своего высшего пункта, когда он начинает говорить о русской школе. Он рассказывает об одной молодой датчанке, которая во время экскурсии по русским школам пришла в такой восторг, что бросилась с рыданием на шею Луначарской, и сам он, кажется, готов рыдать вместе с нею о своих потерянных школьных годах. О той школе, в которой он учился, Рабиндранат Тагор говорил: «Мы отнимаем у ребенка землю, заставляя его изучать земной шар. Он томится по истории, а его пичкают хронологией и именами. Он родился для живого мира, а его загнали в мир живых граммофонов». Но «русский учитель захлопнул книгу и раскрыл перед ребенком весь мир». Все ужасы пережитого замирают при звуках этого нового, юного мира, который расцветает в русской школе. «Мы приехали в Самару, чтобы бродить по могилам; но жизнь поет над могилами свою вечную песню». И в этом городе, где на улицах еще валяются черепа умерших от голода людей, он пишет уже не о недавнем голоде, а об Интернационале в исполнении детского хора. «Солнце садится. Зажигается хрустальная люстра, весь зал купается в свете, все подымаются, и немая торжественность охватывает детей. И вдруг все стройным хором затягивают «Интернационал». Все твердо выдерживают такт, как будто отбивают шаги военного марша. Каждое слово произносится сознательно, никто ни разу не сбивается на протяжении пяти строф. Под конец огонь песни охватывает всех их глубоким детским пафосом. Выражение лиц трогательно серьезно, голоса страстно несутся в высоком дисканте, глаза с влажным блеском устремляются к потолку, точно видят через него звезды. Это священный час, церковные колокола звонят к молитве, араб падает на колени с лицом, обращенным к Мекке. Теперь во всех детских домах России от Балтийского до Желтого моря поется Интернационал. Дети ложатся и просыпаются с Интернационалом».

И в своем предисловии к немецкому изданию «Русского дневника» Отто Флаке ищет в Советской России нового жизнеощущения. «В этом обществе, выстраданном насилием, имеется нечто, что не содержится в его материальной программе: природа народа, его дух, его жизненная сила и его человечность. Здесь вырисовывается новый идеал жизни, новый идеал добродетели, новый идеал человека». Такими идеалами были в свое время рыцарство, джентльменство, благородство ума и сердца. Но наше время еще не создало такого идеала,—доказательство того, что мы уже около целого века находимся в переходном состоянии. Разве если указать еще на созданный демократией идеал selfmade man'a—идеал делового человека, идеал достаточно жалкий. В последнее время в современной Америке появляется новый идеал, а именно поразительное упрощение, доходящая до отваги банальность, «антифаустовская прокламация побеждающей энергии, вера в инициативу и в свободу воли, которая не сомневается в том, что можно встретить грудью жизнь и отвоевать у нее наибольшую сумму довольства и наслаждения». В Советской России мы видим ту же инициативу, которою проникнуты даже женщины и дети, ту же веру в всеобразующий разум, то же упроше-

ние без лишней рефлексии, то же решительное «да» на вопрос о том, можно ли одним только усилием воли создать более здоровое, радостное и свободное общество. Но здесь все это согрето своей особою своеобразною теплотою. Таким образом из социализма вырастает новая душевно-физическая структура, новая тенденция жизни. И материализм, ныне до такой степени нерелигиозный, что становится антирелигиозным, принесет, может-быть, миру новое миросозерцание, философию, или, вернее, ученье, в котором человек найдет спасение от слабости, бренности, разрозненности бытия, которое оправдает в нем решение преодолеть эту изначальную косность бытия и превратить слепую силу в сознательную волю... И мы начинаем чувствовать, что там, на Востоке, разыгрывается ставка не только классовой воли, но и воли человека к счастью».

С. Марголин.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ И НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО.

1. Н. СУХАНОВ. Мировое хозяйство накануне и после войны 1913—1923 г.г. *Ф. Капелюша.* — **2. Проф. П. МОМБЕРТ. Введение в изучение конъюнктуры и кризисов.** *Вл. Сарабьянова.* — **3. Ф. МИХАЛЕВСКИЙ. Начальный курс политической экономии.** *А. Кона.* — **4. Проф. С. ФАЛЬКНЕР. Проблемы теории и практики эмиссионного хозяйства.** *Д. Кузовкова.* — **5. ФИНАНСЫ И ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ. Сборник статьей.** *Д. Кузовкова.* — **6. Л. КРИЦМАН. Три года новой экономической политики пролетариата С. С. С. Р.** *Ф. Капелюша.* — **7. Проф. А. ЧАЯНОВ. Die Lehre von der bäuerlichen Wirtschaft.** *Ю. Спасского.* — **8. А. ЛОЗОВОЙ. Сельско-хозяйственная кооперация и ее значение в современных условиях.** *Н. Мещерякова.* — **Проф. С. ЖЕГАЛОВ. Введение в селекцию сельскохозяйственных растений.** *А. Бессера.*

НИК. СУХАНОВ. Мировое хозяйство накануне и после войны 1913—1923 г.г. Популярный очерк. Издательство «Книга». 1924 г. Стр. 107.

Как популярный очерк, эта небольшая книжка, несмотря на свою насыщенность цифровыми данными не утомляет, читается даже увлекательно и дает цельную, более или менее исчерпывающую картину. Однако, поскольку автор не ограничился изложением фактической стороны, а ярко и четко *ведет* читателя и старается дать выводы, то книга его не свободна от противоречий. Но эти противоречия имеются в самой действительности: это кардинальные противоречия мирового хозяйства.

Автор сам подчеркивает эти противоречия. «Для чего,—спрашивает он,— страны высокого капитализма вели свою колониальную политику? К чему вся эта борьба, усилия и жертвы, если и из колоний почти нечего взять и туда почти ничего нельзя сбыть?». Это—реакция против недавнего теоретического увлечения колониальным вопросом. «Мы теперь видим истинное положение дел. Окончательный раздел мира вовсе не послужил источником конфликта (мировой войны). Наступление национальных капитализмов друг на друга не было порождено невозможностью каждого из них распространяться в ширь». Чем же автор объясняет мировую войну? «Интерес заключается не столько в результатах колониальной политики, сколько в процессе ее». Т.-е. в роли тяжелой индустрии в колониальных авантюрах. Это, — заметим и мы, — можно считать установленным. «Единственный смысл борьбы за африканские области состоял в том, что эта экономическая борьба переходила в политическую». И с этим можно согласиться. Приведем еще другое толкование этого, не приводимое автором: французский империализм захватывает Марокко не потому, что

последний нужен ему экономически, а только для того, чтобы он не достался германскому империализму. «А главная суть в том, что финансовый и трестированный капитал передовых стран питается не своими, а именно чужими рынками», кладет, подобно кукушке, яйца в чужие гнезда. Почему? Этот вопрос остается без ответа. Мы думаем, что здесь нельзя обойтись без чисто экономического анализа самых понятий внешнего и внутреннего рынка, как таковых. Каждая из первоклассных стран, в качестве своего внешнего рынка, могла иметь только внутренние рынки своих конкурентов».—Так объясняет автор возникновение и смысл мировой войны. Боимся, что такое объяснение, хотя оно, с одной стороны, является само собой разумеющимся, вызовет у читателя недоумение: если внутренний рынок одного государства служит внешним рынком для другого (вследствие различия естественных богатств?), если, примерно, Германия является рынком для Англии, а Англия—рынком для Германии, то, казалось бы, все шито-крыто, и интересы самого капитализма требуют не разгрома, а укрепления конкурентов, как доказывал уже Иошуа Тукер.

Автор останавливается на другом объяснении: «Богатства конкурентов должны быть уничтожены». «Это означало не что иное, как мировую войну». «С точки зрения капитализма это являлось выходом из положения». «Раздавит ли Англия Германию или сначала Францию, ясно, что в принципе это совершенно безразлично». «Если война началась, то, стало-быть, не было иного средства обеспечить дальнейшую жизнь капитализму».

Но здесь мы наталкиваемся на другое большое противоречие. С одной стороны, автор, конечно, совершенно прав: капитализм дошел здесь до такой черты, где ясно, что он уже не воскреснет к своей «нормальной» жизни, и правилен лозунг: превращение империалистической войны в гражданскую. Но с другой стороны: если единственным *лекарством* для капитализма, было разрушение богатств мировой войной, то почему это грандиозное экономическое кровопускание должно было *добить* капитализм? Автор спрашивает: «Мировой капитал, который не мог существовать *без* войны, — может ли он существовать *с* войной?» И констатирует: «Однако, человечество выдержало то, что выдержать было невозможно». «Как же это могло случиться? *Раньше мировой капитализм задыхался среди созданных им богатств. Каким же образом, после войны он может задыхаться среди нарочито устроенного им оскудения?*»—«Все это,—говорит автор,—объясняется как нельзя проще. Все эти противоречия, суть элементарные и давно всем известные внутренне-присущие противоречия капиталистического строя». Дело в том, что «мировой капитализм не есть механический конгломерат национальных частей». Это тоже совершенно верно, но не объясняет конкретно по существу упомянутые противоречия. Единым организмом мировой экономики автор объяснял сначала то, что мировая война и разрушение явились единственным исходом, а теперь тем же единым механизмом он объясняет, что послевоенная разруха идет не в пользу, а во вред капитализма.

И вот, в связи с этими кардинальными диалектическими противоречиями, находится третье основное противоречие. Капитализм переживает известный подъем. После вереницы цифр в главах «Послевоенный кризис» и «В поисках спасения» следуют совсем противоположные цифры в главе, озаглавливаемой автором: «Час прилива» (1922—1923 г.). «Озадаченный читатель не найдет объяснения для этого... После огромного истощения британское народное хозяйство, *в силу внутренней своей логики*, (курсив наш. *Ф. К.*) должно было качнуться в сторону подъема». Что сие означает? Быть-может, здесь уместно было коснуться теоретической проблемы больших и малых конъюнктурных циклов.

Против некоторых отдельных положений автора можно спорить. Так, например, экспорт капиталов из Англии в колонии Англии вовсе не «подрубает сук, на котором теперь (после разгрома Германии) покоится британская промышленность» (стр. 78), напротив, связан с заказами для этой промышленности; не следует также слишком трагически

принимать «полнейшее расстройство государственного хозяйства» во Франции (стр. 82), вследствие его задолженности—долги Франции почти исключительно внутренние—и обесценение франка лишь ликвидирует их фактически, и этим самым идет на пользу государству и всему народному хозяйству; на стр. 94 приведены без критики совершенно ненадежные, тенденциозные данные германской официальной статистики о вывозе и ввозе в 1920—1922 г.г.; нельзя также огулом считать, что хозяйственный организм Германии совершенно искалечен и при существующих условиях должен погибнуть» (стр. 96). Этот пессимизм (или, с нашей точки зрения,—оптимизм) не оправдывается фактами, и поэтому один из главных итогов автора, что Германия ныне «злокачественная язва всего мирового капитализма». и что «тут невозможны никакие примирения и соглашения» (стр. 98)—тоже несколько утрирован. В момент, когда заседает англо-советская конференция, в момент пресловутого меморандума банкиров и характеристики Макдональда, как «банковского клерка», несколько рискованы также утверждения автора: «На долги махнули рукой, а Россия разбогатела»... через несколько лет она будет «самой богатой страной в Европе» (стр. 103); впрочем, тут же автор заявляет: «Прежде всего не следует вообще преувеличивать значение России, как рынка» (стр. 102). Совершенно верно автор заявляет, что «положение и с этой стороны, как со всех других, полно противоречий».

В общем, повторяем, книжка тов. Суханова представляет собой ценную и полезную популяризационную работу, в которой с большим прилежанием собран и умело распределен цифровой материал. Руководящие и наводящие идеи книги, вскрывая существующие противоречия мировой экономики, дают благодарный материал для мысли читателя, заставляют ее работать самостоятельно.

Ф. Капелюш.

Проф. П. МОМБЕРТ. Введение в изучение конъюнктуры и кризисов. Госиздат. М. 1924 г. Стр. 215.

Это—типичная германо-профессорская книга: голое описание и полнейшая неспособность дать хотя бы необходимейшие обобщения, напрашивающиеся сами собой при том обилии материала, которое дано автором.

Немецкая историческая школа наложила свою печать на всю экономическую литературу буржуазной Германии.

Даже война, революции и невиданная депрессия в 20 годах XX в.,—даже они не сдвинули «уважаемых немецких профессоров» с мертвой точки чистого описания.

К сожалению, переводчик этого труда, т. Рубин, в своем предисловии к нему не отмечает этого основного недостатка книги Момберта.

Из предисловия т. Рубина можно даже заключить о больших способностях профессора к анализу.

Автор думает, и т. Рубину так кажется, что рецензируемая нами книга является «введением» в учение о конъюнктуре.

Это—большое заблуждение. Введение без обобщения?!

Нет, книга пр. Момберта является очень хорошим пособием по изучению конъюнктуры.

Для нас она очень и очень полезна.

Ведь мы не имеем *ни одной* работы, в которой было бы хорошо, внимательно, тщательно, всесторонне описан хотя бы один наш кризис.

У нас нет также описаний и европейских кризисов.

О конъюнктурах капиталистического мира наши экономисты иногда пишут, но эти «конъюнктурные обзоры» годны лишь для агитаторов, пропагандистов, для журналистов, но не для спец-экономистов, так как они общи, рисуют главное, представляют собой силуэты.

Вот почему книга пр. Момберта нам нужна.

Правда, ее можно было не переводить, не издавать полностью.

Русскому читателю не нужен первый отдел, в котором автор рассказывает—не очень удачно—о разных теориях кри-

зисов и о формах проявления и видах последних.

Слишком уж легко описание и почти не нужно, поскольку при этом у нас имеется марксистская литература на ту же тему.

Но 2 и 3, даже отчасти 4 отделы будут прочтены с пользой для читателя-экономиста.

Автор в этих отделах дает фотографические снимки с конкретных конъюнктур Германии.

Почему это полезно для *нашего* читателя?

Во-первых, потому, что мы уже имеем статьи и книги о конъюнктурах капиталистического мира, отдельные сообщения о курсах, о балансах банков, об индексах и пр. и пр., а что обозначает подъем или падение кривой—мы не знаем; надо учиться разбираться в разных сторонах конъюнктуры и в различных факторах, создающих последнюю.

Во-вторых, эта книга поможет ориентироваться и в нашей собственной конъюнктуре.

Ошибочно полагать, что в эпоху диктатуры пролетариата категории буржуазного общества прекращают свое существование и действие.

В определенных отношениях эти категории действительно перестают существовать, в других же отношениях они действуют по существу так же, как и раньше.

На нашу конъюнктуру, как и на любую буржуазную, оказывают влияние и сжатие или расширение кредита, и количество бумажных денег, выброшенных в каналы обращения, и колебания внешне-торговых оборотов и т. д.

Книга Момберта тем и хороша, что в ней конъюнктуры Германии обрисованы очень тщательно, и читатель, перелистывая страницу за страницей, вглядываясь в таблицу за таблицей, в общем и целом поймет, каково влияние и взаимодействие различных сторон хозяйства. Если бы т. Рубин сопроводил эту книгу послесловием, отметив, хотя бы в общих чертах, некоторые особенности наших конъюнктур, то она стала бы вдвое ценнее; ведь наш читатель, только начинающий прорабатывать проблемы экономии, нуждается даже в общих указаниях.

Вл. Сарабьянов.

Ф. И. МИХАЛЕВСКИЙ. Начальный курс политической экономии. Изд. «Московский Рабочий». Москва. 1924. Стр. 308. Тираж 20.000.

Учебник тов. Михалевского следует приветствовать, как первую попытку конкретизировать курс политической экономии.

Вокруг вопроса о конкретизации курса политической экономии за последний год было не мало разговоров. Под знаком борьбы за конкретизацию прошли конференции Совпартшкол и Комвузов. Вопрос о конкретизации не сходил за последний год с повестки дня бесчисленных методических заседаний и совещаний. Однако, до сих пор не было ни одной попытки создать учебник, где бы на деле была проведена конкретизация курса.

«Начальный курс» тов. Михалевского является первым опытом в этом направлении. Тов. Михалевский исходит, повидимому, из вполне верного положения, что учащемуся нельзя давать *объяснения* капиталистической действительности до тех пор, пока он не знаком с явлениями, которые подлежат объяснению и изучению. «Сначала показать, а потом объяснить»—таков принцип автора.

В первой части своего курса автор дает поэтому лишь *описание* капиталистического общества. Это описание начинается с техники капиталистического производства, как основы капиталистических отношений, далее автор переходит к классовому характеру капиталистического общества и затем—к анархии производства. Удачная систематизация материала позволяет тов. Михалевскому в этой части курса не только дать читателю определенное количество сведений из области конкретной экономики, но и связать все сообщаемые факты в стройную картину капиталистического общества и наметить основные взаимозависимости между отдельными сторонами хозяйственной жизни.

Ознакомив читателя в первой части своей книги с «физикой» капитализма, автор во второй (теоретической) части учебника дает «математику» капитали-

стического хозяйства. Эта часть посвящена целиком изучению абстрактных законов, управляющих капиталистическим обществом, объяснению явлений, описанных в первой части курса.

Теоретическую часть своей книги автор строит более или менее по старому шаблону. Если не считать перенесения всей теории воспроизводства в конец курса и перемещения теории заработной платы к концу проблемы распределения, построение всей второй части совпадает с обычными программами наших школ.

Если разбивку учебника на две части (теоретическую и описательную) можно вполне одобрить, то подобное построение теоретической части вряд ли можно признать удачным.

Введение в курс конкретно-описательной части обязывает ко многому и прежде всего к тому, чтобы теоретическая часть учебника была строго связана с конкретно-описательной. Необходимо, чтобы теория строилась «на базе конкретики», а конкретный материал пропитывал собою теорию. У товарища Михалевского этого не получается. Построение теоретической части курса таково, что никакой непосредственной связи между конкретным материалом и теорией не создается. Каждая из частей курса остается замкнутой в себе.

Этот разрыв между описательной и теоретической частями курса усугубляется тем, что, излагая теорию, автор уже более не пользуется конкретным материалом, данным в первой части курса, и вообще не прибегает к помощи конкретного материала. Данный в начале книги материал не использовывается в ходе курса, а остается лежать в качестве мертвого капитала.

Этот дефект заставляет нас думать, что задача конкретизации курса политической экономии разрешена тов. Михалевским лишь наполовину.

В основу теоретической части учебника тов. Михалевского легла ранее вышедшая брошюра того же автора: «Закон трудовой стоимости».

Вместе с содержанием этой брошюры в учебник перенесено сжатое, ясное и остроумное изложение предмета. Простой и образный язык автора, его приятная манера весело писать о серьезных вещах чрезвычайно облегчает чтение книги тов. Михалевского и делают ее незаменимым пособием для наших школ.

Излагая свой курс весьма понятным языком, автор, однако, не поступается, в целях популярности, научностью изложения. На протяжении всей книги изложение остается строго научным. Автор отличается способностью просто и ясно излагать самые трудные проблемы, нисколько не искажая их теоретического содержания.

Учебник снабжен большим количеством художественных иллюстраций, несколько неожиданно появляющихся на страницах экономической книги. Иллюстрации эти в своем большинстве непосредственно связаны с текстом учебника, и поэтому не только не отвлекают внимания читателя от содержания книги, но являются полезным дополнением текста. Это новшество, несомненно, является удачным. Нам казалось бы, однако, желательным пополнить иллюстративный материал учебника рядом фигурных диаграмм.

Все перечисленные качества: обилие конкретного материала, простота и ясность изложения, удачный подбор иллюстраций и отсутствие каких бы то ни было элементов вульгаризации, заставляют нас рекомендовать книгу тов. Михалевского в качестве основного пособия для уездных и губернских партшкол, а также для рабочих-одиночек, занимающихся самообразованием. Несмотря на некоторые дефекты, книга тов. Михалевского, несомненно, является лучшим из популярных учебников, имеющихся на нашем рынке, и имеет основание поэтому рассчитывать на массовое распространение.

Александр Кон.

Проф. С. А. ФАЛЬКНЕР. Проблемы теории и практики эмиссионного хозяйства. Москва. 1924 г. Изд. «Экономическая Жизнь». Стр. 240.

Книга представляет собой сборник статей проф. С. А. Фалькнера, помещенных в журналах и газетах, начиная с 1918 по октябрь 1923 г.

Все статьи разгруппированы на 3 основных отдела. Первый отдел посвящен теории эмиссионного хозяйства, второй — теории и практике твердых цен, третий—дает, главным образом, фактический материал по истории нашей эмиссии, при чем в него включены и две большие статьи, посвященные уже червонной эмиссии, которую автор включает, mutatis mutandis, в общую историю нашего эмиссионного хозяйства. Являясь более или менее механическим объединением статей, написанных в разное время и на различных стадиях эволюции самого автора—хотя эта эволюция, в общем, касается частностей,—книга естественно страдает отсутствием системы в изложении, повторениями и некоторыми противоречиями. Тем не менее, книга представляет большую ценность, так как отражает все основные моменты истории и теории нашего эмиссионного хозяйства. Из российских теоретиков, наблюдавших эволюцию эмиссионной системы, проф. С. А. Фалькнер оказался счастливее всех других: он вел свои научные наблюдения наиболее продолжительно, наиболее систематично, а самое главное—его рабочая гипотеза, с которой он подходил к происходившим явлениям, оказалась наиболее удачной и не мешала, как многим другим, а помогала разбираться в сложных экономических явлениях.

Прогнозы, выдвигавшиеся в свое время автором, не один раз были проверены и подтверждены последующим ходом вещей, и автор получил право сделать немного вызывающий жест по отношению к своим оппонентам:

«Не было недостатка в решительной и не всегда благожелательной критике. Напротив, редкое из развитых здесь положений не встречало весьма резкой оппозиции с совершенно различных, а весьма часто и прямо противоположных сторон.

«С другой стороны, разносторонняя и решительная критика начального периода не раз смягчалась с течением времени, и положения, казавшиеся вначале совершенно неприемлемыми, становились простыми, или даже само-собой подразумевающимися» (стр. 8).

Хотя автор—не марксист, но в области денежного обращения он пользуется количественной теорией ценности бумажных денег, которую в наиболее ее чистом виде формулировал К. Маркс.

В то время, как другие российские экономисты, даже считающие себя марксистами, на деле оперировали всякого рода «психологическими» теориями и при оценке положения не раз попадали в неудобное положение (пример: проф. З. С. Каценеленбаум, проф. Л. Б. Кафенгауз, проф. М. М. Боголепов, или Д. Далин, Л. Пумпянский, о которых упоминается на стр. 28—30). С. А. Фалькнер, вооруженный в вопросах денежного обращения действительно марксистским методом, не испытал подобного конфуза ни разу.

В то время, как все «марксисты» забыли, когда нужно, положение К. Маркса: «какая угодно масса бумажных денег может быть поглощена и одинаково переварена процессом обращения» («К критике пол. экон.», стр. 103)—проф. С. А. Фалькнер дает прогноз в полном согласии с этим положением.

В то время, как все экономисты в один голос твердили о том, что советский знак вот-вот, еще раньше чем Советская власть, окончательно крахнет, С. А. Фалькнер в 1918 г. категорически заявляет: «Краха нашей валюты в целом, как это ни странно, нам бояться нечего; он невозможен доколе нет иных предпочтительных средств обращения» (стр. 33—34).

Поэтому книга в известной мере представляет также опыт проверки практикой различных денежных теорий.

Автор расходится не только с экономической, но и с социологической концепцией К. Маркса; однако, это не мешает ему с огромным успехом применять марксистский метод к оценке различных теоретических построений, казалось бы не имеющих никакой связи с социально-политической борьбой.

На стр. 41—42 С. А. Фалькнер показывает, как, параллельно с ходом социально-политической борьбы, российские экономисты меняют свою теорию денег и денежной политики; пока у власти стоит буржуазия, которой надо поддержать рубль, финансисты «го-

рячо подчеркивают кредитную природу наших бумажек и проходящий характер их обесценения», но дальше «начавшаяся революция скоро вызвала решительный поворот в умонастроении буржуазных финансистов: место защитной схемы кредитной теории заняла обвинительная схема—теория краха. Предсказания неизбежности крушения нашей бумажной денежной системы сделались массовыми и были признаны представителями буржуазной экономики едва ли не единогласно». Не лишне заметить, что это написано в марте 1919 года.

Некоторые части книги С. А. Фалькнера, хотя они написаны не сейчас, имеют вполне актуальный, почти злободневный интерес при решении вопросов денежной политики. К таким отделам относится второй отдел, касающийся системы твердых цен, который многим очень полезно прочитать или перечитать.

«Если средний уровень цен есть отношение между всей денежной и всей товарной массами, то общее повышение цен может явиться результатом либо увеличения денежной массы, либо сокращения товарной массы»—это вступительное положение, находящееся в полном соответствии с формулами Маркса и проверенное десятилетним опытом, следует помнить и сейчас, когда объективные факторы роста цен пытаются подменить ссылкой на злую волю спекулянтов.

Такое же актуальное значение имеют последние три статьи последнего отдела, касающиеся уже червонца. Те же исходные положения, которые раньше помогли С. А. Фалькнеру быстро ориентироваться и правильно расценить наличную ситуацию,—те же исходные положения помогли ему безошибочно понять смысл летнего (1923 г.) роста червонных цен и осенней катастрофы совзнака; в то время как почти все экономисты, и, к сожалению, также марксисты-коммунисты, долго и беспомощно бродили около этих неожиданных для них факторов,— С. А. Фалькнер предвидел и предсказал их еще за ½ года, в феврале 1923 года:

«Эмитируемый сверх этой нормы излишек банкнот... либо нанесет удар циркулятивной базе советских дензнаков, либо начнет, в свою очередь, обесцениваться» (стр. 201).

Из числа крупных ошибок автора книги следует отметить две. Автор заблуждался и, судя по примечанию, и до сих пор заблуждается относительно истинной причины перехода деревни к натуральному обмену; по его мнению, стремление к натурализации обмена вызывается не нежеланием деревни получать денежные знаки или недоверием к ним, а чисто фактической невозможностью для нее, в создавшихся ныне условиях, реализовать денежные знаки в обмен за нужные ей товары (стр. 22). Это предположение уже опровергнуто практикой 1922 — 1923 г.г., когда деревня отказывалась держать деньги, хотя уже могла купить, и относительно очень дешево, городские товары. В действительности же переход деревни к безденежному обмену объясняется тем, что при *медленном темпе обращения денег в деревне* потери держателей денег настолько велики, что даже при относительно невысоком темпе обесценения они превышают невыгоды натурального обмена.

Вторая ошибка: автор считает (стр. 1э), что порча денег есть наиболее «мощный и эффективный» метод получения средств (в сравнении с налогами и кредитом), доказательством чего будто бы служит то, что «государства тем чаще и тем полнее используют его, чем слабее их финансовая организация и чем меньше их хозяйственные достояния», напр., Австрия и Россия.

Однако, идя этим путем, мы должны были бы признать, что наиболее хищнические и невыгодные—даже фискально—формы налогов, к которым прибегают в минуты кризисов бедные страны, есть наиболее «мощный и эффективный» метод получения средств.

Д. В. Кузовков.

ФИНАНСЫ И ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ. Сборник статей М. И. Боголепова, И. М. Кулишера, Д. Лоевецкого, Е. С. Лурье, В. В. Новожилова и В. М. Штейна Под ред. В. М. Штейна. Издат. «Петроград». 1924 г. Стр. 143.

Эта брошюра размером в пять-шесть печатных листов охватывает основные вопросы нашей финансовой и денежной политики: бюджет, промысловое и подоходное обложение (об обложении деревни, к сожалению, нет ничего), государственные займы, банковский кредит, вопрос о товарном или червонном рубле и вопрос о пределах инфляции.

В статье «Государственный бюджет и его перспективы» *М. И. Боголепов* дает характеристику—главным образом цифровую—постепенной увязки нашего бюджета и постепенной его эволюции от того хаотического состояния, в котором его застала новая экономическая политика, и до современного состояния, когда «определились берега и русло бюджетного хозяйства».

Статья написана в осторожных тонах и потому, с одной стороны, часто повторяет общие места, а с другой стороны, не выделяет и не развивает очень важных моментов нашего бюджетного хозяйства. Так, например, повторяя обычную, ставшую почти ходячей, мысль, что «самое пристальное внимание должно быть обращено на огромную по своим размерам и совершенно непроработанную область так называемых неподатных доходов», то-есть доходов от государственных имуществ и предприятий, проф. М. И. Боголепов даже не пытается «проработать» или даже хотя бы «подработать» этот вопрос, а между тем слишком широкие надежды на то, что «работа в этой области только и обещает довольно быстрое (?) изживание бюджетных дефицитов, тяжелых и грубых налогов и денежной эмиссии», в значительной степени основаны на недоговоренности,—на том, что поднять неподатные доходы можно, будто бы, без крупных, предварительных «восстановительных» расходов (стр. 21) со стороны того же бюджета.

Автор повторяет точно так же достаточно известную мысль, что одной из основных причин бюджетных дефицитов являются «такие расходы, которые обусловлены необходимостью восстановления народного хозяйства после войны и революции», но в то же время не уделяет ни одной строчки и ни одной цифры для того, чтобы характеризовать влияние гостранспорта и госпромышленности на дефицитность бюджета, и даже более того — *совершенно не упоминает нигде* об этом новом огромном приращении государственного хозяйства и его бюджетных особенностях (принцип нетто-бюджета и т. п.).

Далее, приводя цифры 1923—1924 бюджетного года рядом с цифрами 1922—1923, одни в товарных рублях, а другие в червонных, автор не пытается даже отметить всю условность этого сравнения; в результате получается огромное увеличение госбюджета, имеющее в действительности номинальный характер. Пора было бы внести бóльшую ясность в эти параллели, иначе искажается перспектива всего вопроса.

В противоположность статье проф. Боголепова, статьи других авторов отличаются ясностью и очерченностью выдвигаемых ими положений. Статья *проф. И. М. Кулишера:* «Вопросы налоговой политики», дает прекрасную характеристику нашего подоходного обложения, но чрезвычайно слаба в другой своей части, касающейся промыслового обложения. В основе всей критики промыслового налога у автора лежит предпосылка, которую автор считает, очевидно, аксиомой, что промысловый налог не перелагается на потребителя и является налогом на прибыль предприятия. В действительности, догма о непереложимости промыслового налога теоретически никогда не была обоснована и создана классовой идеологией капиталистических групп, делавших вид, что они тоже приносят жертвы на алтарь отечества; по этим же мотивам эту догму исповедывал и прежний департамент окладных сборов министерства финансов.

Проф. И. М. Кулишер, не отличающийся вообще большой последовательностью в своих теоретических построениях, судя по его статье, даже и не подозревает, что современный законодатель исходит из совершенно обратной

мысли, — не проведенной, правда, до конца,—из того, что промысловый налог по общему правилу падает не на прибыль предпринимателя, а на потребителя его фабрикатов, и является одной из форм универсального акциза.

Вполне естественно, что при таких условиях обильная критика промыслового обложения по *обороту* бьет у проф. Кулишера мимо цели: обложение по обороту плохо, если законодатель хочет таким путем обложить прибыль *предприятия*, но оно хорошо, если он имеет в виду через предприятие обложить *потребителя*. Обложение предметов роскоши, по мнению автора, «построено на мысли, что *выручаемая* на этих предметах роскоши *прибыль* достаточно высока, чтобы вынести его», а между тем это обложение построено на предпосылке совершенно иного рода: что *потребители* (а не производители) этих продуктов обладают достаточными доходами, чтобы заплатить на 6—12 процентов дороже. На этом примере легко видеть, насколько прочно проф. Кулишер хранит традиции прежнего законодательства и, как мало он подозревает о происшедших изменениях в основных предпосылках.

Из такого же источника вытекают и другие недоразумения. Проф. Кулишер с успехом доказывает наличие многочисленных дефектов в обложении предметов роскоши и, прежде всего, его неравномерность. Однако, если неравномерность опасна и крайне нежелательна в обложении прибыли, то она не представляет решительно ничего страшного и даже устанавливается сознательно, если дело идет об *акцизе* в форме промыслового налога на предметы роскоши и комфорта.

Впрочем, резкая критика проф. Кулишера, направленная против этого новшества советского законодательства имеет свои корни не в одном только свойственном автору теоретическом эклектизме,—ибо автор слишком уж старательно отмечает и даже преувеличивает отдельные дефекты этой первой попытки, хотя ему прекрасно известно, что промысловое обложение, несмотря на столетнюю давность, вообще представляет часто сплошное нагромождение несуразностей.

В статье «Пределы инфляции» В. В. Новоселов сначала пытается—неудачно—подновить теорию «естественной нулификации» бумажных денег, а затем незаметно съезжает к вопросу о роли кредитной инфляции в промышленных кризисах и строит не больше, не меньше, как... новую теорию экономических кризисов. Построенная на совершенно спорных положениях и давая прямо неверные выводы, статья, тем не менее, во многих местах очень интересна.

Статья *Д. Лоевецкого* «о нашем государственном кредите совершенно правильно указывает, что сейчас «приходится выбирать не между добровольным и принудительным займом, а между последним и налогом», но, к сожалению, совсем не останавливается на последствии их для госбюджета, поскольку они являются *краткосрочными* займами

Е. С. Лурье дает короткий, но отчетливый обзор нашей банковской системы, правильно отмечая, что «специфической особенностью наших учетно-ссудных операций являются долгосрочные и целевые кредиты, связанные с финансированием промышленности»; автор, однако, не пытается поставить вопрос, какое влияние может иметь это «замораживание кредитов» на устойчивость банкноты.

Статья *В. Штейна* о переходе к товарному исчислению, не отличающаяся теоретической глубиной, является запоздалой критикой товарного рубля и апологией червонного исчисления. В конечном счете, эта небольшая книжечка, написанная группой специалистов, в сжатой, но достаточно отчетливой форме, затрагивает так или иначе почти все основные проблемы наших финансов и денежного обращения; несмотря на отмеченные дефекты, она все же будет большим подспорьем, как для работников в области финансовой политики, так и для наших ВУЗ'ов.

Д. Кузовков.

Л. КРИЦМАН. Три года новой экономической политики СССР. Издание Коммунистического университета имени Я. Свердлова. Москва. 1924 г. Стр. 39. Тираж 10.000.

Полезная книжка, как материал и справочник для партийных агитаторов. На ряду с сжатым изложением руководящих идей дает весьма ценный сводный статистический материал (по данным ЦСУ, Госплана, ВСНХ и др.) о наших достижениях на хозяйственном фронте. Требует, однако, со стороны читателя известного напряжения и серьезной вдумчивости, стиль местами тяжеловат. Большинство цифровых данных доведено до конца 1923 г., но автор говорит также о самом последнем времени,—о том, как осенний кризис прошлого года, «ножницы», «столкнул между собой (также, т.-е. не только сельское хозяйство и промышленность!—Ф. К-ш) промышленность и торговлю»—речь идет о накладных расходах на прибыли торговли—и повел к тому, что ***сотрудничество с торговым капиталом сменилось борьбой с ним, от отступления мы перешли к наступлению, начался второй период новой экономической политики.*** Здесь захватывается уже 1924 г., «ножницы» расходились осенью на 220%, а в середине марта это сведено было только к 30%, изложение захватывает также денежную реформу (впрочем, о ней сказано мало). Очень характерные данные приводятся о частном торговом капитале на основании обследования РКИ банковского кредитования и биржевых сделок: оно выяснило, что прямой банковский кредит частным фирмам был не велик (от 0,3% до 10%), но зато большую роль играл косвенный — путем учета векселей государственных хозяйственных органов (до 63,4%). Следовательно, не малая часть кредитов, оказываемых государственным хозяйственным органам, фактически попадает в руки частных лиц. Кроме того, частные лица больше получают за свои товары наличными, чем государственные органы, а с другой стороны, при покупке больше получают в кредит. «Иными словами, капитал пытается превратить и (частично превращает) государственные хозяйственные органы в (нелегальное) орудие капиталистической эксплоатации». Здесь читатель имеет возможность проникнуть в самый механизм этого процесса. Выпукло представлена роль частного капитала также в изложении разных видов торговли. Но в даваемой автором картине восстановления продукции нашей промышленности имеется в этом отношении пробел (быть-может, умышленный): мы не находим сопоставления успешности, с одной стороны, тяжелой промышленности, с другой—легкой, автор лишь вскользь привел несколько цифр о мелкой промышленности, а в остальном занимается только крупной. А между тем в связи с перспективами нэпа это сопоставление имеет важное знчение. Приводя данные о росте продукции и производительности, об уменьшении государственных дотаций и увеличении налоговых поступлений, а также об общем размере прибыли, «затраченной преимущественно на расширение производства» — все это, главным образом, для ***крупной***, т.-е. государственной, промышленности,—автор резюмирует: «Государственное хозяйство пролетариата, взятое в целом, т.-е. государственная промышленность, транспорт и прибыльные уже теперь государственная торговля и кредит, явно становятся доходными и способными к расширению за счет своих собственных ресурсов». На основании данных обследования 15 текстильных предприятий в 1922 г. (выработка рабочего=60% выработки 1912 г., а реальный заработок=50%) и подсчета тов. Струмилина (за первое полугодие 1923 г. дневной заработок промышленного рабочего увеличился на 5,5%, а производительность труда на 18%) автор делает вывод: «Интенсивность труда в Советской России не ниже, а скорее выше, чем до революции». При всей желательности такого заключения, нам кажется, что оно построено на недостаточно адэкватных данных. Если даже понимать, как это делается здесь, под интенсивностью труда отношение между выработкой и заработком, то уж тем паче нельзя не коснуться вопроса о накладных расходах самой промышленности (автор говорит только о накладных расходах на торговлю), которые, несмотря на рост производительности, делают стоимость на-

шей продукции (издержки производства) значительно дороже, чем до войны. Фактически заработная плата, если засчитать расходы по социальному страхованию, прозодежде и пр., составляет у нас вовсе не только 50% довоенной, а все 100, это должно было признать даже соглашательское «Международное бюро труда» при Лиге Наций в изданной им недавно (на франц. языке) книге: «Развитие условий труда в Советской России». Об этих накладных расходах автор не говорит и не анализирует влияния их на доходность. Сравнительно детально книжка останавливается на подъеме нашего сельского хозяйства, охватившем все районы за исключением Киргизии. В книжке т. Крицмана приводятся не только положительные стороны, он указывает также на тени, на опасность, грозящую от использования кулачеством и нэпманами этих теневых сторон. Так, одни освобождаемые от всякого налога бедняки составят к осени текущего года *четверть* всех дворов, на них в 1922—1923 г. приходилось примерно одна седьмая земли и только одна пятнадцатая продукции сельского хозяйства (судя по продналогу). Такой же теневой стороной является увеличение числа безработных, а чернорабочих даже более чем втрое за один год; при чем автор отмечает тот кажущийся абсурд, что за одно и то же время числа работающих и безработных промышленных рабочих увеличились каждое более, чем на сто тысяч. Это можно объяснить тягой в города после изжития голодного времени; значит, симптом отчасти также положительный.

Книжка тов. Крицмана, несомненно, принесет большую пользу. Цена ее назначена невысокая—25 коп.; эта содержательная книжка заслуживает широкого распространения.

Ф. Капелюш.

Die Lehre von der bäuerlichen Wirtschaft. Versuch einer Theorie der Familienwirtschaft im Landa bau. Berlin. 1923. S. 140.

ПРОФ. АЛЕКСАНДР ЧАЯНОВ. Учение о крестьянском хозяйстве. Опыт теории семейного хозяйства в земледелии. Берлин. 1923 г. Стр. 140.

Еще неизданная в России книга проф. Петровской Академии А. В. Чаянова опубликована в Берлине на немецком языке. В этой работе проф. Чаянов пытается построить оригинальную теорию крестьянского хозяйства.

От капиталистического хозяйства крестьянское отличается коренным образом не только по своей общественно-производственной структуре, но также и по своему хозяйственному назначению. Капиталистическое производство товаров противополагается семейно-трудовому производству продуктов, частью вовлекаемых в обмен, в конечном счете подчиненный интересам того же семейного потребления.

Семья рассматривается как естественный союз, в своем образовании и росте подчиняющийся биологическим законам размножения. Будучи автономной хозяйственной единицей семья является «единственным организующим элементом крестьянского хозяйства». «Величина и состав семьи определяют наибольший и наименьший объем ее хозяйственной деятельности». Наибольший объем дается численностью рабочих рук, наименьший—той «массой продуктов, которая безусловно необходима для существования семьи». «Величина и состав семьи,—утверждает наш автор,—влияют на организацию ее хозяйства не только количественно, но также качественно».

На обильном, правда, далеко не новом, статистическом материале проф. Чаянов показывает параллелизм между размерами запашки и числом работников, а также едоков. *Причинную* зависимость между числовым составом семьи и структурой хозяйства ему, конечно, установить не удается.

Кардинальный вопрос: чем же движима крестьянская семья, когда производит продукты, превышающие физиологиче-

ский минимум,—проф. Чаянов пытается разрешить теорией субъективной тяжести труда, соизмеряемого крестьянином с потребительной ценностью производимого этим трудом продукта. «На известной высоте трудового дохода» трудовое бремя психологически уравновешивается наслаждением, получаемым от потребления добываемых производителем продуктов. Дальнейшая затрата труда принесет крестьянину больше тягости, чем даст ему потребительного удовольствия. Сбалансировав трудовые затраты с потребностями, крестьянин не перешагнет за черту этого самоудовлетворенного равновесия.

В субъективной психологии проф. Чаянов ищет точку опоры и тогда, когда вслед за размерами семейного хозяйства рассматривает проблемы его интенсивности и степень насыщенности капиталом. По словам автора, состав семьи в последней инстанции является столь же решающим фактором по отношению к капиталу, как и для площади землепользования (стр. 69).

Ссылками на данные румянцовской переписи 1767 года автор хочет убедить нас в правильности своего более чем рискованного предположения, что «неравенство крестьянского хозяйства вытекает скорее из его природы». Роковой—для теории проф. Чаянова—факт возраставшего до революции расслоения крестьянства, автор обходит бессодержательным утверждением, что «демографическая дифференциация совершенно достаточна, чтобы при прочих равных условиях вызвать внушительную дифференциацию в размерах сельскохозяйственных предприятий» (стр. 95).

Семейное хозяйство смыкается с капиталистическим обществом, как ему чужеродная самостоятельная часть. Из потребительного она тем самым частично превращается в товарное хозяйство. Образуется симбиоз капитализма с миллионами трудовых семейств. По мнению проф. Чаянова, не уменьшается, но наоборот скорее увеличивается в динамике капиталистического общества значение этих трудовых ульев, поставляющих капиталу пищу и сырье. Автор уверен, что многие парадоксы современной экономики необъяснимы «чистой» теорией капитализма. Таковы сверхмерные земельные цены, вздутая свыше всякого прибыльного уровня аренда, заработная плата, падающая ниже потребительного минимума, коммерчески убыточные культуры, процветающие на крестьянских полосах.

Автор упрекает современных экономистов в том, что их мысль вращается в плену капиталистической абстракции, оторванная от действительности. По словам автора, «современное мировое хозяйство есть конгломерат хозяйственных образований—смесь капиталистических форм со всякими иными».

Проф. Чаянов блуждает в народнических туманах трудового семейного хозяйства. Он не замечает, что его крестьянская семья уцелела до наших дней лишь в качестве придатка капиталистического строя. И что в рамках капитализма крестьянская экономика есть разновидность в общей системе капиталистической эксплуатации.

Попадая в орбиту капитала, крестьянский двор подобно домашней промышленности являет собой одну из худших форм прямого и косвенного капиталистического угнетения. Капитал овладевает семейным хозяйством, не революционизируя его первобытной техники, не обобществляя производства. За свою призрачную самостоятельность крестьянский карлик дорого платит капиталистическому великану.

Нео-народники, от своих «классических» предшественников резко отличаются в двух отношениях. Старые народники дерзко бунтовали против истории, не желая и не умея прислушаться к революционной работе диалектического «подземного крота».

Современные эпигоны народничества, наоборот, исполнены смиренномудрия и квиэтизма. Они увековечивают крестьянство, торжественно возвещают его победу над капиталистическим хозяйством. По адресу крестьянской трудовой семьи они готовы воскликнуть: так было, так будет, так должно быть.

Старые народники горько скорбели о том, что исконный трудовой уклад коверкается в зубцах капиталистической механики. Новонародники старательно затушевывают зависимость крестьян-

ского труда от капитала. Они искажают действительность, рисуя семейное хозяйство *независимым* от объективных законов движения капиталистического общества.

В своем историческом падении капитализм пытается ухватиться за крестьянство. Из мелких собственников силится капитал соорудить плотину, которая бы задержала хлещущие волны социальной катастрофы.

Ю. Спасский.

А. ЛОЗОВОЙ. Сельско-хозяйственная кооперация и ее значение в современных условиях. Издательство «Красная Новь» (Главполитпросвет). Москва. 1923 г. Стр. 264.

Книга распадается на две части. В первой автор говорит о кооперации вообще, пытается дать ей определение, наметить историю ее развития и определить ее значение. Во второй части излагается история сельско-хозяйственной кооперации (и кредитной, которую автор почему-то категорически включает целиком в сельско-хозяйственную) и рисуется картина современного положения этой кооперации в России.

В первой части поражает полное отсутствие плана. Автор все время перепрыгивает с одного вопроса на другой с тем, чтобы снова вернуться к нему же. Так, во введении, когда читатель еще ничего не знает о состоянии, характере и задачах современной кооперации, автор говорит о соотношениях (существующих и желательных с его точки зрения) между различными видами кооперации, о желательных соотношениях между госорганами и кооперацией, о месте сельско-хозяйственной кооперации в советской экономической системе и т. д. и т. п.

Далее в первой главе излагается очень путанно и маловразумительно история кооперации за границей. В средину этого исторического очерка зачем-то вклинивается определение кооперации проф. Якобом, потом снова идет исторический очерк, затем определение Оппенгеймера, затем снова исторический очерк.

В этом «очерке» автор делает ряд пропусков. Нет ничего о Шульце из Делича и о Райффейзене—двух творцах кредитной кооперации. О них он говорит очень бегло и крайне неотчетливо в одной из следующих глав. Нет ничего о Бюше, который был по существу родоначальником производительной кооперации во Франции.

Исторический очерк составлен очень неряшливо. Напр., относительно Лассаля он пишет: «он (Лассаль) *все же* (!) не отрицает необходимости государственной помощи»... и т. д.

На стр. 62—63 автор пишет: «Маркс учитывает значение кредита для кооперации, когда говорит: кредит оказывается средством постепенного расширения кооперативных предприятий в более или менее национальном масштабе».

Этого Маркс не говорит нигде, да и не мог сказать, ибо мысль эта явно и решительно реформистская: ведь если бы при помощи кредита можно было всю хозяйственную жизнь перевести на кооперативные рельсы («расширить в более или менее национальном масштабе»), то оказалось бы возможным осуществить социализм мирным путем без всякой революции. В действительности Маркс говорит о том, что *после пролетарской революции* кооперация должна охватить всю нацию, пользуясь национальными средствами. А эта мысль совсем не то, что автор приписывает Марксу.

Говоря о сельско-хозяйственной и кредитной кооперации в Германии и во Франции, автор совершенно не коснулся вопроса о том, как эта кооперация стала орудием в руках крупных землевладельцев (хотя в одном месте упоминает фамилию графа Де-Рокиньи). Этим совершенно извращается обрисовка характера сельско-хозяйственной кооперации.

Говоря о сельско-хозяйственной и кредитной кооперации в России до революции, автор не упоминает ни словом об утопичности планов народников, хотя эти положения с девяностых годов известны всем русским марксистам. Бледно, местами и с пропусками, рассказана история кредитной кооперации в России.

Автор часто противоречит себе даже на одной и той же странице. Напр., на стр. 58 в § 2 он говорит, что «влияние социалистов-утопистов, особенно Фурье и

Овена на кооперативное движение... следует принять за первый этап в развитии кооперации», и в § 4 мы читаем «неосновательным является причисление Роберта Овена и Шарля Фурье к родоначальникам и теоретикам кооперации». Последняя мысль имеется и на стр. 19—20.

Вообще книжка написана небрежно, вследствие чего часто трудно понять, что хочет сказать автор. Напр., на стр 59 читаем: «Утописты-социалисты Р. Овен и Ш. Фурье стремились распространением идей о сотрудничестве превратить потребителя в производителя и таким образом заменить капитализм социализмом». Трудно угадать, что все это значит и почему эта сноска сделана к фразе «вступление в кооператив должно быть добровольным». Положение, кстати сказать, тоже неверно, если его выражают в такой общей форме.

Приведу еще для образчика определение кооперации (стр. 3): «Словом «кооперация» определяются общественные отношения, основанные на сотрудничестве в противоположность конкуренции». Определение явно неверное, ибо под него подойдет и первобытный коммунизм и будущее социалистическое общество, и социалистические общины и т. п. Под него можно подвести и тресты и синдикаты, уничтожающие конкуренцию между капиталистическими предприятиями и заменяющие ее сотрудничеством этих предприятий».

Во второй части автор дает очень много цифр и фактов, рисующих положение кооперации в настоящее время. При этом он очень редко указывает у кого и из какого источника берет эти данные. Поэтому читатель не может судить, насколько можно доверять этим цифрам и фактам. Пользоваться книгой при этих условиях для справок или цитат поэтому рискованно.

Вообще ссылки на источники встречаются у А. Лозового очень редко даже в первой части, даже тогда, когда автор излагает мысли, которые раньше его высказывали другие, а положения не являются общепринятыми. Мало знакомый с предметом читатель может подумать, что эти положения принадлежат А. Лозовому, а это будет не всегда верно.

Кавычек автор не любит, а знак это нужный и полезный.

Повторяю: цифрового и фактического материала много, но выводы из него довольно скудны. Обобщений мало. Много ошибок.

Выводы:

Книга написана наспех, небрежно; много пропусков и ошибок. Пользование книгой затруднительно. Автор, много читавший и подобравший много материалов, не справился с этим материалом. Книга напоминает скорее очень длинный и путанный доклад студента в семинарии, чем научное или популярно-научное произведение.

Н. Мещеряков.

С. И. ЖЕГАЛОВ. Введение в селекцию сельско-хозяйственных растений. Нормальное руководство для высшей сельско-хозяйственной школы. Ленинград. Госиздат. 1924. Стр. 484.

Книга проф. Тимирязевской Сельскохозяйственной Академии С. И. Жегалова является прекрасным пособием для студентов сел.-хоз. учебных заведений и для лиц, работающих в области селекции.

Уже Ч. Дарвин для объяснения своих теоретических построений широко пользовался отбором, который составляет главную сущность селекционной работы.

Ознакомлению с основными методами селекции и с научным обоснованием их посвящен этот капитальный труд С. И. Жегалова.

Автор правильно указывает на тесную связь научной дисциплины об отборе с учением о наследственности и изменчивости, которое получило название генетики; основы этой дисциплины составляют «сущность «введения в селекцию», так как все методы и приемы отбора являются простыми выводами из устанавливаемых в ней общих закономерностей»; нельзя говорить о сознательном применении отбора без знания основ генетики.

Необходимо подвергнуть систематическому анализу основные положения со-

временной генетики, и только в них мы можем найти ключ к пониманию приемов селекционной работы.

В ведении С. И. Жегалов дает целый ряд примеров, служащих иллюстрацией того, какое значение имеет селекция в деле борьбы с вредителями. Работы по борьбе с филоксерою обещают радикальное освобождение от этого вредителя и прекращение всех мер как профилактики, так и непосредственной борьбы с нею. Уже теперь можно отметить вполне определенные достижения в борьбе с заразихою, паразитным растением подсолнечника, так как введение сортов, иммунных против нее, устраняет необходимость какой-либо длительной борьбы. Фитопатолог А. А. Ячевский говорит, что если нам удастся ограничить или совершенно стушевать вред, приносимый грибной болезнью, то мы этого достигнем не иначе, как путем строгого подбора устойчивых разновидностей и сортов культурных растений.

Могучее влияние селекции сказывается при борьбе с особенно неблагоприятными почвенными и климатическими условиями.

Нахождение наиболее подходящих форм,—скороспелых, засухоустойчивых, стойких к засоленности почв и проч.,—все это вопросы отбора.

Насколько велико значение селекционных работ в общей экономике страны, говорит хотя бы тот факт, что из общего увеличения урожаев в Германии, по мнению д-ра Кюле, председателя Германского Общества селекционеров, 70% следует отнести за счет лучшего удобрения и обработки почвы, а остальные 30% за счет распространения улучшенных сортов.

Большое место в книге занимают вопросы биологических особенностей размножения: вегетативное и генеративное размножение, самоопыление и перекрестное опыление, полиморфизм цветов, образование семян и плодов без оплодотворения и гомо- и гетерозиготность.

В главе об изменчивости и многоформенности автор останавливается на грандиозной работе, предпринятой школой выдающегося ученого, проф. Н. И. Вавилова, о планомерном и строго научном изучении систематики культурных растений и по собиранию и анализу фактического материала о расовых отличиях.

Наличие в растительном мире бесчисленного количества видов, рас уже давно ставило перед систематикой задачу найти руководящие принципы, но попытки обобщающих идей не имели строго фактического обоснования.

Только Н. И. Вавилову, в его «законе гомологических рядов», удалось собрать воедино разрозненный материал и формулировать выводы в стройном целом, благодаря чему вносится большая планомерность в изучение разнообразных форм живой природы. К сожалению, в подробном изложении работа Вавилова имеется не на русском, а на английском языке и напечатана в 1922 г. в Journal of Geneties. Описание влияния среды на изменчивость у растений, изложение учения о чистых линиях, общие понятия о гибридной изменчивости, явления расщепления признаков и закон Менделя, теория наследственных факторов, современные взгляды на гибридную изменчивость, теория мутаций и учение о корреляциях,—все это помогает селекционеру основывать свою работу на прочном теоретическом фундаменте, и задача проф. Жегалова—дать материал для широких генетических обобщений—выполнена с большим знанием дела.

Анализу различных причин изменчивости и выяснению различных типов ее посвящена большая часть труда.

В конце книги автор указывает на основные моменты селекционной работы, на характерные особенности селекционных посевов, дает сводку современных данных об изменчивости, классификацию методов отбора и знакомит читателя с особенностями селекции отдельных растений.

Д. Д. Бессер.

ВОПРОСЫ ТЕКУЩЕЙ ЖИЗНИ.

1. Л. СОСНОВСКИЙ. Дела и люди. ч. I. Рассея. *В. Виленского (Сибирякова).* — 2. Я. ЯКОВЛЕВ. I. Деревня как она есть.—II. Наша деревня. *Я. Шафира.* — 3. В. ДЕМБО. Никогда не забыть. *В. Виленского-Сибирякова.*

Л. СОСНОВСКИЙ. Дела и люди. Книга первая—Рассея. Изд-ство «Красная Новь». Т. П. П. М. 1924 г. Стр. 216. Тир. 7000.

Сборник статей Л. Сосновского «Дела и люди» (книга первая, «Рассея»), вышедший в издании «Красная Новь», невольно заставляет говорить о советском фельетоне.

Фельетон в прошлом, это—легкое чтение, игра слов и пена мысли. Это в большинстве, но, конечно, не всегда. Русская журналистика имела Дорошевичей, которые иногда из фельетона делали сильное орудие борьбы за те идейки, которые у них имелись.

Пришла бурная революция, которая идейки буржуазных журналистов заменила одной всепоглощающей идеей революции, напитавшей нашу пореволюционную печать.

Пафос революции нашел свое выражение в новом облике советской печати, которая возникла и расцвела в годы борьбы за утверждение завоеваний революции. Каждая строчка в газетах первых лет борьбы—строгая строчка призыва к борьбе, рассказа-протокола о событиях борьбы... Хмуро чело печати времен гражданской войны. Она не смеялась, она не позволяла себе излишеств слова, пены мысли...

Поменьше газетной трескотни—учил Ленин.

Понятно, почему у нас долго не было фельетона.

Но время шло. Революция утверждалась. «Рассея» прошла путь от «деревни Язва» до «села Розы Люксембург». Об этом пройденном пути нужно было рассказать, а общая обстановка настолько разгладила морщины суровости на лице русского читателя, что можно было рассказать уже не сухо и протокольно, а по-фельетонному.

Так и рассказал Л. Сосновский.

Это было в декабре 1921 года, когда новый советский фельетонист написал фельетон «Рассея», который он закончил так:

«Милая Рассея», земля Дюдиных и Самсоновых, родившихся в деревне «Язва», а ныне живущих в деревне Декабристов и селе Розы Люксембург! Прими в четвертую годовщину твоей новой жизни нежный сыновий привет от горячо любящей тебя армии бойцов за твое освобождение!..»

Мне скажут: это не первый фельетон Сосновского, он писал и раньше нечто похожее.

Знаю. Но остаюсь при своем. «Рассея», это—дата советского фельетона.

«Люди легкомысленные, — писал Сосновский в этом фельетоне,—могут себя утешать, что изменилось только название, а деревня Язва, Рассея тож, не изменилась. Пусть утешаются. Воды утекло так много, что никакие водомеры не способны измерить утечки...»

Революция изменила Рассею

Об этих изменениях советский фельетонист должен был рассказать, это он должен был изобразить наглядно, ярко и выпукло.

В нашей критике уже отмечено, что Сосновский имеет пристрастие к серому цвету. Это—верно. Он слишком злоупотребляет серой краской, размалевывая ею Рассею, и это не дало ему возможности сделать свой фельетон красочным.

Говорят, что основная причина этого пристрастия—тенденция Сосновского к «уравнительному началу». Спорить не будем,—возможно, но мы склонны думать, что эта тенденция вредно отразилась на фельетоне Сосновского, о чем, конечно, нельзя не пожалеть.

Неверно, что наша пролетарская революция сера и бледна, и не блещет яр-

кими красками, какими была расцвечена, положим, Великая французская революция...

У того же Сосновского мы находим прекрасные самоцветы.

Сосновский—лирик; когда он не возмущается, не ругается, ему бывает чаще всего грустно и тогда его фельетон звучит лирической грустью.

Но Сосновский чаще негодует и бранится.

Кажется, Борис Ефимов,—талантливейший из советских карикатуристов, изобразил Сосновского в виде борца-чемпиона, обвешанного трофеями своих побед, коровами - ярославками, лаптями, галошами, электрическими лампами и прочим, о чем писал Сосновский в своих фельетонах.

Этот обличительный фельетон особенно удается Сосновскому, оперирующему цифрами и фактами, заимствованными из документов, из непосредственных бесед с товарищами, которые не могут пробить стену нашего неустройства в советских учреждениях и обращаются к советскому журналисту за подмогой.

Противопоставляя наше рассейское—заграничному, капиталистическому, наш советский фельетонист обнаружил здоровую тенденцию искать собственные силы для преодоления стоящих перед первой рабоче-крестьянской страной трудностей. Это—вера в свои силы, свои ресурсы; это—здоровое стремление к рассейской самостоятельности — плюс фельетониста Сосновского.

Тенденция здоровая.

Еще долго нам придется надеяться только на себя и свои силы и не особенно надеяться на Америку.

Америка хоть и богата, но далеко не во всех смыслах.

А нам нужны свои американцы.

Сосновский накануне 1923 года пишет: «Что я буду делать в 1923 году?» Что же он будет делать?

«Прежде всего—искать и находить вокруг себя новых людей—русских американцев. Помогать партии и советам ставить их на надлежащее место и следить, чтобы рязанско-пошехонско-чебоксарское губошлепство не затерло их на первых шагах».

Задача, которую должна ставить пред собою вся наша советская печать. Сосновский правильно понял свою основную задачу, как советского фельетониста-публициста.

Не пена мысли, не игра слов, а фельетон на службе советской общественности—вот путь, по которому должен итти советский фельетонист, если он хочет сделать фельетон могучим орудием воздействия на массы читателей во имя утверждения пролетарской революции.

Сосновский одним из первых встал на этот путь—в этом его заслуга.

Вл. Виленский (Сибиряков).

Я. ЯКОВЛЕВ. Деревня как она есть. (Очерки Никольской волости). Третье стереотипное издание. 1924 г. «Красная Новь». Г. П. П. Стр. 147.

ЕГО ЖЕ. Наша деревня. Новое в старом и старое в новом. «Красная Новь». Г. П. П. 1924 г. Стр. 176.

«Деревня как она есть»—результат обследования, произведенного т. Яковлевым по поручению ЦК РКП весной 1923 года. Тогда же появилась и книжка. «Наша деревня» в известном смысле есть продолжение первой работы.

Книжка т. Яковлева произвела большое впечатление не только у нас, но и за границей. В момент ее появления мы жили приблизительно такими представлениями о деревне: крестьянство в результате нашей революции нивелируется. Бедняки и кулаки постепенно уступают свое место середняку. Это, дескать, результат земельного поравнения.

До некоторой степени такая тенденция намечалась было в эпоху военного коммунизма, когда обмен был до крайности сужен.

Нэп изменил лик деревни скоро и решительно. Предоставленное право обмена излишков, остающихся сверх того, что должно было итти на покрытие продналога, широко стало использовываться крепкими в хозяйственном отношении элементами.

Об этих крупных переменах в деревне за время нэпа и рассказал т. Яковлев в двух книжках. Крестьянство расслаивается. Середняк исчезает постепенно, вытесняемый крайне фланговыми элементами: бедняком и кулаком. Первое обследование, произведенное в Курской губ., показало, что число хозяйств, вынужденных прибегать к найму лошадей, растет непрерывно, равно как и число хозяйств, арендующих сохи и бороны, вследствие невозможности справиться с землей собственным инвентарем.

Вот эта «хозяйственная» помощь неимущему крестьянству со стороны крепких зажиточных элементов представляет собой главнейший метод закабаления бедноты. 57% всех анкет, заполненных в Никольской волости, говорят о помощи при обработке земли живым и мертвым инвентарем, 62% — о помощи семенами.

За эту «помощь» беднота платит сдачей земли исполу. Отсюда зависимость беднейшего крестьянина от крестьянина, имеющего инвентарь и рабочий скот. На почве кредита лошадью и плугом образуется блок различных элементов крестьянства. Это расслоение деревни происходит в условиях земельного поравнения, которое тормозит несколько этот стихийный процесс роста капиталистических отношений в деревне.

Яковлев в первой своей работе поэтому говорит лишь о «кулацкой почке», о намечающейся тенденции.

Гораздо резче он рисует происходящую дифференциацию деревни во второй книжке, представляющей собой результат обследования, произведенного в Тамбовской губернии весной нынешнего года. Оказалось, что расслоение, вопреки существующим законам, начинает итти уже и *по земле*. Это—момент новый. Отмеченные же выше черты выявлены в Тамбовской губернии резче и решительнее.

Вот как рисуется положение вещей по книжке «Наша деревня». В общем крестьянство переживает сейчас хозяйственный подъем, который выражается, во-первых, в прекращении недосева, во-вторых, в увеличении числа лошадей. Одновременно растет и количество рогатого скота. Рост этот намечается исключительно в средняцкой и зажиточной группе. Подъем находит также свое выражение в вытеснении проса овсом, в появлении технических культур.

Анализ статистических данных, проверенных тут же путем опроса, показывает, что подъем этот—только в определенных хозяйствах, в крепких, кулацких хозяйствах. На ряду с возрастанием многопосевных замечается увеличение беспосевных хозяйств и хозяйств с карликовыми посевами.

Опрос показывает, что теперешние зажиточные хозяйства несколько лет тому назад были средняцкими. Точно так же многие теперешние бедняцкие хозяйства были несколько лет тому назад средняцкими. Уже сейчас мы имеем две прослойки маломощных: а) из хозяев, которым дальнейшее развитие товарного хозяйства закрывает возможность подняться. Участь этой прослойки—пролетаризация. При наших современных условиях это означает рост безработицы и деклассированных элементов; б) из хозяйств, которые имеют возможность выбиться, которые для этой цели нуждаются в помощи.

И среди зажиточных надо уже различать две прослойки. Первая состоит из хозяйств, остающихся в своей основе *чисто земледельческими*. Вторая группа сочетает земледельческое хозяйство с торговлей и ростовщичеством. Последняя свою силу черпает, главным образом, из жесточайшей эксплуатации бедняцких элементов. И первая прослойка сдирает с бедноты максимально возможное за предоставление лошади, плуга, жнейки, сеялки и пр. Но она пока что играет еще прогрессивную роль, поскольку у нас в деревне нет еще государственных, кооперативных, прокатных и случных пунктов.

Каковы взаимоотношения между этими различными слоями крестьянства? На этот вопрос т. Яковлев отвечает: «в деревне уже начинает выпирать на первый план столкновение интересов зажиточных и маломощных из-за того, сколько заплатить за плуг, молотилку, лошадь, или сколько получить за сданную в аренду землю».

Взаимоотношения между кулаками и беднотой в 1924 году уже не рисуются в виде «блока»; ряд фактов говорит об обострении этих отношений, о том, что бедняки ждут помощи от советской власти, кооперации, чтобы одолеть богатеев. У бедноты, как бы она ни была покорна, политически отстала, забита, некультурна, нет другого выхода из теперешнего положения, как борьба с зажиточными. Каким образом? Путем кооперирования. Это не придуманная схема, а обобщение того, за что стихийно сама беднота хватается. Ростки нового пробиваются в деревне и без посторонней помощи: работа сообща, артели, кооперативы, совместная закупка инвентаря и многие другие зачатки нового попадаются сейчас в деревне.

Вывод, к которому приходит т. Яковлев, можно сформулировать таким образом: в деревне происходят сейчас процессы чисто капиталистические. Но особенности нашей действительности толкают пролетаризующихся крестьян на путь кооперирования своих усилий, на путь борьбы с кулаками.

Нам необходимо учесть эту благоприятную для нас ситуацию и помочь бедноте в ее борьбе с нарождающейся кулацкой и ростовщической группами. Таков центральный пункт упомянутых книжек. Очень много, кроме того, уделено внимания культурному и бытовому лику деревни: школе, учителю, комсомолу, религии, суду и пр.

Читаются книжки с захватывающим интересом в виду обилия диалогов и монологов, воспроизведенных дословно: т. Яковлев стенографировал свои беседы. Самым интересным является метод обследования, сочетающий статистическую работу с живой беседой, одевающей цифры плотью и кровью. Не даром работы т. Яковлева вызвали ряд работ аналогичного характера. Изданы книжки очень хорошо.

Я. Шафир.

В. ДЕМБО. Никогда не забыть! Кровавая летопись Бессарабии. Изд. «Красная Новь» Г.П.П. Стр. 95. Тираж 8.000. 1924 г.

Брошюра Дембо написана на основании официальных документов, касающихся захвата Бессарабии Румынией. Предназначается эта брошюра для широкого советского читателя, который слабо знаком с кровавой летописью Бессарабии.

Бессарабия с ее трехмиллионным населением никогда Румынии не принадлежала, и по существу Румыния никаких «исторических» прав на Бессарабию не имеет. Но Румыния участвовала в мировой войне, она сделалась приказчиком французского империализма и последний расплатился за ее услуги Бессарабией. Румыния с согласия и одобрения Франции захватила Бессарабию и сейчас всеми силами старается удержать ее за собой.

Автор брошюры, непосредственный участник борьбы бессарабцев против Румынии, ярко и увлекательно рассказывает историю этого захвата Бессарабии. Этот захват любопытен в том отношении, что румыны обставили захват Бессарабии видимостью «добровольного» решения «Сфатул Церия»—Краевого Совета, созданного по почину бессарабских помещиков, которые вкупе и влюбе с разного рода авантюристами и румынскими агентами инсценировали присоединение Бессарабии к Румынии.

Приложенные в конце брошюры документы свидетельствуют, что Румыния сама не верила в возможность удержания за собою Бессарабии и письменно обязывалась рассматривать нахождение своих войск как временное, вызванное обстоятельствами военного времени. Однако, аппетит приходит во время еды. Позднее Румыния не только отказалась от эвакуации своих войск из Бессарабии, но добилась того, что пресловутая Лига Наций освятила факт захвата своим решением. Накануне русско-румынской конференции в Вене этот акт был, по предложению Пуанкаре, ратифицирован французским парламентом.

На Венской конференции Румыния уклонилась от плебесцита в Бессарабии, как это предлагала советская де-

легация. Причины этого отказа отгадать нетрудно, она боялась неудачного исхода для себя плебесцита, ибо трудящееся население Бессарабии достаточно хорошо оценило румынское владычество за эти годы и всеми силами стремится освободиться из румынского рабства.

Нужно пожалеть, что брошюра тов. Дембо не снабжена небольшим введением, из которого широкий читатель мог бы познакомиться с Бессарабией в географическо-экономическом разрезе. Досадно также, что к брошюре не приложено никакой карты Бессарабии, хотя бы схематической, что значительно облегчило бы пользование этой живо и интересно написанной книжкой.

Вл. Виленский. (Сибиряков).

ИСТОРИЯ.

а) История революционного движения на Западе.

1. Эд. БЕРНШТЕЙН. Английская революция XVII века; Социализм и демократия в Великой английской революции. *Е. Косминского.* — 2. Ж. ЖОРЕС. История Великой французской революции Т. III. Конвент. *Ц. Фридлянда.* — 3. А. МОЛОК. Очерки быта и культуры Парижской Коммуны 1871 г. *Н. Лукина-Антонова.* — 4. Л. ПОЛЬ-ДЮБУА. Ирландская драма (борьба Ирландии за независимость). *П. Керженцев.*

ЭД. БЕРНШТЕЙН. Английская революция XVII века. (История социализма в монографиях. Предшественники новейшего социализма). Изд. «Основа» Иваново-Вознесенск. 1924. Стр. 181.

Его же. Социализм и демократия в Великой английской революции. Перевод Е. и И. Леонтьевых, проверенный по 3 немецкому изданию. Предисловие В. А. Десницкого-Строева. Госиздат. Москва—Ленинград. 1924 г. Стр. 314.

Вышедшая первоначально, как отдел знаменитого коллективного труда (1895), работа Бернштейна была выпущена потом отдельным изданием под заглавием: «Sozialismus und Democratie in der grossen englischen Revolution» (2 изд. 1908 г., 3 изд. 1919 г.). Для второго издания книга была переработана автором. Третье без перемен перепечатано со второго. Работа Бернштейна в ее первоначальном виде хорошо известна русскому читателю и в слегка загримированном для цензурных целей издании 1899 г. («Общественное движение в Англии XVII века»), и в виде пятого отдела «Предтеч новейшего социализма» [в переводе—Е. и И. Леонтьевых («Коммунистические и демократо-социалистические течения в английской революции XVII века». 1906) В текущем году появилось два новых русских издания труда Бернштейна. Одно из них (Иваново-Вознесенское) представляет простое воспроизведение соответствующего отдела «Предтеч новейшего социализма», без всякого внимания к новым немецким изданиям. Для упоминания об этом нашлось бы место в бессодержательном предисловии, неизвестно зачем предпосланном книге. При перепечатке не постарались даже поправить шероховатостей перевода и стиля, которых было немало в переводе 1906 г. (встречаются мелкие, главным образом, орфографические, поправки, но наделано немало и новых погрешностей). Вызывает недоумение изменение заглавия. Если «Коммунистические и демократо - социалистические движения» слишком неуклюже, почему бы не взять заглавия, данного Бернштейном новому изданию своей книги? Во всяком случае нельзя называть «Английская революция XVII века»—книгу, в которой автор сам решительно отводит от себя задачу дать историю английской революции. Издание серенькое.

Несравненно добросовестней и опрятней сработана книжка Госиздата. Положенный в основу перевод Леонтьевых пересмотрен, некоторые его шероховатости (к сожалению, не все) сглажены, внесены все те изменения и дополнения, которые были сделаны в новых немецких изданиях. Краткое предисловие В. А. Десницкого-Строева правильно обрисовывает слабые стороны книги Бернштейна и предупреждает читателя, как надо ею пользоваться. Внешность издания вполне «довоенная». Перевод Леонтьевых сделан вполне удовлетворительно и не искажает смысла оригинала. Встречаются, впрочем, неточности. Например, Liebesgaben (так Бернштейн передает Benevolences) никак не значит «дары любви». Sammelwerk не значит «коллективный труд»—и это определение совершенно не подходит к труду Гардинера.

Внесенные Бернштейном во второе издание перемены касаются, главным образом, архитектоники книги и некоторых деталей; автор старался использовать результаты новой научной литературы. Но основные взгляды его остались прежними. Прежними остались и основные недостатки его книги.

Интересная, как широко поставленная попытка применить марксистский метод к истолкованию некоторых сторон английской революции, книга Бернштейна остается все же неудачной попыткой. Как в политике, так и в науке Бернштейн дает лишь видимость марксизма, обходя его сущность. Идеологическая надстройка революции выяснена Бернштейном очень обстоятельно, в значительной мере путем самостоятельного и оригинального исследования; но под всем его построением заложен настолько ничтожный фундамент, что оно почти что висит в воздухе. Экономика эпохи, ее классовая структура, то, что должно было лечь в основу всего исследования, мало затрагиваются Бернштейном. Глава об экономическом и социальном развитии Англии до XVII века была самой слабой главой первого издания и осталась таковой и в последующих; автор дополнил ее лишь двумя незначительными ссылками на работу Хьюинса, вышедшую в 1892 году. Краткий (всего 5 страниц), суммарный и нечеткий обзор Бернштейна, совсем игнорирующий многие характернейшие черты экономической истории Англии XVI—XVII в.в., и еле затрагивающий другие, дающий самое смутное представление о классовом строении тогдашнего английского общества, был неудовлетворителен уже в 1895 году; для 1908 г., а тем более 1919 он является к тому же безнадежно устарелым. Характерна эта небрежность автора—он, очевидно, и не придавал этим вопросам большого значения. Правда, экономическая история Англии XVII века, и особенно английской деревни, все еще далеко недостаточно выяснена в исторической литературе; но все-таки уже возможны обобщения на гораздо более солидном фундаменте, чем тот, который имеется у Бернштейна. В этом году английская революция в ходу на книжном рынке: к двум изданиям Бернштейна надо присоединить недавно вышедшую книгу Кареева и выпускаемые Госиздатом «Лекции по истории английской революции» известного знатока экономической истории Англии покойного проф. А. Н. Савина. И все же русский (и не только русский) читатель не может не чувствовать недостатка в новом и серьезном марксистском труде в этой области. Если оживление книжного рынка соответствует направлению запросов читателя, такой труд стоит сейчас на очереди.

В заключение несколько слов о фонетической транскрипции английских имен. Вероятно, здесь никогда не удастся добиться единообразия. Имя одного из главных героев книги Бернштейна пишется в разных русских книгах «Винстанлей», «Винстэнли», «Уинстанлей», «Уипстанли». Но неприятно, когда в одной и той же книге Waller передается через Уоллер, а Walley—через Валли или Валлей. Совсем неудачна передача имени Hewins (Хьюинс) через Эвинс.

Проф. Е. Косминский.

ЖАН ЖОРЕС. История великой французской революции. Т. III. Конвент (I), выпуск II. Социально-политические идеи Европы и революция. Госиздат. Стр. 300.

С изданием второго выпуска «Конвента» мы имеем целиком на русском языке один из томов о конвенте из серии «Социалистическая история» Ж. Жореса. Книга «Социально-политические идеи Европы и революция» была переведена в России еще в 1906 г. и напечатана в изд. т-ва «Северных книгоиздателей». Перевод был отвратителен. Во многих местах был перевран текст. Русский читатель, который пользовался первым переводом, будет поражен, если сличит переводы. Уже не говоря о стилистической стороне, в первом переводе часто там, где идет речь о фунтах стерлингов, названы ливры и т. д.

Перевод под ред. Н. Лукина точен, и мы можем считать поэтому выпуск II книги Жореса *единственным* русским переводом. Одно преимущество имело старое издание, в нем были воспроизведены иллюстрации французского текста. Госиздат мог бы разрешить себе роскошь дать нам «Социалистическую историю» хотя бы приблизительно в таком виде, как она дана на французском языке. Ведь это одно из капитальных произведений социалистической и исторической литературы последних десятилетий.

Трудно в краткой рецензии дать анализ и характеристику богатейшего материала, собранного Жоресом. Пред нами одни из интереснейших и сложнейших вопросов конца XVIII в.—о корнях Великой Революции в Европе, об исторической среде, в которой развертывалась эта грандиозная эпопея. Этот вопрос гораздо шире, чем обычная постановка проблемы о «Европе и революции». У Сореля, Зибеля, Ранке и т. д. мы имеем только историю внешней политики революции, но нет социальной истории европейских стран под углом зрения французской революции. Можно сказать, что Жорес первый в более или менее полном виде развернул в этом вопросе указания Токвилля. Он ищет в самом старом порядке Европы причины побед и корни европейского значения революции. Но справился ли с этой задачей Жорес, как *марксист?*

Мы не будем здесь останавливаться на характеристике его метода, этой смеси «французского с нижегородским» Маркса и Мишле. Читатель найдет удачную марксистскую оценку эклектизма Жореса в предисловии Лукина к 1 выпуску «Конвента». Метод Жореса, как мы увидим это дальше, оказал очень скверное влияние на трактовку им вопросов социальной истории. Но дело не только в этом. Жорес имеет дело с первоисточниками. Их разработка была поставлена им, по словам Олара, блестяще. Но если при изложении французской истории Жорес пользуется часто огромным материалом социально-экономической истории, то при разборе состояния Европы в конце XVIII в. этот материал отсутствует у него почти совсем. Жорес прибегает к любопытному приему. Он пытается восстановить социально-экономическую картину Европы конца XVIII в. путем анализа отдельных произведений идеологов, гениальных и талантливых умов страны и эпохи. В этом отношении методологически интересна его глава об А. Смите. Анализ «Богатства народов» дает ему возможность мастерски показать нам своеобразие капиталистического режима Англии, где буржуазия *уже* не нуждается в революции, а пролетариат *еще* не способен был ее совершить. Его глава о Питте представляет собою шедевр не только художественной интерпретации истории, но и социальной характеристики человека, который в эпоху «бури и натиска» представлял консервативное, устойчивое начало английского общественного порядка. При этом Питт, как правильно отмечает Жорес, был консерватором, продолжающим дело революции в экономической области: он воздвигал здание капиталистической Англии в эпоху промышленного переворота и Французской революции. И не даром вокруг него группировалась вся английская буржуазия. При Питте Фокс и Шеридан были ничем. Жорес в этой части книги дает не менее интересные очерки революционно-демократического движения Англии. Образы Пена, Макинтоша, Бернса, Годвина окружены

любовью автора, как дети французской революции, которые в самой Англии продолжали ее дело. Слабее глава о Борке. Жорес не дал нам социальной характеристики этой любопытной фигуры. Мы не выносим из чтения очерка, посвященного Борку, понимания причин и значения контр-революционной деятельности Э. Борка, а, следовательно, и всей буржуазной Англии.

В главах, посвященных Германии, особенно выделяется гл. о Форстере, слабее гл. о Лессинге, Канте и Гердере. Жоресу более удались те главы, где он дает описание и излагает взгляды вождей революционной демократии эпохи, дедуктивно выводя из них особенность социально-экономического строя, чем анализ последнего и объяснение существа и особенностей той или другой идеологии. Вот почему именно в главе о Германии Жорес вступает в дискуссию с Мерингом и Марксом. Никак нельзя считать достаточным приводимые им выдержки из Мозера или Бидермана для характеристики социально-экономического строя Германии XVIII века. Нет конкретного, цифрового и всякого иного экономического материала в собственном смысле слова, и поэтому блестящие характеристики остаются только художественной интерпретацией. Это особенно чувствуется в главах о Германии, но и не менее в главах об Англии. Почему в Англии так тесно срослись землевладельческий класс и класс буржуазии городской? Почему на протяжении XVIII в. тори левели, виги правели, а Питту удалось их примирить на общей ненависти к революции? Это остается неясным. И там, где Жорес не может ответить на эти вопросы, он прибегает к Мишле (гл. о Германии). Жорес поэтому также не разъясняет и не *ставит* даже ни одного из серьезнейших вопросов разложения социально-экономического строя старой Европы, намеченных Токвилем. В какой мере в страны капиталистической Европы проник капитализм. Не преувеличиваем ли мы, говоря об отсталости Германии, в феодальном смысле этого слова? Ведь неоспорим факт, что в конце XVIII в. в Германии была широкая публика, проявлявшая интерес не только ко всем философским и литературным «новинкам» современности, но и к серьезным экономическим трудам французской и английской литературы. «Богатство народов» появилось на немецком языке в год издания на английском, очень скоро вышли на немецком языке и работы Артура Юнга. Во всяком случае эти мелкие факты требуют от нас внимательного отношения к социально-экономической истории Германии.

Конечно, наши краткие замечания не претендуют дать полную характеристику работы Жореса. Для этого нужна была бы целая статья. Для будущего историка-марксиста книга—интереснейший по своему подходу опыт исторического исследования, представляющий собою лишь часть марксистского исследования.

Ц. Фридлянд.

А. И. МОЛОК. Очерки быта и культуры Парижской Коммуны 1871 года. Гос. Изд-во. Ленинград. 1924. Стр. 125. Ц. 70 к.

Существует довольно распространенное мнение, имеющее своих представителей и в исторической литературе, будто работа первого в истории рабочего правительства носила преимущественно декларативный характер, что большинство декретов Коммуны осталось лишь на бумаге,—отчасти за недостатком времени для их проведения в жизнь, отчасти благодаря сопротивлению, которое они встречали со стороны буржуазных слоев парижского населения. Устойчивость этой, на наш взгляд ошибочной, точки зрения объясняется тем, что большинство историков Коммуны интересовалось преимущественно ее декретами или героической борьбой Парижа с Версалем, игнорируя движение, которое происходило за это время в самих рабочих массах, не только вдохновлявших Коммуну в ее деятельности, но и принимавших активное участие в строительстве новой жизни.

Эту сторону истории Коммуны и освещает, до известной степени, в своей интересной работе А. И. Молок. Книжка

состоит из трех очерков: первый посвящен борьбе за светскую школу, второй—клубам, третий—женскому движению при Коммуне.

Работа Молока, носящая характер научного исследования, основана на изучении первоисточников-документов, собранных в так называемых «Murailles Politiques Françaises», а также до сих пор почти не изученной периодической печати того времени. Автор хорошо знаком и с литературой предмета.

Уже в первом очерке, трактующем сравнительно хорошо изученный вопрос о народном просвещении при Коммуне, читатель найдет много весьма ценных подробностей, в роде проекта «слияния школы и мастерской в новый тип «школы-мастерской» (atelier-école), представленного учительницей Маньер; или помещенной в «Journal Officiel» статьи двух членов «Общества Друзей Просвещения», содержащей обстоятельный план организации «Яслей» для детей трудящихся. Интересны полные жизни картинки, рисующие первые шаги новой школы: появление, заменивших монахинь, учительниц атеисток, происходившие местами протесты детворы, подстрекаемой их прежними наставницами, вмешательство родителей в пользу новых порядков, детские праздники при Коммуне и т. п.

Наибольший интерес представляет второй очерк, посвященный уже совсем не изученному вопросу—о роли клубов при Коммуне. Автор пустил здесь в оборот богатый материал, извлеченный из тогдашних газет и журналов. Перед нами проходит чрезвычайно интенсивная и шумная жизнь вновь открывшихся [1]) клубов, где горячо обсуждались как теоретические, так и все злободневные вопросы. В частности читатель знакомится с той настойчивой борьбой против церкви и религии, которую вели в клубах нео-бланкисты.

Но основной вывод, к которому приходит автор, не может не вызвать возражений. «Никакого заметного влияния на политику революционного правительства,—говорит он,—они (клубы) не оказывали. Резолюции по вопросам дня, проникнутые духом революционного радикализма, если и доходили до ратуши, то все же никогда не исполнялись; они зачитывались в заседаниях, после чего коммуна без обсуждения переходила к очередным делам... Война, фронт, пресса, Коммуна с ее комиссиями и делегациями отвлекали все лучшие силы революции, и клубам не приходилось и мечтать о политическом влиянии и роли своих знаменитых предшественников «Кордельеров» и «Якобинцев 1792—1794 годов» (стр. 50).

Нам кажется, что роль клубов в эпоху Коммуны 71 года явно преуменьшается автором. Конечно, клубам 1871 года далеко до «Кордельеров» или «Якобинцев» эпохи Великой революции, но сказать, что они ни в какой степени не влияли на политику Коммуны, отнюдь нельзя. Против положения автора говорит им же собранный материал. В самом деле. Присматриваясь к жизни клубов, мы видим, что на их заседаниях обсуждаются самые животрепещущие вопросы, которые вызывали потом ожесточенные прения в самой Коммуне; таковы, напр., вопросы о свободе печати, борьбе с клерикализмом, квартирный, вопрос о выкупе заложенных бедняками вещей из ломбарда и т. п. [1]). «Ораторы,—пишет сам Молок,—критикуют отдельные действия Коммуны и требуют, чтобы она решительно вступила на путь террора и репрессий...» (63). Если Коммуна не всегда шла так далеко, как этого хотели иные клубные ораторы, то это еще не доказывает, что предложения клубов не вдохновляли многих ее декретов. В коммунальном клубе Николая-на-Полях один гражданин предлагал, напр., конфисковать «все движимое и недвижимое имущество гражданских и военных сановников, начиная с полковников...» (70). Но разве Коммуна не декретировала конфискации имущества Тьера и разрушения его дома?

[1]) Клубы были закрыты буржуазным правительством национальной обороны после неудачной попытки провозглашения Коммуны в янв. 1871 г.

[1]) См. стр. 51, 61, 63, 69, 70, 72, 73, 74, 76, 77, 78, 79, 83 и др.

Клубам же принадлежит инициатива предложения об обмене взятых Коммуной заложников на находившегося в руках версальцев Бланки (71, 78). Известно, как долго обсуждался в Коммуне вопрос о возврате заложенных рабочими вещей и как поздно был издан соответствующий декрет. И можно ли утверждать, что на содержании декрета ни в какой степени не отразились те предложения, которые делались по этому вопросу в клубах? (61, 79). Можно привести и еще ряд примеров. Коммуна закрыла дома терпимости, но требование их ликвидации было выдвинуто именно клубами (см. 79). Она же постановила отдавать предпочтение при сдаче казенных подрядов рабочим артелям. Но и это требование исходило из клубов (ibid.). Давление клубов на Коммуну особенно заметно в вопросе о борьбе с клерикализмом (см. 83 и др.).

Живое общение между Коммуной и клубами явствует хотя бы уже из того, что ее члены присутствуют на клубных заседаниях и потом лично поддерживают клубные резолюции в Ратуше (стр. 72, 74, 75, 83).

Нельзя согласиться и с объяснением, какое дает автор тому, уже бесспорному, факту, что при Коммуне не было ничего подобного знаменитому Якобинскому клубу. И в эпоху первой революции были фронты, и тогда внимание «санкюлота» отвлекалось и службой в национальной гвардии, и работой в секциях и их революционных комитетах, и борьбой партий в Конвенте,— и все же он находил время для активного участия в деятельности Якобинского Общества. Причину слабости клубов в эпоху Коммуны надо, как нам кажется, искать скорее в том, что в 1871 году уже существовали чисто партийные организации, роль которых в 1793—1794 годах целиком выполняли именно клубы: эти политические организации (напр., секции *Интернационала*) являлись серьезными конкурентами клубов. С другой стороны, в 1871 году парижские рабочие создали и экономические организации (профессиональные союзы, кооперативы), которых не существовало в 1793—1794 г.г.

С большим интересом читается и третий очерк, посвященный женскому движению. И здесь много свежих, интересных данных. Автору следовало бы, однако, остановиться более обстоятельно на классовых элементах в женском движении, тем более, что и здесь ему удалось собрать много ценного материала; оставалось сделать из него некоторые выводы. Но на выводы Молок как раз вообще чересчур скуп: слишком часто он предоставляет их делать самому читателю.

Книжка прочтется с большим интересом всяким, имеющим даже элементарное представление об истории Коммуны.

Н. Лукин-Антонов.

Л. ПОЛЬ-ДЮБУА. Ирландская драма. (Борьба Ирландии за независимость.) Изд. «Петроград». 1924 г. (в сжатом изложении Б. Омикрон). Стр. 51.

Совершенно не понятно, зачем нужно было издавать эту брошюру, извращенно изображающую события в Ирландии за последние годы. Гр. Омикрон, сокращая Дюбуа, ухитрился сохранить во всей неприкосновенности все его типично-буржуазные и шовинистские оценки. А для пополнения сведений об Ирландии он отсылает читателей к статьям Тарле, изобразившего Парнелля в ореоле либеральной науки и к никчемным компиляциям Мижуева.

Вот несколько образцов лживости этой книжонки. Как известно, революционные круги Ирландии с первых дней войны стояли на пораженческой точке зрения, и Рэдмонд, вместе со своей партией голосовавшие в Вестминстере за союз с Англией, именно благодаря этому шагу, начали быстро терять свое влияние. А Дюбуа с гр. Омикроном пишут: «Ирландия, примкнув плечом к плечу к Англии, несмотря на немецкую агитацию (?!), самоотверженно пошла в бой против германского насилия, за право и свободу малых национальностей». Это типичнейшая фраза из архи-империалистской печати того времени. И это извращение, высказан-

ное в терминах «Таймса» 1914 г., нам преподносят, как историю!

Обанкротившийся либерал, в конец погубивший свою партию, Рэдмонд провозглашается «разумным политиком и талантливым руководителем» (тоже не из «Таймса» ли?). Его слова в парламенте о поддержке Англии названы «событием (!) громадной важности». И всюду представители ирландской буржуазии, предавшие дело национального освобождения за депутатские местечки и похвалы черносотенской печати, превозносятся г. Дюбуа и Омикроном.

Зато, само собою разумеется, революционерам попадает во-всю. Восстание ирландских рабочих и крестьян 1916 г. называется «изменой тылу», участники восстания (а среди них был, как известно, громадный процент рабочих во главе с левым социалистом Конноли) и «самыми темными элементами Дублина». Восстание это, по словам фальсификаторов из издательства «Петроград», якобы вызвало негодование даже в самом населении Дублина. Англия-де «добросовестно выполнила свои обязательства», зато ирландцы—это «насильники», которые не складывали оружия борьбы и продолжали «мятеж». И среди них «прежде всего насильники, самые низкие уголовные преступники».

В таком гнусном духе английского шовинизма ведется все изложение; а господин Омикрон из из-ва «Петроград», сокращавший книжку Дюбуа со смаком, оставил все эти разъяснения.

Книжка (популярная!) издана с большими претензиями, все собственные имена приведены по-английски. Зачем собственно? Вероятно, для того, чтобы показалось, как плохо переводчик знает английский язык. Он упорно переводит «Каземент» вместо «Кэзмент», «Гуг» — вместо «Хью», «О' Бриен» — вместо «О'Брайен», «Бютт»—вм. «Батт» и т. д.

Когда же наши частные издательства перестанут шпиговать нас такой буржуазной дребеденью — при содействии разных Омикронов?

П. Керженцев.

б) История революционного движения в России.

1. М. Н. ПОКРОВСКИЙ. Борьба классов и русская историческая литература. *В. Дитякина.* — **2. Ю. МАРТОВ. Мировой большевизм.** *В. Невского.* — **3. В. ПАНКРАТОВ. Воспоминания 1880—1884 г.** *Б. Павлова-Козьмина.* — **4. Л. КАМЕНЕВ. Между двумя революциями.** *П. Лепешинского.* — **5. ИЗ ЭПОХИ «ЗВЕЗДЫ» И «ПРАВДЫ» (1811—1914)** *А. Шляпникова.* — **6. Д. БАЕВСКИЙ. История рабочей печати в России.** *В. Невского.* — **7. Н. КРЫЛЕНКО. За пять лет.** *И. Ильинского.* — **8. Р. АРСКИЙ. Крестьянский вопрос в Польше.** *В. Личеты.* — **9. С. ПОЗНЕР. Дела и дни Петрограда.** *М. Клевенского.* **10. И. ТЕПЕР. Махно.** *Д. Фурманова.* — **11. А. ВИЛЬЯМС. Очерки русской революции.** *С. Пионтковского.* — **12. Л. РЕЙСНЕР. Фронт 1918—1919 г.** *В. Полянский.*

М. Н. ПОКРОВСКИЙ. Борьба классов и русская историческая литература. Лекции, читанные в Коммунистическом Университете им. т. Зиновьева 23—7 мая 1923 г. П. «Прибой». 1923. Стр. 137. Ц. 80 к.

М. Н. Покровский давно уже пользуется известностью в самых широких рабоче-крестьянских массах. Достоинства его работ—всегда выдержанный, тонкий, революционно-марксистский анализ, блестящее, искусное построение изложения и выводов, яркий образный стиль. Но далеко не все знают, что т. Покровский является одним из пионеров марксистского анализа русской исторической литературы: еще в 1903 г. в статье «Местное самоуправление в древней Руси» (в сборнике «Мелкая земская единица», перепечатывает-

ся в скоро выходящем I томе его «Собрания сочинений») он дает заостренную характеристику классовой основы наиболее ярких представителей русской исторической и юридической науки; в статье 1904 г. («Идеализм и законы истории» — журнал «Правда», 1904 г., №№ 2—3, также в I т. «Собр. соч.») он вскрывает классовые корни знаменитого похода Риккерта на общественные науки; в 1911 и следующих годах на страницах «Энциклопедического Словаря» бр. Гранат дает ряд статей по историографии (готовятся к изданию в V т. «Собр. соч.»). Только Плеханов подошел к тем же вопросам в своей статье «М. П. Погодин и борьба классов»(«Соврем. Мир», 1911 г., №№ 3, 4), но далеко не дал той тонкости анализа, какую мы имеем в указанных статьях т. Покровского. Из систематических более обширных работ по историографии читатель до сих пор имел очень немногое: отходящий в область преданий Коялович, любезный кадетствующей интеллигенции Милюков, бесконечный кирпичеобразный Иконников и лишь в последнее время Балашев и Пичета; молодой марксист, таким образом, должен был сам обмозговывать сложные проблемы и запутанные теории. Ныне же, в названной книге, мы имеем очерк русской историографии XIX и начала XX века в ее крупнейших представителях, от Карамзина до наших дней, с беглым экскурсом и в более ранние эпохи (эпохи составления летописей, Смуты и т. д.). Давать пересказ этой замечательной книги нет надобности, так как *она должна стоять* (и уже встала) в ряду основных книг в образовании *каждого революционного марксиста*, отметим лишь самое характерное. Это, во-первых, *метод анализа*, тем более интересный, что, как известно, анализ идеологий очень труден и нередко не свободен от ошибок (ср. нашумевшую дискуссию Рожицын - Диманштейн, споры вокруг Бухаринской «Теории»...) т. Покровский в этой своей книге дает особенно искусный анализ идеологий, так что ее нужно хорошо и хорошо продумать (особенно интересна в методологическом отношении его дискуссия с т. Троцким). Одна за другой вскрываются им и обнажаются классовая сущность построений Карамзина, Чичерина, Щапова, Соловьева, Ключевского, Плеханова, Н. Рожкова и др. Блестящий язык легко закрепляет в памяти основные характеристики, напр.. «его (Ключевского) теория развития общества есть, в сущности говоря, Чичерин, умноженный на Соловьева и дополненный теми теориями, который Ключевский извлекал из современной ему публицистики» (стр. 76) или «не испуг, *а теория* загнала Плеханова к оборонцам,—теория, отражавшая интересы не класса предпринимателей..., а их образованных слуг, того слоя, который можно назвать *технической интеллигенцией*» (стр. 108), еще—«Соловьев... инстинктивный, бессознательный марксист» (стр. 62) и мн. др.

Для усвоения книга, конечно, требует предварительного хорошего знания как всего исторического процесса развития России, так и наиболее значительных отдельных явлений. «Русская история» т. Покровского необходимая ступень к «Борьбе классов»... Но важно эту последнюю не только прочесть, но и *продумать*, чтобы, усвоив метод автора, *самому разбираться* в идеологиях, а для этого эта книга т. Покровского и есть наилучшее руководство.

В. Дитякин.

Ю. О. МАРТОВ. Мировой большевизм. «Искра». Берлин. 1923 г. С пред. Ф. Дана. Стр. 110.

Покойный Мартов видел «психологию большевизма» в трех свойствах,—максимализме, отсутствии внимательного отношения к нуждам общественного производства и склонности решать все вопросы политической борьбы вооруженной силой.

Все эти свойства, по мнению Мартова, развились и созрели еще в недрах буржуазного общества, но проявились, когда война оторвала пролетариат от привычной ему организованной борьбы и бросила в окопы и условия солдатского насилия и кулака. А так как пролетариат всей Европы попал в такие условия, то отсюда и вывод: русский большевизм стал мировым большевизмом.

Вдумчивый читатель сразу, без сомнения, поймет, что никаких таких черт максимализма русский большевизм не имел ни на заре своей юности, ни ныне. Нисколько не отказываясь от коммунизма, большевики не только не максималисты, а допускают, как известно, и денежное хозяйство, и банки, и торговлю, и даже не кушают живьем мелкую буржуазию. Что касается невнимательного отношения к общественному производству, то и этой чертой не грешны большевики: все съезды советов и партии коммунистов центром внимания ставят именно вопросы общественного производства и именно потому, что они не только эти вопросы ставят, но и разрешают, республика Советов живет и процветает. Наконец, применение вооруженной силы... нам думается, что республика Советов, судящая своих врагов по уголовному и гражданскому кодексу, нисколько не хуже любой «демократической» республики, лицемерно прикрывающей своими демократическими кодексами насилия меньшинства над большинством.

Чувствуя, что с одной «психологией» (и с каких это пор марксисты стали апеллировать к психологии) далеко не уедешь, Мартов обращается к истории и к экономике. Об экономике Мартов рассуждает, примерно, так: война отбросила Зап. Европу до уровня российского востока, а потому и идея Советской власти стала близка и понятна западноевропейскому пролетариату.

«Империализм,—говорит Мартов,—довел Западную Европу в экономическом и культурном отношении до уровня Европейского Востока. Мудрено ли, что Европейский Восток диктует формы идеологии революционизированным массам Запада?»

Мартов сам признает, что капитализм в своем развитии дошел до своего отрицания, но так как Мартову попрежнему мил его демократизм, то он ищет оправдания своей тактике в прошлом, в истории. Прежде всего он проводит чудовищную параллель между якобинской революцией во Франции и революцией октябрьской. По его мнению, большевики как две капли воды похожи на якобинцев, потому что и якобинцы, и большевики творят новое общество насилием над большинством, как сознательное меньшинство во имя большинства несознательных масс. Вся поверхностность этой параллели бросается сразу в глаза, потому что все это нужно Мартову для того, чтобы оспорить понимание Лениным марксовой идеи диктатуры пролетариата.

Здесь прежде всего Мартов пытается доказать, что Маркс понимал диктатуру пролетариата так, что «ни о каком *противопоставлении* диктатуры демократии нет у него и речи» (стр. 106). «Между превращением,—говорит Мартов,—пролетариата в господствующий класс и завоеванием демократии Маркс и Энгельс ставят знак равенства» (стр. 106).

Понимая так диктатуру пролетариата, Мартов считает нас в лучшем случае бессознательными обманщиками и утопистами.

«Последовательно-демократическая организация коммуны, базирующаяся на всеобщем избирательном праве, на сменяемости каждого избранного представителя в любой момент по требованию избирателей, на отсутствии чиновничьей касты и отделения от народа вооруженной силы, на выборности всех должностей, является в изображении Маркса сущностью классовой диктатуры пролетариата» (стр. 106). Так толкует Мартов понятие Маркса о диктатуре пролетариата и в доказательство своей правоты приводит следующие слова Ленина, сказанные им в 1917 г. «Рабочие, завоевав политическую власть, разобьют старый бюрократический аппарат, сломают его до основания, не оставят от него камня на камне, заменят его новым, состоящим из тех же рабочих и служащих, против превращения которых в бюрократов будут приняты *тотчас* меры, подробно разобранные Марксом и Энгельсом: 1) не только выборность, но и сменяемость в любое время, 2) плата не выше платы рабочего, 3) переход немедленный к тому, чтобы *все* исполняли функцию контроля и надзора, чтобы *все* на время становились «бюрократами», и чтобы поэтому никто не мог стать бюрократом».

Кроме, мол, всего только что перечисленного, вы, большевики, — рассу-

ждает Мартов,—обещали отмену постоянной армии, а у вас есть Красная армия; обещали уничтожить привилегированное чиновничество, а у вас есть специальные ставки; обещали сменяемость выборных должностных лиц, а у вас есть назначение зав. и управляющих; обещали непосредственное участие народа в суде, а у вас—чрезвычайная комиссия; обещали отменить смертную казнь, а у вас—высшая мера наказания и т. д. и т. п.

Подобного рода доказательствами пестрят страницы «труда» Мартова, при чем он не брезгует вырывать цитаты из статей второстепенных деятелей РКП, написанных по случайному поводу, как, напр., из статьи покойного В. В. Воровского, в роде следующей: «Советская организация сама по себе означает только участие народных масс в государственном управлении, но не обеспечивает за ними не только господства, но даже преобладающего влияния» (стр. 46).

Все рассуждения Мартова, таким образом, сводятся к двум положениям: 1) что диктатура пролетариата по Марксу это современная демократическая республика, при чем пролетариат покровительствует купцам и лавочникам, и 2) что большевики утописты и обманщики.

Думается, что серьезно опровергать Мартова не станет даже комсомолец, если и дать ему «Мировой большевизм» для упражнения в полемике с воображаемым меньшевиком.

В. Невский.

В. С. ПАНКРАТОВ. Воспоминания. Как приходилось работать среди рабочих в 1880 — 1884 годах. Изд. «Красная Новь». Главполитпросвет. Москва. 1923 г. Стр. 112.

Террористическая борьба, которую вела партия «Народной Воли» с русским правительством и которая нашла свое завершение в деле 1 марта 1881 года, настолько заслонила в глазах потомков все другие стороны деятельности «Народной Воли», что породила совершенно неправильный взгляд, сводивший всю деятельность этой партии на борьбу при помощи револьвера и динамита. Однако, чем больше появляется в печати материалов, освещающих историю «Народной Воли», тем яснее и яснее становится, что террор, действительно отвлекавший от других видов революционной работы почти все наиболее выдающиеся силы партии, тем не менее, не исключал того, что партия на ряду с террором пыталась использовать и другие методы борьбы с правительством и в частности—пропаганду среди рабочих. Теперь мы знаем, что такая пропаганда велась во многих местах России и велась весьма интенсивно и плодотворно. Однако, по понятным причинам, результаты ее не могли проявляться столь явственно и выливаться в такие эффектные формы, как широко развернутый «Народный Волей» террор.

С этой точки зрения воспоминания известного рабочего-народовольца В. С. Панкратова представляют весьма большой интерес. О пропаганде народовольцев среди рабочих В. С. Панкратов рассказывает не впервые. Еще в 1905 г. за границей (без имени автора) вышли в виде брошюры его воспоминания, озаглавленные «Из деятельности среди рабочих в 1880—1884 г.г.» В следующем году эти воспоминания были перепечатаны в «Былом», а затем вновь вышли в виде брошюры, но уже не за границей, а в России (М., 1906 г., изд. «Молодая Россия», под тем же названием). Изданные в настоящее время воспоминания В. С. Панкратова посвящены тому же вопросу и той же эпохе, но освещают их гораздо подробнее и полнее, чем прежние его воспоминания. Автор прибавил много подробностей и придал своим воспоминаниям более живую и рассчитанную на более широкий круг читателей форму.

Воспоминания В. С. Панкратова интересны и ценны не только потому, что они знакомят нас с тем, как была налажена и в каких формах протекала работа народовольцев среди рабочих, но и потому, что они содержат в себе много материала, ярко характеризующего настроения самих рабочих описываемого автором времени. Очень интересна отмечаемая автором классовая солидарность, проявленная петербургскими рабочими в 1880 году. В это время под

влиянием промышленного кризиса на многих петербургских заводах производилось сокращение числа рабочих. Сотни рабочих выбрасывались на улицу без куска хлеба. При таких условиях неуволенные рабочие Балтийского завода согласились работать три четверти дня вместо целого, т.-е. сократить свой заработок на 25%, для того, чтобы уволенные рабочие были приняты обратно. Администрация завода согласилась на это. Почти то же самое произошло на заводе Семянникова за Невской заставой. По словам автора, никто из рабочих этих заводов открыто не высказывался против такого сокращения своего заработка, хотя, конечно, затаенный ропот кое-где и прорывался.

В воспоминаниях Панкратова перед читателями проходит ряд рабочих-революционеров 80-х годов. Среди них было не мало людей, выдававшихся своею развитостью и преданностью революционному делу. Не даром, по словам автора, Г. Лопатин, когда он впервые столкнулся с этими рабочими, настолько был поражен их начитанностью и широтой мысли, что не хотел сперва верить, что перед ним действительные рабочие, а не переодетые интеллигенты.

Сказанного вполне достаточно, чтобы дать представление о том, какой интересный и ценный материал найдут читатели в воспоминаниях В. С. Панкратова. В заключение надо отметить одну неточность, допущенную автором. В одном месте он говорит о «слиянии» и «объединении», произошедшем между «Черным Переделом» и «Народной Волей». Действительно значительная группа черно-передельцев (Стефанович, Буланов и др.) перешла в ряды «Народной Воли», но это не дает еще основания говорить ни о «слиянии», ни об «объединении» этих двух революционных групп.

Б. Козьмин.

Л. Б. КАМЕНЕВ. Между двумя революциями. Сборник статей. 2 изд. «Новая Москва». 1923 г. Стр. 632.

Автор прав, говоря в предисловии к сборнику, что напоминание врагам РКП о солидном стаже большевистской партии (родившейся, примерно лет за 15 до революционных событий 1917 года) является далеко не лишним делом. Впрочем, не только невежественное (по квалификации) автора в социально-политических вопросах русское так называемое «образованное общество», но и дружественная по отношению к нашей партии рабочая молодежь в огромном большинстве случаев не имеет ясного представления о большевистском прошлом,—о тех упорных, полных исторического драматизма, идеологических боях большевистских литературных центров как на внешних фронтах (в борьбе с кадетами, веховцами и пр.), так и внутренних (в драке с меньшевиками, отзовистами и т. д. и т. п.), которые длинной непрерывной цепью тянутся через всю эпоху коренного сдвига царской России с мертвой точки, начиная с канупа революции 1905 г. и кончая ликвидацией старого режима в 1917 г. А между тем без отчетливого понимания исторических предпосылок нашей пролетарской революции трудно быть полным хозяином и в современных вопросах политической ориентировки.

Есть при этом два способа ознакомления с историей партии и революционного движения: один — с помощью очерков, руководств или учебников разного типа, где в известном систематическом порядке сгруппированы и подытожены на основании литературных и исторических источников главнейшие факты, характеризующие классовую природу партии и отображающие красочную эпопею ее длительной борьбы; а другой способ — это путь непосредственного изучения памятников партийной литературы: старых революционных газет, журналов, подпольной нелегальщины или сборников давнишних статей того или иного крупного партийного литератора. Казалось бы, что для рядового читателя предпочтительно иметь дело с книгами первого рода, где все уже систематизировано, подогнано к известным рамкам, где нет лишних слов, скучных повторений, нет хронологических скачков, пробелов, разговоров pro domo sua, нет потерявших, вследствие давности, свою остроту «полемических красот», столь характерных для боевых статей больше-

вика или меньшевика старого времени и т. д. и т. д. Но в пользу источников второго рода можно сказать следующее: во-первых, у нас еще нет ни своих Мерингов, ни таких классических вещей, которые бы напоминали, хотя бы и в отдаленной степени, знаменитую «Историю германской социал-демократии». А во-вторых, любой том Ленинских старых статей, или даже такая, напр., книга, как рецензируемый нами «Сборник» т. Каменева, имеет одно незаменимое преимущество перед надуманной, литературно отшлифованной, обработанной по всем правилам историографического искусства и отнюдь не грешащей субъективизмом—исторической монографией,—это именно преимущество живого «человеческого документа»,—яркого, колоритного, звучащего полной гаммой тех ноток гнева, революционного пафоса, веселого юмора или убийственного сарказма, которые переносят мысль и воображение читателя в отошедшую назад историческую даль с ее специфической обстановкой неугомонных большевистских вылазок и обстрелов вражеских позиций.

Тов. Каменев не новичок в деле идейно-политической борьбы большевиков. Подобранные в сборнике статьи охватывают перипетии этой борьбы за девятилетний период 1906—1914 г.г. Эти статьи не всегда исчерпывающим образом освещают все моменты и все звенья большевистской революционной линии за указанный период (читатель, напр., не найдет в сборнике более или менее значительных откликов на политическую кампанию большевиков в связи с IV съездом, на их полемику с меньшевиками по вопросам аграрной программы, или о «рабочем съезде», идею о котором меньшевики муссировали с необычайным усердием перед Лондонским съездом и т. д.), но, в общем и целом, главнейшие этапы борьбы большевиков на двух основных фронтах — с представителями либерально-буржуазной мысли и с внутри-партийными марксистскими недоносками — представлены достаточно полно.

Начинается сборник с полемики против Плеханова (в статье «Пролетарская гегемония и буржуазная пугливость», напечатанной в 1906 г.). Автор статьи старается быть мягким и сдержанным по отношению к «учителю и вождю русской социал-демократии», над «ясным умом» которого «утопизм узких путей сыграл скверную штуку». Но, несмотря на мягкость тона, статья решительно осуждает позицию Плеханова, ставшего на точку зрения «изоляции реакции» целою тех тактических (и отнюдь не «безтактных») подходов социал-демократии к буржуазии, которые не запугали бы ее красным призраком революции и фактически знаменовали бы признание за ней гегемонии в развертывавшейся революционной борьбе. По этому поводу автор статьи совершенно справедливо замечает, что революционные марксисты считают «самым вредным родом запугивания запугивание социалистов призраком запуганного либерала».

Но Плеханов только задал тон, который тотчас же был подхвачен, усвоен и доведен до своих логических последствий более мелкотравчатыми меньшевиками (Череваниным, Мартовым, Потресовым, Аксельродом и др.), взявшими прямо курс на приспособление своей меньшевистской мысли (и, конечно, тактики) к кадетской политической платформе. Центральным вопросом стал вопрос о том, кто должен быть гегемоном в революционной борьбе, которая приведет к ниспровержению самодержавия,—буржуазия ли (в лице кадетской партии), которая, с точки зрения большевиков, по своей природе, в данной исторической обстановке, и не могла быть сколько-нибудь последовательно революционной, не могла отказаться от своего естественного исторического амплуа предателя интересов демократической революции и лакействующего охранителя «исконных русских начал», т.-е. монархии,—или же пролетариат, ведущий за собой революционно-настроенную крестьянскую массу и отчасти городскую мелкую буржуазию. Около этого центрального вопроса вертелись все главнейшие споры между большевиками и меньшевиками, между прочим, и на двух партийных съездах 1906—1907 г.г., и эти споры отображены в дальнейших статьях сборника, в отделах «Борьба партий в первой русской революции» и

«Уроки 1905 года». Здесь очень красивы и метки статьи, посвященные характеристике политической физиономии кадетского пророка—Милюкова, с его упорным устремлением к тому месту, где происходит дележка министерских портфелей, с его подходом к решению политических вопросов с точки зрения карточного игрока и с его галантными ужимками и расшаркиваниями перед «короной».

Далее, от либералов автор считает для себя «естественным» переход к меньшевикам. За исходную точку своего анализа меньшевистской природы в упадочные годы пореволюционной полосы он берет тот образец «последнего слова» меньшевизма, который нашел себе место в многотомном труде меньшевиков под названием «Общественное движение в России в начале XX века». Главным выразителем меньшевистского profession de foi этого времени явился А. Н. Потресов, который в своей статье «Эволюция общественно-политической мысли в предреволюционную эпоху» никак не может простить пролетариату и руководительнице этого последнего—революционной социал-демократии—их основного «греха»—претензию на гегемонию в ходе русской революции, что, по мнению Потресова, как раз и погубило дело всей революции. С легкой руки Потресова мысль о том, что «общественный переворот не может завершиться до тех пор, пока дальнейшее развитие данного класса (буржуазии) не сделает его движущей силой» (формула Мартова), стала выражением общеменьшевистского credo и, по справедливому замечанию т. Каменева, звучала, как антитеза известному изречению Плеханова, напрашиваясь на такую формулировку: «Русская революция победит, как движение буржуазии, или не победит вовсе». Весь многотомный меньшевистский сборник посвящен развитию этой основной мысли нащупывавшего себе идеологическую базу ликвидаторства, и т. Каменев внимательным осмотром всех остальных литературных перлов меньшевистского творчества (статей Кольцова, Маевского, Егорова, Мартова, Маслова и др.) устанавливает, во-первых, факт полного идейного родства между новой «Искрой» и пятитомным сборником вылупившихся из яйца ликвидаторов, во-вторых,—полный отказ ликвидаторов от старонскровских идей и от традиций Группы Освобождения Труда, и, в-третьих, наконец, неосновательность претензий Мартынова и К-о объявить себя законными наследниками Группы Освобождения Труда.

Следующая группа статей в сборнике т. Каменева под названием «1905 г. и социалисты-революционеры» развертывает картину разложения другой разновидности мелкобуржуазного «демократизма», представленного Черновым и К-о. Зрелище—совершенно аналогичное ликвидаторству меньшевиков: то же оскаливание зубов на революционные «эксцессы» 1905 г., та же тенденция умалить силу и значение революции (не революция, мол, а «духовный переворот», превращение России, благодаря растерянности власти, в народный университет со странствующими лекторами и т. д.), тот же перескок бывших «ярых демократов» к «трезвой» политике либеральной умеренности и аккуратности. Особенно ярок этот дух разложения и упадка сказался в романах Ропшина-Савинкова («Конь бледный» и «То, чего не было»). Подвергая тщательному критическому осмотру роман «То, чего не было», автор приходит к тому заключению, что рукою художника здесь руководило «чувство разочарования и внутреннее ощущение банкротства», и что романиста покинула та вера в движение масс, которая могла бы застраховать его от мистических настроений.

Не все обстояло благополучно и в рядах большевиков, при чем автор сборника для полноты картины большевистских «ошибок» счел нужным привести и свою статью с «промахами незрелой мысли», когда в силу продолжающейся инерции своих революционно-боевых настроений он еще не успел дооценить силы поражения революции в момент 3-июньского переворота и стал звать пролетариат к бойкоту 3 Думы, полемизируя на этот счет с оставшимся в то время в одиночестве—Владимиром Ильичем. Но тов. Каменев быстро изжил тогда свою «детскую болезнь левизны» и скоро пошел нога в ногу вместе с Лениным, в то время как остальные пред-

ставители «левого» фланга большевиков (Богданов, Лядов, Луначарский и др.) не только продолжали стоять на точке зрения «ликвидаторов слева», но и эволюционировали (особенно в области философского самоопределения) так далеко, что ленинцы должны были самым решительным образом сказать: нет, братцы, нам «не по дороге»! (Под таким именно названием фигурирует статья Каменева, с решительным осуждением богостроительских тенденций А. В. Луначарского, который, по словам автора статьи, «незаметно для себя оказался по ту сторону баррикады»). Критикуя общую позицию отзовистов и ультиматистов, автор сборника не забывает уделить минутку внимания А. Богданову не только как представителю антимарксистской философии, но и как популяризатору политической экономии (см. его статью: «А. Богданов и марксизм» с резко отрицательным отзывом о книжке Богданова: «Введение в политическую экономию»).

От ликвидаторства, отзовизма и богостроительства был только один маленький шаг к веховству и культу Столыпинщины. Под общим заголовком «Столыпинщина» дан ряд блестящих статей в сборнике, где автору вполне удалось, на наш взгляд, вскрыть внутреннюю связь между мистикой таких вехистов, как Мережковский, Бердяев и т. п. (а отчасти и богостроителей)—с реальными вожделениями «поумневшего» либерала Струве, делающего уже ставку на Столыпина, как на российского Бисмарка. Разинутая пасть русского империализма над областью, представляющей «весь бассейн Черного моря, т.-е. все европейские и азиатские страны, выходящие к Черному морю», к каковому бассейну многозначительно был направлен указательный палец самого Струве, великолепно гармонировала с воздетыми горе очами господ Мережковских, Бердяевых и прочей поповствующей братии. «Обе эти идеи,—говорит Л. Б. Каменев в статье «Религия и мистика великой России»,—«ставку на сильных» и «Великую Россию»—надо препарировать не как лозунг той или другой группы, народившийся в противоречии с интересами других групп, а поднять их до высоты идеала, до высоты национального дела, подвига и служения, сделать эти идеи *общеобязательными*, не внешним, а внутренним мотивом деятельности; их надо освятить, сделать «религиозными» (стр. 323—324). Такова, действительно, была историческая миссия тех идеологов, которые повели за собою под знаком веховства интеллигентскую толпу, разочаровавшуюся в революции и отпрянувшую от нее при первом же холодном дуновении свирепой реакции.

А тут еще как раз для полноты картины подвернулось дело Азефа. «До сих пор кажется,—отзывается об этом моменте т. Каменев,—что общественное настроение гнусной эпохи ждало лишь гнусной фигуры предателя, чтобы сконцентрироваться вокруг него и около этого дела обнаружить все свои наиболее гнусные стороны» (стр. 342). И даже член думской с.-д. фракции Покровский не удержался от неверного тона, ставши апеллировать к столыпинскому правительству о необходимости для России «правового строя», как гарантии против развала охранки.

Далее идет целый ряд статей, характеризующих взаимоотношение между буржуазией и опорой феодально-монархического режима—дворянством. К сожалению, постановка этого вопроса, к которому мысль автора возвращается много раз по различным поводам (по поводу поднятого меньшевиками шума о «полевении» буржуазии, по поводу ламентаций князя Трубецкого, по поводу радостных надежд Струве и т. д. и т. д.), не отличается такой четкостью, которая удовлетворила бы рядового читателя. И в самом деле, что же, в конце-концов, представляла из себя форма столыпинской контр-революции? Означала ли она предпосылку такой ликвидации старого режима, которая по прусскому образцу будет исходить из момента *взаимоприспособления* романовской монархии и капиталистической буржуазии? (стр. 439). Означала ли «путь развития, выгодный на деле только Пуришкевичам и Гучковым» (стр. 594), или же столыпинщина ознаменовала в конечном итоге *полный* крах надежд торгово-промышленной буржуазии, полный крах ее империа-

листских завоевательных планов (стр. 380), ее расчетов на способность дворянской реакции предотвратить новую волну народного движения? Выражала ли она *односторонее* использование крепостниками одураченных Гучковых, — «попытку монархии приспособить к своим интересам неизбежное развитие новых социальных отношений» и «обращение развивающихся и развиваемых буржуазных отношений пореволюционной России на пользу аграриев?» (стр. 378). Можно ли безоговорочно сказать, что контр-революция, сломившая восстание пролетариата и крестьянства, затем «пинком ноги прогнала из своих передних, допущенных туда в тяжелый момент, либералов?» (стр. 545—546). В какой мере все это мирится с указанием на крепкие узы и взаимную связь в деле эксплоатации рабочих—«Дворца и Биржи», «Охранки и Думы» и т. д.? (стр. 563).

Как бы то ни было, но здесь была бы особенно уместна пояснительная статья тов. Каменева, которая подытожила бы все эти мысли с учетом (хотя бы post factum) и позднейших событий периода войны, когда оказалось, что российское самодержавие, несмотря на всю свою «самодовлеющую» силу развития, в конечном счете выполняет все-таки (правда, в качестве очень скверного орудия) веления именно крупного капитала, работает под диктовку именно г.г. Милюковых, Маклаковых, Львовых и К-о.

Возвращаясь еще раз к вопросу о ликвидаторах в связи с новой полосой революционного подъема рабочих масс, автор сборника успевает снова развернуть картину дряблости, хвостизма (шествия даже не в хвосте пролетариата, как это было с «экономистами» в до-искровский период, а в хвосте у либерализма), оторванности от рабочих масс, прожектерства («петиционные кампании»), злобных наскоков на революционную часть социал-демократии и т. д. и т. д. Чтобы понять природу нынешних зарубежных Либерданов, необходимо внимательно всмотреться в реакционную физиономию ликвидаторства эпохи 1908—1914 г.г., а делу этого знакомства книга т. Каменева может оказать неоценимые услуги.

Не бесполезно, может-быть, указать и на некоторые (правда, несущественные) недостатки книги. Иногда приходится пожалеть, что в погоне за тематическим распределением материала автор упускает из виду группировку его по хронологическому признаку. Напр., на стр. 390—397 идет речь о студенческом движении, начавшемся в конце 1911 г. Через полтораста страниц, в связи с новой группой вопросов, в статье «Стычки на аванпостах» снова заходит речь о том же студенческом движении. Взгляд на отношение буржуазных «отцов» к «детям» не совсем идентичен в этих двух статьях. В первой из них оттеняется несочувственное отношение либералов к студенческому движению (в виде иллюстрации этого приводятся пахучие выдержки из речи Маклакова), во второй же статье в большой уже степени говорится о духовном родстве буржуазных «отцов и детей» (даже «Вестник Европы» отказывается произносить над студентами приговоры, а московские «отцы»-миллионеры готовы выдать «детям» свидетельство о их «чуткости» к вопросам «правды и права»). Помещение этих статей рядом с соответствующим пояснительным примечанием могло бы устранить впечатление некоторой, бросающейся на первый взгляд, несогласованности их исходных точек.

Среди статей попадаются и такие, которые целиком повторяют раньше уже высказанные взгляды. Напр., статья «Либерализм и демократия перед лицом новой революции» (стр. 565 и след.) ничего не дает нового по сравнению с тем, что читатель найдет на стр. 399—400 (о трех лагерях) и в статье «Частичные требования и революционная борьба» (о «свободе коалиций»).

С чисто техническо-издательской точки зрения книга тоже оставляет желать много лучшего. Бумага серая. Не мало опечаток. Напр., на стр. 605 сразу бросается в глаза несколько опечаток: в примечаниях иногда указаны неверные даты выхода в свет источника, откуда взята данная статья (напр., на стр. 386 «Звезда» отнесена к 1914 г. (?); на стр. 582 имеется ссылка на «Просвещение», № 10, ноябрь 1916 г. (?) и т. д.). Особенно досадное впечатление производит фраза в первой строчке на стр. 466, где ставится знак равенства между политикой

английских тред-юнионов и политикой Ленина (очевидная опечатка!).

Но само собою разумеется, что все эти минусы представляют совершеннейшую мелочь по сравнению с теми огромными достоинствами сборника статей т. Каменева, которые позволяют нам рекомендовать эту книгу читателям (и в первую голову вузовской и рабочей молодежи), как очень поучительный источник для знакомства с историей большевистских идей в период между двумя революциями.

П. Лепешинский.

ИЗ ЭПОХИ «ЗВЕЗДЫ» и «ПРАВДЫ». 1911—1914. Выпуск III. Истпарт. Государственное Издательство. Москва—Ленинград. 1924 г. Стр. 291.

В этой книге, выпущенной редакцией Истпарта, помещены статьи т.т. Н. Батурина, Н. Крестинского, М. Савельева, А. Рябинина и А. И. Елизаровой о возникновении и редакционной работе наших легальных партийных органов печати: газет «Звезда», «Правда», журналов «Мысль», «Просвещение», «Работница». Все эти газеты и журналы начали возникать в 1910 году на почве подъема рабочего движения, и с 1912 года использовывание легальных возможностей происходило вплоть до начала войны в 1914 году. Война за «вечный мир и демократию» убила в июле 1914 г. прежде всего нашу легальную печать. О работе в этих органах нашей партии и около них в сборнике имеется много ценных материалов. Среди документов есть письма В. И. Ленина, Н. К. Крупской из-за границы, а также письма к ним, дающие отрывки из той идейной и организационной связи, которая существовала между организацией в России и заграничной частью Центрального Комитета.

Статьи т.т. В. Залежского, М. Хатаевича и Ф. Сенюшкина, вскрывают то огромное значение нашей печати, которое она имела и для далеких промышленных местечек нашей страны, помогая делу организации передовых рабочих в нашу партию.

Статьи т.т. В. Максакова и К. Хохлова говорят о попытке московских товарищей использовать «легальные возможности» и создать в самой Москве рабочую газету «Наш Путь». Написаны они просто, а вторая особенно картинно рисует охранительные нравы московской полиции.

Кроме статей, сборник имеет восемь приложений различных копий писем, документов и материалов, изъятых из дел Охранных отделений. Все эти материалы являются прекрасным дополнением к статьям, открывая перед читателем различные стороны внутри-партийной жизни, борьбу различных направлений против нашей партии и вражескую оценку значения печати в руках нашего подполья.

Есть маленькая неточность в статье Н. Н. Крестинского: Г. И. Бокий не был членом Бюро Центрального Комитета ни до февральской революции, ни после.

Мало материала в этом сборнике об одной из важнейших сторон жизни нашей печати —это об ее распространении и связи с массами. Сила нашей газеты заключалась в ее близости к рабочей массе, этот момент мало затронут статьями сборника. Можно надеяться, что еще многие из тех сотен бескорыстных пролетариев, распространителей газет и журналов по фабрикам и заводам, живы, и «Истпарт» сумеет привлечь их к освещению этой части из жизни печати.

Издан сборник хорошо, набор отчетливый, бумага хорошая. Имеется несколько иллюстраций и портретов. Для всех, интересующихся историей нашей печати, сборник является ценным документом.

А. Шляпников.

Д. БАЕВСКИЙ. История рабочей печати в России. (Пособие по истории РКП.) Выпуск первый. Изд. Коммунистич. Ун-та Я. М. Свердлова. М. 1923 г. Стр. 304, III

В предисловии к этой книге такой ветеран движения, как М. Н. Лядов, совершенно правильно говорит, что, несмотря на отдельные дефекты, книга тов. Баевского имеет свою ценность.

Признавая полезность работы т. Баевского, укажем некоторые ее дефекты. Прежде всего т. Баевским пропущено такое интересное издание, как «Зерно» чернопередельцев. В то время, как «Черный Передел» являлся теоретическим органом чернопередельцев, специально для рабочих издавался листок «Зерно»; он так и назывался «Зерно. Рабочий листок» (см. об этом в наших «Очерках по истории РКП», также у Русанова «Из моих воспоминаний», ч. I).

Как бы не расценивать это издание (по словам Русанова, Плеханов называл его «не прозябшим» Зерном), в нем впервые в популярной форме народники попытались изложить теорию прибавочной стоимости для рабочих [1]).

Но экземпляры «Зерна» очень большая редкость и, пожалуй, т. Баевского не особенно приходится винить за неупоминание этого органа. Зато очень странной кажется ссылка т. Баевского по поводу «Рабочего Сборника» 1894 г. на... Спиридовича, когда текст «Рабочего Сборника» опубликован нами в «Красной Летописи» (№ 4, 1922 г., стр. 339). К чему было передавать содержание издания словами жандарма, когда напечатан сам первоисточник.

Говоря об изданиях «группы народовольцев», тов. Баевский пропустил такое интересное издание, как «Братцы-товарищи!» Ив. Ив. Кайзера (см. об этом «Историко - революционный сборник» под ред. В. И. Невского, стр. 98).

О московских изданиях времен С. И. Мицкевича и М. Н. Лядова в первой половине 90-х годов тоже ничего не говорится, а между тем и С. И. Мицкевич, и М. Н. Лядов о них говорят в своих работах. Здесь, коль уж зашла речь об изданиях москвичей, необходимо сказать, что соц.-демократические издания для рабочих были известны в Москве еще в первой половине 80-х годов. Соц.-демократический кружок, существовавший в Москве еще в 1884 году, издал в числе прочей марксистской литературы («Манифест» Маркса и др.), напр., такую интересную брошюру, как «Что такое заработная плата и как она определяется» с двумя приложениями (одно из Энгельса, а другое из «Капитала» Маркса). Но это издание, как и сам кружок, положим, подлежит еще изучению и потому незнание его в вину т. Баевскому ставить не будем. Зато уж изобретения новых не существовавших рабочих органов, как это делает т. Баевский — делать не следует. (А т. Лядов, повидимому, это обстоятельство просто проглядел!) На стр. 73 у тов. Баевского красуется листок «Борьба», будто бы издававшийся в Петербурге рабочими в 1897—1898 году. Это—творимая легенда, тов. Баевский. В заблуждение вас ввела рецензия В. Засулич, которая сама была введена в заблуждение одним досадным обстоятельством, часто случающимся при пересылке нелегальной литературы.

Обстоятельство это вот какое. Петербургские экономисты, пересылая второй номер своей «Рабочей Мысли» за границу группе «Освобождение Труда» для отзыва, разделили номер пополам: одну часть номера с заголовком газеты послали одной почтой, а другую часть, где заключались корреспонденции с мест и которая начиналась статьей, носившей заголовок «Борьба», послали другой почтой. В. И. Засулич, получивши эти части одного и того же номера одной и той же газеты, приняла их за разные газеты и дала свою рецензию. Что это, действительно, так и было, видно из заметки, напечатанной на четвертой странице третьего номера «Рабочей Мысли»: «К сведению В. И. Засулич».—«В апрельском номере «Листка Работника» помещена рецензия Веры Ивановны Засулич на 2 номер «Рабочей Мысли» и на издающуюся в Петербурге газету «Борьба». Мы сначала удивились, что из заграничного листка приходится читать впервые об издающейся у нас газете, и еще сильнее всего стало наше удивление, когда оказалось, что все, чем Вера Ивановна восхищалась в «Борьбе», целиком взято из «Рабочей Мысли». Ларчик открывался просто: 2 номер «Р. М.» состоял из $2^1/_2$ листов; на первом листе были помещены две статьи, а со второго листа начиналась новая под заглавием: «Борьба»; эту статью и все последующие Вера

[1]) К сведению т. Баевского сообщаем, что скоро выйдет полный текст «Зерна» в нашем издании.

Ивановна и приняла за особую газету». Тов. Баевский, никогда, повидимому, не видавший выдуманной им «Борьбы», глубокомысленно прибавляет: «Во всяком случае она не имеет ничего общего с выступившей в 1901 году за границей группой «Борьба», работавшей до 1901 г. внутри группы «Искра» (стр. 73).

Еще бы найти что-нибудь общее между заграничной группой «Борьба» Стеклова и Рязанова и никогда не существовавшей русской газетой.

Впрочем, это просто курьез, проистекший от того, что ни т. Баевский, ни т. Лядов просто не знают содержания «Рабочей Мысли» и повторяют ошибку В. И. Засулич.

Есть, без сомнения, и еще много пропусков у т. Баевского; так, напр., не упомянут ни словом «Русский Рабочий», изд. союза русских соц.-революц. за границей, носивший форму журнала и издававшийся в Лондоне в 1895 году. Пропусков этих тем больше, чем дальше подвигаемся мы во времени к 1905 году. Печать этого периода (множество легальных, нелегальных газет и изданий) почти что совершенно и не затронута автором. Автор совершенно не разработал, напр., такого важного отдела, как легальная печать эпохи первой русской революции. Это и понятно—такая работа потребовала бы колоссального труда в архивах и библиотеках столиц и провинции. Автор книги, положим, и не претендует на это.

Задача его—«история партии по рабочей печати».

Можно спорить против такой постановки вопроса,—дать историю партии по рабочей печати—можно ли дать такую историю и что из этого выйдет, но это уж другое дело, а сейчас, судя по тому опыту, какой мы имеем, т. Баевский не дал такой истории. Причина ясна: он не проделал той предварительной работы, какую нужно еще проделать в области истории самой рабочей печати. Эта печать еще не изучена, многие издания, особенно легальные, покоятся на полках архивов и библиотек и рука исследователя еще не касалась их.

Вот за эту работу приняться мы и желаем т. Баевскому, а пока необходимо исправить и дополнить его книжку, которая все же не бесполезна для занимающихся историей партии.

В. Невский.

Н. В. КРЫЛЕНКО. За пять лет. 1918—1922. Обвинительные речи. ГИЗ. Москва—Петроград. 1923. Стр. 525.

Госиздату пришла счастливая мысль—сохранить для историков и читателей живые данные о практике революционного суда за первые пять лет революции. Чрезвычайно подходящей формой для осуществления этого намерения явилось издание речей одного из наиболее выдающихся деятелей советской юстиции. Как и во всех изданиях этого рода, каждой речи предшествует краткое описание соответствующего судебного дела, и заключает ее изложение приговора, а в нужных случаях и относящегося к делу постановления Президиума ВЦИК.

Речи Н. В. Крыленко в значительной мере представляют иллюстрацию ряда принципов советского права, в настоящее время усвоенных не только официальной доктриной, но и подавляющим большинством научных исследований. Важнейшим из этих принципов следует признать неограниченное господство революционной целесообразности не только в нормах права, но и над ними. Советскому праву органически чужд принцип верховенства права, его самодовлеемости, господствующий не только в классических теориях буржуазного индивидуализма на континенте, но и в англо-саксонской юриспруденции (Херн, Дайси). За последнее десятилетие, впрочем, даже в Англии и Америке окрепли течения, подчиняющие право его социальной функции, иными словами цели. Для нас любопытно, что течения эти в большинстве случаев интимно связаны с системами гильдейского социализма (Стирлинг Тэйлор, Броун, Тоуней), нередко претендующими на родство с социализмом советским. Гильдейские идеологи, однако, с ужасом отшатнутся от той резкой постановки вопроса, какую мы видим в деятельности советской юстиции эпохи военного коммунизма. Суд

был,—пишет Н. В. Крыленко,—одновременно и творцом права и орудием политики (1). Еще ярче подчеркивает он ту же мысль в другом месте: «Трибунал—это не тот суд, в котором должны возродиться юридические тонкости и хитросплетения. Трибунал—орудие политической борьбы, направленное против контр-революции и против всяких контрреволюционных выступлений. В Трибунале мы создаем новое право... и новые этические нормы («речь по делу «Русских Ведомостей»—22). Отсюда вытекает трудность — понять мотивы того или ипого приговора вне политической обстановки момента. Сотрудник ВЧК, Косырев, по существу весьма мелкая личность, приговорен к расстрелу за вымогательство у гражданки Мещерской—одно из многочисленных характерных для 1919—1920 г.г. дел, кончившихся в огромном большинстве случаев значительно более мягкими приговорами. А виднейшие деятели огромной контрреволюционной организации Тактического Центра, люди со всероссийской известностью, Д. М. Щепкин, С. М. Леонтьев, С. П. Мельгунов и С. Е. Трубецкой, приговорены к десятилетнему тюремному заключению, в условиях 1920—1921 г. г. являвшемуся фикцией. Теперь уже нет сомнения, что мягкость приговора по делу Тактического Центра была одним из фактов, отпластовавших и привлекших в Советский лагерь значительные слои антисоветской интеллигенции и морально расшатавших широчайшие круги «непримиримых».

В свете той же революционной целесообразности становится понятным чуждое европейскому правосознанию вмешательство в деятельность суда верховного органа страны, Президиума ВЦИК. Европейские конституции не отрицают, правда, за верховной властью права смягчения судебной кары, но уж никак не допускают ее усиления. Между тем Президиум ВЦИК проявил свою деятельность в обоих направлениях и при том весьма энергично. По процессу эс-эров части обвиняемых расстрел был заменен лишением свободы, часть же вовсе была освобождена от наказания. Интереснейшее парафинновое дело кончилось тем, что ВЦИК не только отменил приговор, но и аннулировал все производство. Зато по делу финских коммунистов ВЦИК, вопреки постановлению суда, определил не применять к осужденным амнистии, а по делу трех следователей повысил определенное судом наказание с 6 месяцев до 10 лет тюремного заключения. Эта практика лишний раз свидетельствует в пользу общепризнанной в советской литературе теории, отрицающей для нашего строя доктрину разделения властей. Автор примыкает, разумеется, к той же теории, и вообще является горячим сторонником советской судебной системы, что не мешает ему признавать некоторые достоинства и за уставами 1864 г. «Если в старом царском суде было что-нибудь хорошее, чему мы могли доверять, так это только суд присяжных» (522).

Со стороны формы, речи Н. В. Крыленко представляют, строго говоря, смешение двух родов красноречия: судебного и политического. Между тем приемы того и другого, соответственно природе предмета, не могут не быть различны. Как бы высоко в область принципов не забирался судебный оратор, он все же прикован к определенному конкретному факту, волей-неволей концентрирующему его внимание. Именно в этом факте—центр тяжести: общие предпосылки—средство для достижения цели в данном определенном случае. Политический оратор, наоборот, видит в каждом отдельном факте повод для проверки общих своих принципов, средство для достижения более широких целей, которым данное дело должно служить (ср. речь Бисмарка о страховании рабочих по законопроекту 8 марта 1881 г., речь Ленина о продналоге и др.). Очень трудно совместить те и другие приемы без ущерба для результата. Н. В. Крыленко, выступавший, главным образом, в эпоху полного почти отсутствия писанного уголовного права и господства «социалистического правосознания», поневоле должен был искать опоры исключительно в общеполитических принципах и целях; их чрезмерная широта засасывала живые особенности каждого дела в отдельности. Отсюда близкие к ляпсусам попытки обосновать виновность следователя Лейста на по-

литической дряблости его отца, профессора в эпоху Кассо (499), или, наоборот, невиновность руководителей Главтопа в развале этого учреждения (382), в противность дальнейшим утверждениям самого обвинителя (384—5). Той же причиной вызваны, повидимому, структурные несовершенства некоторых речей, их недостаточная компактность и неотчетливость плана. Почти не чувствуется этих недостатков в оригинально задуманной, сжатой и яркой речи по делу провокатора Малиновского.

Нельзя обойти молчанием небрежность редакции речей. Многие места, гладко проходящие в живом слове, на письме неприятно поражают глаз: «Главной сущностью нашей работы есть стремление...» (82); «врагом, не выявившим еще свое жало и свои острые когти» (84); «Старшего инспектора РКИ, проявившего личные цели мести» (431) и др. Есть фактические неправильности: Мейеровиц не Эстонский, а Латвийский министр; наоборот, Пийп—Эстонский (225).

Все эти дефекты не умаляют, разумеется, значения книги Н. В. Крыленко, как одного из ценнейших сборников материалов пореволюционной истории Советского суда и правосознания.

И. Ильинский.

Р. АРСКИЙ. Крестьянский вопрос в Польше. М. 1923 г. Стр. 66.

Небольшая по размерам брошюра Арского дает отчетливое и ясное представление о крестьянском вопросе в Польше, неразрешимость которого в рамках буржуазного государства становится совершенно очевидной. Современная Польша представляет собой конгломерат территорий, из которых каждая имеет присущий только ей экономический вид. В любой из составных частей Польской республики земельные отношения имеют свои специфические особенности, которые создавались и развивались благодаря тому, что польские территории в течение 150 лет были обособлены одни от других и жили в совершенно различных политических и экономических условиях. Быв. Русская Польша, восточные окраины, присоединенные к Польше по Рижскому договору, Галиция, б. провинция Пруссии по своей хозяйственной структуре совершенно непохожи одни на другие. Располагая большим фактическим материалом, автор брошюры нарисовал ясно и отчетливо хозяйственное положение каждой из областей в данное время. Западная Пруссия и Познань, по справедливой характеристике Арского, являются районами с преобладанием сельского хозяйства, при чем и помещиками, и крестьянами ведется достаточно интенсивное сельское хозяйство. Верхняя Силезия, вторая часть б. прусских провинций, представляет собой высоко развитой промышленный район. Галиция, несмотря на наличие естественных богатств, остается земледельческой страной по преимуществу с преобладанием крупного помещичьего землевладения и карликовыми крестьянскими наделами. На территории б. русской Польши промышленность и сельское хозяйство менее развиты, чем в Пруссии, но по сравнению с Галицией далеко ушли вперед. Наконец, присоединенные к Польше украинско-белорусские земли и захваченная поляками Виленщина являются чисто сельско-хозяйственными районами с преобладанием весьма интенсивного крупно-землевладельческого сельского хозяйства, что поставило местное крестьянство в полную от помещичьего землевладения экономическую зависимость. Состояние хозяйственного развития той или другой части Польши при наличии большей или меньшей плотности является источником величайших экономических затруднений современной буржуазной Польши. Так, территория б. русской Польши, особенно пострадавшая от войны, нуждается в привозном хлебе, недостаток которого создает очень тяжелые жизненные условия для городского населения. Известная часть необходимых продовольственных запасов может быть восполнена продовольственными рессурсами украино-литовско-белорусских земель, владение которыми для Польши является жизненной необходимостью. Значительная часть галицийского крестьянства также не могла прокормить себя в довоенное

время, вследствие чего была очень значительна эмиграция из восточной Галиции. Сельское хозяйство очень пострадало от войны в районе военных действий. Общий упадок сельского хозяйства, тем не менее, не помешал наиболее богатым группам крестьянства разбогатеть еще более за счет войны, и дал возможность им прикупить себе некоторое количество земли. Большая же часть польского крестьянства страдала от малоземелья или безземелья. Это заставляло крестьян искать работы на стороне. Обыкновенно крестьяне шли на работу к своему помещику, который, располагая определенным количеством дешевых батраков, мог поддерживать свое более или менее интенсивное хозяйство. Общие условия жизни польского населения в Польше, голодовки и недоедание заставили даже буржуазные партии обратить свое внимание на положение крестьянства в Польше. Они были согласны передать в руки крестьянства часть помещичьих земель, полученную от принудительного выкупа помещичьих имений сверх определенных размеров. Совершенно ясно, что малоземельному крестьянству, не имевшему никаких свободных средств, такое разрешение аграрного вопроса ничего бы не дало. Бедные крестьяне, безземельные и малоземельные, по старому оставались бы батраками своих помещиков. Автор брошюры совершенно прав в своем утверждении, что буржуазными методами разрешить в Польше крестьянский вопрос фактически не представляется возможным. Только социальная революция дает ему правильное, отвечающее интересам крестьянства разрешение. Всякие переделы земель на другой день после социальной революции Арский считает опасными, могущими вызвать страшно обостренную гражданскую войну. Частное землевладение крестьян и мелкой шляхты должно быть сохранено. Сельско-хозяйственные помещичьи фабрики должны быть национализированы и находиться в руках государственных органов или местных земельных единиц, сохраняя свои крупные размеры и все преимущества крупного хозяйства. Земельная рента будет отнята у помещиков и будет передана в руки государства. Положение батраков, как государственных рабочих, радикально изменится. Предлагая такое разрешение аграрного вопроса, Арский совершенно прав в своем утверждении, что последний не может быть разрешен в Польше так, как он разрешился в Советской России, где условия сельско-хозяйственного развития совершенно иные, чем в Польше.

В. Пичета.

С. ПОЗНЕР. Дела и дни Петрограда. 1917 — 1921. Воспоминания-размышления. Берлин. 1923. Стр. 63.

Воспоминания С. Познера все больше к еде относятся, а размышления никуда не годятся. В центре его внимания стоят те житейские неудобства и лишения, которые испытывали жители Петрограда—да и не одного Петрограда—в описываемое им время. И потом—разные случаи и анекдоты. Кстати, один анекдот о попугае, исполнявшем царский гимн и попавшем в ЧК, мы уже читали в рассказе Лидина. Политическая схема С. Познера такова. Никогда в Петрограде не было так приятно и очаровательно-весело жить, как в первые дни после февральской революции. Но потом на сцену выступили жители окраин, солдаты с фронта — и все испортилось. Те, которые говорили о необходимости борьбы с анархией, сами были заражены ядом пассивности, отрицания общественной борьбы. «А власть есть власть—организованное принуждение в интересах целого. Готовность служить целому была большая, но способность принуждения отсутствовала, и власть валялась без призора, без хозяина, никем не ощущаемая, пока не пришли добрые молодцы и не подобрали ее». Подобравши власть, «добрые молодцы» вынули из портфелей свои нехитрые чертежи и стали перестраивать по ним Россию. Изливая свое неудовольствие по адресу «добрых молодцов», С. Познер обнаруживает полное неумение или нежелание считаться с классовой структурой общества; все время он говорит о «Петрограде»: «Петроград ждал», «Петроград надеялся», «Петроград проклинал»

и пр., тупо отождествляя буржуазную интеллигенцию и полуинтеллигенцию, т.-е. лишь часть населения города, со всем городом. Иногда это выходит особенно выразительно, напр., когда описывается, как «Петроград молился в церквах, погружался в мистику на теософских собраниях, кружил столики на спиритических сеансах,—из снобизма, от которого не отучили даже годы страданий, из склонности следовать моде, которая сохранила свое обаяние, а больше всего с горя...» Итак, в склонности к снобизму, к моде, в увлечении теософскими бреднями повинен весь Петроград, а не один только узкий, излюбленный автором круг! Недурно тоже выходит, как «Петроград страстно ждал избавителей», т.-е. какого-нибудь Юденича или кого другого в этом роде. Любопытно, что автор все-таки отмечает, как ожидавшие разочаровались в «избавителях». «Со всех концов, где недавно еще велись бои, приезжали люди. Их обступали и расспрашивали. Ведь они побывали «там», где «этой власти не было, где хозяйничали те, которых Петроград так мучительно нетерпеливо ждал, о приходе которых воссылал страстные мольбы небу. Слушал долгие рассказы и не верил рассказчику, не верил сначала ушам своим. Не может быть, чтобы это рассказывали про «них», чтобы «они» выказали такой эгоизм, жестокость, слепоту. Но не верить нельзя было: слишком единодушны были все рассказы, единодушны все отзывы. А Петроград-то рисовал картины справедливого и мудрого строя. Чем тяжелее становилась жизнь, чем назойливее приставала к нему власть со своими декретами и предписаниями, тем больше разукрашивала его фантазия всевозможными добродетелями «тех»—грядущих, с таким нетерпением ожидаемых освободителей. И эта мечта развеялась. Час горького отрезвления пробил». В конце-концов, «Петроград», в изображении С. Познера, сказал себе: «Ни той, ни этой власти» и, погрузившись в чисто личный мирок, оценил великое значение труда и стал скопидомом и практиком, стремящимся «своими руками выковать счастье детей и внуков». С этой целью он подбирал на улице всякую валяющуюся дрянь, мастерил сам все, что нужно в домашнем обиходе, вместо чулок носил портянки и пр. Что это за выход, создаваемый на базе портянок и поднимаемых на улице бечевок—понять трудно.

В общем — чрезвычайно поверхностная и обывательская книжка Познера не украсила эмигрантской литературы. В ней нет стремления глубже осмыслить события, хотя бы и с контр-революционной точки зрения, вместо того только брюзжанье и болтовня.

М. Клевенский.

И. ТЕПЕР. Махно. Изд. «Молодой Рабочий». 1924 г. Стр. 121.

После октябрьских дней анархистская теория «безвластного общества» жадно искала себе практического применения. Мечты о «третьей революции», долженствовавшей прийти на смену диктатуре рабочего класса, сделались доминирующими в анархистской среде. Известная организация «Набатовцев» именно с этой целью и поставила свою ставку на махновщину, как выражение «общенародного восстания», по пути к «безвластному советскому строю». Махновщина, движение кулацких слоев против Советской диктатуры, свои глубочайшие корни имеет в социально-экономической структуре украинского крестьянства. Махновщина на Украине—в той или иной форме, в тех или иных размерах—исторически была также неизбежна, как неизбежно было восстание рабочего класса против буржуазной диктатуры. Махновщина—это не просто уголовщина, это не только бандитизм (эти черты—лишь отдельные элементы целого)—махновщина представляет собою чрезвычайно сложное и характерное и, может-быть, лишь наиболее законченное социальное явление, которое в разных степенях давало себя непрестанно чувствовать на всей нашей огромной территории советского плацдарма, охваченного пламенем гражданских битв. «Набат» пытался движение это использовать в своих целях и через махновщину положить начало и прийти к организации

того самого «безвластного советского строя», который был его ближайшим практическим идеалом и целью.

Автор книжки, Тепер, сам бывший анархист и активный участник этой бесславной эпопеи, и показывает нам этап за этапом всю историю «набатовства» во взаимоотношениях его с махновщиной. Получается убийственная картина:

«Набат» одержим идеей «третьей революции»; эту «третью революцию» осуществляет фактически махновщина, и с нею «Набат» идет на объединения, соглашения, входит в нее с головой, одухотворяя, воодушевляя, наконец, возглавляет ее как орган политического руководства, а во главе РВС махновской армии ставит своего члена, Волина. Но практика, борьба—всегда остается борьбою и неизбежно требует определенных организационных форм—эти формы борьбы заставили анархистов отказаться от коренной своей идеи «безвластия» и приняли на себя диктаторские функции. Борьба за «безвластный советский строй» ведет к борьбе не только против царских генералов, но и против красных советских войск, и часто, по логике вещей,—рука об руку именно с этими белыми генералами, расчищая им путь, облегчая борьбу. Махновщина в практике своей приемлет и осуществляет еврейские погромы—и «Набат», как бы теоретически не отвергал их, на деле неизбежно являлся их соучастником и вдохновителем. Так, практика борьбы херила все иллюзии и приводила на деле махновщину и «Набатчину» к погромно-кулацкому и, по существу, черносотенному движению. Сам Махно (были такие периоды!) весьма сочувственно относился к большевикам, боролся против белогвардейщины, расстреливал генеральских делегатов, являвшихся к нему для переговоров, выступал против погромов, но практика, живая конкретная борьба,—увлекала совсем в другую сторону и давала совершенно противоположные результаты. Автор не касается в своей работе чисто военной стороны дела—центр тяжести направлен в сторону анализа экономических и социально-политических причин махновщины. И эта задача им выполнена добросовестно и удачно. Книжка может послужить источником для более тщательных и разносторонних работ, где будет охвачена эта полоса гражданской войны во всей ее совокупности, во всем многообразии.

Дм. Фурманов.

А. Р. ВИЛЬЯМС. Очерки русской революции. Гос. Изд. 1924 г. Стр. 202. Пер. с английского.

Книга Вильямса заслуживает внимания всякого интересующегося русской революцией. Вильямс наблюдал и принимал участие в самых интересных моментах русской революции, он близко видел Петроград и провинцию, пересек летом 18 года Сибирь, был во Владивостоке в момент первой интервенции и падения там Советов.

Работа Вильямса не ученый труд, не историческая работа—это записки очевидца. Записки, предназначенные, прежде всего и главным образом, для иностранного читателя—их задача не столько записать виденное, сколько передать общий облик русской революции, выяснить характер, выявить отличительные, типичные черты великой революции, объяснить ее тем, кто за рубежом пытался и хотел понять и узнать революционную Россию. Среди моря клеветы, распространявшейся буржуазией всех рангов и калибров, проникнутая революционным пафосом книга Вильямса должна была сыграть свою роль.

Для русского читателя она интересна не только, как книга, дающая новый исторический материал,—в этом отношении в ней есть замечательно интересные и ценные страницы,—но и как попытка восстановить общий облик революции 1917—1918 г.г.

Историк с громадным интересом прочтет описание юнкерского восстания в октябрьские дни в Ленинграде. Вильямс был, как американский корреспондент, среди восставших, он наблюдал приемы их борьбы, видел участие французских и английских офицеров в юнкерском восстании. Вильямс замечательно описывает великолепную сцену, необыкновенно красочную и яркую—борьбу бывшего плен-

ника юнкеров т. Антонова за жизнь юнкеров после поражения восстания. Эти страницы книги Вильямса должны войти в хрестоматии, до того они ярки и сильны. Другим местом, интересным для историков, является описание путешествия Вильямса через Сибирь, и деятельность Владивостокского Совета. Немного строк, но строк, врезающихся в память, посвящает Вильямс погибшим деятелям Владивостокского Совета т.т. Н. Суханову и Мельникову.

Вся книга, несмотря местами на ее некоторую растянутость, читается с неослабным интересом. Рядом фактов, на ряде сцен воспроизводит т. Вильямс глубокий, мировой размах русской революции, вскрывает ее социальную сущность, два мира—мир поднявшегося пролетариата, несущего новый мир в своих руках, и мир разбитой, отброшенной от власти, бегущей за границу буржуазии воспроизведены Вильямсом ярко и образно.

Публицистический характер книги заставлял Вильямса говорить о некоторых фактах на основании газетных сведений, этим объясняется несколько, не меняющих общего характера книги ошибок. Редакторы Госиздата, даже не будучи специалистами-историками, могли легко поправить их, так, например, ген. Краснов после своей сдачи очутился не на Урале, как сказано на 102 стр., а на Дону; Духонин был взят не из кареты, стр. 101, а из вагона и т. п. Переведена книга литературно, хотя в подлиннике и сказано «Альберт Райс Вильямс», а не «Рис» как значится в русском тексте. Книга Вильямса не уступает по интересу книге Джона Рида, значительно дополняя ее не вошедшими в книгу Рида фактами. Как и книга Дж. Рида, она передает пламенный пафос русской пролетарской революции и читается с огромным интересом.

С. Пионтковский.

ЛАРИСА РЕЙСНЕР. Фронт 1918—1919 г. Изд. «Красная Новь». Москва. Стр. 130. Цена 80 коп.

В рецензиях на эту книжку, которые нам пришлось просматривать, указывалось, что «Фронт» Ларисы Рейснер, недостаточно яркий с идеологической стороны и написанный с чисто интеллигентской психологией, имеет большие художественные достоинства.

Эти слишком общие суждения не дают читателю ясного представления о данной работе, несомненно, заслуживающей внимания.

«Фронт» Рейснер—не роман, не повесть, не рассказ. Это ряд очерков, личных воспоминаний, страниц из дневника, запечатлевших необычайные картины из гражданской войны под Казанью, Свияжском, Сарапулем, Астраханью, Баку и Энзели.

Это не строго беллетристическое произведение. Рядом с четкими контурами и яркими картинами торчит публицистика, хотя временами она и прикрыта выхоленной литературной формой.

Г. В. Плеханов в одной из своих статей указывал, что произведение можно признать художественным, когда оно с большей полнотой отражает современность, действительность. С таким требованием к «Фронту» подходить совершенно нельзя. Лариса Рейснер видела грандиозные картины, потрясающие человека даже по сухим газетным телеграммам и заметкам, но дала она отрывочные миниатюры, иногда однообразные, почти до тождества, между собою художественно не связанные, не объединенные и даже однотипно построенные и однообразно выполненные. Она проделала великий путь от Казани до Энзели и была в этом пути не простым зрителем, наблюдателем, а активным сподвижником наших славных боевых товарищей, совершивших этот путь между жизнью и смертью,—можно было ожидать большого полотна, может-быть, и не вполне совершенного, но более или менее полно и фактически, и психологически, и идеологически освещающего данный момент гражданской войны. Получили же мы странички из дневника, силуэты и контуры из дорожного альбома

художника, спешно зарисовывающего мелькающие перед ним картины природы, быта и отдельные характерные лица.

С этой точки зрения книжка Рейснер не законченное художественное произведение, а ряд набросков, этюдов, которые автор должен продумать, выносить, как принято говорить, чтобы получилось что-либо цельное и художественно ценное, а не то схематичное, что представляет «Фронт». Литературный холеный язык, временами с дозой, хотя и небольшой, искусственного пафоса, принимать за художественность в высоком смысле, конечно, нельзя.

Об отдельных этюдах. Написаны они самоуверенной, твердой рукой, но не без примеси старинки. Пример. Раз поле битвы, то тут неизменно и ворон.

«Опускаясь к воде хищным движением, которым прежде он опускался на плечи могильного креста или перекладину эшафота, расправив острые когти, попиравшие в древности мудрейшие книги магов—ворон бьет грудью зеркало вод.

Чайки плачут и смеются, опьяненные своим неустанным полетом, как на воздушных качелях, с безумной скоростью падают и подымаются их ангельские крылья. А он тяжело бьется среди них, и налитыми очами ищет неба, высоты и дали.

— Никогда,—кричит ворон,—никогда—и удаляется, отягченный, как совесть».

— «А река, добрый лодочник Вечности, переправляет их через черный Стикс и покидает на далеких отмелях.

— И когда их утром находят, и слушают сердце, и подымают веки,—гневный ворон летит прочь, и кричит в лицо солнцу: — Никогда».

Все это, может-быть, сообщает читателю чувство жуткости, жалости, настраивает на мистический лад,—но все это ведь старо и использовано давным-давно даже второстепенными художниками слова, в роде Мордовцева в его «Знамения времени».

Может-быть, это удовлетворило бы семинариста старого времени, но читателю рабоче-крестьянской России это не нужно, ему это скучно и даже непонятно.

Наконец, мы примирились бы и со старыми образцами (зеркало вод, черный Стикс и т. п.), но и они, к сожалению, использованы с сугубо интеллигентской утонченностью, с расчетом на «тонко-чувствительную душу» интеллигента.

В своих образах, вычурных завитушках на схематическом рисунке, автор не учел требований времени, настроения читателя, как это, например, проделал в свое время Некрасов. Не спускаясь до вкуса читателя, часто не достаточно развитого и даже совсем неразвитого, автор, тем не менее, должен улавливать вкус эпохи, времени. Когда люди жаждут, нельзя им преподносить пряности. Когда читатель переутомлен символистами, мистиками, нельзя выступать с мистическими воронами, черным Стиксом, ангельскими крыльями и т. п. На этом мы неоднократно останавливались в различных своих статьях. Но сошлемся на других. Вот что на этот счет пишет в своей известной книге тов. Троцкий: «Новый человек не сформируется без новой лирики. Но чтобы создать ее, поэт сам должен почувствовать мир по-новому. Если над его объятием склоняется непременно Христос или сам Саваоф (как у Ахматовой, Цветаевой, Шкапской и др.), то уже один этот факт свидетельствует о ветхости такой лирики, об ее общественной, а следовательно и эстетической непригодности для нового человека. Даже там, *где эта терминология не столько в переживаниях, сколько в словесных пережитках, она свидетельствует, по меньшей мере, о косности психики, и уже этим вступает в противоречие с сознанием нового человека*» (курсив наш *В. П.*). Поучительные слова!

Неужели автор, проделавший столь длинный путь среди красных матросов и много видевший красноармейцев, не уловил их переживаний, их образов, их сравнений, а вот Федорченко много записала их,—сочных, необычайно метких, ярких и остроумных! «Фронт» же произведение насквозь интеллигентское; оно больше показывает, каков автор, чем открывает читателю «душу» и мысль беззаветных героев пролетарской революции.

Что касается идеологии, которой проникнута книжка, то она, конечно, революционная, коммунистическая. Иначе и не должно быть.

Все указанные недочеты, которые автор должен признать, хотя бы и с неприятной миной, и учесть в будущем во избежание повторения старых ошибок, не лишают книгу интереса.

Каждый прочтет ее с интересом. Ведь это страница нашей трудной, героической, невиданной и неслыханной борьбы за освобождение пролетариата, всего человечества. Каждый штрих, каждая строчка, каждый момент нам дороги, мы их должны знать и изучать.

И даны они, с указанными выше замечаниями, живо и интересно.

Валерьян Полянский.

в) Русская история.

. М. ПОКРОВСКИЙ. Русская история в самом сжатом очерке. Ч. III. *В. Дитякина.* — 2. С. ТХОРЖЕВСКИЙ. Народные волнения при первых Романовых. *В. Пичеты.* — 3. SIR GEORGE BUCHANAN. My mission to Russia and other diplomatic memories. *А. Канторовича.* — 4. Кн. Н. ЖЕВАХОВ. Воспоминания. *М. Клевенского.* — 5. С. ЛЮБОШ. Последние Романовы. *А. Сергеева.*

М. ПОКРОВСКИЙ. Русская история в самом сжатом очерке. Часть III. XX век. Вып. I. 1896—1906. М. «Красная Новь», 1923. Стр. 295. 1 карта.

Новый очень ценный подарок для читателя из самых широких масс, новая книга, освещающая период, о котором так много написано и все же слишком мало. Все характерные черты метода работ М. Н. Покровского: «*объяснить процесс в целом*» (стр. 4)—революционно-диалектически, «во всех его связях и опосредствованиях». Введение, дающее общую характеристику эпохи, тонко проводящее разграничительные линии революционного процесса 1904—1906 г.г. и революции 1789 г. (вспомним, как еще в 1905—1907 г.г. широко злоупотребляли сравнением этих эпох), ортодоксально-ленинское толкование термина «буржуазная революция», глубоко проложенный (хотя и беглый) сравнительный анализ революции 1905 и 1917 г.г., ибо только в свете последней может быть достаточно понята первая.

Анализ процесса идет следующим образом: «экономика первого революционного периода (1900—1910)» (гл. I)—глава, богатая искусно комбинированными цифрами, вскрывающая основное противоречие между крестьянами и помещиками,—противоречие в области *производства*, борьба первых «не столько против вымиравших остатков феодализма, сколько против нарождавшегося *аграрного капитализма*» (стр. 23)—точка зрения, резко отличная от общераспространенной, но убедительно обоснованная. Также вскрываются основы противоречия интересов русской буржуазии и правительства Романовых, русского капиталиста и рабочего. Дальше идет история эпохи: промышленный кризис и массовое рабочее движение 90-х и 900-х годов (ср. блестящее резюме на стр. 45), массовое движение мелкой буржуазии в городе и деревне 900-х г.г., кризис и война, революция (гл. V—IX). Нет надобности пересказывать, книга должна быть прочитана каждым. Важно обратить внимание на *ряд совершенно новых, очень оригинальных точек зрения* (напр., гапоновщина, причины неудачи декабрьского восстания, основные линии крестьянского движения и мн. др.), и на метод—объяснять, а не рассказывать, вскрывать корни процесса, а не давать хроники движения.

Автор в предисловии говорит об «огромных недостатках» книги и сам определяет ее место: «*это—очень плохая книжка*, говорю безо всякой ложной скромности, но это все-таки не макулатура, а зачаток научного курса». Мы, конечно, не согласимся с этой оценкой, особенно с подчеркнутыми словами; мы, разумеется, уважаем и ценим работы многих, писавших о 1905 годе, мы многого ожидаем от будущей коллективной разработки эпохи, но уверены в том, что основные положения, установленные т. Покровским, безусловно *правильны* и дело других историков, дискуссируя их, выдвинуть вперед *не мелочи*, что часто бывает, не частности, свести дискуссию именно не на мелочи, а на основы, попытаться дать новое освещение всему процессу в его целом. И это не наша только индивидуальная оценка,—как таковая, она вряд ли может иметь значение,—а оценка тех десятков тысяч, которые проглотили эту книгу, как и первые ее 2 части, продумывают и прорабатывают ее.

В. Дитякин.

С. И. ТХОРЖЕВСКИЙ. Народные волнения при первых Романовых. Петр. 1924 г. Стр. 222.

Конец XVI столетия—эпоха резко выраженных социальных антогонизмов в Московском государстве, которые не удалось разрешить во время так называемой Смуты, несмотря на острое проявление в этот период классовой борьбы. В революционную эпоху классовые противоречия стали еще резче, отчетливее. С одной стороны, произошла полная консолидация военнослужилого класса и сосредоточение в руках последнего значительного земельного фонда на правах поместного и вотчинного владения. С другой стороны, посадские люди прикрепляются к своему посадскому тяглу, а крестьяне—к лицу и земле помещика, благодаря чему последний получил полную возможность распоряжаться трудом, личностью и имуществом своих крестьян.

Два общественных слоя—крестьяне и землевладельцы — стояли, внимательно насторожившись, друг против друга. Победители-землевладельцы боялись своих побежденных крестьян. Последние, потеряв возможность менять владельца, стали относиться враждебно к помещичьему классу и были готовы при первой возможности выступить против своего социального антагониста в надежде сломать последнего и создать жизнь на началах новых социальных правовых отношений... Эта притягательная эпоха не раз привлекала к себе внимание исследователей различных школ и направлений. Накопилось много исторического материала, который было необходимо пересмотреть и переработать. Новые методологические приемы изучения исторического процесса властно заставляли исследователей стремиться дать старым, казалось, вполне изученным явлениям новое объяснение и толкование. С этой стороны особенно следует приветствовать попытку С. И. Тхоржевского обратить свое исследовательское внимание на столь важную в социально-экономическом отношении эпоху, как время первых Романовых. Не загромождая свою работу обилием ссылок на использованные им источники и литературу, С. И. Тхоржевский напечатал очень интересное исследование, которое займет свое место в русской историографии. Изучая социальные антагонизмы и отношения в эпоху Смуты, первых лет правления царя Алексея и в период Разиновщины, С. И. Тхоржевский дает резкую, отчетливую картину напряжения отношений социально-экономических групп, проявивших себя в классовой борьбе во время Смуты, мятежа 1648 г. и разиновщины, однако оставляя почти без внимания ту экономическую обстановку, на фоне которой создавались условия для развития социальных противоречий и перехода последних в непримиримую классовую борьбу. Автор предполагает, что читателю хорошо знакома эта экономическая среда, раз он не счел возможным и нужным дать ее характеристику, хотя бы в своих основных чертах. Следует признать этот пробел в работе С. И. Тхоржевского весьма существенным и препятствующим неискушенному в науке читателю разобраться внимательно и самостоятельно в изучаемых автором явлениях. Для правильного

понимания и соответствующей оценки народных волнений при первых Романовых автору было необходимо познакомиться с наследством, оставленным после Смуты. Изучая соотношения общественных сил во время Смуты и после внешней ее ликвидации, С. И. Тхоржевский приходит к некоторым интересным, заслуживающим внимания наблюдениям. Автор констатирует отсутствие отличия от правительства Шуйского социальной программы в политике Тушинского царька, указывает на тенденцию со стороны части казачества приблизиться к военно-служилому классу, что впоследствии служило причиной объединения дворянства и казачества для борьбы с поляками, считает неправильным утверждение, будто Смута кончилась победой средних слоев над анархией, казачеством. Роль казаков во главе с кн. Трубецким в Москве после изгнания из Кремля поляков может служить оправданием отрицания этой обще-принятой точки зрения. Равным образом очень интересны соображения автора о причинах разницы в отношениях к Москве со стороны донского и волжского казачества, поскольку последние нашли свое яркое отражение в деле Заруцкого. Смута не разрешила социальных противоречий, но явилась причиной для дальнейшего их развития. В этом направлении действовали параллельно, взаимно дополняя друг друга, и экономическая и социальная политика правительства дореволюционной эпохи, содействовавшая закреплению крестьянства и усиливавшая кадр того казачества, которое относилось с жгучей ненавистью к московским социально-политическим порядкам и отношениям.

Так намечался союз крестьянства и казачества, столь чреватый своими последствиями в эпоху разиновщины для московского командующего землевладельческого класса. Мятеж 1648 г. был первым большой важности революционным движением. Обстоятельный очерк развития социальных отношений и антагонизмов в первой половине XVII века служит прекрасным введением в историю мятежа 1648 г., повлекшего за собой издание Уложения 1649 г., закрепостившего крестьянство, что давало дворянству крупную экономическую базу. Уложение 1649 г.—победа дворянской общественности, показатель степени политического влияния последнего. Политическая весна дворянства была непродолжительна. Бюрократия ответила на Уложение прекращением созыва Земских Соборов. Так думает С. И. Тхоржевский, но причины прекращения созыва Земских Соборов после 1654 г. заключаются не в злой воле бюрократии, а в превращении дворянства, его средних слоев, в правительственный класс, которому был раньше нужен Земский Собор, как оплот для выявления своей политико-социальной идеологии. Для класса-победителя Земский Собор был ненужен, так как он мог впоследствии стать центром оппозиции других общественных групп, которые могли быть недовольными политикой командующего класса. Крестьянство ответило на Уложение разиновщиной, обстоятельно изученной автором. Разиновщина была подавлена. Организованный военно-служилый класс не мог не раздавить слабо сплоченные и вооруженные крестьянство и казачество. Крепостное право восторжествовало благодаря силе дворянского оружия. Жестокость террора заставила временно смолкнуть крестьянские оппозиционные элементы. Но в этой победе таился источник дальнейших потрясений и протестов крестьянства и отчасти казачества против крепостническо-бюрократического строя. Крестьяне не забыли о С. Т. Разине.

В. Пичета.

SIR GEORGE BUCHANAN. My mission to Russia and other diplomatic memories. London and New-York. Издание Cassell and C-ie Ltd. 2 тома. Том. I, стр. XV+253; том II, стр. 280.

СЭР ДЖОРЖ БЬЮКЕНЕН. Моя миссия в России и другие дипломатические воспоминания. Лондон и Нью-Йорк. Изд. „Кессель и К-о".

Воспоминания бывшего английского посла в Петербурге Бьюкенена представляют серьезный интерес. Они написаны человеком, который по самому своему

служебному положению оказался близким и компетентным наблюдателем ряда грандиозных исторических событий, заполнивших собою период 1905—1917 г.г. Эти события частью локальной важности (балканский кризис, англо-русские отношения на Бл. Востоке), частью же мирового значения (война, Октябрьская революция в России) до сих пор продолжают—каждое в свою меру—определять собою ход мировой и европейской истории и, стало-быть, служат предметом живого и практического интереса.

Как ни обширна мемуарная литература последних лет, она, разумеется, не могла исчерпать столь насыщенную эпоху, как указанное десятилетие, как 1907—1917 г.г., которому по преимуществу посвящено повествование Бьюкенена. Не внося ничего особенно нового в наше знание этого периода,—тем более, что ей предшествовало опубликование воспоминаний французского посла в Петрограде—Палеолога, трактующих о той же, примерно, эпохе и тех же событиях—книга Бьюкенена, с одной стороны, все же содержит много любопытных деталей и наблюдений персонального характера, с другой,—благодаря личности автора—выдающегося дипломата великой державы на ответственном посту—представляет сама по себе интересный исторический документ. Значение его, впрочем, несколько умаляется сдержанностью Бьюкенена, который старательно избегает всякого упоминания о неизбежной закулисной стороне своей работы и вообще обо всем, что могло бы политически скомпрометировать его или его правительство.

Что касается содержания «Воспоминаний», то за вычетом нескольких глав в начале и нескольких страниц в конце—они целиком посвящены вопросам внешней и внутренней политики России. За эти рамки несколько выступает лишь балканский вопрос, с которым Бьюкенен близко познакомился в качестве британского агента в Болгарии (1903—1910 г.г.) и который продолжал занимать его и после перехода в 1910 г. в Петроград—тем более, что он являлся одной из главных проблем довоенной русской внешней политики. В своей книге Бьюкенен с большей ясностью и последовательностью излагает развитие событий, приведших в 1912—1913 г. к знаменитому балканскому кризису и сыгравших позже известную роль в качестве возбудителя мировой войны. В этой части «Воспоминаний», помимо любопытной личной характеристики Фердинанда Болгарского, следует отметить страницы, посвященные резкой критике ошибок русской дипломатии, которая своим поведением по отношению к Болгарии прямо толкнула последнюю в лагерь тройственного союза.

На ряду с балканским вопросом существенное место в русской внешней политике предвоенного периода занимали вопросы русско-английских отношений на Бл. Востоке (в Персии). Бьюкенен приводит интересные данные, свидетельствующие о том, насколько эфемерно было пресловутое англо-русское соглашение 1907 г., и как мало оно способствовало смягчению англо-русского соперничества на Востоке. Вплоть до самой осени 1914 г. не прекращались взаимные жалобы и неудовольствия. В русско-персидском конфликте 1911 г. за спиной Персии стояла все та же Англия. Отношения были настолько натянуты, что не далее, как 14 июня 1914 г. (через *семь* лет после подписания соглашения о Персии) Бьюкенен по предложению своего правительства должен был потребовать у Николая II специальной аудиенции, на которой им было заявлено, что дальнейшее продолжение политики русского правительства в Персии сорвет соглашение 1907 г. Николай в ответ предложил разделить нейтральную зону, но не этого хотело, конечно, английское правительство. Только война отодвинула этот вопрос на задний план.

Бьюкенен пробыл на посту британского посла в Петрограде вплоть до конца 1917 г. Начало войны, ход событий на фронтах и в России, агония старого режима, убийство Распутина, Февральская и Октябрьская революции—все это подробно описано в его мемуарах. При этом вопросам внутренней политики России уделяется все больше внимания. Под конец «Воспоминания» посвящены почти исключительно им. Обвинения в том, что именно английский посол «сде-

лал» в России революцию, повидимому, получили значительное распространение в известных (гл. обр. придворных) кругах, по крайней мере, Бьюкенен с горечью повествует об этих обвинениях, и многие страницы книги прямо носят характер апологии. Автор всемерно подчеркивает, что по отношению к старому режиму, он был совершенно лойялен. Видя, тем не менее, гибельность всей политики царского правительства и будучи лично предан царской семье, он считал своим долгом предупредить царя и склонить его на путь уступок. Известно, что перед самой революцией Бьюкенен, с этой целью, испросил у царя специальную аудиенцию, во время которой пытался обратить внимание Николая на неизбежность и близость революции и советовал ему согласиться на ответственное перед Государственной Думой министерство. Содержание этой любопытной беседы, которая, впрочем, не возымела желаемого эффекта, приведено в книге со всеми подробностями.

Февральскую революцию Бьюкенен встретил в общем недоброжелательно, со смешанным чувством жалости и симпатии к царской фамилии, тревоги перед лицом возможного господства «крайних», и беспокойства за продолжение Россией войны. Он, однако, примирился с фактом революции, как с неизбежностью. С этого момента весь вопрос сводится для него к борьбе между Временным Правительством и Советами. Ставя своей задачей всемерную поддержку первого, он, однако, с самого начала высказывает пессимистические взгляды: временное правительство непростительно слабо; Россия не созрела для демократии; пропаганда в армии продолжается и «дружеские» представления союзников бессильны помочь делу.

В этом месте «Воспоминаний» дан ряд характеристик деятелей февральского периода. Оценка, даваемая автором членам временного правительства крайне сдержанная—он отлично видит слабые стороны Милюкова и Гучкова; Керенский (об этом говорится уже позднее, после октября) — болтун и фразер с добрыми намерениями, но совершенно бессильный. С самого начала Бьюкенен констатирует отсутствие у русской буржуазии вождя, который сумел бы сплотить ее. Характеристики, данные лидерам первого Совета, конечно, недоброжелательны (исключение—Церетелли) и не ярки. Тут же Бьюкенен замечает, что «члены Совета были не настоящие рабочие, а демагоги».

Бьюкенен прямо без обиняков устанавливает то обстоятельство, что с самого начала министры временного правительства чувствовали себя в заговоре с «союзниками» против своей собственной страны. Милюков чуть ли не с первого слова объясняет Бьюкенену затруднительность своего положения и просит его—Бьюкенена—совета, как ему быть—прямо уйти или сделать вид, что он подчинился общественному мнению. Бьюкенен решительно высказывается за последнее. Примечательна история задержания Л. Д. Троцкого и других эмигрантов в Галифаксе. Временное правительство само по секрету просило Англию не выпускать их оттуда, но при объяснениях с представителями левых партий пыталось взвалить ответственность за задержание на англичан. Бьюкенену пришлось вывести их на чистую воду.

После приезда Ленина и событий 3—5 июля положение, с точки зрения Бьюкенена, становится все хуже и хуже. Он начинает понимать, что Россия воевать не может. Вся задача союзников оставить ее в состоянии войны с Германией, хотя бы номинально, чтобы последняя не могла воспользоваться богатыми рессурсами России. Что касается проблемы власти, то Бьюкенен ясно понимает тщету всяких попыток «чистой», т.-е. монархической контр-революции: всю свою надежду он возлагает на соглашение Керенского с Корниловым, ибо последний без первого был бы бессилен. После Корниловского выступления и эта надежда рушится. К моменту Октябрьской революции Бьюкенен уже окончательно разочаровывается как в правых элементах, так и в «умеренных социалистах», и скептически выслушивает последних, когда они обещают ему раздавить большевизм. Одни большевики,—говорит он,—знают, чего хотят; они «заимствовали у немцев искусство организации»; на их сто-

роне—лучшие умы—Ленин и Троцкий, признается он, скрепя сердце,—крупные люди (big men), хотя, по его мнению, «способные лишь на разрушение». Надо отметить, что Бьюкенен не очень злоупотребляет легендой о «немецких агентах», а в конце книги прямо опровергает ее.

После Октябрьской революции Бьюкенен пробыл в России еще месяца два. Его политика за это время скорее соглашательская; он отлично понимает, какую силу представляют собой большевики, которые дают стране мир, и опасается резкими действиями и разрывом толкнуть Россию в сторону Германии. Хотя он и не вступает в официальные сношения с Наркоминделом, однако, в донесениях своему правительству доказывает нежелательность полного разрыва и необходимость выждать: в противном случае, совершится худшее из всех возможных событий—заключение русско-германского союза. Эта его точка зрения странным образом радикально меняется после отъезда из России в начале 1918 г. Прибыв в Англию, он становится горячим сторонником немедленной военной интервенции, которая должна раздавить большевизм, опираясь на «антибольшевистский юг». Отмечая в заключительных строках книги провал этой политики, он, однако, не признается в своей ошибке и продолжает утверждать, что этот провал был вызван лишь недостаточной последовательностью английской интервенции. С его точки зрения, крупной политической ошибкой явилось также признание Англией лимитрофов и поощрение Польши на захват русской территории, что «оттолкнуло русских патриотов в большевистский лагерь». Не будь всего этого и произведи Англия решительный нажим на Советскую Россию—все сложилось бы, по мнению Бьюкенена, иначе.

Последнее заключение не свидетельствует об особенно глубоком историческом чутье автора. Ему не хватает самого главного: социальный и экономический аспект исторических событий остается для него непонятным и чуждым; он совершенно отсутствует в его описаниях и анализе событий, которые поэтому часто носят совершенно внешний поверхностный характер, при всем этом ему нельзя отказать в известной чуткости; он хорошо понимает стратегию борющихся сторон и партий, а даваемые им личные характеристики нередко метки и верны. Бьюкенен был по своей психике типичным дипломатом-царедворцем старого времени. Он, пользуясь выражением Герцена, «всю жизнь прожил в мире, освещенном лампами», и подлинные пружины истории и массовых движений оставались для него книгой за семью печатями. Тем не менее, британское правительство не даром чтило его своим доверием; он обнаруживает, судя по некоторым местам своих воспоминаний, живость и гибкость ума, которую трудно было бы заподозрить. Достаточно привести пример его сообщений в русскую прессу—уже после Октябрьской революции, где этот придворный не без успеха и с большой ловкостью пользуется словарем революционной эпохи.

Книга Бьюкенена написана литературно и плавно. Она легко и быстро читается. Нужно отметить исключительно сложный, эпический тон изложения, благодаря которому изображение русской революции устами ея заклятого врага не вызывает у читателя того неприятного чувства, которым обычно сопровождается чтение подобных писаний.

А. Канторович.

Князь Н. Д. ЖЕВАХОВ, товарищ обер-прокурора св. Синода. Воспоминания. Первый том. Сентябрь 1915—март 1917. Мюнхен. 1923. Стр. 447.

Князь Н. Д. Жевахов недолго успел побыть товарищем обер-прокурора в Синоде—всего лишь месяцев 5: революция помешала дальнейшему развитию его карьеры. Перед назначением в Синод он служил в Государственной канцелярии, а еще раньше был земским начальником. Свои эмигрантские досуги Жевахов посвятил писанию мемуаров, первый том которых и вышел в Мюнхене с восторженным предисловием издателя, какого-то Ф. Винберга. Книга

получилась прескучная: осилить ее до конца, ничего не пропуская, можно только либо из рецензентской добросовестности, либо находясь на необитаемом острове, без всякого другого материала для чтения. Уже чего стоит одно то обстоятельство, что автор приводит полный текст своих речей, произнесенных им по разным поводам при прощании с сослуживцами, при посещении школ и т. п. Главный герой Жевахова, проходящий по всей книге, начиная с первой страницы, это... святитель Иосаф Белогородский. Верный паладин святителя, Жевахов опубликовал его жизнеописание, был ревностным членом братства св. Иосафа, считал, что его личная судьба какими-то таинственными узами соединена с Иосафом,—так, напр., свое назначение в Синод Жевахов целиком приписывает действиям Иосафа. Злые языки болтали в свое время что-то о Распутине,—книга доказывает, что виновником назначения был, правда, святой, да не тот: не Распутин, а Иосаф. И германскую-то войну Россия проиграла, в конечном счете, с точки зрения Жевахова, потому, что власть имущие пренебрегли прямым указанием Иосафа: явившись в видении двум прозорливцам, святитель потребовал, чтобы какая-то икона, особенно дорогая его сердцу, была пронесена по всей линии фронтов,—и тогда война кончится благополучно. Жевахов усердно занялся этим делом, ясно сознавая, что от него зависит спасение России, доставил икону в ставку к царю, но там не отнеслись к пророческим видениям достаточно внимательно,—и результаты этой преступной небрежности сказались в [illegible]ных итогах войны.

Кроме религиозного изуверства, Жевахов проявляет самый исступленный монархизм. В своем монархическом рвении он не желает даже верить тому, что Николай II действительно расстрелян в Екатеринбурге. «Думаю, что Господь лишь отвел, укрыл помазанника своего до той поры, пока, омытая слезами раскаяния, очистившаяся от своих греховных язв, Россия будет помилована Богом». Николай и Александра для Жевахова—святые, праведники, мудрецы. Мудростью особенно отличалась Александра (очевидно, даже и для Жевахова личность Николая в этом пункте менее легко поддается идеализации). Только одна Александра, охватывая своим умом все стороны государственной жизни, отдавала себе ясный отчет в происходившем и могла бы спасти Россию, если бы к ее голосу прислушивались. Кстати, кандидатуру Жевахова на пост товарища обер-прокурора выдвинула именно Александра: при первой аудиенции (по поводу поездки с иконой в ставку) он очаровал ее своими государственными планами в области церковной жизни,—напр., соображением, что необходимо покончить с таким порядком, когда человек может ходить или не ходить в церковь, говеть или не говеть...

Идеи Жевахова об исторических судьбах России теснейшим образом соединены с его представлением о мощном международном тайном заговоре против государства и церкви; это «незримое правительство» он называет интернационалом. Окончательная цель незримого правительства—ликвидация христианства и гибель вековой христанской культуры. Эта разрушительная работа ведется уже тысячелетиями (!). Натиск на Россию начат уже давно: убийство Павла I, отравление Николая I, убийство Александра II, отравление Александра III—это все этапы деятельности интернационала. Эпоха «Великих реформ» (иронические ковычки принадлежат автору), являющаяся черным пятном на фоне исторической жизни России, создана интригами интернационала, этими интригами был жалко обманут ангел-царь. Сознательным агентом интернационала был Милюков, в цепких лапах его находился Лев Толстой. Ходынка, Японская война, революция 1905 года, Государственная Дума, русско-германская война, революция 1917 года,—все это результаты работы тайных агентов интернационала. Очень ловко агенты интернационала сумели использовать в своих целях Распутина; сначала окружавшие его еврейчики создали ему славу святости, в надежде, что Распутин воспользуется близостью к царю для террористического акта, а когда преданный царю Распутин не пошел на это, агентами были распущены

слухи о его порочности, чтобы скомпрометировать династию.

Большая часть книги наполнена бреднями такого рода, каким-то жалким вздором «о природе русской души» и «о русском богоискательстве», и рассказами о служебных деяниях и благочестивых поездках автора. Во время Февральской революции Жевахов был в Петербурге, был арестован вместе с другими сановниками и потом в скорости выпущен, но ничего интересного о революции с какой бы то ни было точки зрения рассказать не мог. По поводу революции он только уныло бубнит о своем «интернационале» и больше ничего. Ни в чем он не разбирается, все валит в одну кучу: Милюков, Гучков, Керенский, ген. Алексеев, Корнилов, ген. Рузский,—все это для него деятели революции, одинаково ненавистные. О большевиках он даже почти и не говорит: имя Ленина и Троцкого только однажды упоминается в книге (с эпитетом «сатанисты»).

В лагере крайних правых попадались иногда люди, умевшие мыслить, совершенно реалистически, поднимаясь подчас до понимания роли классовой борьбы. Достаточно вспомнить хотя бы переписку двух бешеных черносотенцев — Антония Волынского и Бориса Никольского, отчасти некоторые предвидения П. Н. Дурново в его секретной записке царю об английской и немецкой ориентации. Ни тени такого понимания нет у Жевахова. Это окончательный маньяк, целиком находящийся во власти своих бредовых представлений. Революция ничему не научила его, он и в эмиграции сохранил все свои иллюзии. Одна из них та, что Советская Россия лишь мыльный пузырь, что красная армия разбежалась бы при первой встрече с настоящими войсками, при первой серьезной угрозе интервенции. «Но этому все еще не хотят верить», с болью добавляет он. Полусумасшедшая фигура Жевахова интересна разве лишь в одном отношении, как показатель, *какими* министрами приходилось пользоваться самодержавию в последнюю пору его существования.

М. Клевенский.

С. ЛЮБОШ. Последние Романовы. Изд-ство „Петроград". Ленинград—Москва. 1924 г. Стр. 288.

Книга С. Любош принадлежит к категории тех, о которых В. О. Ключевский отзывался так: «Их заглавия нужно знать, чтобы как-нибудь неосторожно не прочитать самых книг». Это сорок размашисто написанных фельетонов о пяти последних царях династии Романовых—Александре I, Николае I, Александрах II и III и Николае II. Фельетоны носят хлесткие заголовки: «Испуганное пугало», «Голый царь и Марк Твэн» и т. п. Все они насыщены цитатами из Щедрина, Достоевского, Толстого и др. и производят впечатление беззаботной салонной болтовни в либеральном духе, которой можно было кокетничать десять лет тому назад, но с которой стыдно выступать в наше время: на фразеологическом радикализме теперь далеко не уедешь. Фельетоны, посвященные Александру I, заполнены почти целиком опровержением «легенды» о болезни этого царя, сумевшего побороть Наполеона, — «сверхчеловека и сверхбуржуа», по определению автора, а также подчинить себе Сперанского, Кочубея и Голицына. Подумаешь, как ново! Приступая к характеристике Николая I, автор укоряет писавших до него историков в том, что они проглядели основную психическую черту этого царя—трусость, определившую собой всю его политику. «Перепуг» Николая I сквозит, по мнению автора, во всем—в расправе с декабристами, в мыслях об уничтожении крепостного права, в борьбе с казнокрадством, и т. д. Отдел кончается главой: «Провал системы», но в чем провал, отчего он произошел, остается неизвестным, и автор, продолжая свое словоплетение, перепархивает к Александру II. Это царь, вызывавший вначале надежды, а потом жестоко разочаровавший общество своими куцыми реформами. Кроме упоминания о выстреле Каракозова, читатель не найдет ни слова о революционном движении при этом царе, но, вероятно, поставит потабене против слов «дух времени», бросающих свет на социологические представления ав-

тора. С Александром III дело обстоит совсем просто: это не патологический тип, а здоровенный мужчина, ломавший подковы, друг Победоносцева и враг конституции, в политике которого не было ничего «творческого».

Обстоятельнее других биографический очерк Николая II, автором использовано в этой части книги значительное количество новейшей мемуарной литературы. Психологическим портретам Николая II и Александры Федоровны нельзя отказать в сходстве, но и эта часть книги испорчена главой «Голый царь и Марк Твэн», представляющей собой перепечатку почти всего фельетона знаменитого юмориста, в котором изображен голый царь, размышляющий после ванны перед зеркалом о своем величии. Целая глава под заглавием «Ритм» трактует проблему весьма сомнительной социологической ценности о нарушении Николаем II открытого автором ритмического закона русской истории, согласно которого после сносного царя на престол всходит царь несносный, после реакционного Александра III надо было ждать либерального царя, а Николай II—увы! либералом не вышел.

Автор не без темперамента обрушивается на великих князей «Владимира Николаевича» и «Алексея Михайловича» (стр. 251), «с царственным аппетитом воровавших казенные деньги». Не имея желания рыться в Готском альманахе и полагаясь исключительно на память, почитаем себя в праве уверить автора, что этих великих князей в Романовской фамилии никогда не было.

Вот, кажется, и все, что хотелось сказать об этой книге. Для чего она была написана и зачем издана?

А. А. Сергеев.

в) История культуры.

1. K. BÜCHER. Beiträge zur Wirtschaftsgeschichte *В. Столицкой-Терешнович.* — **2. Б. БОГАЕВСКИЙ. Крит и Микены.** *Н. Щербакова.*

K. BÜCHER. Beiträge zur Wirtschaftsgeschichte. Tübingen. 1922 г. Стр. 462.

К. БЮХЕР. Очерки по истории хозяйства. Тюбинген. 1922 г. Стр. 462.

С именем Карла Бюхера в представлении историка экономического быта неразрывно связывается мысль об известной теории стадий экономического развития: geschlossene Hauswirtschaft, Stadtwirtschaft, Volkswirtschaft. Эта схема была выдвинута, разработана и обоснована К. Бюхером. До крайности простая, отчетливая и ясная, она давала прекрасную руководящую нить, облегчающую ориентировку в сложном лабиринте фактов многовековой экономической эволюции цивилизованного мира. Этим объясняется ее большое распространение и популярность—очерки Бюхера о происхождении народного хозяйства выдержали уже 10 изданий на немецком языке и спрос на них не прекращается. Но та же упрощенная схематичность, которая создала славу упомянутой теории, послужила вместе с тем исходным пунктом для научных нападок на нее. Факт классификации огромных исторических эпох по принципу стадий, и в частности факт отнесения всей древней истории к области натурального хозяйства вызвали сильнейший протест и критику со стороны историков. Ряд крупных деятелей исторической науки,—в том числе Эдуард Мейер — выступили с опровержением взглядов К. Бюхера.

Сгруппированы были факты, доказывающие существование обмена, денежного хозяйства и даже капитализма не только в древности, но и в средние века. Полемизируя со своими научными противниками, К. Бюхер припу-

жден был несколько видоизменить свои взгляды, а главное, резче очертить значение и смысл своей теории. Пользуясь терминологией Макса Бебера, мы легко можем определить сущность этой новой формулировки: К. Бюхер доказывал, что выдвигаемые им стадии экономического развития являются своего рода «идеальными типами», т.-е. что они односторонне усиливают некоторые черты, присущие историческому прошлому, игнорируя вместе с тем другие особенности его, и что таким образом в конечном счете они дают образы не реальные, а стилизованные, отнюдь не покрывающие целиком определенных полос истории. Эта точка зрения не всегда бывала достаточно ясно понята и усвоена противниками, да и сам К. Бюхер иногда сбивался с нее на старые позиции. Все эти недоразумения продолжали питать полемику, одним из отдаленных отзвуков которой является и настоящая книга «Beiträge zur Wirtschaftsgeschichte.

В ней сгруппированы, частью в переработанном виде, 10 статей, написанных или прочитанных в виде докладов в различные моменты 50-летней научной деятельности К. Бюхера. Старейшая статья написана в 76 году, последняя—в 22 году. «Это своего рода отчет об одной из сторон научной работы являющейся делом моей жизни, — отчет, который, быть-может, покажет, что я не бросал в свет легкомысленных утверждений, лишенных фактической основы», говорит автор в предисловии к книге. Итак, цель книги познакомить научные круги с документальными основами теории стадий, ввести, так сказать, читателя в лабораторию самого творчества Бюхера. Большая часть собранных статей—6 из числа 10 — посвящены различным сторонам экономической (преимущественно финансовой) истории средне-векового немецкого города, 2 относятся к классическому периоду древней истории (экономический строй древней Греции и восстание рабов в древнем мире), одна—к эпохе поздней Римской Империи («Тариф императора Диоклетиана»), и, наконец, последняя, трактующая о цеховых статутах ремесленников от XVI до XIX века—к новой истории.

Статьи по средне-вековой истории, преимущественно интересующие нас в этой рецензии, почти все базируются на изысканиях, произведенных автором в городском архиве Франкфурта-на-Майне. Центральное место, несомненно, занимает очерк, посвященный характеристике 2-х средневековых податных законов («Zwei mittelalterliche Steuerordnungen»), Франкфуртский Bedesteuer конца XV века и Шпейерского Pfundzoll'a конца XIV века. Это ярко индивидуальная работа как по ставимым заданиям, так и по приемам выполнения. Анализируя указанные законы, автор блестяще вскрывает глубокое своеобразие податных систем и финансовых понятий средневековья. Bede является по основной концепции поимущественным налогом. Pfundzoll не укладывается ни в одну из современных податных категорий. Его нельзя понять ни как налог с оборота, ни как налог с валового дохода, ни как собственно подоходный налог, ибо он совмещает в себе черты как первого, так и третьего. Оба налога—Франкфуртский и Шпейерский—оперируют с понятием имущества совершенно чуждым современности. Для нас имущество есть единая масса, получающая определенное денежное выражение и строго отделяемая от дохода, который также выражается в денежных цифрах. Средневековье не знает ни диференциации владения на имущество и доход, ни той абстракции, которая связана с представлением об имуществе, как об едином целом. Объектом поимущественных налогов служат в то время отдельные конкретные проявления имущественных прав. Ни Bede, ни Pfundzoll не делает различия между имуществом, предназначенным для потребления, и имуществом, пускаемым в оборот с целью дальнейшего приобретения хозяйственных благ (Gebrauchsvermögen u. Erwerbvermögen). Все эти и многие другие особенности анализируемых законов К. Бюхер объясняет строем мысли, отражающим экономику, сильно пропитанную элементами сельского, притом самодовлеющего, хозяйства. Оба закона выдвинуты, по его мнению, переходной эпохой, когда домашнее хозяйство теряло свою замкнутость, но идущий

ему на смену высший тип экономической структуры еще не успел пробить себе широкой дороги. Отсюда спутанность понятий: новые податные требования вдвигаются в Прокрустово ложе старой налоговой системы.

Статья «Der öffentliche Haushalt der Stadt Frankfurt a. M. im Mittelalter» рисует картину городского хозяйства средних веков — хозяйства децентрализованного, безбюджетного, в широкой мере применяющего принцип дотации, несущего функции, чуждые современному городу, как, например, военная защита, и в то же время совершенно не знающего тех тягот и обязанностей, которые падают на наши городские общины. Статья «Die Berufe der Stadt Franktfurt a. M. im Mittelalter» вводит в многообразную и сложную профессиональную номенклатуру средне-векового города и борется с взглядом, будто цеховые статуты могут дать сколько-нибудь полное представление о жизни городского ремесла. Очень большой интерес представляет очерк, посвященный разбору тарифа императора Диоклетиана. Тариф истолковывается как попытка зафиксировать силою закона то отношение, в котором товары должны быть обмениваемы на деньги. Этот законодательный эксперимент вызван все возрастающей порчей монеты и имеет в виду преимущественно интересы армии. Общая интерпретация тарифа, даваемая ему Бюхером, совершенно не соответствует сложившимся в науке представлениям. «Обычно,—говорит Бюхер,— эдикт 301 года считается доказательством большой интенсивности денежного обращения и значительного развития товарного производства и торговли в IV веке». Бюхер толкует его не так. «Конечно, картина эпохи Диоклетиана не есть больше картина οἶκος'ного хозяйства в его чистом виде, покоящегося единственно на рабском труде. Это время обнаруживает множество явлений обмена и множество переходных образований. Однако большая часть их все еще не стряхнула с себя скорлупы самодовлеющего домашнего хозяйства». Денежные цены отнюдь не свидетельствуют о повсеместном употреблении денег. Автор подчеркивает большую роль натуральных налогов и государственных предприятий в IV в., последних особенно в области текстильного производства. Он стремится доказать преобладание *мелкой* торговли и тех форм ремесла, которые обслуживают *непосредственно* потребителя.

Достигнута ли цель, которую автор ставил себе изданием книги? Удалось ли ему, раскрыв перед читателем арсенал своих документальных доказательств, убедить этого последнего в правильности теории стадий? Мы думаем, что это остается вопросом. Конечно, аподиктичность многих утверждений сильно смягчена К. Бюхером в рецензируемой книге, по сравнению с прежней формой их выражения, и это обстоятельство, несомненно, будет содействовать ослаблению полемики. Вряд ли, однако, все положения К. Бюхера, хотя бы, например, относительно эдикта 301 г., будут приняты, как неоспоримые. Тем не менее «Beiträge» все же представляют большую научную ценность. Не только потому, что они отражают известный фазис историка экономической мысли, сыгравший большую роль в общей эволюции этой мысли. Статьи по финансовой истории средне-векового города ценны и сами по себе. Сосредоточивая внимание на наименее обследованной стороне средне-вековой истории, талантливый автор дает пластичный и своеобразный образ ее и ряд остроумных догадок и предположений. Отрывки документов из городского архива Франкфурта-на-Майне, присоединенные к некоторым статьям, еще больше повышают значение книги. Некоторые части ее вполне заслуживают перевода на русский язык.

В. Стоклицкая-Терешкович.

Б. Л. БОГАЕВСКИЙ. Крит и Микены. (Эгейская культура.) Государственное Издательство «Всемирная Литература» (серия «Культура Востока»), MCMXXIV. Стр. 257 с 63-мя рис. в тексте + одна цветная таблица. (Тираж 2.150 экз.).

Почти одновременно с книгою А. А. Захарова появление труда Б. Л. Богаевского на ту же тему дает известное

право усматривать здесь некий весьма глубокий и жизненный интерес современного общества к далекому культурному миру, в коем заложены начатки разрешения сложной проблемы «Восток и Запад». Не даром редакция предпосылает книге следующее примечательное предисловие: «Восток и Запад в их резком противоположении выступают, в сущности говоря, лишь в географическом отношении, так как исторические и культурные связи между ними постоянно существовали в большей или меньшей степени. Одним из наиболее ранних центров своеобразного соединения элементов культур древнего Востока и доисторического Запада является Крит и позднее—Микены» (стр. 5). И автор неоднократно упоминает (стр. 65, 229, 249, 250), что открытая Эвансом культура создает новые горизонты для понимания культуры Европы, ибо только изучая эгейскую культуру в ее наслоенных отношениях к окружающим мирам, можно осознать прошлое Эллады и Европы, до сих пор живущей добытками эллинской культуры, которая, в свою очередь, выросла на почве минойской и микенской. Из 11 глав разбираемой работы пять первых служат как бы введением к собственно минойско-микенской культуре, прослеживающим те предварительные эпохи (неолит, аэнеолит, кикладскую культуру), без анализа коих не были бы так понятны пышный, своеобычный расцвет и длительная история эгейского мира. Следующие четыре главы (VI—IX) отведены минойской культуре, глава X—микенской, и, наконец, в последней главе (XI) автор подводит итоги своему исследованию и делает любопытные, крайне свежие выводы о сущности и смысле эгейской культуры. С глубоким знанием этого трудного вопроса ведет автор свое изложение, постепенно, логично переходя от периода каменного века к эпохам более поздним, с усмотрением и тщательно-осторожно вскрывая генезис эгейской культуры, ее наращения и напластования, сношения с культурами иноземными и их влияния [напр., Болеарских островов, откуда, по мнению автора (стр. 133), была, возможно, занесена на Крит столь для него выразительная форма сужывающейся книзу колонны; влияние хеттов (стр. 133) на развитие «игр» с быками (таврокатапсия)], отмечая, далее, такой важный факт (стр. 193), как обратное воздействие Микен на Крит в последнюю эпоху поздне-минойского периода (П.-М., III). История Эгейского мира, его зарождение, блеск и наступившие за этим усталость, угасание, сумерки эгейской духовной культуры, сумевшей, несмотря на соседство других могучих культурных очагов (напр., Египет, Восток), выработать свой оригинальный творческий облик и распространить плоды своих достижений почти что на весь известный тогда исторический мир,—все это в книге Б. Л. Богаевского развертывается с редкою обстоятельностью и картинностью, основанными на безукоризненном знании огромной общей и специальной литературы и личном знакомстве и изучении мест и памятников эгейской культуры (напр., Крит).

Издана книга просто, но со вкусом, крайне опрятно, на хорошей бумаге, в привлекательной обложке; рисунки достаточно четки и недурна цветная таблица (тиринфская фреска «Девушки на колеснице»). Замечания напрашиваются лишь следующие: автор всюду, следуя общепринятому терминоупотреблению, медно-каменный век называет «энеолитом», и мы не можем не вспомнить, что в 1914 г. проф. Ф. Ф. Зелинский («История античной культуры», часть I, стр. 61) считал такой термин неудачно составленным, говоря, что следовало бы лучше назвать его «аэнеолитом», от латинского aeneus или aheneus и греческого lithos; положение автора (стр. 159), что «модели быков обеспечивали (умершему) необходимое пропитание», кажется нам недостаточно исчерпывающим, ибо эти модели, изображающие быков в позе «летучего галопа», указывают и на то, что они предназначены были для доставления покойному столь любимых таврокатапсий; не совсем закончен, далее, анализ позы быка, запутавшегося в сетях (на вафийском кубке, стр. 238). Опечаток очень мало: на стр. 57 в цитате из Одиссеи, XIX, 183 вместо «Аитон» ошибочно напечатано «Антон». В конце книги приложен полезный перечень

«Главнейших новых работ по эгейской культуре с 1914 года».

Труд Б. Л. Богаевского—приятный и чистый вклад в русскую литературу о Древнем мире, и надо горячо пожелать проникновения этой книги в самые широкие круги читающей публики.

Н. Щербаков.

ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ.

1. Проф. А. ЛАДЫЖЕНСКИЙ. Кризис современной культуры и его отражение в новейшей философии. *Ц. Фридлянда.* — **2. ТРУДЫ ИНСТИТУТА КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ. Т. I.** *Г. Баммеля.* — **3. И. ГЕЛЛЕР. Жизнь и личность Канта.** *Л. Лернера.*

ПРОФ. А. М. ЛАДЫЖЕНСКИЙ. Кризис современной культуры и его отражение в новейшей философии. Доклад в философском обществе при Донском Госуд. Университете. Р.-Д. 1924 г. Стр. 40.

Такова судьба всякой «модной» идеи, как гениальна она ни была бы. Ее начинают обсуждать вкривь и вкось, дискуссируют во всех уголках «общества», пока истасканную и шаблонизированную до-нельзя ее бросают: она становится «не модной».

Примерно, так обстоит дело с идеей о *«кризисе современной культуры»*. Кто не писал и не обсуждал этого вопроса? Но дело в том, что интеллигенция всех стран, муссируя этот вопрос, его подменила частичной проблемой: кризис современного общества кризисом «современной души». Начали «склонять и спрягать» слово кризис и, как это бывает всегда в подобных случаях, *логически* всеобъемлющее понятие стало бессодержательным понятием. По этому пути и пошел проф. Ладыженский. Его доклад—только новый вклад в «сокровищницу» современной философии, попавшей в тупик схоластики. И при этом далеко не удовлетворительный вклад. С нашей революционно-марксистской точки зрения этот доклад, помимо того, что он жалок, ничего не поясняет и ничего не дает, чрезвычайно вреден для наших читателей. Если их не отпугнет ученость профессора, латинские и пр. цитаты, они бесспорно из этой книжонки вынесут лишь вредные идеи.

Автор, говоря о кризисе современной культуры, имеет в виду «кризис современного мировоззрения». Как он совершенно правильно отмечает, этот кризис обнаружился еще до войны. И был рассмотрен в работах П. Новгородцева, Л. Троцкого, М. Фельдштейна, Р. Виппера, А. Белого, С. Котляревского, Д. С. Милля, Г. Тарда, Герцена, Достоевского, Л. Толстого, К. Леонтьева, Ф. Ницше, Ж. Сореля, Лагарделя, Вилье де Лиль-Адана («крайне правый»), Вл. Соловьева, Лопатина, Брюсова, Гершензона, Вильсона, Платона, Бакунина, Чехова («Человека забыли»), Бергсона, Ж.-Ж. Руссо, Гладстона, Г. Мене и Гальтона, проф. Франка, Файхингера (теория des als ob, «как если бы») и т. д. и т. д. Я далеко не перечислил всех имен, приводимых Ладыженским, как свидетелей кризиса современной культуры. Любопытно, что среди них нет имен, по терминологии автора, «левого социализма». Правда, один раз Ладыженский вспомнил Троцкого, ссылаясь на него по вопросу о том, почему пролетариат не может иметь теперь пролетарской культуры. Уже один этот «размах» анализа говорит нам о его бессодержательности. В самом деле, разве нет чего-либо исторически специфического в кризисе нашего времени? Для Ладыженского весь урок современных событий в смене «эволюционного мыш-

ления катастрофическим». Верно, что первая теория потерпела поражение в катастрофах нашей эпохи, но и вторая— удел идеологов класса, не имеющего будущего. Теория пролетариата не теория катастроф, а теория революции. А это далеко не одно и то же. Не объяснит ли нам многое следующее место доклада: «конечно, *мы* (sic!), попавшие под колесо истории, не сможем увидеть ясно величину его радиуса. Песок событий засыпал глаза очень многим из нас (!) и скрыл ту духовную пустыню, в которой в конце XIX и в начале XX в. очутилось человечество». Это «мы» вряд ли относится ко всему человечеству (с прописной буквы), у передовых отрядов борющихся сторон глаза открыты. Но те, у кого они засыпаны песком, смотрят на все и всех под углом зрения какой-то новой абстрактной категории: «кризис современной культуры». В конечном счете, по словам Ладыженского, это— кризис в гибели культуры средняка. Безусловно. Но послушайте, что следует за этим! «И в этом отношении он является прямой противоположностью левого социализма (псевдоним что ли?), развитого особенно в странах бедных и *основанного на принципиальном отрицании субъективных прав человека*» (курсив наш. *Ц. Ф.*). Мы видим таким образом, что можно излагать сочувственно и признавать кризис современной культуры, оставаясь при этом обывателем и продуктом этого кризиса.

Все несчастье человечества в том, что, «к сожалению, душа не могла расти с такой же волшебной быстротой, как техника», и душа была в теле задушена. Машина царствует. Ладыженский не только излагает, но и принимает утверждение поставивших диагноз европейской культуре: наша мысль не тоньше античной, а индустриальнее; наша культура не гуманнее, а техничнее. Рост техники привел нас к ужасам войны, а эта последняя убивает технику. Но не только технику, а и чувство и мысль. Правда, на стр. 25 автор предупреждает читателей, что во всех этих утверждениях много преувеличений, но нигде, ни одним словом он не выявляет ошибки цитируемых им взглядов. А ведь в вышеприведенном утверждении: война порождена техникой, *война ее (технику) убивает* — есть серьезная ошибка. «Катастрофический» путь развития состоит в том, что в обществе каждый кризис воспроизводит противоречия на все более и более расширенной основе. Мы имеем беспрерывное воспроизводство противоречий, и каждая война приводит к деградации современного общества и его культуры именно потому, что глубже становится пропасть, острее конфликт, между *подымающейся* на все более и более высокую ступень техникой (в узком смысле слова—орудия производства и в более широком—материальный остов общества, его организационная структура), и страданиями подавляющего большинства человечества. Здесь огромная разница между «катастрофой» проф. Ладыженского и революцией. Но буржуазный шаблон автора мы видим и в другом. Он сочувственно цитирует проф. Лопатина о страданиях и ужасах, порожденных войной, о варварстве и жестокости людей, проявившихся в войне и после нее. «Я говорю здесь не только о лютом патриотизме германцев: ведь, с другой стороны, когда, напр., была возможна такая безумная вакханалия обмана, грабежа и всяческого предательства, какая происходит кругом нас» Сие было сказано проф. Лопатиным в январе 1917 г. через 2—3 месяца после Великого Октября. И у проф. Ладыженского не нашлось ни одного слова возмущения, он *в этом* не увидал ограниченности, тупости и вырождения идеологов буржуазии. Поистине: «Ученый есть лжец, полезный для общества, а лжец есть ученый, полезный только для самого себя». Приходится вспомнить эти слова Прецциолини, приводимые Ладыженским, с поправкой, что ученый-лжец прежде всего имеет в виду интересы своего класса.

Против «омертвечивания» культуры философия, наука и искусство идут под знаком жизненности: «его сторонники проповедуют витализм». Повторяя за Зомбартом общую характеристику буржуа, Ладыженский видит, как для современной философии все растворяется в системе объективных причин, объективных целей и задач. «Не суббота для человека, а человек для субботы»—

таков принцип современной культуры. Эта «объективизация» получила свое полное выражение в неокантианстве. Современная философия, проповедуя витализм, зовет также «от культурной изощренности к земле, к природе: от *настоящего* мира к юности народов, к наивному реализму. Во все отрасли науки новое мировоззрение вносит нечто иррациональное». «В настоящее время человечество разочаровывается в позитивистическом утопизме—в возможности научным путем постепенно, по заранее намеченному плану, преодолеть все противоречия мысли и жизни и открыть благодетельный закон общественного усовершенствования». Но автор не понимает, что здесь не кризис, а крах, деградация идеологии класса, незнающего путей к будущему и разочаровавшегося в прошлом.

Каково же отношение самого автора ко всем этим вопросам? При внимательном чтении мы видим, что он сам—отпрыск кризиса, но все это прикрыто, и лишь иногда прорывается наружу. Он кончает доклад свой словами: «...Должно наступить время великих обобщений, грандиозных философских систем, где должны быть подведены итоги всем новым исканиям. Их ждет современный человек. И они, несомненно, зреют», при этом ни звуком не упоминая о путях будущего. Нужно ли лучшее подтверждение тому, что его глаза засыпаны песком и что, не имея перспектив, он ничего не понимает в кризисе современной культуры...

Ц. Фридлянд.

ТРУДЫ ИНСТИТУТА КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ. Под редакцией М. Н. Покровского. Том I. Работы семинариев философского, экономического и исторического за 1921—1922 г.г. (I курс). Государственное Издательство. Москва. 1923. Стр. 374.

Задача Института Красной Профессуры—подготовка преподавателей высшей школы. Как известно, с необходимостью подготовки новых теоретических сил партии столкнулась на первых шагах своей деятельности «комиссия по коренному преобразованию преподавания общественных наук в высшей школе» зимою 1920—1921 г. (так наз. «комиссия т. Ротштейна»). Для нее было совершенно очевидно, что ни о каком, не то что «коренном», а каком бы то ни было преобразовании в преподавании общественных наук не может быть и речи, пока на местах остается старый преподавательский персонал с полной возможностью для него «плодиться и множиться». О работе названной комиссии, обо всех препятствиях, которые приходилось преодолевать ей в организационной деятельности по части привлечения молодежи, партийных преподавательских сил и т. д. подробно рассказывает т. Покровский во вступительной статье, посвященной первой годовщине ИКП. В числе прочих фактов, которые приводятся в этой статье и которые как нельзя лучше характеризуют колоссальную силу и размах идеологической диктатуры пролетариата, необходимо остановиться на той огромной педагогической работе, которую проделывают слушатели ИКП. В короткой рецензии невозможно полностью приводить те статистические данные, которыми иллюстрирует т. Покровский педагогическую работу слушателей ИКП. «На каждого из 93 работающих товарищей приходится по пяти слишком часов в неделю. Совершенно очевидно, что в подсчет часов не вошло время на заседания кафедр университетов, предметных комиссий, бюро семестров и пр. необходимая, но не учитываемая работа». Это—педагогическая работа в комм. у-тах и рабфаках. К этому добавьте партийную работу: «подавляющее большинство (не менее 100) состоит в рабочих ячейках, меньшинство—в ячейках различных школ и только единицы (до 5)—в ячейках Райкомов и Наркоматов»; количественно же партийная работа выражается 10 вечерами за месяц. Все это показывает, что с углублением в чисто теоретические занятия слушатели не отрываются от масс. Всем известно, как в передовой мыслящей части рабочего класса широко были распространены опасения, чтобы ИКП не превратился в своеобразную оранжерею теоретиков, а философия не сделалась «спасительницей от оппортунизма».

Конечно, уклоны в сторону науки ради науки, философствования ради философствования возможны, но гарантией того, что эти уклоны будут предотвращаться или жестоко преследоваться, служит уже то обстоятельство, что организационная идея, положенная в основу ИКП, с самого начала была намечена и осуществлена правильно. Идя и впредь по линии наибольших требований по части партийной работы от слушателей ИКП, мы действительно сможем создать нового типа теоретика-коммуниста, ибо речь идет, как правильно замечает т. Покровский, не просто о подготовке марксистски образованных преподавателей для этой школы,—речь идет о борьбе за коммунизм в высшей школе. «Нам нужна молодежь, глубоко проникшаяся принципами революционного марксизма, умеющая делать из учения Маркса все теоретические и практические выводы, какие можно сделать». В той тесной неразрывной связи с высшими партийными задачами, в том живом общении с рабочей массой, в каком проходит теоретическая учеба слушателей, не может быть места опасениям о засильи «академизма», «внутреннего перерождения» и т. д.

В книге помещены семинарские доклады т.т. Юринца, Троицкого, Луппола, Тапхилевич, Рахман. Не все доклады отличаются равными достоинствами. «Тем не менее, некоторые работы,—пишут руководители философских семинариев, Л. Аксельрод и А. Деборин (напр., доклад т. Юринца),—представляют собою попытку самостоятельного научного исследования». Работа В. Юринца посвящена изложению учения Ламетри о материи и может быть рекомендована русским читателям, изучающим французский материализм XVIII века.

Живая, словно произнесенная речь, в стиле французской литературной критики (Реми де Гурмон!) статья А. Троицкого излагает этические взгляды Гельвеция. С легкостью изложения автор прекрасно сочетает большое уменье дать внутреннее развитие теме.

Логически насыщенная, вполне овладевшая материалом,—и притом в его абстрактной, логической форме,—статья О. Тапхилевич посвящена учению Канта о категориях и сделала бы честь любому столичному журналу по философии.

Интересная статья И. Луппола, уже выпустившего книгу о Дидро, о «Социальной этике Мабли и Морелли»—маленький, но ценный вклад в марксистскую литературу об этих малоизученных мыслителях.

В заключение нам бы хотелось остановиться на одном вопросе. Дело в том, что все представленные работы написаны с исключительным ударением на идеологию, на изложение и критику *системы идеи*. Конечно, дать марксистский анализ какой-либо философской системы не значит непременно указать ее социологические корни: можно назвать ряд блестящих произведений, написанных с точки зрения диалектического материализма, но не имеющих никакого отношения к социологии. В таких случаях речь идет о том, насколько автор владеет диалектическим методом в логическом анализе данной системы идеи. Но не следует забывать, что замыкаться в теоретически-логической критике тех или иных «систем» нецелесообразно с точки зрения *педагогической*, с точки зрения усвоения и проработки метода исторического материализма. «Историю надо начинать изучать сызнова», говорил Энгельс,—и это не может не относиться и к истории философии. Но если это так, то марксистская проработка истории философии должна быть принципиально основана на фундаменте материалистического понимания истории. Социологический (в широком смысле слова: «социология») анализ должен занимать первенствующее место в историко-материалистическом изложении истории философии. Поэтому представленные в рецензируемой книге статьи следует рассматривать, именно как предварительную работу, которая требует дальнейшего исследования затронутых проблем, дальнейшей разработки теоретических вопросов в пределах этих проблем. С этой точки зрения «Труды Института Красной Профессуры» можно только приветствовать. А новое «теоретическое» поколение с благодарностью отметит энергию своих учителей—А. М. Деборина и Л. И. Аксельрод.

Гр. Баммель.

И. З. ГЕЛЛЕР. Жизнь и личность Канта. «Academia». Петербург. 1923. Стр. 88.

И. З. Геллер считает спор о том, можно ли видеть в жизни и личности Канта проявление гениальности, доказательством, «так сказать, антиномичности в них», и ему «кажется, что ему удалось с новой точки зрения осветить как личность великого кенигсбергского мыслителя, так и ход его внутреннего развития, и что им (автором) в частности доказан никем еще, повидимому, не отмеченный факт внутреннего перелома в душевной жизни Канта, сопутствовавшего кризису его философской мысли» (стр. 5).И в самом деле, И. З. Геллеру удалось рельефней, чем авторам, до него занимавшимся сложными проблемами духовной биографии Канта и в частности переходом его от догматизма и скептицизма к критицизму, проследить одновременный процесс «механизации», «окостенения внешней жизни в интересах внутренней». Это и ряд метких замечаний о характерных особенностях Канта делает талантливо и с любовью к предмету написанную книгу И. З. Геллера интересной для занимающихся историей философской мысли и психологией творчества.

Конечно, от сжатого, популярного очерка нельзя требовать детальных исследований по спорным вопросам, разработка которых разрослась в так называемую Kantphilologie, но все же, может быть, не лишнее было бы несколько обосновать некоторые суждения. А если И. З. Геллер даже вступает (стр. 72) в своеобразную полемику с Кантом (по поводу известного определения брака в «Метафизике нравов»), то его негодование по поводу этого «возмутительного» определения свидетельствует о возвышенности его чувств; но, право же, логическая аргументация Э. Целлера, не только признающего Кантово определение «недостойным и прямо-таки деревянным», но и выясняющего его неудовлетворительность (E. Zeller, Geschichte der deutschen Philosophie seit Leibniz. S. 48), убедительней. Кроме того, в цитате из Канта на стр. 71 И. З. Геллер неточно переводит слово libertin «вольнодумец»: из контекста совершенно ясно, что оно в данном случае означает распутник.

Признавая, что «гениальная личность определяется в своем развитии не только изнутри, но и извне» и что «вся жизнь Канта представляет собой процесс приспособления его гения к условиям времени и места ради выполнения его задачи», И. З. Геллер не приводит этой задачи Канта в связь с очередными задачами, поставленными предшествующим ходом развития философской мысли, и не дает анализа материальной основы этого развития. Поэтому, после его труда, в «безбрежной кантовской литературе» продолжает «чувствоваться пробел», заполнением которого пора было бы заняться марксистам, серьезно относящимся к столь часто цитируемым словам Энгельса о том, что родоначальниками научного социализма были, между прочим, Гегель и Кант.

Л. Н. Лернер.

НАУКИ О ПРИРОДЕ.

1. Д. СОБОЛЕВ. Начала исторической биогенетики. *М. Гремяцкого.* — **2. Д. ЗАБОЛОТНЫЙ. Невидимые враги или микробы.** *М. Гремяцкого.* — **3. Ю. ФИЛИППЧЕНКО. Пути улучшения человеческого рода** *Н. Кольцова.* — **4. Н. КАМЕНЩИКОВ. Начальная астрономия.** *С. Блажко.* — **5. Проф. Артур ГААЗ. Физическая картина мира по данным новой физики.** *С. Вавилова.* — **6. Проф. Г. ТАНФИЛЬЕВ. География России и Украины. Ч. II.** *Проф. А. Крубера.* — **7. МАЛАЯ БИОЛОГИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ.** *Н. Кольцова.*

Д. СОБОЛЕВ. Начала исторической биогенетики. Госиздат Украины. Харьков. 1924 г. Стр. 204.

Под «биогенетикой» автор понимает науку, изучающую «нормальную преемственную смену во времени форм живого, связанных генетически». Если изучаются изменения форм одного и того же организма—перед нами «онтогенетика», если же выясняются законы преобразований форм сменяющих друг друга поколений, то возникает «историческая биогенетика», т.-е. как бы палеонтология, не ограничивающаяся описанием вымерших форм, но пытающаяся установить общие закономерности их развития.

Первая часть книги—«проблемы исторической биогенетики»—рассматривает эволюционные идеи в историческом разрезе и устанавливает основные вопросы, на которые эволюционная теория должна дать ответы. Таких вопросов три:

1. Наблюдается ли в исторической жизни органического мира устойчивость или изменчивость форм.

2. Происходит ли медленная эволюция или быстрые революции.

3. Управляется ли развитие органического мира «случаем» или «законом».

Для разрешения этих вопросов автор подвергает критическому обзору основные проблемы эволюционной теории («законы биогенеза»—по его терминологии): закон наследственности или сохранения вида, закон эволюции или органического роста, закон обратимости эволюции или закон биогенетических циклов и закон прерывистости. Результаты рассмотрения этих «законов» таковы.

Органическое развитие идет по равнодействующей всех этих четырех законов. Эта равнодействующая не имеет вида прямой, а дает нам картину волн или циклов. Это объясняется тем, что отношение между интенсивностью действия этих четырех биогенных сил не остается все время постоянным. То одна, то другая из них, временно усиливаясь, перетягивает равнодействующую в свою сторону. Преимущественное влияние каждого из четырех законов характеризует особое состояние или особую форму биогенеза. Получаются четыре последовательные фазы, каждой из которых свойственно особое состояние признаков и особый тип изменчивости. Каждый цикл состоит из двух полуциклов—полуцикла эволюции, включающего фазу роста и фазу установления, и полуцикла революции, проходящей через фазу обратного развития (молодения) и фазу превращения или пёреворота, знаменующего начало возрождения. Онтогенетический цикл, а также и филогенетический протекают, по мнению автора, в одном порядке смены этих четырех фаз: первая фаза—усиленный рост и развитие, когда появляются изменчивые признаки—прогрессивные (и регрессивные?). Постепенно, замедляясь, развитие приводит к более или менее неизменному стационарному состоянию, характерному для второй фазы. Вслед за тем, иногда после предварительных

проявлений регресса (старость) наступает смерть, т.-е. возвращение в состояние мертвой материи.

Соответствует ли эта последовательность циклов тому, что происходит в действительности? Сопоставляя эти «законы» с фактами, видим, что нет. В самом деле, фаза органического роста развивает не только прогрессивные признаки, но и регрессивные и уклончивые, тогда как по схеме Соболева регрессивные признаки должны соответствовать третьей фазе биогенеза, а уклончивые—четвертой фазе. Далее, что касается этой четвертой фазы (переворот—метабазис), в течение которой может произойти изменение признаков формы (т.-е. половое воспроизведение, сопровождаемое смешением зародышевых плазм), то, как известно, при этом воспроизведении то или иное сочетание зародышевых элементов зависит от случайностей оплодотворения (от «случая», против которого Соболев вооружается), а не от имманентного, «вложенного в органический мир», закона развития. Не имея возможности в нашей краткой заметке рассмотреть по существу аргументацию автора, как она того заслуживает, мы вынуждены ограничиться указанием, что и филогенетическая закономерность смены фаз, установленных Соболевым, возбуждает большие сомнения.

В заключение отметим, что, подобно многочисленным антидарвинистам, Соболев противополагает «случай», объясняющий якобы по Дарвину эволюцию органического мира, «закону», присущему на самом деле этой эволюции. Логически и методологически неправильное противопоставление. Ведь тот же «закон Менделя» проявляется лишь при массовом действии, когда «случай» становится единицей, индивидуально исчезающей в большом числе других случаев и слагающейся с ними по «законам» теории вероятностей. Сам Дарвин не раз подчеркивал, что он говорит о «накоплении *множества* вариаций» (наследственных!), т.-е. о массовых и длительных действиях. И, пожалуй, не требуется большого проникновения в его теорию, чтобы увидеть, что упрек в сведении эволюции к «случайностям» здесь не применим.

В общем надо сказать, что книга Соболева безусловно интересна, несмотря на ошибочность основных положений автора и некоторую антидарвинистическую тенденцию.

М. Гремяцкий.

Д. ЗАБОЛОТНЫЙ. Невидимые враги или микробы. Госиздат. Берлин. 1923. Стр. 36.

Чисто изданная в Берлине брошюра Заболотного и по содержанию производит такое же приятное впечатление. В живом и довольно простом изложении рисует автор жизнь микроорганизмов, указывает их распространение и роль в природе, прослеживает пути, по которым они попадают в наше тело, и довольно подробно останавливается на их болезнетворной деятельности. Изложение носит конкретный характер, каждое положение микробиологии иллюстрируется примерами из близкой читателю действительности. Ряд недурно исполненных рисунков еще усиливает наглядность изложения. Единственным существенным минусом книжки является ее некоторая односторонность. Внимательный читатель вынесет ясное представление о вредных микробах, но не поймет роли микроорганизмов в общем хозяйстве природы. Впрочем, это, вероятно, и не входило в задачи книжки. Благодаря тому, что она доступно и ясно трактует такой практически важный вопрос, как вредная деятельность микробов, эта книга может оказаться небесполезной в каждой библиотеке, а также в руках учителя I ступени или лектора народной аудитории.

М. Гремяцкий.

Ю. А. ФИЛИППЧЕНКО. Пути улучшения человеческого рода. (Евгеника.) Гос. Издат. Ленинград. 1924. Стр. 189+1 н/н.

Эта небольшая книжка (190 стр. в $^1/_{16}$ долю листа) является прекрасным введением в изучение евгеники. При бедности русской евгенической литературы она оказывается в то же время наиболее подробным изложением наиболее существенных проблем этой науки. По-

сколько евгеника является наукой прикладной, для характеристики книги важно выяснить, в чем автор ее видит главный метод практического усовершенствования человеческой породы. Рецензент вполне разделяет точку зрения автора, что таким методом является не ограничительный отбор (стерилизация наследственно отягченных субъектов), а поощрительный отбор, т.-е. содействие со стороны общества и государства размножению тех людей, наследственные свойства которых общество и государство оценивает особенно высоко.

Книга издана с примечаниями редакции, которая считает нужным ослабить значение биологического отбора с марксистской точки зрения. Эти примечания были бы в значительной мере излишними, если бы автор подчеркнул с полной ясностью, что оценка полезности или вредности тех или иных наследственных свойств человека должна принадлежать отнюдь не ученому, а именно обществу и государству и что при торжестве марксистского принципа в государстве он может быть положен в основу этой оценки. Сам автор держится, несомненно, той же точки зрения.

Весьма желательно, чтобы книга нашла распространение в особенности среди педагогов. Автор справедливо указывает на необходимость введения знакомства с основными принципами евгеники в школу, и каждый учитель должен знать, к чему стремится евгеника и каковы современные научные воззрения на наследственность.

Ник. Кольцов.

Н. КАМЕНЩИКОВ. Начальная астрономия. Стр. 168+1 карта. 120 рис. Гос. Издат. Ленинград. 1924.

Автор задался хорошей целью: исходя из предположения, что в IV, V и VI годах обучения в трудовой школе по часу в неделю будет уделяться, конечно, под руководством преподавателя, для производства учащимся самостоятельных астрономических наблюдений, дать для VII года книгу, в которой эти наблюдения «должны быть приведены в систему с подведением необходимого фундамента в виде общих законов»; он имел в виду «знакомить учащихся с методом науки, указать практическое значение астрономии и дать ему новейшую эволюционную теорию образования миров для выработки материалистического мировоззрения». Нужно заметить, что такая постановка преподавания начальной астрономии уже давно рекомендовалась некоторыми русскими педагогами во главе с Н. Ф. Платоновым (Тверь), который и фактически проводил ее со своими учениками и выпустил в свет прекрасную книгу: «Практические занятия по начальной астрономии», заменив этими словами слово: космография. Конечно, будет очень хорошо, если такая постановка преподавания будет проводиться достаточно подготовленными педагогами. Тогда в последнем году нужно будет все привести в систему и потребуется подходящая книга.

К сожалению, сразу приходится сказать, что рецензируемая книга мало пригодна для этой цели. В ней прежде всего бросается в глаза именно бессистемность изложения. «Астрономия—наблюдательная наука», говорит автор в предисловии; поэтому систематическое изложение ее должно бы начинаться с описания наблюдаемых явлений, чтоб затем перейти к их истолкованию; и это так просто и легко сделать опытному преподавателю, если у учащихся уже есть некоторый, хотя бы по необходимости и отрывочный, запас наблюдений. Но не так поступает автор: наблюдения у него спрятаны в средину книги, а в первой же главе говорится, как в шаблонном учебнике космографии, о земле, определении ее радиуса, триангуляции, сплюснотости земли и уже здесь фигурируют географическая широта, меридиан и др. термины, точное определение которых дано лишь в 5 главе; так сразу обнаруживается несистематичность изложения астрономии, как наблюдательной науки. Но более того, когда автор доходит до изложения видимых явлений, то несколько подробно изложено только суточное вращение небесного свода, не упоминается о виде ночного неба в разные месяцы года; видимое движение планет, столь поучитель-

ное, едва намечено, а ведь у учащихся может накопиться и некоторый запас наблюдений над прямыми и понятными движениями планет; вместо «объяснения наблюденных (или наблюдаемых) явлений» дается, к тому же не полное, изложение следствий системы Коперника, а это ведь не то, что требуется для выяснения метода науки.

Уверения автора, что «книга составлена по новейшим научным данным», тоже оказываются не совсем точными. К сожалению, в книге встречаются не только не новейшие, а вообще не точные данные, и нередко попадаются очень неудачные выражения. Вот примеры—стр. 13: к шаблонному определению места по «парижскому» меридиану не прибавлено действительного определения его по прототипу метра в международной палате мер и весов; стр. 19: размеры Земли даны не по последним данным и, что хуже, при выводе сжатия допущено несоответствие между исходными данными (22 километра разницы между полярным и экватор. радиусом) и результатом вычисления (знаменатель сжатия с 4-мя значущими цифрами), плохой, хотя и нередко встречающийся, пример для учащихся; стр. 23: напрасно утверждается, что Канопус самая большая звезда; ее размеры не известны, так как не известен параллакс; лучше было бы просто привести Бетельгейзе, для которой диаметр определен наблюдениями, это было бы и по новейшим научным данным; стр. 27: утверждается, что Меркурий виден только в зрительную трубу; стр. 31: «в холодное время года сумерки короче, а в теплое длиннее»; на деле, как известно, самые короткие сумерки бывают весною и осенью, а не зимою; стр. 34: определения точек севера и юга не дано—есть только ссылка на чертеж; этого недостаточно, конечно; § 21—систематичней было бы сначала описать устройство спектроскопа, а потом изложить законы спектрального анализа; без этого читателю не ясно, отчего же получаются спектральные линии, да и дальше не указано, что линии суть изображения цели, а элементарную оптику ученики VII года ведь будут знать; стр. 48 в правиле: «удвоенный нумер месяца в году дает приближенное звездное время в 6 час. вечера», автор забыл прибавить, что это правило относится к 22 числу каждого месяца, а то выходит, будто во все дни месяца звездное время в 6 час. веч. одно и то же, и тут же применяет это правило без этой поправки и выходит совсем не хорошо; стр. 80: угловой диаметр Солнца не 15,5, как указано в книге, а 16,0; последующие вычисления произведены неверно, так что из неверных данных при помощи неверных вычислений получается верный результат—плохой пример для учащихся! Стр. 82, на чертеже 57 угол годичного параллакса показан неверно и потому основание дальнейшего вычисления неверно, а результаты приведены верные — логика страдает; стр. 85: «Луна в первой четверти заходит и восходит на 6 час. позже Солнца»—неправда, и вдумчивый ученик может сам заметить эту ошибку автора; §§ 60, 61: хоть бы намек на то, каким образом определяется время вращения Солнца вокруг оси; где же метод науки? все—догматика; пятна Солнца не «образуются от соединения пор»; когда будет максимум пятен—предсказать нельзя; 11 лет, это—только средний период; угадать, конечно, можно, но это не наука; стр. 113: неправда, что водород в хромосфере «раскален добела», на стр. 108 правильно сказано, что хромосфера розоватого цвета; § 64—«по новейшим» данным солнечная постоянная равна 2 мал. калор., а не 3, как думает автор; стр. 143: «при том громадном расстоянии, на котором находятся от нас звезды, отраженный свет от них не достиг бы до земли»—не точное, обывательское выражение, которому не место в учебнике астрономии; стр. 145: неправда, будто «Мира Кита в течение 7 месяцев остается звездой 9 величины». Вот далеко не исчерпывающий всего материала снимок примеров неудачных выражений.

Мы не хотим сказать, что в книге только и есть, что промахи и ошибки; некоторые главы в общем написаны не плохо, но бессистемность изложения и слишком часто встречающиеся промахи очень сильно портят книгу. Конечно, очень трудно, почти невозможно, написать книгу без единого неловкого выражения и совсем без ошибок. Но если книга

так мало отвечает поставленной цели, то объяснение, если оно нужно, кажется, может быть только одно: книга написана слишком спешно и небрежно: автор, повидимому, не имел времени ни продумать, как следует, план книги, ни позаботиться о точности изложения отдельных вопросов. С. Блажко.

Проф. АРТУР ГААЗ. Физическая картина мира по данным новой физики. Перевод Я. И. Рамм, под редакцией проф. Н. Н. Андреева. И-во Л. Д. Френкель. Москва—Ленинград. 1924. Стр. 108.

Благое намерение известного автора этой брошюры—изложить на 88 страницах новую физику «легко и общедоступно, избегая всяких математических формул». К сожалению, это не удалось, да и вообще едва ли осуществимо. Получился сжатый конспект новых фактов и течений в физике, составленный по общепринятому теперь трафарету и, полагаем, во многом непостижимый для малоподготовленного читателя. Удачнее остальных в отношении ясности вторая лекция, посвященная молекулярной статистике. Обходить простые математические выражения словесным их начертанием, как делает автор в некоторых местах, не значит, конечно, избегнуть формул.

В результате изложение зачастую очень тяжеловесно. Несомненная ошибка—желание подойти к теме в коротком популярном очерке исторически, вследствие чего книга пестрит именами и названиями фактов и теорий, иногда совершенно не излагаемых. Странно поэтому читать в предисловии, что автор стремился умалчивать об именах и фактах.

По мнению Гааза, «новая физика открывает перед нами картину мира, чрезвычайно простую». Едва ли это так,—о единой картине вообще говорить еще преждевременно. Слишком много осталось неразрешенных противоречий почти во всех областях физики; новая физика пока сложное и непримиренное нагромождение уцелевших «классических» принципов, эмпирических постулатов теории квантов и утверждений теории относительности, претендующих на всеобщность, практически же еще очень ограниченных. С другой стороны, новая картина мира и не проста, она значительно запутаннее старой классической картины.

В конце-концов, новичок едва ли что уразумеет, скажем, о сущности теории относительности, или теории квантов по изложению Гааза. Поневоле приходится отсылать читателя к другим, более специальным и толстым книгам. Напрасно только рекомендовать, как это делает автор, сразу перескакивать к большой и трудной монографии Зоммерфельда.

С. Вавилов.

Проф. Г. И. ТАНФИЛЬЕВ. География России и Украины. Часть II. Вып. I. Рельеф Европейской России и Кавказа. Государственное Издательство Украины. 1922 г. Стр. 343 + 7.

Нельзя не приветствовать появление этой книги в печати, так как она восполняет существенный пробел в русской географической литературе, являясь единственным учебником географии России для высшей школы, более или менее удовлетворяющим требованиям, предъявляемым к такому учебнику.

Выпуск 1 II части «Географии России» Танфильева посвящен преимущественно рельефу Европейской России и Кавказа, хотя попутно касается также гидрографии, напр., рек и озер. Книжка имеет 11 глав (343 стр.) и снабжена 35 рисунками (карты и схематические чертежи). Каждая глава предваряется изложением истории исследования данной области и притом не только со стороны рельефа, но и во всех других отношениях (что является, до известной степени, повторением 1 части, лишь в другой группировке материала) и сопровождается обильным списком литературы. На наш взгляд порайонному рассмотрению Е. России следовало бы предпослать общий очерк строения рельефа всей Российской равнины и ее геологического прошлого, поскольку это прошлое отразилось на современных фор-

мах поверхности. Такой порядок изложения дал бы более наглядную картину орографического строения русской равнины и устранил бы необходимость повторять несколько раз одно и то же. Порайонное же описание рельефа следовало бы соединить с рассмотрением и других физико-географических особенностей каждого района (гидрографии, климата, растительности и т. д.).

Желательно бы было уделить более места рассмотрению тектонического строения страны, в особенности горных областей, как Крым, Кавказ, которое освещено в книге совершенно недостаточно. Так, например, данные Освальда о тектонике Закавказья использованы автором только в самых общих чертах.

Не указано, что в строении Закавказья играли роль не одни только меридиональные сбросы. Месхийский хребет неправильно отожествлять с Сурамским. Недостаточно ясно освещено также тектоническое строение Донецкого кряжа, Ергеней, Общего Сырта. В главе IV «Рельеф внестепной полосы» надлежало бы привести более свежие данные о стратиграфии ледниковых отложений (на основании работ Мирчепко и Павлова) и их соотношении к таковым отложениям в З. Европе. Для термина Rumpfgebirge или Abrosivusgebirge имеется уже утвердившийся в русской литературе термин *остаточные горы*, употребление которого было бы предпочтительнее пользования немецким термином (стр. 192). Едва ли можно согласиться также с проводимым в книге объяснением образования блюдец и падей в степной полосе путем стаивания льдин, занесенных ледниковой мутью и пылью или путем дислокационных процессов (стр. 113). По вопросу о происхождении лесса автор придерживается эклектической точки зрения, т.-е. допускает его формирование всеми когда-либо указанными способами (кроме почвенной теории Л. С. Берга), хотя наибольшую симпатию в нем возбуждает, несомненно, флювиоглациальная теория; но в таком случае несколько немотивированным является строгое отношение автора к Вислоуху, который как раз является горячим защитником флювиоглациальной теории (стр. 102). Восточное Предкавказье удобнее было бы назвать полупустыней, а не пустыней (стр. 240). Различие в природе обеих частей Предкавказья обусловливается не столько геологическими, сколько климатическими (в связи с положением и рельефом) причинами (стр. 240). При объяснении рельефа в северной лесной половине России следовало бы более оттенить значение эрозии (стр. 143). Можно бы было указать еще кое-какие мелкие погрешности в книге и довольно многочисленные опечатки в названиях мест и фамилиях авторов, но все это неизбежно для такого обширного труда и нельзя не быть благодарным автору, давшему русскому студенчеству и учительству впервые ценный и стоящий на высоте современной науки учебник географии России.

Проф. Д. Крубер.

МАЛАЯ БИОЛОГИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ. Под ред. П. Ю. Шмидта. Изд. Френкель. Москва—Ленинград. 1924. Стр. 291.

В настоящее время более чем когда-либо значительно число лиц, которые, не получивши правильной подготовки по биологии, стремятся пополнить свои знания путем чтения книг. Наш книжный рынок далеко небогат и недифференцирован; по имеющим самое жизненное значение биологическим проблемам имеются лишь немногие книги, притом же совсем не приспособленные для понимания неподготовленного читателя. Полу́чивши в руки такую книгу, читатель не в состоянии порою справиться с ней, так как не понимает научных терминов. Хорошо составленный толкователь терминов значительно облегчил бы такую работу и нашел бы широкое распространение.

Повидимому, эту задачу и ставила себе редакция «Малой Биологической энциклопедии», носящей подзаголовок: «толковый словарь научных терминов и названий по анатомии, бактериологии, биологии, ботанике, гистологии, зоологии и физиологии животных и растений».

Но вряд ли задача может считаться выполненной удачно. Со стороны научности изложения не приходится сомневаться в том, что большинство из 5.000 научных названий и терминов, вошедших в состав энциклопедии, истолковано правильно; за это говорят имена участников издания, среди которых мы находим крупных ученых. Но лаконически-краткие объяснения каждого термина, в большинстве случаев, отнюдь не могут быть признаны достаточно популярными и доступными для понимания человека, не получившего солидной подготовки в области биологии. Для специалиста же большая половина книги является излишним балластом, и в то же время он не найдет здесь главного, о чем порою приходится справляться: точного перевода приводимого иностранного термина.

Повидимому, причиной неудачи издания является двойственность поставленной задачи: 1) дать действительно энциклопедию, хотя бы и малую, для неподготовленных читателей и 2) дать толкователь терминов для биологов. Для выполнения первой задачи следовало бы выбросить около половины слов, но зато подробнее развить объяснения оставшихся слов и написать их простым, доступным языком. Для выполнения второй задачи число терминов можно было бы и увеличить, но не пытаться в 10 строках определять понятие о «наследственности» или приводить характеристику Carnivorn с зубною формулой и перечислением семейств, а взамен этого дать действительно словарь с объяснением корней каждого термина. Первая задача для нашего времени является особенно важной, а вторую, может быть, правильнее было бы отложить до будущего. Но в настоящем виде «Малая Энциклопедия» вряд ли удовлетворит какую-либо из заинтересованных в подобном словаре групп читателей.

Ник. Кольцов.

НАУКИ ОБ ОБЩЕСТВЕ И ГОСУДАРСТВЕ.

1. «ПРОБЛЕМА МАРКСИЗМА». Сборник II. Проблема преступности. *А. Пионтковского.*— 2. Проф. Е. КОРОВИН. Международное право переходного времени. *И. Ильинского.* — 3. К. ВАРШАВСКИЙ. Трудовой договор по кодексу законов о труде С.С.С.Р. *С. Минца.*

ПРОБЛЕМЫ МАРКСИЗМА. Сборник второй. Проблема преступности. Редакция и предисловие Я. С. Рязанова. Государственное Издательство Украины. 1924. Стр. 266.

Вопросы права очень мало разработаны марксистами. Их разработка лишь только теперь началась марксизмом. Правоведение все еще в значительной мере является одной из *незавоеванных* идеологических позиций буржуазии. До революции марксизм из вопросов права успел уделить сравнительно большее внимание вопросам уголовной социологии. Ознакомить читателя с достижениями марксистской мысли в этой области и ставит себе задачей рецензируемый сборник. Материал сборника составлен, главным образом, из статей, печатавшихся в разное время до войны на страницах «Neue Zeit». Весь материал сгруппирован по трем отделам: I — биологическая или социальная природа преступления, II — экономические факторы преступности, III — преступность и социализм.

Наиболее богато представлен первый отдел. Здесь помещены статьи Энрико, Ферри, Кунова, Куатского, Богнера и других, из которых читатель может получить достаточное представление об уголовно-антропологической теории Ломброзо, о попытках соединить ее с социальным пониманием природы пре-

ступления, об отношении марксизма к роли антропологических и социальных факторов в этиологии преступности. Редактор сборника в своем предисловии удачно помогает читателю разобраться в предложенном материале, правильно отмечая противоречия и непродуманность эклектического соединения антропологического и социологического взгляда на преступления у считающего себя «марксистом» Э. Ферри. Особенно надлежит быть отмеченной последняя статья этого отдела, статья М. Сурского «Социологическая школа в уголовном праве, как защитница интересов господствующего класса», написанная хотя и более 20 лет тому назад, но все же не утратившая и до сих пор значения, так как с большой яркостью вскрывает классовую сущность любящих разговаривать об «общем благе» криминалистов-социологов. Второй отдел представлен блестящей статьей талантливого П. Лафарга «Преступность во Франции с 1840 по 1886 г.г.», выдающееся научное достоинство которой признавалось единодушно и буржуазной критикой; статьей М. Сурского «Преступность и экономические факторы», знакомящей читателя с содержанием монументальной работы голландского криминалиста—марксиста Бонгера об экономических причинах преступности, статьей проф. Дени, разбирающей вопрос о преступности и экономических кризисах. Третий отдел заключает статьи проф. М. Гернета «Социалистическая школа науки уголовного права», представляющая отдельную главу из его работы «Общественные причины преступности», опубликованной еще в 1906 году. Автор выясняет различие между взглядами либеральных криминалистов-социологов и криминалистов-марксистов на вопрос о факторах преступности в капиталистическом обществе; Н. Колоянни и Бонгер в статьях на тему «Социализм и преступность» цифровыми данными опровергают буржуазную ложь о том, что распространение социалистической пропаганды является причиной роста преступности в буржуазном обществе, и вскрывают истинные причины ее роста, заключающиеся в поступательном развитии капиталистического способа производства.

Основным недостатком рецензируемого сборника является то, что его составителю не удалось совершенно использовать выдающейся работы по вопросам о причинах преступности голландского марксиста Бонгера «Criminalité et conditions économiques», вообще говоря, вполне заслуживающей того, чтобы быть переведенной целиком на русский язык. Далее едва ли верно утверждение автора предисловия о сравнительно малой разработанности криминальной социологии (стр. 6). Наоборот, вопрос о факторах преступности имеет колоссальную литературу на всех языках. Марксизму, конечно, вовсе нет основания отказываться от значительной доли этого *буржуазного* литературного наследства. Весь материал необходимо лишь поставить в стройную схему, дать целостную (монистическую) концепцию причин преступности, установить их причинную связь с капиталистической структурой общества и сделать отсюда выводы, которые не могла сделать буржуазная наука: лучшей уголовной политикой является политика, направленная на уничтожение капиталистической системы общества, на уничтожение эксплуатации человека человеком. Рецензируемый сборник показывает, что марксизм в значительной мере уже и проделал эту работу. Техническим недостатком сборника является отсутствие указания в каждой статье, откуда они непосредственно взяты составителем.

Указанные недостатки не умаляют большого значения сборника в деле выработки у учащейся молодежи и у широкого круга читателей марксистского взгляда на проблему преступности.

Д. Пионтковский.

Проф. Е. А. КОРОВИН. Международное право переходного времени. Институт Советского права. ГИЗ. Москва—Ленинград. 1924 г. Стр. 136. Тираж 5000.

Книга Е. А. Коровина, несомненно, возбудит живейший интерес в кругу наших юристов и политических деятелей. Ею открывается, надо думать, серия трудов, посвященных изучению той отрасли советского права, которая до сего времени разрабатывалась лишь в немногочисленных журнальных статьях. По сравнению с задачами исследователей внутрисоветского права задача международника имеет свои особенные трудности. Из них не на последнем месте стоят политические. Но и чисто догматические трудности серьезны. Установить идеологическую смычку между двумя принципиально отрицающими друг друга системами государственности, найти общую для них почву, без которой немыслимы никакие правовые формы международного общения, и в то же время наметить четкую демаркационную линию, отделяющую СССР от концерта буржуазных держав, иными словами—построить единую систему в нескольких юридических плоскостях,—таковы те препятствия, которые должна преодолеть конструкция советского интернационалиста и в преодолении которых работа Е. А. Коровина сыграет немаловажную роль.

Основание международного права вслед за Ульманом и Мартенсом автор усматривает в интересах человеческого общежития. Е. А. Коровин полагает, что между СССР и буржуазными державами не может существовать идеальной солидарности интересов, т.-е. общности моральных, этических и правовых, в наиболее отвлеченном смысле слова, оценок. Тем самым отпадают и базирующиеся на этих моментах части международного права. Но остаются материальные, хозяйственные интересы: они необходимо связывают в общей системе мирового хозяйства социалистические и частнособственнические страны и, следовательно, требуют общего правового нормирования. Изучая это нормирование, автор готов использовать все основные методы, известные современному правоведению, но дополняет их список «классовым методом», вскрывающим реальные классовые интересы, коими вызваны к жизни различные идеологии и институты международного права. Я не думаю, чтобы замена «социалистического» или «марксистского метода» «классовым» была особенно удачна. Она суживает базис материалистического понимания истории и концентрирует внимание на одном лишь из его моментов, тогда как международное право должно использовать эту концепцию во всей ее широте и полноте. По установлении руководящих предпосылок Е. А. Коровин последовательно излагает учение о государстве, как субъекте международного права, систему органов международных сношений, дает характеристику договорной практики СССР и заканчивает освещением важнейших проблем права войны с точки зрения советской юриспруденции. Автор не гнался за полнотой. Он намеренно ограничился рассмотрением наиболее актуальных проблем своей науки, зато в пределах этой задачи книга Е. А. Коровина является для советской юриспруденции тем, что немцы называют bahnbrechend, пролагающей пути. С его выводами должен будет посчитаться всякий последующий работник в данной области, а некоторые из конструкций Е. А. Коровина настолько интересны, что даже в краткой рецензии необходимо на них остановиться.

Автор неоднократно подчеркивает ту мысль, что государство есть организация классового господства. На этом основании он категорически отвергает широко распространенную в науке конструкцию государства, как юридического лица. Е. А. Коровин впадает здесь, повидимому, в обычный у нас грех смешения понятий догматических и социологических. Государство может возникнуть, как продукт классовой борьбы; это не мешает юридической технике для своих специальных надобностей мыслить его в виде лица. Совершенно не обязательно приписывать такому лицу единство, непрерывность бытия и прочие свойства, заимствованные из словаря полумертвой «рациональной психологии». Была Российская Империя, стал Союз

Советских Социалистических Республик. Для того, чтобы доказать право второго не платить долги первой, не нужно, в конце-концов, никакого юридического искусства. Это quaestio facti, поскольку революция есть прежде всего факт и притом настолько внушительный, что самые изысканные правовые оболочки нельзя натянуть на его мускулистые формы. Советское правительство есть классовое рабочее правительство, но российская буржуазия другого правительства не имеет и в международных отношениях формально представляется тем же правительством, хотя ее-то чаяний и интересов оно ни в какой мере не выражает. И в международном обороте СССР, несомненно, выступает, как юридическое лицо, претендующее на равноправие и др. свойства, лицам присущие. Quaternio terminorum Е. А. Коровина покоится на том же зигзаге мысли, что и аналогичная концепция близкого к Гумпловичу буржуазного ученого R. Redslob (Problem des Völkerrechts. Lpz. 1917. S. 55), затемняемая, впрочем, последующими рассуждениями этого автора об альтруистических целях права. Любопытно, что такой противник теории государства-лица, как Бертелеми, считает ее вполне основательной в сфере международно-правовых понятий (Fondement de l'Autorité publique, 1915).

Е. А. Коровин весьма озабочен обоснованием права Советского Правительства не платить долгов царского времени. Кроме конструкции государства, как организации классового господства, он привлекает для этой цели на помощь clausula rebus sic stantibus. Правомерность данной оговорки наш автор вообще отрицает, хотя считает вполне естественным и нормальным отказ от выполнения обязательств, если к тому властно побуждают изменившиеся жизненные интересы. Он предпочитает оставлять clausula rebus sic stantibus в сфере фактов. Но для одного случая допускается исключение: читатель уже догадывается, что речь пойдет о праве революционного правительства отказываться от платежа по обязательствам своих предшественников. Это, конечно, весьма остроумно, но сомнительно, есть ли надобность разбавлять силу революционного факта какими бы то ни было юридическими примесями. От допущенной автором непоследовательности защищаемое им дело ничуть не выигрывает. Наоборот: если оговорка неизменных обстоятельств есть чисто практический рецепт, то никто не будет спорить, что его применение, выражаясь языком врачей, особенно «показуемо» при наличии такого факта, как революция. Если же это правовая норма (к такому взгляду склоняется новейшая германская цивилистика и даже практика Reichsgericht'a), революционный переворот, опять-таки, яркая иллюстрация ее разумности и необходимости.

Значительные сомнения вызывает мысль Е. А. Коровина о политике твердого нейтралитета, как вытекающей из самой природы Советского Союза. Такое утверждение отдает чрезмерной схематизацией действительности и в корне расходится с реалистическими началами советской политики. Не говоря уже о тех случаях, когда выход из нейтралитета почти равносилен признаваемой автором революционной интервенции, возможна ситуация, при которой Советский Союз будет слишком заинтересован в недопущении победы и укрепления наиболее враждебных ему правительств, для того чтобы сохранять незыблемость идеи нейтралитета. Одним словом, в последнем счете решают соображения интересов социальной революции применительно к данному status quo. С этой точки зрения лучше избегать гипостазирования каких бы то ни было, пусть самых соблазнительных, «эвентуальных принципов поведения».

Все сказанное ничуть не колеблет выдающихся качеств книги Е. А. Коровина, как не колеблют их мелкие ошибки в роде неточной характеристики английской системы исключительного положения. Отличная осведомленность автора в международной политике СССР, умелое использование им западно-европейской догматики при сохранении оригинальной точки зрения на существеннейшие вопросы науки, превосходный по гибкости язык,—таковы те достоинства книги, благодаря которым она делает честь издавшему ее Институ-

ту Советского права и заставляет желать перевода ее на важнейшие иностранные языки.

И. Ильинский.

К. М. ВАРШАВСКИЙ. Трудовой договор по кодексу законов о труде С. С. С. Р. Изд. Academia. Под ред. проф. Ф. А. Вальтера и М. Я. Пергамента. П. 1923 г. Стр. 107.

Предметом исследования К. М. Варшавского является трудовой договор (V, VII—XI главы Код. Зак. о труде 1922 г.), при этом в работе частично затронуты и другие вопросы кодекса, однако лишь постольку, поскольку они связаны «с постановлениями о трудовом отношении» (стр. 7).

В первой главе автор останавливается на истории издания кодекса и отмечает основные различия, характеризовавшие нормы, регулирующие условия труда в Республике до НЭП'а и ныне.

До НЭП'а это были нормы исключительно публичного права (стр. 8) и имели принудительный характер, ныне перемена характеризуется признанием *частного права*, на ряду с правом публичным, «право отдельных лиц и их объединений (в особенности проф. союзов) свободно проявлять себя не только в сфере личной, но и в сфере хозяйственной, заключая сделки, приобретая права и вступая в обязательства» (стр. 9), таким образом нынешнее трудовое договорное право базируется на принципе *автономии воли*, гарантированной для трудящихся незыблемым *минимумом прав*, каковые фиксированы в кодексе (стр. 10, 15).

Отмечая компромиссный характер постановления кодекса, автор (стр. 16) полагает, что основанием сего является стимулирование частного капитала для «выступления на арене хозяйственной жизни». Между тем это едва ли так: крайне незначительное участие этого капитала в нашей промышленности, недоверие к увеличению его в будущем, едва ли могли диктовать те или иные основания для изменения принципов трудового кодекса.

Основой такового изменения являлись непосредственные задачи развития хозяйственной деятельности национализированной промышленности, и создание определенности и точности отношений между хозяйственниками и рабочими, при надлежащей охране интересов трудящихся.

Изложение общих условий трудового договора автором разбито на отделы, близкие к разбивке кодекса, при этом, повидимому, целью издания является не теоретический подход к вопросу, а исключительно популярное изложение существующего порядка вещей с незначительными сравнительными комментариями из области положения вопроса на Западе.

Книга написана очень легким и живым языком и в значительной степени может обслужить практические цели как хозяйственникам, так и профессионалистам при первоначальном ознакомлении с вопросам.

Однако, книга не может заменить собою ни теоретического исследования о трудовом договоре, ни комментария к трудовому кодексу, а между тем и в том и в другом ощущается серьезная потребность в среде юристов.

С. Минц.

НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ.

1. I. ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЕ В ШКОЛЕ. II. СОВРЕМЕННОСТЬ И ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЕ В ШКОЛЕ. *Иоаннисиани.* — **2. I. М. БАСКИН и М. ЧУДНОВЦЕВ. Хрестоматия по политграмоте. II. А. БЕРДНИКОВ и Ф. СВЕТЛОВ. Курс политграмоты.** *И. Ильинского.* — **3. К. Н. СОКОЛОВ. Методы комплексного преподавания.** *М. Пистрана.* — **4. Проф. Е. МЕДЫНСКИЙ. Энциклопедия внешкольного образования. Т. II.** *В. Менжинской.* — **5. А. ЗЕЛЕНКО. Общественные центры и народные дома в Сев. Америке.** *В. Чарнолусского.* — **6. Новые идеи в педагогике. Вып. I.** *Ф. Шмита.*

ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЕ В ШКОЛЕ. Под редакцией А. Ефремина, Вад. Смушкова. Выпуск первый. Издательство «Работник Просвещения». М. 1923. Стр. 86.

СОВРЕМЕННОСТЬ И ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЕ В ШКОЛЕ. Изд. «Новая Москва». М. 1923 г. Стр. 88.

Обществоведение, как предмет преподавания, надо считать одной из сложнейших методических проблем. В этой области почти ничего не сделано. Между тем все многообразие достижений в вопросах развития общественных форм, вся генетическая социология, все остальные науки об обществе — науки экономические, исторические, правовые и пр.,—все эти системы комплексируются в наше время по принципу физиологического единства.

Не останавливаясь на вопросе о правильности и наукодопустимости подобного физиологизма, приходится отмечать несомненную практическую целесообразность этого комплексирования.

Очевидно, никогда раньше и ни в какой другой стране современности обществоведение не играло и не играет роли испытательной станции, выковывающей *технику* строительства общества и государства в местном и мировом масштабах. Только у нас, в СССР, оно проникнуто насквозь современностью и служит интересам этой современности.

В области теоретизирования наша наука освобождается от цепей традиционной схоластики, от описательного историзма, от бесконечного поэтизирования «героического» прошлого во всех его вариантах.

Идя в уровень о современностью, отвечая всем практическим запросам и требованиям ее, обществоведение и по методам своим и по содержанию приближается к точным наукам и уже устанавливает прочные взаимоотношения с естествознанием и в частности с биологией.

В связи с высказанными соображениями методические работы по обществоведению, т.-е. установление способов, *как* передать знания, *каким* путем распространить эти знания, выработка простейших *приемов* популяризации знаний приобретают первостепенное значение и выходят далеко за стены школы, возбуждая широкий политпросветительный интерес. Однако, вербализм еще жив в школе.

Было бы большой ошибкой видеть в этом преднамеренность: советские педагоги en masse чрезвычайно чутко и ревниво оберегают идеи трудовой системы школьного строительства. Надо лишь коллективными усилиями найти надежные пути, дающие направление, как освободиться от меламедских традиций (рассказывание, спрос у учительского стола и пр.), и выработать новые приемы и методы преподавания обществоведения, органически врастающие в систему трудовой школы.

Приходится и придется основательно заняться учетом соответствующих работ лучших представителей старой школы, ознакомиться с опытами зарубежных школ, а главное, систематизировать и периодически подытоживать, для демон-

страции, текущие достижения нашей трудовой школы и ее работников.

В этом смысле сборник «Обществовсдение в школе» имеет уклон в сторону регистрации различных начинаний, индивидуальных и коллективных, в области методики обществоведения.

Рядовой работник-обществовед, несомненно, найдет в нем много ценных указаний и любопытных опытов.

Авторы, т.т. Ефремин, Синицкий, Шимбирев и др., исходят из общеизвестных педагогических предпосылок при построении возможных методов преподавания обществоведения. Здесь имеется в виду: возбуждение активности и самодеятельности учащихся при проработке материала, конкретизация этого материала методом иллюстративной и архитектурной (строительной) реконструкции, методы самостоятельно-творческих рассказов, реферирования, драматизации, кружковой и студийной работы и пр.

Само собой понятно, что опыт товарищей, участников сборника, будет учтен учителем-массовиком. А некоторые указания (тов. Шимбирева) будут приняты как руководящие. Считал бы полезным в будущих выпусках еще больше конкретизировать теоретический материал в смысле хотя бы примерных методических разработок наиболее ходовых обществоведческих тем (уроков). С другой стороны, приобретает исключительное значение *размер и объем* обществоведческого материала. Общеизвестно, что обширность и многообразие всякого рода материалов составляет отличительную черту всех школьных программ по обществоведению.

Обширностью программ и надобно объяснить стремление некоторых методических школ усугублять и расширять до абсурда применение к преподаванию обществоведения архитектурно-строительного метода. Ясно, что сооружение в школе из кирпича, глины, бумаги или картона ассирийской или египетской построек при всех добрых побуждениях руководителя, конечно, не может дать школьнику почувствовать обстановку хищнической эксплуатации рабского труда при построении гигантских сооружений древности и, несомненно, затемнит его сознание иллюзорностью представления о легкости этих построек.

В вопросе о преодолении обширности материалов делаются попытки свести комплекс обществоведческих познаний к проработке ряда наиболее существенных тем.

Примерно, при изучении Западной Европы предлагается проработать следующие десять тем:

«1) Машины и рабочий класс в раннюю эпоху промышленного капитализма; 2) Крестьянский вопрос в эпоху В. Фр. Революции; 3) Международная политика в эпоху Законодательного Собрания и Конвента; 4) Борьба партий в Конвенте и террор; 5) Идеология чартизма; 6) Политика партии порядка в революции 1848 г.; 7) Роль мелкобуржуазной демократии; 8) Французская деревня и соц. движение XIX века; 9) Парижская Коммуна; 10) Интернационал и проблемы империалистической войны».

Устанавливая три формы, в которых современность должна фигурировать в школе, покойный М. Н. Коваленский еще более суживает объем обществоведческих сведений. Рассматривая современность, как среду, где работает учащийся, как объект наблюдения над живой историей, развивающейся и создающейся кругом, и считая необходимым научное изучение этой современности (проведение рефератов, лекций, экскурсий и пр.), М. Н. Коваленский справедливо находит возможным методом *целевого* сокращения освободить изучение общества от традиций книжной науки [1]).

Как попытка конкретизировать школьный материал, особенно в той его области, которая касается развития машинной техники со всеми сопутствующими ему явлениями, интересна практика Московской опытно-показательной школы 2 ст. Наркомпроса [2]).

Проблемы обществоведения изучались на фабрике и заводе, где школьники

[1]) «Современность и обществоведение в школе».

[2]) «Современность и обществоведение в школе», стр. 83—88.

работали 4 раза в неделю по 2 часа как фабр.-заводские подростки. Наблюдения рабочих-школьников переносились в классы и подвергались проработке под руководством преподавателя-обществоведа.

Была поставлена тема: чем отличается современная фабрика и завод от прежней. Участники должны были дать описание жизни и работы на фабрике и выяснить путем бесед с рабочими различие между тем положением, в котором рабочие находятся теперь и в каком они были 5—6 лет тому назад при капитализме. Участники также занялись составлением исторического календаря, в связи с изменениями внутри фабрики, для того, чтобы определить влияние на эти перемены крупнейших политических и общественных событий. Особый интерес представлял последний период жизни фабрики эпохи нашей советской системы. Учащиеся, сами современники этой эпохи, с живым интересом изучали перемены внутри самой фабрики, взаимоотношения между состоянием фабрики и положением рабочего в связи с Нэпом и общеполитическими событиями.

Это только попытки, материал для предстоящей большой работы по установлению общего фронта в преподавании обществоведения. Методы обществоведения, как актуальная проблема, имеют настолько серьзное значение, что к ее разработке должны быть привлечены не только массовики, учителя и профессионалы-обществоведы, но и широкие круги советских профессиональных и партийных работников, особливо те из них, которые еще в подпольных школах сумели создать практические приемы и навыки преподавания обществоведения, сделавшиеся в руках рабочего класса в огне и буре одним из могучих и действенных орудий в его освободительной борьбе.

Лучше других сумеют разрешить эту методическую проблему те из них, которые сами «делали» революцию. Русской современной пролетарской общественности, ее руководителям и методистам необходимо твердо помнить, что «теоретическая разработка вопросов революции, не только ее методов, но ее материальных основ — сейчас для нас настоятельнее и обязательнее, чем когда бы то ни было» [1]).

Дл. Иоаннисиани.

М. П. БАСКИН и М. И. ЧУДНОВЦЕВ. Хрестоматия по политграмоте. Изд. «Новая Москва». М. 1924. Стр. 315 Ц. 2 руб. Тир. 5000.

А. БЕРДНИКОВ и Ф. СВЕТЛОВ. Курс политграмоты. Под общей редакцией Н. И. Бухарина. Изд. „Красная Новь". М. 1924. Стр. 640. Ц. 2 руб. 50 к. Тираж 30000.

Мысль дать руководство по политграмоте в виде хрестоматии сама по себе заслуживает полного внимания. Составители первой из рассматриваемых книг разбили свой материал на четыре основных части: экономические основы современного общества, классы и классовая борьба, организация пролетарского государства и РКП. При разработке материала они широко использовали «Азбуку Коммунизма» Бухарина и Преображенского и «Начальный курс политической экономии в вопросах и ответах» Богданова. Эти источники являются, пожалуй, главными. Кроме того, в книгу вошли отрывки из Ленина, Покровского, Тюменева и др. авторов. Со своей задачей составители в общем справились, и книга может быть рекомендована, как пособие для совпартшкол и для самообразования. Тем не менее, она не лишена крупных недостатков, объясняемых отчасти новизною дела, но отчасти и спешностью работы. Иногда встречаются крупные логические пробелы. Так, переход общинного строя в феодальный в основных чертах освещен в отрывке, заимствованном из «Краткого курса экономической науки» А. Богданова. Переход же феодального строя в капиталистический не объяснен совершенно. В отрывке «Как развитие обмена отразилось на феодальной организации» говорится лишь об усилении барщины, но ни слова о раз-

---

[1]) Троцкий, Л. «Основные вопросы революции». Госиздат. М.—ПБ. 1923.

лагающем влиянии обмена на самое существо феодального строя. Поэтому совершенно неожиданным является следующий отрывок, озаглавленный: «Современное капиталистическое хозяйство есть хозяйство меновое» (21). Такие пробелы попадаются и в других местах. Не менее существенным недостатком следует признать отсутствие главы, посвященной национальному вопросу в СССР. Декларация 6 июля 1923 г., приведенная в книге, не может заменить исторического и теоретического разъяснения вопроса. Цифровые данные сплошь да рядом сильно устарели. В отрывке о концентрации производства (42) самые поздние цифры относятся к 1913, о борьбе за вывоз капитала (50)— к 1911, а для Франции даже к 1902. В отрывке «Как империалисты поделили между собой мир» (51) читатель, естественно, ожидает найти сведения о Версальском и связанных с ним договорах, но получает данные лишь до 1914 г. Устарели не только цифры, но и фактические сведения: СТО значится при РСФСР (265), тогда как еще Полож. от 21 авг. 1923 г. он причислен к СНК СССР, а в РСФСР заменен Экономическим Совещанием. Хрестоматия нуждается в тщательной переработке, дополнении и освежении фактического материала.

Курс политграмоты, составленный А. Бердниковым и Ф. Светловым, солидный увесистый том, по размерам, пожалуй, самое большое пособие этого рода. Имя такого мастера популяризации, как Н. И. Бухарин, принявшего на себя общее редактирование курса, достаточно ручается за качество труда. И действительно, надо признать, что авторам удалось «с достаточной полнотой и систематически изложить начатки» общественно-политических знаний для рабочих и учащейся молодежи, особенно же для последней. Впрочем, как справочник, книга Бердникова и Светлова может пригодиться и более подготовленному читателю. Авторы обещают позаботиться о том, чтобы в будущих изданиях книги не было тех недостатков, которые имеются в настоящем. Задача критики прийти им на помощь в осуществлении этого намерения. А недостатков и просто ошибок в книге не мало. Авторы дали много свежих цифр, но, характеризуя финансовый капитал новейшей формации, ограничились почему-то данными не позднее 1912 (46). Весь отдел империализма составлен по старым пособиям и нуждается в серьезном омоложении. О назревающем англо-французском столкновении авторы дают пару строк, в то время как захват колоний великими державами во второй половине XIX века описан почти исчерпывающе с цифрами и хронологическими датами. На ряду с этим попадаются и целые ни на что не нужные абзацы. Читатель, который поинтересуется узнать, «в чем особенность крупных империалистических войн» (57), вряд ли извлечет много пользы из указания на то, что войны эти «потрясают весь мир и повергают человечество в бездну мучений и лишений». Не зачем далее уделять полстраницы вопросу о результатах империалистической политики (113), когда тот же вопрос детально разработан в целой IV главе (60—80). Вообще, чем меньше будет беллетристики и повторений, тем больше выиграет книга. Слабоват отдел о государстве, в котором не учтены новые явления в области государственной жизни. Считать государство монополистом организованного принуждения в современном обществе (142) нельзя при наличии такого явления, как фашизм, осуществляющий принуждение рядом с государством, а иногда против него. Газетным фельетоном отзывается преувеличенное расписывание роли Гуго Стиннеса в политике Германии; для *курса* политграмоты вопрос должен рисоваться несколько сложнее. Не обошлось без ошибок и описание Советского строя. В числе составных единиц РСФСР показана одна трудовая коммуна (256). Из приложенной в конце книги таблицы авторы могут видеть, что трудовых коммун в составе РСФСР не имеется. СТО, как и в хрестоматии Баскина и Чудновцева, описывается в виде органа РСФСР (343). Зато хорош экономический отдел, занимающий в общей сложности около $^1/_2$ книги. В нем заслуживает особого упоминания целая глава, посвященная сельскому хозяйству. Впрочем, для земледельческой страны можно было бы уде-

лить этому вопросу больше внимания (42 страницы против 190, посвященных промышленности, торговле и финансам). Язык местами трудноват. Такие термины, как «свобода маневрирования», «юридическое лицо» и даже «юридическая природа», требуют обстоятельных пояснений, которых авторы не дают.

Общим для обеих книг недостатком является отсутствие небольшого хотя бы отдела, посвященного вопросам мировоззрения, философии, религии и т. п. При характеристике социалистической промышленности в обеих книжках надлежало бы дать понятие о научной организации труда. Несколько слов об издательской технике. Изданная «Новой Москвой» хрестоматия отпечатана на лучшей бумаге, чем «Курс», изданный «Красной Новью» на бумаге образца 1920. Это преимущество пропадает вследствие отвратительной брошюровки хрестоматии, рассыпающейся после двух-трех дней пользования.

И. Ильинский.

К. Н. СОКОЛОВ. Методы комплексного преподавания. С предисловием Л. Д. Синицкого, издание второе, вновь переработанное и дополненное. Изд. «Новая Москва». 1924. Стр. 221.

Вопрос комплексного преподавания чрезвычайно актуален сейчас в нашей республике. Последние 2—3 года есть много попыток опытной проверки так наз. комплексного метода в самом разном понимании этого термина, есть и довольно много литературы по этому вопросу, преимущественно журнальной.

Правильнее говорить, конечно, о комплексной форме преподавания, чем о комплексном методе, так как комплексное преподавание вмещает самые разнообразные методы.

Но какое ни дать название: комплексный метод, система, форма, синтетический метод (Блонский, М. Н. Покровский), концентрация, корреляция, тематический и т. д.,—все эти понятия и термины имеют нечто общее—идею объединения преподавания вокруг чего-то.

Нет необходимости доказывать, что эта идея давнишнего происхождения, что она в разное время в разных формах выдвигалась педагогической мыслью и находила себе практическую проверку.

В наше время важно преимущественно одно: вскрыть причины того, почему эта идея сделалась особенно актуальной для нашей советской школы,—вскрыть, так сказать, «октябрьскую» окраску этой идеи, придающую ей своеобразную значимость.

Ведь только тогда школьный работник найдет правильные пути для применения комплексной системы преподавания, когда она будет освещена со стороны основных целей школы, т.-е. *социально*-педагогической стороны. Иначе говоря, комплексная система преподавания должна быть оправдана и обоснована общественной сущностью школы.

Это выполняет сейчас до некоторой степени идея схемы ГУС'а для школ I и II ступени. Я говорю до некоторой, так как схема ГУС'а в теперешнем виде есть лишь этап (первый этап) по пути к организации новой школы.

Автор разбираемой книжки, к сожалению, лишь мимоходом и слегка затрогивает тему с этой точки зрения, сосредоточивая свое внимание почти исключительно на так наз. чисто-педагогической стороне дела.

С этой точки зрения он довольно детально разбирает различные методы концентрации преподавания, отчасти в исторической последовательности. С интересом читается глава о концентрации вокруг изучения родного языка (школа Ушинского), изучения окружающей природы и деятельности человека. Менее ясно и определенно разобран вопрос о концентрации преподавания вокруг трудовых процессов.

Переходя к разбору некоторых теоретических схем (Лая, Ферьера и Дьюи), автор различает понятия «концентрация» и «корреляция» преподавания. С своей, чисто методической, точки зрения автор, несомненно, прав, что концентрация и корреляция преподавания несколько отличны друг от друга и неравноценны. Но по существу понятие концентрации преподавания вокруг определенного стержня есть один из видов корреляции, т.-е. «сочинения» (вместо «подчинения») раз-

личных дисциплин школьного преподавания между собой. Вопрос же комплексности преподавания есть прежде всего вопрос той плоскости, в которой лежит критерий определения содержания и последовательности, т.-е. системы самих комплексов. Эта плоскость целиком — в *общественных* целях школы, т.-е. в плоскости прежде всего социального, коммунистического воспитания. Беря с этой точки зрения вопрос о комплексности преподавания, нужно сказать, что тонкое отличие концентрации от корреляции отпадает постольку, поскольку стержень концентрации выпадает из плоскости узко-методической и так наз. чисто педагогической.

Оставаясь на чисто методической точке зрения, естественно вводить это отличие двух понятий. С этой точки зрения детальный разбор коррелятивных систем автором дан достаточно полно, хотя он нигде не выявляет социальной сущности систем Лая и Дьюи, как это делает, напр., В. Н. Шульгин в «Основных вопросах социального воспитания».

Сказанным выше определяется в существенном и ценность книжки. Школьный работник с интересом прочтет некоторые главы, найдет ряд ценных для себя указаний, быть-может, яснее представит себе различные подходы к комплексному преподаванию. Но найдет ли он ответ на основной вопрос о комплексной форме преподавания, как о социально-педагогической проблеме, позволю себе усомниться.

А в этом весь узел вопроса для современной школы.

М. Пистрак.

Проф. Е. Н. МЕДЫНСКИЙ. Энциклопедия внешкольного образования. Лекции, читанные на педагогическом факультете Уральского университета в 1920 — 1922 гг. Т. II. Отдельные виды содействия внешкольному образованию. ГИЗ. М.—П. 1923 г. Стр. 171.

В первом томе, о котором уже была дана рецензия, освещалась общая теория внешкольного образования почти исключительно на основании земских материалов,—отсюда понятно, что и формулировки задач вплоть до самого уже устаревшего названия книги сбивчивы и часто неправильны. Более интересен II том, благодаря конкретности материала, но и к нему может быть отнесено то же общее замечание. Недостаточно использован и разработан материал революционного времени, а отсюда старомодность книги в наиболее, может-быть, жгучем вопросе современности.

Второй том «Энциклопедии внешкольного образования» дает обзор отдельных видов внешкольных учреждений. Первые и безусловно наиболее интересные главы посвящены библиотечному делу. Самое ценное в них то, что, пользуясь статистическим методом, автор свел воедино материалы различных учреждений и ведомств, благодаря чему можно было установить картину поступательного движения библиотечного дела.

Говоря о типах библиотек, Е. Н. Медынский отмечает большое развитие сети передвижных библиотек, наиболее близко подходящих к массовому читателю, и изб-читален, возникших во время войны, разросшихся к 1920 году до 13.717, но очень слабо снабженных книгами. К сожалению, на 1920 году останавливаются данные, приведенные в книге. Далее автор дает характеристику книжного инвентаря, способов комплектования, быстроты обращения книги. К сожалению, при оценке, как выражением коллективной мысли библиотечных работников, автор пользуется постановлениями Всероссийского съезда по библиотечному делу—1911 года, которые для настоящего времени во многом устарели.

Говоря о читателе, автор указывает, что соответственно богатству книжного инвентаря возрастает и число читателей. Бедность сельских библиотек объясняет нам, что в селах в среднем читатели составляют всего 2,2% сельского населения. Степень доступности библиотек еще очень слаба: до революции 1 библиотека приходилась на 6.122 жителя и на 198,2 кв. версты, 1 книга — на 7,8 жителя. На основании сделанных им обследований автор приходит к выводу, что постоянными читателями могут быть лица, живущие не далее версты от библиотеки. Сравнивая по нескольким губерниям данные 1914 и 1920 г.г., автор приходит

к выводу, что насыщенность губерний библиотеками растет, то же можно сказать и относительно увеличения числа читателей и инвентаря. Сведений о дальнейшем развитии библиотечного дела в книге не приводится.

Вся вторая глава посвящена вопросу техники библиотечного дела в небольших библиотеках. Эта глава, давая оценку и сводку руководящих работ в этой области, может быть ценна не столько для библиотекаря, сколько для каждого политпросветчика, желающего вникнуть в особенности библиотечной техники. В третьей главе, посвященной истории публичных и народных библиотек в России, дается живой очерк борьбы земств и общественных групп с министерством народного просвещения за расширение библиотечной сети и каталога народных библиотек. Работе советских органов посвящено всего $1^1/_2$ страницы.

Автор дает в этих трех главах много материала сравнительного характера, что придает ему большую ценность, но совершенно оставляет в стороне роль библиотеки, как общественного учреждения, создающего из своего читателя не только начитанного в каком-нибудь вопросе человека, но и дающего ему возможность оформить, обосновать коммунистическое мировоззрение. Не указаны также методы привлечения читателей, оставлена в стороне вся агитационная и организующая роль библиотеки.

Из остальных очерков нужно отметить главу о типах школ и курсов для взрослых. Здесь наиболее освещен вопрос о ликвидации неграмотности. Приводится декрет о ликвидации 26 декабря 1919 г. и дан очерк деятельности В. Ч. К. по ликвидации неграмотности и программы школ для малограмотных. Затем дается характеристика и программа Совпартшкол и Коммуниверситетов периода 1920 года. Почему-то совершенно опущены школы повышенного типа для взрослых рабочих. Приводятся учебные планы крестьянских школ за границей, курсов и народных университетов в России и других странах. В историческом очерке развития школ для взрослых не упоминаются Смоленские классы для рабочих в Петербурге, сыгравшие крупную роль в деле политического просвещения рабочих.

Остальные главы совершенно недостаточно освещают затронутые в них вопросы.

Особенно характерно, что в этих очерках, говорящих о таких учреждениях и методах, которые получили особенное развитие в Советской России: лекции, беседы, экскурсии, выставки, театр,—почти совершенно не разбираются новые способы подхода, которые и Главполитпросвет, и его органы на местах, и Пур, и профсоюзы нашли и находят в ежедневной широкой работе в массах. Регистрация и разбор этих подходов, сменявшихся и возрождавшихся в связи с моментом и потребностями, были бы лучшей темой для энциклопедии политпросветработы. Эта тема едва намечена Е. Н. Медынским, и поэтому его книга, полезная своим богатым статистическим материалом, своим критическим освещением прошлого, не явится настольной книгой для политпросветчика.

В. Межжинская.

А. ЗЕЛЕНКО. Общественные центры и народные дома в Сев. Америке. Американское издательство. Прага. 1923. Стр. 292.

Перед нами книга, полная самого живого и глубокого социального интереса. Автор развертывает в ней широкую картину всех отраслей и форм развивающегося в Америке мощного движения по созданию «общественных центров». Особенно ценно при этом, что он знает это движение не только по книгам; он знакомится с ним в течение ряда лет лично, на месте и сам принимает в нем непосредственное, активное участие. Благодаря этому, от многих страниц книги прямо веет ароматом личных, живых впечатлений, которых, конечно, ни из каких книг вычитать невозможно. В своей работе автор дает общий очерк возникновения и развития этого движения, характеризует основные типы создаваемых в Америке общественных центров, или, по нашей терминологии, народных домов, а затем последовательно знакомит со следующими глав-

ными социальными его руслами: с организациями жилищного характера, с организациями морального характера, с организациями для гражданского воспитания, с учреждениями для развития эстетических чувств и устройства игр, состязаний и путешествий, с сельскими общественными народными домами, с городскими общественными центрами, с общественными центрами отдельных классовых групп общества. В заключение дается общая сводка основных видов работы в американских общественных центрах, приводится ряд характерных для них документов и извлечений из действующих законодательств, дается описание типичных частей помещений этих учреждений и их украшений. Все содержание книги состоит из объективного, фактического описания, массы превосходных живых иллюстраций, цифровых и документальных данных. От собственной оценки собранных им богатых данных и от собственных социально-политических выводов из них автор сознательно воздерживается и для такого рода книги это представляется наиболее целесообразным; следует, однако же, пожалеть, что автор не дал в своей книге почти никаких данных для освещения деятельности описываемых им учреждений и организаций с классовой точки зрения.

Не имея никакой возможности исчерпать здесь хотя бы только одни главнейшие данные из богатейшего содержания книги, ограничимся приведением хотя бы наиболее характерных и наиболее интересных для нас ее сторон.

Едва ли не наиболее характерной для Америки чертой является чрезвычайная живучесть религиозных переживаний. Несмотря на несомненно развивающийся упадок церкви и религиозных центров старого, традиционного типа, влияние церкви все еще огромно и продолжает «окрашивать религиозными оттенками общественные дела и поступки». При этом происходит в высшей степени интересный процесс, так сказать, социального перерождения старой церкви и превращения ее в совершенно новый тип социального учреждения: в Америке «при церкви заводятся не только клубы, спортивные и атлетические состязания, пение, танцы и демонстрации кинематографа», но также выставки, курсы и съезды; нередки церкви, «оборудованные для полного обслуживания общины, как нардом: с детским садом, гимнастическим залом, душами и бассейнами для плавания». Существует целый ряд огромных общественных организаций, имеющих религиозную марку, но развивающих в изучаемой области самую широкую культурно-просветительную деятельность, в которой церковь и религия нередко являются по существу не более как внешней, традиционной формой, не столько влияющей на эту деятельность, сколько изменяющейся под ее влиянием (христианские Союзы молодых людей и молодых женщин, Армия спасения и др.).

Второй характерной чертой американской жизни в рассматриваемой области является рост и развитие ее, так сказать, снизу, из мельчайших низовых социальных ячеек, с последующим объединением их в мощные национальные организации, фактически играющие огромную роль. В частности, американцы придают очень большое значение и всячески культивируют всевозможные формы соседских объединений и социализации соседских взаимоотношений.

Характерно для Америки также развитие общественной самодеятельности как-то независимо от органов местного самоуправления. Но за последние годы все более развивается движение, направленное к приурочению общественных центров к зданиям местных самоуправлений. Очень симптоматична также организация в некоторых городах (напр., Детройте) «местных общественных союзов», куда входят все без исключения местные общественные организации, начиная с органов самоуправления и кончая самыми мелкими и специальными свободными общественными организациями.

Нельзя не отметить также движения, стремящегося превратить в общественные центры все школьные учреждения страны.

В высшей степени характерным представляется, наконец, содействие созданию общественных центров даже со стороны чисто капиталистических ор-

ганизаций. Целый ряд частных коммерческих землеустроительных компаний прямо включает в свои затраты постройку и оборудование местных общественных домов в создаваемых ими новых поселках. Еще шире развито участие промышленных и торговых предприятий в создании при них общественных центров.

Организация специально-рабочих общественных центров развита пока сравнительно слабо и выливается в форму создания «храмов труда», представляющих, главным образом, центр управления местных рабочих союзов. В рабочей среде борются два течения: одно стоит за создание своих классовых общественных учреждений, другое склоняется к реформированию обще-выборных учреждений географического типа.

В общем и целом, сложное и мощное американское движение по созданию общественных центров представляет знаменательную картину быстро развивающейся, всесторонней и глубокой социализации всего народного быта и народной психики,—социализации, все более ускоряющей темп своего развития и являющейся результатом стихийных массовых процессов.

Чтобы характеризовать ту материальную базу, которую уже в настоящее время имеет в Америке рассматриваемое социальное движение, достаточно привести хотя бы следующие немногие цифровые данные. Учреждениями Христианских Союзов молодых людей пользуется до 3 мил. чел., общий расход на нар. дома Союзов в 1921 г. составлял 37 мил. долл.; Союзы имеют 838 гимнастических зал, 610 бассейнов, 265 больших игральных полей; Союзы имеют около 10.000 руководителей гимнастических кружков и свыше 3000 учителей. Бюджет 1179 союзов молодых женщин—29 милл. долл. Фермерских клубов—в Америке—до 25.000. В общем, не менее 200 мил. долл. жертвуется ежегодно на общественные предприятия и помощь слабым элементам народа. Всех общественных домов насчитывается до 10.000. Армия людей, работающая при всякого рода общественных начинаниях, получивших общепризнанное уже теперь имя «социальных работников», исчисляется сотнями тысяч и состоит из докторов, педагогов, секретарей организаций, воспитателей, инженеров, художников, статистиков, исследователей и т. д.

Из отдельных отраслей и частичных проявлений рассматриваемого движения отметим в заключение лишь несколько, представляющих особенное значение и для наших условий. В целом ряде штатов развивается специальное законодательство «о сельском благоустройстве», под которым понимается поддержание красоты природы, благоустройства дорог, обеспечение возможности жителям и города и селения взять от природы, от гор, лесов, ручьев, озер, естественных рощ и искусственных парков все, что возможно получить при прогулке, кочевье и празднике. В одном шт. Висконсин надеются создать около 1200 небольших парков или мест, где население может побывать на природе.

Все большее и большее распространение получают так наз. кочевки. В одном Иеллоустонском парке в 1920 г. кочевало и жило в палатках население в 35.000 д.; в парке Палисэд за лето перебывало более 2 милл. чел.; мечтают, что через несколько лет даже небогатый человек сможет, имея свой дешевый автомобиль Форда, взяв с собой семью, палатку, котелки, отправиться кочевать через всю Америку, останавливаясь по дороге в разных парках.

Все большее и большее распространение получают амфитеатры и стадиумы разных типов: от сравнительно небольших на 5—10 т. зрителей, до грандиозных сооружений на 50—75 т. зрителей. Вместе с тем вновь возрождается в XX веке древне-эллинский тип общественных театров на открытом воздухе; самый большой из них вмещает до 7000 зрителей. Колоссальное развитие получает устройство парков, начиная от огромных парков национальных (самый большой—7603 кв. версты) и парков штатных и кончая общинными, содержимыми городскими и сельскими общинами.

В заключение отметим один, еще неизвестный пока у нас вид столь распространившихся за время революции разного рода «недель»—«неделю веселья». В г. Саус-Бенде в программу такой

недели были, между прочим, включены: общий маскарад и веселье на улицах, уличный или «добрососедский праздник» отдельных кварталов и улиц, с детскими представлениями и т. д.

Уже приведенные выдержки показывают, какое разнообразное содержание заключается в прекрасной книге Зеленко. Она представляет глубочайший интерес для всякого вообще человека, интересующегося социальной жизнью; для работников просвещения она имеет, конечно, интерес еще больший.

В. Чарнолуский.

НОВЫЕ ИДЕИ В ПЕДАГОГИКЕ. Выпуск I. Франц Хилькер и др. Искусство и школа, перев. И. Вегрин. Издательство „Разум". Берлин W. 30, без указания года, 8°. Стр. 110.

В Берлине образовалось экспортное издательство, под фирмою «Разум», которое намерено, повидимому, издавать немецкие книжки на русском языке. Издательство, очевидно, надеется использовать ту прочно укоренившуюся традицию, которую создали наши коммерческие издательства: заполнять русский книжный рынок переводами, более дешевыми, естественно, и менее рискованными, чем оригинальные труды русских ученых. Такого рода издательская деятельность забивала рынок, не давала русским ученым печататься иначе, как за счет казенных учреждений, и приучала русского читателя только и видеть свету за границей.

Разумеется, никто не станет спорить, что бывают книги международного значения, такие книги надо переводить на все языки. Но когда переводится макулатура, исключительно внушенная заботою о том, чтобы доставить заработок иностранным авторам, типографиям и издательствам, а вовсе не заботою о русском читателе, то надо протестовать, чтобы отбить у предпринимателей охоту продолжать в том же духе.

В книжке, громкое заглавие которой мы выписали, помещено 14 статей и все это на 107 небольших страничках текста крупной печати. Расчет, конечно, на рекламное, именно в условиях *нашего* интенсивного школьного строительства, заглавие; расчет на тот интерес к искусству, который пробужден в педагогах, создающих Трудовую школу. Где? Да у нас! Где накоплен уже громадный материал живого опыта? Да у нас! Где систематически проработаны и прорабатываются в теории и на практике вопросы художественного воспитания? Да, у нас! Кому, значит, писать об искусстве в школе? Да нам, а уж никак не г. Ф. Хилькеру!

Этому автору, члену германского «Союза решительных школьных реформаторов» (это название отмечено на оборотной стороне заглавного листа рецензируемой книжки), принадлежит вводная статья, на тему «Искусство и школа». Автор не одобряет старой школы знаний, а приветствует трудовую школу. Знаете почему? Ни за что не догадаться: «Знание—сила. Оно открывает путь к господству над природой и, вместе с тем, к господству над менее образованным человеком. При такой постановке знание теряет, однако, самое ценное, именно источник сил, обогащающих внутреннее «я» человека, источник истинного познания, из коего только и возникает религиозное и художественное творчество. Религия в такой школе есть просто предмет, лишенный жизни». Это буквально точная выписка со стр. 2 — 3. Я не понимаю, почему *это* называется «Новые идеи в педагогике» и для чего *это* печатается по-русски и ввозится в Россию!

Чем дальше читаешь книжку, тем страшнее становится за человека: тут уж не простой набор закорузлых слов, а нечто похуже. Выпишу наудачу один из многих отмеченных при чтении перлов. «Художественный момент выражается двумя актами: концепцией и творчеством. Концепция берет свое начало в восприятии внешних чувств и, под действием эмоциональных, интеллектуальных, этических и иных сил сгущается в то явление осознания, которое мы называем переживанием. Чем примитивнее и естественней человек, чем менее он сведущ в искусстве письма, чтения, мышления и счета, тем сильнее

его способности к восприятию и переживаниям...» Но оказывается, что и вторая часть «Художественного момента»—творчество—ребенку более доступно, чем взрослому, с оговоркою, правда: «быть-может». Так, не детям учиться у взрослых, а взрослым—у детей!

Я не стану утверждать, что все статьи сборничка таковы же, как вводная статья. Статья проф. О. Вульфа «Психологические основы детского искусства» (стр. 23—30), несомненно, серьезна: но автор не идет дальше Лампрехта, Кершенштейнера и др., а у нас, в массе наших ячеек по изучению детского художественного творчества, выработаны и вырабатываются неизмеримо более глубокие формулы. Именно потому, что О. Меллер незнаком с проделанною у нас работою, так бледна и никчемна его статейка «Цели и пути в преподавании рисования» (стр. 31—35). Другие статьи просто бессодержательны «по поводу». Один из авторов ударился в поэзию: Зигфрид Каверау, «Тело и ритм» (стр. 48—53). Я не совсем понял, что именно он хочет сказать,—может-быть, читатель догадается по следующей выписке: «Экстаз и воодушевление, изнеможение и угасание, напряжение, мощное, как космос, и в ничто превратившееся разрешение. От дыхания к ритму и танцу сокровенный смысл: религия». Каков «сокровенный смысл» всего этого?

Не стоит тратить места на дальнейшие выписки. Но молча бросить книжку в сорный ящик нельзя. При нашей привычке преклоняться перед всем, на чем есть заграничная марка, книжка может найти покупателей, а мы не так богаты, чтобы зря бросать деньги на покупку макулатуры. С заграничной спекуляциею нужно бороться еще более энергично даже, чем с своею собственною, потому что она может оказаться еще более вредною.

Акад. Ф. И. Шмит.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

1. ТЕАТР ЕВРИПИДА. *К. Лонса.* — **2. E. WECHSSLER. Wege zu Dante. 1922.** *М. Кенигсберга.* — **3. W. DIBELIUS. Englische Romankunst.** *Р. Шор.* — **4. ТОЛСТОЙ. Памятники творчества и жизни.** *Н. Бродского.* **5. I. Н. АШУКИН. Лев Толстой. II. Ю. СОБОЛЕВ. А. П. Чехов. III. Н. АШУКИН. По Грибоедовской Москве. iV. М. ПОРТУГАЛОВ. По Тургеневским местам. V. И. БЕЛОУСОВ. Тарас Григорьевич Шевченко. VI. Н. АШУКИН. Пушкинские места в Москве и ее окрестностях.** *Д. Благого.* — **6. I. Б. ТОМАШЕВСКИЙ. Русское стихосложение. II. Г. ШЕНГЕЛИ. Трактат о русском стихе. III. Его же. Практическое стиховедение.** *С. Боброва.* — **7. Ю. ТЫНЯНОВ. Проблема стихотворного языка.** *Г. Винокура.* — **8. Л. ГРОССМАН. Театр Тургенева.** *Н. Кашина.* — **9. ШЕВЧЕНКІВСЬКИЙ ЗБІРНИК.** *Б. Неймана.*

ТЕАТР ЕВРИПИДА. Перевод со введениями и послесловиями И. Ф. Анненского, под редакцией и с комментарием Ф. Ф. Зелинского. Т. III. Москва. Изд. М. С. Сабашниковых. 1921 г. 2000 экз. Стр. 548.

В третий том полного собрания Еврипида включены Ифигения Авлидская, Ифигения Таврическая, Ион и сатировская драма Киклоп. Думается, имя автора освобождает от обязанности пересказывать сюжеты его трагедии, остается только оценить самое издание и рассмотреть принципы перевода. В третий том, как и в предыдущие, вошли сопроводительные статьи—комментарии И. Анненского, в конце историко-литературные примечания редактора с подробным анализом отдельных наиболее важных вопросов и чисто-филологическими заключениями по поводу отдельных строк. Примечания Зелинского существенно дополняют работу И. Анненского,—они настолько же проникнуты объективностью и осторожностью, насколько, как и следовало ожидать,

«субъективны» и прихотливы комментарии переводчика. Последние во многом напоминают стиль «книг отражений»— это размышления прежде всего о том, что было интересно самому Анненскому, любителю спорного и запутанного. Они насыщены остроумными и широкими сближениями, психологическими характеристиками, неизбежной модернизацией,—все, впрочем, вполне уместно, именно по отношению к Еврипиду, приблизившему трагедию рока к обликам своих современников. Ведь если, по словам Софокла, Еврипид изображал людей «такими, каковы они в действительности», то и комментатор может чувствовать себя более свободным, разбираясь в сплетенности внутренней жизни, ограниченной у старших трагиков понятием объективности трагического. В стиле комментариев сделан Анненским и перевод Еврипида. Точно соблюдая число строк канонизованного текста, он везде позволил себе роскошь самостоятельного толкования и описательной передачи отдельных образов, почти всегда поэтизируя язык Еврипида. Последнее может вызвать самые сильные возражения; Еврипид более близок по своему словарю к обыкновенной прозаической речи, более «прост» в этом смысле, чем Эсхил или Софокл. Приведем несколько примеров. В точном прозаическом переводе строки 1248 и сл. «Ифигении Авлидской» читаются так: «я смогу переубедить тебя краткими доводами: людям приятнее всего видеть свет, но не подземное царство. Безумствует тот, кто сам желает умереть. Даже плохая жизнь лучше прекрасной смерти» — у Анненского — «Что же я еще придумаю сказать? Для смертного отрадно видеть солнце, а под землей так страшно... О безумен, кто смерти жаждет. Лучше жить в невзгодах, чем в самой яркой славе умереть». Ответ Агамемнона Ифигении и Клитемнестре (стр. 1255 и сл.) в точном переводе: «Я знаю сам, что заслуживает сострадания и что нет. И я люблю моих детей. Иначе разве я бы стал безумствовать? Мне страшно, жена, решиться на это, страшно и не решиться, потому что должно (это) совершить. Взгляните, сколько у меня войска на судах, сколько медноружных вождей эллинов! Им нет пути к башням Илиона и не овладеть им славной Троянской землей, если я не принесу (Ифигению) в жертву, как велит прорицатель Калхас. Афродита понуждает эллинское войско, как можно скорее плыть к земле варваров и положить конец похищению эллинских жен. Они (воины Агамемнона) убьют дев в моем Аргосе, меня, вас, если я не выполню божественных прорицаний. Я не рабствую Менелаю, дитя, и поступаю не по его желанию, но по воле Эллады, хочу я или не хочу принести тебя в жертву. Я сам не имею никакого значения. Теперь Эллада должна быть свободной, это зависит от тебя, дитя, и от меня»... Приведенный отрывок интересен именно своим тяжеловатым прозаизмом и доказательностью. Рассудком и его доводами Агамемнон хочет убедить и себя и дочь в необходимости жертвы. Соответственно этому словарь поэта сух и деловит. Анненский передает эти строки так: «Что стоит слез, что нет,—я различаю, рожденных мной люблю... и ум мой цел, дерзать мне страшно, женщина, о страшно! Но не дерзнуть страшней... исход решен... Ты видишь там и корабли, и войско, и меди блеск на витязях Эллады? Пойми ж меня: к твердыням Илиона им нет пути, вовек им не взять Троянских стен, коль я, презрев пророка, тебя богине в дар не принесу. Они ж безумной жаждою объяты скорей на землю варваров пойти, чтоб более надменные не смели усладу лож в Элладе добывать,—там в Аргосе твоих сестер, пожалуй, они убьют, меня убьют и вас, коль жертвы я не принесу богине, ослушник воли явленной ее. Не думай, что в усладу Менелаю я так решил: *Эллада* мне велит тебя убить... ей смерть твоя угодна, хочу ли я иль нет, ей все равно: о, мы с тобой *ничто* перед Элладой; но если кровь, вся наша кровь, дитя, нужна ее свободе, чтобы варвар в ней не царил и т. д...» Такие места, вообще чрезвычайно трудные для переводчика, были особенно трудны для Анненского и, естественно, чисто поэтические эпизоды переданы им точнее и ближе к тексту. Так, он вполне справился с песнью неокора Аполлона во второй сцене пролога трагедии «Ион». Кроме

уже отмеченных особенностей перевода, необходимо указать и на другие «вольности»—рифмованную передачу некоторых эпизодов, свой собственный сценарий и т. п. На все это Анненский шел вполне сознательно; он давал *своего Еврипида* не для филологов, для своих читателей. Самое издание третьего тома производит солидное, внушительное впечатление. Прекрасная бумага, отсутствие опечаток, умелый подбор шрифтов и, кроме этого,—семь превосходно выполненных иллюстраций—снимков по образцам античной вазовой живописи.

К. Лонс.

E D. WECHSSLER. Wege zu Dante. Halle a. S. Verlag von M. Niemeyer. 1922. SS. XII, 136.

ЭД. ВЕКСЛЕР. Пути к Данту. Галле. Изд-во М. Нимейер. 1922 г. Стр. 136.

Рецензируемая книжка принадлежит к той чрезвычайно обильной дантовской литературе, которая была вызвана юбилеем, праздновавшимся в 1921 году, и написана одним из авторитетнейших филологов-романистов современной Германии, автором знаменитого исследования о «культурной проблеме» средневековой лирики. По задаче своей книжка эта, несомненно, должна иметь популярный и пропедевтический характер, на что указывает и самое ее заглавие. Но это свое назначение, думается, она не выполняет в должной мере, так как человеку, вовсе незнакомому с вопросами изучения Данта, многие места в ней должны оказаться непонятными; в качестве же «второй» книги, после ознакомления с трудом, в роде переведенной на русский язык книги К. Федерна («Данте и его время»), работа Э. Векслера может быть признана исключительно полезною. Интерес книги Векслера усугубляется еще и тем, что на него оказали влияние мысли Бенедетто Кроче, высказанные последним в книге «Поэзия Данта» (Бари, 1921), разбивающей целый ряд традиционных предрассудков дантологии и устанавливающей вполне последовательный взгляд на поэму Данта, как на художественное произведение, что являлось, конечно, значительным новшеством в свете традиции, топившей Данта-поэта в религиозной, моральной и прочих сторонах его деятельности. Книга Векслера, насколько нам известно, первая из популярных книг, хотя и не так прямолинейно, как у Б. Кроче, проводит такую линию рассмотрения поэтического творчества Данта.

Книжка Э. Векслера, как об этом гласит предисловие, сложилась из ряда докладов, читанных автором ее в связи с дантовскими торжествами в 1921 году. Вместе с тем отдельные ее главы очень последовательно дополняют одна другую и в общем образуют вполне законченное целое. Книжка состоит из следующих пяти глав: 1. Ход развития поэта. 2. Схоластик и поэт. 3. Четверной смысл слова и духовное переживание. 4. Догматическое и поэтическое единство. 5. Дант-человек.

Самой существенной для понимания общего представления Эд. Векслера о Данте нам представляется вторая глава, в которой автор устанавливает и очень убедительно обосновывает взгляд на Данта, не только как на средневекового поэта и схоластического мыслителя, но и в значительной мере как на предтечу и пророка эпохи Возрождения. В этой главе автор намечает отношение Данта к ряду виднейших средневековых мыслителей и ученых, изображает Данта, как верного сына своего времени, но вместе с этим тотчас же показывает, как далеко в будущее уносит провидца Данта его чувство ландшафта, человеческого стремления, чувство новой жизни, мира, искусства. На рубеже тринадцатого и четырнадцатого столетий мировой эпос Данта стоит, как вогнутое зеркало, отражающее старое и новое, умирающее и приходящее на смену (стр. 27). И затем дальнейшее представляет собою очень тонкое изображение того, как мысль Данта развязывает путы современности, как умолкает схоластика и пробуждается пророчество. Очень интересным представляется данный Векслером, хотя и очень кратко, анализ отношений Данта к платонизму, решительным противником которого он должен был себя считать, не зная его совсем, и вместе с тем буду-

чи на самом деле во многом ему близким, чем также в значительной степени предварил культурную атмосферу Возрождения.

В первой главе книги, образующей к ней как бы вступление и написанной в другой связи—как одна из лекций курса по Возрождению в Италии, Испании и Франции—и лишь затем предпосланной рецензируемой книге, Векслер останавливается на основных моментах, из которых сложилась культурная личность Данта, с одной стороны, и на основных этапах его творческого пути. Глава эта с большой отчетливостью устанавливает отношение Данта к рыцарству, к трубадурству, то-есть поэзии на народном языке, к средневековой науке и, наконец, образ Данта, как творца мировой, «священной» поэмы, названной им «Комедия» в отличие от трагедии в средневековом смысле,—поэмы, воспевавшей героя. Главными этапами творческого пути Данта, по мнению Векслера, являются «Новая Жизнь»—продукт рыцарства и трубадурства, «Пиршество»—произведение Данта-схоластика и, наконец—«Комедия».

Третья глава очень любопытна и показательна своими тенденциями, отражающими, как и некоторые другие места книги Векслера, повальное увлечение Гёте, царящее в современной немецкой культуре и филологической науке. Гётеанство нашего автора сильнее всего сказывается в его стремлении, со ссылкой на Гёте, в произведении Данта, помимо устанавливаемых самим Дантом «смыслов», увидать еще новый «смысл», которого флорентийский поэт не видел—выражение духовного переживания творца поэмы.

Четвертая глава отражает наиболее, как нам кажется, сильное влияние Б. Кроче. Она последовательно проводит мысль о том, что догматическое единство поэмы Данта не более, как материал для поэтического воплощения, и что наиболее существенным в структуре поэмы является ее единство поэтическое. Последняя глава дает в общем традиционный портрет Данта-человека.

В целом книжка Эд. Векслера представляет бесспорный интерес, несмотря на то, что отдельные частности должны встретить возражения. Она прекрасно ориентирует в вопросах дантологии, и ею следовало бы заменить многие сильно устаревшие введения в изучение Данта. В этом смысле она заслуживает перевода на русский язык, хотя должна быть снабжена пояснительными примечаниями, и может принести большую пользу при изучении итальянской литературы и Данта в частности в высших учебных заведениях.

М. Кенигсберг.

ENGLISCHE ROMANKUNST. Die Technik des englischen Romans im achtzehnten und zu Anfang des neunzehnten Jahrhunderts von W. Dibelius. 2 Auflage. Berlin und Leipzig. Mayer und Müller 1922. ErsterBand S.XV+406 (Palaestra 92. Untersuchungen und Texte aus der deutschen und englischen Philologie, begründet von Alois Brandl und Erich Schmidt, herausgegeben von Alois Brandl und Gustav Roethe). Zweiter Band S. XI+471 (Palaestra 98.).

В. ДИБЕЛИУС. Искусство английского романа. Техника английского романа в восемнадцатом и в начале девятнадцатого века. Второе издание. Берлин и Лейпциг. Т-во Майер и Мюллер. 1922. Том первый. XV+406 стр. (Палестра 92. Тексты и исследования по германской и английской филологии, основ. А. Брандль и Э. Шмидт, изд. А. Брандль и Г. Рете). Том второй. XI+471. (Палестра 98).

CHARLES DICKENS von W. Dibelius. Mit einem Titelbilde B. G. Teubner in Leipzig und Berlin. 1916. S. XIV+525.

В. ДИБЕЛИУС. Чарльз Диккенс. С портретом Б. Г. Тейбнер. Лейпциг и Берлин. 1916. Стр. XIV+525.

Большое двухтомное исследование Дибелиуса по английскому роману, вышедшее уже вторым изданием, прошло у нас в свое время незамеченным; только в самых последних работах русских «формалистов» начинают встречаться ссылки и на этот труд. Еще менее

доступной для русского читателя осталась появившаяся во время войны книга Д-а о Диккенсе, составляющая продолжение того же исследования. Между тем можно смело признать, что труды Д-а образуют эпоху как в истории английского романа, так и в методологии вопроса.

В первом исследовании автор строго проводит точку зрения искусствоведческого описания. Задачей исследования,—говорит он на стр. 5 введения, «является рассмотрение романа, как художественного произведения. Как всякое художественное произведение, роман располагает определенной техникой, основанной частью на присущих этому жанру формах выражения, частью на возникающей с течением времени традиции». Цель исследования дать ответ (в применении к исторически засвидетельствованным формам английского романа) не на вопрос: «Прекрасно ли это?», но на вопросы «*Как это сделано?*» и «*Традиционная или индивидуальная это техника?*» «Историко-литературное исследование становится, таким образом, в конечном счете материалом для построения поэтики» (II, 331).

В основу своего описания Д. кладет схему, которая охватывает главные моменты, образующие художественную форму романа. Это А) *основной план* (Grundplan) романа, определяющий тот или иной его «литературный тип» и представляющий традиционное оформление индивидуального замысла автора; В) *конструктивные* мотивы, образующие своего рода вторичные единства в целом романа, на которые опирается это целое: *характеры* и *мотивы* действия, которые приходится рассматривать и независимо от целого (*приемы характеристики*, литературные *типы* и их отношение к традиции) и в их функции (*распределение ролей*, *ведение действия*, с его кульминационными и «нулевыми» пунктами и их распределением в целом романа, *мотивировка* действия); *изложение* (Vortrag)—субъективное и объективное, различные формы рассказа в первом и третьем лице, наконец, С) формы субъективного окрашивания действия—*дидактика и сатира*, *формы комики* (комика ситуации, характера, субъективная комика игра слов), *юмора*, *пафоса;* формы проявления *чувства природы*, напр., соединение его с дидактикой или антикварной ученостью. Эти моменты, воспринимаемые как замысел (А), выполнение (В) и концепция (С), могут быть, по мнению автора, установлены и путем анализа самого творческого акта.

Следует отметить, что Д. не принимает во внимание распределения этих сюжетных элементов во времени и по отношению друг к другу, т.-е. структуры романа (его *композиции и диспозиции)* в собственном смысле. Это объясняется тем, что Д. считает время не существенным для романа, противопоставляя его драме, стремящейся к временной конденсации действия. Здесь Д. сходится во взглядах с крайним представителем немецкого формализма—*О. Шиссель фон Флешенбергом*, который тоже настаивает на иррелевантности композиции для некоторых видов словесного творчества,—в частности, для романа. [1])

При конкретном анализе автор не ограничивается, однако, намеченной им схемой, но вводит множество ценных замечаний, уточняющих и индивидуализирующих зафиксированные схемой моменты. Таковы, напр., его указания на существование композиционных мотивов без конструктивного значения (II, 71), на формы новеллистической композиции (I, 319), на возможность применения одного и того же сюжетного элемента (напр., изображения среды) в качестве орнамента и в качестве конструктивного мотива (II, 99), на значение motto (I, 325), на технику pointe (I, 366), технику неожиданностей при обратном ведении действия (satyrische Handlungsführung) (I, 94), на технику тайны и намека (I, 179). Очень интересны наблюдения Д-а над отношением идеального времени романа и реального времени (II, 194). Наконец, особенно важна помещенная в конце II тома глава о литературном типе, о его создании путем комуляции и абстракции из единичных явлений, о его стойкости и видоизменяемости (снижение, возвышение, соединение), о его значении при апперцепировании новых общественных групп и новой среды.

[1]) Ср. Rhetorische Forschungen. H. I.

Пользуясь установленной во введении схемой, Д. анализирует около ста романов, изучая смену художественных форм английского романа на протяжении XVIII в. и первой четверти XIX в. Из предшественников романа XVIII в. привлечен только Дефоэ, другие романы приключений XVII в. оставлены без внимания; оставлен без внимания и предшественник романа ужасов (sensation-novel)—героически-галантный роман.

Автор раскрывает подробно тонкую художественную технику крупных романистов XVIII века—патетическую дидактику *Ричардсона*, которая в целях углубления психологического анализа порывает со старой традицией авантюрного романа—жизнеописанием героя и начинает письмами in medibus rebus, стремясь к драматическому эффекту; юмор *Фильдинга*, который возвращается к формам авантюрного романа, но осложняет его полу-комическим мотивом любви, субъективными отступлениями и перерывами повествования, и изменяет композицию группировкой действующих лиц; продолжение традиции Фильдинга у *Смоллета* с усилением карикатуры в характеристике и первыми проблесками чувства природы, — попытку примирения традиции Ричардсона с традицией Фильдинга у *Гольдсмита*, результатом которой является обеднение фабулы, перенесение ряда мотивов на второстепенных действующих лиц и упорядочение композиции; наконец, разложение этой традиции у *Стерна*, с устранением старых мотивов напряжения, с новыми формами характеристики (жест) и комики (бессмысленный диалог, ономатопоэйи, согласование несогласуемого, пародия научного стиля и т. д.), с мастерством недосказывания и пафосом сентиментализма, переносимым на неожиданные объекты.

Д. характеризует, далее, новое в технике *романа ужасов*, вызвавшее успех этого жанра в конце XVIII в.: усиление напряжения (Spannung), технику тайны и неопределенного намека; введение фантастического элемента—магическую и фольклорную технику привидений (Geistertechnik); проявление чувства природы; эстетическую концепцию и освобождение от дидактики.

Он знакомит с мало известными русскому читателю формами *социального романа*, который на переломе двух веков впервые подымает проблему четвертого сословия, сосредоточивая свое внимание на изображении среды (фабрика) и отводя любовный мотив на задний план; который вводит элемент социальной и политической сатиры и, углубляясь в психологию преступника, переходит от формы романа приключений к форме криминального романа.

Останавливается Д. и на изживании Ричардсоновской традиции в так наз. *«женском романе»* нач. прошлого века и заканчивает блестящей характеристикой *В. Скотта* и непосредственных предшественников Диккенса—*Гука* и *Марриэта*.

Таким образом, автор дает, по своему собственному выражению, «ein gutes Stück Geschichte des englischen Romans». И все же он не считает себя историком литературы. С полным основанием: ибо, во-первых, «внимание его обращено в конечном счете на отношение творческой индивидуальности и традиции»; и, во-вторых, он не ищет исторических основ смены форм романа, не вводит художественной формы в исторический контекст эпохи.

От этой исключительности «формального» искусствоведческого подхода Д. отказывается в своей книге о *Диккенсе*. И здесь ряд блестящих глав посвящен характеристике художественной формы романов Диккенса,—их сюжетосложения, группировке действующих лиц, стилю; очень интересны указания автора на значение тайны в сюжетосложении у Диккенса, на технику лейт-мотивов, на гротескную стилизацию в его портрете, на символику его interieur'ов и приемы одухотворения, на технику его массовых и фантастических сцен; не менее ценен подробный анализ форм сказа у Диккенса.

Вместе с тем анализ форм английского романа XVIII в. в первом исследовании, задуманном как пролегомена к книге о Диккенсе, дает автору возможность, не загромождая свое изложение излишними отступлениями, устанавливать отношения Диккенса к литературной традиции. Следует отметить, что при этом

Д. привлекает произведения не только крупных, но и второстепенных и третьестепенных авторов,—так, напр., он устанавливает любопытный факт отражения в творчестве Диккенса таких театральных жанров, как водевиль, пантомима и мелодрама.

Описание дается Д-ом не только статистически, но и динамически; на фоне биографии Диккенса, автор намечает переходы романиста от фантастического реализма «Пикквикского Клуба» и форм авантюрного романа («Николай Никкльби») через формы романа семейного и психологического к натурализму и политической карикатуре Problem-romane последних лет.

Но—это особенно интересно для русского читателя при ставшем уже избитым у нас противопоставлении «формального» и «социологического» метода—Д. не ограничивается *формальным* анализом и *психологической* интерпретацией творчества Диккенса; он соединяет их с подробным исследованием *социологических* основ творчества романиста.

Посвящая две большие главы (первую и шестую) характеристике политического и общественного положения Англии в 30-х и 40-х г.г. прошлого века, автор не только дает исчерпывающее объяснение особенностям социально-политических воззрений Диккенса—в частности, его колебаниям между рационалистическим либерализмом представителей крупного капитализма и романтическим консерватизмом землевладельческой аристократии, но он подвергает анализу художественное преломление нового быта и новых общественных групп в творчестве романиста. Именно, неудача эстетического осознания классовой борьбы, неумение проникнуть в психологию капиталиста и пролетария, как носителей классового самосознания, на ряду с блестящим художественным преломлением нового городского и фабричного пейзажа, характерны для Диккенса, как идеолога мелкого и среднего мещанства.

Перевод книги Д-а о Диккенсе (хотя бы в сокращенном виде) на русский язык, несомненно, был бы желательным при бедности нашей литературы по соответствующим вопросам.

Р. Шор.

ТОЛСТОЙ. Памятники творчества и жизни. Редакция В. И. Срезневского. Кооперативное Т-во изучения и распространения творений Л. Н. Толстого. Москва. 1923 г. Страниц 214. Цена 1 р. 20 к.

Центральное место занимает в сборнике переписка Л. Н. Толстого с В. П. Боткиным, охватывающая 1857—1862 годы и заключающая 16 писем Толстого и 9 Боткина. К сожалению, не вся переписка между ними уцелела. Но и то, что сохранилось, вскрывает значительную ценность опубликованных материалов, так как сообщаются не только новые штрихи в биографии обоих писателей, но проступают кой-где ценные черточки для характеристики кружка «Современника» и общественных интересов конца 50-х годов.

Толстой высоко ценил литературный вкус Боткина, отдавал ему на суд свои ранние опыты и, несмотря на суровые оценки (напр., «Семейного счастья»), признавался: «Мне серьезно полезны ваши письма. Как я подумаю, что вы так серьезно смотрите на мое писание, так я сам оперяюсь». В письме от 4 января 1858 г. Л. Толстой поделился с Боткиным, желая знать его мнение, одним своим произведением, которое до сих пор остается ненапечатанным и в других редакциях носит название «Сон». Приведенная в этом письме редакция, по мнению В. И. Срезневского, является второй. Известно, что Боткин всегда был эстетствующим, но он в то же время понимал историческую законность тенденциозного искусства. В связи с обличительным направлением в русской литературе 50-х годов, между Боткиным и Л. Толстым загорелись любопытные споры. Толстой оказался сбитым вместе с другими писателями эпохи 40-х годов с той позиции, на которую его ставил по преимуществу И. С. Тургенев, доказывая, что поэзия есть прежде всего и только искусство. Совсем другие голоса услышал Толстой, напр., побеседовав с Салтыковым, который «объяснил ему, что для изящной литературы теперь прошло время (и не для России теперь, а вообще), что во всей Европе Гомера и Гёте перечитывать не будут больше». Толстой не разделял полностью турге-

невских воззрений на искусство, спорил с Боткиным, доказывая, что старая эстетическая школа—явление ненормальное, что на старой поэзии пушкинского направления нельзя строить, но ему, однако, казались смешными толки Салтыкова и других «обличителей». Боткин в ответ на заявление Толстого, что он не знает, что он такое, к какому лагерю ему пристать, писал ему, что рассказы Щедрина и подобных ему писателей, удовлетворяя оскорбленное национальное чувство, читаются новым типом читателя, после Крымской кампании почувствовавшего острую потребность клеймить позорный старый порядок, но из того, что «в тихие интимные созерцания немногих людей истинного искусства ворвалась наша грубая, гадкая практическая жизнь», разве следует, что можно отбросить поэзию, «когда уже душа хоть раз проникла в ее мир? Салтыков говорит, что теперь и Гёте перечитывать не станут больше. Он прав: те, которые наслаждаются его рассказами, никогда не станут читать Гёте по той именно причине, что они ничего не поймут в нем... Всякий политический момент народной жизни вызывает и в литературе явления, ему соответствующие; но из них остаются только те, которые стоят выше этих моментов,—все остальное обращается в общественный навоз. Напишите-ка ваш Кавказский роман так, как вы его начали,—и вы увидите, как Щедрины и Мельниковы тотчас будут поставлены на свои места»... Толстой откликнулся на письмо Боткина предложением организовать группу литераторов (Тургенев, Фет и пр.) для издания журнала, целью которого должно быть одно «художественное наслаждение», который должен стать «учителем публики в деле вкуса, но только вкуса», спасая «вечное независимое в искусстве от случайного, одностороннего и захватывающего политического влияния». Редактором этого журнала должен был сделаться, по проекту Толстого, В. П. Боткин. Из этого предприятия ничего не вышло, так как Тургенев писал Толстому 8 апр. 1858 г.: «политическая возня вам противна; точно, дело грязное, пыльное, пошлое;—да ведь и на улицах грязь и пыль, а без городов нельзя же». Эпизод, рассказанный в письмах, любопытен в том отношении, что, во-первых, выдвигает новый фактор идейного воздействия на Л. Толстого в 50-х годах, шедший со стороны Боткина и сказавшийся в знаменитой речи Толстого в защиту «чистого искусства» на заседании Общества Любителей Российской Словесности; во-вторых, наглядно рисуя классовую подоплеку разыгравшейся вскоре борьбы между старой и новой редакцией «Современника», когда разночинцы Чернышевский, Добролюбов, нажимая на Некрасова, заставили его разорвать давние дружеские связи с теми, кто пытался противодействовать новому зову времени, скликавшему к журналу массового, рядового читателя, чуждого интимных переживаний усадебной культуры.

В письмах Толстого этой ранней поры нередко встречаются тирады, суждения устанавливающие органическую связь с позднейшими его воззрениями: таково, напр., его мнение о государстве, о политике, как «ужасной лжи»: «государство есть заговор не только для эксплуатации, но главное для развращения граждан» (24—25 марта 1857). Обращают внимание оценки Л. Толстого некоторых пьес Островского («Доходное место»), которого он называет «гениальным драматическим писателем»; оценки лирики Фета и т. д. В целом, переписка имеет высокий интерес, и нельзя не пожелать, чтобы поскорее были изданы другие эпистолярные материалы, хранящиеся в обществе изучения сочинений Л. Толстого (письма И. С. Тургенева к Толстому и проч.). Кроме отмеченной переписки, в сборнике дана большая статья А. Л. Толстой «Об уходе и смерти Л. Н. Толстого», обильная фактическими подробностями о трагическом конце жизни великого человека, погибшего тотчас, как рванулся из сетей, сплетенных многочисленными руками—чужими и своими.... Г. Гельд в небольшой заметке «О двух именах прилагательных в романах «Анна Каренина» убедительно раскрыл содержание двух слов: «евгюбический» и «капуйский». К. В. Сивков на основании одного архивного документа рассказал характерную страничку из прошлого

Ясной Поляны. Оказывается, в начале XVIII века Ясная принадлежала некоему Минину, офицеру, битому батогами за отказ служить правительству; именье было конфисковано в казну. В рецензируемом сборнике имеются и др. статьи—мемуарного и биографического характера, дополняющие известные черты в жизни Льва Толстого и в отношении к нему общества и власти.

Единственный упрек по адресу редактора сборника: на стр. 32 и 37 выпущена тридцать одна строка текста, неудобного для печати. Почему — если нельзя по соображениям строгого пуризма печатать этих строк—почему редактор не отметил, какого явления жизни касаются выброшенные строки? А то начинает казаться, что лица, имеющие в своих руках неизданные Толстовские тексты, хотят из жизнеописания Л. Толстого сделать житие, из реального лица—иконописный лик.

Н. Бродский.

СЕРИЯ СБОРНИКОВ ПО УСТРОЙСТВУ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЭКСКУРСИЙ. Под редакцией Ашукина, Н. С., Лебедева, А. М., Полякова, С. Г., Устинова, И. В. Вып. I. Н. С. Ашукин, Лев Толстой. Стр. 61. Вып. II. Юлий Соболев. А. П. Чехов. Стр. 38. Вып. III. Н. С. Ашукин. По Грибоедовской Москве. Стр. 63. Вып. IV. М. В. Португалов. По Тургеневским местам. Стр 56. Вып. V. Ив. Белоусов. Тарас Григорьевич Шевченко. Стр. 38. Вып. VI. Н. С. Ашукин. Пушкинские места в Москве и ее окрестностях. Стр. 80. Из-во т-во «В. В. Думнов, насл. бр. Салаевых» М. 1924. Тир. 4.000 экз.

Из всей обширной области экскурсионного дела методика и практика литературных экскурсий разработана наименее. Между тем в наше время особенно ясно, что творчество любого писателя не есть некая замкнутая в себе система художественных ценностей; что оно не только развернуто в сторону общей литературной эволюции, но и держится на бесчисленных приводных ремнях, соединяющих его как с личностью автора, так и с теми культурно-историческими, классовыми и бытовыми условиями, в которые укоренено бытие этого последнего. Отсюда—для понимания того или иного литературного явления экскурсии на места, являющиеся его культурно-бытовой рамой, связанные с жизнью и творчеством писателя, его породившего, являются могущественным подспорьем. Вышедшие пока первые шесть выпусков начатой в из-ве «В. В. Думнова, насл бр. Салаевых», серии сборников по устройству общеобразовательных экскурсий, посвящены как раз разработке ряда экскурсий литературного типа. Каждый выпуск представляет собой род маленькой монографии, связанной с творчеством того или иного писателя, литературно-меморативным музеем, подчас даже отдельным художественным произведением (выпуск *По Грибоедовской Москве*).

Одним из основных признаков экскурсионного изучения является обязательное наличие доступного непосредственному созерцанию конкретно-зрительного материала. Отсюда задача всякого руководства к той или иной литературной экскурсии состоит, во-первых, в том, чтобы ориентировать в виденном, дать наиболее целесообразное и систематическое описание того, что предстоит, и, во-вторых, помочь его наилучшему уяснению и осмыслению, т.-е. тут же, параллельно описанию, давать соответственный комментарий. Редакцией сборников задача эта так и осознана. Однако осуществлена она авторами отдельных выпусков по-разному, с большей или меньшей степенью приближения. Образцовым в этом отношении является первый выпуск, посвященный Льву Толстому. Наличие прекрасно организованного Толстовского музея помогает составителю, опираясь все время на выставленные экспонаты, переходя от предмета к предмету, дать в то же время сжатый и связный рассказ по истории жизни и творчества писателя. Наиболее выпадает из задач серии выпуск, посвященный Шевченко, содержащий краткую биографию украинского поэта, и воспоминания автора о посещении им его могилы, исполненные мало идущих к делу лирических и описательных подробностей фельетонного характера. В то же время ценный обзор «наследия

Шевченки», хранящегося в Киевском и Черниговском музеях, к сожалению, оторван автором от своего изложения, дается в конце книги, в виде сухого перечня. Этого же рода методологический упрек можно сделать и автору в общем интересно составленного выпуска *По Тургеневским местам*. Перечень экспонатов Тургеневского музея и «достопримечательностий в с. Спасском» в значительной части отделен им от описания и комментария. Главка о Спасском-Лутовинове заполнена выдержками чисто «переживательского» характера из воспоминаний лиц, в разное время посещавших Тургеневскую усадьбу. Предпочтительнее было бы строго деловое, соответственно прокомментированное описание всего того, что может найти на родине Тургенева современный экскурсант. В то же время главка *Тургенев и его предки, как читатели (по материалам Тургеневского музея)* представляет собой самостоятельную статью, ценную для исследователя, но, пожалуй, слишком серьезную для читателя-экскурсанта. Очень живо и интересно составлен выпуск о Чехове, являющийся не только хорошим пособием для чеховских экскурсий, но и одной из лучших, в особенности, принимая во внимание его небольшие размеры, существующих биографий Чехова. Выпуски, разрабатывающие экскурсии по Грибоедовской Москве и по Пушкинским местам в Москве и ее окрестностях, носят в большей своей части компилятивный характер, предлагая хорошо подобранную сводку материала для реконструкции жизни старой дворянской Москвы первой трети прошлого века. Каждый из выпусков серии снабжен краткой библиографией, указаниями для последующей проработки экскурсии, в ряде бесед и докладов, списками тем к ним и многочисленными иллюстрациями. В Чеховском выпуске воспроизведен ряд редких документов, интересных в биографическом отношении.

В общем, серия общеобразовательных экскурсий заполняет вышеуказанный, весьма значительный пробел и заслуживает всяческого внимания со стороны школьных руководителей, внешкольных работников и вообще всех лиц, интересующихся в той или иной степени нашей литературой.

По возможности выправленное в методологическом отношении продолжение ее весьма желательно.

Д. Благой.

Б. В. ТОМАШЕВСКИЙ. Русское стихосложение. Метрика. Росс. ин-т истории искусств. Вопросы поэтики. Вып. II. Пгр. 1923. К-во «Академия». Стр. 160. Тир. 3.000.

Г. ШЕНГЕЛИ. Трактат о русском стихе. Изд. второе, переработанное. Гиз. Пгр. 1923. Стр. 184. Тир. 2.000.

ЕГО ЖЕ. Практическое стиховедение Т-во «Книгоиздательство писателей». М. 1923. Стр. 184. Тир. 2.000.

Было бы чрезвычайно трудно толком ответить на вопрос: нужна ли стихотворцу специальная подготовка по его ремеслу? Опыт показывает, что очень многие из современных стихотворцев, прекрасно владеющие стихом, в начале своей деятельности не имели решительно никаких сведений о стихе, учась, так сказать, «с голоса», т.-е. с живого чужого стиха. Это им не помешало. Другие, имевшие эти сведения в весьма большом количестве (таких теперь развелось множество), при всех этих знаниях не умели и не умеют скропать порядочной эпиграммы для уличной сатиры. Сверх того стих эволюционирует и сравнительно чрезвычайно быстро. Тому назад двадцать лет Брюсов казался крайним революционером, теперь этому поверить странно, а стихи Маяковского Апухтину, наверно, показались бы произведением ненормального человека. Правила устанавливаются на уже существующем в результате сложных и очень длительных исследований, пока они придут к чему-нибудь, теории уже практически неприменимы. К этому добавляется весьма неудобная история именно русского стиха: она очень коротка, в сравнении, напр., с историей английского стиха, и вся исполнена крутых поворотов и революций. А теперешние изыскания исторически пошли с того стиха, который у нас считается «классическим»,

т.-е., главным образом, с поэтов Пушкинской школы. Исконно-русский стих, песенный стих, совершенно остается в стороне. Правда, трудно найти прямые доказательства его влияния на письменный стих (кроме Пушкинских сказок и подражаний), но можно с полной уверенностью сказать, что пока не установлена связь между стихом былинным, песенным и нашим «поэтическим», истинный характер русского стиха не будет показан. Нет никакой возможности предположить, чтобы живой стих песни не был связан так или иначе с стихом элегии, альбома и пр. Влияние это заметно еще у Державина (в вещах в роде: «Я охотник был измлада—За дичиною гулять»... и т. п.), хотя оно всегда извращено и фактически ничтожно в стилизациях. Поэтому-то исторической метрики у нас не существует, история стиха излагается по Иловайскому и обследуемые формы берутся не в том процессе, который их породил, а статически. Работы Корша позабыты и незаслуженно. У них немало недостатков, но у них была правильно поставленная задача, о которой теперь и речи не поднимается.

Поэтому стиховедение вообще, собственно, находится под сомнением. Оно ни в какой мере не может быть подсобником стихотворцу. Оно работает на фактически случайном материале. У него нет исторической, эволюторной точки зрения. Все это в виду сказанного в значительной мере отдает диллетантством. До науки еще очень и очень далеко. Авторы, говорившие в заглавиях о какой-то науке стиха, просто говорили о своей безграмотности. Пока это—совершенно еще неразработанная отрасль лингвистики—и не более того. Западные работы около наших неудобно вспоминать, даже в качестве недосягаемых образцов. Собирается материал и наблюдения, у отдельных исследователей его накопилось немало. Схематизовать его чрезвычайно трудно. Возможны только общие описания, чрезвычайно расплывчатые, с неясными границами и еще менее ясными задачами. С работами иностранцев мы не знакомы, и это ухудшает положение.

Книжка Б. В. Томашевского—работа чрезвычайно добросовестная, скромная, осторожная—дает, видимо, лучшее из того, что можно было бы теперь дать по стиховедению. Томашевский хорошо знаком с литературой существующей, сам очень много работал (прекрасно у него проработан «Евгений Онегин»—напечатано было в сборнике «Пушкин и его современники»—не хуже исследовал он пятистопный ямб), он обладает серьезной практической и теоретической статистической подготовкой. Первые его работы не были свободны от рискованных положений и парадоксов, но теперь их все меньше, а то, что говорится, продумано и выверено. Книжка его, как говорит предисловие, имеет в виду дать предварительную подготовку для будущих исследователей русского стиха, и решительно не задевает той, по выражению самого же Томашевского, «технологии» стихотворства, которой думал заниматься Брюсов, по традиционному примеру Классовского или Шульговского. В ней совершенно отсутствует сырой материал, чему, разумеется, вовсе не место в учебнике. С другой стороны, стихотворец, желающий ознакомиться с началами стиховедения, найдет в книжке Томашевского и то, что ему требуется, а вероятно, и много нового. Книжка несколько суховата, но Томашевский—инженер по образованию, и его подход имеет свои достоинства.

Многие и очень многие положения Томашевского не бесспорны, но они спорны ровно в той самой мере, в какой спорно сегодня почти что любое положение о русском стихе. Задачи метрики он определяет, как нормативные: «метрика должна определять, какими нормами следует формировать ритмическое задание всякого стихотворения»—этот номинализм, конечно, вообще не удовлетворителен, а выражение «формировать» в данном случае значит не более, как «называть». Недоразумения начинаются с основных положений, их крайняя шаткость при отсутствии исторической и этнографической точек зрения неизбежна. Все, что пишет Томашевский о скандовке, в высшей степени неудовлетворительно: автор полагает, что «скандовка общеобязательна» и что, «следовательно, ею выявляется какой-то объективный факт стихотворной речи».

А скандовкой Томашевский называет «такое произношение стиха, при котором каждый слог длится одинаковое количество времени». На каких опытах проверена эта изохронность—неизвестно, кимографические исследования ее никогда и нигде не обнаруживали, и стоит прислушаться к любой детской скандовке (считалке), чтобы услышать, что ни о какой изохронности в смысле Томашевского и речи быть не может. Скандовка действительно выявляет некоторый объективный факт стихотворной речи,—но что это за факт? это не что иное, как *ритм* со всеми его особенностями, ритм чисто стиховой, без логических ударений и прочей декламационной актерской путаницы. Общеобязательность скандовки также проблематична: деревенский ребенок скандирует, отправляясь от хореической диподии песни, городской—от мутаций частушки, а интеллигент—опираясь на ямбическую диподию пушкинского стиха. Определения стопы у Томашевского вовсе нет, а то, что говорится о стопе, не точнее и не яснее того, что было еще у Востокова. Определение Веррье игнорируется даже без упоминания. Стопе опять придается значение произвольной схемы, а ведь это живая часть стиха, вполне ощущаемая. Примечания подробно оттеняют то обстоятельство, что стопа не может существовать как самостоятельное целое (слово «хорей» не есть двусложная стопа), что совершенно справедливо, но вернувшись к стр. 14, читаем, что стопой именуется часть стиха с одинаковым числом слогов и с одним скандуемым ударением. Вполне вероятно, что какой-нибудь упрямый приверженец логаэдической точки зрения станет скандовать ямб, как пэаны—и извольте-ка с ним поспорить! Вопрос о скандовке спорен, на нем зиждется наисхематичнейшее определение стопы, и в общем все повисает в воздухе. Пустяковая критика трехтомного труда Поля Веррье, проделанная развязным Якобсоном на десяти страничках, так подействовала на Томашевского, что он, ограничив себя в определениях только самыми очевидными — на его взгляд — явлениями, не дает никакого определения вовсе. Столь же шатко и неясно определение цезуры, которая, по Томашевскому, есть «словораздел, разрывающий в определенном месте скандируемый период на части»,—чем это лучше пресловутой «остановки для отдыха голоса» у школьных грамматиков? Так же точно ничего не определяет. Во избежание нападок Томашевский апеллирует к синтаксису, интонации и проч. (то же, примерно, делает и Якобсон в брошюрке о чешском стихе со своей «фонологией») на стр. 23, но ведь ни одному геометру не придет в голову доказывать, что, дескать, число «пи» это вещь такая, знаете, сложная и мудреная, и собственно, она ведь нигде в чистом виде не встречается и проч. О диподии не сказано ровно ничего. Указано, что кто-то (безымянно) когда-то о ней говорил, в применении к пэанической (т.-е. логаэдической) точке зрения на стих, но существует ли таковая, и что она собой представляет, об этом не говорится вовсе [1]). Уменьшение количества неударных слогов в трехдольнике (стр. 38) ни с того, ни с сего называется «стяжением» и ни слова не говорится, как мыслит автор это стяжение и есть ли у него что общее со стяжением античных стихосложений. Стр. 45 предлагает отказаться от понятия стопы, на определение коей изведено не мало чернил в начале книги, так как будто бы ямб и хорей «с точки зрения внутренней структуры совершенно одинаковы». Что это за «внутренняя» структура? Судя по уже сказанному и по правильному положению об общей ритмической тенденции целого стихотворения, это строение ям-

[1]) Автор всюду уклоняется от прямой полемики под предлогом учебничества. Все, кто писал о стихе, ходят у него под названием «некоторые исследователи». Изложение чужих теорий заменяется перечислением недостатков, обнаруженных Томашевским в чужих теориях. Получается маленькая неловкость: вот *моя* теория, а больше ничего не существует. У нас в стихотворении очень много «великих открытий» и ни одной сводки сделанного—жаль, что и Томашевский попадается на ту же удочку дешевой славы первого, единственного и неповторимого.

бических и хореических стихов, как стиховых масс, но Томашевскому стоит порыться в своих собственных подсчетах, чтобы обнаружить, что ничего общего в массовой структуре нет. Оказывается, разговор идет о том, что, ежели от ямбической строки отбросить анакрусу, получится хорей, откуда и говорится о метрической однозначности ямба и хорея. Только что мы прочли, что «стопа не есть самостоятельная слоговая группа» (стр. 145), как оказывается, что уже можно эти несамостоятельные группы не более, не менее, как рвать на части. Чему же верить? А парадокс этот неизбежен, если начинать с метра, а не с ритма. Двоичный ритм одинаково присущ и ямбу и хорею, и здесь надобно поставить точку, вот и все. Существует ритмический двоичный элемент, а метр дело иное и сюда никак не относится—чтобы пришлось говорить Томашевскому, если бы он встретился еще и с иррациональными стопами. С анакрусой тоже не совсем ладно. Указывается на то, что в дактиле существует трехсложная анакруса — чрезвычайно подозрительное утверждение, а если дело идет об дактиле Жуковского, то это, наверно, неправильно. Хорей, по Томашевскому, также обладает анакрусой двусложной, это ничем не подтверждено и наверное это не так, уже по тому, что из этого вытекает (стр. 48), что при сопоставлении четырехстопный ямб адэкватен пятистопному хорею,—явная нелепица. Интересна и правильна зато мысль об общем членении стиха на: 1) анакрусу, 2) метрический ряд и 3) клаузулу (рифмическую эпифору); это (стр. 51) можно показать на любопытнейших сопоставлениях статистик хорея и хориямба (в ямбе), а также на взаимных соотношениях формоупотребления строк с женскими и мужскими окончаниями. Однако на этот общий стиховой, колонический закон (статистический, конечно), в живом стихе наслаивается диподия, а Томашевский совершенно ее не касается. Об анакрусе и концовке Томашевский говорит (стр. 54), что они воспринимаются, «как качественные элементы стиха»—непонятно и неизвестно, к чему нужны подобные объяснения. Очень неясно у Томашевского все, что касается пауз. О них говорится глухо и в общем получается, что они, собственно, не существуют: лейма, по словам автора (стр. 148) «несомненно, полная фикция, не соответствующая никакому речевому моменту», почему это несомненно—секрет автора, тем паче, что стоит вспомнить, как Томашевский, отмахиваясь от пауз, разбирал паузника Пушкина, и эта героическая попытка привела его к тому, что он нашел немало ошибок в стихе этого слабенького стихотворца. Любопытна часть фонетическая, однако на нее Томашевский, кивая на иных, которые ее еще «не проходили» (стр. 85), слишком надеется: фонетика фонетикой, все это не лишено смысла, но в учебнике теории стихосложения полезнее были бы определения именно стиховых явлений, насчет коих-то и зияют существеннейшие промахи. Интересно о рифме (по работе Кошутича). Правильно указана роль ее—ритмическое членение стиха.

Однако, как бы там ни было, книжка Томашевского—маленький подвиг и вещь; несомненно, очень полезная. Томашевский эволюционирует сам, как стиховед на наших глазах, и, конечно, следующие его работы от многих допущений и неясностей уже освободятся. Начинающему исследователю книжку можно порекомендовать безо всякого колебания. Стохотворцу тоже.

Совершенно иное впечатление получается от «переработанного» «*трактата*» Шенгели. Начиная с чрезвычайно отвратительной претенциозности заглавия, вся книга набита вычурнейшим и схоластическим дилетантством и самой убогой компилятикой. Образцом, повидимому, взяты работы Брюсова, о достоинстве которых у любого стиховеда (см. отзывы Томашевского, Брика, автора этих строк и др.) не может быть двух мнений. Книга набита-битком статистическими таблицами, которые сами по себе к исследованию не имеют касательства, и если кому-либо и принесут пользу, то, конечно, не автору книги, а тому, кто будет работать на основании этих таблиц. Самый метод записи у Шенгели не выяснен с полной точностью, а статистика требует добротного первичного материала. По некоторым же оговоркам можно предполагать, что Шенгели преуве-

личивал действительное количество ускорений. Автор ставит себе цели, во-первых, компилятивные. Это сопряжено теперь с величайшими трудностями, а кроме того всякая компиляция все же предполагает какую-то точку зрения, которой у Шенгели вовсе нет, поэтому он с равным удовольствием переписывает и Белого и Брюсова, и Томашевского и Чудовского. Определение ритма никуда не годится. Явление субъективного ритма, о котором Шенгели никогда не слыхал, и акустических обманов (наподобие оптических) приводят его к тому, что он устанавливает «привносимость ритма». Ежели бы дело обстояло так, то каким образом могли бы двое сговориться о характере данного ритма? Если же они все-таки сговариваются, ясно, что то, что Шенгели именует «привносимостью», есть совершенно иное явление, но этого автор не замечает. Приведя таблицы о пятидесяти тысячах слов, в отношении расположения ударения в них, автор начинает мудрствовать над этой таблицей,—его поражает тот факт, что громадное большинство слов имеют ударение на среднем слоге, и отсюда начинаются сложные рассуждения, сочиненные с гимназической глубокомысленностью. Но если бы Шенгели взял не слова с ударениями, а пятьдесят тысяч собственных окурков с остатками табаку, он получил бы то же самое: во всех кривых распределения мода очень близка к средней, а полубазы, примерно, равны, вот и все. Для того, чтобы заниматься статистическими исследованиями, надо иметь представление о методе, коим думаешь пользоваться, а пиитическое глубокомыслие и гершензоновщина тут помочь не могут. Наука просит простоты и не терпит никаких разглагольствований. Сравнивая слова Онегина и Полтавы, автор опять заводит разговоры о «ямбической стихии», а истинной (и очень простой) причины увеличения коротких слов в стихе найти не может. Совершенный вздор начинается, как только Шенгели отваживается переплыть фонетику. Этому квалифицированному, надутому вздору нет конца и края. Весь его переписывать не имеет решительно никакого смысла. Тут и знаменитая «фонофория» Чудовского, нелепая выдумка, которую Чудовский, эстет, фразер, а не исследователь, думал ввести вместо «паузных форм» (словоразделов) Белого. Все это—окончательно не серьезно, сплошное дилетантство и ни на что ровно не годится. Учащемуся в руки давать такую книгу нельзя. Он запутается в сырье Шенгели, научится отвратительно-дурно мыслить, как это было принято у символистов (но Гершензон, по крайней мере, был все же человек талантливый), и вместо нескольких простых положений о стихе найдет невероятное количество дедуктивных гипотез, самого доморощенного свойства. Шенгели не понимает того, что научная доктрина должна быть построена на паре очевидных и совершенно несокрушимых положений,—он занимается тем, что изобретает гипотезы, у него на каждое явление новая догадка, новая гипотеза, и это ему кажется в порядке вещей. Шенгели в голову не приходит, что в стиховедении могут быть не разрешенные вопросы, что вообще научно поставить проблему уже заслуга, он сел писать свой «трактат» с твердым намерением разрешить все—и разрешил. Когда его таблицы показывают, что там-то явление «а» превалирует над явлением «б», то он не довольствуется констатированием этого, не думает найти связь между явлениями в тех границах, в коих оперирует, т.-е. в тех же таблицах, а немедленно переходит к «высоким материям» насчет всяких «стихий», «перенастроек голоса» и проч. Так, примерно, писали святые отцы и полоумные монахи в роде Рейсбрука, но ведь их даже символисты, как Метерлинк, оценивали исключительно со стороны эстетической. Шенгели не понимает, что, имея дело со стихом, он имеет дело с системой фактов, а эти отвратительные субъекты равнодушны к любой стихийности. Всюду Шенгели говорит о преимуществах одной системы стиха над другой, а еще Белый предупреждал от таких апелляций, ибо они естественно появляются только там, где исследователь не может разобраться в вопросе.

Вторая книжка Шенгели «Практическое стиховедение» ничем не отличается в хорошую сторону от первой. Разница только та, что там Брюсовская «наука»

использована полнее, а благодаря меньшему объему книжки, все утверждения носят еще более догматический характер. Тов. Шенгели надо или бросить стиховедение или поучиться. Смешно и стыдно заниматься подобными пустяками.

Сергей Бобров.

Ю. ТЫНЯНОВ. Проблема стихотворного языка. („Вопросы поэтики". Непериодическая серия, издаваемая Разрядом Истории Словесных Искусств Российского Института Истории Искусств. Выпуск V). Изд. „Academia". Ленинград. 1924. Стр. 140. Тираж 3.000.

Проблема стихотворного языка—одна из центральных проблем нашей теоретической поэтики, до сих пор ни разу еще нами не поставленная во всем своем объеме. Уже в силу одного этого нельзя не быть благодарным Ю. Тынянову за попытку его решить эту проблему в исследовании, претендующем на строгий теоретический характер. Признательность наша автору должна быть тем более велика, что он пытается подойти к своей проблеме, как к проблеме в строгом смысле лингвистической, т.-е. семасиологической, между тем, как до сих пор, если и пробовали мы теоретически рассуждать о стихе, то разве лишь с точки зрения его звучания, с точки зрения стихотворной фонетики — для лингвиста внешней и преимущественно вспомогательной. Из всего этого не следует еще, однако, что проблема стихотворного языка, как проблема семасиологии, разрешена Тыняновым удовлетворительно. Существенные противоречия обнаруживаются уже в том, как автор понимает свою задачу. Указывая в предисловии к своей работе, что изучение стиха должно быть связано с изучением «значения и смысла поэтического слова», автор вслед за тем формулирует свою задачу так: «задачей настоящей работы является именно анализ специфических изменений значения и смысла слова в зависимости от самой стиховой конструкции». Но задача, очевидно, заключается в том, чтобы самое эту «стиховую конструкцию» осмыслить как явление семантическое, как *значение sui generis*. Между тем из приведенной здесь формулировки Тынянова выясняется, что не самый смысл стиха, как особого значения и знака, его интересует, а лишь зависимость, которая предполагается им между языком и стихом. «Стих», таким образом, уже не есть для Тынянова «язык», а лишь нечто такое, что язык изменяет, деформирует, и этим сообщает ему значение «языка поэтического». Такая точка зрения приводит к двум, по крайней мере, нежелательным последствиям. Во-первых, поскольку «конструкция» есть лишь повод для постановки вопроса о значении, а не само значение — постольку возникает опасность, что мы останемся при прежнем механическом истолковании стиха, и самый стих, вместе с его существеннейшей характеристикой—ритмом останется висеть в асемантической пустоте. Во-вторых, мы неизбежно попадаем в старый опоязовский тупик: язык практический и язык поэтический, из которого не может быть найден выход, пока поэтическая речь генетически понимается, как некое искажение, деформация речи практической, а не учитывается в своей собственной, специфической поэтической функции, как независимая статическая система. Оба эти результата и характеризуют работу Тынянова в ее целом. Схема работы такова: в главе первой—«Ритм, как конструктивный фактор стиха»—Тынянов раскрывает содержание понятия стихотворного ритма, как явления, определяющего смысл поэтического слова; глава вторая—«Смысл стихового слова»—иллюстрирует самую эту зависимость смысла от ритма. Обе части книги при этом всецело отправляются от понимания стихотворного языка, как речи, деформированной ритмом.

По счастью, однако, глубокая филологическая чуткость Тынянова придает отдельным страницам его работы такой характер, который сам собою вносит некоторые существенные коррективы в вышеочерченные, принципиальные положения книги. На протяжении всей работы Тынянова мы встречаемся с замечаниями и формулировками, которые как бы свидетельствуют, что автор при неко-

торых других условиях мог бы, по меньшей мере, догадаться, в чем, собственно, состоит проблема стиха, как особого языкового знака. Это сказывается уже на том определении ритма, какое дается в книге Тынянова. Стихотворный ритм, согласно этому определению, складывается из взаимодействия следующих четырех факторов: 1) единство стихового ряда, 2) теснота его, 3) динамизация речевого материала, 4) сукцессивность речевого материала (стр. 47). Не входя здесь, по понятным соображениям, в существо вопроса о стихотворном ритме, отмечу, что если оба последних пункта и вызывают у нас некоторые механистические ассоциации, то первые два вносят, несомненно, новую и свежую струю в обычное фонетическое понимание стихотворного ритма. Симптоматично уже то, что, защищая свое понимание ритма, Тынянов принужден развернуть широкую полемику с так наз. «Ohrenphilolcgie» Зиверса и Зарана, наделавшей в свое время столько шуму—результатами своими далеко не оправданного. В этой связи совершенно особый интерес приобретает то место работы Тынянова, где он вводит понятие *эквивалента поэтического текста*. Под таким «эквивалентом» автор понимает «все так или иначе *заменяющие* его (текст) вне-словесные элементы, прежде всего частичные пропуски его, затем частичную замену элементами графическими и т. д.» (стр. 22). В качестве такого эквивалента Тынянов приводит XIII строфу из пушкинского стихотворения «К морю», где, как известно, Пушкин, после слов: «Мир опустел», поставил в печати $3^1/_2$ строки точек. Что же такое эти точки? «Значущим и звучащим,—пишет Тынянов,—здесь оказывается только отрезок первого стиха. Точки здесь, само собою, не намекают даже отдаленно на семантику текста и его звучание, и все же они дают вполне достаточно для того, чтобы стать эквивалентом текста» (стр. 23). В том-то, однако, и дело, что значит здесь не только отрезок первого стиха—«мир опустел»: *значат сами точки*. В противном случае—вместо XIII строфы стихотворения у нас была бы полная бессмыслица. Сами точки обладают здесь значением, у них своя семантика, а потому в высокой мере праздным является вопрос, намекают ли точки или нет на семантику текста. То же самое следует сказать относительно другого примера Тынянова—о пропущенных строфах «Онегина». И здесь сам пропуск является значущим, совершенно независимо от того, «заменяет» он текст, или нет. С этой точки зрения нельзя даже, собственно, говорить об «эквиваленте», ибо стих, состоящий из точек, есть такой же знак, как стих. написанный буквами, и уже совсем трудно согласиться с Тыняновым, будто подобного рода стих есть «знак метра» только и будто «эквивалент» — «обнажает метрическую сторону стиха» (стр. 27). И вот, если бы Тынянов сумел так оценить свое тонкое наблюдение, то он уже очень близко подошел бы к пониманию проблемы стиха, как языкового знака sui generis. Менее всего следует пугаться при этом, что такое понимание дела заставляет нас оперировать с данными чисто-графического характера. Пора, наконец, понять, что буква есть такой же знак, как и звук. Сам Тынянов, во всяком случае, графики не боится, и в книге его мы встречаем не мало интересных соображений относительно графического языка. Мало того, он сам признает, что «графика является сигналом стиха» (стр. 31), да и вообще выдвигаемый им принцип единства стихового ряда, с помощью которого он оценивает, напр., специфически-стиховое значение en jembement, иллюстрируется чисто графически (стр. 61, сл.). Вопрос заключается в том только, исчерпывается ли графическими признаками характеристика стиха, как особого знака, и где следует искать дополнительных ее признаков.

Как бы то ни было, принцип единства стихового ряда, устанавливаемый Тыняновым в анализе стихотворного ритма, уясняет весьма многое в природе стиха, и в этом, независимо даже от прочего, большая заслуга исследователя. Как уже упомянуто выше, чрезвычайно существенную помощь оказывает Тынянову принцип этот во второй части его работы—при анализе en jembement и схожих явлений стихотворного языка, с помощью которых намечается путь к отграничению стиха от прозы. Конкрет-

ная интерпретация автора заслуживает самого пристального внимания: здесь мы многое узнаем и многому можем поучиться. В той же мере интересны чисто-семасиологические рассуждения Тынянова в начале второй части его работы, где в смысловом составе слов выделяются основные и второстепенные признаки значения. Серьезным недостатком этой части работы Тынянова является зато отсутствие анализа внутренней формы, что́ тем более странно, что уже в предисловии автор ссылается на Потебню, по его словам, надолго определившего пути разработки вопроса о смысле поэтического слова. Психологизм Потебни нами изжит, но не исчезает ведь от этого необходимость в теории образа. Между тем этой-то теории как раз и не хватает у Тынянова. Остается удивляться, как не видит Тынянов, что, анализируя «колеблющиеся признаки» значения в стихах Блока, Хлебникова, Тихонова, что, говоря о «кажущемся значении», «кажущейся семантике»,—он имеет дело с внутренними формами, с поэтическими образами. Об образе Тынянов, впрочем, упоминает на заключительных страницах своей работы. Насколько недостаточны, однако, и неудовлетворительны эти упоминания, видно хотя бы из того, что под образом здесь разумеется «вторичное явление поэзии», и что самый образ здесь анализируется опять-таки в свете той «деформации», которая, к сожалению, остается главным исходным пунктом для всех построений автора. Автор так и заканчивает свою книгу: «Перспектива стиха преломляет сюжетную перспективу». При этом делается ссылка на Гёте, который говорил, что если бы его «Римские элегии» переложить размером байронова «Дон-Жуана», то содержание элегии показалось бы соблазнительным. Но ведь совершенно очевидно, что в данном случае Гёте говорил не о смысле собственно своих элегий, не о сюжете их и не об образе, а о том особого рода «смысле», который придается поэзии ее экспрессивными качествами,—выразительностью. Именно о такой выразительности идет речь и в тех случаях, когда стиховое слово является как бы «бессмысленным», когда оно имеет лишь «видимость значения» и где Тынянов говорит об «эквиваленте смысла» («но звуки правдивее смысла и слово сильнее всего»).

Из изложенного видно, что работа Тынянова подымает целый ряд первостепенной важности вопросов. И нет ничего удивительного, что вопросы эти окончательного решения в рамках его работы не получают: страшным было бы обратное. Самая постановка вопросов у Тынянова чрезвычайно интересна, свежа, оригинальна. Материал в книге собран исключительно богатый и разносторонний. Всего этого, конечно, с избытком достаточно для того, чтобы признать рецензируемую книгу явлением большой ценности в нашей филологической литературе. Будущий исследователь проблемы стихотворного языка обойти книгу Тынянова, во всяком случае, не сумеет.

Г. Винокур.

ЛЕОНИД ГРОССМАН. Театр Тургенева. Петербург. Издательство Брокгауз - Ефрон. 1924. Стр. 171+5 н.н.

Названная книжка Л. П. Гроссмана выросла из его статьи «Смена стилей в театре Тургенева», напечатанной в изданном Тургеневской Комиссией Общества Любителей Российской Словесности под редакцией Н. Л. Бродского сборнике: «Тургенев и его время».

Теперь она значительно дополнена не только небольшим введением, представляющим общую характеристику «Театра» Тургенева, не только вставками в тексте, иногда значительными по размеру, как вставка о старинном испанском репертуаре (стр. 30—31), о комедиях Мюссе (стр. 49—50), о продолжателях Мариво (стр. 50—51), о комедиях «Нахлебник» и «Холостяк» (стр. 80—82) и т. д., но и целыми двумя главами: из них одна (гл. II) посвящена «Романтической драме», какою является «Стено», которую сам автор определял «как рабское подражание байроновскому Манфреду»; другая, вновь написанная глава (VIII), носит заглавие: «Тургенев—театрал и теоретик драмы», при чем слово «театрал» понимается здесь не

в обывательском смысле «любитель театра», а в том, что «Тургенев, несомненно, мечтает стать драматургом русской сцены, создателем национального репертуара». Наконец, еще более солидное дополнение, занимающее четвертую часть всей книги, к тому же напечатанное более мелким шрифтом, составляют «Материалы к сценической истории Тургенева».

Центр настоящей книжки Л. П. Гроссмана, несомненно, лежит все-таки в общем вопросе о смене стилей в театре Тургенева, рассматриваемом под особым углом зрения. «Тургенев - драматург,—говорит наш автор,—изучался неоднократно авторитетными историками литературы и сцены. Но до сих пор его театр не рассматривался на фоне современного европейского репертуара, за которым этот вечный скиталец по Европе имел полную возможность внимательно следить, как зритель, и которому он мог творчески следовать, как автор. Настоящая работа—посильная попытка в этом направлении».

Автор сам сознает ее недостаточность и полагает, что многие поднятые в его книжке вопросы могут быть разрешены только путем тщательных и кропотливых разысканий в европейских библиотеках и архивах. Пока же он только указывает на этот путь и выдвигает «в качестве существенно важной, проблему изучения Тургенева-театрала», оставаясь при некоторых высказанных им гипотезах, «веря в их будущее подтверждение». Ряд вопросов, возникающих при подобной постановке темы, автор, однако, считает так или иначе разрешенными.

Такого рода утверждение вызывает некоторое замечание. Весь этот ряд вопросов, собственно говоря, сводится к одному общему вопросу о литературном влиянии, какое испытал Тургенев, понимаемом как вопрос о том, чему учился Тургенев у иностранных драматургов по образцам текущего репертуара. Конечно, не может быть никакого сомнения в непосредственном знакомстве автора «Провинциалки» с современной и предшествующей западно-европейской драматургией. Но вопрос о литературном влиянии несколько сложнее, чем это представляется с первого взгляда, и требует выяснения отношения Тургенева к русскому театру, что прекрасно понимает и сам Л. П. Гроссман. Не даром он замечает: «Русский театр, как мы видели, оказал на него (т.-е. Тургенева) меньшее влияние. Он преклонялся здесь только перед Гоголем, и появление «Ревизора» считал величайшей датой в истории русской сцены» Меньшее влияние не значит отсутствие влияния, и в этом случае опять-таки любопытны дальнейшие слова автора: «Но собственные его (Тургенева) комедии—в наиболее характерном и типичном—идут по другому пути и даже в чисто комических приемах приближаются скорее к современной водевильной традиции, идущей от наших старинных авторов XVIII века». Здесь уже находим признание влияния водевильной традиции.

Методологический путь мне представляется таким. Необходимо выяснить, разрабатывались ли в русской литературе вообще и драматической в частности темы и сюжеты, использованные Тургеневым в его пьесах, и если разрабатывались, то выяснить, что было общего у Тургенева с его предшественниками, в самих сюжетах и в их разработке, и что внес он нового сравнительно с ними в эту разработку. Я вовсе не предрешаю результатов этого расследования: может-быть, они будут и незначительны, но я полагаю, что только после такого расследования и после расследования, произведенного Л. П. Гроссманом, только тогда можно будет вышеуказанный ряд вопросов считать «так или иначе разрешенным».

Должно признать, однако, что эта, так сказать, вторая часть работы исполнена Л. П. Гроссманом чрезвычайно обстоятельно, и книжка его написана очень талантливо и увлекательно. Особенно следует выделить главы, посвященные сопоставлению пьес Тургенева с «Театром Клары Газюль» Проспера Мериме и комедиями Альфреда Мюссе.

В «Материалах к сценической истории Тургенева» Л. П. Гроссман, чутко отзываясь на требование новейшей науки театроведения—дать всестороннее, точное и подробнейшее изучение от-

дельных спектаклей, как незыблемо прочной основы для будущей научной истории театра, делает попытку дать такое описание или, как теперь принято говорить, фиксацию Тургеневского спектакля «Месяц в деревне» в Московском Художественном театре, что и проделано им на основании самого разнообразного материала, как-то: макет, многочисленных фотографий, журнальных и газетных рецензий, режиссерских экземпляров пьесы и проч.

Кроме того, автор вкратце сообщает данные и о постановке Тургеневских пьес на других сценах как русских, так и иностранных. Позволю себе сделать два дополнения. В экскурсе о «Завтраке у предводителя» пропущено указание на возобновление этой пьесы в Московском Малом театре в 1902 г., когда роль Кауровой играла О. О. Садовская; уже один этот факт заставляет вспомнить об этом возобновлении, не говоря о том, что весь вообще состав был великолепный: так, роль Пехтерьева исполнял О. А. Правдин, Беспандина — М. П. Садовский, Алушкина — Н. И. Музиль, Суслова — Н. И. Греков, Мирволина—С. И. Яковлев, Бадагалаева—А. А. Федотов, Нагланович — М. И. Варравин. Впоследствии при новом возобновлении роль Кауровой перешла к В. Н. Рыжевой, также очень талантливо ее исполнявшей, конечно, без сравнения с О. О. Садовской.

Далее в экскурсе о «Месяце в деревне» пропущено указание на возобновление этой пьесы опять-таки в Малом театре в 1900 году при таком составе исполнителей: Наталья Петровна—М. Н. Ермолова, Лизавета Богдановна — О. О. Садовская, Беляев — И. А. Рыжов, Большинцев — В. А. Макшеев, Шпигельский — А. П. Ленский. Остальных не помню. Декорации, конечно, были заурядные, а не так ярки, как в Художественном театре, но на это и не претендовала публика. А что касается названных исполнителей, то несомненно, что они были значительно ярче исполнителей Художественного театра и вот теперь, спустя слишком 20 лет после этого спектакля, я ясно слышу, как пел Шпигельский—Ленский Лизавете Богдановне—Садовской: «Жил-был у бабушки серенький козлик», вижу неуклюжую фигуру В. А. Макшеева — Большинцова в сцене объяснения с Верочкой. Не говорю уже об очаровательном образе Натальи Петровны, созданном М. Н. Ермоловой. В сценической истории Тургеневских пьес такие спектакли не могут быть пропускаемы.

В заключение два слова о внешней стороне книжки. Издана она прекрасно, на великолепной бумаге, напечатана очаровательным шрифтом и иллюстрирована массою рисунков с фотографий, воспроизводящих или отдельных актеров или некоторые сцены из пьес Тургенева, и, наконец, шестью рисунками М. В. Добужинского на темы «Месяц в деревне», исполненных, очевидно, для настоящего издания.

Н. Кашин.

ШЕВЧЕНКІВСЬКИЙ ЗБІРНИК. Том перший. Під редакцією П. Филиповича. Видавництво „Сорабкоп". Київ. 1924. Стр. 151. ц. 3 р. 50 к.

Несмотря на обилие книг, посвященных творчеству Шевченко, научная разработка его художественного наследия только лишь начинается. Еще довольно темны социальные основы его деятельности, еще не изучена формальная сторона его созданий, еще не выяснены те литературные влияния, под которыми эти создания складывались. Тем больше значение нового «Шевченківського збірника», вносящего много любопытного в различные отрасли Шевченковедения.

Изучение творчества украинского поэта протекает в этом сборнике в двух плоскостях: социологической и формальной.

К первой категории работ относится, прежде всего, статья Ефремова «На нерівних позвах». Анализируя все высказывания поэта о царе и современном политическом строе, автор, между прочим, приводит такие любопытные слова поэта из его дневника: «Великий Фультон и великий Уатт! (Писано на пароходе. *Б. Н.*) Ваше молодое, не по дням, а по часам растущее дитя в ско-

ром времени пожрет кнуты, престолы и короны». Так, оказывается, хорошо провидел Шевченко роль машины в борьбе с отсталыми формами и пережитками феодального строя. По правильному замечанию исследователя, в этом замечании сказывается гениальная интуиция поэта.

Очень четко группирует данные Филипович, устанавливающий личные связи поэта с декабристами. Оказывается, Шевченко не только преклонялся пред деятелями 25 года, но с рядом из них был знаком. При этом характерно, что поэт восхищался творчеством Рылеева, и отзвуки «Войнаровского» ясно слышны в поэме «Тризна».

Но Шевченко был знаком и с петрашевцами. Это рельефно показывает Дорошкевич в ст. «Шевченко в социалистическом окружении». Поэтому ему не были чужды идеи социализма и даже коммунизма, но, разумеется, не научного, до Марксовой поры. В этом смысле любопытны такие строки из его повести: «Выходит, что идея о коммунизме не одна только пустая идея, не глас вопиющего в пустыне, а что она удобоприменима к настоящей прозаической жизни».

Интересна статья акад. Лободы «Меж двух стихий». Автор останавливается на том любопытном факте, что украинский поэт, оказывается, написал почти одинаковое количество произведений на русском и украинском языках. Но его русские рассказы и стихи были так плохи, что журналы отказывались их печатать. Автор объясняет это тем, что поэт может себя проявить лишь в своей национальной стихии. Но здесь возникает новый вопрос. Почему же Шевченко писал по-русски? Акад. Лобода объясняет это тем, что поэта не мог удовлетворять узкий круг украинских читателей и видит в этом трагедию Шевченки. Но в этом объяснении нет разрешения всех загадок. Ведь Шевченко и дневник писал по-русски,— уж явно не для печати. Таким образом, он обращался к этому языку вовсе не только в чаянии славы. Русский язык, видимо, был ему дорог и интимно родственен, коль он о своих горестях и для себя только хотел писать, именно, на нем.

В сборнике помещен и ряд любопытных статей о поэтическом искусстве Шевченко. Из них выделяется тонкостью анализа работы Якубського, давшего всестороннее изучение одного только стихотворения Шевченки «Менi однаково». В виду необследованности этих вопросов такая статья, кроме непосредственного, имеет еще и методологическое значение. Любопытна также и статья Дударя о сравнениях Шевченко, хотя автор и подражает аналогичной статье Дьяконова в сб. «Тургенев и его современники». Любопытные замечания встречаются еще и у Самоненко, Загула и др.

Рецензируемый сборник—первый из числа ежегодно предполагаемых к выпуску. Дело хорошее и можно пожелать ему успеха.

Б. Нейман.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

I. П. НИЗОВОЙ. Тени (Рассказы). II. Н. ЛЕВЧЕНКО. Таежное (сибирские рассказы). *А. Лежнева.* 2. А. АРОСЕВ. Никита Шорнев. *В. Вешнева.* — 3. А. СЕРАФИМОВИЧ. Рассказы. *В. Вешнева.* — 4. КНУТ-ГАМСУН. Местечко Сегельфос. *А. Юрлова.* — 5. ЖОРЖ ДЮАМЕЛЬ. Жизнь мучеников. *Л. Розенталя.* — 6. А ШАТОБРИАН. Власть земли. *Е. Браудо.* — 7. РОМЭН РОЛЛАН. I. Очарованная душа. II. Лето. *С. Боброва.* — 8. ПЬЕР АМО. Люди (избранные рассказы). *Л. Розенталя.* — 9. У. СИНКЛЕР. Замужество Сильвин. *Е. Браудо.* — 10. СТЕФАН ЦВЕЙГ. Легенда одной жизни. (Пьеса). *В. Волькенштейна.*

ПАВЕЛ НИЗОВОЙ.—Тени. Рассказы. Издание Комиссии по улучшению жизни детей при ВЦИК и Кооперат. Издат. «Жизнь и Знание». Москва. 1924 г. Стр. 239.

НИКОЛАЙ ЛЕВЧЕНКО. Таежное. Сибирские рассказы. Издание комиссии по улучшению жизни детей при ВЦИК и Кооперат. Издат. «Жизнь и Знание». Москва. 1924 г. Стр. 231.

П. Низовой принадлежит к числу тех писателей, вышедших из трудовой, рабочей среды, путь которых к мастерству, путь долгий и трудный, измеряется не годами, а десятилетиями. То, что другим дается легко, как будто без труда, незаметно, достигается ими посредством упорной, медленной и не всегда благодарной борьбы. Они проходят где-то в стороне от столбовой дороги литературы, не замечаемые критикой и не слишком избалованные вниманием читателя. Если о них и вспоминают, то лишь как о серых «бытовиках» из той почтенной вымирающей породы, для которой заповедной пущей служило покойное «Русское Богатство». Неудивительно, что при неблагоприятных внешних обстоятельствах и встречая со стороны критики по отношению к себе насмешку, в лучшем случае—снисходительную улыбку, но ни совета, ни указания, ни поддержки,—эти писатели, давали гораздо меньше, чем могли бы дать, не достигали той степени мастерства, художественной законченности, которой могли бы достигнуть.

Конечно, литература — не богадельня, и критика — не филантропическое учреждение для поддержки писателей инвалидов. Но дело в том, что по отношению к писателям типа Неверов—Низовой высокомерие критики было совершенно необоснованным. При всем своем техническом несовершенстве эти писатели стоят гораздо ближе к историкам грядущего народного (в противоположность интеллигентскому) искусства, окажут на это искусство гораздо большее влияние, войдут в него более крупной составной частью, чем многие и многое из того, что занимает сейчас литературную авансцену. Надо было под грудой мусора разглядеть зерна грядущего.

У П. Низового этого мусора особенно много. В отношении яркости дарования, литературного мастерства и самобытности он уступает Неверову. Сборник «Тени», где собраны рассказы за период 1914—22 г.г., дают представление о тех литературных влияниях, под действием которых преимущественно развивался писатель. Это, главным образом, Короленко и та младшая линия русского реализма, что была представлена писателями, сгруппировавшимися вокруг сборников «Знание». Отсюда—медленный темп рассказов Низового

обстоятельность его письма, многословие, неопределенная и меланхоличная лиричность описаний природы. Лиризма у Низового вообще довольно много, при чем, по большей части, очень не высокой пробы: то вульгаризованный Зайцев («Мадам Цанг, вы мне нравитесь. Мадам Цанг, вы зажгли душу мою. Сегодня, влюбленный, до рассвета буду думать о вас»), то какая-то смесь из Короленки, Горького первого периода, Скитальца, поданная под соусом: «вечно-юная провинция» («В заморской стране жил слепой трубач. Имел он великий дар утешать и радовать людей. Играл о человеческой скорби, о радости, о любви. Не знал он страдающего лица воина, не видел ни разу ясной улыбки ребенка, розовых, жаждущих губ желанной женщины. Но певучая труба его скорбела, смеялась, изнемогала от страсти. Сердце, как губка влагу, вбирало все человеческое, сокровенное и отдавало в благоухающих звуках» и т. д.). Рассказы, где лирический элемент преобладает («Панна Бета», отчасти «Тени»), невозможно слабы и безвкусны.

Но таких, к счастью, меньшинство. Низовой сильнее всего в вещах чисто-эпических, там, где он заставляет говорить вместо себя живую, наблюденную и воспроизведенную им, жизнь. Наблюдатель он хороший, умеющий подмечать не случайные, а характерные явления. Поле же наблюдения—преимущественно деревня. Пред нами и предреволюционная деревня, эпохи войны («В тиши деревенской», «Грех»—последняя вещь сильно напоминает неверовских «Баб», но написана как будто раньше), и деревня, переживающая революцию, гражданскую войну («Пахомовка», «Новь», «Час девятый», «Смена», «Шесть»). Автором отчетливо показана и борьба крестьян за землю, стихийное крестьянское восстание («Час девятый»), и классовое расслоение в деревне («Новь»), и борьба поколений: старого и молодого («Смена»), и возникновение партизанщины («Пахомовка»). «Час девятый»—одно из самых широких полотен Низового — переработан впоследствии в роман «Черноземье». В романе (напечатанном в «Молодой Гвардии» за 1923 г.) рамки значительно раздвинуты, обобщения шире, но и в своей первоначальной форме рассказа вещь эта сильно выделяется по своему художественному захвату и значению из общего ряда произведений писателя.

Хороший наблюдатель, Низовой отличается в то же время простотой, понятностью, искренностью,—свойствами, особенно характерными для большинства писателей, вышедших из среды трудовых классов. Даже та безвкусная, тяжеловесная его манерность, несколько образчиков которой мы привели выше и которая отнюдь не является показательной для него в целом, есть следствие не писательского ломанья, а известной неумелости. Низовой еще далеко не выработал в себе мастерства. Часто еще быт лежит в его произведениях сырыми, необработанными массами. «Бытовик» сейчас почти что ругательный эпитет. Если под этим подразумевать писателя, скользящего по поверхности быта, не проникая в его глубину, то Низовой не бытовик: его сильная сторона заключается как раз в уменьи проникать в глубину быта, жизни, прослеживать ее иногда еще малозаметные процессы (так он превосходно показал классовую борьбу и дифференциацию деревни). Но если под этим словом понимать писателя-реалиста, еще не вполне овладевшего сложным уменьем художественно перерабатывать то, что им подмечено в жизни, элементы быта, так что быт выпирает из его произведений, как необработанная, сырая масса,— то Низовой бытовик. Но такие вещи, как «Паутина», «Шесть», «Час девятый», показывают, что Низовой умеет иногда достигать большой силы. «Паутина» обнаруживает к тому еще неожиданную тонкость психологического анализа. «Час девятый» и «Черноземье» показывают как будто, что писатель поднялся в своем творчестве одной ступенью выше и переходит к широким эпическим полотнам, показывающим деревню, забродившую революцией. Будем надеяться, что писатель, действительно, вступит в дальнейшем на этот путь. Надо ему пожелать при этом, чтобы он оттолкнулся, наконец, от короленковского берега, с его расплывчатостью формы.

многословьем, лиричностью, чтобы он перешел к более крепкой и строгой конструкции, научился больше ценить слова и больше любить слово. «Зерна грядущего» у Низового и близких ему писателей мы видим в их реализме, в стремлении строить искусство, близкое и понятное широким массам, в стремлении уловить и художественно воссоздать процессы, возникающие на их глазах в окружающей жизни.

Николай Левченко принадлежит к тому же направлению, что и Низовой. В художественном отношении он, быть-может, выдержаннее последнего: реже срывается в лиризм, в банальность. Так же, как и Низовой, он идет от Короленки, от «знаньевцев». Но его язык несколько свежее, сравнения, образы оригинальнее. Зато он далеко позади Низового в смысле широты наблюдений и обобщений. Его поле наблюдения чрезвычайно ограничено: глухие сибирские деревни, чалдоны, варнаки да поселенцы. Революция в его рассказах вовсе не затронута, хотя некоторые и написаны в 1917—18 годах (большинство относится к периоду 1910—16 г.г.). Вся несложная и темная жизнь сибирской деревни, с ее суевериями, разобщенностью, достатком обрисована автором правдиво, без утрировки. Но рассказы — с их преобладающим мрачным тоном—однообразны, и автору приходится поневоле повторяться: очень уж тесен круг наблюдений. Любимая его тема, несколько раз повторяющаяся с легкими вариациями,—ссыльный, который своей сметливостью, мастерством, уменьем завоевывает уважение крестьян, но одновременно возбуждает в них и недоброжелательство по отношению к себе. Лучшими рассказами являются: «Таежное», «Водяной» и особенно «Набег».

А. Лежнев.

АЛЕКСАНДР АРОСЕВ. Никита Шорнев и др. повести. Рабочее изд. „ПРИБОЙ". Ленинград. 1924. Стр. 140.

А. Аросев выпускает уже не первую книгу своих повестей и рассказов. Он достаточно литературно оформился. У него нет скачков и неровностей. Он не изыскивает приемов, не заботится над «смещением планов», не ломает синтаксиса, не занимается словесным изобретательством. И, несмотря на все это, он все-таки художник. Совсем нетрудно определить его литературную наследственность. Он правдив, прост, искренен и психологичен в меру, как В. Вересаев. Он—Вересаев без его минусов, без его интеллигентской растерянности последних лет. Он знает, чего он хочет, куда идет, на то он и коммунист.

Как Вересаев изображает преимущественно передовую буржуазную интеллигенцию, так Аросев является бытописателем передового отряда русской революции. Он этот отряд интимно знает со всеми его достоинствами и недостатками. Он очевидец пристальный, горячий и неутомимый. Его счастье, что он очевидец активный, не наблюдатель посторонний, а участник. И притом участник не случайный, а, так сказать, органический, не только званый, но и призванный. Он свидетель независимый и смелый. Он не скрывает того, что знает. Разве это уже не художественное достоинство?

А. Аросева упрекали в гамлетизме. Но он больше всего далек от гамлетизма. Прочтите его повесть «Никита Шорнев» или рассказ «Председатель», или еще повесть «Недавние дни» и вы скажете, что автор—энтузиаст совершенно неисправимый. В некоторых коммунистических кругах в определенную пору был надлом, истощение, усталость, неврастения. Аросев это отметил с добросовестностью и решительностью человека, знающего, что его дело победит. Прочитав его «гамлетовские» страницы, вы только увидите, что победа коммунистам досталась нелегко. Какое будет доверие читателя к писателю-коммунисту, если он будет на своих полотнах размалевывать сусальные коммунистические лики, на которых будет написано только одно блаженство святости?

Но энтузиазм его тоже не барабанный, оптимизм не бюрократический. Жизнерадостность его убедительна и заразительна. Легко становится от его рассказов читателю—товарищу, а читателю—не товарищу есть что подлинно

узнать от искреннего бытописателя среды, в интимную жизнь которой могут по-настоящему войти только посвященные.

И повести, и рассказы, и эскизные очерки А. Аросева почти безфабульны, на них явственно лежит отпечаток быстрой текучести революционного времени. Замечательно, что, соответственно этому, он и людей изображает в диалектической изменяемости. Он не берет психологию своих героев в статическом состоянии, как А. Чехов, а в постоянной смене душевных тенденций и стремлений. Поэтому он считает себя обязанным рассказать всю историю прошлой личной жизни своих героев и мы узнаем и детство, и возмужалость Никиты Шорнева, знаем, что он был и чем стал в своем непрерывном духовном росте. Знаем это даже и относительно некоторых эпизодических лиц.

Ко всему этому надо прибавить не столько тонкую художественность его произведений, сколько серьезную литературность. Она не переходит в публицистику, а держится на уровне образных средств.

В. Вешнев.

А. СЕРАФИМОВИЧ. Рассказы. Госиздат. Москва—Петроград. 1923 г. Стр. 360.

Об А. Серафимовиче, как о словесном художнике, писали мало, почти совсем не писали. Только в самое последнее время, в связи с его 35-летним юбилеем, появлялись и появляются схематические, обозревающие все его творчество в целом статьи или же статьи, так сказать, беспредметно-хвалебные, чтобы отдать дань уважения и признания почтенному юбиляру. Никто не пытался, независимо от торжественного юбилейного тона, подойти к его творчеству с серьезным анализом, как того он давно заслужил. А что он этого давно заслужил, доказывает, к счастью, не только мое мнение, основанное на тщательном изучении его произведений, но и мнения таких авторитетов, как Глеб Успенский и В. Короленко и даже таких чистых эстетов, как Ю. Айхенвальд, который назвал А. Серафимовича «певцом степи».

Чтобы не быть голословным, я приведу текстуально вышеназванные мнения. Глеб Успенский в своем письме от 16 марта 1891 г. к В. А. Гольцеву, тогдашнему редактору «Русской Мысли», посылая ему для напечатания три рассказа А. Серафимовича — «На льдине», «В тундре» и «На плотах»—писал: «Если Вы просмотрите их, Вы увидите, что это большой художественный талант. По-моему это Брет Гарт в лучших своих первых рассказах». («Архив В. А. Гольцева». Т. I. Стр. 103). В другом своем письме от 3 мая 1891 г. к В. А. Гольцеву Г. Успенский писал: «Есть у меня новый превосходный рассказ Серафимовича «Бегство в Америку» (из школьных воспоминаний). Я его привезу Вам и Вы увидите, что его непременно следует напечатать в ближайшей книге» «Р. М». «Это даровитейший молодой писатель». (Там же, стр. 105.) В еще одном своем письме он называет его «отличнейшим писателем». (Там же, стр. 106.)

В. Короленко написал целую рецензию, что случалось с ним чрезвычайно редко, о первой книжке рассказов А. Серафимовича в 1901 г. В ней он отметил: «Прекрасный язык, образный, сжатый и сильный, яркие, свежие описания и набросанные эскизно и бегло, но все-таки живые фигуры».

(«Полное собрание сочинений В. Короленко», т. IX, изд. А. Маркса, стр. 341).

Мнение В. Короленко касается тех же рассказов, что и отзыв Г. Успенского,— рассказов, посвященных северным людям, быту и природе. Но таких произведений сравнительно немного у Серафимовича. Гораздо больше он изображал донскую и кубанскую степь, нередко встретить у него типично городские рассказы. Все это показывает на широкий диапазон творчества. Рецензируемая книжка характерна в этом отношении. Там собраны лучшие рассказы, вырисовывающие отчетливую писательскую индивидуальность автора. В книгу вошли и северная природа («Месть»), и степь («Чибис», «Фетисов курень» и др.), и город («Мышиное царство», «Золотой

якорь» и др.). Конечно, в эту книжку вошли не все лучшие рассказы и, может-быть, не самые лучшие, но и те, которые вошли, делают книжку значительной и художественно своеобразной. С каждым следующим рассказом автор оборачивается новым лицом.

Книжка открывается превосходным рассказом «Чибис». Описывается степь в зное, сухмень, самые слова подобраны так, что вы слышите только сухой шелест выжженной травы в этой необозримой тиши:

«Весь истрескавшийся в серых кочках нескончаемо млеет иссохший луг в призрачно струящемся зное. Пятнами рыжеет корявая, как вывернутые корешки, неведомо как уцелевшая шершавая травка, которую и овцы не берут.

«Кочковато сереют ложбины высохших озер. По краям — нешевелящийся белый пух, но гусей не видно.

«Пыльные дороги пусты. Пусто иссохшее помутневшее небо, и на нем— маленькое колюче-ослепительное, иглистое солнце» (стр. 5).

Тут ясная инструментовка на свистящих и шипящих звуках. Тема рассказа— жизнь кубанских батраков, целыми семьями идущих продаваться на работу к кулакам, вставленная в рамку выжженной, знойной степи. Обездоленные, изможденные, они бредут по пыльным степным дорогам от хутора к хутору и только неведомо откуда взявшийся чибис медленно летает над ними, над степью и кричит жалобно, тонко: «чьи.. и ви!» Как потревоженный дух с жалобным криком все спрашивая и не ожидая ответа:

— Чьи ви?..»

Рассказ, уснащенный драматическими эпизодами, написан лирически, но лирика в нем спокойная, лишенная сентиментальности.

А вот город, кишащий маленькими, забитыми людьми, изнемогающими в борьбе за существование. Эти люди, словно мыши, в тупичках и дырах городских зданий. От рассказа «Мышиное царство» веет чеховским мастерством. В нем дано много четких фигур, копошащихся в подвальной кухне, углы и тупички которой разорившиеся господа сдают внаем мелкому люду. И в ней, в этом непрерывном кухонном чаду, живут: Мирон с больными, рахитичными детишками, разводящий белых мышей, дрессирующий и продающий их; толстый швейцар Антон Спиридонович с безропотной сожительницей Глашей; печник Алексей Иванович с забитой сожительницей Груней; продавец церковных свечей дядя Федор; кухарка Марфа. У каждого своя особая жизнь, тяжелая, беспросветная. И у всех она кончается трагически. Трудность рассказа заключается в описании будней этих людей, но автор сумел сделать фигуры любопытными, свежими, сочными. У каждого свой язык, свои привычки, интересы и понятия. Летопись жизни этих мышиных людей соткана из занимательных деталей, метких штрихов, тонких характеристик. Автор показал массу наблюдательности, знания, проникновения в этот своеобразный мир и сумел экономными, сжатыми приемами заинтересовать читателя скучной и суетной жизнью городских нор. Но у автора есть даже перед Чеховым одно преимущество. Сквозь чеховское творчество сквозит вывод: просвет, может-быть, будет, а может и нет, но если он и будет, то только через 200—300 лет... А у Серафимовича рабочий Алексей, сын кухарки Марфы, спускается в подвал и говорит: там, над подвалами, на городских окраинах растет неодолимая сила не по дням, а по часам, от нее идет избавление. И если подвальные мышиные люди гибнут, то их гибель личная, индивидуальная, а не социальная: те, которые уцелеют, поднимутся вместе с Алексеем, светлым и могучим вестником.

Так и случилось на наших глазах...

Через все жестокие, мрачные описания личных трагедий во всех рассказах Серафимовича проходит упорно эта идея: а человечество все-таки спасется, ибо есть кому его спасти. Если принять во внимание, что эти произведения создавались в самое кошмарное царское время, то поражаешься силой веры автора, переходящей в стальную уверенность.

В. Вешнев.

КНУТ ГАМСУН. Местечко Сегельфос. Пер. К. Жихаревой. „Всемирная Литература". Гиз. Пгр. 1923 г. Стр. 440. Тир. 3150 экз.

Редакция не потрудилась сообщить читателю, когда написана эта вещь Гамсуном. Сдается, что это переломная вещь от старого Гамсуна к Гамсуну «Соков земли», романа, заслуживающего внимания. У Гамсуна было свое,— свое настроение, свой язык, пестрый, оригинальный, с налетом декадентщинки, мир собственных чувств, и он очень пришелся по вкусу в России. Несомненно, он был сродни и иным скандинавам с их громоздкими и бессодержательными трагедиями, в роде трагедий женской «души» у Норы, в роде идиотского женоненавистничества Стриндберга, со всем этим болтанием и туда и сюда («бездна верхняя»—«бездна нижняя», амфивалентность, по диагнозу З. Фрейда), а главное—ни во что, кроме собственной неприкаянности. Специальностью Гамсуна были романы, ежели здраво глянуть, самого наинелепейшего содержания. Герой занимался тем, что вздыхал о своей красавице, соблюдая между собой и ее особой специально выдержанную и солидную дистанцию; он бросался от женщины опрометью, ежели той неведомыми путями открывалась его заинтересованность, или она сама выказывала признаки каких-либо добрых чувств; герой за невозможностью пережить трагедию создавал себе иллюзион неразделенных чувств, при чем, как сказано, были приняты все меры, чтобы чувства эти не разделялись. Свои общечеловеческие слабости он усреднял совершенно непомпезным образом, с кем попало, кое-как, не обращая на это ни малейшего внимания. Есть пара характерных вещей в этом отношении у Гамсуна: «Бенони» и «Роза»,—покуда Бенони только ухаживатель и беспредметный воздыхатель, Гамсун с ним возится, выписывает его, всячески изукрашает, но стоит тому жениться на своей красотке, как он просто исчезает со сцены, и следующий роман о той же героине почти не упоминает его, на его месте появляется другой воздыхатель, совершенно в той же мере беспредметный и столь же любезный Гамсуну по той же самой причине. Могло бы показаться, что Гамсун любит обездоленное чувство, что его писательское сострадание направлено именно сюда, но на самом деле его привлекает не страдание неразделенных чувств, а удовольствие, приносимое этим по меньшей мере неестественным развлечением. Но ведь гамсуновские упражнения начались еще очень давно (он родился в 1859), когда его родина была чем-то в роде дачной местности, с тех пор не мало воды утекло, немало перемололось, и невинные дачки на фьордах пошли на откуп к банкам. И тогда вся эта пустяковейшая чепуха начала разлагаться с неимоверной быстротой. По Гамсуну можно проходить политграмоту, — вот вам период первоначального накопления: толстые идиотичные сатрапики-лавочники, вот их укрупнение, вот конец аристократической земельной собственности и т. д. и т. д. Психологически это разражается невероятной вонью разрушения всего человеческого и выпячиванием самых бессмысленных и отвратительных страстей. Гамсун обычно ведет рассказ в стиле простолюдина, из его оконца, с миллионом соседских сплетен, мелких делишек; вы слышите голос мещанина, мелкого из мелких, владельца двух разваливающихся хибарок, который ни слова не понимает в том, что вокруг происходит. Богатства вырастают неожиданно — и тогда они, как это полагается, приписываются общему преуспеянию и «прогрессу, который...» и рушатся еще внезапней (какая-то мелкая заварушка с европейскими банками), что уже, повидимому, надобно приписать вмешательству нездешних сил. Тут же возникает рабочее движение, о котором Гамсун говорит чуть что не с ненавистью: все рабочие у него лодыри, озорники, идиоты, воры и проч., которые только и думают, как бы обобрать бедняжку-владельца предприятия да наговорить ему ужасающих дерзостей. В виде воздаяния он натравливает их на какого-то музицирующего выродка из аристократических останков, каковый при нескрываемом сочувствии автора и разделывается своими голубыми кулаками с пролетарской мордой, после чего по-

следняя смиряется, и с рабочим движением в Норвегии, очевидно, покончено раз и навсегда. Хорошо и просто к этому романчику бы предисловьице у Маркова попросить! Но этот доблестный подвиг не помогает голубому герою, и его пустота ничем не заполняется. Мельник-капиталист разоряется, эстетический телеграфист умирает. И все. Мрачно, скучно и отвратительно. Большого бы горя не случилось, если бы этот шедевр остался на своем родном языке.

Д. Юрлов.

ЖОРЖ ДЮАМЕЛЬ. Жизнь мучеников. Перевод с французского А. В. Кривцовой, под редакцией и с предисловием Евгения Ланна. Изд. „Земля и Фабрика" 1924 г. Москва. Стр. 128. VIII. Тираж 4000.

«Жизнь мучеников», этот буквальный перевод французского заглавия «Vie des martyrs»,—не вполне соответствует содержанию книги. В ней повествуется не о жизни, а лишь о страданиях того бесчисленного множества раненых, которые наполняли госпитали во время войны и были осуждены умереть или остаться навсегда калеками.

Жорж Дюамель в качестве врача был призван на военную службу. В течение нескольких лет он работал на фронте над спасением чужих жизней, истребляемых с такой настойчивостью тут же рядом на полях сражений. В соответствии с идеалами литературной группы «унанимистов», одним из вожаков которой Дюамель был, он нес в себе ощущение космической гармонии и жажду всечеловеческого единения. К душе другого, мучающейся и полной страха смерти, он прикоснулся с исключительной чуткостью и внимательностью; всю меру людского страдания он воспринял с тем присутствием духа, которым отмечены люди дела. Полноправный наследник всего технического совершенства французской поэзии последних десятилетий, смелый искатель новых ритмов, годных для выражения коллективной воли, он и для своих записей пережитого в 1914—16 г. г. нашел нужные слова. Получилась книга, необычайно просто написанная, но совсем особенная по силе оказываемого ею на читателя воздействия. По сравнению с этой книгой другой сборник рассказов того же писателя «Цивилизация» или знаменитое «В огне» Барбюса во многом могут показаться «литературой».

В сущности перед нами дневник, хроника, записи о мучениках («Mémorial de la vie des martyrs»—название одного из рассказов; в русском издании «Mémorial» неудачно переведено как «зарисовки»). Дюамель лишь безхитростно рассказывает о самых трогательных или потрясающих случаях из практики госпиталя, работающего на фронте. Всякий страдает по-своему; всего несколько конкретных деталей, упоминание о жесте, взоре или улыбке раненого, две-три его реплики, точно воспроизведенные, два-три трогательных слова от имени самого автора. простых и нежных — и создан незабываемый образ мучеников. Все, вплоть до конструкции отдельных фраз, доведено до предельного лаконизма и выразительности. Эпитеты, метафоры и сравнения редки; тем ярче они запоминаются. Наприм.: «кладбище, которое с каждым днем нарастает со стороны парка словно опухоль». Только в трех рассказах есть некое развитие сюжета. Два из них «Милость» и «История Каррэ и Леронде» («Два солдата») построены на приеме примитивного параллелизма. В третьем «Жертвоприношение»—драматизм борьбы за жизнь человека, лишающегося постепенно обеих ног целиком, осложнен описанием душевного смятения самого автора.

Прямой протест против войны, против «разгула страстей и расчетов, чьей честолюбивой игре служит даже это мученичество», выражен слабо, да и не нужен. Ведь вся книга, пронизанная такой любовью к людям и душевной болью за них,—громкий вопль возмущения против бессмысленного самоистребления человечества.

Переведена «Жизнь мучеников» гладко. Печально лишь, что текст Дюамеля подвергнут значительным сокращениям. Почему-то это не оговорено ни на ти-

тульном листе, ни в предисловии редактора. Пропуск нескольких отрывков из «зарисовок» (вместо 27 даны 20) может быть объяснен стремлением к экономии места. Что опущены вступление к книге и конец заключительного рассказа «Ночи в Артуа»,—тоже понятно: они имели значение в свое время лишь для французского читателя. Зато совершенно непростительны все прочие обильные и произвольно сделанные купюры. Если уж требовалось вогнать книгу в определенное число листов, то было бы проще ограничиться переводом не всех рассказов. Для массового же читателя текст достаточно доступен и без каких-либо урезок. Поэтому мы отказываемся понимать, зачем было нужно обесцветить, напр., «Историю Каррэ и Леронде» или «Жертвоприношение» систематическими пропусками целых абзацов, отдельных предложений или даже только слов. Второй из указанных рассказов приобрел совершенно иной характер, так как большинство лирических отступлений в нем истреблено.

Временами кажется, что переводчица вообще задалась целью сделать образы Дюамеля более простыми, лишив их своеобразия и заодно выразительности. Ведь недостаточно же «Une belle vive et blanche jeune fille» кратко перевести «молодая девушка» (стр. 16). Или зачем нужно было в начале потрясающего отрывка «Смерть Мерсье»—«Мерсье умер. И я видел: труп его плакал. Я никогда не думал, что что-либо подобное возможно»—вычеркнуть последнюю фразу? Ведь не все же равно написать про ногу Каррэ, что она была «ампутирована» (стр. 16) или «принесена в жертву» (sacrifiée)! И разве передают несколько бесцветных слов переводчицы: «между обеими залами за письменным столом сидел писарь среди безнадежной кипы бумаги» (стр. 66), то, что хотел сказать Дюамель? Во французском оригинале читаем: «Entre les deux salles un scribe vivait dans le courant d'air en prae à une paperasserie indispensable et abrutissante (124 стр. 38-го издания 1919 г.; курсивом отмечаем то, что неверно переведено или опущено).

Примеров подобного неряшливого и невнимательного, если не сказать большего, отношения к крупному и стройному организму прозы Дюамеля можно было бы привести множество. Требовать же при этом от нашей переводчицы еще и того, чтобы она сохранила деление на абзацы то же, что в подлиннике, было бы, пожалуй, чрезмерно.

Л. Розенталь.

А. ДЕ-ШАТОБРИАН. Власть земли. Перевод с французского Д. А. Левина. «Библиотека художественн й литературы». Издательство «Петроград». Ленинград—Москва. 1924. Стр. 278.

На премированном романе А. де Шатобриана еще лишний раз можно убедиться в том, как трудно русскому читателю судить о достоинствах литературного произведения на основании иностранных, хотя бы громкими именами подписанных критических отзывов. Роман А. де Шатобриана, признаваемый французской прессой *самой выдающейся новинкой* последнего времени, по нашей оценке таковой не является. Это повесть из жизни французских крестьян, обитающих у болотистого прибрежья Луары. Жители Бриэры (местность, «где Луара разливается в ширину многих рек») веками занимаются разработкой торфа, считая промысел своей монополией, закрепленной за ними многочисленными декретами с начала XVI столетия. Этой привилегии хочет их лишить современная капиталистическая республика. Покой бриэронцев нарушен угрозой вторжения промышленников в их исконные владения. Необходимо раздобыть «пропавшие грамоты», подтверждающие права крестьян на родные болота. Розыски поручаются «стражнику», по терминологии переводчика, «сухому высокому старику с лицом хищной птицы», Аустэну. Последний—олицетворение местного патриотизма, каменной стойкости, силы воли и непреклонного упрямства, характерных для французского крестьянина-собственника. Аустэну после долгих розысков удается найти нужный документ случайно у полусумасшедшей старухи Флоранс, спасенной им от преследования толпы. Эти

поиски «пропавшей грамоты»—основной фон всего повествования. Панорамой проходят картины французского крестьянского быта, описания природы «сердца Франции». «Власть земли», власть традиций религиозных, семейных, краевых обрисованы с мастерством, не очень выдающимся, но несомненным. Приподнятый патетический тон, сгущенность красок, вообще свойственные французскому эпическому повествованию, несколько ослабляют впечатление работы. А. де Шатобриан видит свою родину сквозь романтическую дымку убежденного националиста. Сдержанность дисциплины языка, экономия средств — неотъемлемые достоинства его письма. Но «самое главное» в этом романе (насколько мы могли убедиться при беглом просмотре французского оригинала), его превосходное использование красок местных наречий, бесследно исчезло в неуклюжем ремесленном переводе Д. Левина.

Е. Браудо.

РОМЭН РОЛЛАН. I. Очарованная душа. II. Лето. Перев. Д. А. Левина и М. Е. Левберг. Изд-во „Атеней". Лен. 1924. Стр. 388. Тир. 6000 экз.

Роллан — импрессионист. Его манера—манера пуантилиста, что-то в роде Сера—но его мелочи с чрезвычайной настойчивостью, непримиримостью, даже с некоторой беспощадностью складывается в одно, в то, что называется большим искусством. Он идет за своей героиней в комнату, в сад, на улицу, он стережет ее в библиотеке, на уроке, за обедом—и ряд непобедимых мелочей растит вам из этой литературной тени живого человека. Роллан чуть, еле-еле, едва касается то тут, то там каких-то прописных истин, и их пропись тогда начинает гореть настоящей, взаправдашной болью, эта пропись выписывается жестокими чертами на живом и из этого не уйдешь. Он тонко и сложно, а так просто в сущности,—сводит двух женщин, вы узнаете в них старые образы—Марии и Марфы; он приносит им столько же несчастий, сколько полагается их на человечью долю, эти несчастия, калеча живой дух, куют человека; он вырастает перед вами. Эти трагедии сродни нам, современникам: трагедия интеллектуальной женщины с сильными, горячими и топкими страстями, попадающей в мир подневольного труда навек и наглухо. Роллан изумительно играет какими-то большими умолчаниями: частная жизнь одного (перед войной) закрывает от него все, что кругом: Аннет бегает по урокам, возится с ребенком, работает, а кругом ведь кричит новое искусство, кривляется футуризм, истерика паяцов для сытых достигает высочайшего напряжения, в мире Аннет этого не существует вовсе, этого нет. Война сваливается откуда-то прямо с неба. Это замкнутое пространство одинокой жизни, наполненной до краев,—узнайте его величие, его трагедию и его глубокую беспомощность. Вот как погибал в нелепой и надорванной гордости довоенный прохожий, всякий, любой. Человек, оторванный от человечества. Тысячные толпы, приветствовавшие летом 1914 г. войну, призывали это великое несчастие, как тяжелое начало возвращения в человечество. Эта дорога была завалена трупами, но это все же было она. Обыватели, среди которых живет Аннет,—люди не хуже и не лучше других,—это те люди, которых всякий зовет «свои люди»: любой людской кружок, спаянный взаимной привязанностью и парой добродушных пустяков, скроен на этот лад: они знают друг друга на зубок, но человеческое разнообразие так велико, что жизнь в этом кружке все же не лишена живого интереса. Так и жил довоенный троглодит, вращаясь среди четырех родственников и собственного горя. Революционность Роллана именно здесь выходит на вас, она появляется безо всякой помпы, без шума; это то, за что при царе сажали в крепость старика Бодуена де Куртене, это опасней бомбы: жизнь, та жизнь, которую строили до войны, разлагается под пером Роллана. Там все было неживое, и иначе, как через катастрофу, оттуда выйти было нельзя. Обыватель был сдвинут со своего места, с этого момента для коллектива обывателей все было кончено. Так или иначе ли вы будете разбираться в по-

следствиях войны, все равно это настроение вы не сможете обойти.

Нам нужны такие писатели, как Роллан, нам они необходимы. Наша собственная литература еще только собирается учиться писательствовать. Этих сборов хватит на десятилетие (хорошо, если бы пришлось ошибиться). Надобно пододвинуть к рядовому читателю большого европейского мастера. Культурный смысл войны, революции раскрывается на живом человеке, и такой должен иметь почву, на которой вырастет смысл этот. Мы еще не пережили агитки в прямом смысле, еще не доросли до того, чтобы понять, как это заметил Троцкий, что мелочная лавочка у революционера — более революционна, чем тысячи бравурных и высоко патетических революционных помп у того, кто этой революции в ее существе за душой не имеет. Роллан из тех, кто дышит духом бунтарства по существу, хотя, быть-может, политический деятель, политик-практик и не признает его таковым. Но это совершенно разные вещи: политика сегодняшнего дня и человек, который должен на чем-то вырасти, чтобы жить завтра.

С. Бобров.

ПЬЕР АМП. Люди. Избранные рассказы. Перевод с французского В. Станевич и В. Малахиевой-Мирович. Издательство „Мосполиграф". 1924. Стр. 177. Тираж 5000.

Пьер Амп из числа тех писателей, что знают одну лишь тему. У него большой трудовой стаж, кажется, более значительный, чем литературный. И вот в течение двадцати лет Амп постоянно возвращается в своих книгах к изображению всевозможных видов человеческого труда.

В рецензируемой книге переведены избранные рассказы из двух сборников, выпущенных в разное время. Перед читателем проходит вереница людей всевозможных профессий: столяр, театральный критик, лакей, портниха, фонарщик, мастерица похоронных венков, пекарь, проститутка, парикмахер, мельник, инспектор труда, железнодорожный агент, зеленщик, шахтер, судомойщик, чистильщик труб и много других. Амп многое видел, многое знает и воспринимает все по-своему, с какой-то особой сосредоточенностью, вдумчивостью и непосредственностью. У него есть что сказать. Но он не находит нужных средств выражения и не умеет связать свои впечатления от мира в нечто органически целое. Поэтому его писания большей частью интересны лишь по отдельным мыслям и образам. Его рассказы не отличаются оригинальностью замысла и обычно очень несложны по композиции. Иногда это просто описания какого-либо события общественного значения: забастовка («Богатый город»), наводнения («Шел дождь»), взрыва в шахтах. Зачастую—всего лишь анекдот или курьезное происшествие, не лишенное впрочем сатирического смысла («Человек с хорошим ремеслом», «Мухолов», «Честный республиканец», «Красотка Клэр»). Больше всего автору удаются краткие жизнеописания. Его язык отличается сжатостью и точностью. С добросовестностью последователя натуралистической школы описывается несколько выдающихся фактов чьей-либо жизни; мимоходом отмечаются нежность и любовь, живущие в душе человека; общий мрачный фон картины иногда смягчается юмористическими замечаниями. Так создаются образы отдельных героев, достигающие иногда монументальной выразительности. Это — нищая семья, осужденная на вымирание («Душистый»), погибающие во время работы чистильщик труб («Чистильщик») и зеленщик («Уличное происшествие»), ловкий аферист («Лорд Просп»), наконец, выживающие в жизненной борьбе железнодорожный агент («Честный человек») и лавочник («Железный репей»).

Своеобразие Ампа сказывается не столько в его темах, сколько в своеобразном подходе к ним. «Мадам Эмма» задумана и написана совсем наподобие новеллы Мопассана. Это история бывшей проститутки, оставшейся после смерти своего сожителя без средств. Она возвращается на время к старому своему ремеслу с единственной целью скопить шестьсот франков. Они необходимы, чтобы поступить в магазин кассиршей и начать честную трудовую жизнь. Мопассана интересовала бы здесь больше психоло-

гия женщины; нашего же писателя—психология рабочего человека.

Наибольшими симпатиями Ампа из всех его героев пользуется, вероятно, пекарь «Мошка», любящий больше всего «Справедливость и свое ремесло». До ярко выраженного протеста автор никогда не подымается. Но в душе он лелеет идеи анархизма и с каким-то особым чувством изображает растерянность властей и обывателей перед стихийным бедствием.

Издана книжка с заботой о ее внешности. Перевод читается легко.

Л. Розенталь.

У. СИНКЛЕР. Замужество Сильвии. Перевод с английского Э. К. Пименевой. Издательство „Петроград". Ленинград—Москва. 1924. Библиотека художественной литературы. Стр. 240.

«Замужество Сильвии» часть жизнеописания Сильвии Кэсслмен. Роман этот читается, как смотрится «вторая серия» кинематографической ленты. Отсутствует связь с предыдущим и трудно предугадать дальнейшие судьбы действующих в романе лиц. Сильвия Кэсслмен—«поразительно красивая и поразительно богатая женщина»—выходит замуж за миллионера Дугласа Ван Тьювера, типичного представителя своей касты, сухого, делового хищника. Случайное знакомство с американской социалисткой, от имени которой ведется весь рассказ, заставляет Сильвию задуматься об источниках богатства ее мужа. Незаметно для себя она начинает признавать справедливость идей социализма, но ее сознательное отношение к окружающей действительности в этом романе не выливается ни в какие реальные действия. Тем не менее, ею заинтересовываются, к досаде ее супруга, левые газеты, печатают ее портрет, интервью с нею и т. д. Русский читатель, пожалуй, будет недоумевать, за что именно молодой женщине оказывается такое внимание печатью. Но в Америке, это всячески подчеркивает автор, миллионеры находятся под бдительным общественным надзором, и ни одна черта их домашней жизни не ускользает от газетного репортера. В установленный природой срок Сильвия делается матерью прелестного ребенка, но последний через несколько дней после своего появления на свет слепнет. Причиной этого несчастья, как узнает Сильвия от своего друга, является половая болезнь ее мужа, которой в Америке страдают восемь из десяти мужчин. Сильвия, потрясенная этим разоблачением, находит в себе силы порвать с мужем и с средой миллионеров. Отныне она посвящает свои силы общественной работе, проповеди «социальной евгеники» и необходимого добрачного просвещения американских девушек. О результатах ее проповеди мы из этого романа ничего не узнаем... Такова фабула нового романа Синклера. Справедливые и нужные не столько для русского, сколько для американского читателя мысли о перевоспитании женщины, изложенные, главным образом, в разговорах и переписке Сильвии с ее подругой социалисткой—самое ценное в книге. Повествовательная часть очень слаба, роман написан небрежно, с элементами заметного сказа, с совершенно не идущими к делу подробностями из жизни того третьего лица, социалистки, от имени которой ведется повествование. Думается, что этот перевод одной из наиболее слабых вещей Синклера «Библиотеку художественной литературы» существенно не обогатит.

Е. Браудо.

СТЕФАН ЦВЕЙГ. Легенда одной жизни. Пьеса в трех действиях. Государственное Издательство. 1923 г. Стр. 149.

Действие происходит в интеллигентном европейском обществе. Культ умершего великого поэта приводит к лжи, к скрыванию его подлинной биографии. Его сын подавлен слишком безукоризненной славой своего покойного отца, к тому же у молодого человека нет личной жизни, он только сын знаменитости. Встреча с бывшей возлюбленной отца открывает молодому человеку глаза на лицемерие его матери и т. д... Бунт против идолопоклонства—против

чрезмерного, неестественного поклонения гению—вот тема пьесы. Нашим русским нравам пьеса весьма мало соответствует; наши величайшие художники никогда не были окружены столь догматическим обожанием. В этом есть свои преимущества; и все же пьеса для нас поучительна или, по крайней мере, любопытна: произведение чуждой нам, но большой культуры.

Тем не менее, интерес пьесы для нас более литературный, нежели театральный. И это несмотря на то, что пьеса безусловно сценична. Уж слишком далек от нас изображаемый мир, слишком специфичны задетые в пьессе страсти и интересы; наконец, пьеса слишком интимна для современного русского театра.

Волькенштейн.

ИСКУССТВА.

1. Б. ДЕНИКЕ. Искусство Востока. *В. Кряжина.* — **2. WIELAND HERZFELDE. Gesellschaft Künstler und Kommunismus.** *И. Корницкого.* — **3. М. ФРАНЦЕВ. Революционные задачи искусства.** *А. Федорова-Давыдова.* — **4. Н. ТАРАБУКИН. Опыт теории живописи.** *М. Горбунова.*—**5. КЛАССИКИ АРХИТЕКТУРЫ. Вып. I.** *В. Згура.*—**6. СТРОГАНОВСКИЙ ДВОРЕЦ-МУЗЕЙ.** *А. Греча.* — **7. Проф. А. НЕКРАСОВ. Великий Новгород и его художественная жизнь.** *Г. Жиднова.* — **8. I. В. АНИСИМОВ. Графические искусства и репродукция. II. А. ШУЛЬЦ. Художественные печатные формы.** *Проф. Н. Тихонова.* — **9. PAUL BEKKER. Klang und Eros.** *Е. Браудо.* — **10. ЧАЙКОВСКИЙ. Воспоминания и письма.** *В. Яковлева.* — **10. Проф. В. СЕРЕЖНИКОВ. Техника речи.** *С. Богуславского.* — **11. Проф. В. СЕРЕЖНИКОВ. Искусство художественного чтения.** *С. Богуславского.* — **12. М. ВЕПРИНСКИЙ. Театр в деревне. Вып. I.** *Н. Лебедев.* — **13. А. ВОЗНЕСЕНСКИЙ. Искусство экрана.** *Н. Лебедева.* — **14. СПУТНИК ПО ПЕТРОГРАДУ И ЕГО ОКРЕСТНОСТЯМ».** *Н. Шербаков.*

Б. ДЕНИКЕ. Искусство Востока. Очерки истории мусульманского искусства. Казань. Изд. Комбината Издательства и Печати А. Т. С. С. Р. 1923. Стр. 250.

Появление книги Б. Денике надо признать как нельзя более своевременным. Несомненно, что искусство Востока привлекает к себе в последние годы совершенно исключительный интерес как на Западе, так, в особенности, в России. Между тем на русском языке, за исключением нескольких ценных, но специальных работ (В. Бартольда, Ф. Розенберга), или же 2—3-х переводных книжек (Дж. Эссада «Константинополь»), ничего не имеется ни по живописи, ни по архитектуре мусульманского Востока. Работа Б. Денике и является попыткой заполнить этот пробел и дать на русском языке сжатый очерк мусульманского искусства.

Книга распадается на следующие части: Восточная миниатюра (гл. I—VII), прикладное или декоративное искусство и архитектура Ислама.

Наиболее разработанной является часть книги, посвященная мусульманской миниатюре; причины этого, по признанию самого автора, заключаются «в

субъективных условиях работы и в предпочтениях автора, зачарованного пленительной красотой... восточной миниатюры»...

Помимо общей характеристики искусства миниатюры, анализа техники и сюжетов ее, автор дает детальную характеристику отдельных школ и эпох: арабской (месопотамско-багдадской школы XIII в.), персидской (с XII—XVII), турецкой (с XV—XVII), и, наконец, индийской эпохи великих моголов. Автор всюду прослеживает любопытный процесс скрещения различных художественных влияний (напр., китайских и персидских, индийских и иранских и т. д.), который так характерен для развития всего искусства Востока. В ходе изложения Б. Денике знакомит читателя с теми контроверзами, которые вызывает в западной литературе та или иная историческая или стилистическая проблема искусства миниатюры—увы!—еще столь мало изученного. Эти постоянные ссылки в тексте на взгляды и теории различных историков искусств составляют, пожалуй, даже недостаток книги, нарушая цельность изложения и затемняя собственные взгляды самого автора.

Как указывает Б. Денике, мы знаем, что Рембрандт владел альбомом индийских миниатюр, изучал их и даже копировал: один этот факт доказывает, насколько важно для нас, насколько своевременно изучение этой большой и эстетически необычайно ценной отрасли восточного искусства, давшей таких гениальных мастеров, как знаменитый Бехзад (XIV в.).

Отдел прикладного или декоративного искусства посвящен, гл. обр., анализу тканей, как материалу для изучения орнаментики мусульманского Востока. Далее автор разбирает ковры (м. азиатские, персидские, кавказские, среднеазиатские), изделия из металла, резьбу по дереву и слоновой кости и, наконец, керамику (к сожалению, чрезмерно бегло). Последний отдел—архитектура Ислама представляет из себя в сущности лишь подробный конспект книги, которую предполагает написать автор.

Книга снабжена двумя библиографическими указателями: по мусульманской миниатюре (подробным) и по зодчеству (кратким). Издана книжка чрезвычайно изящно, на хорошей бумаге, прекрасным шрифтом и снабжена 11-ю фототипиями. Последние воспроизводят исключительно памятники мусульманского искусства, находящиеся в России, для миниатюры образцы богатейших (как указывает автор, «чуть ли не первых в мире») собраний публичной библиотеки и азиатского музея. Книга Б. Денике, несомненно, удачно заполняет пробел, существующий в нашей литературе по мусульманскому Востоку, давая сжатое, быть-может, несколько излишне специальное, изложение основных проблем его.

В. Кряжин.

WIELAND HERZFELDE. Gesellschaft, Künstler und Kommunismus. Der Malik-Verlag. Berlin. 1921. S. S. 3—30.

ВИЛАНД ГЕРЦФЕЛЬДЕ. Общество, художник и коммунизм. Изд. Малик. Берлин. 1921 г. Стр. 3—30.

Небольшая брошюра, так поздно, к сожалению, до нас дошедшая, насыщена чрезвычайно актуальным для нашей современности содержанием. Исходя из прошлого и настоящего Германии, автор все время оглядывается на наш Советский Союз, находя в условиях нашей действительности опору для своих теоретических построений. Некоторые его положения, пожалуй, спорны, кое в чем он, может-быть, слишком прямолинеен, но все это искупается глубиной и верностью социологического анализа и четкостью мысли в вопросе о роли и значении художника вообще и художника-коммуниста в обществе. Содержание книжки развертывается в следующем порядке: 1) отношения между обществом и художником, 2) путь художника к коммунизму, 3) задачи художника-коммуниста в буржуазном обществе, 4) художник в коммунистическом государстве.

В первой главе автор дает блестящий социологический анализ германского искусства (главным образом литературы) двух первых десятилетий XX века,

начиная от рыночной макулатуры, специально обслуживающей пролетариат, деклассированные массы и протягивающей свои щупальцы во все классы немецкого об-ва (открытки, криминальные и сыщицкие романы, романы из жизни «света», миллионеров и кокоток и т. д. и т. д.). Это, конечно, не пролетарское, а антипролетарское искусство, отрывающее пролетариат от своего класса и действительности, базирующееся на потребности трудящихся в возмещении однообразной трудовой жизни цветистостью и разнообразием искусства.

«Высокое» искусство, в том виде, как оно налицо сейчас в Германии, не находит путей к простой, недифференцированной психике масс, и этот интеллектуальный рынок целиком захвачен «фабриками» макулатуры.

Следующий род искусства—мещански сентиментальное искусство, покоющееся на базисе христианской церкви, искусство ханжей и старых дев, потребителями которого является мелкий буржуа и некоторая часть средней интеллигенции.

Наконец, последний вид искусства—обращается в высшему слою буржуазии, интеллигенции и аристократии. Это искусство, обслуживая наименьшую часть об-ва, представляется своим творцам и потребителям загораживающим и покрывающим все остальное. Это действительно «искусство». Но искусство, целиком отражающее свой класс. Затрагиваются крупные проблемы—но слегка. Разрешаются основные вопросы жизни—но в мягких тонах. Тенденция преследуется. Ясность и четкость мысли и слова заменяются выспренним туманом. По мере обострения классовой борьбы, литература крупной буржуазии все более отрывается от жизни. С каждым днем и это искусство, и «мещанское» искусство—все больше и больше проникаются индивидуализмом, приводящим к мистицизму. В литературе используются кабалла, гнозис, тайные индийские и китайские учения и пр. Искусство становится выражением общественной паталогии, образуя секты и кружки, обслуживая эксцентрическую буржуазию, истериков и неврастеников.

Развитию этого искусства способствует то обстоятельство, что в Германии, с ее темпом роста капитализма, в искусство шли лишь абсолютно аполитичные, антиобщественные, антиэкономические характеры. И не только классовая обусловленность художников делает искусство таким, как оно перед нами предстает. Этому прямо способствует непосредственная экономическая зависимость художников. Художник, как и всякий трудящийся, становится источником прибыли для капитала. И так же, как капитал всей своей системой калечит фабричного рабочего, так же калечит он и художника. Его идеология определяется идеологией его потребителей, диктующих свою волю издателям и торговцам. Успех и признание находят только «приспособившиеся». Все независимое, все, идущее вразрез с потребностями и интересами господствующего класса, душится, не находит почвы и хиреет. Лишь отдельные художники при особо благоприятных обстоятельствах могут остаться самими собою. И капитал находит тысячи средств порабощения художника; одно из них—уплата писателю процентов с оборота: писатель непосредственно заинтересовывается в тираже, становится участником торгового предприятия со всеми вытекающими отсюда следствиями.

В двух следующих главах дается раньше всего чрезвычайно яркая характеристика «междуклассового» положения художников. Будучи «работниками», художники в то же время по самому характеру их деятельности не пролетарии,—а буржуа: художник не имеет «товарищей», у него есть «конкуренты». Работа его не знает коллективизма — она по самой своей сути глубоко индивидуалистична. И в этом трудность привлечения буржуазного художника к коммунизму. А пока пролетариат не возьмет власть в свои руки — он еще почти не имеет вышедших из его среды художников, немногие же выходцы также порабощаются капиталом. Трудность обращения буржуазного художника к коммунизму обусловливается еще и тем, что коммунист-художник также подвергается «испытанию огнем и железом»: приходя к коммунизму, он подрубает под собой экономический сук, на котором сидит Мало того! Художник должен не только

стать коммунистом по убеждению—эта первая фаза сравнительно легка: он должен внутренне переродиться, как *художник*, выработать не только новые идеи, но и новые приемы для оформления этих новых идей. И это ему сделать тем более трудно, что далекий искусству пролетариат не может ему помочь так, как помогает при выработке идей.

Пока художник остается индивидуалистом, пока он мнит себя «единственным» — он не солдат пролетариата, а дезертир буржуазии. Он должен резко порвать с тем классом, из которого вышел. Стать пролетарием из буржуа можно, только сознав всем своим существом исторически обусловленную ненужность буржуазии в данный момент, а следовательно — ее гибель. Но что же должен делать коммунист, как художник? Как, оставаясь художником, может он служить делу пролетариата? Задача коммуниста - художника в буржуазном государстве—так обнажить буржуазию, чтобы всякому стала ясна ее подлинная, ничем не прикрытая внутренняя сущность. Утверждение, что пропаганда враждебна искусству—неверно. Протест против пропаганды — это форма самозащиты художников, слишком легко поддающихся влияниям. Искусство — всегда пропаганда. Если художник будет истинным коммунистом по убеждению — он без всякого самопринуждения будет пропагандистом. Цифры и статистика, теория и рациональные убеждения не могут помочь обывателю наглядно увидеть, почувствовать классовые проблемы — это дело художника. Только художник может осветить кулисы банков и индустрии, биржи и дипломатии, торговли и мещанских брачных альковов. Только художник может увлечь за собой на борьбу массы, осознавшие себя, как класс. О том, как велика роль искусства в общественной жизни, красноречиво свидетельствует хотя бы минувшая война. Именно песни и рассказы, романы и театральные представления, картины и рисунки, карикатуры и сатирические стихотворения, конечно, не обусловили, но, отражая идеологию господствующих классов, в значительной мере питали военную романтику 1914 года, разжигали национализм, воспевали «геройство» погибших за родину и пр. и пр.,—чувства, служившие воинствующему империализму отдельных стран. И дело художников-коммунистов (здесь автор переходит к роли художника в эпоху диктатуры пролетариата) дать пролетариату такую же революционную пропаганду.

Пропаганда же, опирающаяся на рассудочные критико-полемические приемы (здесь автор ссылается на Россию), не может захватить остающиеся холодными народные, в частности крестьянские, массы. Не могут не оставлять ее холодными сухие газетные статьи, переполненные непонятными научными терминами. И Советская власть должна стремиться использовать не только художников-коммунистов, но и художников вообще. Первым условием для этого является полная художественная беспартийность власти. Организовать художников чрезвычайно трудно: слишком много розни сеет в них распадение на кружки и кружочки, школы и школки. Покровительство же политическое и экономическое какой-нибудь одной группы заглушает остальные, не дает им развиваться, более того—*делает их враждебными Советской власти*, тогда как равное покровительственное отношение невольно привлекает, втягивает в круг общественных (пролетарских) интересов, заставляет служить пролетариату. И руководящим политикам партии и художникам надо спуститься с заоблачных высот в подвижные волны действительности. Старые потребности мелкобуржуазного общества не могут быть убиты. Они могут лишь быть наполнены новым содержанием и приведены, таким образом, в некоторую гармонию с новой системой. Это и является задачей художников - некоммунистов, по всему своему наследственному художественному складу близких буржуазии, но вместе с тем находящихся на полпути между буржуазией и пролетариатом и служащих ему, при благоприятном к ним отношении, в большинстве случаев с гораздо большей радостью и легкостью, чем они служили раньше буржуазии. Если же и проявится контр-революционность некоторых групп, диктатура пролетариата легко сумеет их побороть.

Что же касается художников-коммунистов при диктатуре пролетариата, им, в конце концов, надо соблюдать то же единственное правило, как и в буржуазном окружении: сначала коммунизм—потом искусство. Партийная дисциплина — как для коммуниста, демократическая «свобода» — как для художника.

В заключение автор высказывает свой, по его словам «субъективно-эмпирический взгляд» на характер искусства в эпоху диктатуры пролетариата.

Население Советского государства будет, по его мнению, даже в его революционной части, предъявлять к искусству традиционно консервативные требования (говорится о форме). Искусство оставит чисто формальные задачи позади проблем пропаганды, религии, этики, социальной психологии, быта, сатиры и пр. Вместо сенсации и сильных переживаний вырастет потребность в ясной картине мира, в общеценном, а не в эстетическом, во всем том, что служит развитию человечества, а не его чувственному услаждению.

Коммунист-художник имеет своей задачей средствами художественного воздействия содействовать обращению коммунизма из государственного принципа в принцип жизни, быта.

Думается, что опыт русской революции подтверждает это заключение автора, как и очень многое на протяжении всей его работы.

И. КОРНИЦКИЙ.

М. ФРАНЦЕВ. Революционные задачи искусства. Изд. «Красная Книга». Орел. 1923. 2-ое изд. Стр. 41 + 1 ненум. In 16⁰.

К книжке брошюрного типа, да и к тому же изданной в Орле, нельзя, конечно, предъявлять слишком больших требований. Отраден уже тот факт, что в такой довольно глухой провинции вышла книжка, посвященная искусству, да еще его современным задачам. Приятна и трогательна заботливость, с которой издана книжка. Правда, бумага газетная, но зато наверху страниц—черная линейка, обложка сделана в виде снимающейся обертки, книжка аккуратно сброшюрована.

Автор не высказывает каких-либо оригинальных мыслей, да, кажется, и не претендует на это. Заглавие несколько не соответствует содержанию, которое гораздо скромнее. Автор, практический работник в области культурно-просветительной работы, рисует то ненормальное положение, в котором находится в провинции дело приобщения широких масс к искусству, в особенности в области неумеренного увлечения театром любительского типа. Понимая задачи современности, как создание «искусства для масс» и «искусства из масс», он дает ряд конкретных указаний, как вести клубную работу, организовывать драматические, музыкальные и художественные кружки, как проводить митинги-концерты и т. д. и т. п. Он не особенно благоволит к левому искусству, называя его «отрыжкой старой капиталистической культуры». Это, конечно, неверно в такой категорической постановке вопроса, и автор, очевидно, мало знаком с левым искусством (характерно: супрематизм называет супроматизмом). Но тот, кто знает, в какие зачастую нелепые формы выливаются в провинции отголоски левых исканий в крупных центрах, тот, пожалуй, станет на точку зрения автора. Во всяком случае в условиях современного «культурничества» провинции лучше не слишком увлекаться «левизною».

Книжка, написанная деловито, трезво и осторожно, несомненно, очень полезна для той аудитории, для которой она предназначена: провинциальных «культурников» в области искусства. Это лучше всего доказывается тем, что она появилась уже вторым изданием.

Федоров-Давыдов.

Н. ТАРАБУКИН. Опыт теории живописи. Изд. Всероссийского Пролеткульта. Москва. 1923. Стр. 71.

Интересная и нужная тема, в особенности, когда в предисловии мы узнаем о желании автора дать теорию живописи, как факта *социального* значения, в отличие от других искусств.

Правда, об этом скоро забывается, но и то, что благодаря провозглашенному формально-производственному методу действительно имеется в книжке, все же остается любопытным.

В ней особыми главами обозначены *колорит, фактура и конструкция;* в ней уделено внимание *ритму*, а также *сюжету и содержанию;* в ней, наконец, заново решен вопрос о *сущности искусства* и в соответствии с этим об отношении живописи к действительности.

Если отбросить общие места и чересчур обильные уподобления, главным образом, с музыкой, как всегда лишь осложняющие и затемняющие теорию специального предмета, если сосредоточиться на собственной теории живописи, то содержание ее предстанет перед нами в следующем виде.

Все элементы живописи исчерпываются *цветом, фактурой, конструкцией* и формой, при чем последняя, т.-е. форма, плоскостной изобразительности, как совершенно исчезнувшая в кубизме, супрематической и беспредметной живописи, почти выпадает из теории, и остаются лишь три первых существенных и неизбежных.

В главе о *колорите* учтены опыты последних лет, и в число материальных элементов цвета приняты — на ряду с красками — также *фанера, стекло, гипс, железо* и пр.; мало того, всем им присвоено не только подсобное, но и какое-то самостоятельное значение.

Фактура признана существенным моментом как новой, так и всей старой живописи; при этом указано на разнообразие ее у разных мастеров в живописи: станковой и декоративной, масляной и акварельной, клеевой и сухой, на холсте, бумаге и стене. Кроме того, намечена также связь фактуры с цветом, с направлением плоскостей в картине и даже с композицией-конструкцией.

Характерно, что здесь, как и в учении о цвете, приняты все студийные фактурные пробы новой живописи, с ее *наклейками, присыпками, опилками и глиной*, на основании, однако, простого пиетета перед всяким, любым из материалов.

Что касается *композиции*, то она снижена до внешней организации лишь изобразительных (ныне изжитых) форм, а в дополнение к ней, верней поверх ее, опять-таки в живом контакте с живописью недавних лет, выдвинута *конструкция*, которая, таким образом, является уже не только обработкой материальных элементов живописного произведения.

Казалось бы, на этом, согласно программной выкладке, сделанной автором во введении, ему бы следовало и остановиться.

Но нет, безудержное восхождение в туманные высоты приводит нашего теоретика к неожиданному панегирическому отрывку, посвященному столь же таинственному, сколь и всеохватному и необходимому элементу живописи, ритму, как *четвертой координате измерения*, или, что то же, времени в пространственном искусстве.

Вы думаете, здесь конец? Нет, трижды нет.

Автору понадобилось еще четыре главы, чтобы, во-первых, сделать отвод сомнительному еще в старом искусстве (пейзажа, натюр-морта и интерьера) понятию *сюжета*, ставшему совсем необязательным со временем беспредметной живописи; во-вторых, допустить в качестве *содержания* и чисто живописные идеи; в-третьих, по-новому охарактеризовать самую *сущность искусства*, как *самоцельно-творческого* мастерства, и, наконец, в-четвертых, выбросить за борт культурного обихода *всякую живопись* и *провозгласить* так называемое производственное искусство, просто *производство*.

Таков скромный для теории живописи результат оперативного действия объективно-научного, формально-производственного метода под руками дерзкого современника новой живописи, сумевшего дать лишь сводку ее проблематичных по своей ценности элементов, но не обосновавшего ни одного из них.

Ведь автором не формулировано ни одного сколько-нибудь серьезного положения ни относительно каждого из 3—4 отдельных элементов живописи, ни о взаимоотношениях их между собой, не говоря уже об условно-дополненных ритме, сюжете и содержании.

Вот почему приходится смело сказать, что книжка Н. Тарабукина не обогатила собой ни научного уразумения живописи ни практики и без того сбитого

с толку вхутемасца. Мастера же нового искусства, один за другим превращающие свои недавние годы в период живописно-экспериментального самообразования, пожалуй, только улыбнутся в ответ на подобные теоретические упражнения непоспевающего за ними попутчика, осмелившегося вдруг отвлечь их от своего профессионального дела.

Да иначе и быть не может: не ликвидатору живописи заниматься осознанием культурно - творческих качеств или материально - технических условий ее.

М. П. Горбунков.

КЛАССИКИ АРХИТЕКТУРЫ. Выпуск I. Чарльз Камерон. СБОРНИК СТАТЕЙ Н. Лансере, Э. Голлербаха, В. Талепоровского, Г. Лукомского и Г. Стебницкого. Редакция Э. Голлербаха и Н. Лансере. Госиздат. М.—Птг. 1924. 92 стр. 20 рис. 8°.

Всякая новая книга, посвященная русской послепетровской архитектуре, должна быть особо приветствуема, как дополнение к весьма немногочисленной литературе предмета. Лежащая перед нами книга имеет, кроме того, заманчивый заголовок, обещающий серию, первым выпуском которой и является сборник о Камероне. Сборник распадается на пять статей, характеризующих с разных сторон деятельность и творчество замечательного зодчего, работавшего в России.

Статья Н. Лансере — «Архитектор Чарльз Камерон» — вводит в творчество мастера, намечает пути, по которым должен последовать будущий изучатель Камерона, указывает попутно некоторые источники и материалы. Жалко, что в своем интересном обзоре автор слишком бегло останавливается на характеристике художественных приемов и строительных методов Камерона; это явилось бы, пожалуй, самым важным.

Вторая статья — «Камерон в Царском селе» — принадлежит перу Э. Голлербаха. После перечисления и описания работ зодчего, сожалений о вандализмах и т. п., автор переходит к постановке, так сказать, теоретических проблем; он говорит о конструктивизме, декоративности, «рембрандтизме» в архитектуре и т. д., и, наконец, находит, повидимому, важный историко-художественный закон, гласящий, что «хорошее» или «плохое» в архитектуре возникает не из стиля, а зависит от вещей более общей природы, от соотношения масс, от главного мотива произведения» (стр. 39) Но объяснения, что такое «вещи более общей природы» и что такое «главный мотив», заинтересованный читатель не находит. Совершенно случайным выглядит Гильдебрандовское «единство формы бытия и формы воздействия» в применении к Камероновой галлерее, и не понимаешь, чего старается Голлербах акцентировать это просторазрешимое обстоятельство. Слабое понимание художника, которому посвящена статья, выказывается автором в утверждении, что «Камерон, повидимому, был способен думать пятнами, не глядя на рисунок с его жалким линейным скелетом» (стр. 36). Требуется полная зрительная неразбериха, чтобы дать подобное определение художника с исключительно обостренным чувством архитектоничности, линии и зодческой графики. После перечтения вышеописанного невольно возникает мысль, что искусствоведное кокетничанье столь же никчемно и бессмысленно, сколь плодотворно и важно искусствознание в настоящем понимании этого слова. Законно упрекнуть автора в том, что он лишь вскользь замечает о «китайских» постройках Камерона.

Несомненно самой интересной статьей сборника является «Камерон в Павловске» В. Талепоровского. Без всяких потуг на теорию автор добросовестно знакомит читателя с документальным материалом, хранящимся в архиве Павловского дворца и восстанавливает живую и любопытную картину отношений Камерона с хозяевами Павловска и процесс работы по устройству дворца. Несмотря на то, что некоторые документы были уже опубликованы Т. Сапожниковой («Среди коллекционеров». 1923. № 5), на что, кстати, следовало бы указать, вся переписка не теряет своего интереса. Полезен в статье В. Талепоровско-

го список построенного Камероном в Павловске и приложенная в конце опись чертежей, хранящихся во дворце.

Следующая статья Г. К. Лукомского «Камерон в Батурине» вызывает недоумение — это дословная перепечатка с некоторыми купюрами брошюры того же автора, изданной больше десяти лет назад, о чем скромно умалчивается*). К чему понадобилось перепечатывать этот новый монтаж устаревшей брошюры, где, кстати сказать, и о Камероне почти ничего не говорится, остается совершенно загадочным. Самая же проблема авторства Батуринского дворца, не вполне разрешенная и представляющаяся, действительно, важной для истории русской архитектуры, ни на шаг не подвинута.

В небольшой заметке Г. Стебницкого «Из архивных материалов» приводится несколько документов из бумаг Н. Собко и описывается чертеж Камерона из собр. Исторического музея. Бесспорно, что всякая мелочь будет иметь в дальнейшем значение для исчерпывающей истории русского искусства.

К книжке приложена «Литература о Камероне», составленная Э. Г. довольно случайно. С одной стороны, пропускаются многие книги, напр., Императорские дворцы — А. И. Успенского, дворцы и церкви юга—Ф. Горностаева, Труды XIV Археологического съезда в Чернигове, т. II, Каталог музея Екатерининского дворца в Царском селе Лукомского Russische Baukunst. Münch. 1922 и т. д., с другой, очевидно, для «количества» включен Словарь русских художников Н. Собко, т. I, в. I, стр. 129, где о Камероне не говорится ни одного слова, кроме того, что Алферов, биографии которого и посвящена указанная страница, был учеником Камерона. Весьма странно также, что в «литературу» включены ссылки на архивные дела.

Книжка иллюстрирована 20 тускловатыми цинкографиями, большинство которых перепечатаны из Грабаря. Неужели у авторов книги не нашлось оригинальных фотографий? Жалко также, что не воспроизведен ни один из рисунков Камерона, о которых немало говорится в тексте. Не взирая на допущенные промахи, отсутствие строгого метода и общий дух «эстетического ретроспективизма», от которого редакция напрасно открещивается в предисловии, в заключение все же хочется приветствовать начинание серии «Классиков архитектуры», которая, если и не ставит себе, судя по первому выпуску, специально научных задач, будет иметь большое значение в деле популяризации русской архитектуры XVIII и XIX вв., что является насущной задачей наших дней.

В. В. Згура.

*) См. Батуринский дворец, его история, разрушение и реставрация. СПБ. 1912. Стр. 7 — 10, 18, 19 — 21, 24—25, 26.

СТРОГАНОВСКИЙ ДВОРЕЦ-МУЗЕЙ. Государственный Музейный Фонд. Итальянские медали. Составил А. Н. Зограф. Петербург. 1923. 28 стр. + 1 воспр. 8°. Тираж 1000 экз.

Небольшая, аккуратно исполненная книжка свидетельствует вновь о неисчерпаемых художественных сокровищах Петербурга, позволивших устроить выставку на такую, казалось бы, специальную тему, как область итальянской медали, главным образом эпохи Возрождения.

Перед нами проходят литые из металла четкие профили герцогов Сфорца и Малатеста, суровый облик Коллеоне, портреты семейства Бентиволио, Монтефельтре и Медичи, проходят герцоги д'Эсте, маркизы Гонзаго — тираны, папы, князья церкви, императоры, короли, даже турецкий султан Магомет II, писатели, государственные люди, полководцы, ученые и художники. А на реверсах находим горделивые гербы, загадочные аллегории, лаконически-красноречивые эмблемы.

Путеводитель А. Н. Зографа дает не только перечень медалей; наоборот, познакомив в немногих словах с техникой медальерного искусства, автор, группируя материал по мастерам, показывает последовательное развитие этой наиболее «вечной» области человеческого искусства. Постоянно дает он в сжатых словах характеристику запечатленного лица, сообщает тот или иной штрих, тот или иной момент его жизни.

Таким образом, вызывает он к жизни образы старой Италии, вспоминает события и людей, ибо медаль больше чем кто-либо, даже больше чем портрет, говорит об известных людях и об исторических событиях, обусловливающих ее возникновение.

Особое место отведено автором творчеству Антонио Пизано, лучшему медальеру эпохи Возрождения. Приложенное воспроизведение, изображение самого художника, А. Н. Зограф считает с некоторыми колебаниями автопортретом Пизано. Последнее вполне убедительно было доказано им в специальном докладе, прочитанном в текущем академическом году в Моск. институте Искусствознания и Археологии. Далее автор переходит к обзору творчества других мастеров вплоть до XVII века. Приложенный к концу путеводителя список медальеров указывает имена более чем сорока художников, представленных оригиналами или копиями в Строгановском собрании.

Написанная сжатым языком и построенная сообразно экспозиции работа А. Н. Зографа является очень нужным пособием при рассмотрении выставки итальянских медалей.

Д. Греч.

Проф. А. И. НЕКРАСОВ. Великий Новгород и его художественная жизнь. Изд. Т-ва „В. В. Думнов, насл. бр. Салаевых". М. 1924 г. Стр. 95. С 98-ю рисунками в тексте. 8°.

Эта новая работа проф. А. И. Некрасова исполнена в том же характере, как и его «Древний Псков», о котором мы уже имели случай высказаться на страницах «Печати и Революции» (кн. 3 за 1924 г., стр. 278—279). Книжка представляет из себя сжатый, насыщенный фактами и мыслями очерк, в котором автор, переводя нас от одного остатка художественной культуры северного центра древней Руси к другому, погружает в сложное и богатое течение историко-художественного процесса, увлекательно реконструируемого живой научно-исследовательскою мыслью.

После нескольких предварительных замечаний историко-культурного и типографского характера, автор переходит к открывающей искусство Новгорода — Софии. Проф. Некрасов излагает историю построения собора, восстанавливает первоначальный его вид и последовательность пристроек более позднего времени; наконец, оценивает изначальное сооружение «как огрубевший провинциальный образец упрощенных типов южно-русской и западно-русской церкви крупного соборного масштаба» (стр. 11). Собор св. Софии, однако, для новгородского искусства не только первая страница истории архитектуры,— он хранит на своих стенах остатки древнейшей живописи Новгорода, в нем же, в частности — в ризнице, находятся наиболее старые на новгородской почве памятники христианской пластики и так наз. прикладного искусства.

По этим первым произведениям еще «совершенно невозможно думать, чтобы новгородцы в XI—XII веках создавали что-нибудь значительное, новое, оригинальное; они лишь собирали со всех сторон материал и чуждые формы применяли к своим простоватым вкусам» (стр. 16). Именно вокруг этих памятников слагается завязка сложной повести о многовековом искусстве одного из крупнейших центров былой Руси. А далее следует обзор архитектуры XII века, стенной и станковой живописи того же времени, миниатюры и орнаментики XI—XIII столетий. Никола на Липне 1292 г.—связующее звено между первым периодом новгородского искусства и его классической эпохой XIV в. И здесь опять в рассматриваемой работе дается разбор явлений всех видов пространственного творчества — зодчества, живописи (фреска, икона, книжная миниатюра), скульптуры, декоративного искусства, в частности орнамента рукописей. То же сделано для XV века, и замечаниями о художестве XVI столетия заканчивается очерк. К сожалению, мы не можем более подробно изложить содержание книги и остановиться на характеристике в ней отдельных памятников и целых эпох. Поэтому лишь суммарно укажем, как на одно из достоинств, на полное отсутствие в книге

столь часто присущего суждениям о древне-русском художественном наследии странного патриотического шовинизма, выражающегося в боязни нарушить представление о своеобразии древнерусского искусства указаниями на иноземные источники отдельных его моментов; у А. И. Некрасова факты новгородского художественного творчества все время рассматриваются в связи с явлениями искусства как других областей России, так Византии и Запада. В этом отношении автор идет в направлении, намеченном классиками отечественной науки о древне-русском и византийском искусстве. На ряду с этим необходимо подчеркнуть, что анализы, предложенные в книге, не носят только археологического и типологического характера; всюду налицо желание дать более широкую формально-эстетическую оценку произведения искусства в его своеобразной выраженности. Очень интересно и большое внимание, уделяемое в очерке роли отдельных личностей в истории древне-русской художественной культуры,—она оставалась «безымянной», право же, в большей степени, чем то обусловлено ее природой и состоянием сведений литературных источников о памятниках; в этом направлении особенно значительным представляется опыт новой постановки вопроса о «мастере Петре» (стр. 23).

Разумеется, кое в каких деталях можно не вполне согласиться с проф. А. И. Некрасовым. Так, быть может, прав В. Мясоедов, относивший фрески купола св. Софии не к начальной эпохе собора, как это считает возможным А. И. Некрасов (стр. 8), а к 1108 г. (см. статью В. Мясоедова «Фрагм. росп. Св. Софии Новг.» в сборн. в честь проф. Д. В. Айналова, 1915 г.). При указании цветов, входящих в трактовку фигур Нередицкой росписи (стр. 36), опущено указание на голубой и оттенки красного, часто встречающиеся там в одеждах, что создает не совсем правильное представление о колорите фресок в Нередице. Можно было бы пополемизировать с автором относительно атрибуции некоторых произведений станковой живописи; отметим также, что для этого разряда памятников стоило бы более широко использовать сохранившееся в самом Новгороде (в частности, собрание Древлехранилища). Заслуживала быть рассмотренной подробнее Ковелевская роспись.

Такого рода замечания могут быть сделаны и еще. Но все это—мелочи, не уменьшающие ценности рассматриваемой работы. Для тех, кто мыслит исторически, для тех, кто от отдельных анализов хочет перейти к некоей обобщающей концепции, монография проф. Некрасова — ценное приобретение. Она заинтересует широкого читателя, специалиста побудит к работе над затронутыми проблемами.

Очень жаль, что и на этот раз внешность издания не заслуживает никаких приветствий; довольно значительно количество опечаток.

Г. Жидков.

В. И. АНИСИМОВ. Графические искусства и репродукция. 174 стр. 12 иллюстр. прилож. Гос. Изд. М. Птг. 1923. 1000 экз. Тип. И. И. Федорова.

А. К. ШУЛЬЦ. Художественные печатные формы. Монография. Изд. автора. Птг. 1923. 1000 экз. Тип. Школы им. тов. Алексеева.

Две книги, посвященные современным способам изготовления печатных форм и воспроизведения художественных изображений в книге. В России до сих пор почти нет ни одного издания, серьезно излагающего этот вопрос, за исключением книги Рудометова. «Опыт систематического курса по графическим искусствам» 1897 г.—издания теперь редкого, по своему содержанию устарелого. Своевременность изданий по вопросам графических искусств вне всякого сомнения. Заграница, особенно Германия, обладает громадным количеством книг на эту тему, и любитель книги, и особенно студент-полиграф, найдут там ответы на все интересующие их вопросы. Невежество в распознавании различных печатных форм печати иллюстраций у нас весьма велико, и даже художники, работающие для издания, в большинстве случаев очень немного знают об основных требованиях репродукционной тех-

ники и особенности печати современных художественных иллюстраций.

Но желание издать такого рода книгу ставит еще и особые условия — она должна не только рассказывать, но и показывать. В ней необходимо дать типичные образцы и примеры. Читатель из сухого изложения не сможет почерпнуть всего, тем более что современные способы печатного дела являются громадной областью, и изучение ее требует многих специальных познаний, и не только в области искусства, но также и науки, особенно физики и химии.

Книга т. Анисимова издана роскошно. Прекрасная бумага, рисунки на отдельных вкладных листах. Цветная обложка, отдельные листы заголовков, все это нам напоминает желание дать художественное издание, как его выпускают немцы. Некоторая лубочность, наблюдающаяся в выпускамых вообще изданиях тип. им. И. Федорова в Ленинграде имеет и здесь место, но это дело вкуса.

Книга т. Шульца очень скромна. Без каких-либо украшений, заставок, она опрятно издана и не претендует на эффект, как рядовая монография, как и поставлено на титульном листе.

Перейдем к содержанию. «Фотография принимается здесь в соображение лишь постольку, поскольку она находится в связи с фотомеханическим способом воспроизведения» начинает свою книгу т. Анисимов. Фотомеханические способы, следовательно, по его мнению, не являются фотографическими, а какими, то самостоятельными, затрогивая фотографию случайно. Общепризнанное значение фотографии и ее разновидности, фотомеханических методов репродукции, в области размножения графических изображений, известно каждому полиграфу, и с этого бы и следовало начать. Установления понятия *репродукция*— точное размножение, как ее определяет Блехер—массовое изготовление изображений на плоскости при помощи масляной краски, особенно подчеркивает важность фотографии. «Техника репродукции, иногда называемая иллюстрационной техникой или графическим искусством, преследует цели, подобные фотографии» (см. Блехер. Учебник репродукц. техники, т. I. стр. 3).

Но автор книги «Графические искусства и репродукция» не проводит параллелей между старыми индивидуальными способами репродукции и современными механизированными при помощи фотографии, как это делает т. Шульц, а с места в карьер открывает такие новые фотографические понятия, что действительно после этого ему лучше оставить в стороне фотографию. Возьмем на выдержку отдельные страницы, напр., начальную 15. Упомянув, что фотография, как основа механических способов репродукции, «возбуждает живейший интерес»... он излагает: «не пропускающая свет фотографическая камера собирает исходящие от объектива (объекта. *Н. Т.*) световые лучи... и таким образом, получается негатив картины, представляющий собою отражение последней с обратными световыми обозначениями. Негатив... на покрытой слоем хлористого серебра бумаге образует настоящую картину, которая называется позитивом; в позитиве имеются однородные полутоны (?), представляющие собой полные полутоны (??), ослабленные тенями до полутонов».

Посмотрим, как излагает аналогичное место т. Шульц (стр. 9). «Фотографический процесс получения изображения состоит из двух операций. Сперва на стеклянной пластинке, покрытой особыми веществами, путем отражения света от воспроизводимого предмета, получается изображение — негатив; это изображение копируют на бумаге, дереве, металле или стекле, в свою очередь покрытых химическими веществами, и прикрытый стеклянной пластинкой негатив выставляют на свет. Последний, проходя через негатив, своими химическими лучами теперь уже окончательно вырабатывает на этом материале изображение — позитив».

Сравнение этих двух текстов ясно устанавливает точность изложения второго и псевдо-научность формы выражений первого.

Казалось бы, что цель книги т. Анисимова познакомить с репродукцией и видами графических искусств, о чем он и заявляет в предисловии, и указать, какие из этих способов наиболее пригодны для точного воспроизведения художественных изображений, но уже на

стр. 18 мы находим следующее место: «сделать надлежащий выбор способа репродукции может только специалист, который обладает вкусом и имеет *художественный инстинкт*» (курсив мой. *Н. Т.*) Думаем, что инстинкт, да еще художественный, не поможет делу. Здесь необходимо ясное знание репродукционных способов, чем, повидимому, автор и владеет, как долголетний практик, но, к сожалению, передать их в связном изложении не может.

Переходим к следующей странице, к изложению пигментного способа. Он, устанавливая разницу между копировкой и печатаньем, говорит: «фотографическая копировка не есть печатанье краской на бумаге, а воспроизведение рисунка при помощи действия света на светочувствительную бумагу. Вследствие вышеизложенного (что за канцелярский слог! *Н. Т.*) принято обозначать печатанье на угольной, красящей (?) и резиновой (??) бумагах: «копия на красящей, угольной и т. п. бумагах»...

Угольная бумага сейчас носит название пигментной. Угольной ее назвал Пуатвен, вводя в нее в самом начале этого способа *сажу*, как красящее вещество, но не «примешивая соответствующее вещество (какое?), к которому вначале прибавляют мелко истолченный уголь» (стр. 19), как пишет автор. То же самое и о «красящей бумаге. Следует ли понимать, что эта бумага красит... резиновой же бумаги абсолютно не существует, на языке фотографа это будет каучуково-асфальтовый способ «Аскау» и его разновидности, сейчас редко применяемый.

Описание пигментного способа дается следующим образом: «Желатин представляет собой чистый клей, он набухает в холодной воде и растворяется в теплой. Если к желатину прибавить хлористой соли (а не *хромистой* ли? *Н. Т.*), то... желатин не растворится в местах, подвергающихся действию света. Погружая бумагу, покрытую желатином, в водянистый (водный—*Т.*) раствор двойного хромокислого калия (двухромокислого. *Н. Т.*), после сушки и освещения... получается непроявленная картина, которая обнаруживается лишь при погружении последней в тепловатую воду, и желатин растворяется в зависимости от степени *подверженния* (?) его влиянию света.

«На темных местах объекта» он обнаруживает «красящий налет». И это при пигментном способе? Откуда он может образоваться, там будет просто нерастворимый слой желатина с пигментом.

Далее совершенно невразумительно идет речь о переносе изображения на подложку, и, по его мнению, «в слабо освещенных местах, благодаря действию света сверху (можно думать, что свет, действуя сбоку или снизу, действует сильнее. *Н. Т.*), получается поверхностное затвердение желатина, вследствие чего последний уже с самого начала претерпевает нарушение (чего?), а потому для проявления необходимо слой желатина в холодной воде поместить на так называемую проявительную бумагу (понимай бумагу для переноса. *Н. Т.*) и проявленную (чем?) картину снова утвердить на предназначенную для нее бумагу» (как?).

Конечно после этого становится очевидным, что этот способ «очень сложен» (стр. 20).

Посмотрим, как об этом говорит т Шульц (стр. 122—123).

«Основанием пигментного процесса служит способность желатина, обработанного солями двухромокислого калия, натрия или аммония, делаться светочувствительным и под влиянием света терять растворимость в теплой воде. Желатин, подобно другим органическим телам, реагирует на хромовую кислоту и растворы ее солей; при этом происходит разложение хромовой кислоты и образование новых соединений. В темноте эта реакция протекает очень медленно, тогда как под влиянием света разложение хромовых соединений наступает очень быстро».

«При помощи его (хромжелатина) можно подготовить непосредственно печатающую поверхность, как, напр., в фототипии, а также подготовлять металлические и другие поверхности для изготовления печатных форм для разного рода печати, как типографская, металлографская или литографская».

«На такой бумаге... те части окрашенного светочувствительного слоя, ко-

торые придутся против прозрачных мест негатива (т.-е. теней оригинала), затвердевают и сделаются нерастворимыми в теплой воде... в полутонах, т.-е. местах освещенных или затемненных лишь отчасти, это затвердение слоя или растворение его произойдет... частично».

Перелистывая далее книгу т. Анисимова, на стр. 78 мы находим: «Все подвергшиеся влиянию света места слоя хромового белка отделяются и вместе с покрывающей их печатной краской всплывают на поверхность воды».

Здесь дело только за пропуском «НЕ» подвергшиеся—но это меняет все дело, Эмалевый способ автотипии он называет «эмалированием». Цинк автор обрабатывает «селитряной кислотой», а медь—«железным хлоридом» (стр. 86). Какой-то язык химии Ломоносова; теперь селитряную кислоту называют азотной, железный хлорид — хлорным железом. На стр. 82 в «автотипных растрах линии, прокрытые краской, «прокаливают». Их нужно прокрывать. В фотографическом аппарате лучи, «исходящие от предмета съемки, должны *миновать* объектив и сетку, чтобы попасть на светочувствительный слой». Вообще автор в области химии и физики фотографических процессов обнаруживает вопиющее невежество. Напр., на странице 135 он убежден, что «химическому действию, основанному на *нейтрализации* жира и воды, обязаны мы получению литографий. На стр. 136 снова фигурирует селитряная кислота, превращающая поверхность литографского камня в селитрокислую известь.

Способы работы носят неожиданные названия: «скоблильный», «острый», меловой», при помощи «шприца»,—может быть, в обиходе автора и имеются такие названия, но на языке каждого русского литографа они называются выскабливанием по асфальту, гравированием, работой литографским мелом, брызгами или воздушной кистью.

Нет возможности отметить все своеобразные слова, которыми автор испещрил свою книгу. «Полуюноша» (139), «раствор скапидара» (141), «рисунок на пластинку переводится с камня на обратную сторону» (142), «массные валики», «смоляные красочные субстанции», которыми сенсибилизировал проф. Фогель пластинки. Можем заверить автора, что эти субстанции—не что иное, как анилиновые краски. На стр. 148 «световая печать», т.-е. фототипия, «производит достойное удивления впечатление»...

Действительно, «достойное удивления впечатление» производит вся эта книга, выпущенная Госиздатом в 1924 г. На роскошной бумаге, с претензией на серьезное издание, но не только не имеющая никакого смысла и не только не знакомящая с графическими искусствами и репродукцией, но затемняющая и те знания, которые имел читатель до этой книги.

Для кого написана такая книга? В предисловии автор говорит, что «она не является каким-либо специальным учебником или пособием, а лишь знакомит с различными видами графики и их распознаванием». Как она знакомит, мы указали выше, что же касается распознавания, то приложенные к ней иллюстрации не дают возможности познакомиться с ними, так как нет ни одной автотипии, разница между линейной и корновой сеткой не показана, нет печати офсет, нет гелиогравюры, меццотинто, простейших уменьшений штриховых рисунков, репродукции с гравюры, как это дает, напр., Унгер в своей маленькой книге «Wie ein Buch entsteht» стоящей 1 руб.

За цену в 8 руб. (мы заплатили ее в Москве в Гос. магазине) можно было бы дать хотя основные типы современной печати для действительного распознавания их. В то же время в книге имеются авторские работы, как «иллюстрация, набранная из однопунктовых типографских линеек». К какому роду репродукции или графического искусства она относится?

Невольно напрашивается вопрос. Неужели у Госиздата нет компетентных людей для редактирования такого рода изданий и кто должен отвечать за вовлечение в невыгодную сделку покупателя книги, потратившего деньги за никому не нужное издание?

Совершенно иное впечатление производит книга т. Шульца. Она издана в том же Ленинграде и по количеству страниц одинакова с книгой Анисимова. Книга является сводкой типичных спо-

собов производства печатных форм и предназначается не только для слушателей школ полиграфического производства, но и для более широкого круга читателей, интересующихся художественно-графическим делом.

Книга издана автором и набрана в школе-типографии им. т. Алексеева учениками. Книга напечатана на бумаге для обертки. Это понятно при современном тяжелом экономическом положении наших художественных школ и преподавательского состава. По той же причине в ней нет и рисунков. Но книга грамотная, с большим знанием дела написанная. Заметно, что все способы, описываемые автором, он проделал сам, и любовно, как педагог, отметил все главнейшие места процессов. Эту книгу следует иметь каждому книголюбу. Цена ее не обозначена, но в Москве у букинистов ходит за 1 р.

Хотелось бы в заключение сделать пожелание, чтобы книга т. Шульца в дальнейших изданиях была издана в том же виде, как книга Анисимова, она этого вполне заслуживает. А Госиздату следует не тратить денег на ненужные «художественные упражнения» т. Анисимова, а дать студенчеству художественных вузов и любителям книги действительно серьезные по содержанию издания, даже если бы они были переводными, но не заменять их «альманахами для нэпманов».

Проф. Н. П. Тихонов.

ИЗ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ О МУЗЫКЕ.

PAUL BEKKER. «Klang und Eros». Der 2 Band der gesammelten Schriften. Berlin. Deutsche Verlags-Handlung. 1924. S. 353.

ПАУЛЬ БЕККЕР. «Звук и Эрос». 2 том полного собр. сочинений. Берлин. 1923 г. Стр. 353.

Павел Беккер — сейчас самый яркий музыкальный мыслитель и критик Германии. У нас он известен своей, весьма популярной и на Западе, биографией Бетховена, частично переведенной на русский язык; немецкий музыкальный мир ценит в нем, главным образом, тонкого знатока современной музыки и убежденного борца за коренное обновление искусства. Эти основные качества критического таланта Беккера делают появление полного собрания его сочинений явлением далеко неместного значения, выходящего за пределы страны, где они печатаются. Несколько небольших брошюр Беккера («Симфония от Бетховена до Малера», «О современной музыке» — в библиотеке брошюр по теории экспрессионизма «Трибуна» «О мировом значении немецкой музыки»), уже переведенных на русский язык, ждут своего появления в русском издании.

«Звук и Эрос» — собрание статей на самые разнообразные темы музыкального прошлого и настоящего, этюды, исполненные силой и дисциплиной музыкально-критической мысли. Беккер во всех своих работах исходит из тонко ощущаемой им связи между музыкой и общекультурными явлениями эпохи. Он большой мастер в деле раскрытия своеобразной социологии музыкального творчества, социальной эстетики формы, того культурно-аналитического подхода к сложнейшим явлениям современного музыкального творчества, еще почти совсем незнакомого русской музыкальной критике. Примечательно, что один из лучших западно-европейских знатоков музыкальной формы пишет языком, доступным всякому среднему любителю искусства.

Современного русского читателя заинтересовали бы, вероятно, отчеты Беккера о постановках новейших музыкальных драматических произведений, для нас находящихся «вне пределов досягаемости». Все еще смутны для нас пути западно-европейской оперы после Вагнера, и имена Шреккера, Делиуса, Резничека, Равеля, Дюкаса, Гиндемита, Корнгольда не ассоциируются у нас с представлением о сдвиге в послевагнеровской музыкальной драме и театральной культуре. Всем этим авторам Беккер посвящает превосходно-показательные этюды, содержание которых, к сожалению, не передаваемо в сжатых чертах. Отдел «идей» в этом сборнике содержит очень ценные очерки об «эпосе в музыке», о «симфоническом стиле»

одном из самых трудно уловимых понятий музыкальной эстетики и, наконец, об «эросе (своеобразно обаятельной силе звука) в музыке», давшем сборнику его заглавие.

Евг. Браудо.

ЧАЙКОВСКИЙ. Воспоминания и письма. Под редакцией Игоря Глебова. Госуд. Акад. Филармония. Ленинград. 1924 г. 231 стр. Тираж 2000.

Русская литература о музыке и музыкантах стала в последнее время пополняться не только исследовательскими (всегда у нас очень немногочисленными) и популярными работами, но и собраниями вновь опубликовываемых материалов-источников изучения обстановки, в которых протекала деятельность русских композиторов. Скрябин, Чайковский, Римский-Корсаков вызывают к себе внимание не только, как творцы самостоятельных музыкальных ценностей, но как явления социального порядка, как выразители определенного жизнеощущения, в связи, разумеется, с теми звуковыми проблемами, какие ими устанавливались. Разнообразятся отправные точки исследования, корректируется понимание творческих процессов на основании раскрывающихся привходящих фактов, иногда на первый взгляд мимолетного значения. В частности для выявления тех данных, какие слагали русское оперное искусство, немаловажно восстановить условия, в каких пребывала наша сцена в прошлом. Успех или неуспех иногда самого значительного из оставленного нам лучшими русскими музыкантами, а отсюда ряд последствий для всего развития звукового искусства на сцене зависел и от ряда причин, крепко связанных с административной жизнью театра и личными вкусами тех, кто был с ним. В этом смысле куски из того, что сейчас печатается по истории русской сцены, часто приобретают особый интерес; кризисы и достижения русской оперы не могут быть уяснены без широкой картины борьбы Мусоргского, Корсакова, Чайковского со сценической техникой и эстетического штампа их времени.

Вышедшая книга о Чайковском дает для интересующихся судьбами русского искусства эти страницы музыкальной культуры,—страницы о старом казенно-театральном Петербурге восьмидесятых и девяностых годов минувшего века. Воспоминания старейшего из живущих ныне композиторов, А. К. Глазунова «Мое знакомство с Чайковским» являются лишь данью уважения к большому имени. Новых фактов в них мало, рассказанная встреча Ч-го с балакиревцами (т.-е. кружком «новой русской школы») уже приводилась ранее в печати, почти теми же словами (впрочем в малоизвестном материале — в одном из писем участника встречи). Для композитора иной школы и формации эти воспоминания написаны тепло, и только. Очень сомнительно предположение Глазунова о большем тяготении Ч-го к творчеству Антона Рубинштейна, чем, например, к Листу. Так наз. классицизм Рубинштейна, т.-е. наследственное и ортодоксальное восприятие формы немецкого музыкального искусства было, конечно, приемлемым для его ученика, но едва ли звуковой материал и такие важные в творчестве Чайковского элементы, как напр., инструментовка и тематизм Рубинштейна, были образцами для автора «Франчески». Напротив, его влекло к симфоническим поэмам с широкими и свободными звуковыми задачами; свежесть и насыщенность его оркестровой ткани ведет свою генеологию от Листа (не считая любимого им в молодости Литольфа) и даже от Вагнера, поскольку последний мог увлекать смелостью и независимостью своих приемов вообще, вне зависимости от непосредственно технических воздействий (гармонии, системы тематизма и пр.). В свое время Чайковский и подвергался упрекам от консерваторов за «шумный» оркестр и «грандиозность» задач, будто бы не соответствующих его только «изящно-лирическому», «женственному» дарованию. Но ценно следующее признание такого выдающегося симфониста, как Глазунов, художника с другими музыкально-идеологическими предпосылками в то время, когда Ч. слыл представителем консерваторской рутины.

«Я начал преклоняться,—говорит Глазунов,—не столько перед тематическим материалом его творений, сколько перед вдохновенным развитием мыслей, темпераментом и совершенством фактуры в целом». Для истории же русской оперной сцены, о чем было говорено выше, представляет значительный интерес материал вспоминаний В. П. Погожева и его переписка. Здесь мы находим режиссерские дневники (Г. П. Кондратьева), любопытные по своей наивности и отчетливо восстанавливающие психологию чиновника-обывателя, от которого часто зависел характер художественного оформления крупнейших муз. сценических явлений. Первые петербургские постановки «Онегина», «Чародейки», «Пиковой дамы», с деловыми и бытовыми комментариями Погожева и историческими Иг. Глебова рисуются в атмосфере очаровательной простоты блаженного непонимания всего значения оперного искусства Чайковского. Окраска эпохи и петербургского театрального быта особенно живо воспринимается при постановке «Пиковой Дамы», с ее служебными курьезами; это пересечение — «служения большому искусству» с деятельностью бюрократических попутчиков всегда поучительно (не только у нас, конечно). Наблюдения опытного и дельного управителя, каким. несомненно, был В. П. Погожев, придают характер серьезности этим заметкам, суждения его ценны своею достоверностью, как человека, вникавшего в ход театральных событий своего времени. Отражением взглядов его среды является указание о причинах неуспеха «Чародейки», одной из замечательных опер русского репертуара, в свое время неполучившей должного признания и сохранившей штемпель неудачности до сего дня. Приведем здесь правильный, по нашему мнению, редакционный коррéктив Иг. Глебова по вопросу о «Чародейке». «Конечно, теперь для каждого, кому детально знакома партитура «Чародейки», ясно, что она — одно из выдающихся ярких драматических произведений Чайковского, при чем анализ, и конструктивный и стилистический, указывает на мастерство зрелого художника, осознавшего средства выражения. Неудачу «Чародейки» следует отнести к неподготовленности публики, которой опера пришлась не по вкусу, и артистов (кроме Стравинского), которым опера оказалась не по плечу. Особенно, конечно, досадно за Павловскую, исполнительницу центральной роли. Если судить по переписке ее с Чайковским в период создания последним «Чародейки», Павловская, повидимому, не могла понять увлечения композитора характером кумы Настасьи, ни вникнуть в его замысел, как ни старался Чайковский внушить ей свои мысли и чаяния (см. «Жизнь П. И. Ч.». III, 32, 39—40, 41, 70, 178—179, 182). Добавим к этому, что Э. К. Павловская была одною из наиболее интеллектуально одаренных оперных певиц русской сцены в ту эпоху.

Довольно обширная переписка композитора с музыкальным руководителем Мариинского театра Э. Ф. Направником (1872—1893), являющаяся третьей частью книги, представляет интерес для более узкого круга специалистов. Но в освещении с хорошим комментарием редактора она дает ясное продолжение той же линии — взаимоотношений композитора с петербургской театральной средой; если с Погожевым эта связь в области административной, то здесь в музыкальной. Крупная фигура Направника не умаляется в своем значении, а восстанавливается. Последовательность, художественная убежденность и знание дела — эти качества попрежнему остаются за ним, несмотря на принципиальное расхождение в понимании оперных задач и с Чайковским, и с Корсаковым и с Танеевым.

Вас. Яковлев.

Проф. В. К. СЕРЕЖНИКОВ. Искусство художественного чтения. Вып. I. Музыка слова. Госиздат. 1923 г. М. Стр. 148.

Автор преследует две задачи: с одной стороны, он предлагает пособие для чтецов, актеров, певцов, композиторов, ораторов, с другой — «систематическое научно-популярное изложение всей теории искусства художественного чтения» (из предисловия).

Обе задачи остались нерешенными: практических конкретных советов, практической системы и методов книга не дает, в то же время нет единства, систематичности теории, а главное, автор базируется на неверных допущениях.

Основные понятия определяются в разных местах книги, часто ближе к ее концу; часто они не отграничены друг от друга; много несогласованности. Одна лишь первая глава построена в диалоге. Эта труднейшая форма обязывает, она требует совмещения абстрактного систематического изложения с формой живой речи. Ведь Платон, Дж. Бруно, да и В. С. Соловьев неповторимы. Проф. Сережников, конечно, почувствовал ложные неживые интонации своей беседы с ученицей. Почему же он оставил важную I главу в таком эскизно-разбросанном виде?

В изложении теории художественного чтения проф. Сережников исходит из неверного, ничем не обоснованного положения, что «слово—это зародыш того (тех интонаций. *С. Б.*), что мы видим в фразе: в слове и фразе одни принципы». Но ведь живая речь (живая, т.-е. интонируемая) есть определенное законченное выражение. Слово, слог, даже звук (междометие) приобретают определенную речевую интонацию только тогда, когда они являются таким законченным выражением, скажем условно, предложением (все примеры проф. Сережникова именно таковы). Слово и слог вне выражения - предложения являются абстракциями, подсказанными письменным начертанием живой речи, неделимой на слова, слоги, звуки. Интонация в речи управляется логико-эмоциональными процессами и внезвуковыми ассоциациями (в противоположность музыке, где интонация вызвана композицией, т.-е. звуковым строем произведения и эмоцией исполнителя). Исходя из ничем не вызванной интонации слога, слова нельзя построить органической, реально существующей интонации речи (предпочитаю заменить «музыку речи» «интонацией речи», ибо интонация включает элементы оформления, общие и музыке и речи).

Звуки, слоги, слова заключают лишь отдельные элементы интонации: звуки—это тембры с некоторыми остатками высот (странно, что проф. Сережников, прибегая к неясному термину «фонетический тембр», нигде не определяет так наз. «звуки» речи, как тембры), слоги—это тембры с динамическими отличиями, слова — тембры с динамическими отличиями — ритмом.

Для теоретика и практика-чтеца (напр., в вопросе о так наз. «напевном» чтении) важно: во-первых, ясное различение речевой интонации от музыкальной, во-вторых, различение интонаций разговорной, поэтической и театральной. Читатель найдет по этим вопросам лишь разбросанные в разных местах книги, при том не всегда согласованные суждения. Так, напр., принимая взгляд Ш. Летурно о происхождении музыки и речи из одного источника, проф. Сережников принимает и противоречащий ему, идущий от Спенсера, что «пение есть удлиненная музыка речевого слова», он говорит также, что «слово есть пение», а между тем (стр. 12 — 13), знает кардинальную разницу между чтением и пением. С этого следовало бы начать изложение теории. Также неопределенны в книге грани между речью разговорной и омузыкаленной, благодаря композиции стиха и прозы, речи поэтической. Изложение некоторых данных общей фонетики и стиховедения (о стилистике прозы нет речи) не ведет к указаниям в области интонирования и потому кажется лишним привеском. Постановка вопроса «о наибольшей музыкальности слова», о звучащих словах делает впечатление, будто автор смешивает задачи композиции поэта с задачами интонации чтеца.

В области основных элементов речевой интонации в книге значительная путаница определений и функций. Ритм смешивается с темпом (в определение ритма включается замедление и ускорение), ритм с динамикой (в понятие ритма включено ослабление и усиление звука), динамика с мелодией (в трактовке акцентов слова), мелодия с гармонией (последняя определяется, как повышения и понижения), гармония с ритмом (в понятие гармонии включена симметрия формы — согласие и единство между частями мелодии), а между тем, подлинно гармонический элемент (звукоряды, их модуляции) не подлежат исследованию. Метр

совершенно не отделен от ритма; о речевом такте, ставшем после исследований Сиверса общепринятой реальностью, нет и упоминания.

Все недочеты книги проф. Сережникова объясняются, думаю, тем, что автор исходил не от богатства своего опыта и наблюдений, подкрепленных чужими теоретическими схемами, а из чуждых ему отвлеченных несогласованных построений авторитетов. Поэтому книга проф. Сережникова, как практическое руководство, не заменит «Моей студии» О. Э. Озаровской и, как теоретическое исследование—работ Б. Эйхенбаума «Мелодия стиха» и особенно В. Всеволодского-Гернгросс «Теория русской речевой интонации». Кстати, все три работы вне поля зрения проф. Сережникова.

Сергей Богуславский.

Проф. ВАСИЛИЙ СЕРЕЖНИКОВ. Искусство художественного чтения. Выпуск II. Техника речи. Московское Академическое издательство. М. 1924 г. Стр. 144 8°. Тираж 3000 экз.

Исключительно практическое назначение второго труда проф. Сережникова делает последний полезной компиляцией особенно для чтецов не-профессионалов и, пожалуй, для преподавателей русского языка. Во вводной части читатель найдет сжато и ясно изложенные сведения по акустике и анатомии голосового и дыхательного аппарата, в основной — физиологию дыхания и упражнения в механизме смешанно-диафрагматического дыхания, наиболее целесообразного при пении и декламации, изложение приемов постановки голоса, упражнения в произношении, отдел орфоэпии, довольно обстоятельно изложенный, главным образом, по книге В. Чернышева.

Очень ценным приложением к работе В. К. Сережникова является научно, в то же время доступно изложенное обоснование постановки голоса, сделанное проф. Заседателевым, использовавшим самую новую западную литературу вопроса.

С методической точки зрения, пожалуй, целесообразно было бы сократить теоретическую часть и дать систематическое поурочное построение курса. При этом, думается, подверглись бы сокращению многие из упражнений по артикуляции, лишние для тех, у кого нет дефектов произношения и для кого русский язык родной.

В отделе орфоэпии следовало бы применить более дифференцированную научную фонетическую транскрипцию, чтобы не ввести учащегося в заблуждение относительно подлинного тембра и звука языка. Хорошо было бы указать основные отличия орфоэпии великорусского от малорусского и белорусского языков. На долготу гласных Сережников не обратил внимания.

Несколько частных замечаний.

Против плоского положения языка при вокализации существуют небезосновательные возражения: язык при извлечении звука должен сохранять свое естественное, напряженное положение — овальное.

Едва ли целесообразно давать для упражнений в произношении образцы, в роде тех, что напечатаны на стр. 79—80 или на стр. 88: «Клала Клара лык и лук в полдня пыл в чулан на полку». Такие образцы нынче редки и в букварях. Преподаватель художественного чтения не может забывать и о воспитании эстетического вкуса учащихся.

Из мелочей отмечу на неизменно набранное forto (сильно) вместо forte.

Сергей Богуславский.

М. ВЕПРИНСКИЙ. Театр в деревне. Выпуск первый, с рисунками. Издательство „Красная Новь". Главполитпросвет. Москва. 1923 г. Стран. 48. Тираж 10.000 экз. Цена не указана.

О многостороннем значении деревенского самодеятельного театра двух мнений быть не может. При современной нищете и технической отсталости нашего крестьянства это чуть ли не единственный вид культурной работы, возможной в деревне, который, не требуя больших затрат и наличия профессионалов, спо-

собен вызвать здоровую самодеятельность одних и дать культурное развлечение другим.

Клубный отдел Главполитпросвета, приступивший к изданию ряда брошюр методических руководств по деревенской клубной работе, совершенно правильно начал эту серию с брошюры по работе театральной.

Литература о самодеятельном театре у нас очень невелика. Кроме книжки Тихоновича «Самодеятельный театр» да 3—4 небольших брошюр и статей других авторов (Скородумов, Смышляев, Толбузин, Филиппов) по отдельным вопросам народного театра, мы не имеем в этой области почти ничего.

Тем с большей готовностью мы приветствуем появление популярной книжки М. Вепринского «Театр в деревне». Автор самым простым, общедоступным языком рассказывает о том, как нужно организовывать театральные кружки, как начать и вести работу над пьесой, по каким ступеням и с какой последовательностью должны итти репетиции и т. д. Уделено внимание также очень важной работе со зрителем и указаны схематически основные моменты работы над импровизацией и с массами.

Несколько сжато изложена часть вторая, посвященная практическим советам по оборудованию сцены, а также вопросам костюма и грима. Здесь очень бы не мешало привести больше иллюстраций.

В приложении даны: 1) примерный разбор пьесы: 2) страничка из книги Тихоновича «Самодеятельный театр», об организации костюмной части (к сожалению, без рисунков) и 3) краткий указатель литературы по театру.

Брошюра будет безусловно полезна и 10.000 тираж разойдется, вероятно, очень скоро.

Издана книжка неплохо. Несколько слишком схематично-конструктивен (для деревни) рисунок на обложке.

Николай Лебедев.

АЛЕКСАНДР ВОЗНЕСЕНСКИЙ. Искусство экрана. Руководство д я кино-актеров и режиссеров. Издательство „Совробкоп". Киев. 1924 г. Стр. 145. Тираж 5.000. Цена 1 руб.

Писать о кино пока очень трудно, ибо детскость возраста самого явления и гиперболический количественный и качественный рост его — предпосылки, отнюдь не способствующие систематизации фактов и созданию прочных теорий. Во всех областях кино (техника, мастерство, идеология) еще все спорно.

И не только у нас, с нашим хилым «кино-искусством», но и в более сильных кинематографиях Америки, Германии, Франции. Поэтому трудно ожидать в ближайшем будущем книг, которые сумеют целиком и достаточно серьезно охватить хотя бы один вопрос из числа многочисленных проблем кино.

Но от авторов кино-литературы, изредка издающейся в СССР *советскими* издательствами, мы все же в праве требовать двух вещей—*материалистического мировоззрения* и вытекающего отсюда *контакта с современностью*.

Изданная киевским «Совробкопом» книга Вознесенского ни к материализму, ни к современности никакого касательства не имеет. Вот первые строки этой книги:

«Если бы верить в богов и чертей, то следовало бы признать, что сам дьявол, желая вырвать из рук человечества одно из лучших орудий добра, стал сеять среди людей клевету на кинематограф. Клевета эта пышным цветом взошла, и кинематограф — благороднейшее из искусств — звучит, как слово поругания и посрамления» (вступление).

Дальше читатель, не верящий «в богов и чертей», надеется узнать, почему возникла сия «дьявольская клевета», но вместо этого автор еще выше и выше возносится в небеса:

«Кинематографический сюжет», «пьеса для кинематографа» и другие похожие выражения принято поныне применять для того, чтобы указать на фальшь и пошлость какого-либо художественного произведения. Какая боль и печаль для искусства, не терпящего никакой фальши и никакой пошлости! Ибо искусство экрана, вся сущность его — есть искание

того, что никогда не бывает ни лживо, ни пошло».

Выспренность этих первых строк (не говоря уже об их смысловой абсурдности) заставляют вас насторожиться: что-то не звучит сей «стиль» сегодняшнему уху.

Но чем дальше читаете вы эту «ангельски-вопиящую» лирику, тем все больше и больше становится не по себе. Море лирико-идеалистической воды, в которой безнадежно тонут немногие сомнительные «истины».

Дабы не быть голословным (насчет «воды») приведу наугад несколько выдержек.

Что должен знать, по Вознесенскому, актер кино?

Кроме всего прочего.

«Нельзя считать серьезным претендентом на художественную деятельность в области экрана современного человека, который не интересовался бы боксом, Штейнахом, йогами, радио-телефоном, сонной болезнью, джаз-бандом, Маринетти, ацтеками, Евреиновым, американизмом, Фрейдом, фокстротом, проблемами Достоевского, проблемами Маркса, музыкой Дебюсси, живописью Пикассо, Чарли Чаплиным, Рурской оккупацией и соседкой, что живет напротив. Всеохват, вселюбопытство и вселюбознательность. Книга и жизнь. Тишина и волнение. Бунт и улыбка. Вселенная в комнате. Комната во вселенной».

Какой грациозный «всеохват»: «фокстрот», проблемы Достоевского и проблемы Маркса»!

Или вот серия эпиграфов к собственному «примерному сценарию»—«Бог»:

«Давно пора тяжкую ношу мира с плеч старого бога переложить на плечи молодого человечества».

Ал. Вознесенский (стр. 33).

«Если бог пишет книгу жизни, то человек должен ее исправить, ибо в ней попадаются ошибки».

Ал. Вознесенский (стр. 40).

«Слава всему, что рождает новую жизнь. Даже бич стал прекрасен, когда им прогнали торгующих из храма».

Ал. Вознесенский (стр. 46).

«Нет на земле ничего, что бы не достиг человек, если он скажет себе: «Хочу».

Ал. Вознесенский (стр. 52).

Так над каждой частью сценария эпиграф и подпись — Ал. Вознесенский.

Вообще у автора большое пристрастие к цитатам «из себя»: на странице 30 приводится цитата из его сценария «Бухгалтер Торбин»; на стр. 27 приводится полностью старая статья «Наследник Толстого»; на стр. 132—цитата из его же пьесы «Актриса Ларина»; дальше целиком «Открытое письмо Н. И. Немировичу-Данченко и К. С. Станиславскому» (стр. 139) и, наконец (опять целиком), приведены два прескверных собственных сценария «Бог» (стр. 32—65) и «Завтра» (стр. 74—92).

Кроме себя он цитирует еще Леонида Андреева, Евреинова и сотрудника театрального журнальчика «Экран», Додонова...

Словом, жил-был лет десять назад в затхлой Вербицко-Андреевской атмосфере некий комнатный человечек, надумал в те времена какие-то дешевенькие о кино мысли, а ныне киевский «Совработкоп» тиснул их в качестве «руководства» для государственных кино-студий и советских кино-режиссеров.

Книга совершенно оторванная и от современного кино-производства, и от современности вообще. Книга всесторонне не нужная, а если принять во внимание, что на нее набросится многочисленная учащаяся в кино-школах молодежь, то и вредная.

Николай Лебедев.

СПУТНИК ПО ПЕТРОГРАДУ И ЕГО ОКРЕСТНОСТЯМ. — Художественно-историческая часть под редакцией Э. Голлербаха. Издание «Жизнь Искусства». Петроград, 1924 г. Стр. XVI+312+XVI с 28 рис. в тексте. Тираж 6000. Цена не обозначена.

Составление всякого «Справочника» налагает немалые обязанности, особенно по таким мировым центрам как Петроград, хотя здесь задача облегчается имеющейся обширною литературою и значительною разработкою вопроса. К «Справочнику» нельзя предъявлять тех притязаний, что к «Путеводителю», но оттенок путеводительства неизбежен в «Справочнике», поскольку последний, ну-

тем характеристики даваемых сведений, направляет внимание пользующегося в ту или иную сторону. «Цель настоящего издания», читаем на стр. 3, «помочь всякому приезжему и незнакомому с Петроградом ориентироваться в административных учреждениях, производственных и торговых предприятиях города, а также в его художественно-исторических памятниках»... «описание города по необходимости очень кратко, художественно историческая часть... содержит только беглый обзор города в его прошлом и настоящем» (стр. 3).

Действительно, лик великого города почти не намечен, и если о музеях еще даны весьма краткие указания, то сам Петроград, единственный в свете строгий архитектурно-пейзажный ensemble, решительно забыт: получается впечатление, словно все бесчисленные учреждения существуют где-то в пространстве. Зато посчастливилось торговой стороне города (ресторанам, банкам и т. д.): рекламы ошеломляют не только в начале (первым стоит объявление о завтраках, вине, пиве и прочих злачных вещах) и в конце, но врываются и в текст (стр. 33, 58, 59, 60, 172).

Весьма слабы части историческая и революционная: не упомянуто знаменитое наводнение 1824 г.; на стр. 127 читаем, что «в 1826 г. на валу [Петропавловской] крепости [казнены] декабристы Рылеев, Каховский, Муравьев-Апостол, Пестель, Бестужев-Рюмин и т. д.— очевидно, жуткие «и т. д.» прибавлены для вящего устрашения читателя; на стр. 132 («Елагин остров») забыто про покушение в 1906 г. на Столыпина.

Определенная спешность «производства» разбираемого «Спутника» выразилась в забавных терминах, датах, фактах и в откровенной компиляции. На стр. 83 («Эрмитаж») сообщается, что в Эрмитаже имеются «памятники классического востока Египта и Месопотамии» (начертание здесь «классического востока» с маленькой буквы и пропуск скобок перед «Египта» и после «Месопотамии» лишает фразу научного смысла); на стр. 84 из предложения «Отдел состоит из собрания монет и разных (резных?) камней, из которых монеты занимают...» можно сделать заключение, что монеты относятся к числу камней. Иногда сведения настолько неожиданны, что половину ответственности за распространение их должна взять на себя корректура, стр. 94 («Зоологический музей»): «Богатейшее собрание чучел животных и рыб (скелеты мамонта, кита) черепах, змей». Такая справка коренным образом перестраивает все основы науки о животных тем, что, во-первых, мамонтов и китов причисляет к рыбам, а, во-вторых, исключением всех рыб (вместе, конечно, с мамонтами и китами), черепах и змей из разряда животных, в коем остаются только... одни животные; на стр. 95 снова сенсация («Институт имени Лесгафта»): «Очень большое собрание чучел зверей, рыб, рисунков и пр.»; кто виновен здесь за пасквиль на рисунки, будто из них можно набивать чучела?

Нередко при упоминании памятников зодчества нет даты (напр., стр. 110), о других годы сооружения перепутаны (стр. 100—годом окончания стройки собора Александро-Невской Лавры показан 1890 вместо 1790), относительно третьих ничего не поймешь (напр., на стр. 111—про церковь Петра и Павла сказано, что она «постройки арх. Брюллова 1832 г. романской эпохи»). На стр. 101 отход первого поезда Николаевской ж. д. зачем-то помечен 1778 годом.

Если порою встречается удачное описание памятника, то оно оказывается почти что списанным с очерка В. Я. Курбатова (когда речь идет о городе), то с «Царского Села» С. Н. Вильчковского. На стр. 109 «Справочника» читаем про Казанский собор: «Здание является в целом завершением нео-греческого стиля, инициатором которого был Палладио. В отличие от Бернииевского торжественного, почти замкнутого полукруга, Воронихин воздвиг стройную, развернутую дугою колоннаду»; о том же соборе Курбатов (стр. 172 слл.): «... здание в целом является завершением того нео-греческого стиля, который был начат Палладио... Но в отличие от бернииевского торжественного и почти что замкнутого полукруга здесь стройная сильно развернутая дуга»; на стр. 239 «Спутника» про Большой Церкосельский дворец: «Фасад дворца имеет некоторую

непропорциональность, так [как] Растрелли пришлось считаться с уже существующими зданиями» (ср. со стр. 80 у Вильчковского: «Так как Растрелли все же должен был считаться с уже выведенными частями здания, то весь фасад дворца отличается некоторою непропорциональностью». Турецкая баня в «Справочнике» (стр. 257): «Внутри баня великолепно отделана в мавританском стиле»... (ср. Вильчковский, стр. 161 сл. «Турецкая баня внутри великолепно отделана в мавританском стиле»). Про статую Христа, работы Даннекера («Спутник» стр. 260): «произведение это носит, помимо красоты и духовного величия, еще печать благочестия» (ср. Вильчковский, стр. 199: «Произведение этого скульптора, помимо художественной красоты и духовного величия, носит еще печать благочестия»)

Думаем, что и приведенных небрежностей вполне достаточно для беспристрастной оценки «Спутника»: составлен он явно на скорую руку лицами, несколько легкомысленно отнесшимися к городу «Медного Всадника». Такой «Спутник» с неменьшим успехом мог изготовить и провинциал, даже не бывавший в Петрограде, но обладающий хорошей о нем библиотекой. В «Указателе» пропущены некоторые важные работы (А. И. Успенского, статьи в «Мире Искусства», «Старых Годах»). Издан «Справочник» посредственно, рисунки все отпечатаны с клише курбатовского очерка; обложка, за исключением вида Адмиралтейства, крикливо-безвкусна со своими цифербатными розами. Отсутствие необходимого плана Петрограда и его окрестностей чрезмерно затрудняет пользование книгою.

Н. Щербаков.

РАЗНЫЕ.

1. Х. КАПАБЛАНКА. Моя шахматная карьера. *С. Киперганя.* — 2. Х. КАПАБЛАНКА. Основы шахматной игры. *С. Киперганя.*

Х. Р. КАПАБЛАНКА. Моя шахматная карьера. Пер. с англ. В. И. Нейштадта. Лен. 1924. Стр. 140. Тир. 3000.

Необыкновенный успех Капабланки в шахматном мире создал ему, как этого и следовало ожидать, мало друзей. Уже после первых его выступлений русский довольно сильный маэстро Бернштейн уверял, что стиль Капабланки, это—стиль деловой Америки: «время—деньги» и что на этом и заканчивается шахматная философия американского маэстро. Ласкер, проигравши матч Капабланке и комментируя это прискорбное для него обстоятельство, после вежливых похвал, огорчался узостью кругозора Капабланки, который-де не ставит себе в партии иных задач, как выиграть ее во что бы то ни стало. Новейшая школа (гипермодернисты, Рети, Тартаковер, Боголюбов и др.) открещиваются от Капабланки, при чем один из них поет славу комбинации, как особому роду шахматного творчества, который будто бы отсутствует у Капабланки, а другой обращает внимание читателя на вещи, трудно уследимые, как например, на то: «сколько искренности вкладывает Рубинштейн» в свои комбинации. Так создается своеобразный шахматный идеализм, с точки зрения которого, очевидно, лучше искренно проиграть, чем неискренно выиграть, при чем критерий этой искренности темен и явно неуследим. И у нас недавно московский маэстро Греков очень сурово отозвался о книжке Капабланки «Основы шахматной игры», ибо там есть пара недосмотров по теории, а вся книжка написана не так, как полагается писать учебники. Ласкер отозвался о книжке этой почти презрительно. Сверх того припоминается, что когда П Морфи, приехав в пятидесятых го-

дах прошлого века в Европу, стал бить одного за другим таких прославленных игроков, как Левенталь, Берд, Гарвиц, а после этого блестяще выиграл матч у сильнейшего игрока того времени Андерсена, то немецкие комментаторы (напр., М. Ланге, см. в изд. Вейта. Лейпциг. 1881) уверяли, что матч игрался в Париже, где Андерсен тосковал по родине (а в Гаванне было слишком жарко для Ласкера), и что вообще, конечно, Морфи был великий практик шахматной игры, но Андерсен был и останется величайшим шахматным мыслителем. Что же до «искренности», то, конечно, обладая и очень скромными познаниями в шахматах и очень ограниченной практикой, легко видеть, как в игре любого шахматиста полностью отражается он весь, как человек,—и отсюда понятно, что таким фантастам, как Тартаковер (он поэт, между прочим), игра Капабланки кажется слишком сухой.

Но предлежащая книжка, независимо от всех этих соображений, несомненно, принесет много приятного всякому шахматисту. Правда, Капабланка не упускает случая кольнуть переигранных им спецов (напр., этот-де ход никуда негодится, но так играл Ласкер, и я думал, доверяясь его авторитету, что это не плохо... и т. п.) и насчет саморекламы мало стесняется. Но это, в конце-концов, его личное дело, а читатель обращается, конечно, главным образом к материалу книжки, а не к ее стилю. Игра Капабланки отличается необыкновенной точностью и ясностью. Еще Ласкер когда-то превозносил здравый смысл в шахматах, а Капабланка — это истинное торжество шахматного здравомыслия. Если Капабланка добился в партии хотя бы ничтожного преимущества, то его противник может спокойно сдаваться: Капабланка не выпустит этого преимущества из рук, а все, что произойдет далее, будет усилением этого преимущества. Партии из его матча с Маршаллем, одним из сильнейших игроков мира, показывают борьбу двух совершенно разных темпераментов: Маршалль создает исключительные по остроте положения, все время пускаясь в самые рискованные авантюры, дабы сбить противника с толку, но это годится с рядовым маэстро, а не с Капабланкой, который, тонко и точно разрешая положение, делает из рискованных выпадов Маршалля совершенно резонный вывод,—они обращаются против того, кто их затеял. Особенно поучительны те партии, где на Капабланку обрушивается атакующий противник. Такова, напр., партия с Девидсоном и Фергюссоном. Союзники (на черных) создают несомненную и весьма на вид опасную атаку на королевском фланге. В ответ на это Капабланка, почти ничего не предпринимая на королевском фланге, развивает в два—три хода свою пешечную позицию на ферзевом, через линию «а» вводит в игру ферзевую ладью, после чего атаки как не бывало, а Капабланка меняется и выигрывает, получая преимущество в пешечном конце именно на ферзевом фланге. В 6 партии с Маршаллем (испанская с защитой: 3...d6), черные (Маршалль) сложной диверсией коня через h7 подготовляют продвижение с целью атаки пешки f7. Но маневр слишком громоздок. Капабланка оценивает именно эту громоздкость, и пока Маршалль возится с конем и пешками королевского фланга, подводит к позиции короля легкие фигуры, после чего немедленно выясняется, что пешка f не может быть продвинута, конь застрял бесполезно на h7, а белые получили матовую атаку. Замечательна партия с Яновским на Сен-Себастьянском турнире: партию эту Капабланка уже проиграл, но в самый последний момент Яновский, будучи совершенно уверен, что партия останется за ним, не сумел сделать выигрышного хода и ухитрился проиграть наверно выигранную партию. Это говорит о величайшей тонкости защиты Капабланки; она построена так, что может выдержать наиточнейшую атаку, такова защита, или, лучше сказать, сопротивление, в заведомо проигрышном положении: оно настолько сильно, что при малейшем промахе со стороны атакующего, все достоинства его положения не только аннулируются, но и превращаются тут же в слабости, ибо, как очень тонко показывает Капабланка в партии со Скоттом (№ 35. ферзев. пешки), хорошее положение для

атаки никуда не годится в целях защиты. Чрезвычайно интересна также партия с Маршаллем (испанская № 31), где Капабланка вполне сознательно шел на то, чтобы дать возможность черным атаковать его, выдержал бешеный натиск Маршалля, отбился и выиграл партию. Любопытно, что вся защита Капабланки в этой партии построена на угрозе матовой контр-атаки: слон на b3 и ферзь на f3 постоянно давят на пешку f7 у черных, и черные, атакуя, лишены необходимой свободы движений. Именно этот блестящий логизм положения и привлекателен у Капабланки. Конечно, и у него бывают промахи, и он выигрывал (как было с Ласкером в Гастингсе) уже проигранные партии из-за вялой игры противника, но сила его в том, что по большей части он сам создает позицию, вынуждающую противника к слабой игре. Партия с Корцо в Гаванне показывает, напр., как Капабланка в закрытой партии умеет использовать неумеренный атакующий темперамент противника, который не то чтобы ошибается, а просто надеется в стесненной партии для черных (Капабланка на черных играет индийскую), немедля получить атаку и перевес. Тогда Капабланка, рискуя запереть своего черного слона, на седьмом ходу выводит в игру ферзя, вслед за чем белые быстро теряют центр, теряют возможность длинной рокировки, а засим черные получают необыкновенно изящно проведенную Капабланкой атаку.

Всего богатства этой небольшой книжечки не перескажешь. Мы уверены, что она доставит много удовольствия всякому любителю. Примечания Капабланки очень невелики, но всегда исчерпывающи, просты и очевидны. Игра чемпиона мира — некоторое совершенство, его соображения о ней не менее интересны. При теперешнем увлечении шахматами у нас, книжке обеспечено многое множество усердных читателей.

С. Киперганъ.

Хозе-Рауль КАПАБЛАНКА. Основы шахматной игры. Перевод с английского Д. М. Горфинкеля, с предисловием председ. всерос. шахм. союза С. О. Вайнштейна. «Жизнь Искусства». Лнгр. 1924 г. Стр. 162. Тир. 2000. С портретом автора.

Шахматная карьера Х.-Р. Капабланки, уроженца острова Кубы, земляка фантастического Морфи, необычайна и головокружительна. Он выдвинулся неожиданно, сразу показал себя шахматным артистом великой силы и быстро сделался чэмпионом мира, «шахматным королем», выиграв матч у д-ра Эммануила Ласкера, нашего недавнего гостя, который не смог выиграть у него ни одной партии. Когда-то Стейниц, чэмпион мира до Ласкера, создатель «новой» школы, основатель «позиционной» игры, сказал, что шахматы — слишком игра, чтобы быть искусством, и слишком искусство, чтобы быть игрой. Математик причислит шахматы к математическим развлечениям, они в математическом аспекте сродни магическим квадратам, играм, основанным на некоторых разделах теории чисел, или анализе-ситус. Но количество комбинаций на шахматной доске столь неисчислимо громадно, что расчету поддаются только очень простые положения, можно рассчитать в самом конце, когда на доске остались одни короли да пара пешек, который король раньше займет оппозицию или какая из пешек скорей добежит до крайнего поля, где и получит венец королевы. Таким образом, практически в шахматах возможны лишь интуитивные оценки положения и разрешения поставленных коллизий. Талантливость на такого рода интуицию, нередко связанная с математическими дарованиями (д-р Ласкер — математик), встречается не так часто, число хороших игроков «маэстро» очень невелико, но при сравнительно небольшом знакомстве с сущностью шахматной игры и маленьком навыке к доске (маэстро знают доску настолько хорошо, что играют, как наш Алехин, больше 20 партий сразу, не глядя на доску и не видя расположения фигур) легко войти в смысл шахматных комбинаций и стать любителем и гутатором этих сложных ситуальных проблем, где все подстлано

простой на вид двоичной периодичностью смены ходов противников, и где каждый ход меняет систему узлов путей, тупиков, мостов, с которыми имеет дело геометрия положения, где существуют нераскрытые закономерности транспозиций, где самый процесс мутаций ситуальных систем связан друг с другом практически коррелятивно. Именно способность предугадать эту смену систем и избрать наиболее выгодную для себя и наименее выгодную для противника и есть сущность дарования шахматиста. К этому добавляются тонкие условия самой игры: желательно, чтобы подготовка наивыгоднейшей для меня системы происходила в таком порядке, чтобы до поры до времени противник не понимал вполне моего плана мутаций ситуальных систем, чтобы недостаточная чистота плана противника мною немедленно использовалась в свою пользу, чтобы вся партия была проведена в определенной системе, наконец, чтобы в партии были красивые места, под чем условно понимаются тонкие ловушки, на которые такой мастер Алехин, или жертвы, то-есть отдача противнику нескольких фигур (чем фигура выше, тем жертва эффектней) с целью получить такую ситуацию, которая приведет к его быстрому разгрому. Неожиданность результата также ценится высоко. Таким образом, хотя очень немногие могут надеяться достигнуть высот игры маэстро, понимать эту игру может почти всякий, а при наличии равной силы противника, сама игра представляет собой здоровый мозговой отдых. Приятно отметить, что после революции (до революций, как это не дико, шахматы были признаком «крамолы»,—в московских кафе было запрещено играть в шахматы) шахматная игра очень развилась, и количество шахматных кружков исчисляется сотнями.

Книжка Капабланки, очень мило изданная, в выгодную сторону отличается от старых руководств (Шифферса, Дюфреня-Чигорина и многих др., не исключая хандбуха Бильгера), что в ней нет неисчислимого перечисления дебютов (начал игры), которые постоянно меняются, и не дают ученику ничего положительного, ибо если он и будет знать наизусть сотню начал, он все же их смысла понимать не будет,—а очень просто и умно изложены принципы разумной и осторожной игры в начале, в середине партии (о чем обычно вовсе раньше не говорилось) и конце. Приведено небольшое количество партий, по большей части разыгранных самим автором, с существенными и лишенными бесконечной терминологической путаницы примечаниями. Хорошо и ясно показана разница между солидной и планомерной игрой и пустяковыми эффектами, не дающими при правильной защите ничего серьезного.

Книжку можно рекомендовать всякому, кто хотел бы познакомиться с шахматной игрой и кто хотел бы пополнить свой опыт за доской достижениями больших шахматных артистов.

С. Кипергань.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

Уважаемый товарищ!

В интересах истины не откажите дать место на страницах «Печати и Революции» нижеследующей моей заметке о рецензии т. Ольминского на книгу т. Невского «Очерки по истории РКП.»

Перефразируя известное изречение Берне, я бы сказал: всякий критик имеет право брюзжать, но некоторые современные критики положительно злоупотребляют этим правом. Недавно одна из редакций сделала мне честь, прислав на мое «заключение» рукопись какого-то завсегдатая ее рецензентского отдела с критикой на книгу В. Невского «Очерки по истории РКП.». Я дал резко-отрицательный отзыв об этой, с позволения сказать, критике, которая напомнила мне из времен моего далекого детства воркотню моей бабушки...

Но не этот безвестный рецензент меня интересует. Он, может быть, и в самом

деле представляет из себя разновидность той высоко-лойяльной старушки, по адресу которой из уст поджариваемого на костре «еретика» сорвалось: «Sancta simplicitas!..» Дело в том, что рецензент ссылается на Истпарт: сам, мол, Истпарт ошельмовал книгу Невского, так уж мне, скромному рецензенту, и сам бог велел... Очевидно ему почудилось «а-ту его, а-ту!..» Ну, вот он и поусердствовал.

Хватаюсь поэтому торопливой рукой за истпартовский журнал: что, дескать, там оказалось такого, что ввело в соблазн «единого из малых сих» (а может быть, уже и не одного)? И действительно, в «Пролетарской Революции» № 5 (28) нахожу в библиографическом отделе отзыв о книге Невского высоко авторитетного партийного историка т. М. Ольминского и в отделе «Вокруг органов истпартовской работы» разъяснение «От Истпарта», имеющее целью устранить возможное недоразумение относительно причастности Истпарта к изданию книги Невского. Это «разъяснение» само нуждается в некоторых разъяснениях и поправках во избежание тоже кой-каких недоразумений. Но разговор на эту тему с т. Ольминским pro domo sua в настоящем письме я считаю неуместным. Что же касается библиографической заметки т. Ольминского, которую я прочел с тем бо́льшим вниманием, что являюсь лицом, заинтересованным в инциденте с изданием книги Невского (моему именно перу принадлежит инкриминированное мне т. Ольминским предисловие к этой книге с одобрительным отзывом о ней), то я не могу отказать себе в удовлетворении возникшей у меня потребности дать вслух откровенную оценку авторитетного истпартовского «подхода» к работе Невского.

Скажу прямо: этот «подход» далек от того, чтобы быть сколько-нибудь принципиальным (может быть, потому, что рецензент ограничивает свою задачу оценкой книги без предъявления к автору «строгих требований»), и вся сумма критических замечаний т. Ольминского сводится к набору таких мелочных заметок, которые действительно свидетельствуют о необычайно благодушной «нетребовательности» рецензента по отношению к объекту его критики. Вот образчики этой «критики».

Приводится длинная цитата из книги Невского, центр тяжести которой заключается в утверждении той мысли, что «интеллигенты и рабочие социал-демократы девяностых годов — это было героическое поколение нашей партии». На эту цитату рецензент реагирует длинным же пояснением, что упомянутые в цитате имена интеллигентов — социал-демократов того времени, доселе работающих в нашей партии, приведены некстати: Лепешинский, дескать, до декабря 1895 г. не был социал-демократом, а народовольцем, Ленгник работал в группе «молодых», которую не включили в организацию в виду близости к ней провокатора Михайлова («а известно,— пользуется случаем сделать сентенциозное замечание т. Ольминский,— что параллельная организация, в составе которой имеется заведомый (?) провокатор, составляет не помощь, а помеху») и т. д. Но к чему все это? По какому поводу шум? Ведь Невский в выписанной цитате говорит *о социал-демократах 90-х годов*, а не о непременных участниках Союза Борьбы 1895 г. С этой же точки зрения и Лепешинский, и Ленгник (фигурировавшие в числе 17, подписавших протест против credo в конце 90-х годов), и Скорняков, и Горев были, несомненно, социал-демократами 90-х гогов. Получается нечто в роде... капитана Копейкина.

— Но почему же,—настаивает рецензент,—названы эти четыре лица, а не другие?

Согласен, можно было бы много удачнее назвать для примера живых еще участников социал-демократической работы 90-х годов, но автор книги не задавался, повидимому, целью дать исчерпывающий список этих участников и оборвал свой перечень словами «и т. д.». И все-таки делать из этого целую «историю»—по-моему, не следовало бы.

Невский в своих «Очерках» посылает несколько комплиментов по адресу книги Лепешинского «На повороте». Рецензент имел полное право иронически отнестись к этой явно преувеличенной оценке книги Лепешинского (эта последняя представляет заурядный образчик

мемуарной литературы последних лет, по отношению к которому признание за ним некоторой полезности было бы совершенно достаточной похвалой). Но т. Ольминский не ограничился такого рода законной иронией и пустил в намеченную цель парфянскую стрелу: «как мог пропустить в печать т. Лепешинский свой собственный некролог?» Откуда сие? А вот видите ли, сие очень остроумно сказано по поводу фразы Невского: «Это человек (выведенный в книге «На повороте»), который не принимает ничего на веру, который только с бою отдает свои позиции или, вернее, умирает за них». Если даже согласиться с рецензентом, что здесь у Невского идет речь именно о конкретном лице—Лепешинском (а не об интеллигенте-революционере вообще в описываемую автором «На повороте» эпоху), то и тогда с *формальной* стороны ничего особенно смешного и одиозного в вышеприведенной фразе Невского нет. Для всякого бесхитростного читателя совершенно ясно, что Невский констатирует не смерть какого-то человека, а только его готовность умереть за свои революционные позиции. Конечно, быть может, было бы лучше (во избежание такого «недоразумения», жертвою которого стал, между прочим, и т. Ольминский), если бы Невский с помощью более уточненных стилистических приемов (ну сказал бы, напр., «в случае надобности умирает») устранил всякое подозрение насчет некролога о живом человеке, но разве же это сколько-нибудь существенно? Мне вспоминается из гимназических времен то веселое настроение, которое возбуждали у меня образчики критики эпохи Сумарокова. Эта критика сводилась исключительно к стилистическим выпадам. «Так сказать не можно»—то и дело глаголет со страниц хрестоматии Галахова какой-нибудь Аристарх XVIII столетия. Хотелось бы, чтобы современные критики не делали сто шагов назад по направлению к XVIII веку.

А чтобы совершенно доканать Невского («покончить с «научным» неряшеством его») рецензент на этот раз уже всерьез замахивается своим критическим стэком. «На стр. 387,—торжествует он,—одна и та же Е. Агрипская получает приговор: и ссылку на 3 года в Архангельскую губернию, и 2 года надзора по собственному выбору вне столицы и губ. городов». Опять-таки не скажу, чтобы это было слишком серьезное принципиальное замечание. А что курьезнее всего, так это то, что выписка Невского о приговоре не грешит противоречием истине: действительно, одна Е. Агрипская (Елизавета) была выслана в Арханг. губ. на 3 года, а другая Е. Агрипская (Елена) была подчинена только гласному надзору полиции (см., напр., приговор, приведенный в 1 т. «Собраний соч.» И. Ленина, стр. 627—628).

Стэк хлестко просвистел в воздухе, но по живому человеческому телу подвергающегося экзекуции Невского не попал.

Но над несчастным Невским снова повисла туча, насыщенная электричеством. Он, изволите видеть, вздумал перечислять состав центра первого «Союза» по признаку образования: 5 инженеров, 1 врач и т. д.—«Сколько дипломов», — усмехается рецензент, иронизируя по этому поводу над «подлинной «научностью» автора «Очерков». Это тоже пустяки!—А все-таки, я сказал бы, этот пункт в критике т. Ольминского является своего рода оазисом, ибо здесь хоть какой-то намек на принципиальную постановку вопроса можно усмотреть, хотя и не простым, а вооруженным лупою глазом. Действительно, как исходная точка для некоторых принципиальных рассуждений представляет интерес и такого рода вопрос: может ли иметь какое-нибудь научное значение рассмотрение тем или иным партийным «Нестором» состава интересующей его революционной организации по признаку социального происхождения ее членов, их образовательного ценза и т. д., или же все это представляет суетную и предосудительную погоню историка за подробностями, мимо которых его мысль должна пройти без задержки, как около малозначущих пустяков. Может быть, на этой почве и наклюнулся бы принципиальный разговор между товарищами Ольминским и Невским. Но, к сожалению, т. Ольминский не воспользовался случаем для принципиального подхода к такого рода вопросу и отделался ироническими кавычками («научность») и парою насмешливых слов.

Затем опять претензия: зачем, мол, хозяин фабрик (морозовских) именуется то Тимофеем, то Саввой Морозовым (кстати сказать, оба эти хозяина фигурируют в документах в подлинных словах рабочих)? Да просто потому, что был и Савва Морозов и Т. С. Морозов. А уж делать изыскание, в каком они были родстве или свойстве и на каких началах являлись совладельцами фабрики,— это было бы гораздо менее уместно в партийной истории, чем приведение данных об образовательном цензе участников крупной революционной организации.

«Все васильки, васильки...»—метался в ужасе апухтинский обитатель желтого дома. «Все мелочи, мелочи...»— может сойти с ума и читатель рецензии т. Ольминского. Да и сам рецензент начинает как будто бы чувствовать некоторую неловкость от своего кошмарного крохоборства. «Но это сравнительно мелочь»,—прерывает он свои упражнения со стэком,—а вот, «более серьезной неряшливостью является...» И снова бесконечный ряд «сравнительно мелочей». Невольно вспоминается при этом один из персонажей Глеба Успенского— какой-то прокутившийся в Париже русский купчик, который напрягает всю силу своей памяти, чтобы припомнить, куда он истратил тысячу рублей. «Ну первое дело — сапоги... ведь эвона, шутка ли сказать—восемь целкачей за них отвалил... Второе дело... да вот хотя бы эти самые сапоги...» И сколько раз ни пускал он в ход свою мнемоническую способность, сознание его все время упиралось в одни и те же сапоги.

С чего же начинает свои «серьезные» изыскания «серьезной неряшливости» автора «Очерков» т. Ольминский? Он выписывает цитату из книги о морозовской стачке, где подчеркивается то обстоятельство, что «организаторами, вдохновителями и руководителями этого революционного рабочего движения были рабочие и только рабочие». «Беллетристика» — презрительно отзывается об этой цитате рецензент, утверждая, что и раньше были примеры исключительного руководства стачками со стороны самих же рабочих, и оперируя с понятием «стихийности» по признаку предварительного знакомства с данным движением местной революционной организации. Между тем, достаточно было бы просто понять «стихийность», как антитезу «организованности» (хотя бы и без участия местной революц. организации), чтобы сейчас же отметить в этом отношении *высший* тип стачки 1885 г. (что Невский и сделал)—по сравнению с предыдущими стачками. Рабочие, выдержавшие морозовскую стачку, еще не представляли в полном смысле слова политически сознательной и дисциплинированной массы, но вышедшим из ее среды руководителям удалось все-таки десятитысячную толпу удержать в таких рамках организованного, сплоченного наступления на своих хозяев, что даже правительство не могло закрыть глаз на это действительно невиданное явление. В. И. Ленин в своей книге о штрафах, охотно подчеркивает то обстоятельство, что во время морозовской стачки из толпы были переданы начальству «условия, составленные самими рабочими, и что эта стачка является примером того, какую опасную силу представляют рабочие, когда они действуют вместе, и «особенно» когда масса действующих рабочих выставляет прямо свои требования». Если бы т. Ольминский захотел серьезно оспаривать то положение, что морозовская стачка не имеет себе в данном отношении равных примеров за все предыдущие периоды стачечных движений в России, если бы он склонен был квалифицировать ее как одно из заурядных явлений такого же калибра и такого же характера в период 70-х и 80-х годов, то в подобного рода оппозиции взгляду Невского был бы еще какой-нибудь смысл. В противном же случае получается просто полемический «пуф».

Далее идет речь об «обычном» смешении Невским Благоевской и Брусневской групп. В книге Невского мне не удалось усмотреть фактов такого смешения. Правда, Невский в одном месте говорит, что Н. Д. Богданов ходил в кружок рабочего Крутова (и, может быть, это и в самом деле фактическая неточность), но он вовсе не утверждает, что Богданов входил в кружок в *благоевское время*, как это думается рецензенту. И опять-

таки паки и паки погоня за мелочами. Все те же самые «сапоги».

Становится невыносимо скучно следовать шаг за шагом за рецензентом и повторять одно и то же: пустяки, мол, это все, совершеннейшие пустяки! Из всей коллекции «дефектов», выуженных т. Ольминским из книги Невского, все 100 процентов представляют из себя не «сравнительную», а *абсолютную* мелочь. Из этих 100%, быть может, только 10—15 сколько-нибудь попадают в цель и не компрометируют самого рецензента.

Для чего же, спрашивается, т. Ольминский проделывал всю эту неблагодарную работу, для чего потел, махая в пустом пространстве своим сердитым стэком? Объяснение заключается в следующем: «Я хотел только указать,—пишет он,—почему, бегло ознакомившись с книгой В. Невского накануне ее выхода в свет, я, как заведующий Истпартом, поспешил снять с нее фирму Истпарта». Но т. Ольминский, очевидно, забыл, что серьезные библиографические и критические статьи пишутся не для отображения результатов импрессионистского («беглого») ознакомления рецензента с той работой, о которой он хочет дать отзыв, и не для оправдания административных капризов «хозяина в своем деле», а для того, чтобы помочь читателю ориентироваться в достоинствах и недостатках книги. Преследуя не эту последнюю цель, а иную, постороннюю делу подлинной библиографии, рецензент всегда рискует свернуть на путь придирчивой, односторонней, субъективной и ненаучной критики. Такой именно грех, думается нам, как раз и случился с т. Ольминским. «Пролетарская Революция» № 5 (28) не только ничего не потеряла бы, а даже много бы выиграла, если бы редакционная коллегия убедила т. Ольминского его рецензии о книге Невского на страницах истпартовского журнала не помещать.

П. Лепешинский.

В СССР.

ИНСТИТУТ ИМ. ЛЕНИНА.

Издательская работа.

▭▭ Институтом в ближайшее время выпускается из печати 2-й Ленинский сборник, в который входят богатейшие материалы *по истории выработки программы партии*. Материал этот, обнимающий около 10 печ. листов,(26 №№), включает рукописи В. И. Ленина, Г. Плеханова, Л. Мартова, В. Засулич, взаимные замечания и пометки, а также переписку по вопросам выработки программы между Лениным и П. Аксельродом, Лениным и Потресовым, Плехановым и Засулич. Весь материал снабжен комментариями и предисловием Л. Б. Каменева. В сборнике будет воспроизведен фототипическим способом ряд рукописей.

▭▭ Из других материалов сборника следует отметить: переписку эпохи войны (1914—17 г.г.) т.т. Ленина, Шляпникова и Коллонтай (около 8 печ. листов) и неопубликованную статью В. И. Ленина «Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический». Незадолго перед февральской революцией небольшая часть этой рукописи была опубликозана в Цюрихе в 58 № «Соц.-Демократа». Рукопись публикуется в сборнике с предисловием *Ст. Кривцова*.

▭▭ Интересные эпохи из жизни В. И. освещают две статьи, включенные в сборник: *Я. Ганецкого*—об аресте В. И. в 1914 году в Галиции (статья написана по новым недавно полученным из Польши материалам) и А. *Аросева*—о деятельности В. И. в 1892 году в Самаре в качестве помощника присяжного поверенного. Сборник заключает в себе также целый ряд заметок, библиографию, хронику и бюллетень Института.

▭▭ Ин-ом переиздается выпущенный к XIII съезду в небольшом количестве экземпляров *каталог рукописей В. И. Ленина*, обнимающий около 5000 номеров. Каталог составлен А. Аросевым и представляет собой детальное перечисление всех рукописей, хранящихся в Ин-те, а также переписку В. И. и занимает около 30 печ. листов. Каталог охватывает и все рукописи, которыми И-тут не располагает, но сведения о коих имеются в его распоряжении.

Ин-т решил приступить к составлению календаря жизни и работы В. И., в годы революции. Календарь должен охватить день за днем всю деятельность В. И. Ленина в эти годы на основании всех имеющихся материалов, сведений и воспоминаний. Такой календарь явился бы неоценимым материалом для истории революции и послужил бы неисчерпаемым источником сведений для биографа В. И. о сложнейшей и величайшей эпохе его жизни.

▭▭ Закончена, как у нас сообщалось, подготовка к печати 1-го тома сочинений В. И. Ленина; ведется подготовка материалов для следующих томов.

Выставка Института.

▭▭ Институтом была организована к XIII съезду показательная выставка собранного Ин-ом материала. На выставке находилось около 150 рукописей В. И., книги с пометками рукой Ильича, читанные им в 1917 и 1918 г.г., ряд официальных документов эпохи юности Ильича, его подпольной работы, акты, полицейские дела и т. д. Было выставлено множество нелегальных изданий, а также изданий легального и революцион-

ного периодов. Привлекала всеобщее внимание копия части рабочего кабинета в Кремле, показанная на выставке. Обширный музейный материал—фотографии, кустарные произведения, стенные газеты, посвященные памяти В. И., и большой материал, относящийся к похоронам Ленина, дополняли выставку. Демонстрировалась также на ней и кино-фильма (лишь немногим более ста метров фильмы засняты при жизни В. И.). Закрытие выставки, организованной для съезда партии, было отложено и она была показана также V конгрессу Коминтерна, с чрезвычайным вниманием и особенно подробно ознакомившемуся с ней, а затем съездам молодежи—Губернскому и Всероссийскому. Совместно с Моск. Ком-том Партии было организовано посещение выставки рабочими Москвы. На выставке перебывало свыше 6.000 человек, в том числе и крестьяне Московской губернии, осматривавшие в-ку совместно с московскими рабочими организациями. Такой опыт массового посещения и трудности, связанные с неприспособленностью всех условий и помещения, выдвинул перед Ин-том задачу планомерной организации подобной выставки более постоянного типа. Интерес, высказываемый к выставке со стороны ряда состоявшихся в летние месяцы съездов, запросы о возможности посещения множества рабочих организаций и отдельных товарищей, стремившихся осмотреть ее, подтверждают эту задачу с еще большей силой.

▫▫ С осени Ин-т рассчитывает приступить к осуществлению возложенной на него XIII съездом задачи организации постоянного дома-музея В. И. Ленина, в котором был бы сконцентрирован весь материал, касающийся жизни и деятельности В. И. в различные периоды и эпохи.

▫▫ Ин-том закончено специальное оборудование несгораемого хранилища ценных материалов Ин-тута.

Архивные работы.

▫▫ В архиве Ин-та продолжается работа по описи хранящихся в Ин-те материалов. Научными сотрудниками Ин-та ведется также разработка других архивов для извлечения материалов, относящихся к В. И. Так, при разработке архива Совнаркома за 1921 г. из Центрархива извлечено уже около 4.000 листов, относящихся к государственной работе В. И. (только за 1921 г.). Ин-т отмечает целый ряд поступлений из Казанского архива, относящихся к университетским годам, семье В. И., к ранней деятельности В. И. и т. п. Продолжается, кроме того, поступление материалов со всех концов России — писем, записок, документов, подписанных В. И., и мн. др. Ин-том сверх того непрерывно продолжается разыскание, собирание и затребование всех материалов, о которых имеются сведения и указания.

Восстановление научных связей с Западом.

▫▫ Порванные войной и блокадой связи между учеными России и Запада восстанавливаются быстрым темпом. Так, например, для участия на всемирном математическом конгрессе в Канаде (Торонто) выехала недавно группа русских ученых в составе академиков: Стеклова, Успенского и проф. Гюнтера (из Ленинграда), академика Крылова (из Киева) и профессора В. А. Костицына (из Москвы). Приглашение на этот конгресс российские ученые получили впервые после революции. На конгрессе предстоит организация секции технических наук, где будут показаны все новинки американской научной техники.

▫▫ Возвратившийся из командировки на международный конгресс по прикладной механике в Дельфее (Голландия), проф. Ленинградского университета Фридман сообщил, что на этом конгрессе из 70 заслушанных докладов 19 были посвящены российским ученым и 21—немецким. Из российских ученых на конгрессе выступали акад. Иоффе, Крылов, проф. Гюнтер, Тамаркин, Фридман и др.

Выставка произведений печати СССР.

▫▫ В конце июля в помещении Исторического Музея открылась вторая очередная выставка Российской Центральной Книжной Палаты «Печать СССР

в 1923 году». На выставке экспонировано свыше 15.000 печатных произведений, вышедших в пределах СССР в 1923 г., и диаграммы, рисующие положение издательского печатного дела. Выставка продлится до середины августа.

ГРУППА «КУЗНИЦА».

▫▫ Группа прервала свои занятия до сентября, предоставив своим членам возможность поехать в различные места союза совет. республик для изучения рабочего и крестьянского быта. Так—Г. Якубовский и Г. Санников выехали на Кавказ в Садонские рудники, близ Цейского ледника по Военно-Осетинской дороге; Н. Ляшко — в Рязанскую губернию, Б. Леонтьев—на Путиловский завод и Волховстрой, А. Новиков-Прибой—в Кронштадт, А. Каргополов—на Север. Сибирь, Ф. Гладков—на рыбные промыслы близ Астрахани. Из работ группы, находящихся в печати, отмечаем третью и четвертую книгу издаваемого группой двухмесячника рабочего журнала, и «Альманах Молодняка „Кузницы"

▫▫ Группой намечено с осени расширение и концентрирование вокруг «Кузницы» молодых пролетарских кружков—«Перевала», «Неверовцев», «Творийцев» и др. К своему пятилетнему юбилею, февралю 1925 года, группой подготовляется художественный и теоретический сборник «Пять лет „Кузницы". Литературные собеседования группы начнутся с 15 сентября.

НА ЗАПАДЕ.

УЧАСТИЕ РОССИИ В XIV МЕЖДУНАРОДНОЙ ВЕНЕЦИАНСКОЙ ВЫСТАВКЕ.

▫▫ Выставка открылась 19 мая после торжественной встречи Русского посольства, прибывшего во главе с т. Юреневым на открытие из Рима и встреченного на пристани высшими должностными лицами города совместно с Комитетом русского павильона. Накануне—17 мая состоялся вернисаж русского павильона, устроенный для прессы и художественных критиков и прошедший с блестящей оживленностью. На вернисаже присутствовало множество иностранных журналистов, приветствовавших художественную культуру революционной России. Председатель Художественного Совета выставки, президент Акад. Худож. Наук П. С. Коган в речи, произнесенной на французском языке, осветил перед представителями иностранной прессы действительную картину художественной жизни Республики, в которой, несмотря на войну и революцию, культура и творчество не замерли, не погибли, и противопоставил этой действительности мнимую картину варварства, создавшуюся в представлении Европы в результате долголетней, искажавшей факты информации... «В трудностях этих лет,—говорил П. С. Коган,—творческая воля закалилась и окрепла именно благодаря революции, благодаря перспективам, открытым революцией перед художником и современностью».

▫▫ В трех больших залах павильона Союза СССР на Венецианской выставке экспонирован, как у нас сообщалось уже, ценный материал, характеризующий художественную жизнь революционной России. Самая большая стена главного зала посвящена революционно-бытовой живописи, на ней размещены портреты работы Анненкова, полотна художников Петрова-Водкина («После сражения»), Юона («Парад на Кр. площади»), ряд работ Кустодиева и Ассоциации Художников Револ. России (АХРР). Остальная часть зала посвящена Рождественскому, Фальку, Кончаловскому, Машкову, Грабарю и Лентулову.

В следующих залах разместились работы Сарьяна, группы армянских художников, Павла Кузнецова, Куприна, группы конструктивистов и футуристов, из которых представлены т.т. Штернберг, Альтман, Экстер, Родченко и др

Представлены на выставке и русская графика и рисунки — выставлены работы Фаворского, Чекрыгина, Кацмана, Андреева и др. Наконец, декоративные работы—театральные костюмы, некоторые художественные кустарные вещи, работы фарфорового завода, межгорская керамика, коробочки Голикова с рисунками на русские темы.

▫▫ Пресса и журналы посвящают русскому отделу выставки целый ряд серьезных статей и отзывов. Среди них можно отметить особенно серьезную критическую статью известного итальянского критика Барбантини, считающего русский отдел единственным правильно-построенным отделом всей выставки. Он отмечает основной принцип построения отдела: выявление художественной культуры страны, и сопоставляет с этим организационно - выдержанным основанием русского отдела беспринципность европейских стран, служащих, в конечном счете, в своих отделах лишь местом удобной продажи произведений отдельных художников. В своей статье Барбантини подвергает критическому рассмотрению ряд явлений русской живописи, останавливается на Анненкове, Сарьяне, Кустодиеве и др., освещая недостатки и достоинства этих крупных—по заключению критика—художников. Из других отзывов отмечаем—*Маринетти*, поместившего в своей газете воспроизведение портрета Л. Д. Троцкого работы Ю. Анненкова и называющего этот портрет лучшим произведением всей выставки. Итальянские футуристы не допущены к участию на выставке, и Маринетти приветствует павильон СССР, в котором левые художники имеют возможность показать результаты своей работы. Сообщения и отзывы о выставке помещает не только итальянская печать, но и иностранная, в том числе и американская.

▫▫ Расположенная в публичных садах Венеции выставка ежедневно привлекает массу посетителей, доходящую по воскресеньям до 5.000 человек.

▫▫ Обширная итальянская пресса о павильоне СССР, всеобщая положительная оценка русского искусства, выставленного в залах павильона, интерес публики, посещаемость павильона,—все свидетельствует о крупном успехе этого культурного начинания Союза. Своевременность участия СССР в Международной Венецианской выставке подтверждается еще и тем фактом, что в силу постановлений и обычаев Международной выставки страна, не представленная на в-ке в течение 10 лет, лишается своего павильона, и последний может быть передан другой стране. Такое положение могло угрожать и СССР, так как мы, пропустив послевоенные годы, с 1914 г. не принимали участия в Международной выставке.

▫▫ В связи с выставкой поступил целый ряд предложений, писем, запросов из различных стран, в том числе из Франции (от общества Друзей Росии). Американским институтом Карнеджи внесено предложение перевести русский отдел полностью на ежегодную Международную выставку, устраиваемую Ин-том в Питсбурге. Институт Карнеджи готов взять на себя все расходы, связанные с такой перевозкой.

▫▫Генеральный директор Международной художественно-промышленной (L'arte decorativa) выставки (Монц-Миланской), депутат парламента Маракгони, передал председателю русского павильона предложение принять участие в очередной Международной художественно-промышленной выставке, организуемой в мае 1925 г., и выставить русские ткани, костюмы, деревянные и металлические работы, *книги* и т. д. П. С. Коган, вернувшийся недавно в Москву, сделает в Коллегии Наркомпроса доклад о перспективах участия русской художественной промышленности на международной выставке. Интерес к русской художественной промышленности за границей необычайно силен. Большинство экспонатов, имевшихся из этой области в русском отделе, пользовались исключительным успехом и были приобретены посетителями выставки.

ГЕРМАНИЯ.

▫▫ В Германии все еще продолжает выходить в связи с Кантовским юбилеем большое количество книг, посвященных Канту. Из них, как наиболее интересные, можно отметить следующие:

Переписка Канта, составленная и снабженная примечаниями и таблицами O. Schöndörffer'ом. Сюда входят все письма Канта, имеющиеся в Академическом издании, и лишь очень ограниченное число писем к Канту, что значительно облегчает чтение переписки («Briefwechsel Imm. Kants» в 2-х томах, изд. Meiner'a в Лейпциге).

Отдельным изданием (изд. I. Springer'a) в Берлине вышла речь A. V. Harnack'a, произнесенная при открытии памятника Канту на его могиле в Кенигсберге.

Большой интерес для изучающих Канта представляют записи его лекций, читанных в 90-х годах в Кенигсбергском ун-те. Записи, составленные студентом ун-та графом H. zu Dohna Wundlacken и вышедшие под редакцией проф. A. Kowalewski, очевидно, очень близко воспроизводят лекции Канта и особенно полно содержат курс антропологии, а также логики и метафизики. Книга эта под заголовком «Die philosophischen Hauptvorlesungen Im. Kants» вышла в изд. Rösl und C° Лейпциг—Мюнхен.

Из остальных книг можно назвать две брошюры: G. Schilling'a «Kants Lebenswerk als Gabe und Aufgabe» изд. Meyersche Hofbuchhandlung в Детмольде и A. Görland'a «Kant als Friedenfreund», изд. E. Oldenburg в Лейпциге.

К состоявшемуся 21 июня юбилею известного историка искусства Wölfflin'a вышел сборник Festschrift, в который вошли статьи по истории искусства и культуры учеников и друзей Вельфлина (изд. H. Schmidt'a в Мюнхене).

Очень интересные записки скончавшегося в 1902 г. известного исследователя Новой Зеландии Andreas'a Reischek'a изданы сейчас его сыном и вышли в изд. Brockhaus'a в Лейпциге под заглавием «Sterbende Welt». Книга эта содержит много интересных сведений о природе Новой Зеландии, а главным образом, о почти вымершем племени Maori, которое он наблюдал еще в первобытном состоянии. Reischek был первым европейцем, проникшим в целый ряд областей Новой Зеландии, в которой он провел 12 лет.

Той же теме — описанию быта и культуры нецивилизованного племени—индийского народца jagan на Огненной земле посвящена книга Dr. W. Koppers'a («Unter Feuerland-Indianern», из-во Strecker u. Schröder в Штутгарте). Автор основывается на своих личных наблюдениях и материале недавней экспедициии M. Gusinde, в которой он принимал участие. Обе названных книги рисуют высокий культурный уровень диких племен и гибельные последствия для них соприкосновения с европейской цивилизацией.

Один из лучших германских востоковедов Hertel является редактором, а во многих случаях и переводчиком, выходящей в изд. Haessel'я в Лейпциге библиотеки «Indische Erzähler». Библиотека эта заключает в себе, главным образом, индусские сказки и рассказы, а также, как напр., том 9, анекдоты и шутки. В эту библиотеку отдельной серией входит «Indische Dichter», под редакцией H. Weller'a.

В трех городах одновременно вышли переводы произведений буддийской литературы. Первая книга—«Das Leben des Buddha (изд. Ulstein'a в Берлине) проф. I. Dutoit является сокращенным (и без примечаний) переизданием вышедшей несколько лет тому назад под тем же названием книги, в которой Dutoit собрал все разбросанные в санскритской и древне-восточной литературе отрывки жизнеописаний Будды. Другие две книги—переводы Асваготи Бидхакарита. При чем первый—«Buddhas Wandel» (изд. E. Diederichs'a в Иене) C. Cappeller'a—выполнен белыми стихами и немного сокращен. А второй—«Buddhas Leben» (изд. Volkwang-Verlag Hagen i. W. u. Darmstadt) R. Schmidt'a построчный перевод прозой.

C. Cappeller, по словам рецензента, является «Иенским Нестором немецких индологов».

Новые научные работы.

На состоявшемся в начале июля генеральном собрании Общества германских химиков (Deutsche chemische Gesellschaft) в своем годовом отчете председатель проф. Haber констатировал оживление научных сношений между Германией и другими странами, с которыми

во время войны прерваны были всякие сношения. Россия, С.-А. С. Ш., Англия и Япония уже выразили свое желание возобновить научное сотрудничество; из России и Японии последовал ряд приглашений немецким химикам читать доклады и лекции. Германия должна, по словам проф. Haber'a, постараться снова занять первенствующее место в области химии, какое она занимала до войны.

В лейпцигском изд. S. Hirzel'a. под редакцией W. Rath'a, начала выходить серия книг по химии «Chemie und Technik der Gegenwart». Книги этой серии будут освещать как важнейшие научные проблемы, так и вопросы химической техники. Пока вышло 2 тома: 1) W. Ostwald «Farbkunde» и 2) P. Walden'a «Chemie der freien Radikalen».

Нашумевшая книга I. Walther'a о законе образования пустынь («Das Gesetz der Wüstenbildung in Gegenwart u. Vorzeit») вышла четвертым сильно переработанным изданием, с большим количеством новых иллюстраций, в изд. Quelle und Meyer в Лейпциге.

Изд. C. H. Beck в Мюнхене выпустило новую книгу Освальда Шпенглера «Neubau des deutschen Reiches». То же изд-ство издало речь Шпенглера «Politische Pflichten der deutschen Jugend», а также в двух отдельных выпусках две главы из «Заката Европы»: «Der Staat» и «Die Wirtschaft».

Изд. Internationaler Psychoanalytischer Verlag в Вене выпустило две новые брошюры Зигмунда Фрейда: «Aus der Geschichte einer infantilen Neurose» и «Beiträge zur Psychologie des Liebeslebens». В том же изд. вышел третий том, редактируемой Фрейдом серии «Neue Arbeiten zur ärztlichen Psychoanalyse» включающий работу Отто Ранка «Eine Neurosanalyse in Traumen».

Изд. E. Diederichs'a в Иене выпустило весьма любопытную книгу. Книга эта дает историю религиозно-политического восстания в Мюнстере (Die Wiedertäufer zu Münster 1534/35) на основании старых документов и актов. Этот материал, хотя и составлен противниками этого движения тотчас вслед за подавлением мятежа, дает чрезвычайно интересную картину событий, послуживших в дальнейшем основой пуританизма и квакерства.

Вышел второй том работы F. Kauffman'a по истории древне-германской культуры «Deutsche Altertumskunde (изд. Beck'a в Мюнхене). Том этот охватывает период начиная с переселения народов и до основания государства. Первый том этой работы вышел в 1913 г.

В изд. Frommannsche Buchhandlung в Иене вышла биография известного языковеда и основателя сравнительного синтаксиса Berthold'a Delbruck'a. Биография составлена E. Hermann'ом.

Др. S. Barom в своей работе «Die politische Theorie Ferdinand Lassals» пытается на основании произведений Лассаля выяснить его отношение к основным социологическим явлениям (Изд. Hirschfeld'a в Лейпциге).

Разное.

Немецкие музыкальные журналы уделяют в последнее время много внимания кризису, переживаемому консерваториями и музыкальными учебными заведениями, и тяжелому положению музыкантов-педагогов.

Тяжелое положение одной из старейших Германских консерваторий — Лейпцигской привело ее к распродаже с аукциона рукописей произведений старинных композиторов—Глюка, Гайдна, Генделя, Перголези и др. Всего консерваторией было продано около 100 крайне ценных рукописей.

В июльском номере журнала «Neue Rundschau» помещены рассказы Herman'a Hesse, Josef'a Ponten'a и Jakob'a Wassermann'a, а также продолжение перевода драмы Бернарда Шоу «Святая Иоанна».

Бокаччиевский «Декамерон» вышел в новом несокращенном переводе Klaubund'a, с его же предисловием, в изд. Neufeld und Slenius в Берлине

Новые книги о России и переводы с русского.

В изд-ве F. Brockhaus'a в Лейпциге выходит в скором времени новая книга Свена Гедина «Из Пекина в Москву»

представляющая собой том записок и впечатлений при путешествии по Дальнему Востоку и Советской России. В книге около 75 фотографий и рисунков. Знаменитый путешественник в настоящее время поддерживает идею русско-шведского сближения.

⊏⊐ В немецких периодических изданиях ряд статей и заметок попрежнему посвящен России и русской литературе. Из статей, появившихся в журналах и газетах за последнее время, следует отметить следующие: Вальтер Кюне посвящает свою статью, напечатанную в «Prager Presse» 112 психологии творчества Андрея Белого. *Теодор Хаффферберг* напечатал свои воспоминания «Каникулы у Толстого» («Baseler Nachrichten» 12—15); *Георг Ланге* посвятил свою статью в «Allgemeine Zeitung» 120 разбору дневника Л. Толстого. *Иосиф Мельник* опубликовал в «Berliner Tageblatt» 163 воспоминания о посещении Достоевского. *Карл Веллер* проводит параллель в «Neue Züricher Zeitung» 584 между Достоевским и Корнелем. Об отношениях Тургенева и Пауля Гейзе говорит Эрих Пешет в «Westermanns Monatshefte LXVIII. 8.

⊏⊐ Welt-Verlag в Берлине выпустило в переводе А. Элиасберга на немецкий язык книгу Д. Мережковского «Тайны Востока».

⊏⊐ Книга Аронсона о Марке Шагале переведена на немецкий яз. и вышла в Берлине в изд-ве «Разум».

⊏⊐ Изд-во «Drei Masken Verlag» выпустило в серии избранных антологий русской прозы том «Русские повести о Любви», собранные и переведенные Иог. Гюнтером.

⊏⊐ Изд-во Propyläen-Verlag в серии «произведения мировой литературы» выпустило в новом переводе *В. Релля* «Обломова» Гончарова, книгу чрезвычайно сочувственно встреченную немецкой литературной критикой.

⊏⊐ В июньском номере журнала «Der Neue Merkur» напечатана ряд до сих пор неопубликованных писем Достоевского к его жене.

⊏⊐ Вышел четвертый том собрания сочинений Толстого, печатаемого изд-вом Cassiener'a в Берлине. Том этот содержит «Воскресенье».

⊏⊐ В изд-ве S. Fischer'a в Берлине вышел перевод книги А. Ремизова «Im blauen Felde» (В синем поле). Перевод выполнен K. Rosenberg'ом.

⊏⊐ Роман Вересаева «В тупике» вышел в переводе на немецкий язык, под заглавием «In der Sackgasse» в изд. Verlag für Literatur und Politik в Вене.

⊏⊐ В Берлинском изд-ве. «Der Syndikalist» вышел третий том собрания сочинений Михаила Бакунина.

⊏⊐ К довольно большому числу книг о Ленине, вышедших в Германии, прибавилось еще несколько. В том числе «Die Gegenwart über Lenin» (изд. Neuer Deutscher Verlag в Берлине). Книга заключает в себе отзывы современников о Ленине, главным образом те, которые были помещены или перепечатаны в русской прессе.

⊏⊐ Попытку дать библиографию произведений Ленина, а также книг, посвященных Ленину, сделал E. Drahn в своей книге Wladimir Iliitsch Lenin (изд. Prager'a в Берлине). Библиография, однако, далеко не полная.

⊏⊐ Изд-во Nike-Verlag в Берлине выпустило книгу А. Богданова «Die Entwicklungsformen der Gesellschaft und die Wissenschaft».

⊏⊐ В изд-ве Hoym'a в Гамбурге вышли следующие переводы с русского: 1) Lenin W. I. «Die Internationale Kommunistische Bewegung». 2) Kamenew L. B. «Lenins literarisches Erbe». 3) Sinowjew G. «Fünf Jahre kommunistischer Internationale».

⊏⊐ Изд-во Frammannsche Buchhandlung в Иене выпустило небольшую книгу Hs. Rimsch'a о русской гражданской войне и эмиграции: «Der russiche Burgerkrieg und die russ. Emigration. 1921—1917».

АНГЛИЯ.

⊏⊐ В связи с англо-русской конференцией в Англии выходит сейчас целый ряд книг, посвященных России. Так, официальным изданием является «Saviet Russia; A description of the various Political Units existing on Russian Territory», дающее подробное описание всех Союзных Республик с приложением карт,

и конституции СССР. Книга издана H. M. Stationery Office.

▭▭ Комитет «Руки прочь от России» выпустил в изд. Adelphy книгу о контрпретензиях России «Russians Counter Claims», составленную W. P. Coates'ом.

▭▭ В журнале «The Contemporary Review» посвящена проблеме взаимоотношений Сов. России и Великобритании большая сочувственная России статья Джорджа Глазго.

▭▭ «The Nation» (Vol. XXXV № 8 от 24 мая) отмечает три недавно вышедшие книги о России. Из них лишь одна заслуживает внимания. Эта книга написана профессором социологии A. Ross'ом, бывшим в России в 1917 году и много изучавшим историю Советской России. В своей книге «The Russian Soviet Republic», (изд. Allen and Unwin), Ross особенно подробно останавливается на истории интервенций, разоблачая целый ряд темных и лживых махинаций союзников и публикуя любопытные документы. Две остальные книги носят пасквильный характер. Автору одной из них («The Bolshevik Persecution of Christianity» изд. Murray) капитану F. Mc. Cullach'y рецензент советует почитать книгу Ross'a, а также позаняться немного историей вообще. Другую же книгу («Impressions of Soviet Russia» C. Sarolea изд. Nash a. Graysan) он называет «исторической истерией».

▭▭ Ferdinand Ossendowski, книга которого «Beasts, Men and Gods», пользовалась огромным успехом, выпустил новую книгу: «Man and Mystery in Asia» (изд. Arnold'a). В книге этой он описывает жизнь в Сибири, где он работал на рудниках и нефтяных разработках уже после революции. Описывает он, главным образом, быт, мало касаясь политики, а также своих научных работ.

▭▭ Отрывки из дневника Максима Горького вышли в Англии в изд. Ph. Allan («Fragments from my diary» By M. Gorki). Еженедельник «The Nation» помещает в последнем номере за май большую рецензию, посвященную этой книге.

▭▭ Известная американская поэтесса Babette Deutsche в сотрудничестве с Ав. Ярмолинским составили английскую антологию современной русской поэзии. Книга эта, прекрасно изданная, вышла под заглавием «Modern Russian Poetry (в изд. John Lane в Нью-Йорке) и привлекает внимание широких кругов читателей. Перевод выполнен составителями. Книга снабжена предисловием—обзором путей русской поэзии со времени Пушкина. Кроме того, каждому поэту посвящается небольшая вступительная заметка, дающая краткие биографические и историко-литературные сведения о нем. В этот том входят, главным образом, произведения русской поэзии XIX века и эпохи символизма. Из собственно новейшей поэзии включены стихи «крестьянской группы», С. Есенина, Н. Клюева, П. Орешина. Хорошо представлены в книге А. Блок, Вяч. Иванов. В. Брюсов.

Английская драматургия.

▭▭ За последнее время появился целый ряд драматических произведений, резко отличающихся по своему характеру от довоенных произведений этого жанра своим серьезным, как отмечает критика, «тенденциозным и пессимистическим содержанием». Опубликованы новые драмы как известных драматургов, так и совсем молодых начинающих авторов. К числу таких пьес, трактующих новые темы, относится отмеченная нами ранее, вышедшая 2 изданием новая драма Галсуорти «The Forest» (изд. Duckworth в Лондоне). Темой является история лондонского дельца, обогащающегося благодаря неудаче им же самим организованной экспедиции в Африку. Действие происходит частью в Африке, частью в Лондонском Сити. Особенно интересна и хорошо обрисована фигура «героя»—дельца Barnstaple.

▭▭ В изд-ве Саре вышли две новые драмы O'Нейля «Beyond the Horizon» и «Gold». Первая из них имеет темой психологическую проблему; вторая изображает погоню за богатством. Обе драмы отличаются, как и большинство пьес O'Нейля, нервностью и чрезмерной напряженностью.

▭▭ Изд. Benn выпустило три интересных драмы, из которых две посвящены послевоенным проблемам. Первая из

них «First Blood» A. Monkhouse'a трактует политическую провинциальную жизнь, столкновения между умеренными и радикальными элементами, приводящие к гибели умеренных, и по словам рецензента доказывает, что «когда консерваторы и революционеры дерутся, для либералов не остается никаких шансов». Вторая пьеса «The Fanatics» M. Malleson'a рисует послевоенную жизнь городских имущих классов; в качестве героя выводит разочарованного в окружающей его среде и ищущего выхода, сына разбогатевшего купца. Вышедшая в этом же изд-ве драма E. Thomson'a «Krishna Kumari» очень интересна. Пьеса эта из индусской жизни. Написана она сильно и ярко обрисовывает индусскую жизнь недавней эпохи.

Эпохе войны и жизни военных кругов посвящена очень сильная драма Griffith'a «Tunnel Trench», вышедшая в изд. Allen and Unwin. Упомянем еще «Taffy» (изд. Melrose)—пьесу известного драматурга C. Evans'a, драмы которого дают жестокую сатиру на современное английское общество.

Новые романы.

Из новых романов, вышедших за последнее время, отметим:

1) «The heavenly Ladder» Кэмптона Макэнзи (изд. Cassel)—последний том его трилогии, написанной на религиозные темы; 2) «The Spanish Farm» R. H. Mouram'a, дающий необыкновенно яркий образ девушки-крестьянки из французской Фландрии. Предисловие к этой книге написал Галсуорти (изд. Chatto and Windus); 3) «Little Mexican» A. Huxley'я (изд. Chatto and Windus). В этой книге собрано шесть рассказов, и все они, особенно рассказ «Uncle Spencer»—лучшее, что до сих пор Huxley написал; 4) «Miss Linn» D. Goldring'a (изд. Chapman and Hall) и 5) 5) «The Black1 Sok1» L. O'Flaherty (изд. Cape).

«Кризис» английского романа.

В «The Nineteenth Century» A. Райан поместил статью о кризисе английского романа. По мнению критика, английский роман вошел в стадию упадка. Огромный социальный сдвиг и кризис привели к тому, что беллетристическому произведению современным читателем не оказывается того внимания, которое еще недавно заставляло «всех образованных людей при встрече обязательно интересоваться последней сенсацией беллетристики». Упрекает критик и литературную среду в излишнем профессионализме, в погоне за оригинальностью стиля, в том, что они «пишут для избранных, и потому их никто не читает».

В том же номере журнала помещена статья I. P. Collins'a о современном положении английской журналистики. «Английской прессе, — говорит автор статьи,—грозит американизация, индустриализация. Прежний тип «независимого» журналиста исчезает. Оплата труда журналиста слишком низка, что признают и такие короли и воротилы британского газетного мира, как лорд Бернам». Автор статьи выдвигает снова обанкротившуюся идею индивидуализма—независимости журналиста от работодателя.

В июне вышел первый номер нового журнала «The Forchbearer», посвященного «воспитанию и другим искусствам» (Education and the other Arts). В первом номере статья Уэллса о значении преподавателей и статьи M. Sadleir'a I. D. Beresford'a, Langwill'a и Blunden'a.

В следующем номере журнала «The Highway», выходящего четыре раза в год, будут печататься ответы на анкету «что такое хороший роман?» целого ряда видных писателей и журналистов, в том числе: I. Galsworthy, E. Philpotts, H. Walpole, I. D. Beresford'a, H. Fyfe, C. Mackenzie и A. Bennet'a.

В Лондоне в мае в Stage Society была поставлена пьеса Толлера «Человек-Масса». Постановка, хотя и не вполне удачная, возбуждает всеобщее внимание. Ей посвящены рецензии в «The New Statesman», «The Nation» и др. журналах.

Южно-африканский поэт Roy Campbell написал выдающуюся, по мнению критики, поэму «The Flaming Terrapin» (изд. Cape). Поэма имеет сложный философский генезис. По словам рецен-

зента, центральной идеей поэмы, его «мифологическим ядром» является — Flaming Terrapin (Пылающий Террапин)—элементарная сила первобытной земли. Сюжет поэмы — библейский миф о потопе.

Искусство.

Текущим летом в Лондоне в Lefevre Galleries состоялась очень интересная выставка современных французских художников («Important Pictures by Nineteenth Century Freench Masters»). Сезанн был представлен на выставке четырьмя отличными полотнами, из них два — портреты. Выставлено было также несколько ранних работ Монэ и превосходные вещи Манэ, а также произведения Гонена, Домье, Ренуара, Сислей и др. Выставка считается одной из удачнейших в текущем году.

Из книг по искусству, вышедших за последнее время, можно отметить работу H. Furst'a по истории деревянной гравюры (начиная с первых известных китайских гравюр и до современных художников включительно). На современных мастерах автор особенно подробно останавливается. Книга содержит также главы о технике ксилографии и очень богата иллюстрациями («The Modern Woodcut», изд. Lane).

Большую монографию о гравюрах скончавшегося четыре года назад шведского художника Андерса Цорна («The Etchings of Anders Zorn», изд. W. Jackson) написал E. M. Lang. В книге свыше 100 репродукций работ Цорна.

Историческая и библиографическая литература.

Известный английский поэт John Drinkwater написал книгу о патриотизме и его отражении в литературе: «Patriotism and Literature (изд. Williams and Norgate).

Опубликован новый том писем неизвестных до сих пор Jane Welsh Carlyle, жены Томаса Карлейля. Письма этой женщины, писавшей необыкновенно много (всего опубликовано около 1000 писем), очень живы и дают характеристику не только ее времени, но и многих знаменитых людей, с которыми она встречалась.

В своей книге «The Apocryphe New Testament» (изд. Clarendon Press) M. R. James собрал множество христианских апокрифов. Туда вошли сказания, выбранные из первоисточников, в том числе и рукописей, недавно найденных в Oxyrhyneus. Книга содержит также богатую библиографию.

Очень серьезная работа о буддизме написана A. B. Keith'ом, проф. санскритского языка и сравнительной филологии при университете в Эдинбурге («Buddhist Philosophy in India and Ceylon», изд. Clarendon Press в Оксфорде). Проф. Keith дает подробный разбор и изложение всех направлений и течений буддизма, а также богатую библиографию источников.

Необычайно полное и ясное изложение философской системы Гегеля дает W. T. Stace в своей книге «The Philosophy of Hegel» (изд. Macmillan'a).

Книгу об известном писателе-философе XIX столетия Вильяме Блэке выпустил S. Foster Damon («William Blake; His Philosophy and Symbols», изд. Constable). Работа эта отличается тщательным и научным подходом к работам Блека и очень серьезным рассмотрением его символов.

Книги по политическим вопросам.

Очень полную картину аграрного положения в Румынии и Чехо-Словакии и результатов проведенных там аграрных реформ дают две книги: 1) I. L. Evans. «The Agrarian Revolution in Roumania» (Cambridge University Press) и 2) L. E. Textor. «Land Reform in Czecho-Slovakia» (Allen and Unwin).

В изд-ве King с предисловием R. W Setan Watson'a вышла книга бывшего венгерского министра по делам национальностей при правительстве Karolyi Oscar'a Jaszi. Книга дает очень живую и довольно объективную, хотя и написанную с точки зрения умерен. социал-демократа, картину политической жизни Венгрии за последние годы, и носит название: «Revolution and Contr-Revolution in Hungary».

Вышла также книга об Индии I. T. Gwynn'a, корреспондента «Manchester Guardian» в Индии. Книга является собранием статей Gwynn'a, периодически появлявшихся в упомянутой газете, и касается, главным образом, политической жизни Индии и ее отношений с Англией (Indian Politics, изд. Nisbet). Очень разностороннюю картину Индии дает книга лорда Ronaldshay «India: a Birds-eye-View», изд. Constable.

Две английских книги об Испании.

Недавно вышедшие в Лондоне две книги об Испании привлекли внимание критики. Английский журнал «New Statesman» (Vol. XXIII № 574) посвятил этим книгам статью-рецензию, озаглавленную «Гений или безумие Испании». Книги, которым она посвящена, действительно представляют крупный интерес. Первая из них, изданная Oxford University Press написана испанцем Salvador de Madariaga и посвящена любопытной фигуре испанской интеллигенции Мигуэлю де Унамуна—философу, писателю, поэту—«универсальному гению», как его недавно назвал американский журнал. Вторая принадлежит перу F. B. Deakin'a, служившего в течение ряда лет в качестве атташе по делам печати при британском посольстве в Мадриде. Книга его озаглавлена «Spain to day»—«Испания—сегодня» и издана Рабочим издательством (Labour Publishing C°).

АМЕРИКА.

The Library of Congress получила в подарок собрание писем в подлинниках Уота Уитмэна. Письма эти писаны в 1887—1892 гг. и адресованы английским друзьям Уитмэна Dr. J. Johnston и J. W. Wallace. Сюда входит также письмо, писанное 6 и 7 февраля 1892 г. перед самой смертью поэта. Собрание это приведено в порядок H. Saunders'ом и заключает в себе 103 номера.

Американская Ассоциация Библиотек (American Library Association) приступила к составлению обзора всех американских книгохранилищ и читателей, методов и результатов их работ. их организации, администрирования и экономического положения. Для этой работы выделена специальная комиссия под председательством Dr. A. E. Bostwick'a, заведующего публичной библиотекой в St. Louis. Составление обзора, рассчитанное на два года. финансируется Carnegie Corporation. Результаты предполагается опубликовать к июню 1926 г., когда Ассоциация празднует 50-летие своего существования.

В связи с составившимся в июне юбилеем столетнего существования Kenyon College'a в Gambier (штат Ohio) G. F. Smythe выпустил в изд. Jale University Press книгу, посвященную истории этого колледжа («Kenyon College-Its first Century»).

Художественная литература.

Известная писательница Edith Wharton выпустила четыре романа под общим заголовком «Old New-Jork» (изд. Appleton and C°), рисующие жизнь Нью-Йорка второй половины девятнадцатого столетия. Темой всех четырех книг. богатых иронией, являются попытки индивидуального бунта против границ, установленных традицией и общественным мнением. Четыре тома носят названия: «Fals Dawn» (сороковые годы), «The old Maid» (пятидесятые) «The Spark» (шестидесятые) и «New Icar's Day» (семидесятые). Критика особенно отмечает написанную с большим мастерством книгу «The Old Maid», (Старая дева).

Вышел новый роман G. Cannan'a «Sembal» (изд. Seltzer), рисующий современную военную и послевоенную жизнь американской интеллигенции. Герой—молодой американский еврей французского происхождения, сторонник рабочей партии, проходящий трудный жизненный путь.

Популярный писатель романов в большинстве полу-исторического, полу-фантастического характера S. Weyman выпустил новый том «The Traveler in the Fur Cloak» (изд. Longmans. Green and C°).

В изд-ве Houghton Mifflin C° вышел новый роман R. Sabatini «Bardley the

Magnificent», также авантюрно-исторический.

▭▭ В скором времени в изд-ве A. Knopf выйдет первый, после нескольких лет перерыва писательской деятельности, новый роман I. Hergesheimer'a «Balisand». Действие романа происходит в Виргинии в последние два десятилетия восемнадцатого века.

▭▭ Из выходящих в большом количестве сборников стихов отметим следующие: «Sunrise Trumpets» (изд. Harper) I. Ausländer'a, поэта ярких образов

«The Happy Marriage and other Poems» (изд. Houghton Mifflin C°) несколько мистически настроенного A. Mac Leish'a «The Scafarers» (изд. Jal University Press) W. W. Williams'a.

«Harvest» (изд. Putnam's Sons) D. Morton'a, представляющий собой сборник 45 сонетов, однообразных и имеющих темой современный пессимизм.

▭▭ В Америке вышла сейчас поэма английской писательницы May Sinclair «The Dark Night» (изд. Macmillan). Критика с особенным интересом встречает этот том, так как May Sinclair находится сейчас в Америке в качестве делегатки на P. E. N. Club (Междунар. Ассоц. поэтов и писателей). Поэма Sinclair— психологический роман, написанный белыми стихами.

Пьесы и переводы.

▭▭ В изд-ве Kennerley вышла интересная пьеса A. Rosenberg'a «Punchinello». Пьеса носит фантастический и аллегорический характер и написана белыми стихами.

▭▭ В июле в изд-ве Brentano выйдет последняя пьеса Бернарда Шоу «St. Joan», которая текущей зимой была поставлена в Лондоне. Текст, однако, несколько изменен автором.

▭▭ Попрежнему в Америке выходит большое количество переводов, за последнее время, главным образом, с французского. Так, в изд. Seltzer вышел перевод книги Поля Морана «Tendres Stocks» (Green Shoots), снабженная предисловием Марселя Пруста; появился также перевод «Дон-Жуан» (The Don Juanes) Марселя Прево в переводе Jenny Covan (изд. Brentano), романа Поля Бурже «The Gaol» (изд. Brentano). в переводе F. M. Robinson'a и др.

▭▭ Книга Якова Вассермана «Золото» (Gold) переведена L. C. Willcox и вышла в изд. Harcourt, Brace and C°.

▭▭ Изд-во Appleton and C° выпустило перевод турецкого сборника народных сказок и шуток, приписываемых Khoja, шуту Тамерлана. Книга эта, под заглавием «The Khoja tales of Nasr-Ed-Din», переведена N. D. Barnham'ом и иллюстрирована T. Sarg'ом.

▭▭ В том же изд-ве вышел перевод нового романа известной испанской писательницы Concha Espina, под заглавием «The Red Beacon». Перевод выполнен F. Douglas'ом.

История литературы.

▭▭ Интересную книгу об английском поэте Браунинге написала E. I. Burt «The seen and unseen in Browning» (изд. Appleton and C°). Автор разбирает в этой книге ряд крупнейших произведений Браунинга.

▭▭ В изд-ве Mc Clelland в Торонто вышла книга O. Shepard'a о поэте Bliss Carman, одном из основателей современной американской поэзии, прославившемся в 90-х годах своими книгами «Vagabondia Books»; выпущенными им совместно с Richard'ом Hovey.

▭▭ T. Spicer-Simson выпустил книгу медальонов-портретов целого ряда известных английских и американских писателей и поэтов, с небольшими, посвященными каждому, критическими заметками S. P. Sherman'a. Книга носит название «Men of Letters of the British Isles» и вышла в изд-ве W. E. Rudge.

▭▭ Бывший английский премьер Асквит написал книгу статей «Sketches and Studies» (изд-во G, H. Doran C°). Книга эта посвящена, главным образом, вопросам стиля и языка и обосновывает лаконизм и экономию речи.

▭▭ Конан Дойль, написавший в прошлом году книгу о своем путешествии в Америку «Our American Adventure», выпустил недавно в изд-ве Little Brown and C° (Бостон) дневник своей второй

поездки в Америку («Our Second American Adventure»). Хотя Конан Дойль и занят сейчас почти исключительно оккультизмом, однако книга его все же имеет живой интерес, так как ярко описывает быт Америки, встречи с разными известными лицами и целый ряд забавных приключений.

▭ В Америке юбилей Байрона возбуждает почти не меньшее внимание, чем в Англии. Почти нет журнала, который бы не печатал статей, портретов и отчетов торжественных заседаний. Выходят также книги, посвященные Байрону, главным образом его личности. Так, проф. Bryn Mawr College'a S. C. Chew выпустил книгу «Byron in England, His Fame and After Fame» (изд-во Scribner's Sons), где рассматривает отношение к Байрону его современников, публики и критики, во время его жизни и после смерти, и дает картину современной Байрону среды.

▭ D. Neill Raymond написала интересную работу о политической карьере Байрона «The Political Career of Lord Byron» (изд-во Holt and C°).

▭ Книгу, посвященную творчеству Данте, написал Ch. H. Grandgent «Discourses on Dante». Книга вышла в изд-ве Harvard University Press.

Серия «История Культуры».

▭ Изд-во A. Knopf приступило к печатанию серии научных работ под заглавием «История Культуры» (The History of Civilisation), под общей редакцией проф. C. K. Ogden'a. В серию предполагается включить до 200 книг, в том числе переводы работ, печатаемых в известной французской серии «L'Evolution de l'Humanité» по мере их выхода. В июне вышел первый том серии—«The Principles of Social Organization» известного, недавно скончавшегося, ученого W. H. R. Rivers'a. Дальнейшие, намеченные к выпуску тома следующие: «Language» (Язык) парижского проф. I. Vendryes, «The Earth before History». (Доисторическая земля) проф. E. Perrier, почетного директора парижского музея естественных наук; «Préhistoric Man» (Доисторический человек) J. de Morgan; A. Geographical Introduction to History» (Географическое введение в историю)—Страсбургского проф. L. Febvre; «From Tribe to Empire» (От племени к империи) A. Moret, директора Musée Guimet и «The Diffusion of Culture» английского ученого G. Elliott-Smith'a.

▭ В издании Appleton and C° вышла книга Ph. W. Sergeant'a, посвященная Anne Boleyn—второй жене Генриха VIII, ее времени и окружавшим ее людям. Книга называется «The Life of Anne Boleyn» и снабжена репродукциями гравюр, портретов, главным образом работы Гольбейна.

Ежегодник рабочего движения.

▭ В изд-ве Rand School of Social Science вышел американский ежегодник рабочего движения за 1923—1924 гг., составленный S. de Leon'ом и N. Fin-c'ом. Ежегодник этот дает сведения не только об американском движении, но останавливается подробно на цифрах и данных почти всех европейских стран.

Серия «Аграрный Вопрос».

▭ Изд-во The Century C° приступило к изданию серии, посвященной аграрному вопросу в Америке. Серия носит название «The Century Rural Life Books» и редактируется Ch. I. Galpin'ом, бывшим проф. социологии при университете Wisconsin, давно работающим в этой области. Он же является автором первой книги этой серии «Rural Social Problems.

По журналам.

▭ В июньском номере журнала «Designer» начал печататься новый роман Синклера Льюиса «Dr. Martin Arrowsmith». Первые главы рисуют Мартина Арроусмита студентом университета в одном из средне-западных штатов, где он подпадает под влияние профессора бактериологии Max'a Gottlieb'a, страстно преданного своему делу. Начало романа и отзывы лиц, читавших роман в рукописи, обещают необычайно интересное произведение, не уступающее по качеству знаменитому роману Льюиса «Беббит».

▭▭ В мае в Петербурге вышел первый номер нового литературного журнала «Phantasmus». Номер содержит начало автобиографического рассказа Шервуда Андерсона «A story Tellers story». Кроме того, помещены в нем рассказы и статьи следующих авторов: A. Kreymborg, E. Boyd, R. Sergel, H. Faust и S. Gorman, а также письмо из Вены L. Untermyer'a. Журнал редактируется I. C. Edmonds'ом.

▭▭ В литературном приложении «Нью-Йорк Таймс'а» от 25 мая помещена большая статья H. Bernstein'a о книге Станиславского, появление которой в переводе нами отмечалось в предыдущей хронике. Bernstein восторженно отзывается о Художественном театре и о Станиславском в особенности, и подробно останавливается на биографии С. и истории возникновения Художественного театра.

▭▭ В июньском номере журнала «Dial» начали печататься воспоминания Горького о Леониде Андрееве.

▭▭ Отмеченная нами в прошлой хронике книга A. Kauna'o Леониде Андрееве написана в качестве диссертации на звание доктора философии в отделении славянских языков Калифорнского университета. Автор, собирая материал для книги, поехал в Европу, где жена Андреева предоставила в его распоряжение рукописи, дневники и письма Л. Андреева.

▭▭ Одновременно с открытием в Нью-Йорке музея Рериха, где помещено свыше 300 произведений его, издательство Corona Mundi International Art Centre выпускает три, посвященные Рериху книги. Первая—«Adamant», заключает в себе произведения самого Рериха; вторая—«The World of Roerich—его биография, составленная N. Selivanova и третья—монография о Рерихе.

▭▭ В изд-ве Dutton and C° вышел перевод книги Шарля Бодуэна о Толстом, под названием «Tolstoy, The Teacher». Перевод выполнен F. Rothwell'ом.

▭▭ В предисловии ко второму тому—«The Passion Flower» своей трилогии (выходящей в изд-ве Houghton Mifflin C°) E. Worthley Underwood говорит, что ошибочно предполагают, будто темой ее трилогии является падение русской культуры. Ее темой является падение культуры вообще, и Россия взята лишь как наиболее яркий представитель трагических путей культуры. Местом действия третьей книги явится Америка. Первый том «The Penitent» был посвящен фигуре Александра I. Настоящая книга имеет центральными фигурами Пушкина и Николая I и рисует эпоху и выдающихся людей того времени. Фабулой служит вымышленный роман Пушкина с австрийской шпионкой, «восточной женщиной», châli и ненависть Николая к Пушкину. Роман начинается с момента возвращения Пушкина из Михайловского и заканчивается его смертью.

▭▭ В июне в изд-ве A. Knopf вышел перевод «Героя нашего времени» Лермонтова (A Hero of Our Time) в серии Borzoi Pocket Books, в которой уже появился целый ряд переводов с русского.

▭▭ В изд-ве B. W. Huebsch вышел перевод романа Арцыбашева «Санин».

РАЗНОЕ.

▭▭ В конце июля в Христиании состоится третий всемирный конгресс международной федерации женщин научных работниц (International Federation of University Women). На конгресс ожидается около 500 делегаток со всех концов света. Будут представлены: Австралия, Индия, Новая Зеландия, Южная Африка и т. д. Наибольшее количество делегаток, свыше 90, ожидается из С.-А. С. Ш. Германия на съезде представлена не будет, так как к международной федерации могут примыкать не отдельные лица, а лишь целые национальные организации, а таковой в Германии еще не имеется.

▭▭ В Париже недавно вышла интересная книга японского экономиста и политика Kavakami, посвященная Тихоокеанской политике, мирной проблеме и политике Японии. Книга называется «Le problème du Pacifique et la politique japonaise» и представляет крупный интерес.

▭ На французский язык переведены избранные места из произведений А. Ремизова, Б. Пильняка, И. Эренбурга и Н. Никитина, посвященные русской революции. Перевод выполнен С. Лесковым и вышел под заглавием «Scènes de la Revolution Russe» в Париже. Больше всего уделено места Пильняку.

▭ В Париже в изд-ве Honoré Champion вышел первый том до сих пор неизвестного дневника Стендаля. Дневник охватывает 1801 — 1805 годы, т.-е. период, следующий за описанным в его «La Vie de Henri Brulard». Дневник этот, литературно мало интересный, дает очень много биографических данных. Редакция и примечания к дневнику принадлежат H. Debrayl и L. Boyce.

▭ Изд-во Unitas в Милане выпустило две политические книги. Первая написана бывшим итальянским премьером I. Bonomi и носит название «Dieci anni di Politico Italiana». Автор второй книги «Il Socialismo Politico in Italia» также член партии popolaria и бывшего состава парламента, F. Meda.

▭ В марте в изд-ве Haepli в Милане вышел восьмой том капитального труда по истории итальянского искусства А. Venturi «Architettura del Quatro cento». Седьмой том, «La Pittura del Quatro cento» вышел в 1915 году. За этот период Venturi выпустил несколько популярных книг, в том числе богато иллюстр. «L'Arte Italiana. Dis edno storico» (изд-во N. Zanichelli. Bologna).

Важнейшие опечатки в книге 3 журнала.

1. В «Содержание» в часть «Отзывы о книгах» в отдел «VIII. История» ошибочно включено: «2. История революционного движения на Западе. А. Альшевского, Г. Гордона, И. Ильинского», поэтому указание при нем на страницу 197 следует отнести к предыдущему: «1. Всеобщая история», а цифру 3 перед «История революционного движения в России» заменить цифрой 2.

2. На стр. 1 в примечании «От редакции» вместо «статья тов. Троцкого» следует читать «стенограмма речи тов. Троцкого».

3. Фамилию скульптора на обороте вкладки с маской Ленина — С. Д. Меркулов следует читать — С. Д. Меркуров.

4. На стр. 238 в левом столбце, строка 36 вместо «который преподносится» следует читать «который предносится».

5. На стр. 282 в левом столбце, строка 40 вместо «ее несамостоятельность» следует читать «ее несостоятельность».

СПИСОК КНИГ, ПОЛУЧЕННЫХ РЕДАКЦИЕЙ ДЛЯ ОТЗЫВА.

Издательство «Красная Новь». Москва.

В. Картинский.—Электрификация голов. Вопросы шефства над деревней.

Г. Фельдман.—Пропаганда электрификации.

А. Гойхбарг. — Основы частного имущественного права.

Э. Дрэн и С. Леонард.—Подпольная литература революционной Германии за время мировой войны.

Г. Зиновьев.—Задачи нашей партии после кончины В. И. Ленина.

К. Каутский —Томас Моор и его утопия.

Ф. Светлов и А. Бердников.—Что должен знать каждый рабочий, вступающий в коммунистич. партию.

М. Павлов.—Германия и Россия (сельское хозяйство и промышленность).

М. Бронский.—За оздоровление денег (о денежной реформе).

Денежная реформа.—Сборник материалов для агитаторов.

Лариса Рейснер.—Фронт 1918 — 1919 гг.

Б. Шнеерсон.—Опыт библиографии произведений Маркса и Энгельса в русских переводах.

К. Каутский.—Нет больше социал-демократии.

Джон Риди и Ямтер.—Капитализм и рабочее движение в Америке.

Внешкольные экскурсии. Под ред. Б. Райкова и Э. Краснухи.

А. Гарвуд.—Обновленная земля. Сказание о победах современного земледелия в Америке.

Укрепим кооперацию. Агит. сборник, под ред. Н. Масленникова.

И. Майков.—Петр Алексеевич Алексеев. 1849—1891 гг.

М. Гремяцкий.—Первые люди на земле

И. Майский.—Современная Германия.

Л. Каганович.—Как построена РКП (б). Об уставе партии.

Владимир Кириллов.—Рабочие шаги. Стихи о революции.

М. Грен.—Черный мститель. Повесть для юношества.

Герберт Уэллс. Когда проснется спящий?

Р. Киплинг.—Джунгли.

Л. Сейфуллина.—Правонарушители. Ноев ковчег. Перегной.

Уптон Синклер.—Джимми Хиггинс.

Илья Эренбург.—Трубка.

Н. Ленин (В. Ульянов).— Речи и статьи. Хрестоматия для школ политграмоты и совпартшкол.

Карл Маркс.—Наемный труд и капитал.

А. Вышинский.—Очерки по истории коммунизма.

Н. Ляшко. Искра. Рассказы.

Е. Преображенский.—В. И. Ленин.

В. Молотов.—Ленин и партия за время революции.

Л. Б. Каменев.—Ленин и его партия.

Г. Кржижановский.—О Владимире Ильиче.

В. Сарабьянов.—Промышленность в системе народного хозяйства к 1924 г.

Программы и указатель литературы для марксистских кружков.

Филипп Сноуден.—Программа рабочего правительства Англии.

А. Луначарский.—Просвещение и революция.

Ф. Раскольников.—Афганистан и английский ультиматум.

А. Курский. Революционный сборник.

К. Радек.—Роза Люксембург, Карл Либкнехт, Лео Иогихес.

Л. Каменев.—О ходе денежной реформы.

Франц Меринг.—Легенда о Лессинге.

Е. Ярославский.—Учебник политграмоты для деревни. Ч. I.

Ф. Путинцев.—Происхождение религиозных праздников.

Агит.сборник. «Долой религиозный дурман».

В. Рожицын.—Пасха. Народные и весенние праздники и обряды.

М. Шейнман.—Огнем и кровью во имя бога. Под ред. М. Горева.

М. Покровский.—Дипломатия и войны царской России в XIX столетии.

Э. Розенов.—Против попов. Вып. VI. Крестьянские революции в Германии. XVI век.

П. Керженцев.—Газета. Организация и техника газетного дела.

Н. Ленин (В. Ульянов). Задачи рабочей печати.

И. Степанов. — Жан-Поль Марат и его борьба с контр-революцией.

Г. Зиновьев.—Пролетарская революция и учительство.

И. Ежовер.—От национальной революции к социальной.

В. Дембо.—Никогда не забыть. Правовая летопись Бессарабии.

Я. Яковлев.—Деревня как она есть.

Г. Эферот.—Библия безбожника.

А. Луначарский.—Ленин. Очерки.

Н.Крупская.—О Владимире Ильиче.

Я. Шафир. Газета и деревня.

В. Панкратов.—Воспоминания. 1880—1884.

Н. Ленцнер.—Первое мая и рабочее движение на Западе.

Н. Попов.—Жизнь Ленина и ленинизм.

Воспоминания П. А. Моисеенко. 1873—1923 гг.

Н. Ленин.—Государство и революция.

Школы политграмоты. Сб. положений, инструкций, программ и указателей литературы.

В. Юдовский.—История РКП.

А. Мартынов.—Ленин и аграрный вопрос в России.

Деревня при Нэпе. Кого считать кулаком, кого тружеником.

Я. Яковлев.—Наша деревня. Новое в старом и старое в новом.

Э. Синклер.—Гусиный шаг.

П. Яровой.—На большой дороге. Рассказы.

Петино новое платье. Сказка.

Г. Цермюллен.—Цветы королевского сада. Сказка.

Ваня Горемыка. Рассказанная Полем Кутюрье сказка.

Издательство «Московский Рабочий». Москва.

А. Ломов.—Алексей Иванович Рыков.

Ф. Михалевский.—Начальный курс политической экономии.

В. Либкнехт.—История теории стоимости в Англии и учение Маркса.

В. Куйбышев.—Задачи внутренней торговли и кооперации.

Второй год работы кооп. изд-ва «Московский рабочий».

А.Шульгин.—Рассказ для взрослых.

Издательство «Молодая Гвардия». Москва.

Вечер Коминтерна в клубе.

Материалы по вопросам труда и обучение рабочей молодежи. Сб. 2-й.

М. Светлов.—Стихи.

М. Колосов.—Тринадцать.

В. Винниченко.—Федька-Оборвыш.

П. Лилейкин. Школа—завод.

Г. Шубин. Молодняк.

Г. Шубин. Разведка.

А. Волжский.—Дурман.

Германия в огне. Под ред. Б. Мениса.

М. Кольцов.—Идеи и выстрелы.

Л. Василевский.—Гигиена пропагандиста.

Комсомольский политкружок. Под ред. Б. Таля.

Обществоведение в рабочей школе. Со вступит. статьей Н. Крупской

Наши старшие братья-комсомольцы. Беседы у костра.

Как мы жили в лагерях. Беседы у костра.

Издательство «Коммунистического университета Я. М. Свердлова». Москва.

А. Кон.—Программа по политической экономии.

М. Лядов.—Доклад большевиков Амстердамскому международному социалистическому конгрессу в 1904 г.

М. Лядов.—Как начала складываться РКП (большевиков). История Российской с.-д. раб. партии.

Л. Крицман.—Три года новой экономической политики пролетариата СССР.

Издательство «Круг». Москва — Ленинград.

Л. Зилов.—Ворона в трубе. Повести.

А. Толстой, Л. Сейфуллина, Е. Замятин, А. Соболь, Б. Пильняк.—

Писатели об искусстве и о себе. Сб. ст. № 1.

А. Воронский.—Искусство и жизнь (сб. статей).

В. Дубовский. — Большевистский дождь. Пьеса в 4-х действиях.

Альманах артели писателей «Круг» III.

Издательство «Книга». Москва — Ленинград.

П. Розенталь.—Романовка (якутский протест).

М. Андреев.—Прошлое русского народа. Кн. 1. Древняя домосковная Русь.

А. Файоль.—Общее и промышленное управление.

Д-р *М. Вигдорчик.*—Теория и практика социального страхования. Вып. II. Страхование на случай болезни в Зап. Европе.

Проф. *Г. Клейн.*—Астрономические вечера.

Н. Суханов.—Мировое хозяйство накануне и после войны 1913 и 1923 гг.

В. *Мирау.*—Новая Турция. Ее экономическое состояние и виды на будущее.

Г. Вернер.—Страна голода. Роман из соц. жизни.

Адриана Пиацци. — Затонувший корабль.

В. Гиршгорн и И. Келлер.—Сорванец Джо. Повесть.

Э. Пименова.—На запретном пути. Путешествие по Тибету Генри Лэндора.

Е. Полонская. Гости. Сказка.

Наталия Сац.—Сказки.

Н. Рожков.—Очерк истории труда в России.

Н. Рожков. — Русская история в сравнительно-историческом освещении. Основы социальной динамики. Т. IX.

В. Адлер.—Статьи, речи и письма. Вып. I Виктор Аллер и Фр. Энгельс.

Издательство Н. Д. Френкель. Москва — Ленинград.

М. Васильевский.—Гигиена труда. Соц. гигиенический очерк.

Я. Васильевский.—Половое воспитание ребенка.

Д-р мед. *И. Якобзон.* — Онанизм и борьба с ним.

Дневник А. В. Богданович.—Три последних самодержца.

Издательство «Новая Москва». Москва.

Н. Бродский и Н. Сидоров.—От символизма до «Октября».

А. Луначарский.—Искусство и революция.

М. Баскин и М. Чудновцев.—Хрестоматия по политграмоте.

Л. Каплан и В. Сыркин.—Клуб в день 1-го мая.

Лена. Ленские события и расстрелы 1912 года.

Рони, Старший.—Борьба за огонь. Доисторический рассказ.

А. Деборин. Книга для чтения по истории философии. Т. I.

Н. Семенов.—Фабрика святых или св. гора Афона.

П. Дорохов.—Сын большевика. Рассказ

Юный пионер (пособие для инструктора).

А. Зигмунд.—Советская физкультура. Цель, средство, методика.

Е. Ярославский.—Ленин. Жизнь и работа.

П. Лопатин.—Чудеса сухопутного транспорта.

Г. Фрезер.—Фригийский культ аттиса и христианство.

В. Адарюков.—Гранер Иван Васильевич Ческий.

Проф. *К. Довз.* — Экономическая география мира.

В. Петряк.—Печать комсомольских ячеек.

Г. Рыбинский.—День леса.

Рабкор и стенная газета.

Очередное извращение марксизма. О теории Энгельса. Сб. статей, под ред. С. Гириниса.

Агитсуд над отсталым сельским хозяйством. Инсценировка А. Кузнецова и П. Лагорева.

А. Новиков-Прибой.—По темному. Рассказ.

Д-р *Иде.* Гимнастика легких.

Н. Бухарин.—О работе среди молодежи.

Л. Троцкий.—О задачах деревенской молодежи и о новом быте.

Издательство «Мосполиграф». Москва.

Г. Л. Зилов.—Май и Октябрина.

В. Вересаев.—В тупике. Роман.

Н. Никандров.—Рынок любви.

Пьер Амп.—Люди.

Времена года в русской поэзии. Сб. стихотворений, под ред. Ангарского.

Издательство «Сабашниковых». Москва.

Леонид Леонов.—Туатамур.

Я. Френкель.—Электрическая теория твердых тел.

Проф. *Н. Менсбир.* — Введение в изучение зоологии и сравнительной анатомии.

В. Алехин.—Что такое растительное сообщество.

А. Захаров.—Эгейский мир в свете новейших исследований.

Пантелеймон Романов.—Русь.

Э. Страсбургер., Ф. Нолль, Г. Шенк, А. Шимпер.—Учебник ботаники. Для высших учебн. заведений. Ч. II. Систематика.

Издательство «Academia». Москва — Ленинград.

Платон. Т. XIV. Законы и послесловие к законам.

В. Жирмунский.—Байрон и Пушкин.

Б. Эйхенбаум. — Сквозь литературу. Вопросы поэтики. Сб. статей.

Ю. Тынянов.—Вопросы поэтики. Проблема стихотворного языка.

Б. Богаевский, И. Глебов, А. Гвоздев, В. Жирмунский. Задачи и методы изучения искусства.

А. Васильев.—История Византии. Латинское владычество на Востоке.

Изд-во «Макиз». Москва.

Ф. Заседателев.—Техника речи. Научные обоснования правильной постановки голоса для чтения речи.

Изд-во т-ва В. В. Думнова насл. бр. Салаевых.

Ю. Соболев.—А. П. Чехов. Литературные экскурсии.

И. Белоусов.—Тарас Григорьевич Шевченко.

Н. Ашукин.— По Грибоедовской Москве. Культурно-исторические экскурсии.

Проф. *А. Некрасов.*—Очерки декоративного искусства древней Руси.

М. Рыбникова.—По вопросам композиции.

Родной язык в школе. Под ред. А. М. Лебедева. Кн. 5-я.

П. Сэндифорд.—Спутник статистика.

Н. Ашукин.—Л. Н. Толстой.

Золотарев, С. — Общедоступн. очерки по истории русской литературы.

А. Некрасов. — Великий Новгород.

М. Рубинштейн. — Эстетическое воспитание детей.

Б. Житков.—Перелеты птиц.

М. Парамонов.—Заметки по новой школе.

Издательство комиссии по улучшению жизни детей при ВЦИК и КООП. Изд ва. «Жизнь и Знание». Москва.

Д-р *П. Сяпугин.*—Народные заблуждения и научная правда об алкоголе.

Демьян Бедный.—А все-таки!

Майзель.—Лесные школы на открытом воздухе.

Лебедев.—Безбожники. Пьеса.

Левченко.—Таежное. Сибирские рассказы.

Низовой.—Тени. Рассказы.

Семенов.—Внизу. Рассказ.

Отто Рунк.—Хирург.

Проф. *Р. Кац.*—Роль педагога в охране зрения учащихся.

С. Ельманова.—Цветы в комнатах.

Водриллар. — Приключения бутылки с вином, рассказанные ею самою.

Д-р *А. Бондарев.*—Руководство к расспросу, объективному исследованию, постановка диагноза, прогноза и назначению лечения у амбулаторных больных.

Вопросы педологии и детской психоневрологии.

Черные пастыри.

Издательство «Современные Проблемы». Н. Столяр. Москва.

Д-р *М. Василевский.*—Гигиена труда подростка.

Д-р *Зигмунд Фрейд.*—Психология сна.

Проф. *Т. Цийен.*—Дети психопаты и общественное попечение о них

Проф. *А. Штрюмпель.*—Нервность и воспитание.

Проф. Д-р *Ревешь.*—Раннее проявление одаренности и ее узнавание.

Н. Лещинский. — Старый кантонист. Повесть.

Соломон Рейнак.—Аполлон.

План работ Сельскосоюза на 1924 г.

С. Маслов.—Современное состояние и политика сельско-хоз. Кооперации в Советск. России.

Издательство «Работник Просвещения». Москва.

П. Сабанеев.—История русской музыки.

Н. Тарабукин.—От мольберта к машине.

М. Маркович.—Первое мая в дошкольных учреждениях.

Изд-во «Русский Книжник». Москва.

Н. Ферстер.—Творческая фантазия

В. Дильтей.—Описательная психология.

С. Кравков.—Внушение.

Издательство «Прибой». Ленинград.

И. Книжник.—Что читать по общественным наукам.

А. Большаков.—Советская деревня за 1917—1924 гг.

Д. Боголепов.—Деньги Советской России.

Я. Захер.—Промышленный переворот в Англии и его последствия.

М. Покровский. Франция до и после войны.

А. Тодорский.—Год с винтовкой и плугом.

С. Канатчиков.—Ленин и крестьянство.

Н. Ленин (В. Ульянов).—Государство и революция.

Н. Ленин (В. Ульянов). Что делать?

Н. Ленин (В. Ульянов). Шаг вперед, два шага назад.

Н. Ленин (В. Ульянов). Империализм как новейший этап капитализма.

Г. Сафаров.—Основы ленинизма.

Издательство «Петроград». Ленинград. — М.

Г. Уэллс.—Краткая история человечества.

П. Клейнборт.—Очерки рабочей журналистики.

М. Баррес.—Сад на берегу Оронта. Роман.

К. Фаррер.—Двойная ошибка.

С. Любошь.—Последние Романовы.

Г. Гессе.—Тропа мудрости. Индусский роман.

Э. Синклер.—400 (Четыреста). Роман.

У. Синклер.—Замужество Сильвии.

А. Блок.—Двенадцать. Скифы.

А. Кугель.— Homo novus. Литературные воспоминания.

В. М. Дорошевич.—Старая театральная Москва.

Е. Тарле.—Кризис Германии (от Версальского мира до наших дней).

Я. Вассерман.—Мой путь как немца и еврея.

В. Дж. Локк.—Демагог и лэди Файр. Роман.

Н. Никитин.—Сейчас на Западе.

Г. Зудерман.—Моя юность.

Л. Поль-Дюбуа.—Ирландская драма (борьба Ирландии за независимость).

Э. Карнеджи.—История моей жизни.

Г. Уэллс.—Колеса фортуны.

Мартин Нексо.—Пролетарские новеллы.

А. Адес и А. Иозиповичи.—Книга о Гохе-дураке. Роман из египетской жизни.

Рабиндранат Тагор.—Залетные птицы.

Поль Верлэн.—Стихи.

А. Шатобриан.—Власть земли. Роман.

Р. Ролан.—Махатма Ганди.

Проф. *Н. Игнатович.*—Борьба крестьян за освобождение.

Проф. *Боголепов, И. Кулишер, Д. Лоевецкий, Е. Нурье, В. Штейн.* Финансы и денежное обращение в современной России. Сб. статей.

Издательство «Колос». Ленинград.

Б. М. Энгельгардт. Александр Николаевич Веселовский.

Т. Райнов.—Александр Афанасьевич Потебня.

Н. Н. Розанов. Н. А. Некрасов.—Жизнь и судьба.

О. Аптекман.—Земля и Воля 70 гг. по личным воспоминаниям.

Издательство «Гржебина». Берлин.

В. Войтинский.—Годы побед и поражений.